Бп 17457
Т. 3

Бп 17457

Школы и самообразованія.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСОБІЕ.

Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ.

(Кирѣевскій. — Айхенвальдъ.)

Томъ III.

(Гр. Л. Н. Толстой, Тургеневъ, Островскій, Кольцовъ, Майковъ, Фетъ, Тютчевъ, гр. Ал. Толстой, Чеховъ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Составилъ преподаватель Лазаревскаго Института и торговой школы Биржевого Общества въ Москвѣ

Л. О. ВЕЙНБЕРГЪ.

Библиотека

Научная библиотека СПбГУ
1002157251

6II 17457 т. 3

ДЛЯ ШКОЛЫ и САМООБРАЗОВАНІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСОБІЕ.

СБОРНИКЪ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАТЕЙ РУССКОЙ КРИТИКИ ЗА 100 ЛѢТЪ.

(Кирѣевскій. ∘ ∘ ∘ ∘ Айхенвальдъ.)

26317

ПРОВЕРКА 2007

Томъ III.

(Гр. Л. Н. Толстой, Тургеневъ, Островскій, Кольцовъ, Майковъ, Фетъ, Тютчевъ, гр. Ал. Толстой, Чеховъ.)

Составилъ преподаватель Лазаревскаго Института и торговой школы Биржевого Общества въ Москвѣ

Л. О. ВЕЙНБЕРГЪ.

БИБЛІОТЕКА

Ген. Гос. Ун-т Научная библиотека им. Горького

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1913.

Науч

Оглавленіе III тома.

	Стр.
Писаревъ. Первыя повѣсти гр. Л. Н. Толстого	1
«Три смерти»	5
Страховъ. «Война и миръ» гр. Л. Н. Толстого.	—
Громека. Анна Каренина	49
Каренинъ	58
Левинъ	64
Долли Облонская	73
Марья Николаевна	78
Вронскій	81
Мережковскій. Толстой, какъ художникъ	83
Овсянико-Куликовскій. Плат. Каратаевъ	93
Кн. Андр. Болконскій	101
Пьеръ Безухій	108
Душевная драма Левина	124
Вронскій	126
Дружининъ. «Дневникъ лишняго человѣка»	129
«Рудинъ»	135
Ап. Григорьевъ. Дѣятельность Тургенева	139
По поводу «Дворянскаго гнѣзда»	145
Писаревъ. Тургеневъ и Писемскій	158
Женскіе типы	169
Ася	173
Наталья	181
Вѣра и Лиза	185
Елена	191
«Дворянское гнѣздо»	198
Базаровъ	215
Страховъ. Базаровъ	231
Добролюбовъ. Наканунѣ	235
Овсянико-Куликовскій. Люди 40-хъ годовъ и Рудинъ	261
Соломинъ	275
Базаровъ	277
Лиза Калитина	283
Ап. Григорьевъ. Послѣ «Грозы» Островскаго	303
Дружининъ. Сочиненія Островскаго	306
Добролюбовъ. «Темное царство».	318
«Свои люди».	329

Стр.

«Не въ свои сани» 338
«Бѣдность—не порокъ» 349
«Гроза» 377
Писаревъ. Драма «Гроза» и Катерина 397
Повѣсти Помяловскаго 400
Бѣлинскій Привѣтствіе первыхъ опытовъ Кольцова 409
А. В. Кольцовъ 410
Добролюбовъ. Лирическая поэзія и Кольцовъ 426
Бѣлинскій. А. Н. Майковъ 432
Дружининъ. Стихотворенія Майкова 453
Стихотворенія Фета . . . . . —
Тургеневъ, О стихотвореніяхъ Тютчева 464
Влад. Соловьевъ. Поэзія Тютчева 469
Поэзія гр. Ал. Толстого . . . . . —
Айхенвальдъ. Чеховъ 496
«Вишневый садъ» 505
Тургеневъ. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ 515
«Фаустъ» Гёте 531

„Дѣтство", „Отрочество" и „Юность".

Утро помѣщика и Люцернъ.

Повѣсти «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность» составляютъ три отдѣльныя части воспоминаній Николая Иртеньева. Въ концѣ своего «Отрочества», за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія въ университетъ, Иртеньевъ сближается съ княземъ Нехлюдовымъ, котораго характеръ дорисовывается вполнѣ въ отдѣльныхъ разсказахъ: «Утро помѣщика» и «Люцернъ».

Съ самаго ранняго возраста Иртеньевъ чувствовалъ мучительный разладъ между мечтой и дѣйствительностью. Для десятилѣтняго Коли Иртеньева діалоги и диктовки составляютъ презрѣнную и ненавистную дѣйствительность, а пребываніе на террасѣ вмѣстѣ съ большими— любимую, но неосуществимую мечту.

Во время своего отрочества Иртеньевъ мечтаетъ точь въ точь такимъ же образомъ, какъ онъ мечталъ въ дѣтствѣ. Краски и очертанія мечты измѣняются вмѣстѣ съ окружающей обстановкой, но основной характеръ остается въ полной неприкосновенности: Иртеньевъ забавляется процессомъ мечтанія, сознавая совершенно ясно, что онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага для того, чтобы приблизиться къ своей мечтѣ и захватить ее въ руки. Наконецъ ему, однако, надоѣдаетъ эта пассивность. Его пробуждающійся умъ начинаетъ изобрѣтать разныя средства, которыми можно было бы сблизить міръ мечты съ міромъ вседневной жизни. Этими стремленіями перейти отъ мечтательной праздности къ энергической дѣятельности начинается и характеризуется первая половина юности нашего героя. А вторая половина этой юности обѣщана, но до сихъ поръ еще не написана графомъ Толстымъ. Я очень жалѣю объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, но нисколько не нахожу его удивительнымъ. Первыя три части воспоминаній Иртеньева были такъ смутно поняты критикой и публикой, что авторъ могъ считать продолженіе своего труда несвоевременнымъ и безполезнымъ. Очень жаль, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ второй части «Юности»; но за неимѣніемъ ея мы и въ первой

части найдемъ огромный запасъ психологическаго матеріала, о которомъ придется потолковать довольно подробно.

Сближеніе съ Нехлюдовымъ составляетъ для Иртеньева ту эпоху, съ которой онъ самъ считаетъ начало своей юности. Сближеніе это начинается неопредѣленно-страстными разсужденіями о жизни, о добродѣтели и объ обязанностяхъ человѣка,—тѣми милыми бреднями, къ которымъ всѣ очень молодые люди питаютъ непреодолимое влеченіе и изъ которыхъ никогда не выходитъ ничего, кромѣ горячихъ и очень непрочныхъ привязанностей. Послѣ многихъ продолжительныхъ бесѣдъ о высокихъ матеріяхъ,—бесѣдъ, которыя, къ счастью, только подразумѣваются, а не выписываются въ полномъ своемъ объемѣ въ повѣсти гр. Толстого, послѣ многихъ гуляній Нехлюдовъ и Иртеньевъ заключаютъ между собой контрактъ, которымъ они обязываются помогать другъ другу въ процессѣ постояннаго нравственнаго совершенствованія.

«Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas, — говоритъ Нехлюдовъ; — *сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ: дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ контролировать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *никогда ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другѣ. Сдѣлаемъ это. И мы, дѣйствительно, *сдѣлали это*,—прибавляетъ Иртеньевъ. Трудно было придумать что-нибудь нелѣпѣе и вреднѣе этого взаимнаго обязательства. Начать съ того, что оно неисполнимо. «Признаваться во всемъ» — значитъ признаваться въ каждой мысли, которая остановила на себѣ наше вниманіе. И наши юные друзья, дѣйствительно, понимаютъ свой контрактъ въ этомъ смыслѣ; они считаютъ этотъ контрактъ надежнымъ громовымъ отводомъ противъ гадкихъ и подлыхъ мыслей.

«Такія подлыя мысли, — говоритъ Нехлюдовъ, — что ежели бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли бы заходить къ намъ въ голову». Неестественный контрактъ, разумѣется, ежеминутно нарушается. Иртеньевъ почти на каждой страницѣ «Юности» признается въ томъ, что даже во время самаго разгара своей дружбы съ Нехлюдовымъ онъ совершенно невольно то умалчивалъ, то искажалъ въ разговорахъ съ нимъ разные тонкіе оттѣнки своихъ мыслей или побудительныя причины своихъ поступковъ. Иногда дѣло доходитъ до настоящаго актерства. Въ первый день своего студенчества Иртеньевъ затѣваетъ преглупую ссору со своимъ добрымъ знакомымъ Дубковымъ. Ссора эта, начатая изъ-за пустяковъ, кончается также пустяками. «И я тотчасъ же успокоился, — разсказываетъ Иртеньевъ, притворяясь только передъ Дмитріемъ (Нехлюдовымъ), раз-

серженнымъ настолько, насколько это было необходимо, чтобы мгновенное успокоеніе не показалось страннымъ». Это наивное признаніе, повидимому даже незамѣченное самимъ Иртеньевымъ, доказываетъ лучше всякихъ аргументовъ, что полная откровенность совершенно невозможна. Каждый долженъ быть самъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и другого полнаго хозяина тутъ не можетъ и не должно быть. Но, заключивши свой контрактъ совершенно добровольно и считая его дѣйствительно очень полезнымъ, наши молодые люди все-таки стараются соблюдать его по возможности добросовѣстно и постоянно осыпаютъ другъ друга интимными признаніями.

Настоящимъ спеціалистомъ по части нравственной гимнастики оказывается князь Нехлюдовъ, а Иртеньевъ является только его подражателемъ. У Нехлюдова заведены какія-то расписанія пороковъ и прегрѣшеній. По университету онъ былъ курсомъ старше Иртеньева, но по взглядамъ на науку они оба были школьниками. Они оба, особенно Нехлюдовъ, не возбуждаютъ въ постороннемъ наблюдателѣ никакого другого чувства, кромѣ глубочайшаго и совершенно безнадежнаго сожалѣнія о погибающихъ человѣческихъ способностяхъ. Въ ихъ жизни наука не играетъ никакой роли. Объ умѣ они рѣшительно не заботятся. Имъ нужна только добродѣтель. И въ это же время они насквозь проникнуты пошлостями своего общества и со всѣхъ сторонъ опутаны разными свѣтскими связями и предразсудками. Главная бѣда ихъ заключается въ безнадежности ихъ умственнаго положенія. Въ головахъ ихъ царствуетъ глубочайшее непочатое невѣжество. Нравственная гимнастика наложила на Иртеньева свою проклятую печать; отъ привычки постоянно копаться въ своихъ душевныхъ ощущеніяхъ у него выработалась чудовищная мнительность и подозрительность, ежеминутно отравляющія ему всѣ его сношенія съ другими людьми. Въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ угадываетъ какую-нибудь особенную, затаенную и обыкновенно пакостную и оскорбительную мысль своего собесѣдника. Заглядывать въ душу другихъ людей — такое же пустое и непріятное занятіе, какъ выносить другимъ людямъ на показъ свои собственныя душевныя тайны. А главное дѣло, какъ у васъ достаетъ времени и охоты возиться съ этой психологической дрянью? Но несмотря на губительную страсть Иртеньева къ ясновидѣнію, Нехлюдовъ все-таки гораздо безнадежнѣе своего друга. Онъ при своемъ крутомъ невѣжествѣ серьезенъ и настойчивъ. У него есть принципы, которые онъ почерпнулъ чортъ знаетъ изъ какой лужи, но за которые онъ держится очень крѣпко.

Исторія объ избіеніи Васьки бросаетъ яркій свѣтъ на спеціальныя достоинства нравственной гимнастики. Нехлюдовъ, какъ-то не въ духѣ и разобиженный зубной болью, ударилъ Ваську по головѣ и,

конечно, занесъ въ свою тетрадь новый свой грѣхъ. Значитъ, ежедневныя разслѣдованія своего поведенія не даютъ человѣку ничего, кромѣ педантическаго высокомѣрія и фарисейской нетерпимости. Межъ тѣмъ Иртеньевъ, свидѣтель этой сцены, начинаетъ соболѣзновать не о томъ, кого избили, а о томъ, кто билъ. Онъ совершенно откровенно признается, что еще сильнѣе прежняго любилъ Дмитрія, увидѣвъ на его лицѣ выраженіе стыда и кротости. Послѣ исторіи о Васькѣ, когда надо было дѣйствительно сказать другу очень жесткое слово или не говорить совсѣмъ ничего, Иртеньевъ мямлитъ, миндальничаетъ и говоритъ безцвѣтныя пошлости; а потомъ, черезъ годъ, когда дружба утратила прелесть новизны, тотъ же кроткій Иртеньевъ въ минуту чисто личнаго и совершенно безпричиннаго раздраженія высказываетъ Нехлюдову самыя рѣзкія и оскорбительныя истины. Подумалъ ли онъ на минуту о томъ, какъ бы утѣшить избитаго ребенка? Онъ и не помышляетъ о томъ, чтобы лаской, добрымъ словомъ и добрымъ дѣломъ уменьшить то впечатлѣніе боли, которое онъ нанесъ живому существу. Бездушный фарисей остается вѣренъ себѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Да и совсѣмъ-то совершенно по-фарисейски засыпаетъ очень быстро во время очень пріятнаго разговора. И эти-то маленькія и жалкія созданьица берутся тоже разсуждать о высшихъ вопросахъ жизни, нравственности и общаго міросозерцанія.

Доживши до девятнадцати лѣтъ и дойдя до третьяго курса, князь Нехлюдовъ убѣждается въ томъ, что онъ достаточно образованъ и что ему давно пора приниматься за практическую дѣятельность. Онъ хочетъ поднять благосостояніе своихъ крестьянъ и навсегда поселяется въ деревнѣ. Очеркъ его сельско-хозяйственной дѣятельности представленъ въ отдѣльной повѣсти «Утро помѣщика». Нехлюдовъ занимается своимъ дѣломъ безкорыстно, добросовѣстно и очень усердно; онъ старается посредствомъ увѣщаній внушать крестьянамъ любовь къ труду или искоренить пороки. Странная и печальная исторія! Умъ, молодость, энергія, стойкость, человѣколюбіе, — все, что дѣлаетъ человѣка сильнымъ, полезнымъ, все это есть у Нехлюдова, все это проявляется въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, и все это приводитъ за собой только неудачи и разочарованіе и, въ концѣ-концовъ, безотрадное сознаніе, что «имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле». Причина этой нескладицы заключается въ томъ, что Нехлюдовъ—ни рыба, ни мясо, и что онъ, вслѣдствіе этой двусмысленности и неопредѣленности своего положенія и своего развитія, самымъ добросовѣстнымъ образомъ старается влить вино новое въ мѣха старые. Задача неисполнимая: новая гуманность пропадаетъ безъ пользы и даже приноситъ вредъ, когда приходитъ въ соприкосновеніе со старыми формами крѣпостного быта.

Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ нашего героя князя Нехлюдова въ небольшомъ разсказѣ «Люцернъ». Князь Нехлюдовъ путешествовалъ по Швейцаріи и остановился въ лучшей люцернской гостиницѣ, подъ окномъ которой онъ увидѣлъ разъ какъ-то поющаго пѣвца: его слушаетъ вся блестящая публика, но ни одинъ не далъ ему ни копейки, когда онъ по окончаніи пѣсни снялъ шляпу. Нехлюдова охватило негодованіе, почему странствующему пѣвцу никто не подалъ. Онъ догоняетъ пѣвца и приглашаетъ его выпить вмѣстѣ съ нимъ бутылку вина; онъ устраиваетъ демонстрацію въ пользу и назиданіе жестокосердымъ и скупымъ обитателямъ. Они входятъ въ залу, и Нехлюдовъ, «стараясь принять самый гордый и величественный видъ», требуетъ «шампанскаго и самаго лучшаго». Соотечественникъ нашъ чувствуетъ себя смущеннымъ подъ огнемъ лакейскихъ глазъ, но утѣшаетъ себя той мыслью, что путь добродѣтели всегда усѣянъ колючими терніями. Князь на лакеяхъ вымещаетъ свое негодованіе. Еще никогда типъ неисправимаго франта или безтолковаго идеалиста не являлся передъ вами въ болѣе смѣшномъ и печальномъ положеніи. Нехлюдовъ вступился было за бѣднаго пѣвца, но, показывая его залѣ съ фешенебельной публикой, онъ еще болѣе унижаетъ пѣвца, избравъ его орудіемъ наказанія черствыхъ англичанъ. И Нехлюдовъ самъ сознается, что бѣдный пѣвецъ сидѣлъ въ залѣ ни живъ, ни мертвъ.

Глупить и размышлять надъ сдѣланными глупостями и размышлять и опять потомъ глупить — вотъ все внутреннее содержаніе въ жизни людей, подобныхъ Нехлюдову. Причина этого заключается въ томъ, что онъ не воспиталъ самого себя въ строгой школѣ положительной науки и полезнаго труда.

Три смерти.

Читательницы наши, безъ сомнѣнія, знакомы со многими изъ произведеній замѣчательнаго писателя графа Толстого, о которомъ мы до сихъ поръ не имѣли случая говорить съ ними. Онѣ прочли, вѣроятно, его «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность», «Утро помѣщика», «Изъ записокъ князя Нехлюдова: Люцернъ», «Метель», «Севастопольскія воспоминанія». Прочтя эти произведенія, легко составить себѣ понятіе о направленіи таланта автора, объ его характеристическихъ, индивидуальныхъ особенностяхъ и о тѣхъ предметахъ, на которые онъ, въ процессѣ своего творчества, обращаетъ преимущественное вниманіе. Толстой — глубокій психологъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, ежели только припомнить выдающіяся черты его произведеній, — тѣ черты, которыя, даже при самомъ поверхностномъ чтеніи, поражаютъ читателя, приковываютъ къ себѣ его вниманіе и оставляютъ въ

умѣ его неизгладимое впечатлѣніе. Картины природы, дышащія жизнью и отличающіяся свѣжей опредѣленностью, отчетливая обработка характеровъ, выхваченныхъ прямо изъ дѣйствительности, смѣлость общаго плана и жизненное значеніе идеи, положенной въ основаніе художественнаго произведенія,—все это общія свойства, составляющія принадлежность всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей и отражающіяся во всѣхъ наиболѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ нашей словесности. Кромѣ этихъ общихъ свойствъ, у Толстого есть своя личная, характеристическая особенность. Никто далѣе его не простираетъ анализа, никто такъ глубоко не заглядываетъ въ душу человѣка, никто съ такимъ упорнымъ вниманіемъ, съ такой неумолимой послѣдовательностью не разбираетъ самыхъ сокровенныхъ побужденій, самыхъ мимолетныхъ и, повидимому, случайныхъ движеній души. Какъ развивается и постепенно формируется въ умѣ человѣка мысль, черезъ какія видоизмѣненія она проходитъ, какъ накипаетъ въ груди чувство, какъ играетъ воображеніе, увлекающее человѣка изъ міра дѣйствительности въ міръ фантазіи, какъ, въ самомъ разгарѣ мечтаній, грубо и матеріально напоминаетъ о себѣ дѣйствительность, и какое первое впечатлѣніе производитъ на человѣка это грубое столкновеніе между двумя разнородными мірами, — вотъ мотивы, которые съ особенной любовью и съ блестящимъ успѣхомъ разрабатываетъ Толстой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, напримѣръ, описаніе сна и пробужденія въ «Метели», главу изъ «Отрочества», въ которой изображено состояніе Николиньки, ожидавшаго появленія St. Jérom'a и наказанія, мѣсто изъ «Юности», въ которомъ Иртеньевъ ждетъ духовника въ его кельѣ; не знаемъ, нужно ли даже указывать на отдѣльныя мѣста: какую бы сцену мы ни припомнили, вездѣ мы встрѣтимъ или тонкій анализъ взаимныхъ отношеній между дѣйствующими лицами, или отвлеченный психологическій трактатъ, сохраняющій въ своей отвлеченности свѣжую, полную жизненность, или, наконецъ, прослѣживаніе самыхъ таинственныхъ, неясныхъ движеній души, недостигшихъ сознанія, не вполнѣ понятныхъ даже для того человѣка, который самъ ихъ испытываетъ, и между тѣмъ получающихъ свое выраженіе въ словѣ и нелишающихся при этомъ своей таинственности. Это направленіе таланта Толстого имѣло вліяніе на выборъ сюжета того разсказа, о которомъ мы теперь будемъ говорить съ нашими читательницами. Авторъ положилъ себѣ задачей изобразить чувства умирающаго и его отношенія къ тѣмъ предметамъ, среди которыхъ онъ жилъ, и которые, переживая его, представляютъ своимъ спокойнымъ равнодушіемъ разительную противоположность съ нравственнымъ томленіемъ, происходящимъ въ его душѣ. Разсказъ Толстого состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ эскизовъ, свя-

занныхъ между собою только характеромъ содержанія; общей нити разсказа нѣтъ. Авторъ изобразилъ только три момента, три смерти, происшедшія при различныхъ условіяхъ, при различной обстановкѣ и, обрисовавъ самыми яркими красками это различіе, выставилъ во всѣхъ трехъ тѣ общія явленія, которыя сопровождаютъ собою разрушеніе всякаго организма. Мы разсмотримъ оба первые представленные авторомъ момента, сближая между собою общія черты и указывая нашимъ читательницамъ на постоянное противоположеніе между свѣжей, кипучей, дѣятельной и беззаботной жизнью, съ одной стороны, и медленнымъ, безнадежнымъ увяданіемъ, съ другой; что касается до третьяго момента, то онъ представляетъ собою смѣлую, граціозную фантазію художника, — фантазію, которая, какъ музыкальный аккордъ, заканчиваетъ собою поэтическое произведеніе, оставляя въ душѣ читателя какую-то тихую, грустную задумчивость. Мы коснемся содержанія, сюжета разсказа, чтобы быть въ состояніи обратить вниманіе нашихъ читательницъ на подробности, чтобы указать имъ въ этихъ подробностяхъ художественныя красоты. Повредить интересу разсказа мы не боимся, потому что думаемъ, какъ уже замѣчали не разъ, что достоинства изящнаго произведенія заключаются не во внѣшнемъ планѣ, не въ нити сюжета, а въ способѣ его обработки, въ группированіи подмѣченныхъ частностей, которыя даютъ цѣлому жизнь и опредѣленную физіономію. Кто сталъ бы въ повѣстяхъ и разсказахъ Толстого искать романической завязки, интереса событій, тотъ, во-первыхъ, обманулся бы въ своихъ ожиданіяхъ, а, во-вторыхъ, слѣдя только за нитью дѣйствія, упустилъ бы изъ вида то, что составляетъ главную прелесть, самое прочное достоинство этихъ разсказовъ, упустилъ бы изъ вида глубину и тонкость психологическаго анализа. Читая Толстого, необходимо вглядываться въ частности, останавливаться на отдѣльныхъ подробностяхъ, повѣрять эти подробности собственными, пережитыми чувствами и впечатлѣніями, необходимо вдумываться, и только тогда чтеніе это можетъ обогатить запасъ мыслей, сообщить читателю знаніе человѣческой природы и доставитъ ему такимъ образомъ полное, плодотворное, эстетическое наслажденіе.

Первый эскизъ романа, о которомъ мы говоримъ, заключаетъ въ себѣ описаніе послѣднихъ дней въ жизни больной барыни, умирающей отъ чахотки. Больная эта принадлежитъ, ежели не къ высшему, то, по крайней мѣрѣ, къ среднему, богатому классу общества; она окружена всѣми удобствами, которыя только могутъ доставить денежныя средства; она ѣдетъ за границу въ спокойной каретѣ, съ мужемъ, глубоко преданнымъ ей, и съ докторомъ, тщательно наблюдающимъ за малѣйшимъ измѣненіемъ ея здоровья, и между тѣмъ, при

всемъ этомъ комфортѣ, при всей угодливости, съ которою всѣ окружающіе предупреждаютъ ея малѣйшія желанія, болѣзнь развивается не по часамъ, а по минутамъ, организмъ слабѣетъ, и больная сама, напрасно стараясь поддержать какую-нибудь надежду на выздоровленіе, замѣчаетъ въ себѣ всѣ признаки полнаго упадка силъ и начинающагося разложенія. Это внѣшнія условія, обстановка той страшной драмы, которая разыгрывается въ душѣ больной и которую во всѣхъ подробностяхъ развилъ Толстой. Больная не хочетъ умирать: она еще молода и имѣетъ право требовать отъ жизни многихъ наслажденій, многихъ радостей, которыхъ она едва коснулась. Она съ сверхъестественнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ души хватается за малѣйшій проблескъ надежды, за малѣйшій остатокъ жизни, дотлѣвающій въ ея истомленной, наболѣвшей груди; но силы измѣняютъ, энергія падаетъ, грозный образъ смерти съ ужасающей ясностью носится передъ разстроеннымъ воображеніемъ больной, преслѣдуетъ ее съ неотвязчивымъ постоянствомъ; надежда замираетъ въ сердцѣ; въ умѣ уже нѣтъ доводовъ, которыми можно было бы отогнать страшную мысль; остается только покориться ей, убѣдиться очевидностью и перейти изъ томительной борьбы, изъ колебанія между страхомъ и надеждою въ спокойное ожиданіе неотразимаго удара. Такую дорогу обыкновенно выбираютъ люди съ сильнымъ характеромъ,—люди, способные взглянуть въ лицо дѣйствительности, какъ бы ни была она мрачна. Такіе люди желаютъ знать истину и отгоняютъ мечты и неопредѣленныя надежды; но не таковъ характеръ, изображенный Толстымъ. Его больная съ самаго начала разсказа не вѣритъ своему выздоровленію, ее раздражаетъ всякое проявленіе здоровой жизни; она завидуетъ такимъ проявленіямъ и видитъ въ нихъ почти умышленный намекъ на свое собственное безотрадное положеніе; она чувствуетъ, что смерть близка, и между тѣмъ не хочетъ обратить это смутное чувство въ спокойное сознаніе, боится самаго слова: «умереть», умышленно закрываетъ себѣ глаза на свое положеніе, потому что проникнута чувствомъ отчаянной безнадежности. Больная Толстого похожа на человѣка, чувствующаго сильную робость и между тѣмъ боящагося не только дать волю этому чувству, но даже сознаться передъ самимъ собою въ его существованіи. Чтобы заглушить свою робость, этотъ человѣкъ обыкновенно начинаетъ храбриться, громко говорить, пѣть, стараясь такимъ образомъ привить къ себѣ извнѣ бодрость духа, которую онъ напрасно ищетъ въ собственномъ сознаніи. Больная чувствуетъ, что ей не выздоровѣть; но чѣмъ сильнѣе въ ней это чувство, тѣмъ громче говоритъ она себѣ, что ея болѣзнь — вздоръ, что ее воскресятъ теплый воздухъ, пріятное путешествіе и спокойный образъ жизни. Не вѣря собственнымъ словамъ, не имѣя въ запасѣ доводовъ противъ очевид-

ности, она требуетъ такихъ доводовъ и отъ другихъ, сердится, страдаетъ и томится, когда вмѣсто желанныхъ доводовъ слышитъ изъявленія соболѣзнованія; это соболѣзнованіе пугаетъ ее, потому что напоминаетъ о томъ, что̀ постоянно глухо твердитъ ей собственное чувство. Мучительная нравственная борьба больной заставляетъ ее изнемогать и разрѣшается безсильными вспышками отчаянія и горести. Приводимъ небольшую сцену, замѣчательную по силѣ выраженія, по глубинѣ и вѣрности психическаго анализа; въ этой сценѣ читательницы наши могутъ прослѣдить развитіе цѣлаго ряда чувствъ и мыслей: здѣсь, во-первыхъ, противополагается жизнь и разрушеніе жизни; здѣсь представлены враждебныя отношенія умирающей ко всему здоровому и живому, ко всему, что̀ даетъ ей поводъ дѣлать неутѣшительныя сравненія съ собственнымъ положеніемъ; здѣсь, наконецъ, видна ея попытка ободрить себя надеждою: попытка эта не нашла себѣ поддержки въ окружающихъ и разбила временно возникшую въ больной энергію:

— Что, какъ ты, мой другъ? — сказалъ мужъ, подходя къ каретѣ и прожевывая кусокъ.

«Все одинъ и тотъ же вопросъ,—подумала больная, — а самъ ѣстъ»!—Ничего,— пропустила она сквозь зубы.

— Знаешь ли, мой другъ, я боюсь, тебѣ хуже будетъ отъ дороги въ эту погоду, и Эдуардъ Иванычъ то же говоритъ. Не вернуться ли намъ?

Она сердито молчала.

— Погода поправится, можетъ-быть, путь установится, и тебѣ бы лучше стало; мы бы и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Извини меня. Ежели бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь въ Берлинѣ и была бы совсѣмъ здорова.

— Что жъ дѣлать, мой ангелъ, невозможно было, ты знаешь. А теперь, ежели бы ты осталась на мѣсяцъ, ты бы славно поправилась, я бы кончилъ дѣла, и дѣтей бы мы взяли...

— Дѣти здоровы, а я нѣтъ.

— Да вѣдь пойми, мой другъ, что съ этой погодой, ежели тебѣ сдѣлается хуже дорогой... тогда, по крайней мѣрѣ, дома.

— Что жъ, что дома?.. Умереть дома?—вспыльчиво отвѣчала больная. Но слово *умереть* видимо испугало ее, она умоляюще и вопросительно посмотрѣла на мужа. Онъ опустилъ глаза и молчалъ. Ротъ больной вдругъ дѣтски изогнулся, и слезы полились изъ ея глазъ. Мужъ закрылъ лицо платкомъ и молча отошелъ отъ кареты.

— Нѣтъ, я поѣду,—сказала больная, подняла глаза къ небу, сложила руки и стала шептать несвязныя слова.—Боже мой! за что же?—говорила она, и слезы лились сильнѣе. Она долго и горячо молилась: но въ груди такъ же было больно и тѣсно, въ небѣ, въ поляхъ и по дорогѣ было такъ же сѣро и пасмурно, и та же осенняя мгла, ни чаще, ни рѣже, а все такъ же сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиковъ, которые, переговариваясь сильными, веселыми голосами, мазали и закладывали карету...

Обратимъ вниманіе читательницъ на картину русской природы и русской жизни, набросанную художникомъ въ послѣднихъ словахъ

приведеннаго нами отрывка. Эта картина возникла отъ одного взмаха пера, въ ней нѣтъ отчетливости описанія, нѣтъ отдѣльныхъ подробностей, но есть удивительная яркость цѣлаго, есть изобразительность и сила, которая придаетъ этому бѣглому очерку особенное художественное значеніе. Впечатлѣніе, производимое этимъ очеркомъ, особенно сильно по тому отношенію, въ которомъ онъ находится къ главному дѣйствію, совершающемуся среди этой обстановки. Печальная физіономія сѣраго осенняго дня гармонируетъ съ безнадежнымъ положеніемъ больной, а живая, обыденная дѣятельность, происходящая на станціонномъ дворѣ, служитъ поразительнымъ контрастомъ напряженному, торжественно унылому настроенію ея души. Читатель угадываетъ по этому расположенію подробностей, что больная, представленная графомъ Толстымъ, испытываетъ на себѣ всѣ впечатлѣнія, какія только можно вынести изъ созерцанія изображенной авторомъ картины, разстилавшейся передъ окнами ея кареты. Въ природѣ ищетъ она себѣ подкрѣпленія; но въ природѣ все пасмурно, все напоминаетъ о поблекшихъ надеждахъ и о предстоящемъ прощаніи съ жизнью. Къ людямъ обращается она, надѣясь найти въ нихъ сочувствіе; но люди вокругъ нея заняты своимъ дѣломъ, имъ некогда, и ихъ здоровыя лица, ихъ шумная, хлопотливая дѣятельность поражаютъ больную своимъ равнодушіемъ, надрываютъ ей сердце полнотой жизни и избыткомъ веселости. Послѣднія минуты больной изображены съ той же силой анализа, которая ни на минуту не оставляетъ Толстого, какъ бы ни были таинственны и, повидимому, недоступны для наблюденія выбранные имъ моменты внутренней жизни человѣка. Изображая эти послѣднія минуты, авторъ представилъ со стороны больной тѣ же чувства, ту же борьбу между любовью къ жизни и ожиданіемъ смерти,—борьбу, которую мы уже видѣли въ приведенномъ нами отрывкѣ. Здѣсь эти чувства и эта борьба носятъ на себѣ особый оттѣнокъ — передъ смертью наступаетъ минута величественнаго спокойствія; не замирая вполнѣ, земные помыслы затихаютъ въ душѣ человѣка; больная приближается къ состоянію полной безнадежности, — къ состоянію, похожему на полное спокойствіе: она приближается къ нему, но еще не достигла его; изрѣдка проблескиваетъ лучъ какой-то надежды, неопредѣленной, несбыточной, но дорогой сердцу, — надежды, къ которой по временамъ, находя свою прежнюю энергію, устремляются всѣ силы ея души. За минутами тревоги, возбужденной этими прощальными проблесками надежды, наступаетъ грустная, покорная тишина, которая опять нарушается какимъ-нибудь страстно болѣзненнымъ, раздражительнымъ порывомъ къ жизни, и все тише и тише волнуется въ больной груди чувство, рѣже и тоскливѣе становятся его послѣднія движенія, неопредѣленнѣе и несбыточнѣе

дѣлаются тѣ формы, въ которыхъ показывается надежда. Наконецъ исчезаетъ послѣдній призракъ надежды, и остается только тихое, полное невыразимой тоски, желаніе жить, во что бы то ни стало. Больная понимаетъ, что желаніе это неисполнимо, а между тѣмъ оно живетъ въ ней до послѣдней минуты и подъ конецъ выражается только непреодолимымъ страхомъ передъ приближающейся смертью. Вотъ цѣлый міръ чувствъ, почти непонятныхъ для человѣка въ спокойномъ состояніи, — міръ чувствъ, въ который вводитъ насъ графъ Толстой, представляя сцену между умирающей больной и ея родственниками, вошедшими въ ея комнату послѣ того, какъ она причастилась святыхъ Тайнъ.

Кузина и мужъ вошли. Больная тихо плакала, глядя на образъ.

— Поздравляю тебя, мой другъ, — сказалъ мужъ.

— Благодарствуй! Какъ мнѣ теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю,—говорила больная, и легкая улыбка играла на ея тонкихъ губахъ. — Какъ Богъ милостивъ! Неправда ли, Онъ милостивъ и всемогущъ?—И она снова съ жадной мольбой смотрѣла полными слезъ глазами на образъ.

Потомъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилось ей. Она знаками подозвала къ себѣ мужа.

— Ты никогда не хочешь сдѣлать, что я прошу,—сказала она слабымъ и недовольнымъ голосомъ.

Мужъ, вытянувъ шею, покорно слушалъ ее.

— Что, мой другъ?

— Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ, есть простыя лѣкарки, онѣ вылѣчиваютъ... Вотъ батюшка говорилъ... мѣщанинъ... Пошли.

— За кѣмъ, мой другъ?

— Боже мой! ничего не хочетъ понимать...—И больная сморщилась и закрыла глаза.

Докторъ, подойдя къ ней, взялъ ее за руку. Пульсъ замѣтно бился слабѣе и слабѣе. Онъ мигнулъ мужу. Больная замѣтила этотъ жестъ и испуганно оглянулась. Кузина отвернулась и заплакала.

— Не плачь, не мучь себя и меня,—говорила больная:—это отнимаетъ у меня послѣднее спокойствіе.

— Ты — ангелъ! — сказала кузина, цѣлуя ея руку.

— Нѣтъ, сюда поцѣлуй, только мертвыхъ цѣлуютъ въ руку. Боже мой! Боже мой!

Переходимъ ко второму эскизу разсказа. Главное дѣйствующее лицо этого эскиза взято авторомъ изъ низшаго класса и поставлено въ такую обстановку, которой бѣдность и несложность составляютъ прекрасно выдержанный контрастъ съ изящной обстановкой больной барыни. Бѣдный ямщикъ, человѣкъ, не имѣющій ни роду, ни племени, умираетъ на чужой сторонѣ, въ душной кухнѣ, на печи, среди громкихъ разговоровъ и обычныхъ хлопотъ своихъ товарищей-ямщиковъ, почти забывшихъ о существованіи больного и вспоминающихъ о немъ только тогда, когда онъ самъ напомнитъ о себѣ судорожнымъ кашлемъ или стонами. Различіе обстановки производитъ различіе въ образѣ

дѣйствій обоихъ больныхъ: барыня, окруженная попеченіями и предупредительными услугами близкихъ ей людей, стремится высказаться и ищетъ облегченія въ ихъ словахъ, въ выраженіи ихъ физіономіи; она взыскательна въ своихъ требованіяхъ, и не всякое выраженіе участія способно удовлетворить и успокоить ее. Ямщикъ, напротивъ того, молча страдаетъ, молча переноситъ ворчаніе кухарки, недовольной тѣмъ, что онъ занялъ ея уголъ, молча смотритъ на занятія своихъ товарищей и слушаетъ ихъ толки, въ которыхъ рѣдко проглядываетъ участіе къ его страданіямъ. Поставленный въ такое положеніе, больной не боится смерти или, по крайней мѣрѣ, не выражаетъ своей боязни. Къ его тѣлеснымъ страданіямъ почти не примѣшивается то нравственное томленіе, которое такъ глубоко понялъ и такъ мастерски изобразилъ авторъ въ первомъ эскизѣ. Это нравственное томленіе существуетъ въ немъ, правда, потому что оно неизбѣжно сопровождаетъ собою приближеніе смерти и даже обусловливается, быть-можетъ, особеннымъ, болѣзненнымъ настроеніемъ нервовъ и всего организма; итакъ, томленіе существуетъ, но не прорывается наружу. Больной боится безпокоить здоровыхъ и сдѣлаться имъ въ тягость; онъ считаетъ себя какъ бы виноватымъ передъ ними, виноватымъ въ своемъ безпомощномъ положеніи, виноватымъ тѣмъ, что загромоздилъ собою уголъ и стѣснилъ товарищей. Поэтому въ обращеніи больного проглядываютъ трогательная мягкость, ласковость, вмѣсто которой мы въ первомъ эскизѣ видѣли требовательность и безпокойную, хотя и извинительную раздражительность. Стóитъ сравнить самыя простыя слова больной барыни и больного ямщика, и изъ одного этого сравненія разомъ откроется передъ читателемъ различіе какъ ихъ общественнаго положенія, такъ и внутренняго настроенія каждаго изъ нихъ. Контрастъ между разрушеніемъ и живой, сильной жизнью, представленный такъ рельефно въ первомъ эскизѣ, нашелъ себѣ мѣсто и во второмъ и выразился въ формахъ, еще болѣе опредѣленныхъ, почти рѣзкихъ, потому что формы эти обусловливаются тѣмъ бытомъ, въ которомъ происходитъ все дѣйствіе. Въ первомъ эскизѣ здоровые изъявляютъ свое участіе, соболѣзнуютъ и только не измѣняютъ естественныхъ условій своего существованія и своей дѣятельности, и это уже кажется больной оскорбительнымъ равнодушіемъ, насмѣшкой надъ ея положеніемъ. Здѣсь, напротивъ того, здоровые ворчатъ на больного, тяготятся его присутствіемъ, стараются извлечь изъ него какія-нибудь выгоды, основываютъ на его болѣзни и смерти разные меркантильные расчеты, о которыхъ съ самымъ наивнымъ видомъ говорятъ съ самимъ больнымъ, не понимая, да и не желая понимать, что подобные разговоры должны мучительно дѣйствовать на разстроенные нервы и напряженное воображеніе стра-

дальца. И больной молчитъ, терпитъ и проситъ прощенія. Какъ въ первомъ эскизѣ не должно обвинять больную барыню въ томъ, что она несправедливо капризничаетъ и требуетъ невозможнаго, такъ и во второмъ не должно осуждать здоровыхъ въ томъ, что они грубо обходятся съ своимъ товарищемъ: первая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ болѣзни, которая заставляетъ ее забывать все, что̀ не относится къ ея положенію; вторые не настолько развиты, чтобы умѣть поставить себя на мѣсто больного и соразмѣрять каждое свое слово съ его положеніемъ, поэтому обращеніе ихъ неровно: за чисто человѣческими движеніями состраданія слѣдуютъ проявленія несправедливой досады или грубаго эгоизма. Что касается до личности больного ямщика, то это — личность забитая, загнанная своимъ положеніемъ, привыкшая страдать молча и робко переносить упреки за свои же страданія. Такія личности встрѣчаются во всякомъ неразвитомъ обществѣ, въ которомъ уважается не человѣческая личность, а случайные ея атрибуты: физическая сила, богатство, здоровье и т. п. Эти черты неразвитаго общества и забитой личности выразились во второй главѣ разсказа. Не дѣлаемъ здѣсь выписокъ, а отсылаемъ нашихъ читательницъ къ этой главѣ.

Ежели мы сравнимъ между собою пріемы, которые употребляетъ авторъ въ первомъ и во второмъ эскизѣ, то найдемъ, что въ первомъ онъ преимущественно слѣдитъ за внутреннимъ развитіемъ мыслей и чувствъ, а во второмъ почти исключительно обращаетъ свое вниманіе на изображеніе внѣшней обстановки, при которой умираетъ больной, внѣшнихъ условій его быта, внѣшнихъ отношеній его къ окружающимъ товарищамъ. Причину этого объяснить нетрудно. Въ первомъ эскизѣ обстановка ничего не значитъ: она не увеличиваетъ собою страданій больной и не можетъ дать читателю средствъ заглянуть въ ея внутренній міръ, тамъ весь интересъ борьбы сосредоточенъ въ этомъ внутреннемъ мірѣ, самая борьба происходитъ отъ чисто внутреннихъ причинъ, и, слѣдовательно, тамъ авторъ не могъ быть простымъ наблюдателемъ, изображающимъ то, что̀ можно видѣть и слышать: ему нужно заглядывать въ душу больной, ловить ея сокровеннѣйшія движенія и подвергать ихъ тонкому, проницательному анализу. Во второмъ случаѣ, напротивъ того, больной подавленъ обстановкой: въ этой обстановкѣ все, начиная отъ душнаго воздуха въ избѣ и кончая неосторожнымъ обращеніемъ ямщиковъ, все заставляетъ страдать больного; борьба его съ неудобствами и лишеніями такъ сильна и такъ очевидна, что она поглощаетъ собою всѣ его силы, не оставляетъ времени для мучительныхъ мыслей, не позволяетъ ему уходить въ свой внутренній міръ и прислушиваться къ безпокойнымъ біеніямъ собственнаго сердца. Мысль лѣниво движется въ уто-

мленной головѣ, безцвѣтны и однообразны ея видоизмѣненія; мучительная боль въ груди, тѣлесное безпокойство, душный воздухъ, которымъ онъ дышитъ, жесткая печь, на которой онъ лежитъ, вотъ что бросается въ глаза въ положеніи больного ямщика, вотъ что дало матеріалъ для эскиза Толстого. Въ этомъ эскизѣ самое отсутствіе психическаго анализа, то-есть то обстоятельство, что авторъ ограничивается однимъ рельефнымъ воспроизведеніемъ внѣшнихъ подробностей, имѣетъ важное значеніе и составляетъ необходимую принадлежность самаго содержанія. Не потому здѣсь нѣтъ анализа, что анализъ слишкомъ труденъ для автора, а потому, что нечего анализировать. Загляните въ душу больного ямщика, выведеннаго Толстымъ, и вы не найдете въ его чувствахъ ни порывистой силы и твердости, ни сложности и разнообразія; васъ поразятъ въ нихъ забитость и безотвѣтная покорность, по временамъ переходящая въ какое-то отупѣніе, — покорность, выработанная длиннымъ рядомъ однообразныхъ трудовъ, привычныхъ обыденныхъ страданій и безцвѣтныхъ, постоянно сѣрыхъ дней жизни. Эта покорность выражается во всемъ существѣ больного ямщика: въ его словахъ и движеніяхъ, во всѣхъ его отношеніяхъ къ окружающей обстановкѣ и къ другимъ людямъ. Достаточно изобразить эти отношенія, описать движенія и передать слова, и передъ читателемъ откроется весь его внутренній міръ съ его бѣдностью и несложностью. Такъ поступилъ Толстой, и это обстоятельство положило своеобразный отпечатокъ на второй эскизъ его разсказа.

Переходимъ къ третьему эскизу чрезвычайно оригинальному по своей художественной концепціи. Третья смерть есть смерть срубленнаго дерева: рука человѣка играетъ здѣсь роль судьбы, и картина природы, замѣчательная по свѣжести красокъ, по осязательности линій и контуровъ, заканчиваетъ собою весь разсказъ. Такъ какъ этотъ третій эпизодъ очень не великъ, то мы позволяемъ себѣ привести его цѣликомъ, чтобы не дробить общаго впечатлѣнія.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ, росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева или шелеста по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ звучалъ глуше и глуше, сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погну-

лось и быстро выпрямилось, испуганно колебаясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло; но снова погнулось дерево, снова послышался трескъ въ его стволѣ и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушкой на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы громоздились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое, сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

Опять тоже потрясающее душу противоположеніе между жизнью и смертью, — противоположеніе, напоминающее по своей идеѣ извѣстные стихи Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Замѣчательно то, что это противоположеніе не рѣжетъ глазъ, а, напротивъ, образуетъ какое-то гармоническое сочетаніе, общую картину, въ которой отдѣльныя черты жизни и смерти дополняютъ и оттѣняютъ другъ друга. Замѣчателенъ, наконецъ, оригинальный взглядъ на природу, выраженный художникомъ въ приведенномъ нами отрывкѣ. Онъ угадываетъ, подслушиваетъ проблески мысли и чувства въ жизни и говоръ лѣса, въ шелестѣ листьевъ, въ веселомъ щебетаніи и чириканіи птичекъ. При этомъ онъ не снимаетъ съ природы покрова ея таинственности, не заходитъ въ область фантастическаго вымысла, не навязываетъ природѣ ничего чисто человѣческаго, несвойственнаго ей, насилующаго законы растительной жизни. Картина срубленнаго дерева, медленно склоняющагося макушкой на сырую землю, представлена во всей своей простотѣ, безъ всякихъ фіоритуръ, и между тѣмъ въ этомъ простомъ изображеніи простого, обыденнаго явленія художникъ умѣлъ уловить идею общей жизни природы, медленно и неохотно уступающей напору посторонняго, враждебнаго вліянія. Онъ прослѣдилъ борьбу между жизнью и смертью сначала на разныхъ степеняхъ общественнаго развитія, а потомъ — въ двухъ различныхъ царствахъ природы. Чѣмъ ниже спускался онъ, тѣмъ глуше былъ протестъ жизни, тѣмъ молчаливѣе совершалась борьба, такъ что, наконецъ, въ послѣднемъ эскизѣ наблюдатель сомнѣвается даже въ существованіи подобной борьбы и не знаетъ, къ чему отнести ту впечатлительность, которою художникъ надѣлилъ растительную природу, — къ области ли дѣйствительности или къ творческой фантазіи

поэта, отыскивающаго въ природѣ отраженія или подобія человѣческаго духа. Вотъ глубокое художественное значеніе разсказа Толстого. Читательницамъ нашимъ можетъ показаться страннымъ, что мы такъ долго останавливались на разсмотрѣніи этого небольшого разсказа. На это есть причины. Цѣлью нашей было не только заинтересовать читательницъ къ прочтенію этого разсказа, но преимущественно обратить ихъ вниманіе на тѣ художественныя красоты, которыхъ должно искать, на которыхъ должно останавливаться при чтеніи произведеній Толстого. Сверхъ того, сюжетъ и построеніе разсмотрѣннаго нами разсказа заставляютъ насъ останавливаться на подробностяхъ потому, что подробности и частности сосредоточиваютъ въ себѣ здѣсь весь художественный интересъ. Здѣсь нѣтъ развитія характеровъ, нѣтъ дѣйствія, а есть только изображеніе нѣкоторыхъ моментовъ внутренней жизни души, есть анализъ; а чтобы оцѣнить вѣрность анализа, необходимо вглядѣться въ него и вникнуть въ подробности. Гдѣ нѣтъ анализа душевныхъ движеній, тамъ есть, какъ мы уже видѣли, наглядное и точное до мелочей воспроизведеніе внѣшнихъ подробностей. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ необходимо, при оцѣнкѣ, обращать вниманіе на художественное выполненіе подробностей: иначе останется непонятой лучшая часть произведенія,—та часть, которая составляетъ характеристическую особенность таланта Толстого. Чтобы обратить вниманіе нашихъ читательницъ на эту важнѣйшую часть, мы позволили себѣ подробно распространиться насчетъ разсматриваемаго нами разсказа и привели въ нашемъ отчетѣ нѣкоторые, наиболѣе замѣчательные отрывки, объяснивъ ихъ значеніе.

О первыхъ повѣстяхъ гр. Л. Н. Толстого.

Талантъ гр. Толстого быстро развивается, и почти каждое новое произведеніе обнаруживаетъ въ немъ новыя черты. Но талантъ этотъ уже довольно блистателенъ для того, чтобы каждый періодъ его развитія заслуживалъ быть отмѣченъ съ величайшей внимательностью. Посмотримъ, какія особенныя черты онъ уже имѣлъ случай обнаружить въ произведеніяхъ, которыя извѣстны читателямъ.

Вниманіе гр. Толстого болѣе всего обращено на то, какъ однѣ чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представленнымъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней, исходной точкѣ и опять, опять странствуетъ, измѣнялсь, по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекаетъ

дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями мечты о будущемъ съ рефлексіей о настоящемъ. Гр. Толстого въ психологическомъ анализѣ всего болѣе интересуетъ самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души. И та сторона таланта его, которая даетъ ему возможность уловлять психическіе монологи, составляетъ особенную, только ему свойственную, силу.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Психологическій анализъ есть едва ли не самое существенное изъ качествъ, дающихъ силу творческому таланту. Его особенность въ томъ, что онъ не ограничивается изображеніемъ результатовъ психическаго процесса; его интересуетъ самый процессъ,—и едва уловимыя явленія этой внутренней жизни, смѣняющіяся одно другимъ съ чрезвычайной быстротой и неистощимымъ разнообразіемъ, мастерски изображаются гр. Толстымъ; это его оригинальная черта. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей онъ одинъ мастеръ на это

Зап. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.

дѣло. Конечно, эта способность должна быть врождена отъ природы, но талантъ развивается только самостоятельной дѣятельностью. Мы говоримъ о самоуглубленіи, о стремленіи къ неутомимому наблюденію надъ самимъ собою. Законы человѣческаго движенія, игру страстей, сцѣпленіе событій, вліяніе обстоятельствъ и отношеній мы можемъ изучать, внимательно наблюдая другихъ людей; но все знаніе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, не будетъ имѣть ни глубины, ни точности, если мы не изучимъ сокровеннѣйшихъ законовъ психической жизни, игра которыхъ открыта передъ нами только въ нашемъ общественномъ самосознаніи. Кто не изучитъ человѣка въ самомъ себѣ, никогда не достигнетъ глубокаго знанія людей. Гр. Толстой чрезвычайно внимательно изучалъ тайны жизни человѣческаго духа въ самомъ себѣ; это знаніе драгоцѣнно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутреннихъ движеній человѣческой мысли, но больше и потому, что дало ему прочную основу для изученія человѣческой жизни вообще; для разгадыванія характеровъ и пружинъ дѣйствія, борьбы страстей и впечатлѣній. Самонаблюденіе должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, пріучить его смотрѣть на людей проницательнымъ взглядомъ.

Драгоцѣнно въ талантѣ это качество, едва ли не самое прочное изъ всѣхъ правъ на славу истинно замѣчательнаго писателя. Знаніе человѣческаго сердца, способность раскрывать передъ нами его тайны, вѣдь это первое слово въ характеристикѣ каждаго изъ тѣхъ писателей, творенія которыхъ съ удивленіемъ перечитываются нами. Вѣроятно, онъ напишетъ много такого, что будетъ поражать каждаго читателя другими, болѣе эффектными качествами: глубиною идеи, интересомъ концепціи, смѣлыми очертаніями характеровъ, яркими картинами быта, но для истиннаго знатока всегда будетъ видно, что знаніе человѣческаго сердца — основная сила его таланта. Писатель можетъ увлекать сторонами, болѣе блистательными, но истинно силенъ и проченъ его талантъ только тогда, когда обладаетъ этимъ качествомъ.

Есть въ талантѣ гр. Толстого еще и другая сила, сообщающая его произведеніямъ совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замѣчательной свѣжестью — чистота нравственнаго чувства. У него нравственное чувство не возстановлено только рефлексіею и опытомъ жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести. Свѣжесть нравственнаго чувства придаетъ поэзіи особенную трогательную и граціозную очаровательность, отъ этого качества во многомъ зависитъ прелесть разсказовъ графа Толстого. Только при этой непосредственной свѣжести сердца можно было разсказать «Дѣтство» и «Отрочество» съ тѣмъ чрезвычайно вѣр-

нымъ колоритомъ, съ той нѣжною граціозностью, которыя даютъ истинную жизнь этимъ повѣстямъ.

Что въ мірѣ поэтичнѣе, прелестнѣе чистой юношеской души, съ радостной любовью, откликающейся на все, что представляется ей возвышеннымъ и благороднымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ сама она? Кто не испытывалъ, какъ освѣжается его духъ, просвѣтляется его мысль, облагораживается все существо присутствіемъ дѣвственнаго душою существа, подобнаго Корделіи, Офеліи или Дездемонѣ? Произведеніе, въ которомъ вѣетъ дыханіе поэзіи, дѣйствуетъ на насъ освѣжительно, миротворно, какъ природа,—вѣдь и тайна поэтическаго вліянія природы едва ли не заключается въ ея непорочности. Много зависитъ отъ того же вѣянія нравственной чистоты и граціозная прелесть произведеній Толстого.

Эти двѣ черты — глубокое знаніе тайныхъ движеній психической жизни и непосредственная чистота нравственнаго чувства придаютъ произведеніямъ гр. Толстого особенную физіономію. Само собою разумѣется, что всегда останется при немъ и его художественность. Онъ обладаетъ истиннымъ талантомъ. Это значитъ, что его произведенія художественны, т.-е. въ каждомъ изъ нихъ очень полно осуществляется именно та идея, которую онъ хотѣлъ осуществить въ этомъ произведеніи. Никогда не говоритъ онъ ничего лишняго, потому что это было бы противно условіямъ художественности. Нужно имѣть много форса, чтобы оцѣнить красоту произведеній Толстого; но зато человѣкъ, умѣющій понимать истинную красоту, истинную поэзію, видитъ въ немъ настоящаго художника, т.-е. поэта съ замѣчательнымъ талантомъ. Этотъ талантъ принадлежитъ человѣку молодому, съ свѣжими жизненными силами, имѣющему передъ собою еще долгій путь — многое новое встрѣтится ему на этомъ пути, много новыхъ чувствъ будетъ еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль, — какая прекрасная надежда для нашей литературы, какіе богатые новые матеріалы жизнь дастъ его поэзіи! Мы предсказываемъ, что все, данное доныпѣ графомъ Толстымъ нашей литературѣ, только залоги того, что совершитъ онъ впослѣдствіи, но какъ богаты и прекрасны эти залоги.

Чернышевскій.

„Война и миръ“ гр. Л. Н. Толстого.

Успѣхъ «Войны и мира» есть явленіе чрезвычайно простое и отчетливое, не заключающее въ себѣ никакой сложности и запутанности. Этого успѣха нельзя приписать никакимъ побочнымъ, посторонним для дѣла, причинамъ. Гр. Л. Н. Толстой не старался увлечь

читателей ни какими-нибудь запутанными и таинственными приключеніями, ни описаніемъ грязныхъ и ужасныхъ сценъ, ни изображеніемъ страшныхъ душевныхъ мукъ, ни, наконецъ, какими-нибудь дерзкими и новыми тенденціями, словомъ, ни однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыя дразнятъ мысль или воображеніе читателей, болѣзненно раздражаютъ любопытство картинами неизвѣданной и неиспытанной жизни. Ничего не можетъ быть проще множества событій, описанныхъ въ «Войнѣ и мирѣ». Всѣ случаи обыкновенной семейной жизни, разговоры между братомъ и сестрой, между матерью и дочерью, разлука и свиданіе родныхъ, охота, святки, мазурка, игра въ карты и пр., — все это съ такою же любовью возведено въ перлъ созданія, какъ и Бородинская битва. Простые предметы занимаютъ въ «Войнѣ и мирѣ» такъ же много мѣста, какъ, напримѣръ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ» безсмертныя описанія жизни Ларинныхъ, зимы, весны, поѣздки въ Москву и т. п.

Правда, рядомъ съ этимъ гр. Л. Н. Толстой выводитъ на сцену великія событія и лица огромнаго историческаго значенія. Но никакъ нельзя сказать, чтобы именно этимъ былъ возбужденъ общій интересъ читателей. Если и были читатели, которыхъ привлекло изображеніе историческихъ явленій или даже чувство патріотизма, то, безъ всякаго сомнѣнія, было немало и такихъ, которые вовсе не любятъ искать исторіи въ художественныхъ произведеніяхъ или же сильнѣйшимъ образомъ вооружены противъ всякаго подкупа патріотическаго чувства и которые, однакоже, прочли «Войну и миръ» съ живѣйшимъ любопытствомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что «Война и миръ» вовсе не есть историческій романъ, т.-е. вовсе не имѣетъ въ виду дѣлать изъ историческихъ лицъ романическихъ героевъ и, разсказывая ихъ похожденія, соединять въ себѣ интересъ романа и исторіи...

...Чѣмъ всѣ были поражены въ «Войнѣ и мирѣ»? Конечно, объективностью, образностью. Трудно представить себѣ образы болѣе отчетливые, краски болѣе яркія. Точно видишь все то, что описывается, и слышишь всѣ звуки того, что совершается. Авторъ ничего не разсказываетъ отъ себя: онъ прямо выводитъ лица и заставляетъ ихъ говорить, чувствовать и дѣйствовать, при чемъ каждое слово и каждое движеніе вѣрно до изумительной точности, т.-е. вполнѣ носитъ характеръ лица, которому принадлежитъ. Какъ будто имѣешь дѣло съ живыми людьми и притомъ видишь ихъ гораздо яснѣе, чѣмъ умѣешь видѣть въ дѣйствительной жизни. Можно различать не только образъ выраженій и чувствъ каждаго дѣйствующаго лица, но и манеры каждаго, любимые жесты, походку.

Въ этомъ отношеніи «Война и миръ» представляетъ истинныя чудеса искусства. Схвачены не отдѣльныя черты, а цѣликомъ — та-

жизненная атмосфера, которая бываетъ различна около различныхъ лицъ и въ разныхъ слояхъ общества. Самъ авторъ говоритъ о *любовной и семейной атмосферѣ* дома Ростовыхъ; но припомните другія изображенія того же рода: атмосфера, окружавшая Сперанскаго; атмосфера, господствовавшая около *дядюшки* Ростовыхъ; атмосфера театральной залы, въ которую попала Наташа; атмосфера военнаго госпиталя, куда зашелъ Ростовъ, и пр., и пр. Лица, вступающія въ одну изъ этихъ атмосферъ или переходящія изъ одной въ другую, неизбѣжно чувствуетъ ихъ вліяніе, и мы переживаемъ его вмѣстѣ съ ними.

Такимъ образомъ, достигнута высшая степень объективности, т.-е. мы не только видимъ передъ собою поступки, фигуру, движенія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, но и вся ихъ внутренняя жизнь предстаетъ передъ нами въ такихъ же отчетливыхъ и ясныхъ чертахъ; ихъ душа, ихъ сердце ничѣмъ не заслоняются отъ нашихъ взоровъ. Читая «Войну и миръ», мы въ полномъ смыслѣ слова *созерцаемъ* тѣ предметы, которые изобразилъ художникъ...

...Въ самомъ дѣлѣ, реалистъ онъ великолѣпный. Можно подумать, что онъ не только изображаетъ свои лица съ неподкупной вѣрностью дѣйствительности, а какъ будто даже умышленно совлекаетъ ихъ съ идеальной высоты, на которую мы, по вѣчному свойству человѣческой природы, такъ охотно и легко ставимъ людей и событія. Безжалостно, безпощадно гр. Л. Н. Толстой обнаруживаетъ всѣ слабыя стороны своихъ героевъ; онъ не утаиваетъ ничего, не останавливается ни передъ чѣмъ, такъ что наводитъ даже страхъ и тоску о несовершенствѣ человѣка. Многія чувствительныя души не могутъ, напримѣръ, переварить мысли объ увлеченіи Наташи Курагинымъ; не будь этого, — какой вышелъ бы прекрасный образъ, нарисованный съ изумительной правдивостью; но поэтъ-реалистъ безпощаденъ.

Въ чемъ заключается особенная, ярко выступающая черта таланта гр. Л. Н. Толстого? Въ необыкновенно тонкомъ и вѣрномъ изображеніи душевныхъ движеній. Гр. Л. Н. Толстого можно назвать по преимуществу *реалистомъ-психологомъ*. По прежнимъ своимъ произведеніямъ онъ давно извѣстенъ какъ изумительный мастеръ въ анализѣ всякаго рода душевныхъ перемѣнъ и состояній. Этотъ анализъ, разрабатываемый съ какимъ-то пристрастіемъ, доходилъ до мелочности, до неправильной напряженности. Въ новомъ произведеніи всѣ крайности его отпали и осталась вся его прежняя точность и проницательность; сила художника нашла свои предѣлы и улеглась въ свои берега. Все вниманіе его устремлено на душу человѣческую. У него рѣдки, кратки и неполны описанія обстановки, костюмовъ, — словомъ, всей внѣшней стороны жизни; но зато нигдѣ не упущено впечатлѣніе и вліяніе, производимое этою внѣшнею стороною на душу

людей; а главное мѣсто занимаетъ ихъ внутренняя жизнь, для которой внѣшняя служитъ только поводомъ или неполнымъ выраженіемъ. Малѣйшіе оттѣнки душевной жизни и самыя глубокія ея потрясенія изображены съ одинаковой отчетливостью и правдивостью. Чувство праздничной скуки въ отрадненскомъ домѣ Ростовыхъ и чувство всего русскаго войска въ самый разгаръ Бородинской битвы, молодыя душевныя движенія Наташи и волненія старика Болконскаго, теряющаго память и близкаго къ удару паралича, — все ярко, все живо и точно въ разсказѣ гр. Л. Н. Толстого.

Итакъ, вотъ гдѣ сосредоточивается весь интересъ автора, а въ силу того, и весь интересъ читателя. Какія бы огромныя и важныя событія ни происходили на сценѣ, — будетъ ли это Кремль, захлебнувшійся народомъ, вслѣдствіе пріѣзда государя, или свиданіе двухъ императоровъ, или страшная битва съ громомъ пушекъ и тысячами умирающихъ, — ничто не отвлекаетъ поэта, а вмѣстѣ съ нимъ и читателя, отъ пристальнаго вглядыванія во внутренній міръ отдѣльныхъ лицъ. Художника какъ будто вовсе не занимаетъ событіе, а занимаетъ только то, какъ дѣйствуетъ при этомъ событіи человѣческая душа, — что она чувствуетъ и вноситъ въ событіе?

Спросите теперь себя, чего же ищетъ поэтъ? Какое упорное любопытство заставляетъ его слѣдить за малѣйшими ощущеніями всѣхъ этихъ людей, начиная отъ Наполеона и Кутузова до тѣхъ маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ князь Андрей засталъ въ своемъ разоренномъ саду?

Отвѣтъ одинъ: художникъ ищетъ слѣдовъ красоты души человѣческой, ищетъ въ каждомъ изображаемомъ лицѣ той искры Божіей, въ которой заключается человѣческое достоинство личности,— а занимаетъ только то, какъ дѣйствуетъ при этомъ событіи человѣсловомъ, и въ какой мѣрѣ идеальныя стремленія человѣка осуществляются въ дѣйствительной жизни.

Очень трудно изложить, даже въ главныхъ чертахъ, идею глубокаго художественнаго произведенія; она воплощается въ немъ съ такою полнотою и многосторонностью, что отвлеченное изложеніе ея всегда будетъ чѣмъ-то неточнымъ, недостаточнымъ, — не будетъ, какъ говорятъ, вполнѣ исчерпывать предмета.

Идею «Войны и мира» можно формулировать различнымъ образомъ.

Можно сказать, напримѣръ, что руководящая мысль произведенія есть *идея героической жизни*. На это намекаетъ самъ авторъ, когда, среди описанія Бородинской битвы, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ *герои* составляютъ весь *интересъ исторіи*, и мы все еще не

можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла» (т. IV, стр. 236).

Художникъ, такимъ образомъ, прямо заявляетъ намъ, что онъ хочетъ изобразить намъ ту жизнь, которую мы обыкновенно называемъ героическою, но—изобразить въ ея настоящемъ смыслѣ, а не въ тѣхъ неправильныхъ образахъ, которые завѣщаны намъ древностью; онъ хочетъ, чтобы мы *отвыкли* отъ этихъ ложныхъ представленій и для этого даетъ намъ истинныя представленія. На мѣсто идеальнаго мы должны получить реальное.

Гдѣ же искать героической жизни? Конечно, въ исторіи. Мы привыкли думать, что люди, отъ которыхъ зависитъ исторія, которые совершаютъ исторію, — суть герои. Поэтому — мысль художника остановилась на 1812 годѣ и войнахъ ему предшествовавшихъ, какъ на эпохѣ по преимуществу героической. Если Наполеонъ, Кутузовъ, Багратіонъ — не герои, то кто же послѣ того герой? Гр. Л. Н. Толстой взялъ громадныя историческія событія, страшную борьбу и напряженіе народныхъ силъ для того, чтобы уловить высшія проявленія того, что мы называемъ героизмомъ.

Но въ наше человѣческое время, какъ пишетъ гр. Л. Н. Толстой, одни герои не составляютъ всего интереса исторіи. Какъ бы мы ни понимали героическую жизнь, требуется опредѣлить отношеніе къ ней обыкновенной жизни, и въ этомъ заключается даже главное дѣло. Что такое обыкновенный человѣкъ въ сравненіи съ героемъ? Что такое частный человѣкъ въ отношеніи къ исторіи? Въ болѣе общей формѣ это будетъ тотъ же вопросъ, который давно разработывается нашимъ художественнымъ реализмомъ: что такое обыкновенная, будничная дѣйствительность въ сравненіи съ идеаломъ, съ прекрасною жизнью?

Гр. Л. Н. Толстой старался разрѣшить вопросъ какъ можно полнѣе. Онъ представилъ намъ, напримѣръ, Багратіона и Кутузова въ величіи несравненномъ, поразительномъ. Они какъ будто обладаютъ способностью становиться выше всего человѣческаго. Въ особенности это ясно въ изображеніи Кутузова, слабаго отъ старости, забывчиваго, лѣниваго, — человѣка дурныхъ нравовъ, сохранившаго, по выраженію автора, *всѣ привычки страстей, но самыхъ страстей уже вовсе не имѣющаго*. Для Багратіона и Кутузова, когда имъ приходится дѣйствовать, исчезаетъ все личное: къ нимъ даже вовсе непримѣнимы выраженія: храбрость, сдержанность, спокойствіе, — такъ какъ они не храбрятся, не сдерживаются, не напрягаются и не погружаются въ покой. Естественно и просто они дѣлаютъ свое дѣло, какъ будто они духи, способные только созерцать и безошибочно руководиться чистѣйшими чувствами долга и чести. Они прямо глядятъ

въ лицо судьбы, и для нихъ невозможна самая мысль о страхѣ, — невозможно никакое колебаніе въ дѣйствіяхъ, потому что они дѣлаютъ все, *что могутъ*, покоряясь теченію событій и своей собственной человѣческой слабости.

Но сверхъ этихъ высокихъ сферъ доблести, достигающей своихъ высшихъ предѣловъ, художникъ представилъ намъ и весь тотъ міръ, гдѣ требованія долга борются со всѣми волненіями страстей человѣческихъ. Онъ изобразилъ намъ *всѣ виды храбрости и всѣ виды трусости*. Какое разстояніе отъ первоначальной трусости юнкера Ростова до блестящей храбрости Денисова, до твердаго мужества князя Андрея, до безсознательнаго геройства капитана Тушина! Всѣ ощущенія и формы битвы — отъ паническаго страха и бѣгства при Аустерлицѣ до непобѣдимой стойкости и яркаго горѣнія *скрытаго душевнаго огня* при Бородинѣ — описаны намъ художникомъ. Эти люди являются намъ то *мерзавцами*, какъ назвалъ Кутузовъ бѣгущихъ солдатъ, то безтрепетными, самоотверженными воинами. Въ сущности же, всѣ они — простые люди, и художникъ съ изумительнымъ мастерствомъ показываетъ, какъ, въ различной мѣрѣ и степени, въ душѣ каждаго изъ нихъ возникаетъ, потухаетъ или разгорается искра доблести, обыкновенно присущая человѣку.

И главное, показано, что значитъ всѣ эти души въ ходѣ исторіи, что̀ онѣ вносятъ въ великія событія, какую долю участія имѣютъ въ геронческой жизни. Показано, что цари и полководцы тѣмъ и велики, что составляютъ какъ бы центры, въ которыхъ стремится сосредоточиться героизмъ, живущій въ душахъ простыхъ и темныхъ. Пониманіе этого героизма, сочувствіе ему и вѣра въ него составляютъ все величіе Багратіоновъ и Кутузовыхъ. Непониманіе его, пренебреженіе имъ или даже презрѣніе къ нему составляетъ несчастье и малость Барклаевъ де-Толли и Сперанскихъ.

Война, государственныя дѣла и потрясенія — составляютъ поприще исторіи, поприще героическое по преимуществу. Изобразивъ съ безупречною правдивостью, какъ люди ведутъ себя, что̀ чувствуютъ и что̀ дѣлаютъ на этомъ поприщѣ, художникъ, для полноты своей мысли, хотѣлъ показать намъ тѣхъ же людей въ частной ихъ сферѣ, гдѣ они являются просто какъ люди. «Жизнь, между тѣмъ, — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — *настоящая жизнь* людей съ своими существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, какъ и всегда, независимо и внѣ политической близости или вражды съ Наполеономъ Бонапарте, и внѣ всѣхъ возможныхъ преобразованій» (т. III, стр. 1 и 2).

За этими словами слѣдуетъ описаніе того, какъ князь Андрей ѣздилъ въ Отрадное и встрѣтился тамъ въ первый разъ съ Наташею.

Князь Андрей и его отецъ въ сферѣ общихъ интересовъ суть настоящіе герои. Когда князь Андрей уѣзжаетъ изъ Брюнна въ армію, находящуюся въ опасности, насмѣшливый Билибинъ два раза, безъ всякой насмѣшки, даетъ ему титулъ героя (т. I, стр. 78 и 79). И Билибинъ совершенно правъ. Переберите всѣ дѣйствія и мысли князя Андрея во время войны, и вы не найдете на немъ ни единой укоризны. Вспомните его поведеніе въ Шенграбенскомъ дѣлѣ; никто лучше его не понималъ Багратіона, и онъ одинъ и видѣлъ, и оцѣнилъ подвигъ капитана Тушина. Но Багратіонъ мало зналъ князя Андрея; Кутузовъ знаетъ его лучше и къ нему обращается во время Аустерлицкаго сраженія, когда нужно было остановить бѣгущихъ и повести ихъ впередъ. Вспомните, наконецъ, Бородино, — когда князь Андрей долгіе часы стоитъ со своимъ полкомъ подъ выстрѣлами (онъ не хотѣлъ остаться при штабѣ и не попалъ въ ряды сражающихся); всѣ человѣческія чувства говорятъ въ его душѣ, но онъ ни на мгновеніе не теряетъ полнаго самообладанія и кричитъ прилегшему къ землѣ адъютанту: «Стыдно, господинъ офицеръ!» въ тотъ самый мигъ, когда разрывается граната и наноситъ ему тяжкую рану. Дорога такихъ людей дѣйствительно—*дорога чести*, какъ выразился Кутузовъ, и они могутъ, не колеблясь, сдѣлать все, что̀ требуется самымъ строгимъ понятіемъ мужества и самоотверженія.

Ник. Ник. Страховъ.

Старикъ Болконскій не уступаетъ своему сыну. Вспомните то спартанское напутствіе, которое онъ даетъ сыну, идущему на войну и любимому имъ съ кровною отеческою нѣжностью: «Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьютъ, мнѣ старику *больно* будетъ... А коли узнаю, что ты повелъ себя не какъ сынъ Николая Болконскаго, мнѣ будетъ... *стыдно*!»

И сынъ его таковъ, что имѣлъ полное право возразить своему отцу: «Этого вы могли бы не говорить мнѣ, батюшка» (т. I, стр. 165).

Вспомните потомъ, что всѣ интересы Россіи становятся для этого старика какъ будто его собственными, личными интересами, составляютъ главную часть его жизни. Онъ жадно слѣдитъ за дѣлами изъ своихъ Лысыхъ Горъ. Его постоянныя насмѣшки надъ Наполеономъ и нашими военными дѣйствіями, очевидно, внушены чувствомъ оскорбленной народной гордости; онъ не хочетъ вѣрить, чтобы могучая его родина вдругъ утратила свою силу; онъ желалъ бы приписать это одной случайности, а не силѣ противника. Когда же началось нашествіе, и Наполеонъ подвинулся до Витебска, дряхлый старикъ совсѣмъ теряется: сперва онъ даже не понимаетъ того, что читаетъ въ письмѣ сына; онъ отталкиваетъ отъ себя мысль, которой ему перенести возможно, которая должна сокрушить его жизнь. Но пришлось убѣдиться, пришлось, наконецъ, повѣрить: и тогда старикъ умираетъ. Вѣрнѣе пули его сразила мысль объ общемъ бѣдствіи.

Да, эти люди дѣйствительно герои: такими людьми бываютъ крѣпки народы и государства. Но отчего же, спроситъ, вѣроятно, читатель, геронзмъ ихъ какъ будто лишенъ всего поражающаго, и они скорѣе являются намъ обыкновенными людьми? Оттого, что художникъ изобразилъ ихъ намъ *вполнѣ*, — показалъ намъ не только то, какъ они дѣйствуютъ по отношенію къ долгу, къ чести, къ народной гордости, но и ихъ частную, личную жизнь. Онъ показалъ намъ домашнюю жизнь старика Болконскаго съ его болѣзненными отношеніями къ дочери, со всѣми слабостями одряхлѣвшаго человѣка,— невольнаго мучителя своихъ ближнихъ. Въ князѣ Андреѣ гр. Л. Н. Толстой открылъ намъ порывы страшнаго самолюбія и честолюбія, холодныя и вмѣстѣ ревнивыя отношенія къ женѣ, вообще весь его тяжелый характеръ, своею тяжестью напоминающій характеръ его отца. «Я его боюсь», говоритъ Наташа о князѣ Андреѣ передъ самымъ его предложеніемъ.

Старикъ Болконскій поражалъ посторонннхъ лицъ величіемъ; явившись въ Москву, онъ сталъ главою тамошней оппозиціи и возбуждалъ во всѣхъ чувство почтительнаго уваженія. «Для посѣтителей весь этотъ старинный домъ съ огромными трюмо, дореволюціонной мебелью, этими лакеями въ пудрѣ, и самъ прошлаго вѣка крутой и умный старикъ съ его кроткою дочерью и хорошенькою француженкой, которыя благоговѣли передъ нимъ,—представлялъ величественно-пріятное зрѣлище» (т. III, стр. 190). Точно также князь Андрей внушаетъ всѣмъ невольное уваженіе, играетъ въ свѣтѣ какую-то царственную роль. Его ласкаютъ Кутузовъ и Сперанскій, его боготворятъ солдаты.

Но все это имѣетъ полную силу для посторонннхъ, а не для насъ. Насъ художникъ ввелъ въ самую сокровенную жизнь этихъ людей;

онъ посвятилъ насъ во всѣ ихъ думы, во всѣ волненія. Человѣческая слабость этихъ лицъ, тѣ минуты, въ которыя они становятся наравнѣ съ обыкновенными смертными, тѣ положенія и душевныя движенія, въ которыхъ всѣ люди одинаково чувствуютъ, одинаково люди, — все это открыто намъ ясно и полно; и вотъ отчего героическія черты лицъ какъ будто тонутъ въ массѣ чертъ просто человѣческихъ...

...Но да не подумаетъ кто-нибудь, что художникъ такимъ образомъ хотѣлъ унизить героическія лица и дѣйствія, разоблачить ихъ мнимое величіе; напротивъ, вся цѣль его заключалась въ томъ, чтобы только показать ихъ въ настоящемъ свѣтѣ и, слѣдовательно, скорѣе научить насъ видѣть ихъ тамъ, гдѣ мы ихъ прежде не умѣли видѣть. Человѣческія слабости не должны заслонять отъ насъ человѣческихъ достоинствъ. Другими словами, поэтъ учитъ своихъ читателей проникать въ ту поэзію, которая скрыта въ дѣйствительности. Она глубоко закрыта отъ насъ пошлостью, мелочностью, грязною и безтолковою суетою ежедневной жизни, она непроницаема и недоступна для нашего собственнаго равнодушія, сонливой лѣни и эгоистической хлопотливости; и вотъ поэтъ озаряетъ передъ нами *всю тину, опутывающую людскую жизнь,* для того, чтобы мы умѣли видѣть въ самыхъ темныхъ ея закоулкахъ искру божественнаго пламени, — умѣли понимать тѣхъ людей, въ которыхъ это пламя горитъ ярко, хотя его и не видятъ близорукіе глаза, умѣли сочувствовать дѣламъ, которыя казались непонятными для нашего малодушія и себялюбія. Это не Гоголь, озаряющій яркимъ свѣтомъ идеала всю *пошлость пошлаго* человѣка; это художникъ, который, сквозь всю видимую міру пошлость, умѣетъ разглядѣть въ человѣкѣ его человѣческое достоинство. Съ неслыханною смѣлостью художникъ взялся изобразить намъ самое героическое время нашей исторіи, то время, отъ котораго собственно начинается сознательная жизнь новой Россіи; и кто не скажетъ, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія со своимъ предметомъ?

Передъ нами картина той Россіи, которая выдержала нашествіе Наполеона и нанесла смертельный ударъ его могуществу. Картина нарисована не только безъ прикрасъ, но и съ рѣзкими тѣнями всѣхъ недостатковъ, всѣхъ уродливыхъ и жалкихъ сторонъ, которыми страдало тогдашнее общество въ умственномъ, нравственномъ и правительственномъ отношеніи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воочію показана та сила, которая спасла Россію.

Мысль, которая составляетъ *военную теорію* гр. Л. Н. Толстого, надѣлавшую столько шума, заключается въ томъ, что каждый солдатъ не есть простое матеріальное орудіе, а сплавъ преимущественно сво-

имъ *духомъ*, что, въ концѣ-концовъ, все дѣло зависитъ отъ этого духа солдатъ, могущаго или упасть до паническаго страха, или возвыситься до геройства. Полководцы бываютъ сильны тогда, когда они управляютъ не одними передвиженіями и дѣйствіями солдатъ, а умѣютъ управлять ихъ духомъ. Для этого полководцамъ самимъ необходимо стоять духомъ *выше всего своего войска*, выше всякихъ случайностей и несчастій, — словомъ, имѣть силу нести на себѣ всю судьбу арміи и, если нужно, всю судьбу государства. Таковъ, напримѣръ, дряхлый Кутузовъ во время Бородинскаго сраженія. Его вѣра въ силу русскаго войска и русскаго народа, очевидно, выше и тверже вѣры каждаго воина; Кутузовъ какъ бы сосредоточиваетъ въ одномъ себѣ все ихъ воодушевленіе. Судьба битвы рѣшается собственно его словами, сказанными Вольцогену: «Вы ничего не знаете. Непріятель побѣжденъ, и завтра погонимъ его изъ священной земли русской». Въ эту минуту Кутузовъ, очевидно, стоитъ неимовѣрно выше всѣхъ Вольцогеновъ и Барклаевъ; онъ стоитъ наравнѣ съ Россіей.

Сила описанія этой битвы вытекаетъ изъ всего предыдущаго разсказа; это какъ бы высшая точка, пониманіе которой подготовлено всѣмъ предыдущимъ. Когда мы доходимъ до этой битвы, то мы уже знаемъ всѣ виды храбрости и всѣ виды трусости, — знаемъ, какъ ведутъ себя или могутъ вести себя всѣ члены войска, отъ полководца до послѣдняго солдата. Поэтому въ разсказѣ о битвѣ авторъ такъ сжатъ и кратокъ; тутъ дѣйствуетъ не одинъ капитанъ Тушинъ, подробно описанный въ шенграбенскомъ дѣлѣ; тутъ цѣлыя сотни такихъ Тушиныхъ. По немногимъ сценамъ на курганѣ, гдѣ былъ Безуховъ, въ полку князя Андрея, у перевязочнаго пункта, мы чувствуемъ все напряженіе душевныхъ силъ каждаго солдата, понимаемъ тотъ единый и непоколебимый духъ, который оживлялъ собою всю эту страшную массу людей. Кутузовъ же являлся намъ какъ будто связаннымъ какими-то невидимыми нитями съ сердцемъ каждаго солдата. Едва ли была когда-нибудь другая такая битва, и едва ли что-нибудь подобное было разсказано на какомъ-нибудь другомъ языкѣ...

...Но героическая жизнь не исчерпываетъ собою задачи автора. Предметъ его, очевидно, гораздо шире. Главная мысль, которою онъ руководится при изображеніи героическихъ явленій, состоитъ въ томъ, чтобы открыть ихъ *человѣческую* основу, показать въ герояхъ *людей*. Когда князь Андрей знакомится со Сперанскимъ, авторъ замѣчаетъ: «Ежели бы Сперанскій былъ изъ того же общества, изъ котораго былъ князь Андрей, того же воспитанія и нравственныхъ привычекъ, то Болконскій *скоро бы нашелъ его слабыя, человѣческія, негероическія стороны;* но теперь этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушалъ ему уваженія, что онъ

не вполнѣ понималъ его» (т. III, стр. 22). То, что не давалось въ этомъ случаѣ Болконскому, художникъ съ величайшимъ мастерствомъ умѣетъ дѣлать относительно всѣхъ своихъ лицъ; онъ открываетъ намъ ихъ человѣческія стороны. Такимъ образомъ, весь его разсказъ получаетъ не героическій, а человѣческій характеръ; это не исторія подвиговъ и великихъ событій, а исторія людей, которые въ нихъ участвовали. Итакъ, болѣе обширный предметъ автора есть просто *человѣкъ;* люди, очевидно, интересуютъ автора совершенно независимо отъ ихъ положенія въ обществѣ и тѣхъ великихъ или малыхъ событій, которыя съ ними случаются.

Посмотримъ же, какъ гр. Л. Н. Толстой изображаетъ людей.

Душа человѣческая изображается въ «Войнѣ и мирѣ» съ реальностью, еще небывалою въ нашей литературѣ. Мы видимъ передъ собою не отвлеченную жизнь, а существа вполнѣ опредѣленныя, со всѣми ограниченіями мѣста, времени, обстоятельствъ. Мы видимъ, напримѣръ, какъ *растутъ* лица гр. Л. Н. Толстого. Наташа, выбѣгающая съ куклой въ гостиную въ первомъ томѣ, и Наташа, входящая въ церковь въ четвертомъ, — это дѣйствительно одно и то же лицо въ двухъ различныхъ возрастахъ — дѣвочки и дѣвушки, а не два возраста, только приписанные одному лицу (какъ это часто бываетъ у другихъ писателей). Авторъ показалъ намъ при этомъ и всѣ промежуточныя ступени этого развитія. Точно такъ передъ нашими глазами растетъ Николай Ростовъ, Пьеръ Безухій изъ молодого человѣка превращается въ московскаго барина, дряхлѣетъ старикъ Болконскій и пр.

Душевныя особенности лицъ гр. Л. Н. Толстого такъ ясны, такъ запечатлѣны индивидуальностью, что мы можемъ слѣдить за *родственнымъ сходствомъ* тѣхъ душъ, которыя связаны родствомъ по крови. Старикъ Болконскій и князь Андрей явно однаковыя натуры; только одна—молодая, другая—старая. Семейство Ростовыхъ, несмотря на все разнообразіе своихъ членовъ, представляетъ удивительно схваченныя общія черты, доходящія до тѣхъ оттѣнковъ, которые можно чувствовать, но не выразить. Почему-то чувствуется, напримѣръ, что и Вѣра есть настоящая Ростова, тогда какъ Соня явно имѣетъ душу другого корня.

И все, что происходитъ въ этихъ душахъ, имѣющихъ столь опредѣленныя черты, — каждое чувство, страсть, волненіе — имѣетъ точно такую же опредѣленность, изображено съ такою же точно реальностью. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе отвлеченнаго изображенія чувствъ и страстей. Герою обыкновенно приписывается какое-нибудь *одно* душевное настроеніе — любовь, честолюбіе, жажда мщенія, — и дѣло разсказывается такъ, какъ будто это настроеніе *постоянно* существуетъ

въ душѣ героя; такимъ образомъ дѣлается описаніе явленій извѣстной страсти, взятой отдѣльно, и приписывается выведенному на сцену лицу.

Не то у гр. Л. Н. Толстого. У него каждое впечатлѣніе, каждое чувство усложняется всѣми тѣми отзывами, которое оно находитъ въ различныхъ способностяхъ и стремленіяхъ души. Если представить себѣ душу въ видѣ музыкальнаго инструмента со множествомъ различныхъ струнъ, то можно будетъ сказать, что художникъ, изображая какое-нибудь потрясеніе души, никогда не останавливается на преобладающемъ звукѣ одной струны, а схватываетъ всѣ звуки, даже самые слабые и едва замѣтные. Припомните, напримѣръ, описаніе Наташи, существа, въ которомъ душевная жизнь имѣетъ такую напряженность и полноту; въ этой душѣ все говоритъ разомъ: самолюбіе, любовь къ жениху, веселость, жажда жизни, глубокая привязанность къ роднымъ и пр. Припомните князя Андрея, когда онъ стоитъ надъ дымящеюся гранатою.

И далѣе, какое бы чувство ни владѣло человѣкомъ, оно изображается у гр. Л. Н. Толстого со всѣми его измѣненіями и колебаніями, не въ видѣ какой-то постоянной величины, а въ видѣ только способности къ извѣстному чувству, въ видѣ искры, постоянно тлѣющей, готовой вспыхнуть яркимъ пламенемъ, но часто заглушаемой другими чувствами...

...Въ этихъ душахъ, волнуемыхъ и подавляемыхъ своими желаніями и внѣшними событіями, рѣзко запечатлѣнныхъ своими неизгладимыми особенностями, художникъ умѣетъ уловить каждую черту, каждый слѣдъ истинной душевной красоты, истиннаго человѣческаго достоинства. Такъ что, если мы попробуемъ дать новую, болѣе широкую формулу для задачи произведенія гр. Л. Н. Толстого, мы должны будемъ, кажется, выразить ее такъ:

Въ чемъ заключается человѣческое достоинство? Какъ слѣдуетъ понимать жизнь людей, отъ самыхъ сильныхъ и блестящихъ до самыхъ слабыхъ и ничтожныхъ, чтобы не упускать изъ вида ея существенной черты — человѣческой души въ каждомъ изъ нихъ?

На эту формулу мы нашли намекъ у самого автора. Разсуждая о томъ, насколько мало было участіе Наполеона въ Бородинскомъ сраженіи, насколько, несомнѣнно, въ немъ участвовалъ своею душою каждый солдатъ, авторъ замѣчаетъ: «*Человѣческое достоинство говоритъ мнѣ*, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ *не меньше человѣкъ, чѣмъ великій Наполеонъ*» (т. IV, стр. 282).

Итакъ, изобразить то, чѣмъ каждый человѣкъ бываетъ не меньше всякаго другого,—то, въ чемъ простой солдатъ можетъ равняться Наполеону, человѣкъ ограниченный и тупой — величайшему умнику,—

словомъ, то, что мы должны *уважать* въ человѣкѣ, въ чемъ должны поставлять его *цѣну*, — вотъ широкая цѣль художника. Для этой цѣли онъ вывелъ на сцену великихъ людей, великія событія и рядомъ приключенія юнкера Ростова, великосвѣтскіе салоны и житье-бытье *дядюшки*, Наполеона и дворника Ѳерапонтова. Для этого же онъ разсказалъ намъ семейныя сцены простыхъ, слабыхъ людей и сильныя страсти блестящихъ, богатыхъ силами натуръ; изобразилъ порывы благородства и великодушія и картины глубочайшихъ человѣческихъ слабостей.

Человѣческое достоинство людей закрывается отъ насъ или ихъ недостатками всякаго рода, или же тѣмъ, что мы слишкомъ высоко цѣнимъ другія качества и потому измѣряемъ людей ихъ умомъ, силою, красотою и пр. Поэтъ научаетъ насъ проникать сквозь эту внѣшность. Что можетъ быть проще, дюжиннѣе, такъ сказать, смиреннѣе фигуръ Николая Ростова и княжны Маріи? Ничѣмъ они не блестятъ, ничего не умѣютъ сдѣлать, ни въ чемъ не выдаются изъ самаго низкаго уровня обыкновеннѣйшихъ людей; а между тѣмъ эти простыя существа, безъ борьбы идущія по самымъ простымъ жизненнымъ путямъ, суть, очевидно, существа прекрасныя. Неотразимая симпатія, которою художникъ успѣлъ окружить эти два лица, повидимому, столь малыя, а въ сущности никому неуступающія душевною красотою, составляетъ одну изъ самыхъ мастерскихъ сторонъ «Войны и мира». Николай Ростовъ, очевидно, человѣкъ по уму весьма ограниченный; но, какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, «у него былъ здравый смыслъ посредственности, который показывалъ ему, *что было должно*» (т. III, стр. 113).

Говорить ли о княжнѣ Марьѣ? Несмотря на всѣ ея слабости, этотъ образъ достигаетъ почти ангельской чистоты и кротости; и по временамъ кажется, что его окружаетъ святое сіяніе.

Тутъ насъ невольно останавливаетъ страшная картина — отношенія между старикомъ Болконскимъ и его дочерью. Если Николай Ростовъ и княжна Марья представляютъ лица явно симпатическія, то, повидимому, нѣтъ возможности простить этому старику всѣхъ мученій, которыя переноситъ отъ него дочь. Изъ всѣхъ лицъ, выведенныхъ художникомъ, ни одно, повидимому, не заслуживаетъ большаго негодованія. А между тѣмъ, что же оказывается? Съ изумительнымъ мастерствомъ авторъ изобразилъ намъ одну изъ самыхъ страшныхъ человѣческихъ слабостей, неодолимыхъ ни умомъ, ни волей, и болѣе всего способныхъ возбудить искреннее сожалѣніе. Въ сущности, старикъ безпредѣльно любитъ свою дочь, въ буквальномъ смыслѣ, *не могъ бы безъ нея жить;* но эта любовь у него извратилась въ желаніе наносить боль себѣ и любимому существу. Онъ какъ будто

безпрестанно дергаетъ ту неразрывную связь, которая соединяетъ его съ дочерью, и находитъ болѣзненное наслажденіе въ *такомъ* ощущеніи этой связи. Всѣ оттѣнки этихъ странныхъ отношеній схвачены у гр. Л. Н. Толстого съ неподражаемою вѣрностью, и развязка, когда старикъ, сломленный болѣзнью и близкій къ смерти, выражаетъ, наконецъ, всю нѣжность къ дочери, — производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Видѣть то, что таится въ душѣ человѣка подъ игрою страстей, подъ всѣми формами себялюбія, своекорыстія, животныхъ влеченій— вотъ на что великій мастеръ графъ Л. Н. Толстой. Очень жалки, очень неразумны и безобразны увлеченія и похожденія такихъ людей, какъ Пьеръ Безухій и Наташа Ростова; но читатель видитъ, что, за всѣмъ тѣмъ, у этихъ людей *золотыя сердца*, и ни на минуту не усомнится, что тамъ, гдѣ бы дѣло шло о самопожертвованіи, гдѣ нужно было бы беззавѣтное сочувствіе доброму и прекрасному, — въ этихъ сердцахъ нашелся бы полный отзывъ, полная готовность. Душевная красота этихъ двухъ лицъ поразительна. Пьеръ— взрослый ребенокъ, съ огромнымъ тѣломъ и съ страшною чувственностью, какъ дитя непрактичный и неразумный, соединяетъ въ себѣ дѣтскую чистоту и нѣжность души съ умомъ наивнымъ, но потому самому высокимъ, — съ характеромъ, которому все неблагородное не только чуждо, но даже и непонятно. Этотъ человѣкъ, какъ дѣти, ничего не боится и не знаетъ за собою зла. Наташа — дѣвушка, одаренная такой полнотою душевной жизни, что (по выраженію Безухаго) *она не удостоиваетъ быть умною*, т.-е. не имѣетъ ни времени, ни расположенія переводить эту жизнь въ отвлеченныя формы мысли. Безмѣрная полнота жизни (приводящая ее иногда въ *состояніе опьяненія*, какъ выражается авторъ) вовлекаетъ ее въ страшную ошибку, въ безумную страсть къ Курагину, — ошибку, искупаемую потомъ тяжкими страданіями. Пьеръ и Наташа люди, которыхъ, по самой ихъ натурѣ, должны постигать въ жизни ошибки и разочарованія.

Что же выходитъ изъ этого ровнаго, яснаго, дневного свѣта, которымъ авторъ озарилъ свою картину? Передъ нами нѣтъ ни классическихъ злодѣевъ, ни классическихъ героевъ; душа человѣческая является въ чрезвычайномъ разнообразіи типовъ, является—слабая, подчиненная страстямъ и обстоятельствамъ, но, въ сущности, въ массѣ руководимая чистыми и добрыми стремленіями. Среди всего разнообразія лицъ и событій мы чувствуемъ присутствіе какихъ-то твердыхъ и незыблемыхъ началъ, на которыхъ держится эта жизнь. Обязанности семейныя, общественныя, супружескія ясны для всѣхъ. Понятія о добрѣ и злѣ отчетливы и прочны. Изобразивъ съ величай-

шею правдивостью фальшивую жизнь высшихъ слоевъ общества и разныхъ штабовъ, окружающихъ высокія лица, авторъ противопоставилъ имъ двѣ крѣпкія и истинно живыя сферы — семейную жизнь и настоящую военную, т.-е. армейскую жизнь. Два семейства, Болконскихъ и Ростовыхъ, представляютъ намъ жизнь, руководимую ясными, несомнѣнными началами, въ соблюденіи которыхъ члены этихъ семействъ поставляютъ свой долгъ и честь, достоинство и утѣшеніе. Точно также армейская жизнь (которую гр. Л. Н. Толстой въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ съ раемъ) представляетъ намъ полную опредѣленность понятій о долгѣ, о достоинствѣ человѣка; такъ что простодушный Николай Ростовъ даже предпочелъ однажды остаться въ полку, а не ѣхать въ семью, гдѣ онъ не совсѣмъ ясно видитъ какъ ему слѣдуетъ вести себя...

...Понятно поэтому, что Наполеонъ не понялъ и никогда не могъ понять того, что совершалось на Бородинскомъ полѣ; понятно, что онъ долженъ былъ быть объятъ недоумѣніемъ и страхомъ при зрѣлищѣ неожиданной и невѣдомой силы, которая возстала противъ него. Такъ какъ дѣло, однакоже, было, повидимому, очень простое и ясное, то понятно, наконецъ, что авторъ счелъ себя въ правѣ сказать о Наполеонѣ слѣдующее:

«И не на одинъ только этотъ часъ и день были *помрачены умъ и совѣсть* этого человѣка, тяжеле всѣхъ другихъ участниковъ этого дѣла носившаго на себѣ всю тяжесть совершившагося; но и никогда, до конца жизни своей, *не могъ понимать онъ ни добра, ни красоты, ни истины*, ни значенія своихъ поступковъ, которые были слишкомъ противоположны добру и правдѣ, слишкомъ далеки отъ всего человѣческаго, для того, чтобы онъ могъ понимать ихъ значеніе. Онъ не могъ отречься отъ своихъ поступковъ, восхваляемыхъ половиной свѣта, и потому долженъ былъ отречься *отъ правды и добра, и всего человѣчества*» (т. IV, стр. 330—331).

Итакъ, вотъ одинъ изъ окончательныхъ выводовъ — въ Наполеонѣ, въ этомъ героѣ изъ героевъ, авторъ видитъ человѣка, дошедшаго до совершенной утраты истиннаго человѣческаго достоинства, человѣка, постигнутаго помраченіемъ ума и совѣсти. Доказательство налицо. Какъ Барклай де-Толли навсегда уроненъ тѣмъ, что не понялъ положенія Бородинской битвы, какъ Кутузовъ превознесенъ выше всякихъ похвалъ тѣмъ, что совершенно ясно понималъ, что дѣлается во время этой битвы, — такъ Наполеонъ навѣки осужденъ тѣмъ, что не понялъ того святого, простого дѣла, которое мы дѣлали при Бородинѣ и которое понималъ каждый нашъ солдатъ. Въ дѣлѣ, такъ громко вопіявшемъ о своемъ смыслѣ, Наполеонъ не понялъ, что правда была на нашей сторонѣ. Европа хотѣла задушить Рос-

сію и въ своей гордости мечтала, что дѣйствуетъ прекрасно и справедливо.

Итакъ, въ лицѣ Наполеона художникъ какъ будто хотѣлъ представить намъ душу человѣческую въ ея слѣпотѣ, хотѣлъ показать, что героическая жизнь можетъ противорѣчить истинному человѣческому достоинству, что добро, правда и красота могутъ быть гораздо доступнѣе людямъ простымъ и малымъ, чѣмъ инымъ великимъ героямъ. Простой человѣкъ, простая жизнь поставлены поэтомъ выше героизма и по достоинству, и по силѣ; ибо простые русскіе люди съ такими сердцами, какъ у Николая Ростова, у Тимохина и Тушина, побѣдили Наполеона и его великую армію.

Такимъ образомъ, мы могли бы дать еще нѣсколько формулъ цѣли и смысла «Войны и мира». *Истина* есть сущность каждаго дѣйствительно-художественнаго произведенія, и потому, на какую бы философскую высоту созерцанія жизни мы ни поднялись, мы найдемъ въ «Войнѣ и мирѣ» точки опоры для своего созерцанія. Много было говорено объ *исторической теоріи* графа Л. Н. Толстого. Несмотря на чрезмѣрность нѣкоторыхъ его выраженій, люди самыхъ различныхъ мнѣній соглашались, что онъ если не вполнѣ правъ, то *на одинъ шагъ* отъ правды.

Эту теорію можно бы обобщить и сказать, напримѣръ, что не только историческая, но и всякая человѣческая жизнь управляется не умомъ и волею, т.-е. не мыслями и желаніями, достигшими ясной сознательной формы, а чѣмъ-то болѣе темнымъ и сильнымъ, такъ называемою *натурою* людей. Источники жизни (какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ) гораздо глубже и могущественнѣе, чѣмъ тотъ сознательный произволъ и сознательное соображеніе, которыми, повидимому, руководятся люди. Подобная *вѣра въ жизнь* — признаніе за жизнью бо́льшаго смысла, чѣмъ тотъ, какой способенъ уловить нашъ разумъ — разлита по всему произведенію графа Л. Н. Толстого; и можно бы сказать, что на эту мысль написано все это произведеніе.

Вездѣ жизнь оказывается шире бѣдныхъ логическихъ соображеній, и поэтъ превосходно показываетъ, какъ она обнаруживаетъ свою силу помимо воли людей. Наполеонъ стремится къ тому, что должно погубить его; безпорядокъ, въ которомъ онъ засталъ наше войско и правительство, спасаетъ Россію, потому что завлекаетъ Наполеона къ Москвѣ, даетъ созрѣть нашему патріотизму, вызываетъ необходимость назначить Кутузова и вообще измѣнить весь ходъ дѣлъ. Истинныя, глубокія силы, управляющія событіями, берутъ верхъ надъ всѣми расчетами.

Итакъ, таинственная глубина жизни — вотъ мысль «Войны и мира».

Но съ такимъ же правомъ мы могли бы взять и какое-нибудь другое высокое созерцаніе явленій и приписать его этому произведенію. Можно, напримѣръ, сказать, что высшая точка зрѣнія, на которую подымается авторъ, есть религіозный взглядъ на міръ. Когда князь Андрей, невѣрующій, какъ и его отецъ, тяжело и больно испыталъ всѣ превратности жизни и, смертельно раненый, увидѣлъ своего врага Анатолія Курагина, онъ вдругъ почувствовалъ, что ему открывается новый взглядъ на жизнь.

«Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и *которой я не понималъ;* вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ» (т. IV, стр. 329).

И не одному князю Андрею, но и многимъ лицамъ «Войны и мира» открывается въ различной степени это высокое пониманіе жизни, напримѣръ, многострадальной и многолюбящей княжнѣ Марьѣ, Пьеру послѣ измѣны жены, Наташѣ послѣ ея измѣны жениху и пр. Съ удивительною ясностью и силою поэтъ показываетъ, какъ религіозный взглядъ составляетъ всегдашнее прибѣжище души, измученной жизнью, единственную точку опоры для мысли, пораженной и измѣнчивостью всѣхъ человѣческихъ благъ. Душа, отрекающаяся отъ міра, становится выше міра и обнаруживаетъ новую красоту — всепрощеніе и любовь...

...Все фальшивое, блестящее только по внѣшности, безпощадно разоблачается художникомъ. Подъ искусственными, наружно-изящными отношеніями высшаго общества онъ открываетъ намъ цѣлую бездну пустоты, низкихъ страстей и чисто-животныхъ влеченій. Напротивъ, все простое и истинное, въ какихъ бы низменныхъ и грубыхъ формахъ оно ни появлялось, находитъ въ художникѣ глубокое сочувствіе. Какъ ничтожны и пошлы салоны Анны Павловны Шереръ и Эленъ Безухой, и какой поэзіей облеченъ смиренный бытъ *дядюшки!*

Мы не должны забывать, что семейство Ростовыхъ, хотя они и графы, есть простое семейство русскихъ помѣщиковъ, тѣсно связанное съ деревнею, сохраняющее весь строй, всѣ преданія русской жизни и только случайно соприкасающееся съ большимъ свѣтомъ. Большой свѣтъ есть сфера, совершенно отъ нихъ отдѣльная, тлетворная сфера, прикосновеніе которой такъ гибельно дѣйствуетъ на Наташу. По своему обыкновенію, авторъ рисуетъ эту сферу по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя испытываетъ отъ нея Наташа.

Другое семейство, къ хроникѣ котораго принадлежитъ то, что разсказывается въ «Войнѣ и мирѣ», семейство Болконскихъ точно также не принадлежитъ къ большому свѣту. Скорѣе можно сказать, что оно *выше* этого свѣта, но, во всякомъ случаѣ, оно внѣ его. Припомните княжну Марью, неимѣющую никакого подобія свѣтской дѣвушки; припомните враждебное отношеніе старика и его сына къ маленькой княгинѣ Лизѣ, самой очаровательной свѣтской женщинѣ.

Итакъ, несмотря на то, что одно семейство — графское, а другое — княжеское, «Война и миръ» не имѣетъ и тѣни великосвѣтскаго характера. «Великосвѣтскость» нѣкогда очень соблазняла нашу литературу и породила въ ней цѣлый рядъ фальшивыхъ произведеній. Лермонтовъ не успѣлъ освободиться отъ этого увлеченія, которое Ап. Григорьевъ называлъ «болѣзнью моральнаго лакейства». Въ «Войнѣ и мирѣ» русское искусство явилось совершенно свободнымъ отъ всякаго признака этой болѣзни; эта свобода имѣетъ тѣмъ большую силу, что здѣсь искусство захватило тѣ самыя сферы, гдѣ, повидимому, господствуетъ большой свѣтъ.

Семья Ростовыхъ и семья Болконскихъ по ихъ внутренней жизни, по отношеніямъ ихъ членовъ, суть такія же русскія семьи, какъ и всякія другія. Для лицъ той и другой семьи семейныя отношенія имѣютъ существенную, господствующую важность...

...Итакъ, вотъ какая жизнь изображена въ «Войнѣ и мирѣ»,—не личная эгоистическая жизнь, не исторія индивидуальныхъ стремленій и страданій; изображена жизнь общинная, связанная во всѣхъ направленіяхъ живыми узами. Въ этой чертѣ, намъ кажется, обнаруживается истинно-русскій, истинно-самобытный характеръ произведенія гр. Л. Н. Толстого.

А что же страсти? Какую роль играютъ личности, характеры въ «Войнѣ и мирѣ»? Понятно, что страстямъ здѣсь не можетъ ни въ какомъ случаѣ принадлежать первенствующее мѣсто, и что личные характеры не будутъ выдаваться изъ общей картины огромностью своихъ размѣровъ.

Страсти не имѣютъ въ «Войнѣ и мирѣ» ничего блестящаго, картиннаго. Возьмемъ для примѣра любовь. Это — или простая чувственность, какъ у Пьера въ отношеніи къ женѣ, какъ у самой Элены къ ея обожателямъ; или, наоборотъ,—это совершенно спокойная, глубоко-человѣчественная привязанность, какъ у Софьи къ Николаю, или какъ постепенно возникающія отношенія между Пьеромъ и Наташею.

Точно такъ и всѣ другія страсти, все то, въ чемъ раскрывается отдѣльная личность человѣка—злоба, честолюбіе, мщеніе,—все это или проявляется въ видѣ мгновенныхъ вспышекъ, или переходитъ въ постоянныя, но уже болѣе спокойныя отношенія. Вспомните отношенія

Пьера къ его женѣ, къ Друбецкому и пр. Вообще, «Война и миръ» не взводитъ страстей въ идеалъ; надъ этой хроникой, очевидно, господствуетъ *вѣра въ семью* и столь же очевидно *невѣріе въ страсти*, т.-е. невѣріе въ ихъ продолжительность и прочность, — убѣжденіе, что, какъ бы сильны и прекрасны ни были эти личныя стремленія, они современемъ поблекнутъ и исчезнутъ.

Что касается до характеровъ, то совершенно ясно, что сердцу художника остались попрежнему неизмѣнно милы типы простые и смирные—отраженіе одного изъ любимѣйшихъ идеаловъ нашего народнаго духа. Благодушные и смиренные герои — Тимохинъ, Тушинъ, благодушные и простые люди — княжна Марья, графъ Илья Ростовъ, обрисованы съ тѣмъ пониманіемъ, съ тою глубокою симпатіею, которая намъ знакома изъ прежнихъ произведеній гр. Л. Н. Толстого. Но всякій, кто слѣдилъ за прежнею дѣятельностью художника, не можетъ быть не пораженъ тою смѣлостью и свободою, съ которою гр. Л. Н. Толстой сталъ изображать и типы сильные, страстные. Въ «Войнѣ и мирѣ» художникъ какъ будто въ первый разъ овладѣлъ тайною сильныхъ чувствъ и характеровъ, къ которымъ прежде всегда относился съ такою недовѣрчивостью. Болконскіе—отецъ и сынъ—уже никакъ не принадлежатъ къ смирному типу. Наташа представляетъ чарующее воспроизведеніе страстнаго женскаго типа, въ одно время сильнаго, пылкаго и нѣжнаго.

Свою нелюбовь къ хищному типу художникъ, впрочемъ, заявилъ въ изображеніи цѣлаго ряда такихъ лицъ, какъ Эленъ, Анатоль, Долоховъ, ямщикъ Балага и пр. Все это натуры попреимуществу хищныя; художникъ сдѣлалъ изъ нихъ представителей зла и разврата, отъ котораго страдаютъ главныя лица его семейной хроники.

Но самый интересный, самый оригинальный и мастерской типъ, созданный гр. Л. Н. Толстымъ, есть лицо Пьера Безухаго. Это, очевидно, сочетаніе обоихъ типовъ, смирнаго и страстнаго, чисто русская натура, одинаково исполненная добродушія и силы. Мягкій, застѣнчивый, дѣтски-простодушный и добрый, Пьеръ по временамъ обнаруживалъ въ себѣ (какъ говоритъ авторъ) натуру своего отца. Кстати, этотъ отецъ—богачъ и красавецъ екатерининскаго времени, который въ «Войнѣ и мирѣ» является только умирающимъ и не произноситъ ни одного слова, составляетъ одну изъ поразительнѣйшихъ картинъ «Войны и мира». Это вполнѣ — умирающій левъ, до послѣдняго издыханія поражающій могуществомъ и красотою. Натура этого-то льва порой и отзывается въ Пьерѣ. Вспомните, какъ онъ трясетъ за шиворотъ Анатоля, этого буяна, главу повѣсъ, дѣлавшихъ штуки, которыя *обыкновенному человѣку давно бы заслужили Сибирь* (т. III, стр. 259).

Каковы бы, впрочемъ, ни были сильные русскіе типы, изображенные гр. Л. Н. Толстымъ, все-таки очевидно, что въ совокупности этихъ лицъ мало блестящаго, дѣятельнаго, и что сила тогдашней Россіи гораздо болѣе опиралась на стойкость смирнаго типа, чѣмъ на дѣйствія сильнаго. Самъ Кутузовъ, величайшая сила, изображенная въ «Войнѣ и мирѣ», не имѣетъ въ себѣ блестящихъ сторонъ. Это — медлительный старикъ, главная мощь котораго обнаруживается въ той легкости и свободѣ, съ которою онъ носитъ на себѣ тяжелое бремя своей опытности. *Терпѣніе и время*—его лозунгъ (т. IV, стр. 221).

Мы видимъ, слѣдовательно, что все геройство русскихъ сводится на силу типа самоотверженнаго и безтрепетнаго, но вмѣстѣ смирнаго и простого. Типъ же истинно блестящій, исполненный дѣятельной силы, страстности, хищности, очевидно, представляютъ и по сущности дѣла должны представлять — французы со своимъ предводителемъ Наполеономъ. По дѣятельной силѣ и блеску, русскіе ни въ какомъ случаѣ не могли поравняться съ этимъ типомъ, и, какъ мы уже замѣтили, весь разсказъ «Войны и мира» изображаетъ столкновеніе этихъ двухъ столь различныхъ типовъ и побѣду типа простого надъ типомъ блестящимъ...

...Какая громада и какая стройность! Ничего подобнаго не представляетъ намъ ни одна литература. Тысячи лицъ, тысячи сценъ, всевозможныя сферы государственной и частной жизни, исторія, война, всѣ ужасы, какіе есть на землѣ, всѣ страсти, всѣ моменты человѣческой жизни, отъ крика новорожденнаго ребенка до послѣдней вспышки чувства умирающаго старика, всѣ радости и горести, доступныя человѣку, всевозможныя душевныя настроенія, отъ ощущеній вора, укравшаго червонцы у своего товарища, до высочайшихъ движеній героизма и думъ внутренняго просвѣтлѣнія, — все есть въ этой картинѣ. А между тѣмъ ни одна фигура не заслоняетъ другой, ни одна сцена, ни одно впечатлѣніе не мѣшаютъ другимъ сценамъ и впечатлѣніямъ, все на мѣстѣ, все ясно, все раздѣльно и все гармонируетъ между собою и съ цѣлымъ...

Пятый томъ содержитъ занятіе Москвы французами и все время ихъ пребыванія въ ней. Шестой — бѣгство французовъ, и эпилогъ — развязку всѣхъ событій, государственныхъ и частныхъ. Надъ пятымъ томомъ царитъ ужасъ, а надъ шестымъ, несмотря на всѣ его мрачныя картины, уже носится вѣяніе мира, уже ясно, что все стихаетъ, борьба кончена и скоро наступитъ обыкновенное теченіе жизни.

Пятый томъ, начинающійся совѣтомъ въ Филяхъ, на которомъ рѣшено было отдать Москву, и оканчивающійся сценою, когда Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи французовъ изъ столицы, поразителенъ изображеніемъ того страшнаго удара, который былъ на

несенъ русскимъ душамъ потерею Москвы. Люди потерялись, ошалѣли, обезумѣли отъ жестокаго потрясенія. Растопчинъ, Пьеръ, посѣтители питейнаго дома на Варваркѣ,—всѣ потеряли голову, всѣ чувствовали и дѣйствовали подъ давленіемъ неописаннаго ужаса. Самъ Кутузовъ, до конца вѣрившій и ни разу не колебавшійся, задумался, какъ никогда онъ не задумывался. Главное лицо пятаго тома—Пьеръ, на которомъ всего яснѣе отражается нравственный процессъ, совершавшійся въ русскихъ душахъ, своими похожденіями всего лучше изображаетъ чувства, овладѣвшія тогда всѣми. Его бѣгство изъ своего дворца, переодѣваніе, попытка убить Наполеона и пр., все свидѣтельствуетъ о глубокомъ душевномъ потрясеніи, о страстномъ желаніи, такъ или иначе, раздѣлить бѣдствія своей родины, страдать тогда, когда всѣ страдаютъ. Онъ, наконецъ, добивается своего, и въ плѣну, успокоивается. Въ плѣну онъ сливается съ массою простонародныхъ лицъ, и въ этой массѣ встрѣчаетъ человѣка, который всего яснѣе, всего глубже показываетъ ему силу и красоту русскаго народа — Платона Каратаева. Убѣжавши съ Бородинскаго поля, Безухій размышлялъ такъ: «Какъ ужасенъ страхъ, и какъ позорно я отдался ему! А они... они все время до конца были тверды, спокойны»... «*Они* въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были на батареѣ, и тѣ, которые его кормили, и тѣ, которые молились на икону. *Они—эти странные, невѣдомые ему доселѣ, они ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ другихъ людей*» (т. V, стр. 35). Затѣмъ во снѣ ему видится масонъ-благодѣтель, говорящій о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. «И *они* со всѣхъ сторонъ, *со своими простыми добрыми лицами*, окружали благодѣтеля». Такъ образъ народа съ неизгладимою силою отпечатлѣлся въ душѣ Пьера на Бородинскомъ полѣ. Но это впечатлѣніе еще разъ, съ большею силою, въ болѣе конкретныхъ формахъ, повторилось для Пьера тогда, когда онъ всего способнѣе былъ его принять, въ плѣну, среди величайшихъ страданій. «Платонъ Каратаевъ, — говоритъ авторъ,—остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго» (тамъ же, стр. 233). Въ лицѣ Каратаева Пьеръ видѣлъ то, какъ русскій народъ мыслитъ и чувствуетъ при самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, какая великая вѣра живетъ въ его простыхъ сердцахъ. Душевная красота Каратаева поразительна, выше всякой похвалы. Вспомнимъ, какъ долго наша литература занималась простымъ народомъ, сколько попытокъ было сдѣлано, чтобы уловить его духъ и силу, сколько подобныхъ попытокъ есть у самого гр. Л. Н. Толстого. Вся эта литература, всѣ эти попытки превзойдены и навсегда заслонены несравненною фигурою Каратаева, показывающею, какъ глубоко овладѣлъ художникъ труднѣйшими за-

дачами, волновавшими цѣлый литературный періодъ и его самого вмѣстѣ съ другими.

Итакъ, внутренній смыслъ пятаго тома сосредоточенъ на Пьерѣ и Каратаевѣ, какъ на лицахъ, которыя, страдая вмѣстѣ со всѣми, но оставаясь безъ дѣйствія, имѣли возможность продумать и выносить въ душѣ впечатлѣніе великаго общаго бѣдствія. Для Пьера глубокій душевный процессъ окончился нравственнымъ обновленіемъ; Наташа говоритъ, что Пьеръ морально очистился, что плѣнъ былъ для него нравственною банею (т. VI, стр. 136). Каратаеву нечему было учиться; онъ словомъ и дѣломъ училъ другихъ и умеръ, завѣщавъ свой духъ Пьеру...

...Но творчество нашего художника достигаетъ своей высшей силы тамъ, гдѣ оно касается вѣчныхъ, непреходящихъ интересовъ души человѣческой. Участіе князя Андрея въ общихъ дѣлахъ кончилось на Бородинскомъ полѣ, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ. Ему предстояли теперь уже однѣ частныя его дѣла — свиданіе съ Наташею и смерть. Изображеніе этого свиданія и внутренняго просвѣтлѣнія, испытаннаго княземъ Андреемъ передъ смертью, есть верхъ художественнаго совершенства, дѣйствительное откровеніе тайнъ человѣческаго сердца, потрясающее насъ своею неизмѣримою глубиною. Другой разсказъ не менѣе поразителенъ. Въ пятомъ же томѣ разсказывается, какъ среди всеобщихъ бѣдствій завязалась любовь между княжною Марьею и Николаемъ Ростовымъ. Чистота и нѣжность этихъ отношеній невыразимы, безконечны. Невольно изумляешься тому, какъ просты и вмѣстѣ какъ чисты оба эти существа, какой ясный свѣтъ можетъ горѣть въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ. Итакъ, князь Андрей умираетъ, Николай Ростовъ влюбляется въ свою будущую жену, Пьеръ страдаетъ— вся гамма человѣческой жизни еще разъ взята художникомъ въ пятомъ томѣ...

...Внутренній смыслъ хроники заканчивается послѣдними поученіями, преподаваемыми Пьеру его собственными страданіями и предсмертными рѣчами и смертью Каратаева. Живо и глубоко изображаетъ художникъ обновленіе Пьера. Въ этомъ обновленіи олицетворено обновленіе всей Россіи, то раскрытіе духовныхъ силъ, которое должно было послѣдовать за испытаніями и борьбою. Для Пьера, какъ и для Россіи, начался новый, лучшій періодъ. Очистившійся, укрѣпленный и просвѣтленный страданіемъ, Пьеръ заслуживаетъ любовь Наташи и испытываетъ все счастье, къ какому только способенъ.

Тутъ опять художникъ вступаетъ въ область неизмѣнныхъ, непреходящихъ интересовъ человѣческой жизни и опять поднимается до высоты удивительной и несравненной. Онъ рисуетъ намъ двѣ семьи, двѣ новыя семьи, сложившіяся подъ вліяніемъ всѣхъ разсказанныхъ

имъ событій и составляющія какъ бы вѣнецъ дѣла, какъ бы плодъ на одной изъ безчисленныхъ вѣтокъ дерева, выдержавшаго благотворную бурю, — Россіи. Никогда еще не было на свѣтѣ подобнаго описанія супружеской жизни, потому что не было описанія русской семьи, т.-е. самой лучшей изъ всѣхъ семей на свѣтѣ. Любовь между мужемъ и женою въ полномъ расцвѣтѣ ихъ силъ, чистая, нѣжная, твердая, незыблемо-глубокая, въ первый разъ изображена намъ во всей ея высокой силѣ и безъ единой прикрасы.

Картина двухъ новыхъ семействъ удивительно гармонически заканчиваетъ всю хронику. Когда начинался разсказъ, передъ нами открывались два семейства, уже давно сложившіяся, — семейство Болконскихъ, въ которомъ были взрослые сынъ и дочь, и семейство Ростовыхъ, въ которомъ Николай былъ еще только студентомъ, а Наташѣ было двѣнадцать лѣтъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ (таковъ періодъ, обнимаемый хроникою), передъ нами являются двѣ молодыя семьи съ маленькими дѣтьми. Съ геніальнымъ тактомъ художникъ началъ свою семейную хронику съ людей настолько взрослыхъ, что мы можемъ ими заинтересоваться, и кончилъ картинами, въ которыхъ даже грудныя дѣти намъ безконечно милы, такъ какъ принадлежатъ къ семействамъ, съ которыми мы сжились и сроднились во время разсказа.

Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастье и

Полная картина тогдашней Россіи.

Полная картина того, что называется исторіею и борьбою народовъ.

Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастье и величіе, свое горе и униженіе.

Вотъ что такое «Война и миръ».

Итакъ, какой же смыслъ «Войны и мира»?

Всего яснѣе, намъ кажется, этотъ смыслъ выражается въ тѣхъ словахъ автора, которыя мы поставили эпиграфомъ: «Нѣтъ величія,— говоритъ онъ, — тамъ, гдѣ нѣтъ *простоты, добра* и *правды*».

Задача художника состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе, какъ онъ его понимаетъ, и противопоставитъ его ложному величію, которое онъ отвергаетъ. Эта задача выразилась не только въ противопоставленіи Кутузова и Наполеона, но и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ борьбы, вынесенной цѣлою Россіею, въ образѣ чувствъ и мыслей каждаго солдата, во всемъ нравственномъ мірѣ русскихъ людей, во всемъ ихъ бытѣ, во всѣхъ явленіяхъ ихъ жизни, въ ихъ манерѣ любить, страдать, умирать. Художникъ изобразилъ со всею ясностью, въ чемъ русскіе люди полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ слабыхъ душахъ и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты

ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. Идеалъ этотъ состоитъ, по формулѣ, данной самимъ авторомъ, въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ «Войны и мира».

Другими словами, художникъ далъ намъ новую, русскую формулу *героической жизни*, ту формулу, подъ которую подходитъ Кутузовъ и подъ которую никакъ не можетъ подойти Наполеонъ. О Кутузовѣ авторъ прямо говоритъ: «*Простая, скромная* и потому *истинно величественная* фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія» (т. VI, стр. 88). Но то же самое слѣдуетъ разумѣть обо всѣхъ русскихъ людяхъ, обо всѣхъ фигурахъ, выведенныхъ въ «Войнѣ и мирѣ». Ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ есть героическаго, насколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія и лживыя формы, которыя созданы Европою. Весь русскій душевный строй *проще, скромнѣе*, представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя однѣ согласны съ истиннымъ величіемъ, и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ. Обыкновенно насъ плѣняютъ и долго еще будутъ плѣнять блескъ и мощь тѣхъ формъ жизни, которыя создаются силами, не соблюдающими гармоніи, вышедшими изъ взаимнаго равновѣсія. Этихъ яркихъ формъ всякаго рода страстей, всякаго рода душевныхъ напряженій, разрастающихся до ослѣпляющаго величія, много создала Европа, много создалъ древній міръ. Мы, младшій изъ великихъ народовъ, невольно увлекаемся этими формами чуждой жизни; но въ глубинѣ души у насъ хранится другой, своеобразный идеалъ, въ сравненіи съ которымъ часто меркнутъ и являются безобразіемъ воплощенія въ дѣйствительности и въ искусствѣ идеаловъ, несогласныхъ съ нашимъ душевнымъ строемъ.

Чисто-русскій героизмъ, чисто-русское героическое во всевозможныхъ сферахъ жизни, — вотъ что далъ намъ гр. Л. Н. Толстой, вотъ главный предметъ «Войны и мира». Если мы огляпемся на нашу прошлую литературу, то намъ будетъ яснѣе, какую огромную заслугу оказалъ намъ художникъ, и въ чемъ состоитъ эта заслуга. Основатель нашей самобытной литературы, Пушкинъ, одинъ только въ своей великой душѣ носилъ сочувствіе всѣмъ родамъ и видамъ величія, всѣмъ формамъ героизма, почему и могъ онъ постигнуть и русскій идеалъ, почему и могъ стать основателемъ русской литературы. Но въ его дивной поэзіи этотъ идеалъ проступалъ только чертами, только указаніями, безошибочными и ясными, но неполными и неразвитыми.

Явился Гоголь и не совладалъ съ безмѣрною задачею. Раздался плачъ по идеалѣ, полились «сквозь видимый міру смѣхъ незримыя слезы», свидѣтельствовавшія, что художникъ не хочетъ отказаться отъ идеала, но и не можетъ достигнуть его воплощенія. Гоголь сталъ отрицать эту жизнь, которая такъ упорно не выдавала ему своихъ положительныхъ сторонъ. «Нѣтъ у насъ героическаго въ жизни; мы всѣ или Хлестаковы или Поприщины» — вотъ заключеніе, къ которому пришелъ несчастный идеалистъ.

Задача всей литературы послѣ Гоголя состояла только въ томъ, чтобы отыскать русскій героизмъ, сгладить то отрицательное отношеніе, въ которое сталъ къ жизни Гоголь, уразумѣть русскую дѣйствительность болѣе правильнымъ, болѣе широкимъ образомъ, чтобы не могъ отъ насъ укрыться тотъ идеалъ, безъ котораго народъ такъ же не могъ бы существовать, какъ тѣло безъ души. Для этого требовалась тяжкая и долгая работа, и ее-то сознательно и безсознательно несли и совершали всѣ наши художники.

Но первый разрѣшилъ задачу гр. Л. Н. Толстой. Онъ первый одолѣлъ всѣ трудности, выносилъ и побѣдилъ въ своей душѣ процессъ отрицанія и, освободившись отъ него, сталъ творить образы, воплощающіе въ себѣ положительныя стороны русской жизни. Онъ первый показалъ намъ въ неслыханной красотѣ то, что ясно видѣла и понимала только безупречно гармоническая, всему великому доступная душа Пушкина. Въ «Войнѣ и мирѣ» мы опять нашли свое героическое, и теперь его уже никто отъ насъ не отнимаетъ.

Попробуемъ частнѣе и опредѣленнѣе указать, что сдѣлано гр. Л. Н. Толстымъ. Не вся задача рѣшена, не вся широкая область русской души исчерпана гр. Л. Н. Толстымъ, но та половина задачи, которая въ настоящую минуту была всего настоятельнѣе и важнѣе, получила въ «Войнѣ и мирѣ» рѣшеніе, по своей силѣ и ясности не уступающее никакому другому созданію поэзіи, принадлежащее къ высшимъ ея проявленіямъ, какія только существуютъ и будутъ существовать.

Особенный смыслъ этого голоса — вотъ что намъ слѣдуетъ опредѣлить. Если мы для этого прослѣдимъ всѣ лица и событія «Войны и мира», то мы ясно увидимъ, что симпатіи автора имѣютъ нѣкоторую односторонность, выкупаемую тѣмъ большею проницательностью и глубиною относительно той стороны, въ которую обращены эти симпатіи. Существуетъ на свѣтѣ какъ будто два рода героизма: одинъ—дѣятельный, тревожный, порывающійся, другой — страдательный, спокойный, терпѣливый. Гр. Л. Н. Толстой, очевидно, съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ страдательному или смирному героизму и, очевидно же, мало питаетъ сочувствія къ героизму дѣятельному, или

хищному. Въ пятомъ и шестомъ томѣ эта разница въ симпатіи выступила еще рѣзче, чѣмъ въ первыхъ томахъ. Къ категоріи дѣятельнаго героизма относятся не только французы вообще и Наполеонъ въ особенности, но и множество русскихъ лицъ, напримѣръ, Растопчинъ, Ермоловъ, Милорадовичъ, Долоховъ и пр. Къ категоріи смирнаго героизма принадлежитъ прежде всего самъ Кутузовъ, величайшій образецъ этого типа — Тушинъ, Тимохинъ, Дохтуровъ, Коновницынъ и пр., и пр.; вообще, вся масса нашихъ военныхъ и вся масса русскаго народа. Весь разсказъ «Войны и мира» какъ будто имѣетъ цѣлью доказать превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ, который повсюду оказывается не только побѣжденнымъ, но и смѣшнымъ, не только безсильнымъ, но и вреднымъ. Самая ясная и живая фигура, въ которой гр. Л. Н. Толстой съ удивительной силою очертилъ типъ людей, думающихъ быть дѣятельными героями, есть Растопчинъ. Мы слышали, что это лицо угадано авторомъ совершенно вѣрно, что самыя подробныя и многолѣтнія историческія изысканія только подтверждаютъ поэтическую проницательность гр. Л. Н. Толстого. Передъ величіемъ совершающихся событій люди, подобные Растопчину, являются ничтожными и жалкими, не потому, чтобы это были личности очень слабыя сами по себѣ, а потому, что они порываются вмѣшаться въ ходъ событій, неизмѣримо превышающихъ собою размѣры ихъ силъ. Въ этомъ преувеличеніи своего значенія, въ этомъ нелѣпомъ и дерзкомъ самообольщеніи у автора оказываются виновными не только отдѣльныя лица, но цѣлые народы, напримѣръ, французы, приведшіе на насъ Европу, и цѣлыя сферы въ самой Россіи, напримѣръ, придворная сфера, сфера военныхъ штабовъ и т. д. Авторъ показываетъ, какъ повсюду увѣренность въ своей силѣ, признаніе за своею личностью способности измѣнять и направлять событія ведетъ только къ ошибкамъ и неизбѣжно соединяется съ игрою самыхъ дурныхъ страстей — самолюбія, тщеславія, зависти, ненависти и пр.

Но пока нѣтъ у насъ чистыхъ и ясныхъ образовъ дѣятельнаго героизма, пока этотъ героизмъ не нашелъ себѣ своего поэта-выразителя, мы должны смиренно преклониться передъ поэтомъ, прославившимъ и воплотившимъ передъ нами героизмъ смиренія. Мы только можетъ гадать и смутно прозрѣвать черты иного величія, также свойственнаго русской натурѣ, а то величіе, которое изображено гр. Л. Н. Толстымъ, мы уже видимъ воочію, въ ясномъ воплощеніи.

И въ существенномъ пунктѣ мы не можемъ не согласиться съ поэтомъ, т.-е. мы вполнѣ признаемъ превосходство смирнаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ. Гр. Л. Н. Толстой изобразилъ намъ если не самыя сильныя, то, во всякомъ случаѣ, самыя лучшія

стороны русскаго характера, тѣ его стороны, которымъ принадлежитъ и должно принадлежать верховное значеніе. Какъ нельзя отрицать, что Россія побѣдила Наполеона не дѣятельнымъ, а смирнымъ героизмомъ, такъ вообще нельзя отрицать, что *простота, добро* и *правда* составляютъ высшій идеалъ русскаго народа, которому долженъ подчиняться идеалъ сильныхъ страстей и исключительно сильныхъ личностей. Мы сильны *всѣмъ народомъ*, сильны тою силою, которая живетъ въ самыхъ простыхъ и смирныхъ личностяхъ,—вотъ что хотѣлъ сказать гр. Л. Н. Толстой, и онъ совершенно правъ. Прибавимъ, что мы должны бы были преклониться передъ лучшими чертами нашего народнаго идеала и въ томъ случаѣ, если бы намъ не было доказано, что простота, добро и правда могутъ побѣдить всякую ложную, злую и неправую силу. Если вопросъ идетъ о силѣ, то онъ рѣшается тѣмъ, на какой сторонѣ побѣда; но простота, добро и правда намъ милы и дороги сами по себѣ, все равно, побѣдятъ они или нѣтъ.

Вездѣ и всюду или господствуетъ духъ простоты, добра и правды, или является борьба этого духа съ уклоненіями людей на иные пути, и, рано или поздно, его побѣда. Въ первый разъ мы увидѣли неравненную прелесть чисто-русскаго идеала, смиреннаго, простого, безкопечно-нѣжнаго и въ то же время незыблемо-твердаго и самоотверженнаго. Огромная картина гр. Л. Н. Толстого есть достойное изображеніе русскаго народа. Это дѣйствительно неслыханное явленіе, — эпопея въ современныхъ формахъ искусства...

...Философскіе взгляды гр. Л. Н. Толстого тѣсно связаны съ содержаніемъ его хроники, они содержатъ въ себѣ замѣчательно точную и глубокую формулировку нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся исторіи вообще, но они не захватываютъ, не исчерпываютъ въ отвлеченной формѣ всего содержанія, которое «Война и миръ» представляетъ въ формѣ художественной. Вотъ наше сужденіе, которое мы постараемся подкрѣпить кое-какими замѣчаніями и ссылками.

Мысль о томъ, что исторія совершается помимо людского произвола, что въ ней, неожиданно для разума и усилій людей, обнаруживается дѣйствіе другихъ, болѣе могучихъ и глубокихъ силъ, — вотъ главная мысль и философіи, и хроники гр. Л. Н. Толстого. Что движетъ народами? Отчего зависятъ ихъ страшныя столкновенія, ихъ побѣды и пораженія? Вотъ вопросы, на которые отвѣчаетъ гр. Л. Н. Толстой своими разсужденіями, и на эти же вопросы еще яснѣе, еще вразумительнѣе отвѣчаетъ вся хроника «Войны и мира», излагающая въ лицахъ и картинахъ, какъ Наполеонъ оказался «ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи» (т. VI, стр. 84), какъ онъ ничего не могъ сдѣлать противъ той силы, которою дѣйствительно управляются событія...

...Пусть, напримѣръ, кто-нибудь попробуетъ отрицать то положеніе, которое мы только-что привели, именно, что Наполеонъ былъ *ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи*. По смыслу хроники это вѣдь не значитъ, что Наполеонъ былъ человѣкъ тупой умомъ и слабый волею; напротивъ, все дѣло въ томъ, что онъ былъ необычайно проницателенъ и энергиченъ, и, однакоже, *не могъ ничего уразумѣть и ничего сдѣлать*, когда на сцену выступили дѣйствительныя силы исторіи; въ самой ссылкѣ, на островѣ св. Елены, какъ доказываетъ гр. Л. Н. Толстой, онъ не понималъ того, что́ съ нимъ случилось въ Россіи, и, слѣдовательно, онъ былъ вполнѣ слѣпымъ орудіемъ высшихъ судебъ, обнаружилъ самымъ разительнымъ образомъ свое ничтожество, такъ какъ столкнулся съ силою, безмѣрно превышавшею его волю и его разумъ.

Изъ «Войны и мира» ясно, что каждый солдатъ, повиновавшійся силѣ исторіи и потому содѣйствовавшій событію, которое она совершала, былъ въ этомъ отношеніи выше Наполеона, который ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ни въ пользу событія, ни противъ него. Дѣятельность солдата была направлена на возможное, которое и совершилось; дѣятельность Наполеона была направлена на невозможное и, слѣдовательно, была совершенно безплодна. Вотъ смыслъ, въ которомъ Наполеонъ оказался *ничтожнѣйшимъ* орудіемъ исторіи.

Люди сами не знаютъ, чему они служатъ орудіемъ; наибольшее посрамленіе выпадаетъ на долю тѣхъ, которые имѣютъ притязаніе на наибольшее величіе. Вотъ простыя истины, къ которымъ сводятся многія разсужденія гр. Л. Н. Толстого. Въ этихъ разсужденіяхъ такъ много вѣрнаго и яснаго, что они въ большей своей части не составляютъ новыхъ открытій, а представляютъ только оригинальное развитіе мыслей, давно уже высказанныхъ, хотя далеко не общераспространенныхъ.

Фатализмъ — вотъ какъ назвали философскій взглядъ гр. Л. Н. Толстого на исторію, не догадываясь, что это названіе само по себѣ ничего еще не выражаетъ. Фатализмъ, точно такъ же, какъ *пантеизмъ*, *идеализмъ*, суть общіе термины, подъ которые подходитъ всякая философія, что́ немало удивляетъ тѣхъ, которые въ первый разъ знакомятся съ философскими системами. Вы хотите объяснить, какъ міръ произошелъ отъ божества, держится имъ и зависитъ отъ него, это будетъ *пантеизмъ*. Вы хотите объяснить сущность явленій, смыслъ, для котораго вселенная составляетъ оболочку, это будетъ *идеализмъ*. Вы, наконецъ, хотите понять причины, по которымъ исторія *необходимо* должна была совершаться такъ, а не иначе, это будетъ *фатализмъ*.

Итакъ, мы не находимъ чего-либо совершенно новаго или чего-либо рѣзко уклоняющагося отъ истины въ основныхъ взглядахъ гр. Л. Н. Толстого; но всякій безпристрастный читатель долженъ, по нашему мнѣнію, признать, что эти взгляды развиты съ необыкновенной оригинальностью, съ настоящимъ философскимъ талантомъ и изложены мастерскимъ языкомъ, соединяющимъ чрезвычайную простоту и ясность съ силою и выразительностью.

Послѣдняя половина эпилога вся посвящена гр. Л. Н. Толстымъ изложенію его философіи исторіи. Тутъ въ порядкѣ и связи изложены его мнѣнія; и мы были удивлены многими превосходными, чисто-классическими страницами этихъ разсужденій. Вопросъ *о свободѣ воли* тутъ поставленъ съ замѣчательною глубиною, которой мы не найдемъ и малой доли у Бокля, или Милля, или другихъ нынѣ у насъ любимыхъ философовъ.

Итакъ, гр. Л. Н. Толстой отнюдь не фаталистъ въ строго-опредѣленномъ смыслѣ этого слова, и никакъ фаталистомъ быть не можетъ. Онъ отличаетъ исторію, какъ науку фаталическую (подобно всѣмъ другимъ частнымъ наукамъ), отъ тѣхъ умозрѣній, которыя содержатъ глубочайшія начала наукъ и высшіе вопросы о свободѣ.

Итакъ, безъ понятія свободы нравственныя науки не имѣли бы никакого смысла. Вопросы, относящіеся къ свободѣ, составляютъ живую душу этихъ наукъ, несмотря на то, что и тутъ господствуетъ фатализмъ, который вообще свойственъ знанію. Подводя поступки людей подъ законы статистики, ихъ душевныя свойства подъ законы образованія характера, развитіе народовъ подъ общіе законы жизни человѣчества, — мы стремимся внести фатализмъ въ эти науки; но весь интересъ ихъ заключается не въ этомъ фатализмѣ, а въ томъ, что содержится подъ нимъ, какъ подъ оболочкой. Чѣмъ рѣзче и глубже въ нихъ проводится фатализмъ, тѣмъ опредѣленнѣе и отчетливѣе выступаетъ передъ нами область свободы, тѣмъ громче звучитъ противорѣчіе и яснѣе слышенъ голосъ, возвѣщающій намъ нравственный смыслъ явленій.

Прекрасно слыша этотъ голосъ, хорошо понимая, что въ немъ одномъ заключается значеніе исторіи, авторъ, однакоже, посвятилъ весь конецъ своего труда задачѣ чисто формальной; его заинтересовалъ не дѣйствительный смыслъ исторіи, а только вопросъ о *примиреніи необходимости и свободы*, то-есть о томъ, какимъ образомъ исторія возможна, какъ наука въ тѣсномъ смыслѣ. Цѣлый рядъ остроумныхъ и тонкихъ разсужденій опредѣляетъ отношенія между необходимостью и свободою, и авторъ приходитъ къ заключенію, что въ исторіи, не отвергая дѣйствительной свободы и не пытаясь проник-

нуть въ ея сущность, мы должны *отказаться отъ несуществующей*[1]) *свободы и признать неощущаемую нами зависимость.*

Итакъ, главной мысли «Войны и мира» нельзя искать въ философскихъ формулахъ гр. Л. Н. Толстого, а нужно искать въ самой хроникѣ, гдѣ жизнь исторіи изображена съ такой изумительной полнотою, гдѣ для нашего сердца столько высокихъ откровеній. Тутъ очевидно, что вопросъ о нашей борьбѣ съ Европою есть совершенно особенный вопросъ; тутъ ясно свѣтится тотъ чисто-русскій идеалъ, который намъ дороже всего на свѣтѣ и въ которомъ, наконецъ, все дѣло.

Самъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходитъ къ отвлеченнымъ положеніямъ, очевидно, не вытекающимъ изъ его заключительныхъ разсужденій. Называя войну 1812 года *величайшею изъ всѣхъ извѣстныхъ войнъ* (т. VI, стр. 2), онъ замѣчаетъ, что она была въ то же время войною, «не подходящею ни подъ какія прежнія преданія войны» (стр. 4). Бородинское сраженіе онъ называетъ *однимъ изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи* (стр. 1) именно потому, что оно представляетъ какое-то противорѣчіе обыкновенному ходу историческихъ явленій.

Выводъ, къ которому приходитъ авторъ и въ которомъ содержится *поучительность* Бородинскаго сраженія и *новый* результатъ, не подходящій подъ преданія исторіи, состоитъ въ слѣдующемъ:

«Періодъ кампаніи 1812 года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія французовъ доказалъ, что выигранное сраженіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія; — доказалъ, что *сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ-то другомъ*» (т. V, стр. 3).

Итакъ, исторія не есть однообразная игра однѣхъ и тѣхъ же силъ, не есть безконечная вереница повторяющихся причинъ и слѣдствій, въ ней есть событія *особенныя*, представляющія *особенный* смыслъ, особенную поучительность, такъ какъ они обнаруживаютъ дѣйствіе силъ, дотолѣ неясныхъ или несуществовавшихъ. Въ исторіи раскрывается и обнаруживается что-то закрытое и глубокое, является нѣчто новое, воплощается то, что́ еще никогда не было воплощено. Если такъ, то въ этомъ одномъ и состоитъ интересъ и поучительность исторіи.

Гр. Л. Н. Толстой въ своей великолѣпной эпопеѣ показалъ намъ, *что́* обнаружилось въ нашей борьбѣ съ Наполеономъ. Въ первый разъ отъ начала исторіи ясно и грозно проявился русскій идеалъ, и не-

[1]) Т.-е. такой, какую мы обыкновенно въ себѣ воображаемъ.

редъ этимъ идеаломъ сломилась и померкла вся сила Наполеона и наполеоновской Франціи. Вотъ примѣръ того смысла, который заключается въ исторіи и составляетъ ея существенное содержаніе. Дѣло вовсе не въ побѣдѣ, не въ томъ, что случилась новая комбинація единичныхъ силъ, вслѣдствіе которой рушилось могущество, до тѣхъ поръ все покорявшее и побѣждавшее; сущность дѣла въ томъ, *что* скрывается подъ этою механическою игрою причинъ и слѣдствій. Подъ нею скрывается пробужденіе силы, еще не дѣйствовавшей въ мірѣ, — духа *простоты добра и правды*.

Простота есть высшее изящество, высшая красота человѣка.

Добро и правда суть высшія цѣли, для которыхъ долженъ жить и дѣйствовать человѣкъ.

Таковы лучшія черты идеала, хранящагося въ русскомъ народѣ. Этотъ духъ смиренія и доброты много принесъ и приноситъ намъ всякаго вреда и всякихъ бѣдъ; но этотъ же духъ побѣдилъ Наполеона, разрушилъ его армію и государство.

Страховъ.

Анна Каренина.

Мы думаемъ, что сущность художественной дѣятельности гр. Л. Толстого есть проповѣдь враждебнаго раціонализму непосредственнаго воззрѣнія на жизнь. Но мы убѣждены, что если къ цѣльному направленію гр. Л. Толстого можно примѣнить опредѣленіе реакціоннаго, то лишь въ смыслѣ не регрессивной реакціи, а прогрессивнаго воздѣйствія хотя и старыхъ, но законныхъ и истинныхъ началъ. Люди долго шли въ направленіи, имъ противоположномъ, увлеченные вѣрой въ логическій разумъ, удаляясь отъ цѣлостной связи съ жизнью природы и ея идеей Божества. Они шли по этой дорогѣ очень долго, съ тѣхъ поръ еще, какъ схоластики впервые оторвали разсудочную силу отъ непосредственнаго чувства и поставили ее надъ послѣднимъ, какъ безапелляціоннаго судью. Людямъ нужно было пройти очень длинный путь увлеченія своимъ новымъ идеаломъ, отчаянныхъ жертвъ въ честь своего новаго бога, потомъ — тоски, разочарованія внутреннюю пустотой и разложенія. И теперь, когда большинство все еще самодовольно наслаждается своей поверхностной и легкою мудростью, болѣе глубокія натуры опередили ихъ и раньше увидѣли то, что есть конечный и неизбѣжный результатъ этого quasi—побѣднаго раціонализма; онѣ снова дали непосредственному началу чувства его старое и законное мѣсто въ познаніи истины и, вооруженныя имъ, снова увидали ея неизмѣнныя, вѣчныя формы. Если прослѣдить одно за другимъ всѣ произведенія гр. Л. Толстого, то станетъ несомнѣн-

нымъ, что они выражаютъ рядъ фазисовъ именно такой исторіи души ихъ автора. И если посмотрѣть безпристрастно на настроеніе умовъ и въ западной литературѣ, и въ нашей, то необходимо будетъ признать, что, несмотря на увлеченіе большинства новыми формами раціонализма, позитивизмомъ всѣхъ его сортовъ,—количество людей, идущихъ далѣе его односторонникъ результатовъ и вѣрующихъ непосредственно и цѣльно, все возрастаетъ. Гартманъ у нѣмцевъ, Вл. Соловьевъ у насъ — еще очень одиночныя, но уже очень характерныя и знаменательныя явленія. Ихъ спиритуалистическая философія не есть лишь простое выраженіе ихъ личныхъ взглядовъ; она есть выраженіе невольнаго и еще затаеннаго недовольства эпохи ея разсудочнымъ міросозерцаніемъ. Поэтическія произведенія гр. Л. Толстого выражаютъ именно этотъ моментъ исторіи духа, и это выраженіе есть ихъ высокая, оригинальная и истинная идея, и идея не только философская, но и общественная, потому что она обнимаетъ ту духовную сущность, которая составляетъ основаніе и содержаніе всѣхъ внѣшнихъ формъ современной общественной жизни, потому что явленія гражданской, политической и частной жизни — лишь единичныя выраженія наступившаго момента въ исторіи общественной души, отношеніе же къ общимъ вопросамъ жизни въ ея исторіи играетъ неизмѣримо-важнѣйшую роль, чѣмъ это теперь принято у насъ думать. Способы рѣшенія этихъ вопросовъ отражаются на нравственныхъ мѣркахъ, на ближайшихъ идеалахъ, на средствахъ къ ихъ достиженію. Они даютъ тонъ всему остальному, а этотъ тонъ дѣлаетъ музыку теперь такую печальную, кажущуюся безнадежной.

Романъ гр. Л. Н. Толстого имѣетъ идею, и не только идею возвышенную и истинную въ философскомъ смыслѣ, но и имѣющую также глубокое современное общественное значеніе — идею общественную.

Первый разъ мы видимъ Анну въ вагонѣ, когда ее случайно встрѣчаетъ Вронскій, — видимъ всего на нѣсколько минутъ, — но образъ ея такъ полонъ типической красоты, онъ такъ одушевленъ, что быстрота впечатлѣнія не можетъ ослабить его жизненности и силы. Ея индивидуальныя черты выступаютъ такъ быстро и сразу, какъ въ темной комнатѣ на полотнѣ мгновенныя фигуры волшебнаго фонаря. Въ это краткое мгновеніе мы видимъ на лицѣ Анны оживленнымъ ея характерное выраженіе, — выраженіе той красоты, ищущей и раздающей счастье, которую потомъ уловилъ въ ней художникъ Михайловъ и передалъ въ портретѣ, восхитившемъ Левина. Да, эта черта жажды счастья и способности ее возбуждать въ другихъ была основаніемъ характера Анны. Оживленная и облагороженная красотою страсть была главнымъ ея свойствомъ. Не долгъ, не идея, не сложные интересы

высокаго чувства, не тревожные порывы пытливаго ума,—не это лежало въ основаніи нравственнаго склада Анны. Анна вся была страсть, облеченная въ чарующія формы классически изваянной, строго совершенной тѣлесной красоты, — страсть, смягченная русскою задушевностью и простотой, врожденной честностью натуры и тою чуткостью воспріимчивой души, которая дѣлала ее способной вбирать въ себя лучшее отовсюду. Изъ того свѣтскаго круга, къ которому она внѣшнимъ образомъ примыкала по своему происхожденію и общественному положенію мужа, она взяла тонкую простоту и изящество формъ, свободу и достоинство привычекъ — и осталась чужда его внутренней пустотѣ. Но надъ этимъ сложнымъ, привлекательнымъ соединеніемъ красоты, симпатіи задушевной искренности и изящества природы преобладала страстность темперамента на эстетически-чувственной основѣ.

Громека.

Анна была страстная женщина, жившая для одной лишь любви и ей принесшая въ жертву семью, общественное положеніе и, наконецъ, самую жизнь. Она была послѣдовательна и цѣльна; въ своемъ основномъ стремленіи она шла до конца, и въ этомъ была ея главная сила. Но страстность натуры была, въ то же время, и ея слабостью, источникомъ непрочности ея жизни. И она погибла жертвой собственной страсти, безсознательно нарушившей непреложные законы человѣческаго общежитія и нравственности. Очень молодой дѣвушкой она вышла замужъ по расчету за человѣка стараго и совсѣмъ несоотвѣтствовавшаго ея характеру. Тогда она пренебрегла любовью, не зная, что создана для одной лишь любви, не зная, что когда страсть въ ней проснется, она разобьетъ ея непрочную и лживую семью и съ нею унесетъ также и ея счастье, и ея жизнь. Завязка ея трагическаго романа лежала не въ случайной встрѣчѣ съ Вронскимъ, а раньше, въ ея замужествѣ съ человѣкомъ, ей внутренно чуждымъ, не могшимъ дать того, что ей было нужно — живой и страстной любви живого и страстнаго человѣка. Карениnъ былъ типъ теоретика бюрократа;

онъ былъ прекрасный человѣкъ, но совсѣмъ не для Анны. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ спокойной и безцвѣтной жизни по расчету, когда изъ молодой дѣвушки Анна сдѣлалась женщиной въ цвѣтѣ лѣтъ, пренебреженное раньше страстное стремленіе къ той пылкой и полной любви, для которой она была рождена, въ ней созрѣло и, неудовлетворенное, сдержанное, но не подавленное, придавало всему ея существу ту неотразимую привлекательность, съ какою она является передъ нами впервые въ романѣ. Она тогда привезла съ собой въ Москву инстинктивную жажду настоящаго счастья, и безсознательная красота оживленнаго желанія любви играла на ея лицѣ, «порхала между блестящими глазами и чуть замѣтной улыбкой, изгибавшей ея румяныя губы». Она въ тотъ моментъ была вся притаившееся желаніе, и избытокъ его «такъ переполнялъ ея существо, что помимо воли выражался то въ блескѣ взгляда, то въ улыбкѣ».

И неясное инстинктивное предчувствіе, что ея красота и бьющая черезъ край жизненность дадутъ осуществленіе ея желанію счастья,— это предчувствіе, придавая ей еще бо́льшее оживленіе и привлекательность, вносило въ выраженіе ея миловиднаго лица, когда она прошла мимо Вронскаго, что-то особенно ласковое и нѣжное. Когда же глаза ея случайно упали на этого красиваго, молодого и полнаго чувственной жизни человѣка, таинственный подборъ мгновенно совершился, маленькое зернышко чувства быстро упало на влажную и теплую почву и мгновенно пустило ростокъ. Чувственная страсть Анны на мгновеніе была удовлетворена, и когда она изъ-за исполненнаго желанія услышала голосъ, сказавшій ей, куда она шла, стыдъ передъ своей духовной наготой овладѣлъ ею. Съ страннымъ для Вронскаго выраженіемъ холоднаго отчаянія она разсталась съ нимъ. «Она чувствовала, что въ эту минуту не могла выразить словами чувство стыда, радости и ужаса передъ этимъ вступленіемъ въ новую жизнь». Но и послѣ она не находила ни слова для этого сложнаго чувства, ни яснаго сознанія своего новаго положенія. Она думала, что поймет̀ъ все, когда успокоится. Но это спокойствіе уже никогда не наступало. Каждый разъ при воспоминаніи о случившемся на нее находилъ ужасъ, и она отгоняла отъ себя эти мысли. Но во снѣ, когда она не имѣла надъ ними власти, онѣ осаждали и давили ее, и положеніе ея между любовникомъ и мужемъ представлялось ей во всей своей безобразной наготѣ.

Въ драматизмѣ положенія Анны была та особенность, что ей былъ нуженъ именно такой человѣкъ, какъ Вронскій, съ такимъ именно характеромъ и даже съ такимъ именно тономъ отношенія къ ней и ея чувству. Неудовлетворенная въ раннеи молодости природа ея утратила равновѣсіе; поздно проснувшаяся потребность страсти явилась

въ слишкомъ исключительной формѣ. Цѣлостность ея чувства, несмотря на сохранившуюся цѣлостность характера, была разрушена навсегда. Тотъ естественный ростъ чувства, въ которомъ равно соединенные элементы страсти и духовныхъ влеченій созидаютъ прочную привязанность къ мужчинѣ и гармонирующую ей любовь къ его дѣтямъ, былъ извращенъ въ ней съ самаго начала ея рапнимъ и противоестественнымъ бракомъ съ Карениннымъ, котораго она не любила и не могла любить. Тотъ міръ интересовъ отвлеченнаго разсудка и материнской любви, въ который ввелъ ее Каренинъ, поглотилъ весь имѣющійся у нея запасъ духовнаго начала; онъ былъ израсходованъ весь, и для новой области чувства Анна его уже не имѣла. Но въ этомъ мірѣ отношеній къ Каренину главная пружина ея души, чувственное начало страсти — удовлетворено не было, а было только раздражено. Раздраженное и изолированное страстное влеченіе постепенно росло, и когда созрѣло, то обратилось на того, кто какъ разъ къ нему подходилъ, — на Вронскаго. Все то, чего не было въ ея мужѣ, все это было въ избыткѣ у Вронскаго, и не только въ избыткѣ, но въ исключительности; и потому ея исключительная, отдѣленная отъ всего духовнаго, страсть на него и обратилась.

Такъ просто, такъ печально просто совершилось въ душѣ Анны это роковое для нея событіе. Уже по своей сущности, уже по одной главной его чертѣ, по его исключительной чувственности оно должно было кончиться несчастьемъ.

Но неизбѣжность такого исхода была усугублена разъѣдающимъ вліяніемъ несчастія первой семьи и безсильной борьбы съ мнѣніемъ свѣта. И отъ такой двойной неизбѣжности разбилась жизнь этого прелестнаго, жалкаго въ своей неотразимой прелести существа, и умерла милая Анна, къ которой такъ хорошо идутъ слова романса:

«Не называй ея небесной
И отъ земли не отнимай.
Въ ней міръ иной, но міръ прелестный»...

Таковы были столкновенія однѣхъ и разладъ другихъ силъ, приведшихъ Анну къ катастрофѣ. Они такъ характерны, что, можетъ-быть, не нужно было бы слѣдить за подробностями развязки, если бы художникъ не облекъ ихъ такою высокою поэзіей и такимъ неподражаемымъ духовнымъ ясновидѣніемъ. Къ тому же, интересъ романа Анны не исчерпывается предѣлами ея собственнаго внутренняго міра. Ея драматическая исторія развиваетъ очень глубокую и вѣрную общую идею, обнажаетъ законъ человѣческой природы, который Анна тщетно хотѣла обойти. И вотъ умерла несчастная Анна,—умерла потому, что больше ничего ей не оставалось. Для страсти къ Вронскому

она отдала все — сына, семью, положеніе въ обществѣ и свѣтѣ, свое имя и женское достоинство, свою совѣсть, т.-е. всю свою душу. И когда она потеряла послѣднее, то, за что она пожертвовала всѣмъ, то у нея ничего уже не осталось: ни смысла, ни цѣли, ни силы жить уже не было, и вести долѣе жизнь стало невыносимо. Анна умерла.

Но когда она уже умерла для себя, она еще долго жила въ воспоминаніи близкихъ и въ тѣхъ слѣдахъ разрушенія, которое было произведено въ нихъ ея жизнью и ея самоубійствомъ. Она промелькнула въ отчаянныхъ, но скоро забытыхъ рыданіяхъ Стивы надъ ея изуродованнымъ трупомъ. Она осталась навсегда въ душѣ безнадежно разбитаго Вронскаго, съ тѣмъ застывшимъ, жалкимъ и ужаснымъ выраженіемъ, которымъ она торжествовала исполненную угрозу его неизгладимаго раскаянія. Она доживала въ неподвижной мертвенности и жалкомъ величіи мужа. Она жила долго въ дѣтяхъ, которыя никогда не узнали лучшихъ движеній человѣческаго сердца, сохранили къ ней враждебную память и это охлаждающее преданіе передали, можетъ-быть, дальнѣйшимъ своимъ поколѣніямъ.

Но вотъ все ужъ кончено и всѣ эти образы прошли предъ нами и скрылись изъ глазъ. И мы, закрывъ книгу, которая такъ глубоко и долго насъ волновала и трогала страницами любви, ненависти, высокихъ движеній, нѣжности, зла и смерти, остались наединѣ съ ея сложнымъ, строгимъ и возвышеннымъ чувствомъ. При свѣтѣ этого законченнаго впечатлѣнія намъ легко теперь окинуть однимъ взглядомъ весь путь, пройденный этими несчастными людьми. Они сначала пренебрегли чистымъ и искреннимъ чувствомъ и вступили въ искусственный и лживый союзъ внѣшняго расчета. Создалась семья, разрушившаяся при первомъ прикосновеніи чувства. Но позднее чувство не могло создать новой семьи. Невозможность его признанія обществомъ, несчастье мужа и сына, на которомъ оно было построено, его чувственный характеръ и чрезмѣрность обоюдной жертвы сдѣлали его исключительно страстнымъ, непрочнымъ, неспособнымъ обратиться въ органическую связь ни внутри ихъ обоюдныхъ отношеній, ни внѣ ихъ — съ обществомъ, со всею ихъ жизнью. Старая семья разрушилась, а новая не создалась. Оставались цѣной всей жертвы одни страстныя отношенія, — то, что въ любви всего скоротечнѣе, — и это непрочное начало, лишивъ ихъ обоихъ свободы для всего остального, стало имъ ненавистно. И съ утратой послѣдняго разбилась связь, которую внѣшнія спайки — разводъ и т. д. — связать уже не могли, не потому, чтобъ ихъ вовсе нельзя было устроить, а потому, что онѣ внутренно были безполезны.

И все это такъ просто, ясно и неизбѣжно, что сомнѣніямъ нѣтъ ужъ мѣста. Та смутная и суетная вѣра въ достоинство и прочность

произвольной смѣны человѣческихъ страстей, которыя называются приложеніемъ принципа свободы въ области чувства любви — эта quasi либеральная вѣра въ романѣ Анны получаетъ смертельную рану. Художникъ доказалъ намъ, что въ этой области нѣтъ безусловной свободы, а есть законы, и отъ воли человѣка зависитъ согласоваться съ ними и быть счастливымъ, или преступать ихъ и быть несчастнымъ. Нѣтъ здѣсь свободы близоруко и преждевременно торжествующему въ наше время свою ложную побѣду человѣческому разсудку, думающему, что онъ можетъ измѣнить законы человѣческаго духа, игнорируя ихъ силу, и преобразовать ихъ согласно своимъ отвлеченнымъ концепціямъ. Нельзя разрушить семью, не создавъ ей несчастія, и на этомъ старомъ несчастіи нельзя построить новаго счастья. Нельзя игнорировать общественное мнѣніе вовсе, потому что, будь оно даже невѣрно, оно все же есть неустранимое условіе спокойствія и свободы, и открытая съ нимъ война отравитъ, изъязвитъ и охладитъ пылкое чувство. Бракъ все же есть единственная форма любви, въ которой чувство спокойно, естественно и безпрепятственно образуетъ прочныя связи между людьми и обществомъ, сохраняя свободу для дѣятельности, давая силы для нея и побужденіе, создавая чистый дѣтскій міръ, создавая почву, источникъ и орудія жизни. Но это чистое семейное начало можетъ созидаться лишь на прочномъ основаніи истиннаго чувства. На внѣшнемъ расчетѣ построено оно быть не можетъ. И позднее увлеченіе страстью, какъ естественное послѣдствіе старой лжи, разрушивъ ее, не исправитъ тѣмъ ничего и приведетъ лишь къ окончательной гибели, потому что... «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ».

Романъ, главное содержаніе котораго есть дилемма семейнаго счастія и исторіи душевной эмансипаціи рефлектирующаго русскаго человѣка XIX столѣтія, есть романъ семейный и философскій прежде всего. Но онъ въ то же время и общественный, такъ какъ въ немъ рисуются отношенія общества къ браку и семьѣ, такъ какъ въ немъ выводится человѣкъ, воплощающій въ себѣ моментъ исторіи общественнаго духа. Глубокое проникновеніе въ сущность такихъ основныхъ въ общественной жизни вопросовъ, какъ бракъ и семья, рисуетъ таинственныя разсудку формы человѣческаго общежитія, не зависящія отъ мѣста и времени. Но романъ обнажаетъ не одни внѣшніе устои общественнаго зданія: онъ раскрываетъ таинственнѣйшіе вопросы самой души общества, его важнѣйшихъ духовныхъ потребностей, воплощая въ художественномъ образѣ поворотъ общественнаго духа отъ старинаго раціонализма къ непосредственному общенію съ природой и Божествомъ.

Анна Каренина есть романъ общественный, въ наиболѣе глубокомъ значеніи этого слова. Но большинству публики этого недоста-

точно. Оно требуетъ другого. Ему нужно, чтобы всѣ подлинныя событія современной общественной жизни были непремѣнно представлены, и притомъ съ такой точки зрѣнія, съ какой смотритъ на нихъ самый либеральный читатель. Вотъ тогда романъ называется общественнымъ. Или, если въ немъ рисуются мечтательные и неосуществимые идеалы современной революціонной молодежи — выводятся воображаемые люди, или небольшой кружокъ этой молодежи. Это напоминаетъ разсказъ о двухъ невѣждахъ, изъ которыхъ одинъ соглашался признать достоинство картины лишь въ томъ случаѣ, когда подъ каждою изъ ея фигуръ будетъ сдѣлана подпись съ обозначеніемъ возраста, чина и фамиліи, во избѣжаніе недоумѣній, а другой совѣтовалъ одѣть ихъ по своему вкусу. Если прочитать *Анну Каренину* внимательно и безъ предвзятаго взгляда, то распространенное мнѣніе, что романъ этотъ чуждъ общественной жизни, поражаетъ своею близорукостью. Въ сущности, на страницахъ романа не только что общество попадается на каждомъ шагу, но внѣ его тамъ ничего и нѣтъ, и оно представлено цѣльнымъ и вполнѣ, несмотря на спеціальную, повидимому, тему его. И это составляетъ его величайшее художественное достоинство.

Общество является не только въ типическомъ образѣ Анны и драматической коллизіи ея страсти съ семейнымъ началомъ и общественными требованіями, не только въ еще болѣе типичномъ Левинѣ, съ его исторіей внутренней борьбы и освобожденія и съ его отношеніями къ рабочимъ, къ крестьянамъ, къ помѣщикамъ, къ ученымъ и художникамъ, но всѣ остальныя полтораста фигуръ съ ихъ миніатюрной отдѣлкой, — всѣ они являются представителями разныхъ слоевъ общества, носителями его интересовъ, выразителями его современныхъ мнѣній и отношеній.

Въ романѣ гр. Толстого мы встрѣчаемся со всѣми слоями общества. Мы видимъ и высшій свѣтъ, и просто свѣтъ, и бюрократическія сферы, и бытъ военно-гвардейскихъ офицеровъ, и жизнь помѣщиковъ, и ученое сословіе, и врачей пяти сортовъ, и землевладѣльцевъ съ рабочими и крестьянами и даже съ кулаками. Все это общество, во всѣхъ его перегородкахъ. Мы видимъ его и тогда, когда оно все соединяется, — въ церкви, на свадьбѣ, въ клубѣ, въ театрѣ, на балѣ, на каткѣ, на выборахъ, на водахъ за границей, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, на концертахъ, въ университетѣ, на скачкахъ, въ комитетѣ министровъ, въ деревнѣ, на пашнѣ, на болотѣ, въ лѣсу, въ грязной уѣздной гостиницѣ, въ свѣтской гостиной, въ студенческихъ номерахъ, въ полковой артели, на маленькомъ семейномъ обѣдѣ, на пиру у полкового командира, на холостой квартирѣ офицера, въ лагерной палаткѣ, на дачѣ, въ вагонѣ, на станціи, на рельсахъ желѣзной

дороги. Вездѣ мы видимъ общество — и въ раздѣленіи, и во всевозможныхъ комбинаціяхъ, и даже ничего другого, кромѣ общества.

Когда Толстой дописывалъ послѣднія строки своего глубочайшаго созданія, онъ испытывалъ эгоистическое счастье совершенное, а сердце его стало отъ этого индивидуальнаго счастья только еще голоднѣе. Въ наибольшей полнотѣ индивидуальнаго счастья этотъ человѣкъ страдалъ отъ его нищеты и суеты. Окружающіе безсмысленной толпой называли его сумасшедшимъ, смѣялись и издѣвались надъ нимъ, въ тупоуміи души кричали о его мистицизмѣ, о томъ, что онъ училъ для Россіи, а сердце его разрывалось отъ мучительной жажды другой, лучшей любви, иного, чистѣйшаго счастья. И оно не хотѣло молчать, пока не переполнилось ими, пока не рѣшились полнотой его обновленнаго чувства вопросы о душѣ, любви христіанской, о Богѣ.

Въ то самое время, когда гр. Толстой *разсуждающимъ умомъ* отрицалъ въ романѣ идею общественной дѣятельности на службу общественному благу, отвергая всѣ ея временныя и мѣстныя формы, — въ то же самое время, тотъ же графъ Толстой, въ Левинѣ *чувствующимъ сердцемъ* мучительно искалъ того общественнаго блага, которое живетъ независимо отъ всякихъ формъ, — блага христіанской души, христіанскаго человѣчества, — той общественной дѣятельности, которая стоитъ внѣ и надъ всякими видами коронной или выборной службы и состоитъ въ исполненіи нравственныхъ законовъ Христа.

Когда гр. Толстой договаривалъ послѣднія слова отрицающей *разсудочности*, послѣднее кощунство *индивидуализма*, онъ тѣмъ самымъ и въ то же самое время уже начиналъ сходить въ область вѣры. *Онъ уже тогда «искалъ Бога».*

Да онъ и всегда «искалъ Бога»: съ перваго дня своей сознательной жизни, съ первыхъ строкъ своего художественнаго служенія людямъ. Если своимъ, первоначально ложными теоріями, извращеннымъ умомъ гр. Толстой говорилъ такъ долго въ одинъ тонъ съ девятнадцатымъ вѣкомъ, — *вѣкомъ разсудочности и индивидуализма*, то сердцемъ своимъ онъ жилъ всегда въ природѣ и съ природой. Онъ всю жизнь прислушивался къ голосу природы и у ней одной учился сердцемъ понимать вѣчную душу человѣка, внѣ времени, пространства, національности, общества, государства. Онъ сердцемъ непереставая искалъ въ природѣ познанія человѣческой души, ея вѣчно-человѣческихъ свойствъ: ея блага, ея счастья, ея любви, ея Бога.

Онъ долго прислушивался, долго учился, долго искалъ. Онъ тоже человѣкъ и, какъ человѣку, и ему также ничто человѣческое не было чуждымъ. Онъ отвлекался всѣмъ временно-человѣческимъ. Онъ также былъ молодъ и любилъ красоту и силу души и тѣла. Онъ

любилъ женщину и дѣтей. Онъ любилъ славу. Онъ любилъ независимость и свободу. Онъ любилъ матеріальное и личное благо. Онъ тоже былъ человѣкъ и человѣчески раздражался спорами съ тѣми, кто требовалъ отъ него, чтобы онъ занимался не тѣмъ, къ чему его влекла его душа, чтобы онъ не смѣлъ смотрѣть на міръ иначе, какъ непремѣнно ихъ собственными глазами. Онъ былъ человѣкъ и, какъ никто изъ людей, обладалъ полнотою человѣческаго свойства, противорѣчіемъ неограниченнаго сердца и ограниченнаго законами природы ума. Онъ долго не могъ понять умомъ того, что постепенно открылось ему въ чувствѣ. Онъ долго жилъ въ страшномъ противорѣчіи, умомъ живя съ XIX вѣкомъ, а сердцемъ — въ будущихъ вѣкахъ.

Каренинъ.

Можетъ-быть, для критики характеръ Каренина и значеніе его личности есть самое трудное мѣсто во всемъ романѣ гр. Толстого. Прежде всего потому, что сочувствіе читателя такъ явно на сторонѣ Анны, что образъ ненавистнаго ей мужа невольно рисуется ему въ несимпатичномъ тонѣ, и ему трудно не только быть справедливымъ, но и понять тѣ глубокія тайны человѣческаго сердца, которыя раскрылъ авторъ въ этомъ лицѣ, составляющемъ художественное созданіе еще болѣе высокой цѣнности, чѣмъ сама Анна. Но не только симпатіи читателя, все вниманіе его направлено исключительно на Анну и лишь бѣгло скользитъ по кажущемуся безцвѣтнымъ и ничтожнымъ лицу ея мужа. Къ тому же, читатель человѣкъ, и, какъ человѣкъ, онъ носитъ въ себѣ ту самую склонность холоднаго, презрительнаго и враждебнаго отношенія къ несчастью внѣшняго униженія и позора, которую такъ глубоко, такъ безпощадно-вѣрно представилъ гр. Толстой въ людяхъ, окружавшихъ Каренина, — и онъ также склоненъ осудить Каренина за его несчастье. Наконецъ самая глубина авторскаго таланта мѣшаетъ отчасти читателю понять его созданіе: какъ это ни странно, но это правда. Графъ Толстой слишкомъ глубоко проникъ во внутренній міръ этого лица, и его разнородныя черты, каждая отдѣльно, представлены такъ ярко, что съ перваго взгляда не можешь разглядѣть ихъ глубокой связи. Также мѣшаетъ и самый хронологическій порядокъ, въ которомъ развертывается передъ нами этотъ характеръ. Когда сначала увидишь оборотную сторону медали, то потомъ на лицевой скользишь глазами небрежно — и не увидишь ни ея достоинствъ, ни ея связи съ другой стороны. Есть какая-то тайная связь между любовью и знаніемъ, и того, чего мы не любимъ, мы часто не желаемъ знать и потому не знаемъ.

Какъ ни странно думать, чтобы между молодой, красивой, полной страсти, жизни и искренности Анной и некрасивымъ, холоднымъ, безжизненнымъ и дѣланнымъ Карениным могло быть какое-нибудь сходство, — тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что между ними была болѣе глубокая параллель, чѣмъ какую имъ могли дать внѣшнія узы ихъ брака и совмѣстной жизни. Оба они чѣмъ-то пренебрегли въ своей жизни, и оба, въ неизбѣжное за то наказаніе, погибли. Оба они долгое время не знали самихъ себя и въ этомъ незнаніи совершили дѣйствія, которыя были неисправимы и потомъ привели ихъ къ гибели. Оба они увидѣли свою ошибку только тогда, когда для одной полная смерть, а для другого нравственная — были неизбѣжны. Оба они нарушили одинъ и тотъ же законъ человѣческой природы, близорукo и самоувѣренно его не замѣтивъ, навлекли на себя бѣдствіе тѣхъ отрицательныхъ силъ, которыми этотъ законъ карaетъ людей за каждое отъ него уклоненіе. Оба они, хотя и изъ разныхъ побужденій, пренебрегли чувствомъ и любовью, которая жизнь есть истинный источникъ жизни и жизнь, и потому не нашли себѣ въ ней мѣста и были ею отвергнуты.

Каренинъ, человѣкъ одного честолюбія, отвлеченной мысли, человѣкъ голой воли и голаго разсудка, по принципу своей натуры пренебрегаетъ чувствомъ, котораго у него и отъ природы было такъ мало. Онъ былъ сухъ отъ природы; но его раннее сиротство, отсутствіе друзей и жизнь въ одной бюрократической сферѣ, жизнь одними интересами честолюбія, изсушили его еще болѣе. Онъ для идеи отвлеченнаго долга такъ систематически подавлялъ въ себѣ всякое проявленіе чувства, что даже случайное и невольное его выраженіе считалъ недостойною слабостью.

Можетъ-быть, воспитаніе и служба, можетъ-быть, природный флегматическій, холодный темпераментъ играли тутъ первую роль въ образованіи такого характера — мы не знаемъ. Но въ романѣ онъ является уже сразу тѣмъ типическимъ образчикомъ петербургскаго бюрократа чистой крови, — человѣкомъ, у котораго все разсчитано по часамъ и, несмотря на честность, благородство, образованіе, любознательность и серьезное отношеніе къ государственной дѣятельности, человѣкомъ, у котораго нѣтъ мѣста ни живой мысли, ни живому чувству и самая способность которыхъ въ немъ атрофирована. Это былъ человѣкъ съ большой волей и съ большимъ умомъ, но совсѣмъ безъ чувства, какъ его сухопарое и хрящеватое тѣло съ большими костями и жилами, но безъ мускуловъ и крови, какъ его большіе глаза съ ихъ упорнымъ, но усталымъ и безжизненнымъ выраженіемъ. Онъ жилъ въ своемъ воображаемомъ мірѣ и, самъ теряя свой небольшой запасъ чувства, постепенно утратилъ способ-

ность понимать это чувство въ другихъ и потому все удалялся отъ настоящей жизни.

Онъ до сихъ поръ не признавалъ главнаго двигателя дѣйствительной жизни — чувства; и когда онъ неожиданно столкнулся съ его требованіями, онъ былъ застигнутъ врасплохъ и навсегда потерялъ равновѣсіе. И теперь, желая предостеречь Анну, онъ находилъ, однако, что вопросы о ея чувствахъ — не его дѣло, а касаются одной ея совѣсти и потому не входятъ въ составъ ихъ общихъ семейныхъ интересовъ, а принадлежатъ вѣдомству религіи, — и сейчасъ же почувствовалъ облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ пунктъ узаконеній, которому подлежало возникшее обстоятельство. Онъ не находилъ въ себѣ въ этотъ моментъ усиленнаго прилива чувства, которое одно могло бы удержать и спасти Анну; онъ только составилъ отвлеченную теорію логическихъ аргументацій, которыя не могли оказать на Анну никакого живого дѣйствія. Когда онъ, развивая ей свои доказательства, случайно сказалъ: «Я мужъ твой и люблю тебя», Анна подумала, что ея мужъ не можетъ любить и не знаетъ, что такое любовь, и это было самымъ сильнымъ опроверженіемъ всей его искусственной аргументаціи. По мѣрѣ сближенія Анны съ Вронскимъ, Каренинъ начиналъ понимать, что только добротой и нѣжностью, т.-е. только проявленіемъ и вліяніемъ *чувства*, можно ее спасти; но каждая попытка его въ этомъ родѣ кончалась неудачей въ самомъ началѣ, потому что онъ не находилъ въ себѣ ни самаго чувства, ни умѣнья его выразить.

Анна отдалась Вронскому, и Каренинъ инстинктомъ чувствовалъ, что жены у него нѣтъ болѣе. Но умомъ онъ не хотѣлъ признавать того, потому что оно было слишкомъ страшно. «И онъ въ душѣ своей закрылъ, заперъ и запечаталъ тотъ ящикъ, въ которомъ находились его чувства къ семьѣ, т.-е. къ женѣ и сыну. Эти чувства и мысли о нихъ становились тѣмъ страшнѣе, чѣмъ дольше они тамъ лежали. Онъ не позволялъ себѣ думать о поведеніи жены и не думалъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, въ глубинѣ своей души, никогда не высказывая этого самому себѣ и не имѣя на то никакихъ не только доказательствъ, но и подозрѣній, зналъ, несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ, и былъ оттого глубоко несчастливъ». Именно потому, что онъ былъ раздавленъ, — онъ, когда его спрашивали о его женѣ, имѣлъ въ выраженіи лица что-то гордое и строгое. Пріѣхавъ къ женѣ на дачу и слушая ея неискренно-простой тонъ, Алексѣй Александровичъ теперь не приписывалъ ея тону никакого значенія.

«Онъ слышалъ только ея слова и придавалъ имъ только тотъ прямой смыслъ, который они имѣли». Услышавъ отъ плачущей Анны о ея невѣрности, Каренинъ долго молчалъ, съ выраженіемъ на лицѣ

торжественной неподвижности мертваго, и, только подъѣзжая къ дому, онъ сказалъ Аннѣ, что требуетъ соблюденія внѣшнихъ условій приличія до тѣхъ поръ, пока онъ приметъ и сообщитъ ей мѣры, обезпечивающія его честь.

Если бъ Алексѣй Александровичъ обладалъ хоть малѣйшею способностью чувства или любилъ бы Анну живой любовью, а не привычкою продолжительныхъ отношеній, онъ бы убилъ Анну или Вронскаго, или что-нибудь другое сдѣлалъ бы, разошелся бы съ женой, вызвалъ бы ея любовника, но никакъ не то, что онъ сдѣлалъ въ дѣйствительности. Онъ только разсуждалъ, и эти разсужденія его поражаютъ своимъ безчувствіемъ и эгоизмомъ. Для всякаго человѣка въ положеніи Каренина нѣтъ выхода, т.-е. выхода хорошаго. Но одинъ чувствуетъ отчаяніе разбитой любви или ревности, и заботится о томъ, чтобы какъ-нибудь покончить съ этимъ мученіемъ чувства, и здѣсь ищетъ выхода; другой же, какъ Карениинъ, страдаетъ болѣе внѣшнимъ самолюбіемъ и думаетъ лишь о томъ, какъ соблюсти свои выгоды, чтобы не потерять внѣшняго своего положенія. И потому Карениинъ не могъ остановиться ни на одномъ изъ представлявшихся ему радикальныхъ выходовъ изъ его положенія. Онъ отвергъ дуэль, потому что боялся быть убитымъ или раненымъ, — онъ былъ способенъ бояться за свою жизнь и здоровье въ этомъ положеніи. Онъ отказался и отъ мысли о разводѣ, сопряженномъ со скандаломъ, который неизбѣжно поколебалъ бы его высокое положеніе въ свѣтѣ и государствѣ: онъ былъ способенъ предпочесть внѣшній почетъ своего положенія внутреннему своему достоинству. И онъ остановился на сохраненіи внѣшняго status-quo, подъ условіемъ прекращенія для Анны отношеній съ любовникомъ, при чемъ удовлетворялось единственное живое — злобное, но все-таки живое — желаніе мести женѣ, желаніе, чтобы она, лишивъ мужа его спокойствія и чести, сама страдала и не воспользовалась плодами своего преступленія. Въ отношеніи Алексѣя Александровича къ этому дѣлу не было ничего религіознаго; но мысль, что, не отпуская преступную жену, онъ тѣмъ поступаетъ религіозно, якобы давая ей возможность исправленія, была для него очень пріятна, и эта неискренняя, выдуманная санкція давала ему успокоеніе и удовлетвореніе.

Но стоило Алексѣю Александровичу увидѣть Анну, чтобы его искусственная высота и напускное равнодушіе разлетѣлось какъ дымъ, и чтобы сознаніе того, что онъ въ концѣ раздавленъ, охватило его снова.

Сцена между Карениинымъ, Вронскимъ и Анной, лежащей въ горячечномъ бреду, быть-можетъ, самая лучшая во всемъ романѣ. Но она такъ неожиданна, ея идея такъ глубока и возвышенна, что

возбудила въ критикѣ смѣшанное впечатлѣніе. Никто не могъ пройти мимо этой сцены равнодушно; всѣ чувствовали инстинктивно, что здѣсь есть что-то превышающее обыденный топъ, и испытали строгое впечатлѣніе возвышенности и душевнаго умиленія. Но именно потому, что въ ней неожиданно выступали лучшія драгоцѣннѣйшія, рѣдкія по высотѣ движенія человѣческаго сердца, они, неотразимо волнуя всѣхъ, не могли удовлетворить у каждаго его отвлеченныхъ требованій разсудка. И это совершенно понятно.

Мы всѣ — и религіозные, и нерелигіозные люди — мы всѣ очень много толкуемъ о христіанствѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, а въ глубинѣ души мы всѣ матеріалисты. Звѣрь еще слишкомъ крѣпко сидитъ въ насъ, и мы, употребляя идеальные термины, какъ монету, назначенную для службы нашимъ ежедневнымъ потребностямъ, въ глубинѣ души не расположены придавать нашимъ идеаламъ значенія безусловнаго и не вѣримъ въ конечное ихъ торжество надъ отрицательною стороной человѣческой природы.

И когда случайно встрѣтимъ это всегда новое для насъ зрѣлище безусловнаго торжества добра надъ зломъ, мы бываемъ поражены и долго стоимъ передъ нимъ въ недоумѣніи и невѣріи, чувствуя какую-то неловкость — неловкость послѣдовательности тому, что мы привыкли видѣть каждый день и на каждомъ мѣстѣ.

Также и здѣсь. До сихъ поръ мы шагъ за шагомъ слѣдили съ невольнымъ сочувствіемъ, какъ въ Аннѣ развивалась и возрастала любовь къ Вронскому и съ нею одновременно ненависть къ мужу. И вдругъ мы видимъ, какъ глаза Анны смотрятъ на мужа съ такой умиленною и восторженною нѣжностью, какой мы за ней не знали, и вдругъ мы видимъ, какъ она, обнимая плѣшивую голову мужа съ вызывающею гордостью поднимаетъ вверхъ свои сіяющіе взгляды глаза; и хотя мы потрясены и взволнованы, но мы говоримъ, что это невозможно. Мы привыкли видѣть Алексѣя Александровича человѣкомъ черствымъ, бездушнымъ, безсердечнымъ; наше чувство къ нему послѣдовательно смѣняло антипатію, брезгливость и отвращеніе. И вдругъ мы видимъ его полнымъ радостнаго чувства любви и прощенія къ врагамъ, видимъ рыдающимъ отъ этого новаго, никогда имъ не испытаннаго, высшаго счастья души. Мы неожиданно, явственно, слышимъ тихій отъ полнаго чувства голосъ Каренина, когда онъ говоритъ Вронскому, что счастье прощенія открыло ему его обязанность, что хотя бы его затоптали въ грязь и сдѣлали посмѣшищемъ свѣта, онъ не оставитъ Анны и словомъ не упрекнетъ своего врага. И насъ трогаютъ слезы Каренина; взглядъ его глазъ, прежде всегда упорно-холодныхъ и тусклыхъ, теперь свѣтлыхъ отъ полнаго, высшаго покоя души, вызываетъ въ насъ высокое и стр

гое чувство. Мы глубоко тронуты, но это слишкомъ противорѣчитъ нашему привычному чувству, и мы не сразу хотимъ вѣрить, не сразу можемъ понять.

Намъ кажется, что авторъ произвольно приписалъ своимъ лицамъ чувства, совсѣмъ имъ несвойственныя, недоступныя ихъ и также нашему міровоззрѣнію. Въ дѣйствительности же, это — глубочайшая правда, такая правда, что если бъ ея не было, то и человѣку совсѣмъ не стоило бы жить на свѣтѣ. Если бъ онъ не могъ, хотя бы порою, хоть на мгновеніе подниматься на высоту истиннаго добра, съ которой можно смотрѣть на жизнь съ безусловной и цѣльной вѣрой, его повседневное рабство инстинктамъ чувственной природы и тому жалкому компромиссу, который мы называемъ житейскою правственностью, дѣлало бы жизнь слишкомъ невыносимо-ничтожной. И если Каренинъ, ни Анна и ни кто другой не могли и не могутъ удержаться на такой высотѣ навсегда, то все же она существуетъ, и ея присутствіе хотя бы на кратчайшее мгновеніе и хотя бы въ одномъ человѣкѣ непосредственно дастъ намъ всѣмъ абсолютный критерій и абсолютную цѣль.

Пока Анна была здорова, ея страсть къ Вронскому царила въ ней надъ всѣмъ и мѣшала ей прислушаться къ неясному голосу этого инстинктивнаго сознанія. Но когда она умирала, и тѣло ея лежало безсильнымъ, душа ея, въ виду смерти, смягчилась, и тотъ, прежде предопредѣленный, голосъ вышелъ изъ своей глубины и заговорилъ съ такой силой и красотой, что она перенесла ихъ на прежде ненавистный ей образъ мужа, и въ эти мгновенія любила его тою высокой и чистой любовью, какую могла найти только въ предсмертномъ идеальномъ порывѣ. И свѣтъ этого чистаго порыва растопилъ прежде сухое и долго ожесточавшееся сердце Каренина, и онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ и рыдалъ, какъ дитя, чувствуя неожиданно смягченною душой, «что то самое, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, — то, что казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и легко, когда онъ прощалъ и любилъ».

Чувство, поднявшее Анну и мужа ея на такую высоту, тѣмъ самымъ должно было унизить Вронскаго до послѣднихъ предѣловъ. Состояніе человѣка, вдругъ низвергнутаго съ своего лживаго пьедестала, потерявшаго подъ собою послѣднюю почву, тяжко страдающаго и близкаго къ умопомѣшательству и самоубійству, передано гр. Толстымъ неподражаемо.

Но навсегда остаться на такой высотѣ нравственнаго чувства человѣку невозможно. Если бы даже онъ самъ всей душой желалъ сохранить ее, то ему помѣшаютъ другіе и насильственно ее уничто-

жатъ. Прежде всего ее оставила Анна. Какъ только прошло въ ней размягченіе, созданное близостью смерти, всѣ прежнія чувства къ ней возвратились, она снова стала стремиться къ Вронскому, снова стала тяготиться мужемъ, бояться его и ненавидѣть. Почему же все это къ ней возвратилось? Не потому ли, что она менѣе кого-либо по натурѣ своей была характеромъ духовнымъ, не потому ли, что, когда это прелестное существо снова вернулось къ землѣ, отнять его отъ земли стало опять невозможно?

Но и Алексѣй Александровичъ также не могъ долго оставаться на высотѣ исключительно духовнаго чувства. Онъ проводилъ часы и дни надъ чужимъ ему, безпомощнымъ ребенкомъ, и чувство состраданія и любви къ этой заброшенной, слабенькой дѣвочкѣ, когда онъ смотрѣлъ на ея спящее лицо, впервые наполняло его душу прежде ему невѣдомымъ міромъ. Онъ не зналъ, что извнѣ собралась и давно стоитъ наготовѣ та грубая сила, которая противъ его воли, безъ жалости, со злобой и смѣхомъ, разрушитъ его новое счастье. Бетси и все это свѣтское общество смотрѣло на его положеніе совершенно иначе. Ему не было дѣла до души, до прощенія, до духовнаго счастья; оно испытывало неудержимую радость отъ новой забавы его праздному вниманію, — отъ того, казавшагося ему послѣднею степенью ridicul зрѣлища, что министръ Россіи няньчитъ на своихъ рукахъ ребенка, завѣдомо ему рожденнаго женой отъ ея любовника. И оно ворвалось въ святилище простившаго оскорбленіе мужа и уничтожило его, и надругалось надъ нимъ.

Какъ прежде Вронскому, такъ теперь обманутому имъ мужу оно говорило: ты нашъ, не смѣй любить, прощать и подниматься душой на невѣдомую намъ высоту.

Но такова была животворная сила истиннаго чувства въ этомъ несчастномъ человѣкѣ, что даже разлагавшій духъ окружавшей его атмосферы не могъ сразу ее побѣдить. Она долго боролась, и долго Каренинъ въ полнотѣ любви былъ готовъ принять на себя весь позоръ и униженіе развода лишь для того, чтобы дать Аннѣ свободу. И Анна понимала это и цѣнила, какъ ни постылымъ былъ ей этотъ великодушный человѣкъ.

Левинъ.

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ разбираемаго произведенія Левинъ всего болѣе подвергался нападкамъ и презрительнымъ насмѣшкамъ нашей критики. Эта оригинальная натура должна была казаться очень неестественною той раціоналистической критикѣ, у которой существуютъ свои особенныя понятія о естественности и теоретически-нормальныхъ людяхъ. И потому Левину особенно досталось.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не смѣяться надъ человѣкомъ, который всегда сомнѣвается, который не можетъ удовлетвориться ни одной положительной теоріей и котораго жажда истины и личнаго совершенствованія никогда не въ силахъ утолиться? Это человѣкъ совсѣмъ ничтожный, особенно въ сравненіи съ людьми, которые въ своихъ изысканіяхъ истины всегда способны заранѣе впередъ опредѣлить границу, за которую они уже болѣе не перейдутъ и далѣе которой ихъ желаніе истины не распространяется. Вѣдь Китти надъ нимъ смѣется, хотя онъ и мужъ ея. Правда, она его любитъ, но вѣдь она любитъ его просто за то, что онъ добрый, честный и искренній человѣкъ. Такъ думаетъ г. Станкевичъ. Сама же Китти говорила объ этомъ иначе. Когда, въ самый вечеръ свадьбы, приблизившееся счастье вдругъ показалось невозможно-незаслуженнымъ Левину, сомнѣвающемуся во всемъ, даже и въ себѣ, страдающему отъ сознанія своихъ недостатковъ и прегрѣшеній, и когда онъ, какъ сумасшедшій, прибѣжалъ къ сидѣвшей у сундука со старыми платьями Китти и умолялъ ее отказать ему, потому что онъ ея недостоинъ,—тогда Китти правда разсердилась сначала, но она скоро поняла, что случилось съ ея женихомъ. Китти не только подтвердила Левину, что она любитъ его, но объяснила ему, за что именно она его любитъ. Она сказала ему, *что она любитъ его за то, что понимаетъ его всего; за то, что она знаетъ, что онъ долженъ любить, и что все, что онъ любитъ, все хорошо*». Т.-е. Китти любила его не только за то, что онъ добръ, честенъ и правдивъ, но и за все остальное, что въ немъ было, и что она все понимала, любя, и любила, понимая, — за его сомнѣнія, за его жажду истины, за его ошибки и мученія, за все то, что было его достоинствомъ и слабостью, за все то, что такъ не нравится въ немъ разсудочной критикѣ.

Болѣе всего эта критика смѣялась надъ мнѣніями Левина и надъ ихъ общимъ, столь раціоналистическимъ направленіемъ. Уваженіе Левина къ тѣмъ простымъ людямъ, съ которыми онъ дѣлилъ жизнь и трудъ, его довѣріе къ ихъ непосредственному пониманію жизни, къ ихъ народной мудрости, казались ей наиболѣе достойными осмѣянія.

Развитіе сознанія у Левина происходитъ путемъ особымъ, особымъ отъ чисто-логическаго. Этотъ, особый отъ чисто-разсудочнаго, родъ сознанія есть сознаніе непосредственнымъ чувствомъ или внутреннимъ субъективнымъ опытомъ, существенно отличающимся отъ пути логически выводнаго. Не нужно быть спеціалистомъ въ философіи, чтобы знать, что оба эти рода сознанія, или, вѣрнѣе, обѣ эти функціи и орудія сознанія присущи душѣ каждаго человѣка. И не нужно быть наблюдательнымъ, чтобы согласиться съ той простой истиной, что эти, всѣмъ людямъ свойственные, виды сознанія не во

всѣхъ, однако, людяхъ встрѣчаются въ равной степени силы и въ равномъ распредѣленіи. Сознаніе однихъ надѣлено обѣими способностями въ высокой и равной степени, у другихъ — въ меньшей, но также приблизительно поровну; у третьихъ замѣтно чрезмѣрное преобладаніе разсудочности надъ непосредственнымъ чувствомъ; у четвертыхъ же, наоборотъ, послѣднее преобладаетъ надъ первой, чуткость чувства надъ послѣдовательностью логики. Одни бываютъ геніями, другіе посредственными, обыденными или ограниченными людьми, третьи — логиками или резонёрами, четвертые — художниками, психологами, поэтами и т. д. И если присоединить сюда вліяніе столь же неравномѣрнаго распредѣленія элементовъ воли, нравственныхъ привычекъ, воспитанія и т. д., то изъ этихъ разновидностей силъ сознанія и образуется то поразительное разнообразіе индивидуальнаго характера умовъ, которое представляетъ дѣйствительная, наблюденію каждаго доступная, жизнь. Если бы критикъ вспомнилъ объ этой простой и всѣмъ извѣстной истинѣ, онъ не нашелъ бы ничего ненатуральнаго, ничего даже новаго въ идеѣ, что, кромѣ ординарнаго логическаго процесса мысли, человѣческое сознаніе обладаетъ еще и другимъ, по крайней мѣрѣ, столь же могущественнымъ средствомъ постиженія жизни. Тогда онъ не считалъ бы невозможно-неестественнымъ литературное изображеніе такого типическаго характера, который изъ этихъ двухъ различныхъ силъ сознанія — логики и непосредственнаго чувства — обладаетъ въ большой степени второю и весьма малой первою. Онъ бы тогда увидѣлъ, что Левинъ представляетъ собою типическій образчикъ людей, несомнѣнно существующихъ въ дѣйствительности, и потому въ романѣ, ее изображающемъ, занимаетъ совершенно законное мѣсто. Правда, и затѣмъ остается возможность симпатіи и антипатіи, сочувствія и насмѣшки, но это уже дѣло другое — дѣло отчасти личнаго вкуса, отчасти личной оцѣнки того, какая изъ двухъ силъ сознанія наиболѣе важна и плодотворна въ жизни человѣка.

Романъ Левина развиваетъ очень сложное и глубоко занимательное событіе и представляетъ *законченную* исторію лица. Мы говоримъ: *законченную* (а не полную), потому что видимъ въ ней конецъ, глубоко выведенный изъ сущности задуманнаго типа, хотя, должны признаться, не видимъ нѣкоторыхъ посредствующихъ и, особенно, начальныхъ ея звеньевъ и потому полагаемъ, что въ общемъ романъ Левина дѣйствительно далеко не отличается той полнотой и яркостью, какая поражаетъ насъ въ параллельно совершающемся романѣ Анны. Но если исполненіе замысла несомнѣнно страдаетъ нѣкоторыми существенными недостатками, то это нисколько не умаляетъ достоинства и глубины задуманной идеи не только лица, но и его

отрывочно представленной исторіи. Многіе называли Левина цѣльной натурой. Конечно, это — ошибка. Именно цѣльности и не было въ Левинѣ. Именно къ цѣльности Левинъ вѣчно порывался. И весь смыслъ его романа состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ изображеніи человѣка, который, утративъ первоначальную цѣльность воззрѣній и характера, мучительно оттого страдаетъ, такъ долго борется, ищетъ и, наконецъ, въ эпилогѣ романа, пріобрѣтаетъ возможность къ ней возвратиться и тѣмъ завершить свое духовное развитіе.

Левинъ есть образчикъ тѣхъ противорѣчивыхъ натуръ, въ которыхъ область чувства и духовнаго чутья слишкомъ преобладаетъ надъ теоретическою мыслью и которыя поэтому живутъ больше всего не разсудкомъ, а чувствомъ непосредственнымъ, котораго цѣльность, однако, надломлена рефлексіей, воспитанною современнымъ разсудочнымъ образованіемъ, несоотвѣтственно узкимъ и грубымъ въ сравненіи съ широтой и тонкостью ихъ духовно-художественнаго инстинкта. Поэтому они нервны, угловаты, щекотливо самолюбивы, потому что вѣчно наединѣ съ своимъ внутреннимъ разладомъ, вѣчно боятся, зная свою слабость, быть въ ней уязвленными, вѣчно стремятся выйти изъ противорѣчія между богатствомъ индуктивнаго чувства и бѣдностью отвлеченнаго сознанія и успокоиваются лишь тогда, когда, путемъ долгихъ сомнѣній, мученій и болѣзней, наконецъ, отдѣлаются отъ гнетущей ихъ такъ тяжко рефлексіи, разовьютъ свою непосредственную область еще глубже и шире, выведутъ ее на первое по принципу мѣсто и, примиривши, наконецъ, съ теоретическимъ сознаніемъ, плодотворно приложатъ ее къ дѣятельности, направленной на что-либо внѣшнее. И потому исторія ихъ жизни есть исторія внутренней отчаянной борьбы за пріобрѣтеніе гармоніи духа путемъ развитія и примиренія первоначально дисгармонирующихъ началъ ихъ прирождённаго характера. Обладая въ избыткѣ однимъ изъ задатковъ цѣльности духа, именно глубиной непосредственнаго чувства, они страдаютъ недостаткомъ теоретической силы, которая, стоя на той же высотѣ тона, примирила бы ихъ съ ихъ умственной совѣстью, и потому они страстно стремятся къ этому миру. И пока они его не достигнутъ, они будутъ вѣчно недовольны собою, сердиться на себя и на другихъ, дѣлать тысячу чудачествъ, глупостей, ошибокъ и даже вреда; будутъ читать книжки, надѣясь вычитать въ нихъ то недостающее ихъ начало цѣльности и гармоніи духа, и успокоятся лишь тогда, когда, перегорѣвъ и изстрадавшись, они отринутъ свои старыя узкія мысли и этими долгими усиліями и тяжкими жертвами расширятъ сознаніе въ уровень съ своимъ непосредственнымъ чувствомъ. Когда Левинъ появляется въ романѣ, ему 32 г., и онъ, какъ мальчикъ, влюбленъ въ княжну Китти Щербатскую. Эта любовь ста-

новится для Левина тѣмъ внѣшнимъ двигателемъ, который ускорилъ давно происходившій въ немъ процессъ борьбы дисгармонирующихъ силъ его духа и, въ концѣ романа, помогъ ему установить между ними нѣкоторое равновѣсіе. Эта любовь усилила и расширила въ душѣ Левина область непосредственнаго чувства, и оно, подчинивъ себѣ его теоретическую мысль, привело, наконецъ, сознаніе Левина къ постиженію той главной жизненной тайны, къ уничтоженію того главнаго сомнѣнія, которыхъ окончательное раскрытіе прежде было недоступно узости его логически-разсудочнаго пониманія. Любовь къ женщинѣ, а потомъ семья были для Левина тѣмъ могущественнымъ орудіемъ, которое дало окончательное развитіе его внутреннему опыту духовнаго чувства, прежде связаннаго и суженнаго рефлексіей его недостаточной и ложными теоріями извращенной разсудочности. Любовь къ женѣ и сыну приблизила его окончательно къ истинному источнику жизни и ея познанія, помогла ему завершить счастливо борьбу неравномѣрно распредѣленныхъ силъ его духа и достигнуть внутренней гармоніи. Сознаніе его было, наконецъ, примирено съ самимъ собою. Освобожденное чувство, наконецъ, подняло передъ нимъ завѣсу разсудочности, такъ долго скрывавшую отъ его взора истинную жизнь, которой смыслъ представлялся прежде его сознанію лишь отрывочно, гипотетически, сомнительно и противорѣчиво. Тогда теоретическое сознаніе его расширилось и просвѣтлѣло. Изъ всѣхъ непосредственныхъ стихійныхъ силъ индивидуальной жизни истинная любовь есть сила наиболѣе могущественная, наиболѣе способная побѣдить разлагающее вліяніе разсудочной рефлексіи. И пока эта сила не овладѣла Левинымъ, онъ не имѣлъ средствъ бороться противъ той дисгармоніи, на которую былъ осужденъ самой организаціей своей нравственной личности. До тѣхъ поръ онъ былъ способенъ лишь временно успокоиваться на той или на другой разсудочной теоріи, постоянно переходя къ новымъ темамъ и снова покидая ихъ, когда непосредственная сила жизни разоблачила передъ нимъ его оптическій обманъ и хрупкія зданія его неустойчивой разсудочности, какъ карточный домикъ, разваливались отъ прикосновенія дѣйствительности, которая, при всѣхъ заблужденіяхъ Левина, никогда не оставляла его надолго безъ своего охраняющаго вліянія.

Его жизнь въ деревнѣ, на лонѣ природы, среди стихійныхъ силъ народнаго быта, всегда возвращала его отъ односторонніхъ логическихъ построеній къ созерцанію таинственной для разсудка непосредственной жизни, не давая ему упрочиться въ какой-либо односторонне-опредѣленной системѣ теоретическихъ воззрѣній и вѣчно толкая впередъ его впечатлительный духъ. Поэтому онъ постоянно переходилъ отъ одной *фазы* къ другой и, пріѣзжая въ Москву изъ деревни,

являлся передъ своими друзьями всегда съ неожиданно для нихъ новыми въ немъ системами воззрѣній.

...Когда мы встрѣчаемся съ Левинымъ въ деревнѣ, мы не замѣчаемъ въ немъ никакихъ сомнѣній. Онъ на время погрузился вполнѣ въ свою любовь къ Китти и ихъ будущему ребенку. Левинъ ни о чемъ себя не спрашиваетъ и безотчетно предается своему счастью. Сомнѣнія еще вернутся къ нему. Но когда они явятся, они найдутъ Левина уже инымъ. Любовь и семья окажутся въ немъ тогда уже глубоко пустившими корни и незамѣтно привязавшими его къ жизни глубже, чѣмъ лежитъ источникъ сомнѣній. Когда они снова къ нему возвратятся и мучительно его охватятъ, въ немъ уже окажется созрѣвшею та сила духовнаго чутья и непосредственной жизненности, которыя преодолѣютъ всѣ сомнѣнія окончательно, разрѣшатъ прежнюю дисгармонію въ полное внутреннее равновѣсіе и, уяснивъ ему тайну жизни, упрочатъ и его собственную жизнь уже навсегда.

Для родовъ Китти Левины переѣхали на время въ Москву. Тамъ Левинъ метался какъ угорѣлый, какъ рыба на льду, перейдя изъ привычныхъ формъ жизни въ несвойственную ему городскую обстановку, съ ея суетой, множествомъ народа, отсутствіемъ природы и условными формальностями общественныхъ отношеній, такъ тяготившихъ привыкшаго къ деревенской безыскусственности Левина. Онъ былъ правъ, полагая, что городская жизнь есть искусственное создание человѣческихъ отношеній; это было такъ же вѣрно, какъ и то, что въ городѣ нѣтъ природы, нѣтъ мѣста и покоя, а есть каменные дома, изъ-за которыхъ иногда и неба не видно. Левинъ былъ правъ, думая, что стихійная жизнь сельскаго народа яснѣе выражаетъ общія и постоянныя черты національнаго духа, чѣмъ городская, въ которой онѣ скрываются за сложными и разнообразными видоизмѣненіями моды — въ широкомъ значеніи этого слова, т.-е. въ смыслѣ быстро смѣняющихся фазъ общественной исторіи. Но, кромѣ всего этого, въ чемъ Левинъ былъ правъ, были еще другія, личныя уже обстоятельства. Въ центрѣ умственной жизни, гдѣ люди болѣе живутъ разсудочною жизнью, нежели стихійнымъ началомъ непосредственнаго чувства, натура Левина должна была чувствовать себя дико и безпріютно. Онъ не зналъ, къ чему тамъ приложить привычныя силы своей своеобразной личности и, совсѣмъ не подходя подъ тонъ людей, живущихъ частью отвлеченіемъ, частью механизмомъ общественныхъ отношеній, чувствовалъ себя подавленнымъ въ этой туманной для него атмосферѣ и занимался безцѣльнымъ убиваніемъ времени, какъ бѣлка, вертящаяся въ колесѣ клѣтки, и часто дѣлалъ даже прямыя глупости.

Рожденіе сына и страхъ за жену вывелъ его изъ этой душевной недѣятельности. Значительность этого сознанія его жизни — рожденія

живого существа—были освѣжающимъ потрясеніемъ, обратившимъ его душу снова на созерцаніе таинственныхъ глубинъ жизни. Передъ нимъ была возможность смерти жены и появленіе новаго существа, и душа его напряглась, чтобы постигнуть чувствомъ эти явно родственныя тайны.

«Онъ зналъ и чувствовалъ только, что то, что совершилось, было подобно тому, что совершалось часъ тому назадъ въ гостинницѣ губернскаго города на одрѣ смерти брата Николая. Но то было горе, это была радость. Но и то горе, и эта радость были одинаковы во всѣхъ обычныхъ условіяхъ жизни,—были въ этой обычной жизни какъ будто отверстія, сквозь которыя показывалось что-то высшее. И одинаково тяжело, мучительно наступало совершающееся, и одинаково непостижимо, при созерцаніи этого высшаго, поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею».

Это что-то высшее, открывающееся изъ-за отверстій, были вѣчные законы человѣческой жизни, связывающіе отдѣльнаго человѣка съ другими и съ остальнымъ мірозданіемъ. Это теоретическое общеніе очень неустойчиво и непрочно, склонно къ сомнѣніямъ, къ самоотрицанію и достиженію въ мысли отъ общей жизни природы. Но когда сомнѣвающееся и отрицающееся жизни сознаніе отъ теоретическаго представленія переходитъ къ непосредственному созерцанію своей связи съ природой, ея вѣчными законами и таинственными цѣлями, тогда сомнѣнію и отрицанію жизни уже нѣтъ мѣста.

Одинокій въ теоріи умъ можетъ сомнѣваться въ цѣлесообразности своего существованія; но сомнѣніе исчезаетъ, когда сознанію открывается непосредственная связь его съ природой. Теоретически Левинъ могъ сомнѣваться въ томъ, что его личная жизнь была не простая случайность, отказаться отъ которой, ради ея безцѣльности и зла, лежало въ его власти. Но сомнѣніе стало для него невозможнымъ, когда онъ не чувствовалъ самого себя участникомъ въ твореніи жизни и увидѣлъ на себѣ и черезъ себя ея вѣчные законы, открывавшіеся его взору въ творческой силѣ его любви, надъ микроскопической частицей той силы, которая создала его, всѣхъ его окружающихъ и весь остальной міръ, и дала имъ законъ естественнаго существованія, законъ добра, и котораго его самого тѣмъ самымъ дѣлала участникомъ вѣчной жизни природы, поставила ему вѣчную цѣль — созерцаніе, храненіе и развитіе вѣчныхъ законовъ добра.

Новыя, болѣе прочныя и глубокія связи Левина съ жизнью усилили въ немъ потребность и создали почву для положительнаго рѣшенія тѣхъ высшихъ вопросовъ жизни, которымъ его прежній позитивизмъ отказывался дать объясненіе. Душа возвышается до этихъ

окопъ въ широкую, внѣшнюю природу лишь при зрѣлищѣ важнѣйшихъ и вмѣстѣ таинственнѣйшихъ событій личной жизни — рожденія, брака и смерти. Въ обыденныхъ условіяхъ человѣкъ чувствуетъ себя всегда независимымъ и отдѣльнымъ отъ остального міра. Въ обыденныхъ условіяхъ онъ сознаетъ свою связь лишь съ опредѣленными живыми людьми и лишь внѣшнюю зависимость отъ явленій природы, доступныхъ его воздѣйствію,—онъ чувствуетъ обыкновенно лишь внѣшнюю съ нею связь. Но когда онъ присутствуетъ и участвуетъ духомъ въ такихъ событіяхъ своей жизни, которыя подчинены законамъ, общимъ для всѣхъ людей, такимъ законамъ, которые связываютъ его существованіе со всѣмъ остальнымъ твореніемъ, онъ непосредственно чувствуетъ эту таинственную, но несомнѣнную связь, скрывающуюся обыкновенно отъ непосредственнаго чувства. Таковы рожденіе и смерть близкихъ, такова собственная смерть, такова та степень любви, которая ведетъ къ браку, къ семьѣ, къ созданію новыхъ существъ. Обыкновенно, когда личная жизнь не приводитъ человѣка въ непосредственную связь съ жизнью всей природы, ея общіе и вѣчные законы представляются лишь съ той неполнотою гипотетичности и отвлеченности, какая доступна теоретическому сознанію. И если оно необходимо для сознательно живущаго человѣка, если оно возвышаетъ умъ до сознательнаго общенія въ мысли съ существованіемъ общества, народности, ея исторіи и всего человѣчества, всей природы, то все же душа мучительно и настойчиво ждала отвѣта. Позитивизмъ никакого отвѣта не давалъ. И разъ позитивизмъ оказался неудовлетворительнымъ, его свѣтъ въ глазахъ Левина долженъ былъ немедленно померкнуть, и его теоріи должны были представиться Левину въ ихъ истинномъ жалкомъ значеніи. Левинъ увидѣлъ, что эти теоріи—не больше, какъ игрушка, дающая забаву пресыщенному и самодовольному паразиту, но неспособная хотя бы на минуту утолить голодъ истинно алкающаго правды человѣка.

Отвергнувъ позитивизмъ, Левинъ еще менѣе могъ остановиться на ученіи кого-либо изъ систематиковъ догматической трансцендентальной философіи. Непосредственное чувство каждый разъ воздерживало его отъ соблазна, подсказывая вѣрно, что высокіе грандіозные и все же хрупкіе своды этихъ воздушныхъ системъ не имѣютъ фундамента, что эти величественныя и въ то же время жалкія постройки—только созданіе логически условной архитектуры разсудочнаго отвлеченія, безсильнаго воспроизвести истинные законы и истинное созерцаніе жизни. «Вся эта искусственная постройка заваливалась какъ карточный домикъ, и ясно было, что *постройка была сложена изъ тѣхъ же переставленныхъ словъ* — независимо отъ чего-то болѣе важнаго въ жизни, чѣмъ разумъ».

...Когда я слышу въ обществѣ затасканную фразу о томъ, что гр. Л. Н. Толстой, будучи геніальнымъ художникомъ, не надлежаще вторгается въ чужую ему область отвлеченнаго мышленія и тѣмъ являетъ жалкое подражаніе воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ, я ничуть не бываю огорченъ. Я равнодушенъ къ этому безсмысленному мнѣнію прежде всего потому, что въ душѣ считаю гр. Толстого тѣмъ, что есть неизмѣримо больше и лучше, чѣмъ самый великій художникъ или философъ. Я убѣжденъ, что гр. Толстой—*человѣкъ*, и человѣкъ въ такихъ предѣлахъ, что немногіе могли и могутъ съ нимъ сравняться. И въ этомъ человѣкѣ, котораго душу я вижу, или, по крайней мѣрѣ, стараюсь видѣть, въ цѣломъ, не отдирая отъ нея ничего по кусочкамъ, я никакъ не могу отдѣлить его глубокой мысли отъ его глубочайшаго чувства. Онъ для меня художникъ и мыслитель, и я только счастливъ, что и то, и другое исчезаетъ у него совершенно въ его человѣкѣ, который такъ необыкновенно далекъ отъ всѣхъ профессіональныхъ названій — и заправскаго поэта съ поэзіею безъ мысли, и патентованнаго философа съ ужасно умной и послѣдовательной системой догматической въ двадцати пяти томахъ и безъ одной страницы живого человѣческаго чувства.

Тѣмъ болѣе Левинъ. Левинъ — помѣщикъ съ поэтической натурой, просто человѣкъ, который живетъ, искренно чувствуя и искренно размышляя, не претендуя на патентъ поэта, философа-критика. Поэтому Левину не было надобности высказывать свои мнѣнія объ исторіи философіи подробно, что въ художественномъ произведеніи къ тому же, было бы, по крайней мѣрѣ, неумѣстно: довольно, что въ романѣ показано настроеніе, характеръ отношенія, источникъ и точка его зрѣнія. Въ настоящее время ни для кого изъ образованныхъ людей не составляетъ новости, что философія тайнъ жизни не разъяснила и никогда не разъяснитъ; что хотя разсудокъ вѣчно будетъ стремиться къ этому высшему познанію, но для него доступъ туда закрытъ навсегда, и что поэтому разсудочная мысль человѣка есть безвыходный кругъ, который не можетъ быть ни прерванъ, ни законченъ.

Въ этомъ теперь согласны люди самыхъ различныхъ направленій. Такъ полагаютъ позитивисты и успокоиваются на этомъ признаніи, и прилагаютъ разсудочныя силы къ изученію второстепенныхъ вопросовъ человѣческаго знанія. Такъ думаютъ тоже и противники позитивизма, какъ бы мы ихъ ни называли, но не могутъ удовлетвориться отрицательнымъ результатомъ разсудочной философіи и пытаются вопросить другой источникъ истины—непосредственное чувство.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Левинъ. Онъ иногда не умѣетъ выражаться: такъ, онъ неправильно употребляетъ слово *разумъ*, въ дѣйствительности понимая подъ нимъ лишь разсудочный видъ сознанія. Но самая его мысль о недостаточности послѣдняго, о существованіи для сознанія другого, неизмѣримо болѣе тонко и глубоко проникающаго орудія,—эта мысль Левина не представляетъ ничего безсмысленнаго и, въ своемъ основаніи, ничего даже новаго. Въ сущности она такъ же стара, какъ и весь человѣческій міръ. Къ ней приближались, отъ нея удалялись, но она всегда существовала и ею всегда жили массы людей. На ней были построены первобытное и всѣ древнія міросозерцанія. Она лежитъ въ основаніи всѣхъ существующихъ религій. Она живетъ до сихъ поръ и всегда будетъ жить въ большинствѣ людей. Всѣ поэты и художники говорили всегда этимъ языкомъ. И если она явилась на устахъ поэтическаго Левина, то здѣсь ровно ничего нѣтъ удивительнаго и тѣмъ болѣе ничего безсмысленнаго. Напротивъ, въ этомъ Левинѣ съ его мыслью есть глубочайшій смыслъ. Она — знаменіе времени, того поворота отъ индивидуализма и разсудочности къ религіозному міровоззрѣнію и христіанству, который каждый день и каждый часъ совершаетъ завоеванія на нашихъ глазахъ и надъ которымъ подтрунивать могутъ только очень близорукіе люди.

Громека.

Долли Облонская.

Эта бѣдная, сѣренькая Долли, эта безотвѣтная насѣдка почти незамѣтна среди Анны и Китти, особенно при первомъ чтеніи романа, когда невольно бросаешься на то, что ярче. И самый образъ Анны, и трагическая исторія ея любви одѣты такою возбуждающею поэзіею страсти, такою волнующею силой молодости и красоты; и Китти выходитъ передъ нами съ такимъ очарованіемъ изящества и первой дѣвственной свѣжести, что старѣющіяся черты некрасивой Долли, измученной дѣтьми, невѣрностью мужа, разореніемъ семьи, безплодною тратою молодости въ ежедневныхъ заботахъ, ничѣмъ и ни отъ кого не вознаграждаемыхъ, — что черты Долли представляются намъ сначала безцвѣтными, сѣренькими и неинтереснымъ. Но это только при первомъ чтеніи. Когда вы потомъ, желая дать себѣ безпристрастный отчетъ, снова начнете просматривать страницы романа, то тѣ изъ нихъ, гдѣ выступаетъ Долли, дадутъ вамъ наибольшее, послѣ мимолетныхъ встрѣчъ съ Марьей Николаевной, внутреннее удовлетвореніе. И вы увидите, что если все очарованіе цвѣтовъ и красокъ автора принадлежитъ Аннѣ и менѣе Китти, то его нравственныя симпатіи принадлежатъ этой несчастной дѣвушкѣ и также Долли.

Не блестящая Анна, не граціозная Китти, не онѣ героини романа, рѣшающаго проблему семейнаго счастья и горя, а безцвѣтная на видъ и ничѣмъ для большинства не очаровательная Долли. Долли несчастлива съ мужемъ, но она права, а ея правота дѣлаетъ ее счастливою другимъ, лучшимъ счастьемъ.

Когда Долли узнала о невѣрности мужа, молодого, тридцатичетырехлѣтняго, полнаго жизни, человѣка — невѣрности ей, состарѣвшейся, измученной, некрасивой женщинѣ, — она не нашла его правымъ, она была глубоко оскорблена. Ея отношенія къ браку, къ семьѣ и мужу были выше и чище, чѣмъ у Стивы, и эта чистота ея была поругана и осквернена.

Когда прошла первая горечь разочарованія и обиды, она простила мужа. Измѣнивъ о немъ мнѣніе, съ разрушеннымъ сердцемъ, она не перестала его любить; она осталась съ нимъ и съ его дѣтьми, какъ будто между ними ничего не случилось. Она продолжала прежній скромный и высокій подвигъ любви безъ счастья въ еще болѣе прежняго тяжкихъ условіяхъ. Счастья не было, и было даже униженіе. Она позволила себя обманывать, и къ ея любви примѣшалось презрѣніе, она презирала и мужа, и себя за эту слабость. Но за этой слабостью было нѣчто другое, высшее, чего другіе, напримѣръ, Китти, не понимали. Китти, оскорбленная Вронскимъ, переносила свою мѣрку на Долли и презирала сестру, которая вернулась къ измѣнившему ей человѣку. Китти не знала женскаго сердца; она не знала, какъ оно можетъ прощать, любить нелюбящихъ его, — любить съ горечью отравленнаго счастья и отрадою прощенія и великодушія. Китти не знала, что у Долли были дѣти; она не понимала, что дѣти связывали ее съ мужемъ въ такую связь, которая могла быть искорежена, испорчена, но не уничтожена. У Долли родился шестой ребенокъ, и она перебралась съ дѣтьми на лѣто въ полуразрушенный флигель Ергушова. Предоставленная мужемъ самой себѣ, она вся была охвачена заботами о болѣющихъ, заболѣвающихъ или могущихъ заболѣть дѣтяхъ. Хлопоты лишали ее спокойствія, но давали ей то единственно возможное счастье, которое ей оставалось.

Это было совсѣмъ особенное, ея собственное царство, ея жизнь; ея счастье составляли не только радости, но и горести этого ея задушевнаго дѣтскаго міра. Уѣзжая въ церковь, гдѣ Долли хотѣла причастить дѣтей, она одѣвалась съ удовольствіемъ и волненіемъ — не для своей красоты, а для того, чтобы она, какъ мать этихъ прелестей, не испортила общаго впечатлѣнія. Долли улыбалась блаженною, восторженною улыбкой, увидѣвъ Тапю, какъ та принесла свой кусокъ сладкаго пирога наказанному брату. Даже скучный процессъ

купанья дѣтей составлялъ для Долли особенную прелесть. Инстинктомъ женскаго сердца она знала сущность отношеній между Китти и Левинымъ, и на его проявленіе оскорбленной гордости она отвѣчала какъ бы презрѣніемъ за низость этого чувства въ сравненіи съ тѣмъ другимъ чувствомъ, которое знаютъ однѣ женщины; и, въ то же время, она смотрѣла съ грустною нѣжностью на Левина, угадывая чутьемъ, что онъ еще любитъ Китти, и ей казалось смѣшнымъ, что этотъ сильный и умный мужчина не знаетъ самого себя, не видитъ того, что ей такъ сразу очевидно ясно.

...Съ своею натурою Долли не могла сочувствовать Каренину въ его намѣреніи развестись съ Анной. Долли ясно видѣла, что, въ случаѣ развода, Анна погибнетъ, и поэтому, всей душою сочувствуя и ей, и ея мужу, умоляла его не отказываться отъ Анны окончательно и простить ее.

На свадьбѣ у любимой сестры Долли одна была дѣйствительно растрогана. «Слезы стояли у нея на глазахъ, и она бы не могла ничего сказать не расплакавшись. Она радовалась на Китти и Левина; возвращаясь мыслью къ своей свадьбѣ, она взглядывала на сіяющаго Степана Аркадьевича, забывала все настоящее и помнила только свою первую невинную любовь. Она вспоминала не одну себя, но всѣхъ женщинъ, близкихъ и знакомыхъ ей; она вспомнила о нихъ въ то единственное торжественное для нихъ время, когда онѣ, такъ же, какъ Китти, стояли подъ вѣнцомъ съ любовью, надеждою и страхомъ въ сердцѣ, отрекаясь отъ прошедшаго и вступая въ таинственное будущее. Въ числѣ всѣхъ этихъ невѣстъ, которыя приходили ей на память, она вспомнила милую Анну, подробности о предполагаемомъ разводѣ которой она недавно слышала. *И она также чистая стояла въ померанцевыхъ цвѣтахъ и вуали».*

Долли иногда утомлялась своимъ положеніемъ, и въ такія минуты она склонна была относиться къ нему слишкомъ отрицательно и мечтать о другихъ положеніяхъ, въ которыхъ потребность къ личному счастью была бы болѣе удовлетворена. Проводя лѣто у молодыхъ Левиныхъ, она собралась навѣстить Анну, вернувшуюся съ Вронскимъ изъ-за границы и поселившуюся въ его имѣніи en famille.

Дома Долли, всегда полная заботъ о дѣтяхъ, никогда не имѣла времени думать о себѣ, всегда жила интересами минуты. Теперь, сидя одна въ коляскѣ, она въ первый разъ взглянула сбоку на свою жизнь, и ей неожиданно пришли такія мысли, какихъ она прежде не знала. Красивая молодайка на постояломъ дворѣ сказала ей, что радуется смерти своей дѣвочки, какъ избавленію отъ излишней обузы, и какъ ни отвратительны были для Долли эти цинническія слова, она чувствовала, что въ нихъ есть доля правды, — дурной, но правды.

«Да и вообще, — думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лѣтъ замужества, — беременность, тошнота, тупость ума, равнодушіе ко всему и, главное, безобразіе — безобразныя страданія, эта послѣдняя минута... потомъ кормленіе, эти безсонныя ночи, эти боли страшныя... Потомъ болѣзни дѣтей, этотъ страхъ вѣчный; потомъ воспитаніе, гадкія наклонности, ученье, латынь; все это такъ непонятно и трудно. И, сверхъ всего, смерть этихъ же дѣтей... И опять въ ея воображеніи возникло, вѣчно гнетущее ея материнское сердце, жестокое воспоминаніе смерти послѣдняго, грудного малютки, его похороны, всеобщее равнодушіе передъ этимъ маленькимъ розовымъ гробикомъ, и своя, разрывающая сердце, одинокая боль передъ блѣднымъ лобикомъ съ вьющимися височками, передъ раскрытымъ и удивленнымъ ротикомъ, видѣвшимся изъ гроба въ ту минуту, какъ его закрывали розовою крышкой съ галушнымъ крестомъ. И все это зачѣмъ? Что жъ будетъ изъ всего этого? То, что я, не имѣя ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вѣчно сердитая, ворчливая, сама измученная и другихъ мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь, и вырастутъ несчастныя, дурно-воспитанныя и нищія дѣти... Если предположимъ самое счастливое: дѣти не будутъ больше умирать, и я кое-какъ воспитаю ихъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они только не будутъ негодяи. Вотъ все что я могу желать. Изъ всего этого столько мученій, столько трудовъ... загублена вся жизнь»!..

И снова Долли показалось, что въ гадкихъ словахъ молодайки была часть грубой правды. И Долли представилось, что все кругомъ ея живетъ для счастья, и только ей одной нѣтъ мѣста въ радостяхъ жизни. Она пожалѣла, что не бросила мужа, когда узнала объ его измѣнѣ; она жалѣла, что не попыталась начать тогда новую, навѣрное, — думала она, — болѣе счастливую жизнь. Долли вспомнила мужчинъ, которымъ она нравилась, и ей казалось, что еще и теперь, несмотря на все, она еще могла бы быть счастливой и жить для себя. И ей представлялись самые невозможные и страстные романы, съ воображаемымъ собирательнымъ мужчиной, въ воображеніи она признавалась во всемъ мужу, и мысль объ удивленіи и замѣшательствѣ Степана Аркадьевича заставляла ее улыбаться.

Но когда Долли увидѣла Анну и Вронскаго и ихъ холостой домъ, ея мечтанія разсѣялись какъ дымъ. День, проведенный въ этой безсемейной, искусственной, роскошной гостиницѣ, гдѣ Анна и Вронскій какъ будто на время занимали номера, совершенно измучилъ Долли. Она увидѣла, что съ этимъ, въ воображеніи представляющимся ей въ такихъ очаровательныхъ краскахъ, съ этимъ міромъ любви внѣ разъ данной семьи, хотя бы несчастной и бѣдной, она въ глубинѣ

души не имѣетъ ничего общаго. Долли только что передъ тѣмъ тяготилась дѣтьми; но когда услышала отъ Анны теоріи порожденія дѣтей, она почувствовала омерзѣніе; она увидѣла, что лучше всю жизнь мучиться и болѣть, преждевременно старѣться и дурнѣть, нежели быть красивой, какъ Анна, цѣной такихъ отвратительныхъ жертвъ. Долли страдала отъ бѣдности и разоренія; но теперь ей не нравилось богатство Вронскаго, покупавшееся такою сухостью души. И воспоминанія о своемъ разоренномъ домѣ, о нищихъ дѣтяхъ изъ грустныхъ и безнадежныхъ стали для нее особенно дорогими, — стали для нея новою, сіяющей прелестью. Измучившія ее материнскія заботы, о которыхъ она думала дорогой съ такой ненавистью, явились ей въ новомъ свѣтѣ и непреодолимо тянули къ себѣ. Казавшійся ей когда такимъ безсмысленнымъ, безцѣльнымъ, сѣренькимъ міръ ея заботъ, лишеній, несчастій и радостей сталъ теперь для нея такъ дорогъ и милъ, что она не могла прожить внѣ его ни одного лишняго дня.

Въ этомъ мірѣ она и осталась до конца своихъ дней. Иногда она возмущалась противъ мужа. Разъ она воспротивилась новой продажѣ лѣса. Другой разъ она не хотѣла продать имѣніе, но потомъ уступила мужу, спасая его честь.

Вотъ все, что мы о ней знаемъ, но этого немногаго достаточно, чтобъ имѣть объ ея характерѣ вѣрное понятіе. Есть натуры, которыя слишкомъ цѣльны, чтобы быть не только счастливыми, но даже вѣрно оцѣненными въ массѣ. Какъ чистое золото слишкомъ тяжело и мягко, чтобы быть прочнымъ и удобнымъ для обращенія, такъ и чистые люди неудобны въ житейскомъ обиходѣ, несчастны и большею частью даже незамѣтны, остаются въ неизвѣстности и забвеніи. Вотъ и Долли: въ сущности, по своей задушевности, по безкорыстію своей любви, по идеализму своихъ побужденій она стоитъ несравненно выше не только Анны, но и Китти; а между тѣмъ она стоитъ на второмъ планѣ не только для большинства, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже для самого автора. Авторъ, рисующій ея характеръ съ такой задушевною и часто съ такой высокою поэзіей, все же больше мѣста и силъ отводитъ Аннѣ и Китти. Почему? Художникъ изображаетъ жизнь, а въ жизни цвѣтетъ и блистаетъ лишь то, что живетъ своими индивидуальными цѣлями и силами; ему въ жизни бываетъ первое мѣсто: ему — весь блескъ, вся красота формъ, всѣ блага земли, все личное счастье; то же, что, совершивъ величайшій подвигъ, отреклось отъ своей личности, то, пріобрѣтая въ глазахъ большинства второстепенное значеніе, отходитъ въ мірѣ дѣйствительности на дальній планъ. И объективный художникъ, соблюдая перспективу оригинала, передаетъ ее своему снимку. И вотъ Долли отведено

второстепенное по размѣрамъ мѣсто въ романѣ, рисующемъ дѣйствительную жизнь. Но зато ей отведены хотя сравнительно и немногія, но лучшія страницы романа.

Не надѣленная красками, кажущаяся безцвѣтная Долли, среди блистающихъ и благоухающихъ женскихъ образовъ романа, изъ всѣхъ свѣтскихъ его женщинъ, одна свѣтитъ алмазомъ чистой воды. Долли, худенькая и слабенькая, сидящая съ своими порѣдѣвшими волосами въ спальнѣ у Анны, въ своей заплатанной кофточкѣ, съ волненіемъ и жалостью слѣдящая за разсказомъ красавицы Анны; Долли, положившая свою нѣжную, исхудалую руку на головку провинившейся, рыдающей слезами раскаянія Маши; Долли, нѣжно упрекающая Левина за его суетное и близорукое самолюбіе, умоляющая Каренина простить Анну и въ подтвержденіе, забывая гордость, открывающая ему свое собственное семейное горе; Долли, платящая мужу добромъ за зло, прощеніемъ и любовью за пренебреженіе и разореніе; Долли, горюющая всѣми болѣзнями и горестями дѣтей, счастливая одними ихъ успѣхами и радостями; Долли, неспособная промѣнять этотъ міръ, полный личныхъ несчастій, на всѣ блага земли — *эта* Долли дѣйствительно героиня, а ея страницы одни изъ самыхъ возвышенныхъ во всемъ романѣ. Она знала другое счастье, другое удовлетвореніе счастьемъ безкорыстной любви, полное удовлетвореніе собственною внутреннею правотой, непонятныя для большинства, съ его помышленіями эгоизма и самолюбія, но для нея несомнѣнныя. Къ ней, какъ къ Татьянѣ Пушкина, Лизѣ Тургенева, матери (въ Дѣтствѣ) и Мари Болконской того же графа Толстого, могутъ быть примѣнены слова, которыя такъ любилъ Бѣлинскій:

«Я все земное совершила, —
Я на землѣ любила и жила».

Громека.

Марья Николаевна.

Въ романѣ гр. Толстого чуть-чуть мелькаетъ иногда одно лицо, на которомъ онъ какъ будто стыдился останавливаться подробно и долго. Это очень, очень жаль, потому что почти незамѣтно пріотворенная дверь, изъ-за которой такъ рѣдко и лишь на короткія мгновенія видиѣется вдали мелькающій образъ, эта отдаленная дверь ведетъ въ лучшія комнаты дома, въ лучшую часть души человѣка, гдѣ рождаются самые чистые и самые высокіе звуки поэзіи гр. Толстого. Какъ будто художникъ не рѣшается ввести въ свою патріархальную, но все же аристократическую гостиную, гдѣ сидятъ Долли, Китти и Анна, какъ будто онъ конфузится принести туда и по-

садить съ ними рядомъ ту самую женщину, которую онъ же, освободивъ отъ ея позора и несчастія, надѣлилъ возвышающими ее надъ всѣми женщинами романа трогающими насъ самоотверженіемъ и чистотою.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему было ввести Марью Николаевну съ ея старомъ шерстяномъ платьѣ, безъ рукавчиковъ и воротничковъ, съ ея голыми пухлыми руками и шеей, съ ея рябоватымъ, добродушно-тупымъ лицомъ,—ввести ее въ великосвѣтскую залу, на балъ, въ это море кружевъ, тюля и лентъ, и посадить ее рядомъ съ Китти въ сложномъ тюлевомъ платьѣ на розовомъ чехлѣ, съ розетками, кружевными бертами, въ розовыхъ туфляхъ, веселящихъ ножку, съ говорящей бархоткой медальона на шеѣ, — рядомъ съ Анной въ черномъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ венеціанскимъ гипюромъ, съ маленькой гирляндой анютиныхъ глазокъ въ черныхъ чудныхъ волосахъ и ниткой жемчуга на точеной крѣпкой шеѣ? Согласитесь сами, это невозможно.

Да, Марья Николаевна и сама бы туда не пошла. Она бы, конечно, не захотѣла видѣть снова выраженіе жаднаго любопытства въ томъ взглядѣ, которымъ Китти смотрѣла на нее — на эту непонятную для Китти ужасную женщину: она бы снова вся сжалась и покраснѣла отъ слезъ. Она бы не желала, чтобы Левинъ — тотъ самый Левинъ, которому она писала о всѣхъ нуждахъ Николая,—чтобы онъ, въ ея присутствіи, сталъ снова разрываться отъ стыда и страха за сахарную чистоту своей изящной куколки жены. А если бъ она увидѣла Анну, съ ея изящной, веселой и оживленной естественностью и простотой, она бы ужъ совсѣмъ потерялась.

Вѣроятно, Марья Николаевна, если бы какъ-нибудь случайно попала къ княгинѣ Бетси Тверской пить чай послѣ оперы въ ея городскомъ домѣ—въ ея школѣ злословія и безкровно-холоднаго разврата съ Тушкевичемъ à la Louis XV и лакеями всѣхъ сортовъ или обѣдать въ обществѣ Лизы Меркаловой и Сафо Штольцъ съ ихъ мирно между собою уживающимися любовниками,—она, вѣроятно, и тамъ не имѣла бы духа досидѣть до конца. Здѣсь ей не пришлось бы краснѣть за свой прошедшій позоръ; настоящее этихъ женщинъ было безспорно хуже ея прошлаго. Но, вспоминая свою прежде безсильную борьбу съ нищетой, быть-можетъ, продажностью матери, жестокостью и развратомъ общественныхъ нравовъ, она слишкомъ бы тяжко страдала при видѣ тѣхъ женщинъ, которыя на верху земного могущества заливали грязью, безъ борьбы и стыда, послѣдніе обрывки человѣческаго достоинства. При видѣ этого отребья, она ужаснулась бы за всю человѣческую породу. Она поколебалась бы на минуту въ той вѣрѣ въ человѣка, которая зажглась въ ея благородномъ

сердцѣ, какъ Левинъ Николай взялъ ее изъ «дома», когда онъ защищалъ ее у мирового судьи отъ полиціи, желавшей туда ее возвратить, когда онъ отъ брата Константина требовалъ ей уваженія и признанія, просилъ у любимаго брата сочувствія ей и любви. Отъ блестящаго паркета большой залы, изъ благовоннаго покоя à la Louis XV она съ восторгомъ вернулась бы въ зловонную комнату московскихъ номеровъ, въ грязную гостинницу губернскаго города, чтобы тамъ снова ходить съ любовью за своимъ умирающимъ другомъ, удерживать его отъ водки, смирять своимъ шопотомъ отъ раздраженія и гнѣва, самой не слушая брани его болѣзненнаго каприза; чтобы писать Константину, изъ незаслуженнаго изгнанія, о несчастіи и нуждахъ обидно презрѣвшаго ее Николая, чтобы ѣхать съ нимъ за границу, чтобы на его долгомъ смертномъ одрѣ, забывая о будущей одинокой нищетѣ среди враждебнаго къ ней человѣческаго міра, смиренно стараясь дѣлать себя незамѣтной, не оскорбить своимъ присутствіемъ хорошенькую, богатую, счастливую Китти, сослужить человѣку, который возвратилъ ей чистоту души, сослужить ему, подавляя щемящую боль сиротѣющаго сердца, сослужить ему на этомъ свѣтѣ послѣднюю службу.

Я назвалъ Долли героиней. Но для Маріи Николаевны я не могу подыскать столь же точнаго опредѣленія. Я не могу послѣ Долли назвать ее героиней, но не потому, чтобы Долли вела свой родъ отъ людей, которые были возвеличившимися и прославленными тысячелѣтнею службой народу потомками иноземнаго пришельца, а дѣвушка и вовсе никакого родового прозвища, извѣстнаго намъ, не имѣла, — не поэтому я не рѣшаюсь назвать Марью Николаевну героиней, а потому, что этотъ литературный терминъ слишкомъ для нея казаренъ, слишкомъ неспособенъ выразить всей ея высоты. Я знаю только одно слово, которое могло бы собою выразить все, и я бы сказалъ его, если бы литературная критика обладала властью канонизировать чистые образы художника, который неспособенъ утратить вполнѣ своей высоты даже въ слабостяхъ и заблужденіяхъ, недостойныхъ его великаго таланта.

Чистый солнечный лучъ не нуждается въ широкихъ окнахъ, въ рѣзныхъ рамахъ, въ граненомъ зеркальномъ стеклѣ. Ему этого не нужно, чтобъ освѣтить и согрѣть надеждой и вѣрой душу сидящаго въ тюрьмѣ человѣка. Довольно, если въ крышѣ есть маленькая, незамѣтная въ пасмурную погоду, щель. Лучъ озолотитъ ея края и прольется свѣтлой золотою полосой до самаго дна. И измученная душа увѣруетъ снова въ сіяющее тамъ съ высоты на весь широкій міръ горячее солнце и сдѣлается радостна, спокойна и свободна. Чистый образъ несчастной дѣвушки не нуждался въ художественныхъ

декораціяхъ, украшающихъ случайныя и тлѣнныя формы, не нуждался въ художественной перспективѣ, безсильной скрыть ничтожество, холодъ и мракъ, неспособной умалить и скрыть истинное добро и истинную славу. Онъ пробрался самъ сквозь маленькую щель, нечаянно оставленную для него искуснымъ строителемъ, пробрался и вдругъ освѣтилъ всю мрачную и на развалины обреченную башню стариннаго замка.

Пусть другіе негодуютъ на него за мракъ его башни, пусть его будетъ впередъ по возможности меньше, мы не можемъ помнить одинъ окружавшій насъ мракъ; мы не можемъ забыть, что видѣли лучъ, возрождавшій въ насъ надежду и жизнь.

Вронскій.

Вронскій былъ невысокій, плотно сложенный брюнетъ, съ добродушно-красивымъ и твердымъ лицомъ. Эта твердость и ровность характера въ немъ особенно поражала другихъ и производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что непроницаемая и изящная оболочка твердости скрывала отъ другихъ очень успѣшно весь кругъ его дѣйствительныхъ, незначительныхъ чувствъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, который твердо знаетъ, чего хочетъ, и не ошибается въ средствахъ для своей цѣли. И про него говорили, что онъ далеко пойдетъ. Твердость его была врожденнымъ свойствомъ его характера; она много объяснялась чрезвычайною точностью его воззрѣній, а эта точность вытекала изъ ихъ узкости и условности. На все у него были правила; они были очень относительны и нравственно-ограниченны, но тѣмъ тверже прилагалъ онъ ихъ къ своей жизни. Уже первое впечатлѣніе Вронскаго непріятно — его изящно-безнравственное отношеніе къ Китти, гдѣ мы впервые видимъ проявленіе его основного правила — жить для влеченій и отдаваться имъ, не задумываясь и не разбирая послѣдствій. Онъ жилъ для влеченія своего сильнаго, чувственнаго тѣла и былъ твердо убѣжденъ, что въ этомъ онъ правъ. Когда онъ, увлекшись Анной, сѣлъ въ вагонъ, чтобы преслѣдовать ее, онъ «чувствовалъ, что всѣ его доселѣ распущенныя, разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшной энергіей были направлены къ одной блаженной цѣли. И онъ былъ счастливъ этимъ». Это совсѣмъ гармонировало съ его нравственными принципами, по которымъ нужно быть только «элегантнымъ, великодушнымъ, смѣлымъ, веселымъ, отдаваться каждой страсти, не краснѣя и надъ всѣмъ остальнымъ смѣяться, — смѣяться надъ тѣми, кто вѣритъ, что одному мужу надо жить съ одной женой, что дѣвушкѣ надо быть невинною, женщинѣ стыдливою, что надо заработывать свой

хлѣбъ, платить долги и разныя тому подобныя глупости». Въ его увлеченіи Анной сначала было не столько любви, не столько даже чувственной страсти, сколько упрямаго стремленія холодной воли — сдѣлать Анну своею любовницей.

Послѣ описаннаго разговора съ Анной у Бетси, когда Анна такъ ясно сказала ему свою любовь, въ его чувствѣ счастья было не столько нѣжной радости взаимной любви, сколько самолюбиваго торжества, что цѣль, которую онъ преслѣдовалъ съ такимъ долгимъ упорствомъ, наконецъ, сама идетъ ему въ руки — въ тотъ самый моментъ, когда онъ думалъ, что «не будетъ конца». Когда въ тотъ же памятный вечеръ, прощаясь, Анна сказала Вронскому, что потому не любитъ слышать въ его устахъ слова о любви, что для нея любовь значитъ гораздо, гораздо больше, чѣмъ даже онъ можетъ подумать, она говорила правду. Любовь къ Аннѣ была для него не любовь, а то же, что опасная охота, трудная скачка, и онъ такъ волновался отъ напряженія ею, что для успокоенія отвлекалъ свои силы на другую, — простую лошадиную скачку. Тотъ же характеръ страстной охоты на крупнаго звѣря, волненіемъ его сильнаго организма удовлетворявшей его склонность къ сильнымъ ощущеніямъ, носила и третья его скачка—скачка честолюбія. У него не было никакихъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, служеніе которымъ могло бы давать энергію, смыслъ и цѣль его дѣятельности и желанію власти. Власть была для него не средствомъ, а цѣлью, и даже не самая власть, обычная цѣль честолюбцевъ,—не она его привлекала, — самый процессъ ея достиженія, упорное стремленіе къ ней, возбужденное напряженіе всѣхъ чувствъ. Самый процессъ возбужденія и выдержки энергіи привлекалъ его: онъ искалъ не приза, а самой скачки. Онъ отказался отъ почетнаго назначенія лишь для того, чтобы набить себѣ цѣну, какъ на четырехверстной скачкѣ съ препятствіями онъ сначала далъ Малотину обогнать себя, чтобы тѣмъ вѣрнѣе потомъ опередить его и прійти къ столбу первымъ. Такова же была и любовь его къ Аннѣ. Не душа Анны его привлекала,—любовь къ ней не была для него источникомъ идеальныхъ влеченій и внутренняго роста, — но красота ея и полнота ея чувственной страсти его волновали, и онъ любилъ въ ней не душу ея, а источникъ сильныхъ волненій, удесятеренныхъ опасностью интриги и остротой честолюбиваго чувства борьбы съ мнѣніемъ свѣта. Это былъ человѣкъ безъ идеаловъ, но съ сильнымъ организмомъ и волей. Когда нѣтъ идеаловъ, то надо наполнять жизнь волненіями. И Вронскій жилъ только для этихъ волненій. И въ Аннѣ онъ любилъ не что иное, какъ свои же волненія, которыхъ красота и страсть Анны требовали въ избыткѣ. Онъ взялъ отъ Анны всѣ волненія, какія она могла

ему дать, пресытился ими и отвернулся отъ нихъ. Такова была сущность его характера. Ей нисколько не мѣшали тѣ формы, въ которыя она облекалась для свѣта, и то внѣшнее добродушіе здороваго, богатаго и удовлетвореннаго въ своихъ потребностяхъ человѣка, которое располагало къ нему товарищей и знакомыхъ. Внутри онъ остался тѣмъ, чѣмъ самъ, въ рѣдкія минуты полнаго самосознанія, себя признавалъ. Приставленный къ иностранному принцу, пріѣхавшему въ Петербургъ узнать русскія національныя удовольствія, — битье посуды и шампанское, — Вронскій противъ воли находилъ въ немъ собственныя черты. Принцъ этотъ «былъ очень глупый и очень самоувѣренный, очень здоровый и очень чистоплотный человѣкъ»; больше въ немъ ничего не было, кромѣ привычекъ внѣшней порядочности. «Глупая говядина!.. Неужели я такой?» думалъ Вронскій, глядываясь въ свое непріятное зеркало. И зеркало говорило ему совершенную правду.

Громека.

Толстой, какъ художникъ.

Кажется, нѣтъ писателя, равнаго Толстому, въ изображеніи человѣческаго тѣла посредствомъ слова. Ему одному свойствененъ даръ *ясновидѣнія плоти.* Ему такъ легко и пріятно описывать живыя тѣла, ихъ движенія, онъ порой злоупотребляетъ излишествомъ. Правда, языкъ человѣческихъ тѣлодвиженій болѣе непосредственъ и выразителенъ, обладаетъ большею силою *внушенія*, чѣмъ языкъ словъ. Они скорѣе выдаютъ истинную скрытую природу человѣка. Толстой съ неподражаемымъ искусствомъ пользуется *обратной связью внѣшняго и внутренняго.* У него *говорятъ* не только живыя, но и мертвыя; и глаза животныхъ «говорятъ»; ему одинаково послушны и первозданныя стихійныя громады, и разсѣянныя въ нашей внутреней атмосферѣ, какъ пыль, легчайшія молекулы, атомы чувствъ. Оставляя въ сферахъ всеобщее, литературно-условное, искусственное, отыскиваетъ онъ во всѣхъ ощущеніяхъ самое частное, личное, особенное, какъ бы тончайшія жала ихъ, и оттачиваетъ, заостряетъ эти жала до остроты почти болѣзненной, такъ что они пронзаютъ, впиваются, какъ иглы, особенность его ощущеній навѣки сдѣлается нашей особенностью, мы будемъ чувствовать, какъ онъ, и послѣ чтенія, когда вернемся въ дѣйствительную жизнь. Можно сказать, что нервная впечатлительность людей, читавшихъ произведенія Толстого, становится иною, чѣмъ до этого чтенія. Тайна его дѣйствія заключается между прочимъ въ томъ, что онъ замѣчаетъ незамѣтное, слишкомъ обыкновенное, и при освѣщеніи сознаніемъ кажущееся необычайнымъ.

Изъ такихъ-то маленькихъ, поразительныхъ наблюденій и открытій, какъ изъ первоначальныхъ клѣточекъ, состоитъ основа, — вся живая ткань его произведеній.

Языкъ его, обыкновенно простой и умѣренный, не страдаетъ излишествомъ эпитетовъ; только тогда не жалѣетъ онъ ихъ, когда дѣло идетъ о передачѣ особенности какого-нибудь ощущенія: «вдругъ онъ (Иванъ Ильичъ) почувствовалъ 1) знакомую, 2) старую, 3) глухую, 4) ноющую боль, 5) упорную, 6) тихую, 7) серьезную». Семь прилагательныхъ къ одному существительному,—и, однако, нѣтъ нагроможденія, ни одно изъ нихъ не лишнее, до такой степени боль Ивана Ильича для насъ любопытна во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ. Когда ощущеніе такъ тонко и ново, что уже никакими соединеніями словъ его невозможно выразить, пользуется онъ сочетаніями отдѣльныхъ звуковъ, тѣмъ способомъ выраженія, который служитъ дѣтямъ и первобытнымъ людямъ при созданіи языковъ,—звукоподражаніемъ.

Неуловимѣйшіе оттѣнки и особенности ощущеній различаются у него соотвѣтственно характеру, полу, возрасту, воспитанію, сословію ощущающаго. Кажется, въ этой области нѣтъ для него закрытыхъ путей. Чувственный опытъ его столь неисчерпаемъ, какъ будто онъ прожилъ сотни жизней въ различныхъ тѣлахъ людей и животныхъ.

Онъ проникаетъ въ ощущеніе обнаженнаго тѣла молодой дѣвушки, передъ выѣздомъ на балъ: «въ обнаженныхъ плечахъ и рукахъ Китти чувствовала холодную мраморность», — въ ощущеніе старѣющей, утомленной родами женщины, которая «вздрагиваетъ, вспоминая о болѣ треснувшихъ сосковъ, испытанной почти съ каждымъ ребенкомъ»; — кормящей матери, у которой еще не порвались таинственныя связи тѣла съ тѣломъ ребенка, и которая «не то что угадываетъ, а вѣрно узнаетъ по приливу молока у себя недостатокъ пищи у него»;—въ ощущеніе и въ мысли животныхъ, охотничьей собаки Левина, которой кажется лицо хозяина «привычнымъ», а глаза «всегда страшными», и которая думаетъ: «Я не могу итти. Куда я пойду? Отсюда я чувствую ихъ (дупелей), а если я двинусь впередъ, я ничего не найду, гдѣ они и кто они».

...Что было вчерашнимъ исключеніемъ, не становится ли сегодняшнимъ правиломъ? И кто дерзнетъ сказать живой плоти, живому духу: «здѣсь остановитесь—нельзя итти далѣе?» Почему именно здѣсь? Почему не дальше?

Какъ бы то ни было, слава Л. Толстого заключается именно въ томъ, что онъ первый выразилъ,—и съ какою безстрашною искренностью, — эту новую, никѣмъ неисчерпанную, неисчерпаемую область нашей утончающейся тѣлесно-духовной чувствительности, и въ этомъ

смыслѣ можно сказать, что онъ далъ намъ новое тѣло, какъ бы новый сосудъ для новаго вина.

Апостолъ Павелъ раздѣляетъ существо человѣческое на три состава, заимствуя это раздѣленіе отъ философовъ александрійской школы: на человѣка тѣлеснаго, духовнаго и душевнаго. Послѣдній есть соединяющее звено между двумя первыми, нѣчто среднее, двойственное, переходное и сумеречное, уже не плоть, еще не духъ, то, чѣмъ завершается плоть и зачинается духъ, полуживотное, полубожеское, что, выражаясь на языкѣ современной науки, относится къ области психо-физіологіи, тѣлесно-духовныхъ явленій. Л. Толстой есть величайшій изобразитель этого не тѣлеснаго и не духовнаго, а именно тѣлесно-духовнаго — «душевнаго человѣка», той стороны плоти, которая обращена къ духу, и той стороны духа, которая обращена къ плоти, — таинственной области, гдѣ совершается борьба между звѣремъ и Богомъ въ человѣкѣ: это вѣдь и есть борьба и трагедія всей его собственной жизни, — онъ вѣдь и самъ по преимуществу человѣкъ «душевный», ни язычникъ, ни христіанинъ до конца, а вѣчно воскресающій, обращающійся и не могущій воскреснуть и обратиться въ христіанство, полуязычникъ, полухристіанинъ.

Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій.

По мѣрѣ того, какъ удаляется онъ отъ этой средней области въ ту или другую сторону, все равно — въ область ли отвлеченной отъ человѣческаго и животнаго существа до животной природы, неживой или только кажущейся неживою, нестрастною, нестрадающею, «матеріальною» (ужасное и благодатное спокойствіе которой такъ умѣютъ изображать Тургеневъ и Пушкинъ), или въ противоположную область отвлеченной отъ плоти, освобождающейся отъ животной природы, человѣческой духовности, чистой мысли (страстныя волненія которой такъ умѣютъ воплощать Достоевскій и Тютчевъ) — сила художественной изобразительности Л. Толстого умеьшается и даже, наконецъ, совершенно измѣняетъ, такъ что есть предѣлы, ему окончательно и навѣки недоступные. Но зато въ предѣлахъ душевнаго человѣка онъ — властелинъ безграничный.

Въ другихъ областяхъ и искусствѣ, напримѣръ, въ живописи итальянскаго возрожденія, въ вѣяніи древнихъ грековъ, были художники, которые съ бо́льшимъ совершенствомъ, чѣмъ Л. Толстой, изображали человѣка тѣлеснаго; современная музыка и отчасти литература глубже проникаютъ во внутренній міръ человѣка духовнаго, мыслящаго; но никогда и нигдѣ не являлся «человѣкъ духовный» съ такой потрясающей правдою и обнаженностью, какъ въ произведеніяхъ Л. Толстого: тутъ нѣтъ у него не только соперниковъ во всемірной поэзіи, даже во всемірномъ искусствѣ, но нѣтъ и равнаго ему.

Тургеневъ писалъ по поводу «Войны и мира»: «романъ Толстого— вещь удивительная, но самое слабое въ немъ именно то, чѣмъ восторгается публика: историческая сторона и психологія. *Гдѣ историческая окраска?*»

Приговоръ неожиданный, на первый взглядъ кажущійся даже несправедливымъ. Въ какой именно мѣрѣ, романъ, прежде всего, историческій — дѣйствительно историченъ? Дышитъ ли въ немъ духъ живой? При чтеніи получается удивительное впечатлѣніе, будто бы всѣ изображенныя событія, несмотря на ихъ знакомый историческій обликъ, происходятъ въ наши дни, всѣ описываемыя лица — наши современники. Воздухъ, которымъ дышимъ мы въ «Войнѣ и мирѣ» и въ «Аннѣ Карениной» — одинъ и тотъ же, историческій запасъ — одинаковая, столь знакомая намъ, атмосфера второй половины девятнадцатаго вѣка. Между масонствомъ Безухова и народничествомъ Левина, между семейнымъ бытомъ въ домѣ Ростовыхъ и въ домѣ Щербацкихъ — мало разницы въ исторической окраскѣ.

При неисчерпаемыхъ богатствахъ Л. Толстого въ другихъ областяхъ, тѣмъ поразительнѣе скудость не только исторической, но и вообще культурно-бытовой окраски. Дѣйствительная, никогда ему не измѣняющая сила художественнаго освѣщенія сосредоточена у Толстого на тѣлесномъ обликѣ, на внѣшнихъ движеніяхъ и внутреннихъ состояніяхъ, ощущеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Толстой, какъ никто, вылущиваетъ, обнажаетъ внутренняго животно-стихійнаго, «душевнаго» человѣческаго ядра изъ внѣшней культурно-исторической скорлупы. Все надстроенное человѣкомъ надъ природою, все культурное — для него только условное, только искусственное и, слѣдовательно, лживое, нелюбопытное, незначительное. Съ легкимъ сердцемъ проходитъ онъ мимо, торопясь изъ этого воздуха, кажущагося ему зараженнымъ, испорченнымъ человѣческими дыханіями, на свѣжій воздухъ всего стихійно-животнаго, естественнаго, какъ предмета, единственно достойнаго художественнаго изображенія, какъ вѣчной правды и природы. У Толстого отношеніе къ природѣ двойственное: для его сознанія, желающаго быть христіанскимъ, природа есть нѣ-

что темное, злое, бѣсовское. Для его безсознательной языческой стихіи, человѣкъ сливается съ природою, исчезаетъ въ ней, какъ капля въ морѣ. Ни боги, ни демоны природы никогда не тревожили музы Толстого, никогда не слышались ему въ тиши ночной, «порой бабье лепетанье», небесный сводъ не казался ему, какъ Лермонтову, такимъ прекрасно-глубокимъ,

Что даже ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ.

И ночной вѣтеръ не твердилъ ему, какъ Тютчеву, о непонятной мукѣ. Если онъ и любилъ природу, то какъ животно-стихійное *продолженіе* своего собственнаго существа. Онъ любитъ ее той великою, трезвою любовью, которою любили ее древніе. Сила и слабость его заключаются именно въ томъ, что никогда не могъ онъ до конца, съ совершенной ясности отличить культурнаго отъ стихійнаго, выдѣлить человѣка изъ природы. Во всемъ его многоцвѣтномъ, многозвучномъ геніи — ничего призрачнаго, сумеречно-звѣзднаго, мерцающаго, подобно лермонтовскимъ «таинственнымъ сагамъ».

...При чтеніи «Войны и мира» или «Анны Карениной» нельзя не почувствовать двухъ складовъ рѣчи, двухъ языковъ. Тамъ, гдѣ изображаетъ онъ дѣйствительность, въ особенности животно-стихійнаго и душевнаго человѣка, языкъ его отличается такою простотою, силою и точностью, какихъ русскій языкъ, можетъ-быть, никогда не достигалъ. Если иногда онъ кажется тяжелымъ, то вѣдь эта тяжесть и упорство титана, который громоздитъ глыбы на глыбы. Но только что начинается отвлеченная психологія не «душевнаго», а *духовнаго* человѣка, размышленія, философствованія, только что дѣло доходитъ до нравственныхъ переворотовъ Безухова, Нехлюдова, Левина,— языкъ его сразу какъ будто истощается, изсякаетъ, изнемогаетъ, блѣднѣетъ. Попадаются нарушенія основныхъ грамматическихъ правилъ и встрѣчаются довольно часто.

Что касается психологіи «Войны и Мира», то нужно отмѣтить, что чѣмъ ближе Толстой къ тѣлу, къ животно-стихійному «душевному человѣку», тѣмъ вѣрнѣе и глубже его психологія или, точнѣе, его *психофизіологія*. Но по мѣрѣ того, какъ переноситъ онъ свои изслѣдованія отъ страстей сердца, къ *страстямъ ума*, психологія Толстого становится сомнительной.

Л. Толстой — великій творецъ человѣческихъ тѣлъ и только отчасти человѣческихъ душъ, — именно въ той сторонѣ ихъ, которая обращена къ тѣлу, къ безсознательнымъ животно-стихійнымъ корнямъ жизни... Но творецъ ли онъ живыхъ человѣческихъ личностей, того, что называется «характерами»? Платонъ Каратаевъ, несмотря

на свою безличность, кажется личнымъ, особеннымъ, единственнымъ. Но въ минуту самаго пристальнаго и жаднаго вниманія, онъ, какъ нарочно, умираетъ, исчезаетъ, растворяется—въ водяной ширинѣ, въ океанѣ; онъ не жилъ, а только *былъ*. И въ памяти нашей онъ навѣки запечатлѣвается не живымъ *лицомъ*, а только живымъ «олицетвореніемъ всего русскаго, дюжаго и крутого», т.-е. страшнымъ, всемірно-историческимъ, религіознымъ и нравственнымъ обобщеніемъ.

Нѣчто подобное происходитъ и съ личностью кн. Андрея. Мы уже видимъ его или угадываемъ; онъ становится для насъ все понятнѣе въ своихъ живыхъ противорѣчіяхъ, въ соединеніи холоднаго ума съ пылкою мечтательностью презрѣнія къ людямъ съ неутомимою жаждою славы — внѣшней аристократической жестокости съ тайною нѣжностью, какъ бы дѣтски-беззащитной впечатлительностью сердца. Но именно въ ту минуту, когда человѣческій обликъ окончательно готовъ былъ изваяться, князь Андрей начинаетъ умирать. Въ бреду и мукахъ изъ-за живого лица его выступаетъ новое, чуждое, страшное. И этимъ *вторымъ лицомъ* заслоняется, поглощается первое, и вся его жизнь, всѣ его живыя мысли, чувства, дѣйствія кажутся намъ ничтожными: въ нашей памяти остается не живая, особенная личность, а только это непостигаемое, нечеловѣческое, потустороннее второе лицо.

Но вотъ Наташа Ростова; она ужъ, кажется вся живая, вся родная, здѣшняя, близкая, вся особенная и единственная. Какъ нѣжно и крѣпко завязанъ узелъ ея человѣческой личности. Изъ какихъ неуловимо-тонкихъ и разнообразныхъ оттѣнковъ духовно-тѣлесной жизни скроенъ этотъ «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ». Подобно пушкинской Татьянѣ, воплощаетъ она какъ бы музу поэта, отражаетъ его собственное внутреннее лицо въ зеркалѣ «вѣчно-женственнаго». Образъ ея, проходящій сквозь всю огромную эпопею, долженъ бы, по замыслу художника, окончательно завершиться въ эпилогѣ «Войны и Мира», гдѣ Наташа становится супругою и матерью. Никакой умственной связи съ мужемъ. Все человѣческое, кромѣ заботы о мужѣ и дѣтяхъ, становится ей чуждымъ. Она дичаетъ въ семьѣ. Авторъ замѣчаетъ, что видно было одно ея лицо и тѣло, а *души вовсе не было видно. Видна была сильная, красивая, и плодовитая самка.* Оказывается, авторъ именно къ превращенію Наташи въ «самку», къ преображенію всего *человѣчески личнаго*, но и условнаго, ограниченнаго, *въ стихійно-безличное*, безусловное, безграничное, онъ и велъ ее сквозь всю огромную эпопею, какъ природа ведетъ цвѣточную завязь къ плоду, — только за это онъ и любилъ ее. Не уменьшился и не потускнѣлъ ея образъ, а напротивъ, теперь только выросъ до совершенной мѣры величія своего,

теперь только вполнѣ открылось въ немъ «вѣчно-женственное» съ точки зрѣнія Толстого, т.-е. вѣчно-плодовитое, рождающее, материнское. Тотъ «непрестанно горѣвшій огонь оживленія», который составлялъ прелесть Наташи-дѣвушки, не потухъ въ Наташѣ-матери, а лишь глубже скрылся въ нее, оставаясь божественнымъ, только не божественно-духовнымъ, какъ прежде казалось, а *божественно-плотскимъ*. То, что намъ представлялось въ Наташѣ внутреннимъ ядромъ человѣческой личности — все очарованіе, вся таинственная музыка и ароматъ ея существа, — было лишь временной наружною оболочкою, блестящимъ весеннимъ нарядомъ, который дала ей природа такъ же, какъ она даетъ цвѣтамъ благоуханія, птицамъ голоса и перья, рыбамъ и подводнымъ звѣрямъ волшебно-переливающуюся окраску на время половой ихъ жизни. И здѣсь у Толстого, какъ вездѣ и всегда, все сводится къ этой *связи души съ тѣломъ*, къ этому стихійно-животному, связующему плоть и духъ, «душевному человѣку». Поэтическая прелесть Наташи, какъ будто безслѣдно поблѣкла, слиняла, какъ линяютъ краски цвѣтовъ, чешуи рыбъ и перья птицъ, окончившихъ весеннюю половую жизнь, уже оплодотворенныхъ, успокоенныхъ и теперь безмолвно копящихъ внутреннія силы для мужемъ, которую нѣкогда давала ей эта прелесть, не только не уменьшилась, но увеличилась. Въ ней животная мудрость человѣческой самки. Не такія же ли отношенія между графиней Маріей и Николаемъ Ростовымъ, между Китти и Левинымъ?

Пьеръ и Левинъ — философствующій разумъ, христіанская совѣсть обоихъ произведеній — подъ башмакомъ своихъ женъ, Китти и Наташи, плодовитыхъ самокъ, которыя на всѣ ихъ «умствованія» возражаютъ безмолвнымъ и неотразимымъ доводомъ — появленіемъ на свѣтъ новаго ребенка. «И это благо такъ всегда будетъ, такъ должно быть», какъ бы говоритъ этими образами, противъ собственной воли и сознанія, великій тайновидецъ плоти. Образъ Наташи-матери, являющійся въ эпилогѣ «Войны и Мира», безмолвно и стихійно царитъ надо всей необъятной эпопеей, такъ что дѣйствіе всемірно-исторической трагедіи — войны, движеніе народовъ, величіе и гибель героевъ — кажется только подножіемъ этой матери-самки, которая, торжествуя, показываетъ пеленки съ желтымъ пятномъ, вмѣсто зеленаго; Аустерлицъ, Бородино, пожаръ Москвы, Наполеонъ, Александръ Благословенный могутъ быть и не быть — все пройдетъ, все забудется, сотрется со скрижалей всемірной исторіи слѣдующей волной, какъ буквы, написанныя на береговомъ пескѣ, — но никогда, ни въ какой культурѣ, ни послѣ какихъ всемірно-историческихъ бурь не перестанутъ матери радоваться желтому пятну на пеленкахъ вмѣсто зеленаго. На самой вершинѣ своего произведенія, одного изъ вели-

чайшихъ зданій, когда-либо воздвигнутыхъ людьми, — творецъ «Войны и мира» водружаетъ это циническое знамя — «пеленки съ желтымъ пятномъ», какъ путеводное знамя человѣчества.

Потустороннее, нечеловѣческое, второе лицо князя Андрея открывается въ смерти; второе лицо Наташи открывается въ дѣторожденіи и, заслоненнаго, поглощеннаго имъ, перваго, человѣчески-отдѣльнаго, особеннаго лица ея — *личности* мы уже не видимъ; теперь Наташа только вообще Мать или даже вообще Самка — женская половина, Полъ міра. Это именно исчезновеніе, поглощеніе всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ ликовъ въ безликомъ, нечеловѣческомъ, есть одинъ изъ господствующихъ *напѣвовъ* толстовскаго творчества.

Сколько незабываемыхъ лично особенныхъ чувствъ и ощущеній Анны Карениной сохранилось въ нашей памяти, — но ни одной мысли, ни одного человѣчески-сознательнаго личнаго, особеннаго, только ей принадлежащаго слова, хотя бы о любви. А между тѣмъ она, угадываемъ мы, умственно сложнѣе и рачительнѣе Даши, Китти, Вронскаго, можетъ-быть, даже значительнѣе слишкомъ много говорящаго Левина. Но ея положеніе въ дѣйствіи романа, ея совершенная поглощенность стихіей страсти таковы, что они заслоняютъ ее отъ насъ именно съ этой стороны — со стороны ума, сознанія, высшей безкорыстной и безстрастной духовной жизни. Кто и что она, помимо любви? Изъ какого историческаго быта, изъ какой культуры вышла она? Гдѣ корни существа ея, уходящіе въ русскую землю? Что она думаетъ о семьѣ, о дѣтяхъ, о людяхъ, о домѣ, о природѣ, объ искусствѣ о жизни, о смерти, о Богѣ? Зато тѣло и отчасти, со стихійно-животной стороны, душу ея, мы видимъ съ поразительной ясностью.

Не кажется ли, что у Толстого послѣднее обнаженіе человѣка отъ всего человѣческаго, сведеніе подобія и образа Божія къ образу звѣриному, скотскому, — въ сладострастіи, въ болѣзни, въ дѣторожденіи, въ смерти, — граничитъ иногда съ безцѣльною и злорадною жестокостью? Онъ не довольствуется страшнымъ, онъ ищетъ до конца оголяющаго, циническаго.

Въ «Хозяинѣ и Работникѣ» замерзшій купецъ Брехуновъ «застылъ какъ *мороженая туша*, и какъ были у него разставлены ноги, такъ, *раскорячившись*, его и отволокли къ Никитѣ». Казалось бы, все уже кончено. Толстой, добродѣтельный старецъ, воленъ продѣлать все, что ему нужно, какъ несчастнымъ Брехуновымъ, — доконалъ его, довелъ-таки этотъ кремень сквозь безконечные ужасы и муки плоти до христіанскаго размягченія, воскресенія. Брехуновъ положилъ душу свою за брата—умеръ въ Богѣ. Казалось бы можно и пожертвовать послѣднею, геніально-живою, живописною, но вѣдь и животною, циничесой черточкою, закрыть ее отъ нашихъ глазъ суевѣрно-стыдли-

вымъ покровомъ, который древніе трагики набрасывали на искаженныя лица умирающихъ героевъ. Но вотъ какъ будто вдругъ выглядываетъ изъ-за христіанскаго старца — Акима неисправимый язычникъ, старый лѣшій, дядя Ерошка, и съ невинною, на самомъ дѣлѣ, лукавою насмѣшкою мститъ своему двойнику за христіанское воскресеніе духа этимъ унизительнымъ скотскимъ положеніемъ мертваго тѣла. Это — послѣдній, кажущійся ненужнымъ и кощунственнымъ, ударъ той *святынѣ человѣческаго тѣла* во всей своей немощи и тлѣнности.

А сколько *страшно-смѣшного* въ исторіи болѣзни Ивана Ильича. Здѣсь художникъ словно нарочно издѣвается надъ тою неодолимою человѣческою привычкою обманывать себя, закрывать глаза на послѣднюю животность своего тѣла. Съ какимъ безпощаднымъ упорствомъ останавливается художникъ на противоположности молодого, здороваго, свѣжаго, чистаго, ловкаго, сильнаго, дюжаго, простого мужика Герасима и грязнаго, дурно-пахнущаго, до потери человѣческаго достоинства изуродованнаго, опозореннаго болѣзнью барина Ивана Ильича. И здѣсь, въ этихъ унизительныхъ положеніяхъ человѣческаго тѣла, въ этомъ созерцаніи своихъ обнаженныхъ ляжекъ, въ этихъ ногахъ его, высоко вздернутыхъ на плечи Герасима, есть то же самое, фиктивно-цѣническое, смѣшное и страшное, какъ въ расгорячённой мороженой тушѣ купца Брехунова.

Ивану Ильичу ли имѣть свой *характеръ*, свое живое лицо, свою особенную, единственную человѣческую личность? Вѣдь, въ концѣ-концовъ, отъ него остается только кусокъ истерзаннаго, изглоданнаго страданіями, полусгнившаго *мяса*.

Итакъ, въ произведеніяхъ Толстого нѣтъ характеровъ, нѣтъ личностей, а есть только созерцающія, страдающія, — нѣтъ *героевъ*, а есть только *жертвы*, которыя не борются, не противятся, отдаваясь уносящему ихъ потоку стихійно-животной жизни.

А такъ какъ нѣтъ героевъ, то нѣтъ и трагедіи: всюду завязываются отдѣльные трагическіе узлы, но не разрѣшаясь въ человѣческой личности, снова уходятъ въ безличное, безсмысленное, безвольное, нечеловѣческое. Въ океанѣ безбрежнаго эпоса все волнуется, движется, какъ отдѣльные блески и трепеты волнъ, все рождается, живетъ, умираетъ и снова рождается, — безъ конца, безъ начала.

И какъ нѣтъ освобождающаго ужаса, такъ нѣтъ освобождающаго смѣха. Ни разу, читая произведенія Толстого, не только не разсмѣешься, но и не улыбнешься. Словно виситъ надъ нимъ безоблачно-грозное, низкое небо и давитъ такъ, что сердце, наконецъ, сжимается отъ тоски, и кажется, нечѣмъ дышать, нѣтъ воздуха.

Уже Тургеневъ замѣтилъ это ощущеніе стѣсненности, какъ бы отсутствіе какой-то высшей свободы, какого-то горнаго воздуха, освѣ-

жающаго дыханіе, духа, духовности въ произведеніяхъ Толстого и пытался объяснить недостатокъ этотъ отсутствіемъ знанія. «Желаю вамъ свободы, свободы духовной», писалъ онъ однажды Толстому. «Войну и миръ» считалъ Тургеневъ однимъ изъ величайшихъ произведеній всемірной поэзіи, но въ то же время и «самымъ печальнымъ примѣромъ отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія. Безъ этого воздуха дышать нельзя». Въ произведеніяхъ Толстого душно отъ плоти и крови, отъ «человѣческаго мяса»; грозы нѣтъ. Иногда и сами герои—жертвы, судорожно борются съ этимъ удушьемъ плоти и крови, бѣгутъ въ безплотное безкровное—въ отвлеченныя христіанскія «умствованія». Но какое это жалкое безкрылое бѣгство! И, едва поднявшись, падаютъ они еще тяжелѣе, еще глубже. Тѣло—ихъ начало и конецъ—тѣло, разрушающееся въ смерти, продолжающееся въ дѣторожденіи. Или умираютъ они въ мукахъ, или въ мукахъ и для новыхъ мукъ рождаютъ,—иного выхода имъ нѣтъ.

Неужели нѣтъ выхода и для самого художника? послѣдній ли это предѣлъ, послѣдняя ли ступень его творчества? Кажется, есть еще одна ступень. Но онъ достигаетъ ея не сознаніемъ, идущимъ противъ плоти къ тому, что безъ плоти, а лишь ясновидѣніемъ, идущимъ черезъ плоть къ тому, что за плотью. И только здѣсь, на этой послѣдней ступени, въ этой послѣдней, подземной глубинѣ есть для него выходъ въ другую половину міра, въ другое небо.

Онъ могъ бы сказать о себѣ самомъ и поставить эпиграфомъ ко всѣмъ своимъ произведеніямъ: «Ужъ я его знаю, звѣря» (слова Ерошки). Сокровенная дума Толстого — о «Божьей твари», объ «образѣ звѣриномъ» въ образѣ человѣческомъ. Толстой знаетъ звѣря и любитъ его. Въ нашъ вѣкъ всеобщаго идолослуженія передъ безплотнымъ духомъ или передъ бездушной плотью, онъ смутно, правда, предчувствовалъ эту глубину религіознаго созерцанія, гдѣ открываются и въ религіи святость всякаго тѣла, духовность всякой плоти. Вотъ почему онъ ищетъ такъ безпощадно въ человѣкѣ звѣрскаго, чтобы сдѣлать звѣрское божескимъ. Но онъ затосковалъ о надземномъ небѣ, устремился къ «христіанству», къ терпимой духовности, къ умерщвленію плоти. Но мы за него видимъ, что къ тайнѣ Христовой былъ онъ искренно близокъ не тогда, когда считалъ себя христіаниномъ, а когда меньше всего думалъ о христіанствѣ, не въ косноязычномъ лепетѣ старца Акима, а въ безмолвной думѣ дяди Ерошки о «Божьей тварн», о «Звѣрѣ», который «знаетъ все», о мудрости небесныхъ птицъ и лилій полевыхъ. Всю свою жизнь прилагалъ онъ, желая благословить и благословлять, желая проклясть. Тамъ, гдѣ онъ видитъ свой стыдъ и грѣхъ, — вѣчная слава его и оправданіе.

Мережковскій.

Платонъ Каратаевъ.

Сперва бросается въ глаза та черта, которую можно назвать *формальною общежительностью* (sociabilité), натуральнымъ альтруизмомъ, естественнымъ чувствомъ (пожалуй, инстинктомъ) общественности. Въ слѣдующемъ листѣ главы XIII (I части IV тома) эта черта воспроизведена въ такихъ выраженіяхъ, что мы невольно вспоминаемъ *общественныхъ животныхъ*, напр., муравья, или пчелу: «...каждое дѣйствіе его было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь: она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ»... ...Если бы Каратаевъ чувствовалъ, что его жизнь имѣетъ смыслъ только какъ частица общей жизни, его семьи или деревни, въ такомъ случаѣ онъ уподобился бы муравью, пчелѣ и т. д. Но этого-то ограниченія и нѣтъ, и его отсутствіе и придаетъ такую значительность и такой интересъ фигурѣ Каратаева. Представимъ себѣ муравья, который вдругъ почувствовалъ бы, что его жизнь есть частица жизни всей совокупности муравьевъ, живущихъ на всемъ земномъ шарѣ: такой муравей былъ бы муравьинымъ Каратаевымъ.

Имѣя въ виду пока только эту сторону натуры Каратаева, мы опредѣлимъ его такъ: это прежде всего такой русскій мужичокъ, въ которомъ вѣковѣчные «мірскіе», общежительные инстинкты расширены до послѣднихъ предѣловъ и объемлютъ все человѣчество, безъ различія сословія, національности, вѣры и т. д.

Существуютъ ли такіе русскіе мужики *въ дѣйствительности*,— это ужъ другой вопросъ, на который не берусь дать отвѣта. Но для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *въ искусствѣ* такой образъ не только возможенъ, но и глубоко-правдивъ. Каратаева въ дѣйствительности можетъ и не быть, но *каратаевскія черты*, несомнѣнно, существуютъ въ русской *народно-національной психологіи*. Обращаясь къ народно-національной сторонѣ Каратаева, мы, для удобства, разсмотримъ сперва то, что̀ есть въ Каратаевѣ специфически *народнаго, крестьянскаго*, а потомъ обратимся къ опредѣленію *національнаго* элемента въ немъ.

Въ основѣ психики Каратаева лежатъ типичныя черты народной, крестьянской психологіи. Долгая служба въ солдатахъ не исказила этихъ чертъ, не нарушила ни на іоту того душевнаго строя, который слагается изъ ихъ совокупности. Солдатъ по службѣ, Каратаевъ психологически совсѣмъ не солдатъ. Онъ — русскій мужикъ, крестьянинъ. «Онъ неохотно говорилъ про свое солдатское время... Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно изъ своихъ старыхъ и видимо доро-

гихъ ему воспоминаній «христіанскаго», какъ онъ выговаривалъ, крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ большею частью неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными, взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ вдругъ значеніе глубокой мудрости, когда они сказаны кстати».—«Попавъ въ плѣнъ, обросши бородою, онъ, видимо, отбросилъ отъ себя все напущенное на него, солдатское, и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу». (Томъ IV, ч. I, гл. XIII). Эта крестьянско-народная основа прекрасно иллюстрирована въ предыдущей главѣ, XII, разсказомъ Каратаева о его прошломъ, о родителяхъ, братьяхъ, о томъ, какъ хорошо они жили, какъ потомъ его взяли въ солдаты и т. д. Выдѣляя эту сторону, мы прежде всего отмѣтимъ въ ней то, что Толстой называетъ «благообразіемъ» душевнаго склада Каратаева. Въ той же главѣ XIII читаемъ: «...главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки... но больше всего любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что̀ ему разсказывали».—Только что упомянутый разсказъ самого Каратаева (въ гл. XII) является образчикомъ этой душевной черты. Онъ, между прочимъ, вспоминаетъ, какъ за порубку въ чужой рощѣ его били, судили и отдали въ солдаты. Оказалось, что все это — къ лучшему («думали, горе, — анъ, радость!»): дѣло въ томъ, что иначе пришлось бы итти въ солдаты его брату, Михайлѣ, у котораго «самъ-пятъ ребятъ», между тѣмъ, какъ у Платона только «солдатка осталась». И когда потомъ Платонъ пришелъ домой, «на побывку», онъ увидѣлъ, что семья живетъ лучше прежняго («животовъ полонъ дворъ»). И сказалъ отецъ: «мнѣ, говоритъ, всѣ дѣтки равны; какой палецъ ни укуси — все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ бы итти». И позвалъ всю семью, бабу, дѣтей, внучатъ, — и всѣмъ велѣлъ поклониться Платону въ ноги. Это — цѣлая притча, въ которой есть что-то евангельское. И благообразіе отношеній, въ ней обнаруженное, роднится съ тѣмъ духомъ любви, простоты и правды, идеала котораго впослѣдствіи Толстой будетъ искать на почвѣ синтеза начала *народно-крестьянскаго* съ *евангельскимъ*. Предвареніемъ этого синтеза или намекомъ на него является, между прочимъ, смѣшеніе Каратаевымъ понятій «крестьянскаго» и «христіанскаго». То, что Каратаевъ безсознательно смѣшиваетъ, Толстой соединяетъ сознательно, и впослѣдствіи это послужитъ ему исходной точкою въ его исканіяхъ идеала высшей нравственной правды.

Теперь спрашивается: составляетъ ли душевное благообразіе, основанное на указанномъ сочетаніи крестьянскаго съ евангельскимъ, личную (индивидуальную) особенность Каратаева?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить рѣшительнымъ «нѣтъ». Прежде всего очевидно, что у Каратаева это черта *фамильная*. Таковъ же его отецъ, братъ Михайло, въ большей или меньшей мѣрѣ такова вся семья Каратаевыхъ. Это ясно изъ «притчи». Но можно пойти и дальше. Можно утверждать, что семья Каратаевыхъ представлена Толстымъ какъ идеально-типичный образчикъ крестьянской психологіи вообще, въ которой Толстой усматриваетъ черты того душевнаго благообразія, о которомъ идетъ рѣчь. Въ одной семьѣ онѣ выступаютъ ярче, въ другой слабѣе, но онѣ коренятся—по невыраженной, но ясно сквозящей мысли Толстого—въ самыхъ основахъ стараго, патріархальнаго быта, въ устояхъ народной жизни, въ «мірскомъ» и трудовомъ началѣ, въ наивномъ міросозерцаніи народа, интуитивно овладѣвшаго высшей правдой, раньше и лучше мудрыхъ и ученыхъ, какъ въ свое время овладѣли ею простые галилейскіе рыбаки.

Платонъ Каратаевъ — только представитель *этой* стороны народнаго духа. Въ немъ эти черты не его личныя, а *крестьянскія*, собраны, сконцентрированы, увеличены, показаны подъ микроскопомъ,— и Толстой, можно сказать, прилагаетъ особыя старанія, чтобы въ Платонѣ Каратаевѣ не оказалось ничего лично ему принадлежащаго, ничего индивидуально-оригинальнаго, чтобы все, до послѣднихъ мелочей, было въ немъ народнымъ и крестьянскимъ. Сюда относится, напр., намекъ на то, что порубку чужой рощи Каратаевъ признаетъ *грѣхомъ*, очевидно, чисто-формальнымъ, и что вмѣстѣ съ народомъ онъ, по стародавнему, смотритъ на лѣсъ, какъ на общую, народную собственность, и сама по себѣ порубка въ его глазахъ не составляетъ пятна на общемъ фонѣ *благообразія*.

...Обращаясь къ этой сторонѣ Каратаева, я сперва укажу на двѣ черты, которыя, взятыя отдѣльно и внѣ связи съ другими признаками русской національной психологіи, найдутся и у другихъ народовъ, хотя бы и въ иномъ видѣ; только ихъ совмѣщеніе и своеобразное сочетаніе составляютъ черту специфически-русскую. Я имѣю въ виду нашъ *умѣренный* (сравнительно съ восточнымъ, азіатскимъ) *фатализмъ* и нашъ *неумѣренный* (сравнительно съ западно-европейскимъ) *оптимизмъ*.

Едва ли найдется въ русской литературѣ другой образъ, къ которому было бы такъ примѣнимо извѣстное понятіе о русскомъ *смиреніи*, какъ, *повидимому*, примѣнимо оно, во всемъ его объемѣ, къ Каратаеву. Любопытно, что самъ Толстой этого термина не употребляетъ. Онъ выражается иначе, называя Каратаева «олицетвореніемъ

всего *русскаго* добраго и круглаго» и «непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды» (т. IV, ч. I, гл. XIII). Эти термины, конечно, не случайно подвернулись, — они явились точнымъ выраженіемъ мысли Толстого. Своими опредѣленіями и метафорами («непостижимый», «вѣчный», «круглый») Толстой даетъ намъ поэтическіе намеки на то, какъ самъ онъ понимаетъ Каратаева, и каждая идея воплощена имъ въ этомъ образѣ. Нельзя отрицать, конечно, что въ Каратаевѣ представленъ такой укладъ духа, который весьма возможно назвать «смиреніемъ», понимаемымъ, какъ русская національная и историческая черта. Но возникаетъ вопросъ: что же оно такое — это *смиреніе?* Какова его психологія, и нельзя ли разложить его на другіе психическіе элементы? И почему, въ самомъ дѣлѣ, Толстой избѣгаетъ этого термина, повидимому, столь удобнаго, простого, напрашивающагося? [1]).

То, что въ Каратаевѣ можно было бы назвать *смиреніемъ*, легко разлагается на *фатализмъ* и своеобразный *оптимизмъ*. «Рокъ головы ищетъ,—говоритъ Каратаевъ.—А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулась, а вытащишь—ничего нѣту» (гл. XII). Этою сентенціею онъ подводитъ итогъ уже извѣстному намъ разсказу о томъ, какъ его взяли въ солдаты, и какъ все вышло къ лучшему. Та же фаталистическая и вмѣстѣ оптимистическая точка зрѣнія сквозитъ въ другомъ разсказѣ Каратаева о купцѣ, который по судебной ошибкѣ былъ сосланъ на каторгу (т. IV, ч. III, гл. X). Но яснѣе и художественнѣе всего эта сторона Каратаева представлена изображеніемъ всей его повадки, его натуры, непосредственно сказывающейся въ каждомъ движеніи его, — неизмѣнно-благодушнаго, неунывающаго настроенія его духа, его душевной (и физической: психика у него въ полной гармоніи съ физической организаціей) неистомчивости, исключительной способности примиряться со всѣми обстоятельствами, въ убѣжденіи, что такъ суждено («рокъ головы ищетъ»), и что все, въ концѣ-концовъ, обернется къ лучшему. Перечитайте въ гл. XIII (т. IV, ч. I) описаніе его физической и душевной бодрости, какъ онъ, «казалось, не понималъ, что такое усталость и болѣзнь», какъ, ложась спать, онъ говорилъ: «положи, Господи, камушкомъ, подними калачикомъ», а просыпаясь повторялъ: «легъ — свернулся, всталъ—встряхнулся»; перечитайте въ

---

[1]) Покойный *Н. Страховъ*, въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о «Войнѣ и мирѣ», отправляясь отъ установленнаго Ап. Григорьевымъ понятія о *простомъ* и *смирномъ* типѣ въ противоположность *блестящему* и *хищному*, мимоходомъ разсматриваетъ и Каратаева съ этой точки зрѣнія, но не даетъ подробнаго анализа фигуры. То же самое нужно сказать о соотвѣтственныхъ замѣчаніяхъ о Каратаевѣ покойнаго О. Ѳ. Миллера въ его лекціяхъ о Толстомъ.

началѣ той же главы описаніе его внѣшности, его повадки, его «споръихъ *круглыхъ* движеній», его голоса, глазъ, выраженія «невинности и юности» (несмотря на возрастъ за 50 лѣтъ) и т. д.,—и вы убѣдитесь, что передъ вами—олицетвореніе того особаго душевнаго уклада, который лучше всего охарактеризовать терминомъ *фаталистическій оптимизмъ*, и для котораго терминъ «*смиреніе*» хотя и возможенъ, но во многихъ отношеніяхъ *неудобенъ*.

....Вотъ почему, говоря о Каратаевѣ, я, по примѣру Толстого, отказываюсь отъ термина *смиреніе* и предпочитаю говорить о *фатализмѣ* и *оптимизмѣ*.

Дмитрій Николаевичъ Овсянико-Куликовскій.

У Каратаева, опять-таки, эти черты — не личное его состояніе: онѣ принадлежатъ народу, изъ котораго онъ вышелъ. Мало того: онѣ — не исключительно *сословныя* черты крестьянства. Кутузовъ, принадлежащій къ высшему классу и лицо историческое, раздѣляетъ съ Каратаевымъ эту особенность душевнаго склада, и у самого Л. Н. Толстого она является характерною окраскою, даже основою его философско-историческихъ воззрѣній, подъ вдохновеніемъ которыхъ онъ и писалъ «Войну и миръ». Всѣ мы, къ какому бы сословію, къ какой бы партіи ни принадлежали, какихъ бы взглядовъ на вещи ни придерживались, — мы всѣ, русскіе, въ большей или меньшей мѣрѣ *фаталисты* и *оптимисты*. Это у насъ черта *національная*. Различія усматриваются въ подробностяхъ, въ способѣ отраженія этой національной особенности въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ. Одинъ говоритъ «рокъ» и «все къ лучшему», другой скажетъ, какъ Облонскій (въ «Аннѣ Карениной»), «все образуется», третій — «авось, кривая вывезетъ!» И всѣ мы, сознательно или безсознательно, вѣруемъ въ «фатальный ходъ вещей», но это — не мрачный и абсолютный фатализмъ народовъ Востока, это — умѣренный и, въ осповѣ, правильный фаталистическій взглядъ, соединенный съ оптимистическимъ упованіемъ на лучшее будущее.

Этотъ *укладъ воли*, представляющійся нашей національной чертой, въ свою очередь, можетъ быть ближе опредѣленъ или «описанъ»

такими понятіями, какъ слабость личной и общественной инціативы, нѣсколько угнетенное самочувствіе личности, преобладаніе въ ней пассивности надъ активностью, — однимъ словомъ, совокупностью тѣхъ психическихъ чертъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ волевой сферѣ, которыя, въ значительно утрированномъ и отчасти патологическомъ видѣ, даютъ «картину» *обломовщины*.

У Гончарова этотъ русскій національный укладъ воли представленъ не въ нормальномъ, здоровомъ состояніи, а какъ бы въ формѣ переходной къ патологической парализаціи воли, — формѣ, мотивированной картиною помѣщичьей жизни при крѣпостномъ правѣ. У Толстого, въ лицѣ Каратаева, тотъ же укладъ взятъ въ его нормальной постановкѣ. Обломовъ — лѣнтяй, Каратаевъ — человѣкъ труда и работаетъ, не покладая рукъ; Обломовъ неспособенъ ни къ какимъ проявленіямъ воли, кромѣ лежанія на диванѣ, Каратаевъ, напротивъ, дѣятельно проявляетъ свою волю, но только не какъ личность, идущая къ сознательно-поставленнымъ цѣлямъ, а какъ атомъ, участвующій въ общемъ стихійномъ движеніи массъ. Каратаевъ—участникъ въ жизни цѣлаго, Обломовъ — отщепенецъ отъ всякой общей жизни.

Разсмотрѣнными чертами еще не исчерпывается психія Каратаева. Намъ предстоитъ еще отдать себѣ отчетъ въ слѣдующемъ: куда отнесемъ мы тотъ «духъ простоты и правды», который присущъ Каратаеву: къ личному ли содержанію его души, или къ его народно-крестьянской психологической формѣ, или, наконецъ, къ его національной личности?

Для правильной постановки вопроса, вспомнимъ, что ту же черту, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, Толстой приписываетъ и Кутузову. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что и Обломовъ изображенъ также, какъ воплощеніе своего рода «простоты и правды». Не случайны, конечно, эти совпаденія. У всѣхъ трехъ эта черта оказывается налицо потому, что всѣ три—русскіе національные типы. Ея присутствіе въ нашемъ національномъ складѣ отмѣчалось много разъ, въ особенности наглядно она проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда русскій національный пошибъ сталкивается съ національнымъ типомъ романскихъ народовъ, какъ это и было въ эпоху войны 1812 г. Присущая романскимъ націямъ аффектація, реторичность и позированіе еще рѣзче оттѣняютъ нашу *простоту*, которая въ такихъ случаяхъ еще настойчивѣе вызываетъ представленіе *правды*, при чемъ наблюдатель легко поддается иллюзіи, заставляющей его думать, что противоположныя черты, аффектація и пр., непремѣнно будто бы сочетаются съ какой-то *неправдою*, съ нѣкоторой внутренней фальшью. На этомъ то пунктѣ и начинается настоящая *неправда* въ нашихъ сужденіяхъ о національномъ характерѣ другихъ народовъ.

Чтобы въ этого рода вопросахъ не впасть въ заблужденіе и несправедливость, нужно разъ навсегда отрѣшиться отъ соблазна — квалифицировать *національные* признаки, какъ достоинства и недостатки, какъ добродѣтели и пороки. Національныя черты суть *свойства*, а не *качества*, и къ нимъ нужно относиться, какъ, напр., къ цвѣту волосъ, глазъ, темпераменту и т. д. Въ числѣ русскихъ національныхъ свойствъ есть *специфическая простота* и *правда*, но ни та, ни другая — не добродѣтель. Аффектація — одна изъ національныхъ чертъ романскихъ народовъ, но она не порокъ.

Если «простота», какъ черта національная, не добродѣтель и не должна быть смѣшиваема, напр., съ *искренностью*, то что же она такое? Какъ все національное, она—форма, а не содержаніе, она именно та форма душевнаго склада, которая въ сферѣ мысли можетъ быть опредѣлена, какъ минимумъ *реторичности* и *искусственности* въ самомъ процессѣ мышленія, въ сферѣ чувствъ, какъ минимумъ *приподнятыхъ аффектированныхъ* настроеній, въ сферѣ воли, какъ минимумъ *утрировки* въ волевыхъ выраженіяхъ (напр., въ жестахъ, поступкахъ) сравнительно съ волевымъ импульсомъ. Не трудно видѣть, что эта формальная *простота* въ этическомъ смыслѣ безразлична, и въ нее, какъ въ форму, можетъ быть вложено что угодно: истина и ложь, справедливость и несправедливость, искренность и коварство и т. д. Можно совершенно *просто*, безъ тѣни реторики, безъ всякой аффектаціи настроенія и безъ утрировки волевыхъ проявленій, подумать, сказать, сдѣлать вопіющую ложь, неправду, какое угодно безобразіе. И наоборотъ: противоположная форма, реторика мысли и рѣчи, аффектированность чувства, утрировка волевыхъ выраженій можетъ имѣть своимъ содержаніемъ святую истину, справедливое отношеніе къ вещамъ и людямъ, добродѣтельный поступокъ.

Таково понятіе формальной *простоты*. Но при чемъ тутъ еще *правда?* Есть два основанія, почему мы говоримъ «простота и правда», не ограничиваясь одной «простотой». Во-первыхъ, *простота*, понимаемая въ томъ смыслѣ, какъ я ее только что опредѣлилъ, несмотря на свою формальность, невольно вызываетъ въ умѣ представленіе о какой-то не то правдивости, не то искренности, не то адэкватности между рѣчью и мыслью, чувствомъ и поступкомъ, жестомъ и настроеніемъ и т. д. Оттуда — невольное стремленіе идеализировать, — сказкемъ, повысить чиномъ эту «простоту» и величать ее «правдой». Это повышеніе, какъ увидимъ ниже (спеціально въ отношеніи Каратаева и Кутузова), имѣетъ свои оправданія и можетъ привести къ хорошимъ результатамъ. Но, вообще говоря, нужно остерегаться переносить эти понятія изъ области формы въ сферу содержанія: И. А. Хлестаковъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, лжетъ совершенно *просто* и даже

правдиво, ибо стульевъ онъ не ломаетъ и «30.000 курьеровъ» и пр. являются адэкватнымъ, «правдивымъ» выраженіемъ его «мысли», его душевнаго подъема въ данную минуту, да и всего склада его души. Правда, о которой мы говоримъ, столь же въ сущности формальна, какъ и *логическая истина*, которая, какъ извѣстно, можетъ и не совпадать съ истиной объективной. Указанное мною основаніе, почему мы къ «простотѣ» присоединяемъ еще и «правду», можетъ быть названо *психологическимъ въ тѣсномъ смыслѣ:* это ассоціація двухъ понятій, изъ которыхъ второе есть лишь усиленное и идеализированное первое. Но есть еще и другое основаніе, чисто *лингвистическое*, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ большое значеніе, потому что дѣло идетъ о явленіи національной психологіи, а послѣдняя, какъ извѣстно, находится въ тѣснѣйшей связи съ языкомъ. Выраженіе «простота и правда» принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ разныхъ языкахъ оборотовъ, состоящихъ въ томъ, что *одно* понятіе выражается *двумя* терминами. Таковы наши народныя выраженія этой тенденціи является въ народной поэзіи образъ Иванушки-дурачка, въ которомъ и «простота» доведена до *глупости*, а «правда»—до высшей *нравственной* правды. Другимъ представителемъ того же типа, только въ иной постановкѣ, служитъ намъ эпическій богатырь Илья Муромецъ, въ которомъ «простота» развита до прямодушія, искренности, безхитростности, а «правда»—до извѣстныхъ понятій о долгѣ, призваніи, чести и т. д. Какъ самъ терминъ «простота» и «правда» есть явленіе лингвистически-національное и непереводимъ на другіе языки (подобно греческому καλοκαγαθία), такъ и художественные

образы, ему отвѣчающіе, суть образы спеціально-русскіе, національные и часто, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, остаются непонятными для иностранца. И, подобно тому, какъ самый терминъ «простота и правда», въ его живомъ употребленіи въ рѣчи, невольно выбивается изъ формальной сферы и переносится въ область психологическаго содержанія, повинуясь не произволу говорящаго, а законосообразному воздѣйствію *ассоціаціи*, составляющей *національное* достояніе, такъ и соотвѣтственные образы искусства, по праву художника, могутъ быть построены въ томъ же духѣ — претворенія формальной простоты и формальной правды въ различнаго рода положительныя качества психіи. Такое претвореніе есть законная идеализація національной формы. Художникъ въ этомъ случаѣ продолжаетъ традицію народнаго творчества и вноситъ свою лепту въ дѣло національнаго самосознанія и, пожалуй, также содѣйствуетъ облагороженію національной психіи. Это его право и обязанность. Объяснить же *происхожденіе* этихъ образовъ, раскрыть ихъ генезисъ изъ національной *формы* и разложить эту форму на ея составные психическіе элементы, это уже дѣло, право и обязанность критика...

...Въ результатѣ нашего анализа мы получили: 1) черты народной, крестьянской психологіи патріархальнаго склада, въ основѣ которой положены «мірская» общежительность, наивный альтруизмъ, специфическое «благообразіе»; 2) національныя черты фатализма и оптимизма, въ корнѣ которыхъ мы указали своеобразный укладъ воли и особый родъ самочувствія личности; 3) національныя черты формальной *простоты и правды* — въ той ихъ постановкѣ и идеализаціи, о которыхъ была рѣчь выше. Всѣ эти черты соединены въ Каратаевѣ не механически, а какъ бы органически и образуютъ цѣльную и живую психію, которую можно анализировать, но отъ которой нельзя отнять ни одной черты — безъ нарушенія цѣлаго...

Овсянико-Куликовскій.

Великосвѣтскіе типы.

а) Князь Андрей Болконскій.

Во многихъ отношеніяхъ типы и картины *великосвѣтской жизни* занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ художественной дѣятельности Толстого.

Чтобы дать посильную оцѣнку и выяснить значеніе этого аристократическаго элемента въ творчествѣ Толстого, необходимо сперва разсмотрѣть важнѣйшіе образы, сюда относящіеся. Прежде всего обратимся къ *положительнымъ типамъ* «Войны и мира» и начнемъ съ *князя Андрея Болконскаго.*

Семья Болконскихъ является лучшей представительницей высшаго аристократизма, разными своими сторонами типично выраженнаго въ старомъ князѣ, у котораго онъ смѣшанъ съ деспотизмомъ и крѣпостничествомъ вельможи XVIII вѣка, въ княжнѣ Марьѣ, гдѣ онъ претворенъ въ утонченную гуманность теплично воспитанной женской натуры, и — въ особенности — въ князѣ Андреѣ, психику котораго, очень сложную и очень любопытную, намъ предстоитъ теперь разобрать по возможности обстоятельно. Вмѣстѣ съ Пьеромъ онъ является центральной фигурой «Войны и мира».

На всемъ протяженіи романа князь Андрей неизмѣнно проявляется какъ человѣкъ *очень умный, рѣдко серьезный и съ большими запросами живой общественной и даже государственной дѣятельности*, при чемъ эти запросы — не пустыя претензіи, а основываются на соотвѣтствующихъ способностяхъ. Это одна изъ тѣхъ натуръ, которыя смотрятъ на жизнь, какъ на серьезное и отвѣтственное дѣло, а не времяпрепровожденіе, и понимаютъ это дѣло съ смыслѣ служенія общему благу, руководясь правиломъ «noblesse oblige». Въ связи съ этимъ у князя Андрея мы видимъ проявленіе большого честолюбія и стремленіе къ власти. Но рядомъ съ этими мотивами у него въ душѣ властно категорически заправляетъ императивъ долга, самоотверженія, безкорыстнаго подвига.

Таковъ нашъ взглядъ на князя Андрея, являющійся конечнымъ *итогомъ*, въ которомъ реализируется большая душевная *цѣнность*, представляемая этимъ человѣкомъ. Разсмотримъ же теперь *слагаемыя*, мелкія монеты — результаты произведеннаго Толстымъ психологическаго *размѣна*. Молодой Болконскій обладаетъ недюжинной силой воли, большой способностью работать и учиться, начитанностью и, наконецъ, въ противоположность Пьеру, характеризуется отсутствіемъ способности къ «мечтательному философствованію». Толстой именно хочетъ внушить намъ взглядъ на князя Андрея, какъ на человѣка съ призваніемъ *къ практической живой дѣятельности*, съ которой такъ гармонируютъ только что перечисленныя качества. Такимъ онъ его задумалъ, такимъ и является онъ на различныхъ поприщахъ. Въ концѣ I части I тома мы имѣемъ возможность наблюдать его дома, въ семьѣ, въ общеніи съ близкими (отцомъ и сестрою). Здѣсь онъ не таковъ, какъ въ гостиныхъ, въ салонахъ, гдѣ онъ щурится, преувеличенно вялъ и апатиченъ, держится манерно и съ брезгливостью. Но съ людьми, которыхъ онъ цѣнитъ и уважаетъ, онъ *совсѣмъ другой*: съ ними онъ простъ, искренекъ, откровенекъ. Онъ цѣнитъ тѣхъ, въ комъ видитъ *серьезное душевное содержаніе*.

Во второй части I тома мы встрѣчаемъ князя въ штабѣ Кутузова. Къ этому періоду относится крайнее развитіе въ немъ одной изъ основ-

ныхъ чертъ его сложной натуры — честолюбія. Онъ лелѣялъ честолюбивыя мечты. Подъ вліяніемъ всего, что испыталъ князь Андрей на войнѣ и дома, онъ впалъ въ мрачное, угнетенное настроеніе, въ которомъ и засталъ его Пьеръ Безуховъ, пріѣхавшій навѣстить своего друга въ его богучаровскомъ уединеніи. Князь переживалъ тяжелый душевный кризисъ, одно изъ тѣхъ состояній подавленности и раздраженія, которыя характеризуются рѣзкою перемѣною въ соотносительномъ расположеніи душевныхъ элементовъ и въ обостреніи нѣкоторыхъ чертъ натуры, въ обыкновенное время затушеванныхъ воздѣйствіемъ разныхъ внутреннихъ мотивовъ и внѣшнихъ вліяній, теперь отсутствующихъ. При такомъ кризисѣ человѣкъ ищетъ уединенія и замыкается въ себѣ. Онъ охладѣваетъ къ людямъ, устраняется отъ жизни, отъ общества и углубляется въ упорную внутреннюю работу надъ извѣстными мыслями, его осаждающими, и чувствами большей частью горькими, во власти которыхъ онъ находится теперь. Тогда происходитъ нѣчто въ родѣ самоотравы ядомъ собственныхъ мыслей и чувствъ. Потомъ ядъ отдѣляется изъ разныхъ областей духа, какъ изъ положительнаго содержанія души, такъ и изъ ея формы. Князь Андрей всегда былъ аристократъ, большой баринъ. Это прежде всего — сословная форма его психики. Согласно свойствамъ своей натуры, Болконскій стремился къ широкой дѣятельности и мечталъ о славѣ, но въ этихъ стремленіяхъ и мечтахъ онъ отнюдь не руководился чисто-сословными идеалами. Теперь же, въ моментъ постигшаго его душевнаго кризиса, въ состояніи замкнутости и отчужденности, классовая форма психики проявляется у него такъ, какъ будто она и часть душевнаго содержанія. Презрѣніе къ обществу и къ мужику выступаетъ рѣзкими, рѣжущими ухо звуками и производитъ впечатлѣніе диссонанса. Пьеръ не вѣрилъ, чтобы это были настоящія, подлинныя мысли князя Андрея, говорившаго: «Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, *какъ живу для одного себя*». Считая единственными несчастіями въ жизни угрызеніе совѣсти и болѣзнь, онъ всю мудрость теперь видѣлъ въ томъ, чтобы избѣгнуть этихъ двухъ золъ. Человѣкъ съ сильной волей, съ жаждой власти, человѣкъ, такъ импонирующій другимъ, такъ умѣющій подчинять себѣ людей, какъ Болконскій, могъ питать и высказывать этотъ эгоистическій, лично-нравственный идеалъ «жизни для себя» только въ состояніи ненормальномъ.

Въ первыхъ трехъ главахъ третьей части II тома Толстой изображаетъ намъ съ обычнымъ мастерствомъ процессъ постепеннаго возстановленія душевныхъ силъ князя Андрея. Скорѣйшему возстановленію душевнаго равновѣсія содѣйствовали впечатлѣнія весны, картина пробуждающейся къ новой жизни природы и обаяніе женской натуры

Наташи, этой жизнерадостной и страстной дѣвушки, полной заразительной жажды любви и счастья.

На обратномъ пути князь Андрей подвелъ итогъ своимъ новымъ возбужденіямъ души: «Надо, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы на всѣхъ она отражалась и чтобы всѣ жили со мной вмѣстѣ».

Такъ темное, стихійное, нелогическое броженіе возрождающейся души князя Андрея отразилось въ его сознаніи тамъ, гдѣ верхній слой психики, называемый *мыслью*, организуется въ логическую, раціональную дѣятельность ума. Здѣсь, въ этой «свѣтлой» точкѣ, темныя движенія души переработались въ ясную формулу. Но пока броженіе въ глубинѣ души все еще такъ смутно, такъ неопредѣленно. Князь Андрей — человѣкъ анализа, логическихъ привычекъ и вкусовъ мысли. Онъ также человѣкъ практическаго дѣла. Оттого это броженіе разрѣшается у него напряженной работой самоанализа, попытками уяснить себѣ практическій вопросъ: «что дѣлать?» и соотвѣтственными волевыми актами. Онъ опять рѣшаетъ принять дѣятельное участіе въ жизни. Онъ стремится осуществить свою общественную стоимость, выразиться въ общественной жизни, какъ опредѣленная *величина*, какъ *сила*. Но, несмотря на принятое рѣшеніе, онъ все еще продолжалъ «переживать тѣ *неразумныя*, невыразимыя словомъ, тайныя, какъ преступленіе, мысли, связанныя съ Пьеромъ, съ славой, съ дѣвушкой, съ женской красотой и любовью, которыя измѣнили всю его жизнь». Неопредѣленные, тайные соблазны жизни, для которыхъ во время поѣздки раскрылась его душа, становятся все настойчивѣе. Логическія привычки мысли и раціоналистическій складъ ума князя Андрея не хотятъ примириться съ самимъ фактомъ возникновенія всѣхъ этихъ запросовъ нелогической, ирраціональной сферы. Возникаетъ внутренній разладъ, возгорается борьба между двумя сферами души.

Осенью онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ онъ съ обновленными силами принимается за дѣло, ища удовлетворенія своей жаждѣ дѣятельности на общую пользу и мечтая о видной роли въ обновляющейся тогда государственной жизни Россіи. Во главѣ передового движенія сталъ знаменитый Сперанскій. Князь Андрей, конечно, становится въ ряды сторонниковъ этого государственнаго дѣятеля. Но самый родъ умовъ и натуръ, къ которому Толстой причисляетъ Сперанскаго, глубоко антипатиченъ автору «Войны и мира». Это именно тотъ холодный, разсудительный, силлогистическій умъ, который въ своей дѣятельности опирается на несокрушимую, но, какъ думаетъ Толстой, ни на чемъ неосновавшую вѣру въ непогрѣшимость разума. Это — натура схоластика или прямолинейнаго раціоналиста, въ душѣ котораго нѣтъ созвучныхъ струнъ для пониманія неподдающихся разсудочному учету ирраціональныхъ силъ духа и жизни человѣческой.

На первыхъ порахъ онъ былъ прямо очарованъ Сперанскимъ. Его несомнѣнный аристократизмъ и родовая гордость отнюдь не внушаютъ ему, какъ внушали многимъ, презрительнаго и недоброжелательнаго чувства къ «parvenu» Сперанскому, «кутейнику» и «поповичу». Напротивъ, князь Андрей, нисколько не смущаясь происхожденіемъ Сперанскаго, обнаруживаетъ то восторженное обожаніе и поклоненіе, которыя такъ свойственны натурамъ высшаго порядка, ищущимъ своего «идеала». Ему самому хотѣлось найти въ другомъ живой идеалъ того совершенства, къ которому онъ стремился. Этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушалъ ему уваженіе, что онъ не вполнѣ понималъ его. Князь Андрей вошелъ въ лабиринтъ дѣловой петербургской жизни; онъ сталъ въ ряды передовой партіи, предводимой Сперанскимъ, и былъ, казалось, на пути къ своимъ завѣтнымъ цѣлямъ, къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ мечтаній. И онъ все глубже входилъ въ этотъ механизмъ петербургской жизни. Но червь сомнѣнія скоро зашевелился въ немъ. И самъ государственный человѣкъ, и его сподвижники скоро показались князю смѣшными и мелкими: все казалось ему фальшивымъ. Чѣмъ сильнѣе идеализировалъ князь Андрей Сперанскаго, чѣмъ больше ожидалъ отъ него, чѣмъ больше вѣрилъ въ его значеніе и призваніе, тѣмъ рѣшительнѣе и безповоротнѣе будетъ разочарованіе. Такъ въ душѣ князя разрушился идеализированный образъ Сперанскаго; и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣялись его иллюзіи относительно возможности плодотворной прогрессивной дѣятельности въ сферѣ петербургскаго бюрократизма и придворныхъ партій. Онъ потерялъ свою вѣру въ то дѣло, которому онъ служилъ въ Петербургѣ. Онъ, кромѣ того, прямолинейный человѣкъ, и былъ неспособенъ къ компромиссамъ; онъ менѣе всего опортюнистъ. Само собой разумѣется, встрѣча въ Петербургѣ съ Наташей Ростовой, быстро развившееся чувство къ ней, обаяніе перспективы возможнаго личнаго счастья и, наконецъ, жажда жизни, богатой новыми захватывающими впечатлѣніями — ускорили и безъ того неизбѣжный разрывъ князя Андрея съ бюрократической сферою и партіей реформъ.

Въ III томѣ онъ показанъ въ новой роли. Послѣ постигшаго его удара (измѣна невѣсты) онъ ожесточился и снова замкнулся въ себѣ, но этотъ второй душевный кризисъ далеко не походилъ на первый. Теперь онъ не ищетъ забвенія въ одиночествѣ, — онъ его ищетъ въ кипучей дѣятельности; не безотрадно-горькія думы наполняютъ его душу, — онъ теперь во власти иного настроенія, въ которомъ видную роль играетъ злое чувство мести. Тогда онъ мечталъ о широкихъ планахъ, о подвигахъ, о славѣ, — теперь его дѣло скромнѣе и проще, — онъ взялся за черную работу усерднаго и добросовѣстнаго исполнителя, да еще за дѣло умнаго и проницательнаго наблюдателя людей и

вещей. При такомъ направленіи лучшихъ силъ его ума и чувства, при такомъ *дѣловомъ* умонастроеніи князь Андрей и явился тѣмъ лицомъ въ эпопеѣ, которому Толстой могъ, съ увѣренностью въ точномъ и удачномъ исполненіи, ввѣрить роль наблюдателя и критика того, что происходитъ вокругъ, — событій, лицъ, характеровъ, партій. Въ этой именно роли и выступаетъ князь Андрей въ главахъ IX — XI первой части III тома. И конечно, Толстой могъ смѣло поручить это дѣло Болконскому: и по уму, и по образованію, и по серьезности своего отношенія къ жизни, и по высотѣ своихъ требованій отъ людей и партій, — это былъ отличный наблюдатель-критикъ, въ особенности въ этотъ періодъ, когда честолюбивыя стремленія перебродили въ немъ, и онъ былъ внѣ искушенія вмѣшаться въ борьбу партій и въ силу этого потерять вѣрность взгляда и независимость сужденія. Глава XI оканчивается указаніемъ, важнымъ для характеристики нашего героя. Когда государь, милостиво отнесшійся къ Болконскому, спросилъ его, гдѣ бы онъ желалъ служить, князь Андрей не просилъ остаться при особѣ государя, а просилъ позволенія служить въ арміи, «чѣмъ навѣки потерялъ себя въ придворномъ мірѣ». Далѣе вспомнимъ предложеніе Кутузова остаться при немъ въ штабѣ, и какъ князь Андрей скромно отклонилъ эту службу; вспомнимъ и отвѣтъ стараго фельдмаршала: «Иди съ Богомъ своею дорогою. Я знаю, твоя дорога — это дорога чести». И въ самомъ дѣлѣ, *честь* одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ душевнаго склада князя Андрея. Болконскій надѣленъ въ высокой степени истинно-гамлетовскими чертами. Человѣкъ съ выдающимся умомъ, съ обширнымъ образованіемъ, съ вѣчно работающей головой, князь Андрей не принадлежалъ къ числу представителей *наивной* мысли. Его умъ осаждаютъ мысли, отрѣшенныя отъ текущихъ интересовъ, созерцанія ѣдко-критическія. Это не спокойныя созерцанія мыслителя, это то, характерное для Гамлета, вторженіе нѣкоторыхъ высшихъ точекъ зрѣнія въ самую практику жизни, — вторженіе, которое неизбѣжно превращаетъ каждый болѣе значительный волевой актъ въ психологическій вопросъ, преимущественно нравственнаго порядка. И если, несмотря на эти гамлетовскія черты, князь Андрей не теряетъ душевной энергіи, не обнаруживаетъ колебаній и сомнѣній, остается на своемъ посту, идетъ своей дорогой, — то этимъ онъ обязанъ прежде всего столь сильно выраженному у него категорическому императиву чести. Когда онъ задумался о предстоящемъ Бородинскомъ сраженіи, исторической минутѣ, Болконскій задумался о смерти, и онъ въ первый разъ съ необыкновенной живостью представилъ себѣ свою смерть. И мысль о ней какъ бы окрылила его умъ и чувство. «Слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, само отечество... какъ велики казались мнѣ всѣ эти картины, какого глубокаго смысла каза-

лись онѣ исполненными! И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ, бѣломъ свѣтѣ того утра, которое, я чувствую, подымается для меня!» Князь Андрей поднялся на ту высоту мысли и чувства, съ которой все это — тлѣнъ и прахъ и кажется такимъ мелкимъ, жалкимъ, пошлымъ.

Человѣку, по-гамлетовски много понимающему и далеко видящему черезъ головы современниковъ, — смотря по его натурѣ, открыты три пути въ жизни: или уединеніе мыслителя, путь умственной активности и нравственной обломовщины, или проповѣдь чисто-нравственной реформы на почвѣ самосовершенствованія (какъ, напримѣръ, извѣстное ученіе Толстого), или, наконецъ, путь дѣйствія, рѣшительно чуждаго всему, что пахнетъ компромиссомъ. Князь Андрей, — человѣкъ *чести* и сильной дѣйствующей воли, натура столь склонная къ радикальной постановкѣ вопросовъ и къ душевному ожесточенію въ борьбѣ, — пойдетъ, конечно, по третьему пути и — погибнетъ на своемъ посту.

Мы не наблюдали его еще въ одномъ состояніи — въ состояніи душевнаго размягченія, умиленія, всепрощенія. Очутившись раненымъ на перевязочномъ пунктѣ, князь Андрей узналъ здѣсь ненавистнаго ему Курагина, къ которому еще наканунѣ онъ испыталъ приливъ злобныхъ чувствъ и жажду мести. Но теперь, передъ лицомъ смерти, всѣ злобныя чувства въ немъ угасли, и потрясенный физически и нравственно, онъ «заплакалъ нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ новыми заблужденіями». И совсѣмъ новый порядокъ чувствъ и мыслей овладѣваетъ его душой. «Состраданіе, любовь къ людямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ, — да та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ, — вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ». Такъ думалъ онъ въ эту минуту, когда онъ уже уходилъ отъ жизни и когда въ немъ произошло какъ бы перемѣщеніе душевныхъ элементовъ: въ его душѣ вскрылся родникъ христіанскихъ, альтруистическихъ чувствъ. Оказывается, что натура князя Андрея еще сложнѣе и богаче, чѣмъ мы думали. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, останься князь Андрей въ живыхъ, онъ явился бы однимъ изъ вождей движенія, окончившагося событіемъ 1825 года. И вотъ развѣ только послѣ катастрофы, гдѣ-нибудь въ казематѣ или «въ глубинѣ сибирскихъ рудъ», заживо похороненный, онъ могъ бы, «храня гордое молчанье», найти послѣднее прибѣжище въ христіанскомъ всепрощеніи, въ евангельской любви.

Въ направленіи движенія 20-хъ годовъ весьма видное мѣсто, можетъ-быть, даже первенствующая роль принадлежала тому укладу натуръ и умовъ, который изображенъ въ Андреѣ Болконскомъ.

б) Пьеръ Безуховъ.

Пьеръ Безуховъ — натура непригодная для практической дѣятельности. Основная черта его ума — склонность къ мечтательному философствованію, его натуры — слабость дѣйствующей воли, отсутствіе инціативы, неспособность воздѣйствовать на окружающую среду и подчинять себѣ волю другихъ людей.

Если мы вникнемъ въ психологическую сущность той черты, которую Толстой называетъ «мечтательнымъ философствованіемъ» Пьера, то убѣдимся, что она представляетъ собою явленіе специфически-русское. Прежде всего это мечтательное философствованіе не есть игра празднаго ума, въ которомъ пробудились нѣкоторые теоретическіе интересы и который сегодня философствуетъ о войнѣ, о грядущемъ вѣчномъ мирѣ, завтра о Богѣ и истинной вѣрѣ и т. д. и находитъ удовлетвореніе въ самомъ процессѣ этого теоретизированія. Для Пьера характерно то, что всѣ его умствованія вытекаютъ изъ глубокой потребности его натуры, что они не исключительно «головного» происхожденія. По самому складу своего ума Пьеръ менѣе всего теоретикъ и кабинетный мыслитель. Вопросы, надъ которыми онъ бьется, суть въ сущности вопросы жизни, и сама постановка ихъ вытекаетъ изъ стремленія выработать себѣ такое міросозерцаніе и устроить свою жизнь такъ, чтобы въ результатѣ получить возможно полный покой совѣсти, возможное *нравственное* удовлетвореніе, основанное на сознаніи, что, мысля и живя *такъ*, онъ «дѣлаетъ благое дѣло среди царующаго зла». Пьеръ — типичный представитель, или, лучше сказать, провозвѣстникъ, предтеча русскаго *идеализма*.

Безуховъ и Болконскій рѣзко выдѣляются изъ массы заурядныхъ людей того и другого сорта сложностью и высотою своихъ душевныхъ запросовъ, серьезностью своихъ требованій отъ жизни и неспособностью наивно жить «не мудрствуя». Въ этомъ смыслѣ оба они являются идеалистами. Я называю Пьера идеалистомъ потому, что у него отправнымъ пунктомъ мысли и стремленій является всегда система тѣхъ идей или вѣрованій, которыми онъ въ данное время увлекается, а дѣйствительность, среди которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, предоставляется какъ бы выводомъ изъ этихъ идей; она окрашивается и мѣняетъ свой обликъ сообразно измѣненіямъ въ характерѣ и составѣ идей, занимающихъ мысль Пьера. Углубленный въ свои размышленія, занятый поразившей его мыслью, онъ въ состояніи совсѣмъ забыть о томъ, что происходитъ вокругъ. Въ плѣну, въ самой ужасной обстановкѣ, въ виду постоянной возможности быть разстрѣляннымъ, Пьеръ попрежнему занятъ внутренней работой духа. Прежній порядокъ идей разрушается, и на его развалинахъ созидается новый. Въ этомъ се

зиданіи огромное значеніе имѣла встрѣча съ Каратаевымъ. Смыслъ этихъ внутреннихъ преобразованій тотъ, что плѣнъ, лишенія, смерть — все это пустяки. Свобода — внутри человѣка, и отнять ее нельзя. Безсмертную душу нельзя держать въ плѣну или казнить. Главы XII—XIV второй части IV тома, описывающія эту «эволюцію» во внутреннемъ мірѣ Пьера, прекрасно воспроизводятъ идеалистическій складъ ума этого человѣка. Для Пьера, живущаго своимъ внутреннимъ міромъ и озабоченнаго исканіемъ вѣры или идеала, важно не историческое проявленіе національнаго духа въ формѣ «кутузовщины», а его корни въ народной психологіи, его наивное выраженіе въ народномъ міросозерцаніи. Чтобы Пьеръ могъ пріобщиться къ нему, онъ долженъ былъ открыться Пьеру въ идеализированномъ образѣ Каратаева.

Идеалистическая натура Пьера прекрасно поясняется тѣмъ, что говоритъ о немъ Толстой въ началѣ главы XII второй части IV тома:

> Онъ долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ... *успокоенія, согласія съ самимъ собою*... онъ искалъ этого въ филантропіи, масонствѣ, въ разсѣянности свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки — всѣ обманули его.

Въ этихъ словахъ Толстой подвелъ итогъ всей предшествующей исторіи Пьера — вплоть до плѣна и встрѣчи съ Каратаевымъ. Главный внутренній мотивъ, двигавшій Пьеромъ, сводился къ исканію душевнаго успокоенія, согласія съ самимъ собою; иначе говоря, его задача была личная, субъективная въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Говорю «въ тѣсномъ смыслѣ», потому что въ *обширномъ смыслѣ* и у князя Андрея, да и у всякаго человѣка задача, вытекающая изъ потребностей ума, сердца, изъ характернаго уклада воли, всегда остается личною, субъективною, да и не можетъ быть иною. Но огромное различіе между людьми въ этомъ отношеніи сводится къ самому способу постановки задачи и къ характеру вытекающихъ оттуда отношеній человѣка къ дѣйствительности. Одни ставятъ свою личную проблему такъ, что большая часть умственныхъ, нравственныхъ и другихъ интересовъ высшаго порядка, какіе есть у человѣка, влекутъ его мысль, чувство и волю къ окружающей жизни, къ дѣйствительности, къ тому, что совершается во внѣшнемъ мірѣ; въ силу этого, личная задача сводится къ установленію или урегулированію отношеній человѣка къ дѣйствительности; это приводитъ къ изученію дѣйствительности, къ исканію въ ней точекъ опоры, къ критикѣ явленій окружающей жизни, — критикѣ, которая можетъ дать важныя указанія для рѣшенія личной задачи. Таковъ князь Андрей. Вотъ именно людей этого типа я и называю *реалистами*, какъ бы ни были высоки и отдаленны ихъ идеалы. Другіе, напротивъ, ищутъ рѣшенія личной

задачи путемъ самоуглубленія, стремясь преобразовать свой внутренній міръ силою той или иной идеи, того или другого чувства, вѣрованія, догмата — религіознаго или нравственнаго. Обращаясь къ дѣйствительности, они сейчасъ же превращаютъ любой изъ ея вопросовъ, которыхъ всегда много, въ личный вопросъ своей совѣсти, вѣры, убѣжденія. И на этомъ пути вопросы жизни незамѣтно превращаются у людей этого типа въ средства къ достиженію «согласія съ самимъ собою». Возникаетъ такимъ образомъ та постановка личной задачи, въ силу которой эта послѣдняя превращается въ личную или субъективную по преимуществу. Люди, какъ князь Андрей, будутъ тяготѣть къ дѣйствительности, будутъ искать въ ней точекъ опоры, если нельзя для дѣятельности, то хотя бы для мысли, даже и въ томъ случаѣ, когда они убѣждаются въ невозможности окончательно рѣшить личную задачу. Задачу этихъ людей скорѣе можно бы опредѣлить не какъ исканіе внутренняго успокоенія и согласія съ самимъ собою, а какъ стремленіе осуществить свою общественную стоимость. Для нихъ поэтому важнѣе всего — критика дѣйствительности и сознательный выборъ тѣхъ ея сторонъ, которыя, по свойству ума, по способностямъ, по общественному положенію человѣка, по «рессурсамъ», находящимся въ его распоряженіи, могли бы явиться для него искомыми точками опоры, точками приложенія душевныхъ силъ. Напротивъ, для натуръ, какъ Пьеръ, дѣйствительность представляется только обстановкой или ареною, на которой они ищутъ «успокоенія», — и безпорядочно, суетливо стучится жизнь въ ихъ внутренній міръ различными сторонами своими, важными и ничтожными, — и на эти призывы жизни такія натуры реагируютъ сегодня филантропіей, завтра самоотверженнымъ подвигомъ, потомъ романтической любовью и т. д. Идеалистическое отношеніе къ дѣйствительности въ такой натурѣ сводится здѣсь къ тому, что представленіе о ней и пониманіе ея вопросовъ находится всецѣло въ зависимости отъ характера тѣхъ идей, вѣрованій, настроеній, въ которыхъ личность въ данное время думаетъ найти «успокоеніе».

Вотъ и посмотримъ, какъ Пьеръ искалъ этого успокоенія и каковы были его отношенія къ дѣйствительности.

Сперва обратимся къ тому, очень важному въ жизни Пьера, моменту, когда онъ встрѣтился съ масономъ Баздѣевымъ (томъ II, часть II, глава II). Это — отправной пунктъ «исканій» Пьера, начало его душевной исторіи. Душевный мотивъ, который тутъ впервые намѣчался и вскорѣ долженъ былъ проявиться съ нѣкоторой отчетливостью, опредѣляется формулою: «личное нравственное совершенствованіе на почвѣ служенія ближнимъ» (обществу, отечеству, человѣчеству). Формула эта у Пьера и у всѣхъ, для кого онъ типиченъ,

отличается способностью къ перестановкѣ своихъ терминовъ, къ превращенію въ формулу: «служеніе ближнимъ (обществу, отечеству, человѣчеству) на почвѣ личнаго нравственнаго совершенствованія». Эта перестановка далеко не всегда сознается, совершаясь нерѣдко «въ глубинѣ души». Если бы во время бесѣды съ Баздѣевымъ Пьеръ могъ подвергнуть самого себя психологическому діагнозу, то онъ очень затруднился бы отвѣтить на вопросъ: какая именно внутренняя потребность влекла его къ масонству,—была ли это жажда нравственнаго возрожденія по преимуществу, или же жажда общественной дѣятельности? Несомнѣнно одно: онъ уже тогда искалъ «примиренія съ самимъ собою» и хотѣлъ стать лучше, чище, добродѣтельнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что личная добродѣтель не могла быть конечною цѣлью его стремленій... Такая же путаница цѣлей замѣчается и въ міросозерцаніи масона Баздѣева; то онъ какъ будто вѣритъ, что личное совершенствованіе, чистота души, добродѣтель есть средство для достиженія чего-то другого, точно онѣ — не цѣль сами по себѣ. Онъ говоритъ Пьеру: «Посмотрите на свою жизнь, государь мой. Какъ вы проводили ее? Въ буйныхъ оргіяхъ и развратѣ, *все получая отъ общества и ничего не давая ему*. Вы получили богатство? *Какъ вы употребили его? Что вы сдѣлали для ближняго своего? Подумали ли вы о десяткахъ тысячъ вашихъ рабовъ, помогли ли вы имъ физически и нравственно?* Нѣтъ. *Вы пользовались ихъ трудами, чтобы вести распутную жизнь...*» — Казалось бы, вотъ, наконецъ, Баздѣевъ подошелъ къ самой сути дѣла, къ тому пункту, съ высоты котораго лично-нравственная задача, съ одной стороны, и соціальная проблема, съ другой, очертятся въ своей раздѣльности и въ то же время въ тѣхъ раціональныхъ психологическихъ соотношеніяхъ своихъ, при соблюденіи которыхъ онѣ не будутъ путаться и мѣшать одна другой...

...Но, какъ видимъ изъ дальнѣйшаго, Баздѣевъ и не думаетъ, да и не можетъ стать на эту точку зрѣнія. Дѣло представляется такъ, что онъ лишь случайно подошелъ къ ней, чтобы сейчасъ же удалиться въ другую сторону, — что онъ заговорилъ о «рабахъ» и о служеніи ближнимъ только потому, что его слушатель былъ богатъ и имѣлъ рабовъ. Ну, а если бы онъ ихъ не имѣлъ? Тогда самъ собою падалъ бы и вопросъ о рабахъ, о крѣпостномъ правѣ, о служеніи народу.

Очевидно, у Баздѣева весь вопросъ сводится къ личной нравственности Пьера. Оттуда и та черта, что на одной линіи съ вопросомъ о «рабахъ» и въ томъ же тонѣ, въ той же перспективѣ трактуются Баздѣевымъ и отношенія Пьера къ его женѣ и къ Долохову.—«Вы женились, государь мой, взяли на себя отвѣтственность въ руковод-

ствѣ молодой женщины, и что же вы сдѣлали? Вы не помогли ей, государь мой, найти путь истины, а ввергли ее въ пучину лжи и несчастья. Человѣкъ оскорбилъ васъ, и вы убили его...»—На это Пьеръ могъ бы резонно возразить, что не онъ ввергъ жену свою въ пучину лжи и несчастья, а скорѣе она его ввергла туда; во-вторыхъ, что относительно такой женщины, какъ Hélène, дочь кн. Василія, нелѣпо и подымать вопросъ о какомъ-либо «руководствѣ» и «пути истины».—А вотъ насчетъ десятковъ тысячъ рабовъ Пьеру, дѣйствительно, слѣдовало признаться, что онъ виноватъ, очень и непростительно виноватъ, — въ особенности въ томъ, что, послѣ исторіи съ Долоховымъ, онъ «выдалъ женѣ довѣренность на управленіе всѣми великорусскими имѣніями, что составляло большую часть его состоянія» (т. II, ч. I, гл. VI). Ниоткуда не видно, чтобы Пьеръ не только тогда, въ то первое время своихъ нравственныхъ и общественныхъ стремленій, но и впослѣдствіи, сознавалъ всю безнравственность этого преданія крестьянъ на произволъ такой душевладѣлицы, какъ Hélène, этой расплаты съ развратной женщиной за учиненный ей скандалъ душами и трудами рабовъ. И въ дальнѣйшемъ, надѣюсь, мы убѣдимся въ томъ, что это несознаваніе, этотъ родъ нравственной слѣпоты у Пьера въ значительной мѣрѣ объясняется именно тѣмъ, что у него *отдѣленіе общественной задачи отъ лично-нравственной никогда не было доведено до конца...*

...Пьеру, какъ мы знаемъ, вскорѣ пришлось разочароваться въ масонствѣ, поскольку оно сводилось къ пустой формалистикѣ, упускало изъ виду практическія задачи филантропіи, какъ дѣла общественнаго, и, наконецъ, принимало въ ряды своихъ членовъ лицъ, преслѣдующихъ исключительно цѣли личныя, эгоистическія (т. II, ч. III, гл. VII). Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ Пьеру казалось, что онъ наконецъ, вступаетъ на правильный путь; передъ нимъ дѣйствительно открывалась перспектива какихъ-то положительныхъ цѣлей жизни,—его прежнее безцѣльное, безыдейное существованіе навсегда прекратилось...

...Пьеръ «сознавалъ, что изъ трехъ назначеній масонства онъ не исполнялъ того, которое предписывало каждому масону быть образцомъ нравственной жизни, а изъ семи добродѣтелей совершенно не имѣлъ двухъ: добронравія и любви къ смерти. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что зато онъ исполнялъ другое назначеніе — *исправленіе рода человѣческаго* и имѣлъ другія добродѣтели — *любовь къ ближнему* и въ особенности *щедрость*».

Стремясь приложить къ дѣлу эти свои добродѣтели и начать «исправленіе рода человѣческаго», Пьеръ не могъ, конечно, не вспомнить прежде всего о тѣхъ десяткахъ тысячъ рабовъ своихъ, и

которыхъ указывалъ ему Баздѣевъ. И вотъ онъ останавливается мыслью на необходимости освобожденія своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а пока—въ ожиданіи исполненія этой мечты, предпринимаетъ въ своихъ имѣніяхъ рядъ реформъ и нововведеній, клонящихся къ улучшенію быта и къ нравственному и умственному просвѣщенію мужиковъ. Онъ вызвалъ всѣхъ управляющихъ въ Кіевъ и «сказалъ имъ, что немедленно будутъ приняты мѣры для совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что до тѣхъ поръ крестьяне не должны быть отягчаемы работой, что женщины съ дѣтьми не должны посылаться на работы, что крестьянамъ должна быть оказываема помощь, что наказанія должны быть употребляемы увѣщательныя, а не болѣсныя, что въ каждомъ имѣніи должны быть учреждены больницы, аптеки и школы».—Таковы были прекрасныя начинанія Пьера. Но, какъ извѣстно, всѣ они такъ и остались начинаніями: крестьяне не были освобождены, больницы и школы остались только на бумагѣ или недостроенными, и фактически положеніе крѣпостныхъ графа Безухова отъ этихъ затѣй только ухудшилось. (Онъ не подозрѣвалъ, какъ обманывали его управляющіе...)

...Онъ ничего не зналъ... А потому и «былъ восхищенъ своимъ путешествіемъ по имѣніямъ» и думалъ: «Какъ легко, какъ мало усилія нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра!»

Главную причину неудачъ Пьера Толстой видитъ въ отсутствіи у него практическаго смысла, «той практической цѣпкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дѣло». Мы уже знаемъ, какъ Толстой оттѣняетъ этотъ недостатокъ Пьера противоположной чертою кн. Андрея...

...Главная бѣда Пьера не въ этомъ. Она — въ томъ, что для него устройство быта крестьянъ и вопросъ ихъ освобожденія *довлѣютъ не сами себѣ, а являются только частью общей задачи исправленія рода человѣческаго*, и что, даже и помимо этой масонской точки зрѣнія, для Пьера это великое и столь трудное, столь отвѣтственное дѣло было только *средствомъ личнаго нравственнаго удовлетворенія, успокоенія своей совѣсти и путемъ къ самоусовершенствованію*. Съ этой стороны освобожденіе и улучшеніе быта крѣпостныхъ являлось для Пьера *не цѣлью, а средствомъ*. Вотъ это-то и подкапывало въ самой основѣ общественную дѣятельность Пьера и съ тѣмъ вмѣстѣ наносило ущербъ и *нравственнымъ* стремленіямъ его. Это станетъ намъ вполнѣ ясно, если мы для опредѣленія *понятія о нравственномъ элементѣ въ отношеніяхъ между людьми* согласимся принять слѣдующую формулу, которую я считаю единственно раціональной: *смотри на ближняго твоего*, кто бы онъ ни былъ, *какъ на цѣль, а не какъ на средство*. Изъ этого не слѣдуетъ, ко-

нечно, чтобы всякое трактованіе ближняго, *какъ средство*, было непремѣнно *безнравственнымъ*. Нѣтъ, оно только — *не нравственно, не относится къ категоріи нравственнаго*. Въ попыткахъ Пьера улучшить жизнь крестьянъ и освободить ихъ — *чисто-нравственный* элементъ сводился къ стремленію (хотя бы и безсознательному) стать къ мужику въ такія отношенія, при которыхъ онъ являлся бы для помѣщика цѣлью, а не средствомъ достиженія другихъ, посторонніхъ цѣлей. Напротивъ, все, что—въ попыткахъ Пьера—вытекало *не изъ этого источника, а изъ желанія успокоить свою совѣсть и самому стать лучше черезъ стремленіе* (все равно, въ этомъ случаѣ приведшее, или нѣтъ, къ положительнымъ результатамъ) *облагодѣтельствовать мужика*, — все это, говорю я, *не было элементомъ чисто-нравственнымъ*: это было только *благородно-эгоистическое стремленіе къ личному моральному благополучію*, при чемъ ближній (мужикъ) трактовался *какъ средство* для достиженія этой цѣли, и послѣдняя достигалась даже въ томъ случаѣ, если фактически положеніе мужика отъ этихъ стремленій только ухудшалось.

...Заморить червяка совѣсти было нетрудно — идилліей и филантропіей. Установить (или начать устанавливать) истинно-нравственныя отношенія къ народу можно было только — работая въ видахъ его освобожденія и экономическаго обезпеченія. Теперь спрашивается: что прежде всего было нужно для успѣшности этой работы? Прежде всего *не путать сюда задачъ своего совершенствованія и съ самаго начала поставить вопросъ на единственно раціональную, съ этической и съ соціальной точки зрѣнія, почву, а именно ту, которая выражается формулою: свобода и благосостояніе народа нужны для него самого, а не для успокоенія совѣсти помѣщиковъ*...

...Теперь опять вспомнимъ князя Андрея. Онъ, какъ мы знаемъ, также говоритъ, что крестьянъ слѣдуетъ освободить прежде всего для блага самихъ помѣщиковъ, чтобы они не портились нравственно. Но мы знаемъ также, что онъ высказываетъ это въ минуту душевнаго упадка, въ томъ состояніи ожесточенія, въ которомъ онъ находился, когда переживалъ душевный кризисъ. Пусть даже этотъ рѣзкій и крайній выводъ будетъ все-таки выраженіемъ барскаго отношенія къ народу и дворянскаго эгоизма кн. Андрея. Но это нисколько не мѣшаетъ ему на дѣлѣ заботиться о своихъ крестьянахъ—ради ихъ самихъ и работать для подготовки великой реформы: часть своихъ крестьянъ онъ освободилъ, другихъ перевелъ на оброкъ и (что для насъ весьма важно) *не былъ, какъ Пьеръ, въ восхищеніи отъ своего великодушія*. Ниоткуда не видно, чтобы онъ считалъ свою совѣсть успокоенною. Очевидно, онъ смотрѣлъ на свою дѣятельность въ этомъ направленіи какъ на одну изъ первыхъ попытокъ, какъ

на посильное стараніе начать дѣло въ маломъ размѣрѣ. Задача личнонравственная у князя Андрея уже отдѣлена отъ общественной, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ужъ близокъ къ тому, чтобы стать въ отношеніи къ народу на ту точку зрѣнія, съ которой свобода и благо народа являются сами по себѣ цѣлью. Съ этой стороны мы отдадимъ рѣшительное преимущество Болконскому передъ Безуховымъ.

Но пойдемъ дальше и взглянемъ на другую сторону медали.

Реалистъ Болконскій былъ одаренъ всѣми качествами, необходимыми для плодотворной и въ свое время передовой дѣятельности въ сферѣ крестьянскаго вопроса. По существу дѣла это была работа практическая. Но на ряду съ нею наступилъ чередъ поднятія общихъ вопросовъ о народѣ, какъ основѣ исторической жизни Россіи, о національномъ складѣ, о національномъ развитіи, объ отношеніяхъ образованнаго общества къ народной массѣ. Руководящимъ идеямъ и стремленіямъ передовой части общества предстояло постепенно демократизироваться. Мысль о народѣ должна была занять видное мѣсто въ ряду другихъ мыслей, какія только волновали умы мыслящихъ людей. Однимъ изъ піоперовъ этого движенія, этого поворота отъ Зап. Европы къ русскому мужику, является идеалистъ Пьеръ Безуховъ, въ высокой степени приспособленный къ этой роли по основнымъ качествамъ своего ума и сердца...

...Обращаясь къ нашимъ героямъ, мы скажемъ, что, насколько князь Андрей превосходилъ Пьера на поприщѣ практическаго служенія народному дѣлу, настолько Пьеръ имѣетъ на своей сторонѣ всѣ преимущества въ роли провозвѣстника или піонера грядущаго народолюбія. Въ лицѣ Пьера представитель высшаго круга, высшей интеллигенціи времени и европейской образованности снялъ шапку передъ мужикомъ, передъ представителемъ народно-національнаго склада и вѣковыхъ устоевъ бытовой и нравственной жизни народа. Встрѣча Пьера съ Каратаевымъ и его возрожденіе подъ воздѣйствіемъ «духа каратаевщины» символизируетъ первые всходы того тяготѣнія къ народу, которое позже скажется въ передовомъ славянофильствѣ, съ одной стороны, въ передовомъ западничествѣ, съ другой, еще позже— въ идеяхъ и дѣятельности людей либерально-прогрессивнаго лагеря.

Для князя Андрея мысль о народѣ исчерпывается вопросомъ объ устройствѣ быта крѣпостныхъ и о подготовкѣ реформы. Для Пьера, послѣ встрѣчи съ Каратаевымъ, эта мысль возвысилась до *идеи народа* и стала вопросомъ цѣлаго міросозерцанія, начавшаго слагаться. Постараемся же уяснить себѣ, какъ выразилась у Пьера идея народа, какое мѣсто заняла она въ обиходѣ его высшихъ понятій и его стремленій, и, наконецъ, какое воздѣйствіе могла она оказать на характеръ и направленіе его практической дѣятельности.

Съ этой цѣлью обратимся сперва къ главамъ XII-й и XIII-й четвертой части IУ-го тома, гдѣ описывается та перемѣна, которая произошла въ Пьерѣ послѣ его освобожденія изъ плѣна, подъ вліяніемъ всего, что онъ видѣлъ и испыталъ во время занятія Москвы французами и въ плѣну. Здѣсь мы знакомимся съ рядомъ душевныхъ состояній, испытанныхъ Пьеромъ...

...Раньше жизнь и свобода казались ему цѣнными не сами по себѣ, а въ виду тѣхъ цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ. Теперь, въ силу необыкновеннаго подъема психологической цѣнности самой жизни и свободы, тѣ цѣли обезцѣнивались. Всѣ прежнія высшія стремленія, масонство, любовь къ человѣчеству, филантропическія предпріятія и пр., теперь теряли въ его внутреннемъ мірѣ ту значительность, какую они имѣли прежде. Толстой прямо говоритъ намъ, что «то самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало» (гл. XII). Но этого мало: Толстой говоритъ намъ также, что это было не временное настроеніе, которое пройдетъ, когда Пьеръ оправится и войдетъ въ колею жизни, нѣтъ: «эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что *ея нѣтъ и не можетъ быть*» (гл. XII). Иными словами: для Пьера обезцѣненіе прежнихъ цѣлей и новое для него ощущеніе самоцѣнности жизни были только перемѣщеніемъ идеальнаго извнѣ внутрь, изъ макрокосма идей въ микрокосмъ личной повседневной жизни. Толстой разъясняетъ намъ это перемѣщеніе такъ: прежде Пьеръ «искалъ Бога въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ», теперь же, главнымъ образомъ благодаря Каратаеву, онъ убѣдился, что искомый Богъ не только въ тѣхъ цѣляхъ, въ тѣхъ идеальныхъ стремленіяхъ, что Онъ вездѣ, во всемъ. Пьеръ увидѣлъ Его въ Каратаевѣ, и «Богъ въ Каратаевѣ, казалось ему, болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной». И Пьеръ, говоритъ Толстой, «испытывалъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ напрягалъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя...» (гл. XII).—Ближайшимъ результатомъ этой перемѣны было состояніе внутренняго довольства, спокойствія духа, которое теперь испытывалъ Пьеръ: «И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ (на жизнь въ ея ежедневныхъ проявленіяхъ), тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ» (ib.). Въ числѣ проявленій этой жизни были, конечно, и уродливыя, и (такъ надо думать) Пьеръ, «созерцая» ихъ, оставался «спокоенъ и счастливъ...» ...Очевидно, Пьеръ выступалъ на какой-то новый «путь развитія», — и пока неизвѣстно, куда этотъ путь приведетъ его.

Онъ могъ бы привести его, напр., къ тому безнадежному оптимизму и примиренію съ дѣйствительностью, на которые, повидимому,

намекаетъ Толстой, рисуя въ гл. XIII блаженное настроеніе Пьера. Здѣсь, между прочимъ, указана слѣдующая «новая черта» въ немъ: это — признаніе возможности каждаго человѣка думать, чувствовать и смотрѣть на вещи по-своему, признаніе невозможности словами разубѣдить человѣка».—Если это только—терпимость и слѣдствіе уваженія къ человѣку, то эта «новая черта» несомнѣнно—пріобрѣтеніе, и Пьеръ здѣсь выигрышѣ. И мы склонны такъ смотрѣть на это, когда тутъ же читаемъ: «Эта закоснѣлая особенность каждаго человѣка, которая прежде волновала и раздражала Пьера, теперь составляла основу участья и интереса, которые онъ принималъ въ людяхъ». Но непосредственно слѣдующее за этимъ указаніе уже возбуждаетъ въ насъ сомнѣніе, не ошибаемся ли мы, не должны ли мы скорѣе считать Пьера въ проигрышѣ отъ «новой черты»: «различіе, иногда совершенное противорѣчіе взглядовъ людей съ жизнью и между собою *радовало Пьера и вызывало въ немъ насмѣшливую и кроткую улыбку*». Вотъ именно эта *радость* и *кроткая улыбка*, на которыя въ этой главѣ неоднократно указываетъ Толстой, и смущаютъ насъ. Что бы ни видѣлъ и ни слышалъ Пьеръ, — хорошее, дурное, умное, глупое,—онъ одинаково все только радуется и кротко улыбается. Такъ, «замѣчанія Вилларскаго (съ которымъ Пьеръ встрѣтился въ Орлѣ и вмѣстѣ выѣхалъ оттуда), постоянно жаловавшагося на бѣдность, отсталость отъ Европы, невѣжество Россіи, *только возвышали радость Пьера*». Почему? А потому, что «тамъ, гдѣ Вилларскій видѣлъ мертвенность, Пьеръ видѣлъ необычайную могучую силу жизненности, ту силу, которая въ снѣгу, на этомъ пространствѣ, поддерживала жизнь этого чужаго, особеннаго и единаго народа...» ...И опять радостно улыбался...

...Нетрудно видѣть, что отъ этихъ радостныхъ улыбокъ одинъ шагъ до квіетизма. Но, какъ мы знаемъ изъ дальнѣйшаго, въ особенности изъ эпилога, Пьеръ до квіетизма не дошелъ. Настроеніе радостныхъ улыбокъ было у него столь же преходящимъ, временнымъ, какъ раньше увлеченія масонствомъ и филантропіей. Это все еще былъ только «моментъ» въ его развитіи. Этотъ «моментъ» представляется намъ не лишеннымъ интереса съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, со стороны его значенія въ личной душевной исторіи самого Пьера. Толстой указываетъ на то, что только съ этого момента Пьеръ и сталъ замѣчать окружающую дѣйствительность и интересоваться ею, между тѣмъ какъ прежде она была для него покрыта туманомъ. Прежде онъ весь былъ поглощенъ своими мыслями, своими исканіями, теперь онъ присматривается къ людямъ, прислушивается къ чужимъ мыслямъ,—онъ очнулся и отвлекся отъ исключительнаго самоуглубленія и сталъ видѣть людей и вещи, какъ они есть. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ немъ проявилось и нѣчто въ родѣ практическаго смысла и такта,

которыхъ ему недоставало раньше, нѣчто въ родѣ чутья дѣйствительности. Онъ теперь умѣетъ отличить плута отъ порядочнаго человѣка, не раздаетъ деньги зря и старается быть щедрымъ со смысломъ. Въ гл. XIII-й это иллюстрируется примѣрами. И невольно мы сожалѣемъ, что такая полоса не нашла на Пьера раньше, когда онъ устраивалъ благополучіе своихъ крестьянъ.

Во-вторыхъ, «моментъ» въ развитіи Пьера, насъ теперь занимающій, представляется намъ имѣющимъ свое значеніе для Пьера Безухова — какъ художественнаго образа, совмѣщающаго въ себѣ зачатки будущихъ направленій и идеаловъ мыслящей части русскаго общества.

Если, отправляясь, напр., отъ сороковыхъ годовъ назадъ, будемъ слѣдить за нитью направленій, которыя въ 40-е годы уже стояли другъ противъ друга, какъ враждующіе лагери, то увидимъ, что эти нити все сближаются и, наконецъ, соединяясь или переплетаясь, теряются въ настроеніяхъ однѣхъ и тѣхъ же личностей. Въ 20-хъ годахъ мыслящіе и передовые люди бывали въ одно и то же время или въ разные періоды своей жизни «западниками» и «славянофилами», при чемъ не было принципіальнаго, неустранимаго противорѣчія между этими еще не «направленіями», а только «настроеніями». Это были еще только зачатки будущихъ системъ и школъ, зачатки, которые психологически родились и легко могли уживаться вмѣстѣ. Кто такой Чацкій? Славянофилъ или западникъ? И то, и другое. Самъ Евгеній Онѣгинъ, не переставая быть все тѣмъ же «скитальцемъ» и «отщепенцемъ», пережилъ настроеніе, напоминающее будущее славянофильство [1]). Вотъ именно перемѣна, происшедшая въ Пьерѣ, и можетъ быть разсматриваема, какъ одно изъ раннихъ всходовъ этого зачаточнаго славянофильства: Пьеръ уже лелѣетъ мысль о томъ, что русскій народъ есть какой-то особенный, «единственный» народъ, что подъ рубищемъ его бѣдности и отсталости скрывается великій національный духъ. Оттуда уже недалеко до національнаго мессіа-

---

[1]) Россія!.. Русь!.. мгновенно
Ему понравилась отмѣнно
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея логической душой,
Съ ея разумной суетой!..

Въ послѣднихъ двухъ строкахъ какъ бы пророчески резюмированы цѣлые томы Аксаковыхъ, Хомякова и др.—Съ другой стороны, тонъ отрывка (и выраженіе «проснулся разъ онъ патріотомъ въ Hôtel de Londres, что на Морской») указываетъ на легкость и несерьезность этого настроенія.

низма, который былъ характерной чертой стараго славянофильства.— Но, кромѣ этого эмбріона славянофильскихъ (а отчасти также и народническихъ) идей, въ перемѣнѣ, постигшей Пьера, мы видимъ еще зерно того своеобразнаго религіозно-этическаго настроенія, которое при послѣдовательномъ развитіи можетъ выразиться въ отрицаніи разныхъ «направленій» и всякой «политики», въ равнодушіи къ реформамъ, въ антипатіи къ активному протесту, въ перенесеніи всѣхъ вопросовъ изъ сферы общественности въ сферу личности. Эта «нить» у насъ за все время нашего развитія отъ 20-хъ годовъ до 80-хъ не выдѣлялась въ особую «школу», но она проявлялась по временамъ, какъ нота, болѣе или менѣе явственно звучавшая въ настроеніяхъ различныхъ умовъ, даже выдающихся, среди сутолоки и полемики направленій, школъ, идей. Въ жизни общества, какъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ, бывали моменты, когда русскіе умы, словно утомившись въ безплодной или казавшейся таковою работѣ надъ разными «вопросами», находили неожиданный выходъ въ перенесеніи ихъ во внутренній міръ личности, въ проповѣди лично-нравственнаго совершенствованія, которая вольно или невольно сочеталась (не всегда, но весьма нерѣдко) съ примиреніемъ съ дѣйствительностью и идеализаціей, если не ея существующихъ формъ, то ея основъ. Это — явленіе органическое, психологическіе корни котораго глубоко лежатъ въ своеобразныхъ, исторически-сложившихся отношеніяхъ между русскимъ образованнымъ обществомъ и русскимъ народомъ. Глубокая пропасть между ними, неизбѣжное «отщепенство» образованнаго общества («интеллигенціи»), родъ чувства національной спротивости въ сознаніи этого общества, оторваннаго отъ народа и къ «общественному дѣлу» не пристроеннаго, само огромное численное превосходство народа, навѣвающее мысль о его «мощи», его историческомъ призваніи, психологія тяготѣнія небольшой группы къ народной массѣ,—таковы главныя пружины, вызывающія у насъ отъ времени до времени душевную потребность найти успокоеніе въ философіи «народнаго духа», историческаго призванія націи и въ относительномъ, а иногда и абсолютномъ примиреніи съ основами и формами жизни, созданіе которыхъ приписывается тому же «духу» или «генію» многомилліоннаго народа. Это еще хорошо, если за всѣмъ тѣмъ все-таки — при *такомъ* настроеніи—ставятся и преслѣдуются вопросы хотя бы нравственнаго порядка, если идея движенія и прогресса не совсѣмъ упраздняется, а только искажается перенесеніемъ во внутренній міръ личности.

Теперь мы можемъ вернуться къ вопросу, который мы поставили выше: какое значеніе имѣла *идея народа* въ душевномъ обиходѣ Пьера, въ общей экономіи его воззрѣній, въ характерѣ и направленіи его дѣятельности?

Мы знаемъ, что впечатлѣніе, произведенное на Пьера Каратаевымъ, было не только очень сильно, но и очень прочно: оно осталось на всю жизнь. Для Пьера Каратаевъ «остался навсегда» «непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды» (т. IV, ч. I, гл. XIII). Въ только что разсмотрѣнномъ нами «блаженномъ» настроеніи Пьера, въ періодѣ «кроткихъ улыбокъ» ясно чувствуется своеобразное отраженіе духа «каратаевщины»—съ его смиреніемъ, съ его фаталистическимъ оптимизмомъ, съ его благодушно-кроткимъ отношеніемъ ко всему, что происходитъ вокругъ, — отношеніемъ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни протеста. Для каратаевщины въ ея подлинномъ натуральномъ и безсознательномъ видѣ, въ какомъ является она въ самомъ Каратаевѣ, характерно именно это *отсутствіе* протеста. Но вѣдь *отсутствіе* протеста не есть еще его *отрицаніе*, и, очевидно, Каратаевъ, который ничего не отрицаетъ, все пріемлетъ, не будетъ отрицать и протеста, разъ онъ такъ или иначе проявится въ окружающей дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ: изъ отсутствія духа протеста, изъ каратаевскаго оптимистическаго фатализма, изъ отвѣчающаго ему уклада воли съ психической необходимостью вытекаетъ тенденція — *не протестовать противъ самого протеста*, не отрицать его возможности, его законности, его наличности. Это заключеніе вполнѣ подтверждается тѣмъ, что мы наблюдаемъ у Пьера въ разсматриваемомъ періодѣ его душевной исторіи т.-е. въ той же каратаевщинѣ, но только въ ея сознательномъ, осмысленномъ, теоретически обоснованномъ выраженіи, которое она получила у Пьера. Примирившійся съ дѣйствительностью Пьеръ примиряется и съ тѣми проявленіями протеста, какія онъ находитъ въ ней. Такъ, напр., Вилларскій протестуетъ, отрицаетъ, осуждаетъ,— и Пьеръ, кротко улыбаясь и не раздѣляя этихъ протестовъ и отрицаній, мирится, однако, съ фактомъ ихъ существованія, онъ допускаетъ ихъ возможность и законность. Это ясно изъ того, что говоритъ Толстой о вновь пріобрѣтенной чертѣ Пьера — признавать возможность и законность различныхъ мнѣній и точекъ зрѣнія.

Итакъ, мы заключаемъ, что *въ каратаевщинѣ, какъ натуральной, народной, такъ и сознательной, «интеллигентной», нѣтъ принципіальнаго отрицанія духа протеста, какъ бы сама по себѣ она ни была чужда этому духу.*

Имѣя въ своемъ распоряженіи этотъ выводъ, который представляется мнѣ существенно важнымъ, обратимъ теперь вниманіе на тотъ фактъ, что вѣдь Пьеръ, по складу своего ума, да и по всей своей натурѣ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ невозможна разумная и нравственная жизнь безъ протеста въ той или иной формѣ противъ золъ, безобразій, недостатковъ и

бѣдствій окружающей дѣйствительности. Масонство было въ свое время одною изъ формъ общественнаго протеста; многіе изъ лучшихъ людей эпохи присоединялись къ этому движенію, ища въ немъ не только пути къ абсолютной истинѣ и къ личному нравственному усовершенствованію, но и средствъ для просвѣтительной и филантропической дѣятельности, а, стало-быть, и для тѣсно связаннаго съ этой дѣятельностью «протеста». Въ самомъ масонствѣ Пьеръ, какъ мы знаемъ, явился лицомъ протестующимъ: онъ возставалъ противъ формалистики и бездѣятельности и требовалъ *дѣятельнаго*, а не пассивнаго, *добра*; мечталъ въ особенности о томъ, чтобы превратить масонство въ родъ союза «твердыхъ, добродѣтельныхъ и связанныхъ единствомъ убѣжденія» дѣятелей, которые вели бы энергическую пропаганду, вербовали бы достойныхъ лицъ и, въ концѣ-концовъ, достигли бы того, что «орденъ» сталъ бы чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, взявъ «власть нечувствительно вязать руки покровителямъ безпорядка» и т. д. (т. II, ч. III, гл. VII). Однимъ словомъ, Пьеръ мечталъ тогда объ организованномъ и дѣятельномъ протестѣ.

Какъ извѣстно, Пьеру пришлось отказаться отъ этой затѣи. Вскорѣ онъ совсѣмъ отсталъ отъ масонства, разочаровавшись въ немъ. Событія 12-го года и въ особенности вліяніе Каратаева открыли его умъ и чувству другіе горизонты. Его органическая склонность къ активному протесту, его потребность дѣятельнаго добра на время какъ бы заглохли. Но онѣ не исчезли изъ обихода его души. Пьеръ не сдѣлался квіетистомъ, онъ не примирился съ дѣйствительностью. Въ эпилогѣ мы видимъ его одушевленнымъ болѣе, чѣмъ когда-либо, жаждой, сознательнымъ стремленіемъ къ дѣятельному добру и къ организованному протесту.

Онъ является однимъ изъ видныхъ дѣятелей, даже однимъ изъ вождей движенія 20-хъ годовъ.

Въ XIV-й главѣ I-й части эпилога Пьеръ, въ спорѣ съ Николаемъ Ростовымъ, развиваетъ свои мысли и свою «программу». Онъ говоритъ: «...Всѣ видятъ, что дѣла идутъ такъ скверно, что этого нельзя такъ оставить, и что обязанность всѣхъ честныхъ людей противодѣйствовать по мѣрѣ силъ»... «Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселеніе, — мучитъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ!..» «...Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянутая струна, когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народу взяться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазнятъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ, свободныхъ людей, какъ

вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества; mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность».

Въ главѣ XVI-й, въ интимной и задушевной бесѣдѣ съ женой, Наташей, Пьеръ (только что вернувшійся изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ по дѣламъ «общества», на сей разъ — не масонскаго) говоритъ, что безъ него все (въ этомъ «обществѣ») «распадалось, каждый тянулъ въ свою сторону». «Но мнѣ (продолжаетъ онъ) удалось всѣхъ соединить, и потомъ моя мысль такъ проста и ясна... Я говорю: возьмитесь рука съ рукой тѣ, которые любятъ добро, и пусть будетъ одно знамя — дѣятельная добродѣтель...»

Эти рѣчи Пьера даютъ намъ ясное указаніе на то, каковъ былъ бы его дальнѣйшій путь въ жизни и его судьба, если бы великая эпопея не заканчивалась на этомъ поворотномъ пунктѣ, на этомъ «наканунѣ» великихъ событій. Путь Пьера это — тотъ «путь чести», который привелъ бы его, какъ и князя Андрея, если бы послѣдній не погибъ раньше, «во глубину сибирскихъ рудъ».

Вотъ теперь-то какъ разъ впору вспомнить Каратаева и каратаевщину, — вѣдь мы знаемъ, что въ Пьерѣ живъ культъ перваго и въ *извѣстномъ смыслѣ* долженъ быть живучъ духъ второй.

Мы готовы спросить: при чемъ тутъ, въ виду этихъ стремленій и плановъ Пьера въ направленіи протеста и оппозиціи темнымъ силамъ времени, въ виду открывающейся перспективы новой дѣятельности Пьера, — при чемъ тутъ культъ Каратаева и духъ каратаевщины?

Мы готовы уже поставить этотъ вопросъ, но насъ предупреждаетъ Наташа.

Слушая рѣчи Пьера, она говоритъ: «Ты знаешь, о чемъ я думаю? О Платонѣ Каратаевѣ... Какъ онъ: одобрилъ бы тебя теперь?»

То, что отвѣчаетъ на это Пьеръ, въ высокой степени знаменательно. Онъ даетъ не одинъ, а два отвѣта. Эти отвѣты—противоположны и, въ то же время, сходны въ томъ смыслѣ, что оба гадательны и неясны, и что оба одинаково не имѣютъ рѣшающаго вліянія на направленіе дѣятельности Пьера.

«Пьеръ нисколько не удивился этому вопросу. Онъ понялъ ходъ мыслей жены. — Платонъ Каратаевъ? — сказалъ онъ и задумался, видимо искренно стараясь представить себѣ сужденіе Каратаева объ этомъ предметѣ. — *Онъ не понялъ бы, а впрочемъ, можетъ-быть, что да*».

Отвѣтъ — *гипотетическій*. Кромѣ того, онъ не прямо отвѣчаетъ на вопросъ: Наташа спрашивала объ «одобреніи», отвѣтъ Пьера говоритъ о «пониманіи».

Второй отвѣтъ: «Нѣтъ, не одобрилъ бы,—сказалъ Пьеръ, подумавъ».

Этотъ отвѣтъ также въ извѣстной мѣрѣ гипотетиченъ, хотя и не такъ перѣшителенъ, какъ первый. Но онъ неясенъ въ томъ смыслѣ, что оставляетъ насъ въ неизвѣстности, — почему собственно Каратаевъ «не одобрилъ бы»—потому ли, что «не понялъ бы», или же и въ томъ случаѣ, если бы «понялъ»?

Очевидно, «народная идея», живущая въ душѣ Пьера въ формѣ «каратаевщины», въ данный моментъ — а это былъ моментъ многозначительный, это было «наканунѣ»—«безмолвствовала». Но это «безмолвствованіе» не тенденціозно, и, какъ бы оно ни было истолковано, какой бы отвѣтъ ни былъ поставленъ самимъ Пьеромъ въ этой «неисполненной графѣ»,—*Пьеръ пойдетъ своей дорогой, отнюдь не терзаясь сомнѣніями: не противорѣчитъ ли духу каратаевщины* его *путь чести и скорби*, — пойдетъ смѣло и бодро, сопутствуемый этимъ безмолвіемъ, которое онъ не перестаетъ сознавать и такъ или иначе истолковывать.

Князь Андрей — тотъ бы его не сознавалъ, и для него не существовало бы и самаго вопроса о возможномъ отношеніи каратаевщины къ его дѣятельности и судьбѣ.

Положеніе Пьера типично для всей дальнѣйшей исторіи нашей передовой «интеллигенціи» въ ея отношеніяхъ къ народу и идеѣ народа.

Она идетъ своимъ путемъ и дѣлаетъ свое дѣло—движимая условіями и духомъ времени, общечеловѣческими стремленіями, задачами, воздвигаемыми русской жизнью, своимъ посильнымъ пониманіемъ этихъ задачъ. Культъ народа и идея народа, являющаяся различными «редакціями» понятія каратаевщины, то болѣе, то менѣе и въ различныхъ направленіяхъ идеализируемой, продолжаютъ быть для всѣхъ насъ, «взыскующихъ града», тѣмъ, чѣмъ были они для Пьера: живой потребностью души, безсознательнымъ стремленіемъ «привязать свою утлую ладью къ кормѣ большого корабля» народной жизни, необходимостью — не довлѣть самимъ себѣ, а служить живому дѣлу. Но, въ противоположность Пьеру, мы уже не такъ осторожны въ истолкованіи безмолвія каратаевщины. Мы даемъ болѣе опредѣленные, иногда слишкомъ категорическіе отвѣты на «Наташинъ вопросъ». Мы часто склонны думать, что это безмолвіе не только сопутствуетъ намъ на путяхъ нашихъ, но и напутствуетъ насъ.

Подлинная, реальная каратаевщина попрежнему безмолвствуетъ. И въ этомъ нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни огорчительнаго. Ибо она, эта «каратаевщина», какъ я старался показать это въ главѣ о Каратаевѣ, — только *форма*, а не содержаніе, она—наша національная форма въ ея крестьянско-архаическомъ выраженіи. Отъ формы

не слѣдуетъ ожидать никакихъ отвѣтовъ ни на какіе вопросы. Отъ нея можно и должно ожидать только одного: чтобы она оказалась жизнеспособной и могла, безъ опасенія исказиться или разложиться, выдерживая на всемірно-историческомъ поприщѣ конкурренцію другихъ національныхъ формъ, наполняться новымъ историческимъ содержаніемъ...

Овсянико-Куликовскій.

Романъ „Анна Каренина".

Какъ изображеніе аристократической среды и великосвѣтскихъ типовъ, романъ былъ порожденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «послѣднимъ сказаніемъ» того же направленія, которое раньше выразилось въ созданіи великосвѣтскихъ фигуръ раннихъ повѣстей и «Войны и мира». Внутренняя потребность художника дать исчерпывающее воспроизведеніе большого свѣта съ его характерной психологіей, во всемъ разнообразіи его типовъ, во всѣхъ существенныхъ чертахъ его быта, повидимому, не была вполнѣ удовлетворена.

Въ отношеніи къ великосвѣтской средѣ Толстой не былъ посторонним наблюдателемъ; онъ принадлежалъ къ ней по рожденію и воспитанію; онъ ее изучилъ и какъ самонаблюдатель, и, начиная съ «Дѣтства», его изображенія были какъ бы родомъ исповѣди, попыткой вытравить изъ своей души извѣстныя черты великосвѣтской психологіи, отдѣлаться отъ нихъ помощью ихъ претворенія въ художественные образы. И фигура Левина завершаетъ рядъ аналогичныхъ фигуръ въ повѣстяхъ. Левинъ блистательно заканчиваетъ эту художественную автобіографію, эту исторію внутренняго развитія Толстого, исторію его стремленій выйти изъ тисковъ великосвѣтской психики и создать себѣ независимую отъ нея душевную жизнь на основахъ широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Душевная драма Левина.

...Левинымъ завершается рядъ субъективныхъ, автобіографическихъ образовъ, созданныхъ Толстымъ въ теченіе его художественной дѣятельности, отъ начала 50-хъ годовъ до половины 70-хъ, отъ «Дѣтства» до послѣднихъ главъ «Анны Карениной».

Въ этихъ главахъ, описывающихъ душевный кризисъ, пережитый Левинымъ, мы имѣемъ родъ авторской исповѣди, въ которой отмѣченъ весьма важный моментъ въ умственной и моральной жизни Толстого. Его послѣдующая дѣятельность выяснила значеніе этого момента, и въ ея свѣтѣ фигура Левина получаетъ особое значеніе.

Левинъ — человѣкъ особенный, человѣкъ съ оригинальнымъ складомъ ума, ищущій своего пути въ жизни и стремящійся выработать цѣльное, законченное міросозерцаніе, которое давало бы ему отвѣты на такъ называемые «проклятые вопросы» и въ то же время служило бы ему нравственнымъ руководительствомъ въ жизни.

Левинъ-Толстой принадлежитъ къ числу тѣхъ, довольно рѣдкихъ натуръ, которыя отмѣчены призваніемъ къ моральному творчеству. Левинъ—натура не только моральная, съ ясно выраженнымъ стремленіемъ къ моральному творчеству, но и религіозная, испытывающая настоятельную душевную потребность—вѣровать и исповѣдовать.

Онъ, повидимому, живо интересуется философскими вопросами и хорошо знакомъ съ философской литературою. Но онъ разочаровался въ философіи, какъ и въ наукѣ: ему стало ясно, что на *его* вопросы философія и наука не дадутъ отвѣтовъ, что это совсѣмъ не та инстанція, къ которой слѣдуетъ ему обратиться въ его моральныхъ запросахъ и религіозныхъ исканіяхъ. Съ другой стороны, онъ также и не мистикъ, и въ религіозной исторіи человѣчества его интересуетъ не обрядовая сторона, даже не вопросы вѣроисповѣдные, а вѣчное, незыблемое, абсолютное, которое онъ усматриваетъ въ самомъ фактѣ религіозности человѣчества и въ категорическомъ императивѣ совѣсти. Поэтому ему антипатиченъ недогматическій характеръ науки, ему не по нраву относительность и ограниченность научнаго знанія и разноголосица философскихъ системъ. Левина не интересуетъ и не привлекаетъ картина многовѣковой дѣятельности разума, плетущаго паутину своей мысли, и ему кажется, что разумъ давно уже запутался въ этой паутинѣ. Ему представляется несомнѣннымъ, что какая-то высшая истина существуетъ объективно, — и вотъ только нужно узнать, что̀ именно *гласитъ* она; это вопросъ «практическаго разума» или вопросъ «жизни».

Левинъ ищетъ откровеній абсолютной истины и требуетъ *прямыхъ* отвѣтовъ на «проклятые вопросы», въ ряду которыхъ важнѣе всѣхъ другихъ представляется ему *вопросъ о жизни и смерти*. Это для него основной вопросъ, въ которомъ скрыты корни моральнаго и религіознаго сознанія. Ища санкціи, Левинъ переживалъ мучительную драму душевную. Онъ ужаснулся не столько смерти, *сколько жизни безъ малѣйшаго знанія о томъ, откуда, для чего, зачѣмъ и что онъ такое*. «Организмъ, разрушеніе его, нестребимость матеріи, законъ сохраненія силы, развитіе — были тѣ слова, которыя замѣнили ему прежнюю вѣру. Слова эти и связанныя съ ними понятія были очень хороши для умственныхъ цѣлей; но для жизни они ничего не давали. И ему нѣтъ другого выхода, какъ искать другого источника «знанія». Научное міросозерцаніе, несмотря на большую на-

читанность и незаурядную вдумчивость, не отвѣчало требованіямъ его мысли и было безсильно успокоить тревогу его совѣсти. Не давая ему искомыхъ отвѣтовъ, наука и философія разрушили непосредственность и наивность религіознаго чувства. Вернуться къ религіозности, вновь увѣровать — это задача для Левина тѣмъ болѣе трудная, что онъ, по складу ума и по натурѣ, *совсѣмъ не мистикъ*, какъ и Толстой. Онъ — натура религіозная, но не мистическая, и ему приходится добиваться вѣры труднымъ путемъ сомнѣній, исканій, размышленій, изученія. Толстой довольно обстоятельно описываетъ намъ весь этотъ процессъ и всю его мучительность. Въ такія минуты Левину жизнь казалась ничтожною, даже зломъ, которое можетъ быть устранено только смертью. «Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь,—нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно, нельзя жить, — говоритъ себѣ Левинъ». Онъ былъ близокъ къ отчаянію и даже къ самоубійству.

Можно пожалѣть, что Толстой только говоритъ о душевной драмѣ его, только указываетъ на угнетенное и тревожное состояніе его духа,—и мы читаемъ эти страницы безъ того захватывающаго интереса, который обычно вызывается въ насъ художественнымъ мастерствомъ и психологическимъ анализомъ Толстого. Мы остаемся холодны и равнодушны ко всѣмъ мученіямъ и исканіямъ Левина. Натура религіозная по самому укладу своему, Левинъ, наконецъ, освободился отъ тяготившихъ его путъ невѣрія или религіознаго индиферентизма и достигъ того душевнаго подъема, на которомъ для него стало возможнымъ моральное самоопредѣленіе и моральное творчество. Въ религіи нашелъ онъ искомую санкцію. Кризисъ окончился. Несказанная радость охватила и потрясла его. «Неужели это вѣра?—подумалъ онъ, боясь вѣрить своему счастью. — Боже мой, благодарю Тебя! — проговорилъ онъ, проглатывая поднимавшіяся рыданія и вытирая обѣими руками слезы, которыми полны были его глаза». Передъ нимъ открылся новый путь. *Овсянико-Куликовскій.*

Гр. Вронскій.

Картина великосвѣтской жизни, такъ мастерски воспроизведенной въ «Аннѣ Карениной», прежде всего должна быть сопоставлена съ соотвѣтственной картиной въ «Войнѣ и мирѣ». Здѣсь представленъ цѣлый классъ, который въ ту эпоху стоялъ у дѣла, — дѣла общегосударственнаго, національнаго и историческаго. Въ этомъ нашемъ представленіи о русской аристократіи въ дореформенное время видное мѣсто занимаетъ мысль о крѣпостномъ правѣ, какъ объ основѣ экономической силы класса и вмѣстѣ какъ о той прерогативѣ его, которая

идеально обязывала его лучшихъ людей къ служенію общегосудар-
венным и широко понятымъ народнымъ интересамъ. Далѣе въ наше
представленіе о классѣ входятъ черты, указывающія на его умствен-
ное превосходство надъ другими, на его причастность къ европейскому
просвѣщенію и къ передовымъ идеямъ вѣка. Накопецъ, наше пред-
ставленіе о немъ оттѣняется еще чертами аристократизма, какъ родо-
вого, кровнаго, съ генеалогіями, далеко уходящими въ глубь про-
шлаго, такъ и новоявленнаго, возникшаго волею высшей власти въ
теченіе XVIII вѣка.

Обращаясь къ психологіи класса, мы сразу ясно различаемъ рядъ
чертъ, объединяющихъ различныхъ представителей его въ одну группу,
связанныхъ узами *единой классовой психологической формы*. Эти
классовыя формы обыкновенно переживаютъ фактическое существова-
ніе и историческую роль своихъ классовъ и нерѣдко утилизируются
историческимъ процессомъ для новыхъ цѣлей. Современная аристо-
кратическая форма еще существуетъ, но она уже начинаетъ раство-
риться въ новыхъ формахъ — буржуазной и бюрократической. Она
въ силу этой приспособляемости теряетъ свою чистоту и цѣльность и
быстро идетъ къ исчезновенію.

Въ нашей литературѣ нѣтъ другого произведенія, по которому мы
могли бы такъ хорошо ознакомиться съ этимъ процессомъ и вообще
съ психологіей русской аристократической формы въ ея послѣднемъ
изданіи, какъ знаменитый романъ изъ великосвѣтской жизни «Анна
Каренина». На первомъ планѣ роскошной картины великосвѣтской
жизни выступаетъ великолѣпная фигура графа Вронскаго. Въ немъ
психологическая форма аристократизма сохраняется въ наибольшей чи-
стотѣ: онъ — подлинный, кровный аристократъ. При первой же встрѣчѣ
съ нимъ (глава XIV) онъ невольно располагаетъ насъ въ свою пользу.
Сначала займемся анализомъ *формальныхъ* великосвѣтскихъ элемен-
товъ его психики, т.-е. тѣхъ, которые онъ раздѣляетъ съ другими
представителями класса или среды. Толстой говоритъ о Вронскомъ,
что онъ *поражалъ и волновалъ* людей своимъ видомъ непоколебимаго
спокойствія и что онъ «смотрѣлъ на людей, какъ на вещи». Въ этой
манерѣ держать себя въ обществѣ, ему чуждомъ, сказывается своего
рода «браминъ», застывшій въ сознаніи своего превосходства. Третти-
рованіе людей другого круга, какъ своего рода низшей расы, практи-
куемое Вронскимъ, не только инстинктивно, по унаслѣдованной при-
вычкѣ, но и потому, что оно готово стать у него сознательнымъ убѣ-
жденіемъ, принципомъ, изображено преимущественно въ первыхъ двухъ
частяхъ. Но Вронскій лучше, когда жизнь его повернется такъ, чтобы
его душа заполнилась извѣстнымъ содержаніемъ, какими-нибудь за-
хватывающими интересами, чувствами, мыслями, и фикція аристокра-

гизма если и не исчезнетъ изъ его душевнаго обихода, то будетъ проявляться рѣдко, какъ невольное душевное движеніе, а не какъ правило. Такъ потомъ и случилось. Къ художнику Михайлову, человѣку совсѣмъ изъ другого круга, Вронскій относится безукоризненно, какъ истинный джентльменъ, гуманно и тактично.

Любовь къ Аннѣ и всѣ осложненія и перипетіи этой любви наполнили жизнь и душу Вронскаго новымъ содержаніемъ, поставили передъ нимъ новыя задачи, заставили его напряженно думать о многомъ, о чемъ раньше онъ никогда не задумывался. Усвоенный имъ и, казалось, столь прочный кодексъ понятій и правилъ теперь ужъ не годился и вызывалъ критическое къ себѣ отношеніе. Все это заставило усиленно работать мысль и чувство Вронскаго. Вотъ именно эта работа и заполнила прежнюю пустоту души и отбросила назадъ проникавшую въ сознаніе великосвѣтскую фикцію. Но въ это же время онъ былъ командированъ къ иностранному принцу, который относился къ нему презрительно-добродушно. Онъ теперь только почувствовалъ все неудобство, всю неразумность и всю негуманность такого отношенія между людьми; онъ узналъ въ этой негуманной чертѣ принца и свою аристократическую психику. И въ психическомъ извращеніи принца онъ съ отвращеніемъ увидѣлъ участь, которая, при увеличивающемся опустошеніи души, можетъ угрожать и ему. Но роковая въ другихъ отношеніяхъ любовь къ Карениной оказалась въ этомъ случаѣ въ высокой степени благодѣтельной для Вронскаго: она наполнила его душу новымъ содержаніемъ, ускорила темпъ его личной душевной жизни, усилила ея напряженность, дала ему много новыхъ и сильныхъ чувствъ и невѣдомыхъ раньше мыслей, пошатнула въ основаніяхъ залежавшійся кодексъ его нравственныхъ правилъ, нарушила всѣ его привычки. По мѣрѣ того, какъ это совершалось, Вронскій становился лучше и человѣчнѣе — и, начиная отъ знаменитыхъ сценъ у постели больной при смерти Анны (глава XVII, IV часть) и до конца романа, онъ привлекаетъ къ себѣ наше заинтересованное вниманіе уже не столько какъ типичный представитель великосвѣтской психологической формы, сколько — и преимущественно — какъ *человѣкъ* съ опредѣленнымъ характеромъ, умомъ, темпераментомъ, нравственнымъ складомъ и т. д., т.-е. со стороны *содержанія* своей души. Кризисъ этого душевнаго перелома изображенъ въ XVII и XVIII главахъ IV части, которыя по праву должны разсматриваться, какъ поворотный пунктъ въ душевной исторіи Вронскаго. Съ этого только момента мы и начинаемъ постепенно узнавать Вронскаго, какъ *человѣка*, и не можемъ отказать ему ни въ уваженіи, ни въ симпатіи. Онъ все болѣе выигрываетъ въ нашихъ глазахъ. И, подводя итогъ нашимъ впечатлѣніямъ, мы должны отнести его къ числу положитель-

ныхъ типовъ. Вронскій въ извѣстной мѣрѣ напоминаетъ князя Андрея Болконскаго. Въ немъ, конечно, нѣтъ той сложности натуры, тѣхъ выходящихъ изъ ряда качествъ ума и тѣхъ высокихъ стремленій; но онъ отчасти съ нимъ сближается, кромѣ аристократической формы, складомъ характера — сильнаго, сосредоточеннаго, рѣшительнаго — серьезностью натуры, способностью къ живому дѣлу и высоко-развитымъ чувствомъ чести и долга. Но онъ гораздо «проще»: въ немъ нѣтъ гамлетовскихъ чертъ Болконскаго; его кругозоръ гораздо уже, онъ легче найдетъ себѣ живое дѣло, создастъ себѣ программу жизни и дѣятельности, не мудрствуя, съ умомъ и тактомъ, да еще съ сознаніемъ хорошо понятаго долга и призванія. Такимъ представляется намъ Вронскій, какъ землевладѣлецъ-хозяинъ и какъ общественный дѣятель. Простыя, равныя ко всѣмъ отношенія очень скоро заставили большинство дворянъ измѣнить сужденіе о его мнимой гордости. Его качества — ума, характера и т. д., всѣ его задатки, могли бы гораздо отчетливѣе выразиться на почвѣ общественной дѣятельности, чѣмъ въ интимной жизни, въ перипетіяхъ романа съ Анной. По всему видно, что Вронскій — натура менѣе всего способная посвятить жизнь голубинымъ воркованіямъ любви. Ему необходима живая дѣятельность. Онъ рвется къ ней—и чуть ли не главной причиною его охлажденія къ Аннѣ слѣдуетъ признать то, что въ любимой женщинѣ онъ встрѣчаетъ важнѣйшее препятствіе своимъ стремленіямъ къ живой дѣятельности.

Въ общемъ онъ производитъ хорошее, благопріятное впечатлѣніе. Въ романѣ нѣтъ ничего, что давало бы поводъ подозрѣвать Вронскаго въ легкости отношеній къ Карениной, въ фатовствѣ, въ ловеласничествѣ, въ безсердечіи. Онъ обнаружилъ далеко незаурядную сердечность и самоотверженность въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, которую полюбилъ. Его охлажденіе не было ни измѣною, ни отступленіемъ, ни исканіемъ новой любви. Онъ искалъ только дѣятельности, и его неспособность всецѣло отдаться любви говоритъ въ его пользу. Закончу характеристику Вронскаго указаніемъ на то выгодное для него впечатлѣніе, которое онъ производитъ послѣ смерти Анны, въ послѣдней сценѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ его на пути въ Сербію.

Овсянико-Куликовскій.

„Дневникъ лишняго человѣка“.

Въ «Дневникѣ лишняго человѣка», какъ и слѣдуетъ ожидать, одинъ только герой: больной помѣщикъ Чулкатуринъ, самъ себя называющій лишнимъ человѣкомъ. Почему именно признаетъ онъ себя существомъ лишнимъ на свѣтѣ, объ этомъ дневникъ его даетъ намъ понятіе въ немногихъ словахъ, обильныхъ горькой ироніей. «Я именно

человѣкъ лишній. Къ другимъ людямъ это слово непримѣнимо... Люди бываютъ добрые, злые, умные, глупые, пріятные или непріятные, но лишніе... нѣтъ!.. Безполезность не главное ихъ качество, и вамъ, когда вы говорите о нихъ, слово «лишній» не первое приходитъ на языкъ... А я... про меня ничего другого и сказать нельзя... лишній, да и только. Сверхштатный человѣкъ — вотъ и все. На мое появленіе природа, очевидно, не разсчитывала и вслѣдствіе того сбошлась со мной, какъ съ нежданымъ и незваным гостемъ. Не даромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, что моя матушка мною обремизилась... *Во все продолженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ-быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало*»...

Въ этомъ литературномъ отрывкѣ (а продолженіе его вполнѣ достойно начала) сказывается намъ и здравость авторскаго замысла, и богатство поэтическаго воззрѣнія въ повѣствователѣ. Уступая современной рутинѣ въ тонѣ разсказа, Тургеневъ отходитъ отъ нея во многихъ частностяхъ, особенно въ чрезвычайно значительномъ выраженіи: «Во все продолженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ-быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало». Свѣтлую эту мысль необходимо имѣть въ виду всякому цѣнителю, пытающемуся комментировать послѣднія произведенія нашего автора, исходомъ которыхъ все-таки служитъ Чулкатурипъ, не взирая на его отчасти госпитальныя качества. Человѣкъ, не находящій себѣ мѣста на свѣтѣ, потому, *можетъ-быть*, что ищетъ себѣ мѣста не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, — не есть уже простой, захандрившій герой, такъ любимый нашими старыми нувеллистами. Страданія его уже не принадлежатъ къ вѣдѣнію одной медицины или, скорѣе, ея отдѣла о душевныхъ болѣзняхъ. На горести его никто не имѣетъ права глядѣть съ унылымъ выраженіемъ безплоднаго сожалѣнія, ибо онѣ кроются не въ одномъ разстройствѣ организма физическаго, не въ одномъ раздраженіи тлѣнныхъ мыслей, не въ одной вялости нравственной. Лицо лишняго человѣка можетъ назваться лицомъ довольно рѣдкимъ въ современномъ обществѣ, но никакъ не исключительнымъ. Въ созданіи его поэтъ не увлекся ни причудливостью, ни подражательностью; трудъ разсказчика здѣсь не можетъ назваться пѣснеи съ чужого голоса или дидактическимъ памфлетомъ. Больной и унылый Чулкатуринъ есть типъ своего рода, типъ, принадлежащій кружку небольшому, но замѣчательному. Онъ—истинно-лишній человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ лишнихъ людей, безъ которыхъ не существуетъ ни одного молодого общества.

Лишніе люди бывали всегда и во всѣхъ обществахъ, только видоизмѣненія ихъ различны въ каждомъ поколѣніи. Во всѣхъ просвѣ-

щенныхъ классахъ каждаго народа они чахнутъ и живутъ, но типы ихъ бываютъ несходны между собою. Тургеневъ видалъ на своемъ вѣку не мало лишнихъ людей и имѣлъ случай изучить ихъ добросовѣстно. На его глазахъ выступилъ въ міръ науки, литературы и гражданской дѣятельности цѣлый кругъ юношей, щедро одаренныхъ природою, исполненныхъ вѣры во все прекрасное. Многіе изъ этихъ сверстниковъ его ученическихъ годовъ сразу поняли свое призваніе и отыскали для себя утѣшительную дѣятельность. Иной изъ нихъ отдалъ всю свою душу наукѣ, другой сталъ служить отечеству болѣе практической службой, третій прославилъ свое имя въ мірѣ поэзіи. Другимъ житейскій успѣхъ дался труднѣе. Житейская дѣятельность не принесла съ собой лавровъ и розъ; но они, послѣ нѣсколькихъ колебаній, твердо пошли по своей скромной и, можетъ-быть, самой счастливой дорогѣ. Третьи не нашли себѣ мѣста для дѣятельности, можетъ-быть, потому, что, какъ чахоточный Чулкатуринъ, искали это мѣсто не тамъ, гдѣ его искать слѣдовало. Общество ихъ не поняло, и они не захотѣли уразумѣть общества, а потому ихъ вѣкъ стоитъ назваться вѣкомъ истинно-лишнихъ людей, достойныхъ одного сожалѣнія.

Чулкатуринъ Тургенева есть нѣчто среднее между высшимъ и низшимъ разрядомъ лишнихъ людей: онъ недостаточно даровитъ для того, чтобы имѣть право на широкую дѣятельность въ свѣтѣ, но не столько бездаренъ, чтобъ быть ниже какой бы то ни было дѣятельности. Онъ уменъ, но умъ его сходенъ съ умомъ дитяти, озадаченнаго массою только что пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, поставленнымъ въ невозможность сдѣлать изъ нихъ какое-либо примѣненіе. Онъ образованъ настолько, чтобъ отдѣлиться отъ массы невѣждъ и поняковъ обыденнаго міра, но не настолько, чтобъ получить полное сознаніе своего долга къ обществу и людямъ. Онъ мнителенъ, ребячески самолюбивъ и даже желченъ; но желчь Чулкатурина, какъ это всегда бываетъ у подобныхъ людей, обращается на него самого, не на что-либо другое. Чулкатуринъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своей неспособности тягаться съ жизнью, что даже не можетъ здѣло говорить о жизни: онъ ѣдокъ, лишь говоря о себѣ самомъ, на себя самого изливаетъ онъ горькій юморъ, накопившійся въ его душѣ за долгое время испытаній. Сознаніе собственной неспособности, о которой говоримъ мы, въ «Лишнемъ человѣкѣ» есть черта типическая, дающая жизнь и красу всему представленію. Кто изъ насъ не встрѣчалъ въ жизни цѣлаго разряда несомнѣнно хорошихъ людей, опустившихъ руки, съежившихся нравственно и повторяющихъ при всякомъ столкновеніи съ міромъ дѣйствительности: «Я здѣсь ничего не могу сдѣлать, я—человѣкъ мысли, я—существо неспособное». Нечего и го-

ворить о томъ, что въ большей части особъ, такъ говорящихъ, нѣтъ никакой неспособности или несостоятельности, — что онѣ сами напустили на себя это несчастное сознаніе и вяло сложили руки тамъ, гдѣ всякій трудится, исполняя свой долгъ по мѣрѣ средствъ, ему данныхъ.

Готовность поминутно признавать себя неспособными, печальное уклоненіе отъ всякой житейской дѣятельности — есть серьезная болѣзнь многихъ просвѣщенныхъ людей нашего времени. Мечтая о подвигахъ, для нихъ недоступныхъ, такіе люди упускаютъ изъ вида настоятельный долгъ жизни, сказывающійся имъ поминутно; напрягая свое зрѣніе не въ ту сторону, куда слѣдуетъ, они не видятъ предметовъ, стоящихъ передъ ихъ носомъ. Замкнувшись въ своемъ уныломъ рефлектерствѣ, они обманываютъ и себя, и общество, имѣющее право требовать отъ нихъ труда на пользу общую.

Мы раскисаемъ, поддаемся моральному неряшеству, боимся смѣло глядѣть въ глаза другимъ людямъ, рефлектерствуемъ и хандримъ, — а во всемъ этомъ, конечно, часть вины выпадаетъ на долю *лишнихъ* или зовущихъ себя лишними.

Вотъ на какую точку зрѣнія цѣнитель долженъ стать для того, чтобъ съ полнымъ сознаніемъ судить о типическихъ сторонахъ лишняго человѣка такъ, какъ онѣ выражены въ повѣсти Тургенева. Чулкатуринъ, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго презрѣнія за свою нравственную вялость; но какъ человѣкъ, взятый изъ дѣйствительности, олицетворяющій собою извѣстныя стороны своего поколѣнія, онъ имѣетъ право на все наше вниманіе. Если бъ онъ и не былъ тѣмъ кроткимъ, убитымъ судьбою, поэтически-развитымъ существомъ, какое является намъ въ «Дневникѣ», мы и тогда признали бы въ немъ своего рода симпатичность. Нельзя не пожалѣть о томъ, что Тургеневъ представилъ намъ Чулкатурина чахоточнымъ, умирающимъ, прощающимся съ жизнью. Вслѣдствіе этой прихоти, имѣющей въ себѣ нѣчто рутинное, сочувствіе цѣнителя, отвращаясь отъ страданій Чулкатурина, какъ человѣка лишняго, тянется къ тому же герою, какъ къ бѣдному и одинокому паціенту, осужденному на скорую кончину. Для того, чтобъ наблюдать за тонкими сторонами души человѣческой, надо его видѣть и въ нормальномъ положеніи—не въ періодъ безнадежности или неисцѣлимаго отчаянія. Не грустный мотивъ повѣсти намъ непріятенъ, — непріятно намъ то, что грусть, ее наполняющая, частію происходитъ отъ причинъ внѣшнихъ и нарочно придуманныхъ сочинителемъ. Какъ дневникъ безнадежно-больного, записки Чулкатурина — совершенство въ своемъ родѣ: нѣкоторыя его страницы словно написаны послѣ тяжкаго пароксизма лихорадки; другія же напоминаютъ намъ, если позволено такъ выразиться, *свѣтлыя минуты болѣзни*, съ оттѣнками успокоенія, нѣжной мечтательности,

трогательныхъ душевныхъ порывовъ. И все-таки за интересомъ патологическимъ отчасти меркнетъ психологическая сторона разсказа, а самъ лишній человѣкъ дѣйствуетъ передъ читателемъ лишь въ одномъ эпизодѣ своей жизни, эпизодѣ любовномъ, какъ про то можно догадаться.

Вообще нашъ авторъ (какъ мы уже видѣли при разборѣ «Колосова») слишкомъ часто вредитъ замыслу важныхъ повѣстей чрезъ свое пристрастіе къ любовнымъ приключеніямъ. Конечно, онъ весьма силенъ въ разсказахъ, основанныхъ на любви: конечно, сама тема, по своей неистощимости, представляетъ много простора его дарованію, но бываютъ обстоятельства, при которыхъ повѣствователю не безполезно сдерживать себя по сказанной части. Если бъ «Дневникъ лишняго человѣка» составлялъ цѣлую книгу, исторія Чулкатурина и Лизы Ожогиной нисколько бы не вредила идеѣ всей вещи; но теперь, при небольшомъ объемѣ повѣсти, она поглощаетъ собой цѣлый «Дневникъ» и всего героя. Только черезъ этотъ эпизодъ, и то мимоходомъ, признаемъ мы въ бѣдномъ Чулкатуринѣ человѣка, исполненнаго благородныхъ стремленій, кроткое существо, жаждущее любви, способнаго и на счастье, и на трудъ, и на примиреніе съ жизнью. Мы видимъ въ немъ и умъ, и нравственное развитіе, и образованіе несравненно высшее той бѣдной сферы, куда судьба его бросила. Вся исторія Лизы и Чулкатурина дѣлаетъ величайшую честь автору,— но значительно ли она подвигаетъ насъ въ познаніи лишнихъ людей? Обнимаетъ ли она собою жизнь и духовный міръ героя, долженствующаго оказаться лицомъ типическимъ? Какъ ни вялъ и какъ ни хрупокъ Чулкатуринъ, всякій юноша скажетъ вамъ, что не можетъ же человѣкъ взрослый въ концѣ погибнуть отъ одной неудачной любви къ кому бы то ни было. Каждый строгій изслѣдователь современныхъ недуговъ пожелаетъ увидать лишняго человѣка въ столкновеніи съ другими важными сторонами жизни; а столкновенія эти, составляющія сущность всего замысла повѣсти, совершенно упущены изъ вида ея авторомъ. Жизнь наша состоитъ не изъ одной любви и не изъ однихъ умозрѣній надъ своей персоною; есть въ ней практическія стороны, съ которыми ни одинъ смертный не избѣгнетъ коллизіи; а между тѣмъ Чулкатуринъ, лишній человѣкъ современнаго общества, живетъ какъ бы внѣ свѣта и всѣхъ его интересовъ. Мы даже не знаемъ, какъ онъ воспитывался, чѣмъ добывалъ онъ себѣ кусокъ хлѣба, почему именно онъ даетъ замѣтить, что искалъ себѣ мѣста, можетъ-быть, не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Есть еще одна совершенно неразъясненная черта въ лишнемъ человѣкѣ: разсказывая о своей несчастной страсти, онъ набрасываетъ страницы восхитительной прелести...

Страницы эти, исполненныя высокой поэзіи, не есть авторская прихоть, не представляютъ разлада съ общимъ изложеніемъ дневника.

Тургеневъ не заставитъ ничтожнаго человѣка говорить такъ очаровательно: ни Пѣтушковъ, ни Астаховъ въ «Запискахъ» у него не произнесутъ такой крылатой лирической рѣчи. Стало-быть, мы получаемъ право признать въ «Лишнемъ человѣкѣ» духъ поэтически развитый, очи не чуждыя высокаго просвѣтлѣнія. Этому грустному дитяти вѣка нашего судьба послала на помощь крылатаго генія поэзіи, — если не той поэзіи, которая идетъ въ печать и даетъ славу смертнымъ, — то, по крайней мѣрѣ, той, что озаряетъ и *осмысливаетъ* всю жизнь нашу. Любимая дѣвочка въ рощѣ при солнечномъ закатѣ еще не вырветъ могучаго поэтическаго звука изъ души, неодаренной способностью на подобные звуки. Герой Тургенева, какъ мы имѣемъ право его понимать, былъ вооруженъ однимъ лишнимъ доспѣхомъ для борьбы жизненной; но какой же причинѣ мы, едва познакомившись съ нимъ, видимъ его безоружнымъ, слабымъ, истекающимъ кровью? Мы желаемъ знать, въ подробности знать о томъ, далеко ли провожалъ его на пути жизни крылатый геній, ему посланный, сколько разъ освѣщалъ онъ тернистую дорогу несчастнаго смертнаго, вслѣдствіе какихъ причинъ отлетѣлъ онъ отъ него, послѣ долгой борьбы, въ существованіи которой сомнѣваться невозможно? На вопросы эти «Дневникъ лишняго человѣка» даетъ мало отвѣтовъ. Читателю предоставляется право думать, что вся исторія лишняго человѣка замкнута въ картинахъ его бѣдной любви, — но мы не можемъ такъ думать, несмотря на все наше довѣріе къ разсказчику.

Мы обсудили, насколько могли, главныя достоинства и главные недостатки одной изъ повѣстей Тургенева, наиболѣе важныхъ въ цѣпи его произведеній. Затѣмъ общій выводъ скажется самъ собою: «Дневникъ лишняго человѣка», не взирая на многія несовершенства исполненія, стоитъ назваться явленіемъ отраднымъ и много обѣщающимъ. По идеѣ своей онъ касается тонкихъ и въ высшей степени замѣчательныхъ явленій въ современномъ обществѣ, — исполненіе его, хотя и имѣющее весьма замѣтный разладъ съ сказанною идеею, стоитъ великой похвалы въ художественномъ отношеніи. Форма дневника, допускающая нѣкоторыя уклоненія отъ объективности въ представленіяхъ, какъ нельзя лучше подходитъ къ дарованію автора, за него взявшагося. Не во многихъ повѣстяхъ Тургенева встрѣчаются проблески поэзіи столько же сильные, какъ въ «Дневникѣ лишняго человѣка». И, наконецъ, что можетъ быть важнѣе всего въ повѣсти: мысль ея показываетъ намъ Тургенева поэтомъ болѣе и болѣе крѣпнущимъ въ своемъ міросозерцаніи, достаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ снова коснуться важной темы, только что затронутой въ «Дневникѣ лишняго человѣка».

Дружининъ.

„Рудинъ“ Тургенева.

Въ «Рудинѣ», говорили, явится весь современный человѣкъ, разсмотрѣнный съ точки зрѣнія его моральныхъ несовершенствъ, смягченныхъ горькимъ ихъ сознаніемъ, его безсилія передъ разумно-практической стороной жизни, но безсилія, отчасти выкупаемаго другими утѣшительными сторонами характера. Рудинъ, лично взятый изъ дѣйствительности, долженъ былъ служить олицетвореніемъ цѣлаго класса мыслящихъ и благонамѣренныхъ людей, понапрасну растратившихъ свои силы отъ неумѣнія привести свое существованіе въ гармонію съ той сферою, гдѣ должно было протекать это существованіе. Тургеневъ имѣлъ всѣ данныя, необходимыя для подобной задачи. Заслуги и заблужденія благородныхъ, но нѣсколькихъ *лишнихъ* товарищей его собственной юности могли въ немъ, больше чѣмъ во всякомъ другомъ поэтѣ, встрѣтить судью зоркаго, но любящаго и незлобленнаго. Наконецъ, онъ имѣлъ и право, и возможность съ помощью поэтической силы, ему данной отъ природы, возвести въ рядъ симпатическихъ образовъ весь запасъ своихъ долгихъ, добросовѣстныхъ наблюденій надъ современными недугами современныхъ тружениковъ жизни.

Повѣсть, разсматриваемая даже съ самой строгой художественной точки зрѣнія, признана была всѣми за новый, важный шагъ въ дѣятельности Тургенева. Вся она носила на себѣ привлекательный слѣдъ серьезной мысли, и, благодаря этому слѣду, поэтическія частности «Рудина» имѣли въ себѣ нѣчто разительное, свѣжее, новое.

Что такое Дмитрій Николаевичъ Рудинъ?—вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ законность и правда всей повѣсти. Въ какой мѣрѣ этотъ человѣкъ, исполненный силы и слабости, вялости и энергіи, въ какой мѣрѣ онъ правиленъ, какъ дѣйствующій герой художественнаго созданія, вѣренъ себѣ, какъ общественный типъ нашего времени? Есть ли между нами много Рудиныхъ, и не носитъ ли каждый изъ насъ, современныхъ русскихъ людей, въ душѣ своей какую-нибудь частицу тургеневскаго Рудина? Рудинъ есть дитя своего времени, своего края и своей переходной эпохи. Рудины жили и живутъ между нами, дѣлая пользу и вредъ людямъ, ихъ окружающимъ. Многіе изъ насъ въ юности увлекались Рудинымъ, многіе изъ насъ, въ былое время молодости, слушали рудинскія импровизаціи такъ, какъ въ повѣсти, насъ занимающей, простодушный студентъ Басистовъ слушалъ вдохновенныя разсужденія Дмитрія Николаевича. Не одна дѣвушка съ теплой душой любила людей въ родѣ Рудина и горько платилась за свою привязанность. Не одинъ практи-

ческій смертный, подобный Лежневу, глядѣлъ на Рудина съ дружескимъ состраданіемъ, не одинъ презрѣнный злоязычникъ, въ родѣ Пигасова, устремлялъ стрѣлы своего остроумія на бѣдную, измученную жизнью особу Рудина. Рудины были полезны обществу въ свое время, можетъ-быть, они нужны ему и теперь, — во всякомъ случаѣ, никто не имѣетъ права кидать камнемъ въ этихъ вѣчныхъ странниковъ жизни, безпріютныхъ «инвалидовъ мысли». Рудинъ много грѣшилъ, но ему должно быть прощено многое за огонь любви къ истинѣ, въ немъ горѣвшей, за неутомимое стремленіе къ идеалу, за его сочувствіе къ слабымъ, за его вражду къ житейской неправдѣ. Рудинъ много служилъ дѣлу добраго слова, хотя всю жизнь свою не могъ возвыситься до пониманія *дѣла*, до возможной и необходимой гармоніи съ средой, его окружающей. Въ разъединеніи *дѣла* и *слова* лежитъ корень всѣхъ недостатковъ Рудина, — основаніе всей его грустной, но близкой къ намъ личности. Рудинъ — живой плодъ нашего ранняго, быстро развивающагося, порывистаго просвѣщенія. Рудина нельзя назвать ни русскимъ человѣкомъ, ни космополитомъ, ни германцемъ. Онъ — застрѣльщикъ между двумя арміями, усталый часовой между двумя лагерями. Европейское современное просвѣщеніе, не примѣненное къ жизни, дало намъ Рудина, но матеріалъ, изъ котораго создалось это лицо, взятъ изъ нашего отечества, изъ круга людей, живущихъ между нами.

Рудинъ долженъ назваться человѣкомъ просвѣщеннымъ: сердце его смягчено знаніемъ, благородная жажда идеала словно родилась съ нимъ вмѣстѣ. По уму и душѣ онъ опередилъ многихъ просвѣщенныхъ людей одного съ нимъ края, опередилъ — и остановился посреди блестящаго пути, не умѣя воспользоваться сокровищами, только что добытыми. Причина такого бездѣйствія, разрѣшившагося безсиліемъ передъ практической жизнью, заключается въ отсутствіи *воли*, въ неспособности къ *правильному восприятію* началъ истиннаго просвѣщенія. Подобно тому, какъ нашъ великій просвѣтитель, усиліями могучей воли, вводилъ великія идеи, имъ добытыя, въ жизнь и бытъ Россіи, всякій честный и слабый человѣкъ, обогащаясь сокровищами мудрости, обязанъ, во что бы то ни стало, сроднить эти сокровища съ своей жизнью, примѣнить ихъ къ средствамъ и потребностямъ среды, его окружающей. Мало одной горячей любви къ правдѣ, — надо проводить эту правду во всей жизни нашей. Одного идеала мало для просвѣщенія, съ одной благородной горячкой ничего не сдѣлаешь, съ однимъ краснорѣчивымъ словомъ далеко не уѣдешь. Необходимо просвѣщенному дѣятелю коротко знать всѣ средства той среды, гдѣ ему судьбой назначено жить. Онъ не имѣетъ права возмущаться несовершенствами общества и, уединясь на про-

хладныя метафизическія вершины, считать свою человѣческую обязанность исполненной.

Рудинъ и цѣлая семья Рудиныхъ не поняли своей задачи, они забыли всю сущность своей науки, упустили изъ вида весь долгъ своего существованія. Чужеземная мудрость ихъ не столько извратила, сколько отуманила, сердце ихъ осталось человѣчнымъ, но воля ихъ, слишкомъ парализованная развитіемъ созерцательныхъ способностей, не пошла съ ними въ уровень. Для Рудиныхъ нѣтъ ни житейскаго, благороднаго упорства, ни искуснаго отступленія послѣ неудачи, ни несокрушимой вѣры въ свое назначеніе.

Типъ человѣка, въ родѣ Рудина, никакъ не можетъ быть удовлетворительно развитъ въ одномъ эпизодическомъ разсказѣ. Чтобы Рудинъ могъ высказаться въ художественной полнотѣ созданія, надо ввести читателя въ запутанные изгибы этой запутанной души и, мало того, развить передъ нимъ многостороннюю картину столкновеній Рудина съ дѣйствительностью. Можно осуждать или оправдывать героя повѣсти, но отнестись къ нему спокойно и безпристрастно едва ли кто-нибудь въ силахъ.

Тургеневъ не только вполнѣ сознавалъ важность дѣла, имъ предпринятаго, но и принялъ всѣ мѣры къ серьезной борьбѣ съ своей задачей. Повѣсть была писана во время тихихъ сельскихъ досуговъ, безъ торопливости, безъ перерывовъ. На борьбу съ трудной темою, на выясненіе личности Рудина, такъ трудно поддающейся объективному представленію, пошла цѣлая сокровищница лучшихъ пріемовъ искусства. Всюду, даже въ блѣднѣйшихъ страницахъ повѣсти, сказывался его свѣтлый умъ, его тонкая поэтическая наблюдательность, его многосторонне-симпатическія воззрѣнія на жизнь нашу.

По замыслу Тургенева, главнымъ эпизодомъ повѣсти,—тѣмъ эпизодомъ, который долженъ былъ составлять какъ бы ключъ къ уразумѣнію всей личности Рудина, считается исторія любви его къ Наталіи. Однако, не взирая на добросовѣстный трудъ, благородное рвеніе, не взирая на поэтическую силу, красящую собою весь эпизодъ, главная интрига повѣсти отличается неполнотою. Отношенія Рудина и Наталіи задуманы превосходно, художественная коллизія между словомъ и дѣломъ, между страстью и фразою, между юной рѣшимостью и вѣчнымъ отсутствіемъ воли — стоитъ всего вниманія цѣнителей. Передъ честной, тихой, дѣвическою энергіей семнадцатилѣтней дѣвушки ярко выступаютъ всѣ противоположные недостатки Рудина, и самъ герой разоблачается во всей своей грустной дѣйствительности. И, несмотря на то, Рудинъ и послѣ эпизода съ Натальей остается тѣмъ же загадочнымъ, не вполнѣ разъясненнымъ страдальцемъ, какимъ онъ былъ до своего послѣдняго свиданія съ любящей дѣвушкой. Почему про-

изошла такая неполнота, почему весь характеръ Рудина не обозначился передъ читателемъ чрезъ основной узелъ всей повѣсти?

Во-первыхъ, любовь Рудина къ Натальѣ не есть та любовь, при которой всѣ силы человѣка приходятъ въ напряженіе и вслѣдствіе того сосредоточиваются въ одномъ фазисѣ, драгоцѣнномъ для художника-наблюдателя человѣческой природы. Рудинъ не имѣетъ горячей страсти къ Натальѣ. Лежневъ, назвавшій Рудина кокеткою, холоднымъ энтузіастомъ, человѣкомъ, лишеннымъ крови и натуры, превосходно обозначилъ всю разницу, которая проявилась между блистательнымъ говоруномъ и тихой, неразговорчивой дѣвушкой, имъ заинтересовавшейся. Наталья живетъ любимымъ избранникомъ, не говоря ни одной фразы; Рудинъ, въ свою очередь, такъ и сыплетъ фразами,—а разставшись съ любимой дѣвушкой, вспоминаетъ слова Донъ-Кихота къ Пансо: «Свобода, другъ мой,— это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣка!» Вотъ что говоритъ Рудинъ въ тѣ минуты, когда у любящей дѣвушки сердце разрывается на части. Наталья готова на всѣ жертвы, на всѣ доказательства своей преданности, на цѣлую жизнь нужды и тревоги; въ отвѣтъ на всѣ стремленія возвышенной дѣвической натуры Дмитрій Николаевичъ говоритъ ей: «Ваша матушка несогласна. Нечего и думать объ этомъ». Объясненіе Рудина съ Натальей превосходно, но своимъ совершенствомъ оно только подтверждаетъ мысль нашу, что, прослѣдивъ за исторіей Рудинской любви, читатель все-таки не видитъ предъ собой самого Рудина.

Во-вторыхъ, *Рудины не поясняются черезъ страсть* — объ этомъ совершенно позабылъ авторъ. Для натуръ, подобныхъ Рудину, страсть къ женщинѣ можетъ быть горячкою, холерою, никакъ не нормальнымъ проявленіемъ всей ихъ души, какъ это бываетъ съ натурами здоровыми. Люди, неспособные къ страсти, почему-либо ею захваченные, всегда будутъ представлять собой явленіе исключительное и какъ бы оторванное отъ общей связи явленій ихъ прошедшей жизни. Рудинъ влюбленный истинно не будетъ тѣмъ Рудинымъ, который философствовалъ въ Берлинѣ, отпускалъ горячія импровизаціи на вечерахъ у Ласунской.

Итакъ, герой произведенія, взятый какъ типъ, какъ объективная личность, проявившаяся въ главномъ эпизодѣ, не имѣетъ достаточной, собственно ему принадлежащей жизни. Онъ не выясняется передъ нами въ совершенствѣ, не соприкасается съ тѣми сторонами дѣйствительности, съ которыми онъ долженъ былъ соприкасаться всѣми своими нравственными сторонами. Не взирая на это, «Рудинъ» есть глубокій этюдъ надъ современнымъ человѣкомъ, твореніе, дѣлающее честь и поэту, и литературѣ. Холодно пройти мимо Рудина и всего художественнаго созданія, его разъясненію посвященнаго, не дозволяется ни

одному изъ читателей русскаго искусства. Пусть же долго и долго звучитъ симпатическій и любимый голосъ поэта-прозаика, къ которому такъ хорошо подходитъ званіе любимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ писателей.

Дружининъ.

Дѣятельность Тургенева.

Что особеннаго въ тургеневской поэзіи въ отличіе отъ поэзіи другихъ равныхъ съ нимъ дѣятелей? Изъ какихъ стихій сложены ея свойства и чѣмъ она увлекаетъ?

Прежде всего у Тургенева выдается ярко отношеніе его богатой поэтической личности къ природѣ; живое сочувствіе къ природѣ, тонкое пониманіе ея красотъ, пониманіе человѣка развитого, не утратившее, однако, — что особенно рѣдко и дорого, — свѣжести непосредственнаго чувства—дѣлаютъ его однимъ изъ высокихъ описательныхъ талантовъ. Въ его манерѣ намъ слышится голосъ сочувствія столь нѣжнаго, тонкаго, что оно становится порою чѣмъ-то болѣзненнымъ, страстнымъ, подчиненіемъ. Поэзія этой манеры отличается не яркостью, но тонкостью, прозрачностью красокъ. Эта поэзія не ловитъ въ природѣ грубыхъ оттѣнковъ, крупныхъ явленій, напротивъ, она какъ будто съ умысломъ избѣгаетъ ихъ и ловитъ оттѣнки тонкіе, слѣдитъ природу въ тонкихъ, неуловимыхъ ея явленіяхъ, съ привязанностью ребенка къ нянькѣ, съ какимъ-то сусвѣрнымъ обожаніемъ. Это—поэзія великорусской Украйны, страны чернозема, потоваго труда земледѣльца, — страны, которой сама пѣсня, потерявши размашистость и заунывную или разгульную широкость великорусской пѣсни, стремится къ малороссійской пѣснѣ, — пѣснѣ страны, гдѣ человѣкъ почти совсѣмъ поглощенъ природою. Это — поэзія особенной полосы, ея живой голосъ.

Но это только колоритъ, тонъ. Причина, почему у Тургенева эта сторона его дарованія выступаетъ какъ будто ярче прочихъ, обусловлена его душевнымъ развитіемъ. Натура по преимуществу впечатлительная, до женственнаго подчиненія всѣмъ вѣяніямъ эпохи, Тургеневъ отозвался на все, кромѣ чистаго натурализма.

Онъ началъ прямо съ крайнихъ крайностей направленія, оставшагося намъ въ наслѣдство послѣ покойнаго Лермонтова. Въ своей «Парашѣ», въ которой одинъ Бѣлинскій своимъ геніальнымъ чутьемъ угадалъ задатки необыкновеннаго дарованія, онъ сильно проповѣдывалъ, что

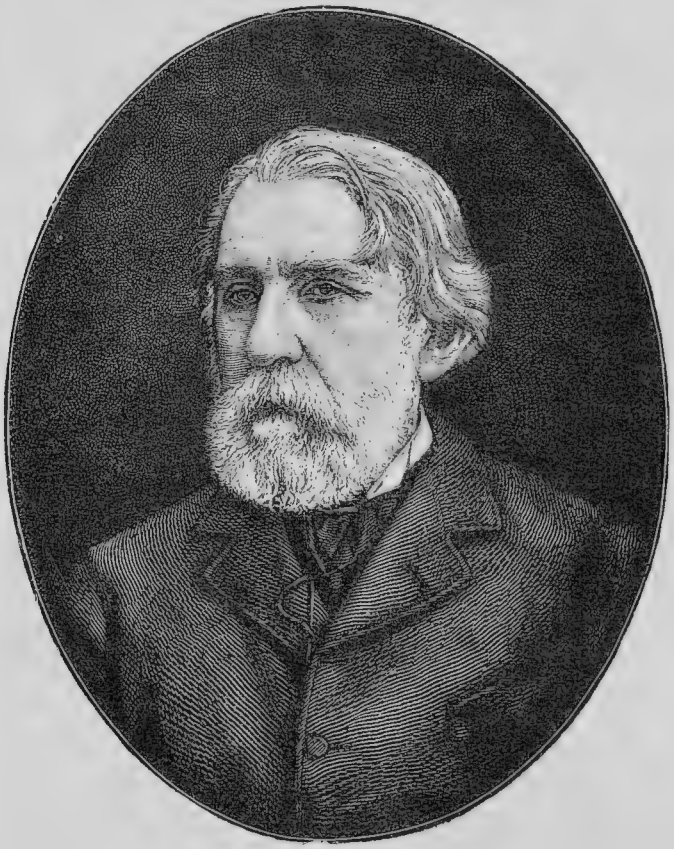
Гордость — добродѣтель, господа!

Въ своихъ «Трехъ портретахъ» дошелъ до оригинальнаго, чисто русскаго, но мрачнаго и холоднаго типа... Но тутъ-то, вѣроятно, и совершился въ немъ переворотъ. Его ужаснула холодная до рефлексіи

и вмѣстѣ страстная до необузданности натура его героя, Васплья Лучинова, — и Тургеневъ остановился передъ типомъ въ недоумѣніи и колебаніи. Въ немъ не было мрачной и злой вѣры въ этотъ типъ Лермонтова, и отъ колебанія произошла въ немъ та моральная болѣзнь, которая выразилась судорожнымъ смѣхомъ надъ собою «Гамлета Щигровскаго уѣзда» и жалобными, искренними воплями «Лишняго человѣка». Особенно ярко выразилось болѣзненное переходное настройство мышленія и внутренняго міра въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда»; характеръ героя этого разсказа вовсе не пародія на Гамлета. Данныя натуры того и другого, можетъ-быть, дѣйствительно одинаковы; дѣло въ томъ, что они оба запутались равно, почти до самоуничтоженія, въ окружающихъ ихъ обстоятельствахъ; только шекспировскій Гамлетъ вызванъ на трагическую борьбу не по силамъ «событіемъ внѣ всякаго другого», а Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, съ которымъ, напротивъ, случались только обыкновеннѣйшія изъ обыкновенныхъ вещей, такъ и остался только «молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати, подслѣповатымъ и бѣлокурымъ, съ ногъ до головы одѣтымъ въ черную одежду, но улыбавшимся язвительно». Требованія его не по силамъ ему самому; голова его привыкла проводить всякую мысль съ нещадною послѣдовательностью, а дѣло, которое вообще требуетъ участія воли, совершенно расходится у него съ мыслью, и отсутствіе воли породило въ немъ робость передъ всѣмъ и передъ всѣми. Онъ по натурѣ уменъ, только уменъ умомъ совершенно безплоднымъ; онъ многое понимаетъ глубоко, но видитъ только совершившееся, не имѣя въ себѣ никакого чутья для совершающагося. Разумѣется, данныя для сложенія такого характера лежали уже въ самой натурѣ тургеневскаго героя, хотя развились преимущественно подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній, и потому понятно озлобленіе бѣднаго Гамлета на кружки, выражающееся у него такъ оригинально и такъ энергически. Бѣдный Гамлетъ русскій, во-первыхъ, всегда былъ большой мечтатель, и, во-вторыхъ, онъ энциклопедистъ, а не спеціалистъ, человѣкъ, не прикованный ни къ какому серьезному труду, не любящій серьезно никакого опредѣленнаго дѣла: онъ сгубленъ поверхностнымъ энциклопедизмомъ. Онъ былъ настолько добросовѣстенъ, что не могъ «болтать, болтать безъ-умолку, вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ Вражкѣ, все о томъ же», но, съ другой стороны, онъ былъ не довольно крѣпокъ для мышленія уединеннаго, самобытнаго и замкнутаго, которое рано или поздно довело бы его до сочувствія къ дѣйствительности и, слѣдовательно, до пониманія дѣйствительности. Въ любви онъ любилъ не предметъ страсти, а только процессъ любви, *любилъ любить*.

То, что въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда выразилось судорожнымъ смѣхомъ, — то же болѣзненными, жалобными воплями сказалось въ

«Дневникѣ лишняго человѣка». То и другое произведеніе — горькое сознаніе моральнаго безсилія, душевной несостоятельности. Тѣ вѣянія, которыя разбили впечатлительную и слабую натуру Гамлета Щигровскаго уѣзда, сами по себѣ не смѣшны, и самъ же Тургеневъ опоэтизировалъ ихъ потомъ, т.-е. представилъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ въ разсказѣ о студенчествѣ своего Рудина. Гамлетъ смѣется не надъ



Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

ними, а надъ ихъ нелѣпымъ приложеніемъ, смѣется надъ самимъ собою, искренно и донъ-кихотски бравшимся за ноши не по силамъ, надъ раздвоеніемъ мысли и жизни, которое совершилось въ немъ и во многихъ другихъ.

Въ «Дневникѣ лишняго человѣка» есть мѣсто, котораго невозможно читать безъ сильнаго нервнаго потрясенія или безъ слезъ,—мѣсто, всегда одинаково дѣйствующее — и оно-то и есть ключъ къ уразумѣнію тургеневскихъ отношеній къ природѣ. Это конецъ дневника, за-

мѣчательный въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, здѣсь является особенно ярко преобладающая черта тургеневскаго таланта: глубокое проникновеніе природою, проникновеніе до какого-то сліянія съ нею. Тутъ на читателей вѣетъ весной, тутъ пахнетъ разрытой землей. Здѣсь слышится самое горькое невѣріе личности въ личность, невѣріе, возникшее явнымъ образомъ вслѣдствіе борьбы, въ которой личность оказалась несостоятельной, съ этимъ невѣріемъ личности въ самое себя, въ значеніе своего бытія, соединено горькое чувство сомнѣнія, если не разубѣжденія во всякомъ сочувствіи другихъ, — судорожный смѣхъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда», взятаго въ трагическую минуту, и, наконецъ, полное самоуничтоженіе передъ вѣчностью громаднаго внѣшняго міра.

Вы помните, какимъ до цинизма горькимъ надругательствомъ надъ личностью конченъ «Дневникъ лишняго человѣка». Все это дорого, какъ глубокая, искренняя исповѣдь болѣзненнаго душевнаго момента, пережитаго многими, можетъ-быть, цѣлымъ поколѣніемъ.

Морально зануганный крайними послѣдствіями логической мысли въ разрѣзѣ ея съ дѣйствительностью, судорожно насмѣявшись въ своемъ «Гамлетѣ» надъ несамостоятельностью натуры современнаго человѣка въ примѣненіи мысли къ дѣлу, надругавшись, какъ ребенокъ, надъ личностью въ концѣ «Дневника лишняго человѣка», художникъ хотѣлъ быть искреннимъ въ казни несостоятельной личности передъ судомъ общей жизни, дѣйствительности, и вмѣсто искренности попалъ въ ту же неисходную колею безпощадно-послѣдовательной логической мысли, только обратившейся въ противоположную сторону.

Тургеневъ, развѣнчивавшій постепенно самъ для себя и передъ глазами читателей различные искусственно сложившіеся идеалы, занявшіе въ душѣ людей современнаго ему поколѣнія незаконное мѣсто, не дешево покупаетъ свой анализъ. Слѣды борьбы болѣзненной и часто тщетной съ завѣтными идеалами видны на всемъ, что намъ ни давалъ онъ, и это-то въ особенности дорого всѣмъ намъ въ Тургеневѣ. Онъ былъ и остался тѣмъ, что я не умѣю иначе назвать, какъ романтикомъ.

Когда, утомленный горькимъ и тяжелымъ разоблаченіемъ личности, Тургеневъ, вслѣдъ за современнымъ вѣяніемъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, типовомъ и непосредственномъ дѣйствительности, онъ неожиданно удивилъ всѣхъ изображеніемъ «Хоря и Калиныча». Но вмѣстѣ съ исполненнымъ идиллической симпатіи изображеніемъ «Хоря и Калиныча» старый, обаятельный своими тревожными сторонами, типъ поднялся у Тургенева блистательнымъ очеркомъ «Василья Лучинова» въ повѣсти «Три портрета».

Что ни говорите о безнравственности Василья Лучинова, но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта по-

зія, это обаяніе сильнѣе и значительнѣе обаянія Печорина, холоднаго и часто мелочнаго. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и наше поколѣніе, Тургеневъ пытался нѣсколько разъ и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ. То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважной безпечностью и вѣрой въ минуту — и создавалъ Веретьева въ «Затишьѣ», *придумывая* и *сочиняя* достойное наказаніе его безплодному существованію — и что же? Безплодное существованіе точно являлось безплоднымъ, но созданное поэтомъ лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало невольно, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтическаго колорита. Но донъ-жуановское или ловеласовское начало не исчерпываетъ еще всего содержанія типа, съ которымъ Тургеневъ вступилъ въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ же читателей помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретьевѣ или въ развратномъ и холодномъ Лучиновѣ есть стороны неотразимо-увлекающія, обаятельныя, то тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ Рудинѣ, человѣкѣ, исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, — человѣкѣ, по даннымъ натуры котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти, хотя эпилогъ и выходитъ апоѳеозой Рудина. Въ этой повѣсти совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо, путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что̀ ему дѣлать со своимъ анатомическимъ ножомъ, и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія, снова возводитъ въ апоѳеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытается отнестись критически въ разсказѣ... Что такое Рудинъ? Фразеръ? — Но откуда же у фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? Отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперекъ, боится его вліянія на другихъ?

Тургеневъ вѣренъ только своей собственной натурѣ, которая, какъ натура всякаго истиннаго поэта, равно пугается и суровой жесткости логической мысли, т.-е. теоріи, и рабскаго служенія настоящему въ его часто слѣпыхъ требованіяхъ. Въ этомъ и причина сильнаго вліянія Тургенева на его читателей. Въ произведеніяхъ его говоритъ живымъ голосомъ ясная душа, а не логическая мысль и не одна внѣшняя сила таланта. Что душа его переживала, то онъ

намъ и давалъ, давалъ такъ, какъ пережитое въ его душѣ возрождалось.

Поэтическія натуры, какъ Тургенева, во всякое новое произведеніе вносятъ весь свой внутренній міръ въ тотъ моментъ этого міра, въ какомъ произведеніе застаетъ душу художника. Поэтому дѣятельность подобныхъ натуръ въ высочайшей степени искренна, цѣльна и крѣпко связана во всѣхъ звеньяхъ своей цѣпи. Положительно можно сказать, что всякая истинно-художественная дѣятельность идетъ въ разрѣзъ съ теоріями, каковы бы онѣ ни были. И Тургеневъ, этотъ талантъ, всей высотой своей обязанный романтизму, съ одной стороны, и искренности, съ другой, въ свою очередь, не миновалъ подчиненія теоріямъ. Есть два-три произведенія, въ которыхъ вліяніе теорій выразилось рѣзко, но отъ этихъ вещей отрекся самъ Тургеневъ, какъ истинный поэтъ. Я говорю о «Холостякѣ», «Нахлѣбникѣ».

Талантъ Тургенева такъ гибокъ и мягокъ, что не только выносилъ всѣ вѣянія эпохи, не только подчинялся теоріямъ, но даже модамъ, случайнымъ повѣтріямъ. Талантъ съ глубокимъ и поэтическимъ, хотя постоянно неяснымъ, постоянно *вырабатываемымъ* на глазахъ читателей, содержаніемъ, съ широкими зачинаніями, хотя безъ энергіи въ ихъ выполненіи, онъ не выше и не ниже своей эпохи. Его сердце билось въ одинъ тактъ съ нею. Прежде всего и больше всего это — талантъ искренній, искренній даже въ *самообманываніи*.

Ибо, что такое *искренность?* — готовъ спросить я, какъ нѣкогда было спрошено: что такое истина?

Тургеневъ не былъ заклинателемъ стихій, какъ Пушкинъ, не былъ геніальной силой, провидящей вдаль, захватывающей будущія грани, но онъ, какъ высоко-поэтическая натура, отзывался на всѣ вѣянія пережитыхъ имъ эпохъ процесса, передавалъ намъ искренно весь свой внутренній міръ и непосредственно смѣло, вопреки мягкости поэтической натуры, доводилъ художественно всякое вѣяніе до его крайнихъ послѣдствій. На лермонтовскій романтизмъ онъ отозвался «Тремя портретами»; на лермонтовскія по принципу и гоголевскія по формѣ изображенія дѣйствительности въ трагически-мрачномъ или трагически-грязномъ видѣ — поэмою «Помѣщикъ»; на сентиментальный романтизмъ праваго гегелизма — «Яшей Пасынковымъ»; на сентиментальный натурализмъ — своими драмами и превосходнымъ разсказомъ «Пѣтушковъ»; на идиллическую школу народности — сельской Офеліей въ «разсказахъ охотника». На чисто органическій протестъ за простое, непосредственное и типовое — откликался онъ многимъ, всей своей дѣятельностью, всей борьбой съ блестящимъ, извнѣ пришедшимъ типомъ, впадая въ противорѣчія, въ крайности, то, какъ «Муму», льстившія славянофильству, то, какъ «Постоялый дворъ», дышавшія про-

гестомъ. Явно мучительно переживалъ онъ всѣ эти противорѣчія и, безсознательно женственно подчиняясь вѣяніямъ, служа ихъ органомъ, выходилъ все-таки самимъ собою, благодаря опять-таки высокопоэтической, никакимъ теоріямъ не поддающейся, натурѣ.

Анализъ дѣятельности Тургенева есть поэтому анализъ цѣлой нашей эпохи со множествомъ ея процессовъ. Другого столь полнаго представителя у насъ нѣтъ. Островскій и Толстой, каждый въ своемъ родѣ, сильнѣе Тургенева, но односторонніе.

Вотъ почему, говоря о Тургеневѣ, критикъ вынужденъ дѣлать безпрестанныя отступленія, вслѣдствіе безпрестанно возникающихъ вопросовъ. Вопросы эти — наши современные *душевные* вопросы: они столь же важны, какъ и наши гражданскіе; они, можетъ-быть, глубоко связаны и съ этими послѣдними — и ихъ, этихъ глубокихъ вопросовъ, никто не будитъ въ душѣ такъ сильно, какъ Тургеневъ.

Въ своей поэтической искренности, онъ, какъ Лаврецкій его послѣдняго произведенія, дошелъ до того, что

> ...сжегъ все, чему поклонялся,
> Поклонился всему, что сжигалъ.

Мы, т.-е. публика, читатели, были свидѣтелями и этихъ сжиганій, и этихъ поклоненій сожженному. Больше еще: мы могли видѣть и то, какъ поклоненіе первоначально сожженному, какъ стремленіе Ивана Петровича Бѣлкина къ первоначально-отвергнутому простому, типовому переходило границы; какъ старый душою глубоко воспринятый типъ мстилъ за себя въ апоѳеозѣ Рудина; какъ ложное отношеніе къ этому типу и увлеченіе типомъ чисто отрицательнымъ сказывались психологическими промахами, художественною рѣзкостью или художественною неполнотою во многихъ прекрасно задуманныхъ созданіяхъ...

Ап. Григорьевъ.

По поводу „Дворянскаго гнѣзда“.

Послѣднее произведеніе Тургенева произвело на всѣхъ чувствующихъ людей глубокое впечатлѣніе. Если начать смотрѣть на «Дворянское гнѣздо» математически-холодно, то постройка его предстанется безобразно недодѣланною. Прежде всего обнаружится огромная рама съ холстомъ для большой картины, на которой отдѣланъ одинъ только уголокъ. Ясно, что художнику созданіе его, дѣйствительно, явилось первоначально въ огромномъ очеркѣ цѣлаго гнѣзда типовъ изъ дворянскаго сословія извѣстной полосы мѣстности. Центромъ, связью всей широко задуманной исторической картины должно было быть одно отношеніе — отношеніе Лаврецкаго и Лизы. Центръ былъ

взятъ въ высочайшей степени правильно, съ истиннымъ тактомъ поэта; въ зачинаніи (концепціи) образовывался романъ, т.-е. созданіе, долженствовавшее связать частное драматическое отношеніе съ цѣлымъ особеннымъ міромъ, съ особенной полосой мѣстности, съ правами особой жизни... «Дворянское гнѣздо» должно было обвить, какъ разнообразный растительный міръ, центральную группу, и свѣтъ, падающій на эту группу, озарилъ бы также и всѣ перспективы того міра, съ которымъ центральная группа связана физіологическимъ единствомъ. Вотъ для чего явнымъ образомъ готовился огромный холстъ картины.

Центръ драмы, которая съ широкою обстановкою рисовалась въ воображеніи художника при зачинаніи его произведенія — Лаврецкій и его отношенія къ Лизѣ.

Лаврецкій.

На первомъ планѣ — Лаврецкій; на него падаетъ весь свѣтъ въ картинѣ; его лично оттѣняетъ множество фигуръ. Фигура его и психологическія задачи, которыхъ представителемъ онъ является, имѣютъ важное значеніе въ нравственномъ процессѣ поэта и нашей эпохи. Лаврецкій — прежде всего послѣднее слово его борьбы съ типомъ, который тревожилъ и мучилъ его своей страстностью и своимъ крайнимъ, напряженнымъ развитіемъ, — типомъ, дразнившимъ его. Лаврецкій — полнѣйшее выраженіе протеста его за доброе, простое, смиренное противъ хищнаго, сложно-страстнаго, напряженно развитого. Между тѣмъ личность эта вышла сама чрезвычайно сложная, можетъ-быть, потому, что самая борьба поэта съ противоположнымъ типомъ далеко еще не покончена.

Въ числѣ эпизодическихъ сценъ тургеневскаго произведенія есть одна, особенно поразительная своею глубокою вѣрою въ развитіе, въ силы; это—сцена свиданія Лаврецкаго и Михалевича,—сцена, въ которой рисуется цѣлая эпоха, цѣлое поколѣніе съ его стремленіями, глубокознаменательная, *историческая* сцена, дополняющая изображеніе того міра, изъ котораго вышелъ «Рудинъ». Этотъ небольшой эпизодъ, отдѣльно взятый, мастерская историческая картина, долженствующая уцѣлѣть надолго, до тѣхъ поръ, пока будутъ водиться у насъ Лаврецкіе и Михалевичи. Въ этихъ двухъ лицахъ захвачены глубоко и стремленія цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая въ новомъ мірѣ только на своей родинѣ, въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокіе, жизненные корни. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло за-

хватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ умственной жизни. Всякое вѣяніе переходило, такъ сказать, въ религію, т.-е. въ связное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ томъ же, вѣроятно, и наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра.

Два раза, и въ высшей степени удачно, изображалъ Тургеневъ отзывъ великихъ философскихъ вѣяній въ жизни: въ приведенномъ эпизодѣ и эпилогѣ Рудина,— эпилогѣ, который выше всей повѣсти.

Въ Лаврецкомъ и Лежневѣ философское направленіе кончаетъ смиреніемъ передъ дѣйствительностью, смиреніемъ передъ тѣмъ, что Лаврецкій называетъ *народной правдой;* въ Михалевичѣ и въ Рудинѣ — протестомъ, протестомъ вѣчнымъ, безвыходнымъ. Смиреніе ихъ—только логическое требованіе. Смиреніе Лежнева и Лаврецкаго есть смиреніе дѣйствительное. Они по натурѣ тюфяки, пожалуй, байбаки, какъ зоветъ Лаврецкаго Михалевичъ. Смиреніемъ завершается ихъ умственный и нравственный процессъ потому, что въ нихъ больше натуры, больше, если хотите, физіологической личности, чѣмъ въ Рудинѣ и Михалевичѣ, — больше внутреннихъ, физіологическихъ связей съ той почвою, которая произвела ихъ, съ той средой, которая воспитала ихъ первыя впечатлѣнія. Жертвы всякія имъ дороже достаются, чѣмъ Рудинымъ и Михалевичамъ — опять-таки потому, что въ нихъ больше натуры, и въ нихъ-то въ особенности совершается тотъ нравственный процессъ, который у высокаго представителя нашей физіономіи выразился въ Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ. Они, если хотите — обломовцы, во всякомъ случаѣ, никакъ не Штольцы. Только Тургеневъ, какъ истинный поэтъ по натурѣ и какъ одинъ изъ передовыхъ могикановъ эпохи, созданной могущественными вѣяніями, не могъ никогда обособить такъ рѣзко этотъ типъ, какъ обособилъ его Гончаровъ въ своемъ романѣ. Въ его Лаврецкаго вошло нѣсколько черть Рудина, такъ же, какъ въ Рудина, наоборотъ, вошли двѣ-три черты Лаврецкаго.

Вслѣдъ за философской эпохою въ нашей умственной жизни настала чисто аналитическая, эпоха оглядки на самихъ себя, эпоха повѣрки требованій жизнью, эпоха сомнѣній въ силѣ вѣяній и законности порожденныхъ ими стремленій.

Талантъ по преимуществу впечатлительный, впечатлительный до женственности, Тургеневъ, храня, даже вопреки своимъ новымъ стремленіямъ, старыя вѣянія, но неспособный закалиться въ мрачномъ,

хотя бы и лирическомъ отрицаніи, поддался и аналитическимъ вѣяніямъ новой эпохи. Смиреніе передъ почвою, передъ дѣйствительностью, возникло въ душѣ его, какъ душѣ поэта — не чисто логическимъ, рудинскимъ или михалевическимъ требованіемъ, а осадкомъ самой почвы, самой среды, пушкинскимъ Бѣлкинымъ.

Только талантъ, а не геній, не заклинатель,—онъ зашелъ слишкомъ далеко.

И онъ сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Какъ и вслѣдствіе чего совершился процессъ, послѣднимъ словомъ котораго было смиреніе, ясно для наблюдателя всей его дѣятельности и послѣдняго его произведенія.

Лаврецкому противопоставлено оттѣняющее его лицо. Это—Паншинъ. Значеніе фигуръ Лаврецкаго и Паншина въ концепціи большой задуманной исторической картины ясно обозначается въ особенно яркомъ эпизодѣ ихъ нравственнаго и умственнаго столкновенія. Личность Паншина здѣсь очерчена въ высшей степени вѣрно; какъ человѣкъ теоріи, онъ оттѣняетъ необыкновенно личность человѣка жизни, какимъ повсюду является у Тургенева его Лаврецкій. Паншинъ—тотъ *дѣятельный* человѣкъ, тотъ реформаторъ съ высоты чиновническаго воззрѣнія, тотъ нивеллеръ, вѣрующій въ отвлеченный законъ, въ отвлеченную справедливость, который равно противенъ нашей русской душѣ.

Отношеніе Тургенева къ этой личности совершенно правильное и законное, но самая личность и не додумана, и не отдѣлана. Всѣ наружныя стороны его личности отдѣланы художественно, но внутренно онъ долженъ былъ быть захваченъ и шире, и крупнѣе; онъ долженъ былъ войти въ картину такъ рельефно, чтобы видно было, какимъ путемъ онъ развился. Вы остаетесь въ недоумѣніи, что именно хотѣлъ сказать Тургеневъ фигурою своего Паншина, и какими сторонами натуры оттѣняетъ Паншинъ лицо Лаврецкаго. Тѣмъ ли, что онъ—натура чисто внѣшняя, внѣшне-даровитая, внѣшне-блестящая въ противоположность искренней и съ виду далеко не блестящей личности главнаго героя? Тѣмъ ли, что онъ одна изъ общихъ истертыхъ фигуръ свѣтскихъ героевъ? Или, наконецъ, тѣмъ, что онъ — холодная теоретическая натура, въ противоположность жизненной натурѣ Лаврецкаго? Паншинъ не могъ выйти изъ университета, откуда выходили: или Бельтовы и Рудины, упорно уходившіе сурово въ свои идеалы; или Лаврецкіе и Лежневы. Реформаторы съ высоты чиновничьяго величія могутъ образоваться только подъ вліяніемъ резонерства теорій, а не подъ вліяніемъ философіи и энциклопедическаго университетскаго образованія. Провести въ Паншинѣ идею теоретической чистоты и отвлеченности у Тургенева недоставало послѣдователь-

ности. А недостало этой послѣдовательности только потому, что къ самому Лаврецкому нѣтъ у него окончательно ясныхъ отношеній.

1) Ему непремѣнно хотѣлось сдѣлать своего Лаврецкаго тюфякомъ, тюленемъ, байбакомъ, изъ насильственной любви къ типу загнаннаго человѣка, — любви, порожденной борьбою съ блестящимъ, нѣсколько хищнымъ типомъ. Но дѣло въ томъ, что артистъ въ немъ сильнѣе мыслителя, и артистъ рисуетъ въ Лаврецкомъ, противъ воли, мыслителя, да и слава Богу, вовсе не загнаннаго человѣка, а очеркъ чего-то оригинально живого. Намѣреніе художника сдѣлать Лаврецкаго тюфякомъ — жертва, принесенная имъ идеѣ загнаннаго типа, — идеѣ, до которой довело его «сожженье всего, чему онъ поклонялся». Тургеневъ такъ запуганъ блестящимъ типомъ, хищнымъ типомъ, что другой типъ представляется ему въ видѣ загнаннаго, тщетно ищущаго симпатій.

2) Вслѣдствіе этого нѣкоторыя качества, свойственныя Лаврецкому, Тургеневъ придаетъ Паншину и наоборотъ. Такъ, главнымъ образомъ, онъ совершенно ложно ставитъ между ними фигуру старика-музыканта Лемма, главную повѣрку *чувства* въ натурѣ того и другого. Дѣло въ томъ, что холодная, внѣшняя даровитость Паншина, даровитость, которой всѣ впечатлѣнія — заказныя, сдѣланныя, и первый разъ должна была непремѣнно *надуть* старика-нѣмца. Вѣдь тѣ веретьевскія артистическія черты, которыя Тургеневъ приписалъ Паншину, черты непосредственной даровитости, поэтическаго пониманія, вовсе нейдутъ къ нему: такимъ людямъ гораздо свойственнѣе *заказные* восторги Бетховеномъ. Все веретьевское скорѣе шло бы къ Лаврецкому, ибо прежде всего у него есть натура, прежде всего онъ дитя почвы — вслѣдствіе чего и кончаетъ нравственнымъ смиреніемъ передъ нею.

Въ Лаврецкомъ столько же натуры и привязанности къ почвѣ, сколько идеализма. Въ его душѣ глубоко отзываются и воспоминанія дѣтства, и семейныя преданія, и бытъ роднаго края, и даже суевѣрія. Онъ—человѣкъ почвы, онъ, если хотите, изъ обломовцевъ. Въ этомъ его слабость и сила. Онъ нашъ, онъ нашъ родной, намъ, русскимъ людямъ, какими сдѣлала насъ реформа. Покамѣстъ онъ точно, какъ Обломовъ, ни въ какое дѣло не годится; но онъ наша эгида противъ реформаторовъ Паншиныхъ, противъ устроителей Константжогло, наконецъ, противъ этой безцѣльной дѣятельности для дѣятельности, которая математически рѣзко, но вѣрно представлена Гончаровымъ въ фокусѣ Штольца. Тутъ бы мнѣ слѣдовало покончить, если бы я былъ публицистомъ, а не критикомъ.

Но художественное произведеніе для меня есть откровеніе великихъ тайнъ души и жизни, единственное порѣшеніе общественныхъ и

нравственныхъ вопросовъ. Въ первый разъ въ литературѣ нашей, въ лицѣ Лаврецкаго, нашъ Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ вышелъ изъ своего запуганнаго, чисто-отрицательнаго состоянія. Пусть онъ явился въ произведеніи явно неоконченномъ, пусть самъ поэтъ стоитъ къ нему еще въ нерѣшительныхъ отношеніяхъ; но эти нерѣшительныя отношенія уже видимо не тѣ, въ которыхъ Тургеневъ стоялъ къ типу въ «Дневникѣ лишняго человѣка», въ «Двухъ пріятеляхъ», въ «Рудинѣ», рисуя Лежнева. Лаврецкій существуетъ уже самъ по себѣ, не составляя контраста Рудину, какъ Лежневъ, ибо въ немъ самомъ есть черты рудинскія, для него самого необходимъ въ картинѣ контрастъ, не совсѣмъ еще удавшійся поэту въ Паншинѣ отъ нерѣшительныхъ отношеній къ главному герою... Онъ уже, какъ сказано, и не идеалистъ, не гордо и ожесточенно замкнувшійся человѣкъ. Когда онъ, усталый отъ жизни, полуразбитый жизнью, возвращается въ міръ старыхъ преданій, на родную, взрастившую его почву, онъ возвращается туда не умирать, какъ Чулкатуринъ въ свои «Овечьи воды»... Онъ живетъ, и живетъ впервые полною гармонической жизнью. Высокая поэтическая идея, за которую одну можно простить Тургеневу всю неоконченность созданія!

Съ самой минуты появленія Лаврецкаго вы знаете, вы чувствуете, что этотъ человѣкъ будетъ *жить*, что ему *слѣдуетъ жить*. При первомъ столкновеніи его съ Лизой и съ неоцѣненной старушкой, составляющей художественный перлъ «Дворянскаго гнѣзда» и всей нашей современной литературы, вы знаете это: потому что, въ первый же вечеръ своего появленія «наверху, въ комнатѣ Маѳы Тимоѳеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ въ креслахъ, облокотившись на колѣна и положивъ лицо на руки; старушка, стоя предъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ»... Сохранившаяся въ душѣ его способность сочувствовать этой старушкѣ, физіологическая связь между этими двумя, столь раздѣленными и годами, и образованіемъ существами, — это святая связь пушкинской натуры съ Ириной Родіоновной, святая любовь къ почвѣ, къ преданіямъ, къ родному быту, наша эгида противъ сухой практичности и суроваго методизма.

Вы знаете, что онъ будетъ жить, что онъ уже живетъ, этотъ полуразбитый сердцемъ и въ высочайшей степени развитый умомъ человѣкъ, какъ только обхватило его вѣяніе воздуха родного края.

А между тѣмъ онъ все-таки разбитъ, этотъ живущій и способный жить человѣкъ, и въ трагическую минуту онъ такъ же осужденъ. И всѣми этими чертами онъ нашъ... чуть было не сказалъ *герой*, но спохватился, что героевъ нѣтъ и не можетъ быть изъ обломовцевъ.

Разсмотрѣвши одну сторону характера Лаврецкаго, многозначительную по ея исторической задачѣ, я заключилъ свои разсужденія указаніемъ на черты, которыя дѣлаютъ его нашимъ общимъ представителемъ, на его жизненную сторону, на его глубокую физіологическую связь съ почвою, съ преданіями, съ жизнію родной страны.

Высокое значеніе этого лица, несмотря на всю неполноту его изображенія, на всю робость пріемовъ автора при этомъ изображеніи, на всю болѣзненную неопредѣленность отношеній къ нему автора,— прежде всего въ томъ, что это лицо — не сухой логическій выводъ, не итогъ, подведенный искусственно подъ извѣстными данными, а живорожденное выношенное въ душѣ созданіе поэта, что онъ — лицо художественное... По общему и непреложному закону, чѣмъ лицо художественнѣе, т.-е. чѣмъ зачатіе его въ душѣ поэта и рожденіе на свѣтъ совершаются свободнѣе, тѣмъ болѣе отражаетъ оно въ себѣ результаты жизни, тѣмъ болѣе оразумливаетъ оно высшимъ смысломъ цѣлыя группы явленій, тѣмъ болѣе раскрываетъ оно міросозерцаніе современной ему эпохи.

Ни Обломовъ Гончарова, этотъ отвлеченный математическій итогъ недостатковъ или дефицитовъ того, что авторъ романа называетъ Обломовкой, ни Калиновичъ Писемскаго, эта программа изъ всѣхъ другихъ программъ — самая, впрочемъ, живая — отвлеченной дѣятельности, не говорятъ собою и въ сотую долю того, что говоритъ неполный, неопредѣленный образъ Лаврецкаго.

А между тѣмъ Лаврецкій не хочетъ ничего сказать собою. Онъ родился, а не сочинился — и Тургеневъ нисколько не виноватъ въ его рожденіи.

Творчество — я принужденъ напоминать и повторять для ясности два принципа и положенія, уже неразъ мной высказанные, — творчество, каково бы оно ни было, субъективное или объективное, все равно, — есть результатъ внутренняго побужденія творить, т.-е. выражать въ образахъ прирожденныя стремленія или благопріобрѣтенныя созерцанія своего внутренняго міра, — и даже границы между творчествомъ субъективнымъ и творчествомъ объективнымъ не могутъ быть рѣзко установлены: наблюденіями біографовъ и изслѣдованіями критиковъ-психологовъ доказана связь многихъ, видимо, объективнѣйшихъ созданій съ личной жизнью ихъ творцовъ. Да иначе и быть не можетъ: что бы ни выражалъ человѣкъ, онъ выражаетъ только себя. Бо́льшая степень способности сообщать свои личныя впечатлѣнія и свои душевные опыты, отвлекая ихъ отъ частныхъ явленій и перепося ихъ на однородныя же, но другія явленія, есть объективность: меньшая степень такой способности — субъективность. Дѣло въ томъ только, что субъективнѣйшіе ли изъ призраковъ Бай-

рона, объективнѣйшіе ли изъ вѣчныхъ типовъ Шекспира — равно не хотятъ собою что-либо намѣренно сказать, а если и говорятъ, такъ вотъ что: «Берите насъ, каковы мы родились, берите насъ, какъ примете вы орла, любящаго вершины горъ и утесы, какъ примете вы голубой василекъ въ широкомъ, желтоводномъ морѣ колыхающейся ржи: мы васъ ничему не учимъ и ни въ чемъ не виноваты; мы—дѣти любви нашихъ творцовъ, плоть отъ плоти ихъ, кровь отъ крови; насъ, какъ мать, выносила въ себѣ ихъ натура, и мы рождены, какъ рождены вы сами, а не сдѣланы, какъ сдѣланы предметы вашей роскоши или вашего испорченнаго вкуса. Примите насъ — если мы родились даже не совсѣмъ допошенныя; примите насъ, если мы родились даже съ какими-либо органическими недостатками; примите насъ, потому что и такими-то насъ вамъ не сдѣлать, потому что есть великая тайна въ нашемъ рожденіи, — тайна, которой вы не услѣдите и не объясните. Мы не то, что̀ сама жизнь, ибо мы не сколки съ нея; жизнь сама по себѣ, а мы сами по себѣ; но мы такъ же самостоятельны и необходимы и живы, какъ самостоятельны и необходимы и живы ея вліянія. Вы насъ не встрѣчали нигдѣ, и между тѣмъ мы — ваши старые знакомцы, вы насъ знаете: таково свойство нашего таинственнаго происхожденія, вслѣдствіе котораго мы существуемъ, не существуя, существуемъ явно, видимо, безспорно». Вотъ что̀ сказали бы созданія искусства и что̀ говорятъ они любящимъ ихъ, съ которыми бесѣдуютъ они такъ, какъ никогда не бесѣдуетъ равнодушная природа съ своими жрецами, съ тѣми, которые слышатъ.

И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье!

Но, не говоря ничего намѣренно, произведенія искусства связаны тѣмъ не менѣе органически съ жизнію творцовъ ихъ и посредствомъ этого съ жизнью эпохи; какъ живыя порожденія, они выражаютъ собою то, что̀ есть живого въ эпохѣ, часто какъ бы предугадываютъ вдаль, разъясняютъ или опредѣляютъ смутные вопросы, сами нисколько, однако, не поставляя себѣ такого разъясненія задачею. Все *новое* вносится въ жизнь только искусствомъ; оно одно воплощаетъ въ созданіяхъ своихъ то, что̀ невидимо присутствуетъ въ воздухѣ эпохи. Больше еще: искусство часто заранѣе чувствуетъ приближающееся будущее, какъ птицы заранѣе чувствуютъ вёдро или ненастье: трагическая черта въ величавыхъ лицахъ олимпійскихъ изваяній, глубоко-подмѣченная Гегелемъ, или, что̀ все равно, таинственныя и грозныя для олимпійцевъ провѣщанія эсхиловскаго Прометея— одно изъ ручательствъ за непосредственную прозорливость искус-

ства, за его истинно-божественное происхожденіе. Великій поэтъ-философъ признавалъ его поэтому за единственный истинный органъ даже своей трансцендентальной философіи. «Искусство, — говоритъ Шеллингъ, — отверзаетъ святилище, въ которомъ горитъ единымъ огнемъ, сливаясь въ первобытное и вѣчное единство, то, что̀ раздѣлено въ природѣ и въ исторіи, что̀ постоянно расходится въ жизни и въ интеллигенціи. Для художника, равно какъ и для философа, природа является ничѣмъ инымъ, какъ идеальнымъ міромъ, безконечно проявляющимся въ конечныхъ формахъ, отраженіемъ міра, имѣющаго только въ мысли полную реальность»...

Искусство, связанное съ жизнію, видитъ, однако, дальше, нежели жизнь сама видитъ; а то, что̀ уже есть въ жизни, то, что̀ носится въ воздухѣ эпохи — постоянное или преходящее — оно отразитъ какъ фокусъ, и отразитъ такъ, что всякій почувствуетъ правду отраженія, что всякій готовъ дивиться, какъ ему самому эта высшая правда жизни не представилась прежде столь же ярко.

Искусство уловляетъ вѣчно текущую, вѣчно несущуюся впередъ жизнь, отливаетъ моменты ея въ вѣковѣчныя формы, связывая ихъ процессомъ, опять-таки таинственнымъ, съ общей идеею души человѣческой...

Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этимъ общимъ положеніямъ, къ этому философско-эстетическому profession de foi — по крайней необходимости. Все, что̀ нѣкогда блистательно было высказано по этому поводу Бѣлинскимъ, въ наше время какъ будто забыто. Отъ великаго учителя нашего мы какъ будто наслѣдовали только его пристрастія и симпатіи, вовсе забывши ихъ источники. Поневолѣ приходится повторять и повторяться, когда положенія, высказанныя разъ — да и высказанныя могущественнымъ бордомъ, — положенія, долженствовавшія стать навѣки нерушимыми, на время позабыты, заслонены вопросами минуты. Дурно ли, хорошо ли, я продолжаю въ этомъ отношеніи дѣло Бѣлинскаго и горжусь этимъ смиреннымъ назначеніемъ, не отвѣчая ни на цинническія выходки невѣжества, ни даже на минутныя требованія современности, предоставляя будущему разсудить, что̀ право: вѣрованіе ли въ жизнь и искусство, или вѣрованіе въ теорію и вопросы минуты?

Возвращаясь опять на почву фактовъ, я снова позволяю себѣ спросить: что̀ многозначительнѣе по своему содержанію, глубже по своему взгляду и даже выше по общественному, соціальному значенію — неоконченныя ли и неполно высказанныя задачи «Дворянскаго гнѣзда», или итоги Обломовки и программа «Тысячи душъ»? Въ чемъ больше истиннаго пониманія окружающей насъ жизни и менѣе спорнаго, гдѣ вопросы поставлены проще и общѣе, — въ этомъ ли худо-

жественномъ недоноскѣ, или во множествѣ умно и гладко составленныхъ произведеній?

И прежде всего позволяю себѣ сопоставить художественную идею «Дворянскаго гнѣзда» съ идеею Обломова, — произведенія, уже успѣвшаго надѣлать много шуму, произведенія огромнаго, но чисто внѣшняго художественнаго дарованія. Весь Обломовъ построенъ на азбучномъ правилѣ: «возлюби трудъ и избѣгай праздности и лѣни — иначе впадешь въ обломовщину и кончишь, какъ Захаръ и его баринъ». Не спорю, что это правило очень хорошее; не спорю, что и напоминать его весьма полезно намъ, ибо насъ, къ сожалѣнію, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ нашего тупого сна слѣдуетъ обучать даже такимъ простымъ истинамъ, что воровать нехорошо и что лѣниться скверно. Понимаю также и то, что люди, живущіе исключительно вопросами минуты, люди честные и благородные, но не дальновидные, должны были обрадоваться этой темѣ, какъ публицистъ «Современника», и съ яростью накинуться вмѣстѣ съ авторомъ Обломова — и даже больше чѣмъ самъ авторъ —на Обломовку и обломовщину. Не обвиняю ихъ и въ увлеченіяхъ, заставившихъ ихъ въ ряды обломовцевъ включить Онѣгина и Печорина, и Бельтова, и Рудина — приписываю этимъ невольнымъ увлеченіямъ самые лучшіе, самые благородные источники — и знаю, насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этихъ увлеченій, т.-е. сторона вражды къ Обломовкѣ и обломовщинѣ. Но вѣдь азбучное правило, за которое онъ такъ ратоборствуетъ и которому пожертвовалъ романистъ даже граціознѣйшимъ созданіемъ — Ольгою, справедливо только отвлеченно взятое. Какъ только вы имъ, этимъ достойнымъ, впрочемъ, всякой похвалы правиломъ, станете какъ анатомическимъ ножомъ разсѣкать то, что вы называете Обломовкой и обломовщиной, бѣдная обиженная Обломовка заговоритъ въ васъ самихъ, если только вы живой человѣкъ, органическій продуктъ почвы и народности. Пусть она загубила Захара и его барина; но вѣдь передъ ней склоняется въ смиреніи Лаврецкій, въ ней же обрѣтаетъ онъ новыя силы любить, жить и мыслить. Онъ долго сближался съ нею, шляясь охотникомъ по полямъ, по трясинамъ и болотамъ; онъ съ болью сердца (да простится мнѣ, что я начинаю уже смѣшивать самого поэта съ героемъ его послѣдняго произведенія) видѣлъ и видитъ ея больныя мѣста, ея запущенныя язвы; но онъ видитъ и то, что она неотдѣлима органически отъ его собственнаго бытія, что только на ея почвѣ можетъ онъ жить не искусственною, не гальваническою жизнію, и полный такого искренняго сознанія, готовъ скорѣе итти въ крайность положительнаго смиренія передъ нею, чѣмъ въ противоположную крайность азбучнаго правила.

А все оттого, что Лаврецкій — живое, съ муками и болью выполненное въ душѣ поэта, а не холодное отвлеченіе различныхъ однородныхъ свойствъ и качествъ въ пользу теоріи.

Произведенія Тургенева представляютъ собой развитіе нашей эпохи. Съ нею вмѣстѣ онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ, не боясь никакихъ крайнихъ граней мысли или, лучше сказать, увлекаясь самъ мыслью до крайнихъ ея граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этого, читая его послѣднее произведеніе, вы, что ни шагъ, сталкиваетесь съ образами, возродившимися, пожалуй, въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и зародыши коренятся въ далекомъ прошедшемъ. Вы поднимаете слой за слоемъ — и болѣе всего поражаетесь органическою связью слоевъ между собой.

Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій, создавался долгимъ процессомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей послѣ-пушкинской эпохи. Судить о типѣ по тому, какъ онъ явился въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», и на этомъ только основаніи заключить о художественности или нехудожественности его выполненія и цѣлаго произведенія, въ которомъ онъ является, — значитъ положительно не понять дѣла по отношенію къ Тургеневу, не понять задачъ, внутренняго смысла его поэтической дѣятельности.

Что главнымъ образомъ *сказалось* въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»? Вся эпоха отъ смерти Пушкина до нашихъ дней тутъ сказалась: весь пушкинскій процессъ, который я называю нашимъ душевнымъ Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, тутъ сказался; ибо весь этотъ процессъ долженъ былъ повториться въ Тургеневѣ для того, чтобы создался новый, живой типъ, уже не отрицательный только, а положительный; загнанный, смиренный, простой человѣкъ, доселѣ только позволявшій себѣ изрѣдка критическое или комическое отношеніе къ блестящему, хищному человѣку, то смѣявшійся судорожнымъ смѣхомъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» надъ своимъ безсиліемъ, то плакавшій горькимъ плачемъ «Лишняго человѣка», — переходитъ въ живой положительный образъ.

Что сказалось «Дворянскимъ гнѣздомъ»? Вся умственная жизнь послѣ-пушкинской эпохи, отъ туманныхъ еще началъ въ кружкѣ Станкевича до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣлинскимъ и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ весьма значительныхъ, сдѣланныхъ мыслью жизни и почвѣ. Борьба славянофиловъ и западничества и борьба жизни съ теоріею завершается въ поэтическихъ задачахъ тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями.

Опять повторяю: Лаврецкій пріѣхалъ не умирать, а жить на свою родную почву,—и родная жизнь встрѣчаетъ его сразу своимъ міромъ, и этотъ міръ — его же собственный міръ, съ которымъ ему нельзя, да и не зачѣмъ раздѣляться: связи его съ этимъ міромъ—кровныя, родныя, коренныя. Пусть противна Лаврецкому эта усадьба, возбуждающая въ немъ тягостныя воспоминанія. Въ воспоминаніяхъ виновата не она,—виноватъ онъ самъ. Отъ воспоминаній этихъ еще прежде, возвращаясь только домой, онъ невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Не съ чувствомъ гордости или вражды вступаетъ онъ снова въ старый, съ дѣтства знакомый міръ. Яростные враги обломовщины должны были отвернуться отъ теперешняго Тургенева, потому что онъ относится ко всему этому съ художественной симпатіей. Вѣдь и Лаврецкій, и его Лиза, и неоцѣнимая Марѳа Тимоѳеевна, все это — обломовщина, обломовцы, да еще какіе, еще какъ тѣсно, физіологически связанные не только съ настоящимъ ихъ другомъ, но съ далекимъ прошедшимъ Обломовки.

«Дворянское гнѣздо» въ особенности представляетъ искреннюю, полную исповѣдь Тургенева. Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди, нужно было прослѣдить всю борьбу его. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагаетъ въ уста Михалевичу, и весь смыслъ того смиренія предъ народной правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецкій въ разговорѣ съ Паншинымъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что Тургеневъ отъ одной теоріи перешелъ къ другой. Въ поэтѣ повторился только бѣлкинскій процессъ пушкинской натуры, съ расширенными сообразно требованіямъ эпохи требованіями. И, какъ Пушкинъ, уходя въ свое отрицательное я, въ жизненные взгляды своего Ивана Петровича Бѣлкина, однако не отрекался отъ прежнихъ идеаловъ, отъ *силъ* своей природы, извѣдавшихъ уже *добрая и злая*, а только давалъ права и почвѣ наравнѣ съ силами, такъ съ меньшимъ самообладаніемъ Тургеневъ кончилъ анализъ натуры Рудина апоѳеозою его личности, дѣйствительно поэтической и грандіозной. Чувство поэта ставитъ его въ разрѣзъ со всякою теоріей — и оно-то сообщаетъ его произведеніямъ такую неотразимую, обаятельную силу.

Лаврецкій—представитель нашей эпохи. Лаврецкій ужъ не Рудинъ, отрѣшенный отъ всякой почвы, отъ всякой дѣйствительности, но, съ другой стороны, уже не Бѣлкинъ, стоящій съ дѣйствительностью въ уровень. Лаврецкій — живой человѣкъ, связанный съ жизнью только преданіями, но прошедшій бездны сомнѣнія, внутреннихъ страданій, совершившій нѣсколько моральныхъ скачковъ. Отсюда выходитъ весь его душевный процессъ, вся драма его отношеній.

Онъ—представитель нашей эпохи, и, какъ такового, его надобно было отдѣлить, оттѣнить отъ представителей эпохъ предшествовавшихъ. Средство для такого отдѣленія Тургеневъ избралъ самое естественное — его родословную, образы его дяди и отца. Родословная Лаврецкаго блещетъ такими яркими чертами, такъ мастерски схвачено въ ней существенное и типическое, что на нее можно смѣло сказать какъ на chef d'oeuvre въ своемъ родѣ.

Равнодушіе, если не озлобленіе, должны были мы всѣ, дѣти XIX вѣка, чувствовать первоначально къ XVIII вѣку, являвшемуся намъ всѣмъ въ подобныхъ представителяхъ. Хорошо художнику и его читателямъ относиться къ подобнымъ личностямъ, какъ къ типамъ, но кто, какъ Ѳедоръ Лаврецкій, вынесъ на себѣ всю тяжесть зависимости отъ подобнаго типа въ жизни, тотъ по освобожденіи отъ гнета законно могъ почувствовать, что жизнь передъ нимъ открывается. Въ его душѣ глубоко должна была залечь любовь къ тому, что ломалъ его отецъ; естественно, что онъ, человѣкъ страстный, впечатлительный и вмѣстѣ мягкій, останется на всю жизнь романтикомъ, т.-е. человѣкомъ волненія, сумерекъ, переходной эпохи.

Спартанская система воспитанія, какъ всякая теорія, нисколько не приготовила Лаврецкаго къ жизни. Лучшее, что дала ему жизнь, это сознаніе недостатковъ воспитанія. Превосходно характеризуетъ Тургеневъ умственное и нравственное состояніе своего героя въ эту эпоху развитія. Это эпоха серьезныхъ знаній, съ огромными пробѣлами,—знаній, пріобрѣтенныхъ большей частью саморазвитіемъ, самомышленіемъ — эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ изъ насъ. Особенность Лаврецкаго въ томъ еще, что надъ нимъ тяготѣетъ сознанно уродливое воспитаніе. Вступая въ жизнь съ жаждою жить, онъ лишенъ былъ всякаго пониманія жизни, всякихъ средствъ прямого сближенія съ жизнью; онъ долженъ непремѣнно разбиться при столкновеніи съ жизнью. Съ поразительной логичностью ведетъ художникъ создаваемый имъ характеръ. Узелъ драмы—въ отношеніяхъ Лаврецкаго и Лизы. Смыслъ этихъ отношеній слишкомъ ясенъ, чтобъ о немъ надобно было толковать долго. Человѣкъ, жившій долго мечтательными, сдѣланными идеалами, разбившійся на этихъ идеалахъ, встрѣчаетъ, но поздно, въ своей бытовой дѣйствительности простую, цѣльную, цѣломудренную женскую натуру, всю изъ покорности долгу, изъ глубокихъ сердечныхъ вѣрованій, женской преданности, изъ самопожертвованія, простирающагося до всего, кромѣ забвенія долга. Женщина съ мечтательнымъ, сосредоточеннымъ и затаенно-страстнымъ характеромъ встрѣчаетъ человѣка простого и цѣломудреннаго по натурѣ, но пережившаго много, пугающаго ее пережитою жизнью, въ которой сокрушилось у него множество вѣрованій, и влекущаго

ее къ себѣ неотразимо. Влечетъ ее къ нему и сожалѣніе къ нему, и непосредственно простое пониманіе его простого благородства. Драма ихъ ведена съ такимъ высокимъ художническимъ искусствомъ, съ такой глубиной анализа, съ такой сердечностью, какихъ до сихъ поръ не было примѣра.

Ап. Григорьевъ.

Тургеневъ и Писемскій.

Теплѣе и искреннѣе могутъ быть наши отношенія къ Тургеневу и Писемскому. Оба они — честные дѣятели и прямые люди; оба смотрятъ на явленія нашей жизни, понимая и чувствуя свое сродство съ ними; оба говорятъ о нихъ то, что думаютъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ искренно и задушевно, не задавая себѣ задачи поддѣлаться подъ господствующій тонъ. За эту правдивость, за эту честную стойкость имъ можно сказать большое спасибо; говорить, что думаешь, не насилуя себя, — совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется; этого даже нельзя и требовать отъ всякаго, но этимъ свойствомъ надо дорожить въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ оно встрѣчается. Имена двухъ романистовъ нашихъ, Тургенева и Писемскаго, чисты; никто не обвинитъ ихъ, какъ людей и какъ писателей, въ потаканіи и нашимъ, и вашимъ. Это отрицательное достоинство, можетъ замѣтить читатель; я съ этимъ совершенно согласенъ, но именно это отрицательное достоинство въ наше время такъ рѣдко, что его стоитъ отмѣтить тамъ, гдѣ мы его замѣчаемъ. Читая романы Писемскаго и Тургенева, пріятно сознавать, что каждая строчка ихъ произведеній — не фраза, брошенная для удовольствія тѣхъ или другихъ читателей, а дѣйствительное выраженіе дѣйствительно существующаго въ авторѣ чувства или воззрѣнія. Съ этими чувствами и воззрѣніями можно не соглашаться, но ихъ нельзя не уважать, потому что право на уваженіе имѣетъ всякое искреннее убѣжденіе.

Существенное различіе между Тургеневымъ и Писемскимъ бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ обзорѣ ихъ произведеній; это различіе было не разъ отмѣчено въ нашей критикѣ; еще недавно А. Григорьевъ назвалъ Писемскаго представителемъ реализма и Тургенева — представителемъ и чуть ли не послѣднимъ могиканомъ идеализма. Такого рода разграниченіе обыкновенно ведетъ къ спору о сравнительномъ достоинствѣ этихъ двухъ направленій и, слѣдовательно, заводитъ въ такую глубь эстетики, которой, какъ мнѣ кажется, было бы безполезно и невѣжливо утомлять читателя. Для меня Тургеневъ и Писемскій важны настолько, насколько они разъясняютъ явленія жизни; слѣдовательно, для меня всего интереснѣе отношенія ихъ къ изображаемымъ ими типамъ. Что же касается до того, какъ каждый изъ

ихъ рисуетъ явленія и картины, то этотъ вопросъ имѣетъ для меня совершенно второстепенный интересъ. Пусть одинъ рисуетъ крупными штрихами, а другой съ любовью отдѣлываетъ подробности — все равно; они могутъ сходиться между собою въ результатахъ. Разбирать манеру писателя и отдѣлять ее отъ манеры другого писателя — почти то же самое, что писать стилистическое изслѣдованіе; это, конечно, важно для характеристики писателя, но это не можетъ служить отвѣтомъ на нашъ вопросъ: что сдѣлали Тургеневъ и Писемскій для нашего общественнаго сознанія? — Чтобы сколько-нибудь разрѣшить этотъ важный и интересный вопросъ, надо обратиться къ остову романовъ и повѣстей нашихъ литераторовъ, взглянуть на нихъ почти à vol d'oiseau, отмѣтить выдающіеся типы и, главное, отдать себѣ ясный отчетъ въ отношеніи авторовъ къ этимъ типамъ.

При теперешнемъ положеніи женщины въ обществѣ и въ семействѣ мужчина является необходимымъ и единственнымъ проводникомъ идей, носящихся въ воздухѣ эпохи, въ тѣ домашніе кружки, которые замѣняютъ намъ общество. Подъ вліяніемъ этихъ идей, понятыхъ такъ или иначе, складываются обстоятельства жизни, формируются характеры, опредѣляются направленія мысли и дѣятельности. Мужчины приходятъ въ непосредственныя столкновенія съ жизнью; они серьезно учатся, служатъ, обдѣлываютъ жизнь въ ту или въ другую форму, смотря по своимъ силамъ и по обстоятельствамъ времени и мѣста. Женщины въ настоящее время зависятъ отъ мужчинъ въ отношеніи къ своему матеріальному положенію, въ отношеніи къ своему развитію, къ взгляду на жизнь, къ тому складу и направленію, которое принимаетъ все ихъ существованіе. При анализѣ романа не мѣшаетъ взять отдѣльно эти два ряда типовъ и личностей: одни лица — дѣятельныя, распоряжающіяся обстоятельствами, испытывающія на себѣ ихъ непосредственное вліяніе; другія лица — пассивныя, зависящія отъ первыхъ, получающія отъ нихъ свѣтъ преломленный и видоизмѣненный. Мужчины зависятъ отъ общихъ условій; женщины — отъ частныхъ условій, отъ отдѣльныхъ личностей, отъ отца, отъ старшаго брата, отъ любовника или мужа. Общія условія почти для всѣхъ одни и тѣ же; слѣдовательно, эти условія въ извѣстной сферѣ общества вырабатываютъ довольно опредѣленное количество типовъ; личнаго разнообразія искать и требовать мудрено; одинъ мирится съ общими условіями, другой заявляетъ свой протестъ, — вотъ вамъ двѣ главныя категоріи, подъ которыя можно подвести личности мыслящія и дѣйствующія; однѣ идутъ направо, другія — налѣво; кромѣ того, однѣ идутъ по избранному направленію скорѣе, другія — медленнѣе; однѣ идутъ сознательно, другія — изъ обезьянства; однѣ легко устаютъ, другія оказываются неутомимыми; но всѣ эти второстепенные оттѣнки

происходятъ уже отъ того, что у одного человѣка больше мозга въ головѣ, у другого больше крови въ жилахъ, у третьяго больше лимфы въ сосудахъ, у четвертаго больше желчи выдѣляется изъ печени. Физіологу можетъ быть очень интересно разграничивать эти оттѣнки и сортировать сообразно съ ними людскіе характеры, но для физіологіи общества подобныя изслѣдованія будутъ довольно безплодны.

Изучая общество, талантливый и умный романистъ выводитъ слабаго, сильнаго, безцвѣтнаго человѣка и т. д. не для того, чтобы сказать читателю: «Вотъ посмотрите, господа, какіе бываютъ люди!», а для того, чтобы сказать ему: «Вотъ посмотрите, какъ дѣйствуютъ на различныхъ людей тѣ условія жизни, тѣ идеи и стремленія, среди которыхъ живете вы сами. Посмотрите, какіе типы формируются подъ вліяніемъ этихъ условій». Только тогда, когда романистъ доходитъ до такихъ размышленій, онъ является истиннымъ художникомъ, потому что только тогда онъ вполнѣ овладѣваетъ своимъ предметомъ и перерабатываетъ его силой зиждущей мысли. Гдѣ нѣтъ этой переработки, тамъ есть только списываніе картинокъ съ природы, — списываніе, предпринимаемое для препровожденія времени, — списываніе, при которомъ ни сила мысли, ни сила чувства не подсказываетъ рисовальщику истиннаго общаго смысла тѣхъ явленій, которыя онъ кладетъ на полотно или на бумагу. Какъ бы ни былъ ярко нарисованъ поэтическій образъ, я имѣю полное право спросить? на что онъ мнѣ нуженъ? что у меня съ нимъ общаго? отвѣчаетъ ли онъ хоть на одинъ жизненный вопросъ? — Если эти вопросы останутся безъ отвѣта, я смѣло отнесу яркій образъ къ разряду пестрыхъ игрушекъ, до которыхъ всегда найдется много охотниковъ между взрослыми дѣтьми обоего пола.

Романы Тургенева и Писемскаго никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ разряду этихъ игрушекъ; всѣ они слишкомъ глубоко прочувствованы или слишкомъ полно отражаютъ картины жизни, чтобы не показаться каждому читателю серьезнымъ и дѣльнымъ словомъ мыслящаго человѣка. Въ дѣятельности Писемскаго до сихъ поръ нельзя отмѣтить ни одной фальшивой ноты; въ дѣятельности Тургенева, до его несчастнаго романа «Наканунѣ», не было также значительныхъ ошибокъ [1]); ни тотъ, ни другой не пробовали представить положительныхъ дѣятелей, т.-е. такихъ героевъ, которымъ вполнѣ могли бы сочувствовать авторъ и читатели; ни тотъ, ни другой не давали даже нелѣпыхъ обѣщаній, въ родѣ того, которое далъ Гоголь въ первой части «Мертвыхъ душъ» и которое онъ такъ уродливо выполнилъ во второй части своей поэмы. Оба — Тургеневъ и Писемскій — стояли въ чисто

---

[1]) Я не говорю о его стихотвореніяхъ и драматическихъ произведеніяхъ, которыя извѣстны очень немногимъ читателямъ.

отрицательныхъ отношеніяхъ къ нашей дѣйствительности, оба скептически относились къ лучшимъ проявленіямъ нашей мысли, къ самымъ красивымъ представителямъ выработавшихся у насъ типовъ. Эти отрицательныя отношенія, этотъ скептицизмъ — величайшая ихъ заслуга передъ обществомъ. Сбить съ пьедестала пустого фразера, показать ему, что онъ несетъ вздоръ, упиваясь звуками собственнаго голоса, что онъ только фразеромъ и можетъ быть, — это чрезвычайно важно; это такой урокъ, послѣ котораго отрезвляется цѣлое поколѣ-

АлексѣйОсофилактовичъ Писемскій.

ніе; отрезвившись, оно всматривается въ окружающія явленія... Поколѣніе Рудиныхъ — гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ — замысловатая таинственность, мирили насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывали ихъ разными высшими взглядами и, всю свою жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. Развѣнчать этотъ типъ было такъ же необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно

изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ красиваго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло и который, живя однимъ воображеніемъ, прозябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣнчанъ Тургеневымъ и представленъ во всей своей дрянности Писемскимъ.

Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они не дѣйствуютъ въ жизни, не виноваты въ томъ, что они — люди безполезные; но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшней эффектностью; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ; усиливъ ихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданія; словомъ, это — болотные огоньки, заводящіе ихъ въ трущобы и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе.

Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ, Писемскій представилъ его въ Эльчаниновѣ («Боярщина») и въ Шамиловѣ («Богатый женихъ»). Всѣ трое съ самыхъ юныхъ лѣтъ все собираются летѣть, все расправляютъ крылья, иногда машутъ ими до изнеможенія, но ни на вершокъ не поднимаются отъ полу и для безпристрастнаго наблюдателя остаются смѣшными и пошлыми въ самыя пылкія минуты своего лиризма. Въ этихъ людяхъ равновѣсіе между головой и тѣломъ оказывается нарушеннымъ съ самаго дѣтства; уродливое воспитаніе не позволяетъ имъ развиться, какъ слѣдуетъ, въ физическомъ отношеніи; они не отличаются въ дѣтствѣ ни здоровьемъ, ни силой, но зато, благодаря наемнымъ гувернерамъ, очень рано начинаютъ украшать свою голову разнообразными свѣдѣніями; они опережаютъ своихъ сверстниковъ и сами замѣчаютъ это; воспитатели своимъ вліяніемъ поддерживаютъ въ нихъ это «благородное соревнованіе». У ребенка являются искусственные интересы, ему хочется не конфеть, не игрушекъ, не бѣготни, не забавъ, а того, чтобы его похвалили, по головкѣ погладили, отличили передъ другими; онъ заботится не о томъ, что́ доставляетъ непосредственное пріятное ощущеніе, а о томъ, что́ считается хорошимъ въ глазахъ старшихъ. Вотъ онъ подрастаетъ, становится къ своимъ педагогамъ въ критическія отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка смотрѣть на себя со стороны не пропадаетъ; когда ему было десять лѣтъ, ему хотѣлось хорошо отвѣтить урокъ, чтобы учитель назвалъ его молодцомъ; а въ семнадцать лѣтъ ему хочется совершить удивительнѣйшій подвигъ, чтобы его имя повторяли съ уваженіемъ соотечественники и соотечественницы. «Благородная гордость, благородныя стремленія», говорятъ окружающіе люди. Мнѣ кажется, вѣрнѣе было бы сказать, что началось маханіе

крыльями, которое рѣшительно ни къ чему не поведетъ. Удивительнѣйшій подвигъ, конечно, не совершается, но мысль о такомъ подвигѣ раздражаетъ нервы; молодой искатель великихъ дѣлъ говоритъ съ увлеченіемъ и увлекательно; его слушатели — добрая, довѣрчивая молодежь уважаетъ высоту его порывовъ и съ умиленіемъ слушаетъ его тирады; герой нашъ чувствуетъ свою силу надъ кружкомъ, воодушевляется своимъ торжествомъ, питается своимъ тщеславіемъ, растетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и, одерживая постоянно въ спорѣ легкія побѣды, мечтая и говоря о широкой и великой дѣятельности, мало-помалу теряетъ всякую способность трудиться. Вотъ если бы тутъ, въ кругу молодыхъ слушателей и собесѣдниковъ будущаго великаго человѣка, нашелся умный, ѣдкій скептикъ, который, какъ дважды-два — четыре, доказалъ бы оратору, что онъ поретъ ахинею,—тогда, можетъ-быть, нашъ герой одумался бы и понялъ бы, что мечтать смѣшно, а не трудиться, когда есть силы, — глупо или, по крайней мѣрѣ, нерасчетливо; но молодое пиво бродитъ, ничто не сдерживаетъ его броженія, и оно бьетъ черезъ край и утекаетъ въ мутной пѣнѣ; года идутъ; силы, не освѣжаемыя трудомъ, тупѣютъ; матеріальное положеніе остается сомнительнымъ; способность импровизировать восторженную фразу превращается въ привычку говорить высокимъ слогомъ о мудреныхъ вещахъ, какъ-то: *жизнь*, *Русь*, *назначеніе человѣка*, *долгъ гражданина*; удивительный подвигъ, который предполагалось совершить въ началѣ поприща, откладывается: фразеръ начинаетъ понимать, что онъ ничего не сдѣлалъ и ничего не сдѣлаетъ, но отказаться отъ эффектничанія передъ самимъ собой онъ рѣшительно не въ состояніи; онъ начинаетъ говорить: «у меня были силы, ихъ разнесла жизнь; жизнь меня измяла, но я не уступилъ ея напору; теперь я безсиленъ, теперь я жалокъ, ничтоженъ, смѣшонъ». Даже въ патетическомъ перечисленіи своихъ нравственныхъ нарывовъ и струповъ нашъ герой ищетъ картинной эффектности, подобно тому, какъ уѣздная барышня ищетъ интересной блѣдности, если не можетъ похвастаться свѣжимъ цвѣтомъ лица и округлостью бюста. Роль, позы, трагическая мантія оказываются самыми насущными потребностями неудавшагося титана. Искренности, жизни, натуры — ни на волосъ.

На словахъ эти люди способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ; такъ, по крайней мѣрѣ, подумаетъ каждый обыкновенный смертный, слушая ихъ разглагольствованія о человѣкѣ, о гражданинѣ и другихъ тому подобныхъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ. На дѣлѣ эти дряблыя существа, постоянно испаряющіяся въ фразы, не способны ни на рѣшительный шагъ, ни на усидчивый трудъ. Вглядитесь въ Рудина: какъ онъ говоритъ о жизни, какъ его слова

западаютъ въ душу двумъ молодымъ личностямъ — Натальѣ и Басистову, какъ онъ самъ воодушевляется и становится почти великъ, когда его увлекаетъ потокъ его мыслей! И вдругъ, что же выходитъ на дѣлѣ? Рудинъ труситъ предъ Волынцевымъ, труситъ предъ Натальей, спотыкается объ ничтожнѣйшія препятствія, падаетъ духомъ, выѣзжая изъ гостепріимнаго дома Дарьи Михайловны, и, наконецъ, является передъ читателями измятымъ, забитымъ, безполезнымъ, какъ выжатый лимонъ; и тутъ онъ фразерствуетъ только нѣсколькими тонами ниже. Но въ Рудинѣ есть выкупающія стороны: Рудинъ — поэтъ, голова, сильно раскаляющаяся и быстро простывающая для того, чтобы снова раскалиться отъ прикосновенія другихъ предметовъ. Онъ впечатлителенъ до крайности, и въ этой впечатлительности заключаются и его обаятельность, и источникъ его страданій. Если бы дѣло такъ же скоро дѣлалось, какъ сказка сказывается, то Рудинъ могъ бы быть великимъ дѣятелемъ; въ ту минуту, когда онъ говоритъ, его личность вырастаетъ выше обыкновенныхъ размѣровъ, онъ гальванизируетъ самого себя, онъ силенъ и вѣритъ въ свою силу, онъ готовъ пойти на острый бой со всей неправдой земли; вотъ почему онъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ; но въ обыденной жизни нельзя устранвать свои дѣла однимъ взмахомъ руки: ничто не приходитъ къ намъ по щучьему велѣнью; надо выработать, надо срыть препятствія и разровнять себѣ дорогу; для этого необходима выдержка, устойчивость; взрывомъ кипучей отваги, вспышкой человѣческой энергіи можно только ослѣпить зрителей; оно красиво, но безплодно. Рудинъ умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его не что иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей.

Всего печальнѣе то, что эти миражи обманывали не его одного; съ нимъ вмѣстѣ, за него, и часто сильнѣе его самого страдали люди, принимавшіе его слова на вѣру, воспламенявшіеся вмѣстѣ съ нимъ и не умѣвшіе остыть тогда, когда остывалъ Рудинъ. Особенно вредно Рудины дѣйствуютъ на женщинъ; женщины въ нашемъ обществѣ нерѣдко до сѣдыхъ волосъ остаются дѣтьми; онѣ не знаютъ жизни, потому что сами не сталкиваются съ нею; онѣ не знаютъ того, какъ лгутъ въ жизни, поступками и словами, на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже лучшіе люди и добросовѣстнѣйшіе дѣятели; онѣ видятъ этихъ людей и дѣятелей въ домашнемъ костюмѣ, когда вицмундиры смѣняются простыми сюртуками; онѣ слышатъ, какъ эти люди разсуждаютъ о своей дѣятельности, и много фальшивой монеты принимаютъ за наличную. Упоминая такимъ образомъ о женщинахъ, я, конечно, не говорю о тѣхъ несчастныхъ личностяхъ, которыхъ горькая нужда слишкомъ хорошо познакомила съ

грязью жизни или которыхъ уродливое воспитаніе сдѣлало нечувствительными къ какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ, кромѣ чисто-физической боли и чисто-физическаго наслажденія.

Нѣкоторая независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ совершенно необходима для того, чтобы человѣкъ могъ мыслить и чувствовать; если человѣкъ цѣлый день работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода, и утоляетъ свой голодъ для того, чтобы завтра опять цѣлый день работать, то онъ прозябаетъ, а не живетъ; онъ черствѣетъ, тупѣетъ, покрывается какой-то ржавчиной; въ этомъ и заключается деморализующее, опошляющее вліяніе пауперизма, котораго не испытываютъ животныя и который страшнымъ бременемъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Слѣдовательно, говоря о психической жизни женщинъ, я поневолѣ принужденъ ограничиться тѣми сферами, въ которыхъ эта психическая жизнь не подавлена и не забита сжечасной тревожной заботой о кускѣ хлѣба; такія женщины, знающія жизнь настолько, насколько пожелаютъ показать имъ жизнь ихъ папеньки, опекуны или супруги, любятъ смѣлыя рѣчи Рудиныхъ; онѣ въ этихъ людяхъ надѣются увидѣть тѣхъ героевъ, къ которымъ инстинктивно стремятся ихъ желанія; онѣ надѣются черезъ нихъ познакомиться съ той болѣе полной и широкой жизнью, онѣ привязываются къ этимъ людямъ той пылкой любовью, которой мы любимъ наши лучшія надежды, наши свѣтлыя мечты, наши благородныя стремленія; все то, что даетъ намъ силы переносить тягости жизни, все это воплощается для женщины въ образѣ того человѣка, который горячимъ словомъ шевельнулъ ея мозговые нервы; тутъ обмануться, тутъ разочароваться—значитъ упасть съ страшной высоты; вынести такое паденіе, окрѣпнуть послѣ такого грубаго удара удается очень немногимъ.

Вотъ въ какомъ отношеніи Рудины принимаютъ на себя страшную отвѣтственность; кто будитъ въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, тотъ долженъ и удовлетворить ихъ требованіямъ; кто ведетъ слабаго ребенка на крутую гору, тотъ можетъ сдѣлаться преступникомъ, если не поддержитъ до самаго конца горы это существо, вѣрующее въ его силу и смѣло пошедшее за нимъ по его призыву; оставить такое существо на половинѣ дороги, когда впереди страшная крутизна, а сзади страшный спускъ въ сырую трущобу, — это непростительно: тутъ извиненіемъ не можетъ служить ни ошибка, ни слабость; когда берешься устраивать чужую жизнь, надо взвѣсить свои силы; кто этого не умѣетъ или не хочетъ сдѣлать, тотъ опасенъ, какъ слабоумный или какъ эксплуататоръ...

Кромѣ типа неисправимыхъ фразеровъ, въ произведеніяхъ Писемскаго и Тургенева можно отмѣтить еще два главные разряда мужскихъ характеровъ. Во-первыхъ, заслуживаютъ вниманія люди, по-

добные Лежневу и Лаврецкому; во-вторыхъ, люди, подобные Веретьеву (въ повѣсти Тургенева «Затишье») и Рымову (въ разсказѣ Писемскаго «Комикъ»). Первые проникаются гуманными идеями и, не вступая во имя этихъ идей въ борьбу съ дѣйствительностью, располагаютъ только свою собственную жизнь сообразно съ этими идеями. Если они — помѣщики, они берутъ съ своихъ крестьянъ легкій оброкъ, обращаются съ ними кротко и ласково и, не ломая круто ихъ предразсудковъ, стараются по возможности улучшать ихъ матеріальный бытъ и смягчать грубость ихъ нравовъ; если у нихъ есть семейство, они предоставляютъ свободу женѣ своей, воспитываютъ дѣтей своихъ внѣ предразсудковъ и не стѣсняютъ ихъ свободной воли съ той самой минуты, когда она начинаетъ у нихъ проявляться. Словомъ, это люди мягкіе, нетяжелые, терпѣливые ко всему, что̀ ихъ окружаетъ, и въ томъ числѣ къ глупостямъ и подлостямъ другихъ людей. Какъ дѣятели, они никуда не годятся, но мѣрить достоинства человѣка только той пользой, которую онъ приноситъ идеѣ или окружающему обществу, было бы не совсѣмъ справедливо. Если человѣкъ не вредитъ другому, если онъ живетъ въ свое удовольствіе, не эксплуатируя другихъ и не стѣсняя чужой свободы, то самое строгое нравственное jury должно признать его невиновнымъ. Какъ дѣятель, онъ нуль, но заставлять всѣхъ быть дѣятелями и клеймить презрѣніемъ того, кто въ этомъ отношеніи оказывается несостоятельнымъ или, вѣрнѣе, кто совершенно не выступаетъ на это поприще, значитъ врываться въ область личной свободы и смотрѣть на человѣка не какъ на самостоятельный организмъ, а какъ на винтъ или какъ на гайку въ общемъ механизмѣ общества. Предоставляю этотъ взглядъ Платону, Аристотелю и новѣйшимъ ихъ послѣдователямъ; я же съ своей точки зрѣнія безусловно оправдываю Лежнева, Лаврецкаго и Бѣлавина; они дѣлаютъ, что̀ могутъ, и больше отъ нихъ нечего требовать, потому что требовать отъ человѣка самоотверженія совершенно неделикатно и негуманно, какъ бы велика и прекрасна ни была та идея, во имя которой мы его требуемъ.

Темпераментъ людей, подобныхъ Лежневу и Бѣлавину, обыкновенно очень спокоенъ; развиваются они при благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. обыкновенно пользуются обезпеченнымъ состояніемъ, усвоиваютъ себѣ свои убѣжденія безъ особенной боли, смотрятъ на жизнь свѣтло и любовно, любятъ ровно и тихо, ненавидѣть не умѣютъ и спокойно презираютъ то, что возмущаетъ до глубины души людей болѣе страстныхъ и раздражительныхъ. Они — люди умѣренные по самой натурѣ своей; ихъ несправедливо было бы смѣшать съ тѣми личностями, которыя угождаютъ нашимъ и вашимъ изъ чистаго расчета, изъ боязни навлечь на себя непріятности или изъ желанія

подслужиться; первые — люди, отъ природы лишенные жала и желчи; вторые — скрываютъ жало и желчь и пускаютъ ихъ въ ходъ тогда, когда они могутъ сдѣлать это.

Совершенную противоположность съ этими спокойными натурами представляютъ люди, подобные Рымову и Веретьеву. Это люди съ кипучими силами, съ огненнымъ темпераментомъ, съ огромными страстями, съ рѣзкими недостатками, но съ яркими талантами и съ могучими стремленіями. Дарованія и силы этихъ людей разбрасываются, тратятся на пустяки, и сами они видятъ это, и самимъ имъ жаль себя, и досадно на себя, и хочется забыться, утопить тяжелое чувство, размыкать горе. Сколько могучихъ талантовъ гибнетъ въ нашемъ отечествѣ отъ безпорядочной жизни, отъ пьянства и кутежа. Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ?.. Человѣкъ съ умомъ и съ душой такого наглаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали бы пить. Пить съ горя не изящно, я съ этимъ согласенъ, но жалокъ тотъ человѣкъ, который постоянно смотритъ на себя со стороны и всю свою жизнь думаетъ о томъ, чтобы сохранить внѣшнее благообразіе; у людей, полныхъ души и чувства, бываютъ такія минуты, когда весь человѣкъ сосредоточенъ въ одномъ стремленіи, когда онъ имъ только и живетъ, въ немъ только и видитъ отраду и цѣль существованія; и если что-нибудь остановитъ такого человѣка въ то время, когда онъ идетъ къ своей любимой цѣли, если что-нибудь станетъ между этимъ человѣкомъ и его призваніемъ, тогда не пеняйте на него и не удивляйтесь его поступкамъ. Та самая сила, которая могла бы сдѣлать чудеса, побѣдить всѣ внѣшнія препятствія, осуществить безпокойное стремленіе, та самая сила, передъ проявленіями которой мы бы стали благоговѣть и преклоняться, обращается противъ самого человѣка и разбиваетъ вдребезги ту грудь, въ которой она гнѣздится. Есть люди, которые могутъ помириться съ неполной или помятой жизнью, съ перекошенной и перекрашенной дѣятельностью; есть и другіе люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ; имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, при первой попыткѣ жизни прибрать ихъ къ рукамъ и скрутить ихъ по-своему, они бросаютъ все и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь. Являются вспышки отчаянной энергіи, попытки повернуть дѣло по-своему и головой пробить себѣ дорогу къ любимой дѣятельности; но такія попытки одному человѣку не по силамъ, и за энергическимъ движеніемъ впередъ слѣдуетъ обыкновенно страшная, часто отвратительная реакція. Кабы этимъ силамъ да другую сферу — было бы совсѣмъ другое дѣло. Типъ широкой натуры, разбрасывающейся въ простомъ народѣ на сивуху,

а въ среднемъ кругу — на шампанское, могъ бы переродиться въ типъ талантливаго, живого, веселаго работника.

Отношенія Писемскаго къ этому типу теплѣе, симпатичнѣе и справедливѣе, чѣмъ отношенія Тургенева. Тургеневъ смотритъ на своего Веретьева какъ-то слишкомъ легко и слишкомъ презрительно: это не великодушно; жертвы нашего собственнаго тупоумія, нашей собственной инертности имѣютъ право на наше сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, на наше состраданіе; если жизнь однихъ вколачиваетъ въ могилу, другихъ вгоняетъ въ кабакъ, третьихъ превращаетъ въ негодяевъ, то согласитесь, что въ этомъ не виноваты тѣ личности, которыя не выносятъ атмосферы этой жизни. «Комикъ» Писемскаго неподражаемо хорошъ, какъ выраженіе этой идеи въ поразительно яркихъ образахъ. Вотъ, говоритъ авторъ, Рымовъ запилъ, превратился въ тряпку, попалъ подъ башмакъ глупой жены своей, какого-то ходячаго пуховика; а вотъ, полюбуйтесь, то общество, среди котораго онъ живетъ, всѣ, какъ на подборъ: одинъ глупѣе другого, и каждый подличаетъ по-своему; Рымовъ пьяный умнѣе ихъ всѣхъ трезвыхъ. Какъ же ему не пить? Когда вездѣ видишь, по выраженію Гоголя, одни свиныя рыла, тогда поневолѣ захочешь хоть на нѣсколько минутъ закрыть глаза, чтобы ничего не видѣть. Рымовъ ищетъ одурѣнія, самозабвенія, бреда — и все это очень понятно, все это—протестъ противъ того, съ чѣмъ борются всѣ честные дѣятели и что ненавидятъ всѣ порядочные люди.

Въ томъ, что я написалъ до сихъ поръ, есть нѣсколько мыслей о тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя представлены Писемскимъ и Тургеневымъ. Полной оцѣнки ихъ дѣятельности нѣтъ, а между тѣмъ статья вышла уже очень большая. Сознавая ея неполноту, я постараюсь въ особой статьѣ высказать свои мысли о женскихъ типахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Кромѣ того, о такомъ романѣ, какъ «Тысяча душъ», нельзя говорить вскользь и между прочимъ. По обилію и разнообразію явленій, схваченныхъ въ этомъ романѣ, онъ стоитъ положительно выше всѣхъ произведеній нашей новѣйшей литературы. Характеръ Калиновича задуманъ такъ глубоко, развитіе этого характера находится въ такой тѣсной связи со всѣми важнѣйшими сторонами и особенностями нашей жизни, что о романѣ «Тысяча душъ» можно написать десять критическихъ статей, не исчерпавши вполнѣ его содержанія и внутренняго смысла. О такихъ явленіяхъ говорить всегда кстати; говорить о нихъ— значитъ говорить о жизни, а когда же обсужденіе вопросовъ современной жизни можетъ быть лишено интереса? Поэтому я теперь постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ сгруппировать выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ теперешней моей статьи:

1) Я считаю трехъ названныхъ мною романистовъ важнѣйшими представителями современной поэзіи и отвергаю заслуги нашихъ лирическихъ поэтовъ, за исключеніемъ Майкова и Некрасова.

2) Въ романѣ Гончарова я вижу только тщательное копированіе мелкихъ подробностей и микроскопически тонкій анализъ. Ни глубокой мысли, ни искренняго чувства, ни прямодушныхъ отношеній къ дѣйствительности я не замѣчаю.

3) Въ Писемскомъ и въ Тургеневѣ я дорожу преимущественно ихъ отрицательнымъ и совершенно-трезвымъ воззрѣніемъ на явленія жизни.

4) Писемскій глубже Тургенева захватываетъ эти явленія, изображаетъ ихъ болѣе густыми красками и по жизненной полнотѣ своихъ твореній, какъ «черноземная сила», стоитъ выше Тургенева...

Д. Писаревъ.

Женскіе типы.

...Во-первыхъ, я во всѣхъ случаяхъ безусловно оправдываю женщину; во-вторыхъ, я считаю теперешнее положеніе женщины крайне тяжелымъ и неутѣшительнымъ. Съ этими двумя основными идеями я приступлю теперь къ анализу женскихъ типовъ, встрѣчающихся въ романахъ и повѣстяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Я буду выбирать только тѣ личности, которыя еще борются съ жизнью и чего-нибудь отъ нея требуютъ. Женщины, уже примирившіяся съ извѣстной долей, не войдутъ въ мой обзоръ, потому что онѣ, собственно говоря, уже перестали жить.

Тѣ конечные результаты, къ которымъ приводитъ жизнь, не имѣютъ интереса; ихъ можно изучать, какъ опредѣлившіеся факты, какъ памятники прошедшаго; но дѣло въ томъ, что мы теперь живемъ тревожной жизнью настоящей минуты; мы чувствуемъ неотразимую потребность отвернуться отъ прошедшаго, забыть, похоронить его и съ любовью устремить взоры въ далекое, манящее, неизвѣстное будущее. Поддаваясь этой потребности, мы сосредоточиваемъ все наше вниманіе на томъ, въ чемъ видна молодость, свѣжесть и протестующая энергія, — на томъ, въ чемъ вырабатываются и зрѣютъ задатки новой жизни, представляющей рѣзкую противоположность съ нашимъ теперешнимъ прозябаніемъ. Наши романисты также поддаются этой потребности, изображая своихъ героинь именно въ тотъ моментъ, когда онѣ, подъ вліяніемъ чувства къ мужчинѣ, развертываютъ всѣ силы своей природы и поворачиваютъ свою жизнь въ ту или другую сторону. Этотъ поворотный пунктъ въ жизни женщины особенно важенъ; рѣдко удается женщинѣ пойти по той дорогѣ, которая обѣщаетъ полное удовлетвореніе ея потребностямъ и стре-

мленіямъ; большей частью ей приходится, споткнувшись о какое-нибудь препятствіе, свернуть куда-нибудь въ сторону и потомъ, убѣдившись въ невозможности выйти снова на прежній широкій, свѣтлый и ровный путь, жить день за днемъ, безъ цѣли, безъ опредѣленныхъ желаній, безъ живого наслажденія. Кто видитъ женщину въ этой фазѣ развитія, тотъ видитъ существо больное, слабое, увядающее, способное молча покоряться, но уже потерявшее силы и желаніе работать и бороться. Въ такой отживающей женщинѣ вы не найдете слѣдовъ той энергіи, которая кипѣла въ молодой дѣвушкѣ; въ энергіи этой заключаются залоги будущаго развитія, слѣдовательно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, на что способна женщина, какія силы таятся въ ея мозгу, въ ея первахъ, изучайте ее тогда, когда она еще полна жизни и свѣжести, а не тогда, когда она измята, избита и обезцвѣчена вліяніемъ пошлыхъ людей и пошлой обстановки. Берите ее именно въ ту минуту, когда она любитъ и когда, подавая руку избранному человѣку, она готова съ нимъ рядомъ весело итти навстрѣчу труду, лишеніямъ, суду свѣта, упрекамъ родственниковъ,— словомъ, всѣмъ тѣмъ передрягамъ, которыя закаляютъ человѣка и которыя на нашемъ безцвѣтномъ и неточномъ разговорномъ языкѣ называются горемъ и непріятностями...

Женщину заинтересовываетъ то, что̀ мужчина говоритъ ей о жизни; она сама не жила, а покуда только росла или прозябала въ родительскомъ домѣ; а между тѣмъ силъ пожить и желанія пожить въ ней набралось много, вотъ она и слушаетъ съ напряженнымъ и постоянно возрастающимъ любопытствомъ и участіемъ то, что̀ ей говоритъ ея собесѣдникъ о новомъ для нея процессѣ, о самостоятельной жизни, въ которой человѣкъ самъ пожинаетъ посѣянные плоды и самъ несетъ отвѣтственность за свои хорошіе и дурные поступки. Она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ усталъ жить, хотя въ сущности очень мало жилъ; она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ постоянно оставался школьникомъ, хотя давно уже покинулъ университетскую скамью; она воображаетъ себѣ, что дѣятельность ея собесѣдника дѣйствительно широка и плодотворна, что жизнь его полна и разнообразна; она готова была бы завидовать ему, если бы она его не любила и не надѣялась раздѣлить съ нимъ все наслажденіе и всю обаятельную тревогу этой, по ея мнѣнію, дѣятельной жизни. Она не знаетъ и не понимаетъ, что ея обожатель никогда въ жизни не являлся и не явится полноправной, самостоятельной, всесторонне развитой человѣческой личностью; она не видитъ того, что избранникъ ея сердца бѣгаетъ, какъ бѣлка въ колесѣ, и будетъ продолжать это общеполезное занятіе до тѣхъ поръ, пока не откажутся служить его руки и ноги; заглядывая изъ спертой атмосферы своей дѣвической

каморки въ рабочій кабинетъ того человѣка, котораго она желаетъ назвать своимъ мужемъ, дѣвушка не замѣчаетъ того, что она только изъ одной клѣтки хочетъ перейти въ другую; эта другая будетъ, пожалуй, попросторнѣе первой, да что же въ этомъ толку? — клѣтка все-таки останется клѣткой.

Ошибаясь насчетъ размѣровъ и значенія дѣятельности, дѣвушка ошибается точно такъ же насчетъ самой личности того человѣка, который, поразивши ея воображеніе, начинаетъ мало-по-малу возбуждать въ ней любовь. Она слушаетъ его разсужденія о жизни съ страстнымъ воодушевленіемъ и придаетъ его личности часть того огня, который горитъ въ ней самой; она воображаетъ себѣ, что разсказчикъ чувствуетъ то же самое, что̀ чувствуетъ она, слушательница...

Молодой человѣкъ, разсказывающій дѣвушкѣ о томъ, какъ онъ [illegible]нился, какъ боролся съ обстоятельствами, что̀ перенесъ и выстрадалъ, гальванизируетъ самого себя процессомъ разсказа и близостью нравящейся ему женщины; глаза его блестятъ, давно поблекшія щеки загораются яркимъ румянцемъ; дикція его оживляется по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчаетъ впечатлѣніе, производимое его рѣчью на свою собесѣдницу; онъ самъ наслаждается своимъ торжествомъ; чувство удовлетворяемаго самолюбія доставляетъ ему болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ чувство раздѣленной любви; въ самой пылкой сценѣ любви онъ является въ одно время и актеромъ, и зрителемъ, и эта несчастная способность смотрѣть на самого себя со стороны въ то время, когда существо свѣжее безраздѣльно отдается обаятельному впечатлѣнію минуты, эта несчастная способность, повторяю я, есть вѣрный симптомъ вялости и дряблости; мозгъ постояно бодрствуетъ и господствуетъ надъ всѣми отправленіями организма потому, что остальные нервы притупились и ослабѣли. А между тѣмъ дѣвушка вся находится подъ обаяніемъ: ни одно слово въ разсказѣ, ни одна нота въ голосѣ разсказчика, ни одно измѣненіе въ мускулахъ его лица или въ выраженіи его глазъ не пропадаютъ для нея и не ускользаютъ отъ ея напряженнаго, благоговѣющаго вниманія. Новыя, неиспытанныя и неожиданныя ощущенія проходятъ чрезъ ея нервную систему съ такой непостижимой быстротой, что она въ теченіе получасового разговора переживаетъ чуть ли не два-три года и почти внезапно изъ взрослаго ребенка превращается въ любящую женщину. И какъ она хороша въ эту минуту перерожденія! И какъ она, при всей своей чуткости, при всей напряженной силѣ вниманія, не способна отнестись критически къ своему собесѣднику! Какъ она горячо вѣритъ и какъ жестоко ошибается! Въ ней вспыхиваетъ энергія, и въ немъ вспыхиваетъ энергія, но въ ней это первые проблески разгорающагося пламени, а въ немъ это послѣднія искры потухающаго

огня. Она послѣ двухъ-трехъ теплыхъ разговоровъ способна рѣшиться на все, а онъ послѣ двухъ-трехъ такихъ разговоровъ ужъ ровно ни на что не способенъ; она подойдетъ къ нему и скажетъ: «ну, что же! мы довольно говорили; пора дѣйствовать, пора жить; если между нами есть препятствія, опрокинемъ ихъ, перешагнемъ черезъ нихъ. Пойдемъ навстрѣчу трудамъ, опасностямъ и наслажденію». А онъ, потративши остатки энергіи на восторженную рѣчь, чистосердечно удивится тому, что отъ него еще чего-то требуютъ; она думаетъ, что разговоръ есть только начало дѣйствія, прелюдія жизни, а онъ послѣ разговора отдыхаетъ на лаврахъ въ полномъ убѣжденіи, что разговоръ есть полнѣйшее и единственное возможное проявленіе жизни. Увлеченная его рѣчами, она кидается къ нему на шею и въ эту минуту забываетъ и папеньку, и маменьку, и то, что въ комнату можетъ войти посторонній человѣкъ, и даже то, что она—благородная дѣвица, какъ неоднократно внушали ей воспитательницы. А онъ, при подобной вспышкѣ дѣйствительнаго чувства, при подобномъ проявленіи свѣжей жизни, теряется и опускаетъ руки подъ вліяніемъ чисто-комическаго, глубокаго испуга; онъ не знаетъ, что̀ ему дѣлать съ этой женщиной, принявшей его слова въ такомъ серьезномъ смыслѣ; онъ до такой степени теряетъ присутствіе духа, что не понимаетъ даже того, что ему изъ деликатности, почти изъ приличія слѣдуетъ приласкать любящее существо и отвѣтить выраженіемъ теплаго сочувствія на страстныя объятія; онъ предобродушно проситъ взволнованную женщину успокоиться, притти въ себя, вспомнить, что ихъ могутъ застать...

Если эта сцена происходитъ съ дѣвушкой впечатлительной, слабой и первой, то она разрѣшается слезами, кончается истерическимъ припадкомъ и не производитъ рѣшительнаго перелома; дѣвушка объясняетъ себѣ всю нескладность этой сцены тѣмъ обстоятельствомъ, что она сама была разстроена и взволнована; любимый мужчина не теряетъ въ ея глазахъ своего достоинства, и разочарованіе происходитъ уже впослѣдствіи, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ сценъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ вялыхъ отношеній. Но если дѣйствующимъ лицомъ въ этой нелѣпой сценѣ была дѣвушка или женщина сильная, страстная и энергичная, то она сразу понимаетъ, какъ пошло велъ себя въ этой сценѣ нравившійся ей мужчина, она быстро откидывается назадъ, однимъ холоднымъ взглядомъ уничтожаетъ впечатлѣніе всего разговора, въ одну минуту сосредоточивается въ самой себѣ, и только что начатый романъ оказывается навсегда оконченнымъ, безъ шуму, безъ слезъ, безъ эффектныхъ выходокъ и, повидимому, къ обоюдному удовольствію героя и героини. А между тѣмъ чувство женщины глубоко и несправедливо оскорблено; она обманута въ луч-

ихъ своихъ вѣрованіяхъ; первое проявленіе жизни прихвачено моромъ, и самая жизнь оказывается надломленной. Зло, конечно, поправимое, — но кому жъ его поправить? Гдѣ у насъ тѣ люди, которые умѣли и хотѣли бы понять страданія женщины и радикально излѣчить эти страданія любовью, лаской, удовлетвореніемъ той потребности дѣятельности, которая постоянно волнуетъ мыслящую человѣческую личность. Если бы у насъ было много такихъ людей, то во многихъ отношеніяхъ жизнь наша пошла бы не такъ, какъ она идетъ теперь.

Съ любовью и съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь я снова къ нашимъ менѣе благоразумнымъ художникамъ, Писемскому и Тургеневу. У Тургенева мы находимъ разнообразіе женскихъ характеровъ, у Писемскаго — разнообразіе положеній. Тургеневъ входитъ своимъ тонкимъ анализомъ во внутренній міръ выводимыхъ личностей; Писемскій останавливается на яркомъ изображеніи самаго дѣйствія. Романы Тургенева глубже продуманы и прочувствованы; романы Писемскаго плотнѣе и крѣпче построены. Тургеневъ больше Писемскаго рискуетъ ошибиться, потому что онъ старается отыскать и показать читателю смыслъ изображаемыхъ явленій; Писемскій не видитъ въ этихъ явленіяхъ никакого смысла, и въ этомъ случаѣ, заботясь только о томъ, чтобы воспроизвести явленіе во всей его яркости, онъ, кажется, избираетъ вѣрную дорогу. У Тургенева уловленъ смыслъ нашей жизни, но рядомъ съ тонкими и вѣрными замѣчаніями и соображеніями попадаются фальшивыя ноты, въ родѣ построенія Инсарова. У Писемскаго букетъ нашей жизни, какъ крѣпкій запахъ дегтя, конопляника и тулупа, поражаетъ нервы читателя мимо воли самого автора. Тургеневъ мудритъ надъ жизнью, и иногда невпопадъ; Писемскій лѣпитъ прямо съ натуры, и созданія его выходятъ некрасивыя, грубыя, кряжистыя, какъ некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша, самая неотесанная наша натура. Общая атмосфера нашей жизни схвачена полнѣе у Писемскаго, но зато индивидуальные характеры у Тургенева обработаны гораздо тщательнѣе. Словомъ, романы Писемскаго представляютъ *этнографическій* интересъ, а романы Тургенева замѣчательны по интересу *психологическому*.

Въ повѣстяхъ и романахъ Тургенева — много великолѣпно отдѣланныхъ женскихъ характеровъ. Я остановлюсь только на нѣкоторыхъ; возьму: Асю, Наталью (изъ «Рудина»), Зинаиду (изъ «Первой любви»), Вѣру (изъ «Фауста»), Лизу (изъ «Дворянскаго гнѣзда») и Елену (изъ «Наканунѣ»).

Ася.

Ася — милое, свѣжее, свободное дитя природы; какъ незаконнорожденная дочь, она въ домѣ отца своего не пользовалась тѣмъ тщательнымъ надзоромъ, который душитъ въ ребенкѣ живыя движенія

и превращаетъ здоровую дѣвочку въ благовоспитанную барышню. Свободно играла и рѣзвилась она, бывши ребенкомъ; свободно стала она развиваться подъ руководствомъ своего старшаго законнорожденнаго брата, добродушнаго молодого человѣка, весело, свѣтло и широко смотрящаго на жизнь. «Вы видите, — говоритъ о ней ея братъ, Гагинъ, — что она много знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разыгрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила... Полная независимость во всемъ, — да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Что тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ».

Эти слова Гагина характеризуютъ и того, кто ихъ произноситъ, и ту дѣвушку, о которой говорятъ. Мнѣ могутъ возразить, что изъ этихъ словъ не видно, чтобы Гагинъ смотрѣлъ на жизнь широко. На это возраженіе отвѣчу, что Гагинъ принадлежитъ къ числу людей мягкихъ, неспособныхъ вступить въ открытую борьбу съ существующимъ предразсудкомъ или завязать горячій споръ съ несогласнающимся собесѣдникомъ. Мягкость и добродушіе поглощаютъ въ немъ всѣ остальныя свойства; онъ изъ добродушія посовѣстится уличить васъ въ нелѣпости; онъ даже съ подлецомъ старается сбойтись помягче, чтобы не обидѣть его, самъ онъ не стѣсняетъ Аси ни въ чемъ и даже не находитъ въ ея своеобразности ничего дурного, но онъ говоритъ о ней съ довольно развитымъ, но отчасти фешенебельнымъ господиномъ, и потому невольно, изъ мягкости становится въ уровень съ тѣми понятіями, которыя онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ. Онъ высказываетъ о воспитаніи Аси тѣ понятія, которыя живутъ въ обществѣ; самъ онъ не сочувствуетъ этимъ понятіямъ; находя на словахъ, что полную независимость вынести не легко, онъ самъ никогда не рѣшится стѣснить чью-нибудь независимость; зато и не рѣщится отстоять отъ притязаній общества свою или чужую независимость. Уступая требованіямъ общественныхъ приличій, онъ отдалъ Асю въ пансіонъ; когда же Ася по выходѣ изъ пансіона поступила подъ его покровительство, онъ не могъ стѣснять ея свободы ни въ чемъ, и она стала дѣлать, что ей было угодно. Что же, спроситъ читатель, она, вѣроятно, надѣлала много непозволительныхъ вещей? О, да, отвѣчу я, ужасно много. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ! Она прочла нѣсколько страстныхъ романовъ, она одна ходила гулять по прирейнскимъ скаламъ и развалинамъ; она держала себя съ посторонними людьми то очень застѣнчиво, то весело и бойко, смотря по тому, въ какомъ она была настроеніи, она... ну, да что же! Неужели вамъ этого мало? *Вы видите, что она многое знала и*

знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы. Полная независимость во всемъ! Да развѣ легко ее вынести? О, эти двѣ фразы имѣютъ великое значеніе. Золотая середина! Тебѣ я посвящаю ихъ! «Русскій Вѣстникъ»! «Отечественныя Записки»! Возьмите ихъ въ эпиграфъ!

Ася является въ повѣсти Тургенева восемнадцатилѣтней дѣвушкой; въ ней кипятъ молодыя силы; и кровь играетъ, и мысль бѣлѣетъ; она на все смотритъ съ любопытствомъ, но ни во что не вглядывается; посмотритъ и отвернется, и опять взглянетъ на что-нибудь новое; она съ жадностью ловитъ впечатлѣнія, и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли и совершенно безсознательно; силъ много, но силы эти бродятъ. На чемъ онѣ сосредоточатся и что изъ этого выйдетъ,— вотъ вопросъ, который начинаетъ занимать читателя тотчасъ послѣ перваго знакомства съ этой своеобразной и прелестной фигурой.

Она начинаетъ кокетничать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ Гагинъ случайно знакомится въ нѣмецкомъ городѣ; кокетство Аси такъ же своеобразно, какъ и вся ея личность; это кокетство безцѣльно и даже безсознательно; оно выражается въ томъ, что Ася въ присутствіи посторонняго молодого человѣка становится еще живѣе и миловидѣе; по ея подвижнымъ чертамъ пробѣгаетъ одно выраженіе за другимъ; она какъ-то вся въ его присутствіи живетъ ускоренной жизнью; она при немъ побѣжитъ такъ, какъ не побѣжала бы, можетъ-быть, безъ него; она станетъ въ граціозную позу, которую не приняла бы, можетъ-быть, если бы его тутъ не было, но все это не разсчитано, не пригоняется къ извѣстной цѣли; она становится рѣзвѣе и граціознѣе потому, что присутствіе молодого мужчины незамѣтно для нея самой волнуетъ ея кровь и раздражаетъ нервную систему; это не любовь, но это — половое влеченіе, которое неизбѣжно должно явиться у здоровой дѣвушки точно такъ же, какъ оно является у здороваго юноши. Это половое влеченіе, признакъ здоровья и силы, систематически забивается въ нашихъ барышняхъ образомъ жизни, воспитаніемъ, обученіемъ, пищей, одеждой; когда оно оказывается забитымъ, тогда тѣ же воспитательницы, которыя его забили, начинаютъ обучать своихъ воспитанницъ такимъ маневрамъ, которые до извѣстной степени воспроизводятъ его внѣшніе симптомы. Естественная грація убита; на ея мѣсто подставляютъ искусственную; дѣвушка запугана и забита домашней выправкой и дисциплиной, а ей велятъ при гостяхъ быть веселой и развязной; проявленіе истиннаго чувства навлекаетъ на дѣвушку потокъ нравоученій, а между тѣмъ любезность ставится ей въ обязанность; однимъ словомъ, мы вездѣ и всегда поступаемъ такъ: сначала разобьемъ естественную, цѣльную жизнь, а потомъ изъ жалкихъ черепковъ и верешковъ начинаемъ клеить что-

нибудь свое, и ужасно радуемся, если это свое издали почти похоже на натуральное. Ася — вся живая, вся натуральная, и потому-то Гагинъ считаетъ необходимымъ извиниться за нее передъ той золотой серединой, которой лучшимъ и наиболѣе развитымъ представителемъ является г. Н. Н., разсказывающій всю повѣсть отъ своего лица. Мы такъ далеко отошли отъ природы, что даже ея явленія мѣряемъ не иначе, какъ сравнивая ихъ съ нашими искусственными копіями; вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей случалось, глядя на закатъ солнца и видя такіе рѣзкіе цвѣта, которыхъ не рѣшился бы употребить ни одинъ живописецъ, подумать про себя (и потомъ, конечно, улыбнуться этой мысли): «что это, какъ рѣзко! Даже не натурально». Если намъ случается такимъ образомъ ломить на колѣнку явленія неодушевленной природы, которыя имѣютъ свое оправданіе въ самомъ фактѣ своего существованія, то можно себѣ представить, какъ мы, безсознательно, незамѣтно для самихъ себя, ломаемъ и насилуемъ природу человѣка, обсуживая и перетолковывая вкривь и вкось явленія, попадающіяся намъ на глаза. Изъ того, что я до сихъ поръ говорилъ объ Асѣ, прошу не выводить того заключенія, будто это — личность совершенно непосредственная. Ася настолько умна, что умѣетъ смотрѣть на себя со стороны, умѣетъ по-своему обсуживать свои собственные поступки и произносить надъ собою приговоръ. Напримѣръ, ей показалось, что она черезчуръ расшалилась, на другой день она является тихой, спокойной, смиренной до такой степени, что Гагинъ говоритъ даже о ней: «А-га! Постъ и покаяніе на себя наложила».

Потомъ она замѣчаетъ, что въ ней что-то не ладно, что она, кажется, привязывается къ новому знакомству; это открытіе ее пугаетъ; она понимаетъ свое положеніе, двусмысленное, по мнѣнію нашего общества; она понимаетъ, что между нею и любимымъ человѣкомъ можетъ появиться такая преграда, черезъ которую она изъ гордости не захочетъ перескочить и черезъ которую онъ изъ робости не посмѣетъ перешагнуть. Весь этотъ рядъ мыслей пробѣгаетъ въ ея головѣ чрезвычайно быстро и отдается во всемъ ея организмѣ; кончается тѣмъ, что она, какъ испуганный ребенокъ, порывисто отвертывается отъ неизвѣстнаго будущаго, которое является ей въ образѣ новаго чувства, и съ дѣтскимъ довѣріемъ, съ громкимъ плачемъ и въ то же время съ недѣтской страстностью кидается назадъ къ своему милому прошедшему, воплощающемуся для нея въ личности добраго, снисходительнаго брата.

— Нѣтъ, — говоритъ она сквозь слезы, — я никого не хочу любить, кромѣ тебя; нѣтъ, нѣтъ, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говоритъ Гагинъ, — ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

— Тебя, одного тебя! — повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цѣловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно, — твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.

Наша европейская цивилизація какъ-то такъ устроена, что она пугаетъ дикарей и мало-по-малу истребляетъ ихъ; Ася въ отношеніи къ этой цивилизаціи находится почти въ такомъ положеніи, въ какомъ можетъ быть поставленъ какой-нибудь краснокожій стрѣлокъ; ей предстоитъ рѣшить грозную дилемму: надо или отказаться отъ того человѣка, къ которому она начинаетъ чувствовать влеченіе, или стать во фронтъ, войти въ ранжиръ, отказаться отъ милой свободы; она инстинктивно боится чего-то, и инстинктъ ея не обманываетъ; она хочетъ воротиться къ прошедшему, а между тѣмъ будущее манитъ ее себѣ, и не отъ насъ зависитъ остановить теченіе жизни.

Настроеніе Аси, ея обращеніе къ прошедшему скоро исчезаетъ безъ слѣда; приходитъ Н. Н., начинается разговоръ, прихотливо перепрыгивающій отъ одного впечатлѣнія къ другому, и Ася вся отдается настоящему, и отдается такъ весело и беззаботно, что не можетъ даже скрыть ощущаемаго удовольствія; она болтаетъ почти безсвязный вздоръ, обаятельный, какъ выраженіе ея свѣтлаго настроенія, и наконецъ прерывается и просто говоритъ, что ей хорошо. И это настроеніе совершенно неожиданно разрѣшается въ весьма естественномъ желаніи — повальсировать съ любимымъ человѣкомъ.

Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами, небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! — сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо! — также тихо отвѣтила она, не смотря на меня. — Если бъ мы съ вами были птицы — какъ бы взвились, какъ бы полетѣли... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырасти, — возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживете — узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Но безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать?.. Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? — спросила она вдругъ.

— Умѣю, — отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за ней и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное близкое дыханіе, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзко обвѣянномъ кудрями.

Во всей этой сценѣ Ася, очевидно, находится въ напряженномъ состояніи; она переживаетъ новую для себя фазу развитія; она въ одно время и живетъ, и думаетъ о жизни, какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными свѣтлыми умственными способностями; она поддается новымъ впечатлѣніямъ и въ то же время боится ихъ, потому что не знаетъ, что̀ дадутъ они ей въ будущемъ; порою пересиливаетъ страхъ, порою одолѣваетъ желаніе. Чувство растетъ съ каждымъ днемъ; Ася объявляетъ г. Н., что крылья у нея выросли, да летѣть некуда, а потомъ признается брату, что она любитъ этого господина. «Увѣряю васъ, — говоритъ Гагинъ въ разговорѣ съ Н., — мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на нее такъ же неожиданно и такъ же неотразимо, какъ гроза». Дѣйствительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами; оно доводитъ ее до дѣйствія: забывая всякую предосторожность, отлагая въ сторону всякую ложную гордость, она назначаетъ любимому человѣку свиданіе, и тутъ-то, при этомъ случаѣ, высказывается въ полной яркости превосходство сильной, энергической дѣвушки надъ вялымъ продуктомъ великосвѣтской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чѣмъ рискуетъ Ася, и посмотрите, чего боится Н.? Идя на свиданіе, Ася, конечно, не знала, чѣмъ оно можетъ кончиться; свиданіе это было назначено безъ всякой цѣли, по неотразимой потребности сказать любимому человѣку наединѣ что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидѣвшись съ Н. у фрау Лунзъ, она такъ безраздѣльно отдалась впечатлѣнію минуты, что потеряла и желаніе и способность сопротивляться чему бы то ни было; она безусловно довѣрилась, не слыхавши отъ Н. ни одного слова любви; безсознательная робость молодой дѣвушки и сознательная боязнь лишиться добраго имени — все умолкло передъ настоятельными, неотразимыми требованіями чувства.

Если можно благоговѣть передъ чѣмъ бы то ни было, то всего разумнѣе и изящнѣе будетъ съ благоговѣніемъ остановиться передъ этой силой чувства: это—такой двигатель, для котораго не существуетъ непреодолимыхъ трудностей; при всякой борьбѣ между людьми одолѣетъ рано или поздно та партія, на сторонѣ которой находится наибольшая сумма энергическаго чувства; человѣкъ, вносящій въ жизнь пылкое желаніе наслаждаться, горячую, энергическую любовь къ жизни, навѣрное достигнетъ желаемаго счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь нелѣпый камень. Только вялость и апатія вязнуть въ трясинѣ, не умѣя осилить ни матеріальную нужду, ни людское недоброжелательство. Femme le veut, Dieu le veut — эта

поговорка живетъ у французовъ со временъ рыцарства и въ ней есть значительная доля правды; чего-чего не надѣлаетъ любящая женщина? Какія новыя силы не пробудятся въ ней подъ вліяніемъ ея чувства? Если бы дѣйствительно (какъ утверждаютъ противники такъ называемой эмансипаціи женщинъ) у женщины не было ничего, кромѣ способности любить, то и тогда еще неизвѣстно, чья природа оказалась бы крѣпче и богаче интеллектуальными дарами — природа мужчины или природа женщины? Въ разбираемой мною повѣсти неразвитая, полудикая дѣвушка одной силой своего чувства становится выше молодого человѣка, у котораго есть и умъ, и образованіе, и современное развитіе. Она на все рѣшилась, не остановилась даже передъ той мыслью, что можетъ огорчить брата, единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго она любитъ; она пошла навстрѣчу осужденію и позору, страданію и домашнему горю, а онъ, онъ... на чемъ онъ запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачѣмъ. На томъ, читатели, что его женѣ на визитныхъ карточкахъ неудобно будетъ писать: M-me N., née une telle. На томъ, что онъ самъ, г. Н., затруднится отвѣчать на вопросъ какого-нибудь великосвѣтскаго хлыща: «какъ ваша супруга урожденная?» Потомъ онъ послѣ двухдневной борьбы одолѣваетъ это препятствіе, но эта побѣда оказывается несвоевременной. Кромѣ того, читатель, подумайте сами, если мы будемъ бороться съ такими плюгавыми препятствіями, какъ съ какимъ-нибудь дѣйствительно существующимъ колоссальнымъ врагомъ, то не правда ли, какъ мы далеко уйдемъ впередъ, какъ много сдѣлаемъ дальнаго, а главное, какъ много успѣемъ насладиться жизнью? А жизнь, ей-Богу, коротка, и счастливыя стеченія обстоятельствъ бываютъ такъ рѣдки, что ими необходимо пользоваться, если не хочешь глупѣйшимъ образомъ прозѣвать жизнь. На личность г. Н. можно взглянуть еще съ одной очень поучительной стороны. Онъ приходитъ на свиданіе съ твердымъ намѣреніемъ объявить Асѣ, что они должны разстаться. «Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ (прибавьте еще, г. Н., на незаконнорожденной дочери), — говоритъ онъ самъ себѣ, — съ ея нравомъ (тутъ г. Н., очевидно, боится, чтобы у него, вслѣдствіе этого нрава, не выросли рога), какъ это можно?» (Да и не бойтесь, г. Н.: вамъ, конечно, нельзя, да вы и не женитесь. Это вамъ сказалъ уже и Гагинъ). Твердое намѣреніе г. Н. начинаетъ колебаться, когда онъ видитъ грустную, робкую и обаятельную въ этой грустной робости фигуру Аси, которая старается улыбнуться и не можетъ, хочетъ сказать что-то и не находитъ ни словъ, ни голоса. Ему становится жаль этой милой, любящей дѣвушки; онъ снисходитъ къ ней и называетъ ее ласкательнымъ полуименемъ.

— Ася, — сказалъ я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взглядъ женщины, которая полюбила, кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами, я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ...

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожавшей, руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собой, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ, какъ мраморъ, и кудри отодвинулись назадъ, какъ будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все и потянулъ ее къ себѣ — покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ, и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана...

«Ахти, бѣда! — подумаетъ сердобольный читатель. — Погубитъ онъ, озорникъ, бѣдную дѣвушку! Да, дѣйствительно, всякій здоровый и крѣпкій человѣкъ увлекся бы до послѣднихъ предѣловъ и, конечно, въ увлекающей Асѣ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. Честный человѣкъ увлекся бы, и отъ послѣдствій его увлеченія не пострадалъ бы никто; онъ женился бы на Асѣ на другой день послѣ свиданія, и самое свиданіе осталось бы въ жизни обоихъ супруговъ свѣтлымъ, блестящимъ воспоминаніемъ. Энергическій негодяй, въ родѣ Василія Лучинова (въ повѣсти Тургенева «Три портрета»), также не отказался бы отъ плодовъ свиданія, воспользовался бы всѣми наслажденіями, какія можно было бы добыть отъ Аси, и потомъ бросилъ бы ее, какъ прочитанную записку. Первый поступилъ бы — какъ порядочный человѣкъ, второй — какъ отъявленный негодяй. Что же касается до тѣстообразнаго г. Н., то онъ поступилъ такъ замысловато и вслѣдствіе этого такъ глупо, какъ можетъ поступить только существо, лишенное плоти и крови, или одаренное весьма жалкой дозой крови плохого достоинства. Онъ сначала было растаялъ, а потомъ спохватился. У него недостало мозгу, чтобы съ первой минуты окатить дѣвушку ушатомъ холодной воды, а потомъ недостало полнокровія, чтобы, не заботясь о послѣдствіяхъ, дать этой дѣвушкѣ и самому себѣ нѣсколько мгновеній жгучаго наслажденія. У него все перепутано; чувство врывается въ процессъ мысли, мысль парализуетъ чувство. Воспитаніе ослабило его тѣло и набило мозгъ его идеями, которыхъ тотъ не можетъ осилить и переварить. У него нѣтъ физическаго здоровья, физической силы, физической свѣжести; это — ходячая теорія, человѣческая голова на курьихъ ножкахъ, выжатый лимонъ безъ соку, безъ вкуса и безъ остроты. И таково большинство; и намъ этотъ типъ такъ привыченъ, что насъ даже не поражаютъ его вопіющіе недостатки; многіе читатели навѣрное ска-

зали по прочтеніи «Аси», что Н. — очень честный человѣкъ, которому не посчастливилось въ жизни. Да, честный. Никто у него и не отнимаетъ этой честности...

Ася — такая личность, въ которой есть всѣ задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условій нашей жизни, она не заразилась ея нелѣпостями. Встрѣться она съ свѣжимъ мужчиной, она бы показала намъ, что значитъ быть счастливой и дала бы намъ самый спасительный и плодотворный урокъ, котораго намъ до сихъ поръ никто не умѣлъ дать. Но гдѣ же взять такого мужчину? У насъ ихъ нѣтъ. И вотъ свѣжее, молодое, здоровое существо попало въ лазаретъ, въ которомъ стонутъ на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болѣзнями. Ну, конечно, изъ этого не могло выйти ничего путнаго; поневолѣ ей пришлось зачахнуть отъ аптечнаго воздуха или заразиться отъ дыханія окружающихъ субъектовъ. Виновата ли въ этомъ женщина?

Наталья.

Наталья въ «Рудинѣ» похожа на Асю или, вѣрнѣе, въ основу ихъ личностей положена авторомъ одна идея, разработанная различно въ обоихъ романахъ. Въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья — сдержанностью и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ сильно и внезапно; дѣйствіе этого внутренняго огня тотчасъ отражается на ея физіономіи, въ ея поступкахъ, во всемъ ея поведеніи; въ Натальѣ этотъ огонь разгорается медленно, и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ нея самой и отъ другихъ; а потомъ, когда она сама отдастъ себѣ отчетъ въ своемъ настроеніи, она все-таки скрываетъ его отъ другихъ и одна, безъ посторонннихъ свидѣтелей, хозяйничаетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Различій, какъ видите, очень много, а между тѣмъ сходство самое существенное; обѣ дѣвушки сохранили свѣжесть и здоровье помимо обстановки, помимо тѣхъ людей, которые считали себя въ правѣ распоряжаться ихъ мыслями и чувствами. Натальѣ это было труднѣе сдѣлать, чѣмъ Асѣ, и потому Наталья вышла изъ своей борьбы крѣпче и вынесла изъ нея большій запасъ сознаннаго опыта. Наталья — старшая дочь богатой барыни, окруженная съ малолѣтства гувернантками, французскими грамматиками и душеспасительными наставленіями, произносимыми на разныхъ европейскихъ языкахъ. Какъ тутъ не опошлиться? Дѣйствительно, мудрено, но тутъ выручаетъ одно обстоятельство, именно то, что матери некогда постоянно наблюдать за воспитаніемъ, а гувернантки большей частью довольно тупы.

Воспитанію дѣтей посвящаютъ себя обыкновенно тѣ лица, которыя по ограниченности ума ни на что другое не способны, да иначе и быть не можетъ. Во-первыхъ, матеріальное положеніе наставника всегда зависимо и всегда скудно обезпечено. Во-вторыхъ, обречь себя на то, чтобы постоянно передавать другому то, что̀ знаешь, значитъ отказаться отъ возможности итти дальше. Когда начинаешь учить другого, тогда уже интересы собственнаго развитія отодвигаются на задній планъ. Кто хочетъ денегъ, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что мѣсто не хлѣбное. Кто хочетъ идей, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что занятія съ дѣтьми отнимаютъ у человѣка время, не обогащая его внутреннимъ содержаніемъ. Стало-быть, въ педагоги идетъ, даже по призванію, только трудолюбивая посредственность; въ гувернантки идутъ тѣ дѣвушки, которымъ не удалось выйти замужъ. То обстоятельство, что мѣсто педагога не пользуется почетомъ и что вслѣдствіе этого на эти мѣста идутъ люди, обиженные Богомъ, не разъ возбуждало въ нашей педагогической литературѣ жалобные вопли; я осмѣлюсь самымъ скромнымъ тономъ выразить сомнѣніе въ основательности этихъ воплей. Осмѣлюсь даже предложить вопросъ: велика ли та услуга, которую мы оказываемъ дѣтямъ, занимаясь ихъ нравственнымъ воспитаніемъ? Воспитывать — значитъ приготовлять къ жизни; спрашивается, можетъ ли готовить къ жизни кого бы то ни было такой человѣкъ, который самъ не умѣетъ жить? А что мы не умѣемъ жить въ этомъ, кажется, не усомнится благосклонный читатель. Воспитывая нашихъ дѣтей, мы втискиваемъ молодую жизнь въ тѣ уродливыя формы, которыя тяготѣли надъ нами; мы поступаемъ такимъ образомъ съ такими личностями, которыя сами не могутъ еще ни подать голоса, ни заявить протеста, ни оказать сопротивленія; мы безъ спросу мнемъ чужія личности и чужія силы; когда владѣльцы этихъ силъ и этихъ личностей начинаютъ вступать въ свои человѣческія права, то они находятъ, что въ ихъ владѣніяхъ все перепутано; мысль загромождена разными кошмарами и кикиморами; чувство извращено и болѣзненно нацарапано или насильственно притуплено педагогическими внушеніями о долгѣ, о чести, о нравственности; молодое тѣло изнурено безплодной, односторонней мозговой работой, отсутствіемъ правильнаго моціона, чистаго воздуха, часто даже недостаткомъ здоровой пищи. Физическое здоровье подорвано, — а что̀ дано взамѣнъ? Насаженъ въ мозгу по разнымъ грядкамъ съ нѣмецкой тщательностью и возмутительной аккуратностью бурьянъ и чертополохъ, который надо вырывать съ корнемъ, чтобъ онъ не истощилъ всю умственную почву. И вотъ молодой хозяинъ поневолѣ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ услужливыхъ огородниковъ, вскопавшихъ и засѣявшихъ ему мозгъ; онъ исподволь или

вдругъ, смотря по обстоятельствамъ, эмансипируетъ себя отъ ихъ непрошенной опеки и начинаетъ жить по-своему и думать по-своему. Но на борьбу съ сорными травами уходитъ много хорошихъ силъ, часто человѣкъ оказывается освобожденнымъ отъ бурьяна уже тогда, когда тѣлесное развитіе достигло полной зрѣлости и стоитъ уже на поворотномъ пунктѣ.

Чѣмъ раньше молодая личность становится въ скептическія отношенія къ своимъ наставникамъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ раньше послѣдніе успѣютъ напортить и тѣмъ больше времени остается на поправленіе или, вѣрнѣе, на радикальное уничтоженіе ихъ работы. Стать въ скептическія отношенія легче къ дураку, чѣмъ къ умному человѣку, и потому я рѣшаюсь признать положительно полезнымъ то обстоятельство, что нашимъ воспитаніемъ занимались и занимаются большей частью недалекіе люди. Развиваться подъ руководствомъ наставника, мнѣ кажется, положительно невозможно, а развиваться помимо наставника тѣмъ удобнѣе, чѣмъ ограниченнѣе наставникъ. Но отчего же, однако, спроситъ читатель, умный и широко развитый человѣкъ не можетъ принести своему воспитаннику существенной пользы? Оттого, любезный читатель, что умный и широко развитый человѣкъ никогда не рѣшится воспитывать ребенка; онъ пойметъ, что врываться въ интеллектуальный міръ другого человѣка съ своей инціативой — безчестно и нелѣпо; онъ будетъ хорошо кормить ребенка, удалять отъ него вредные предметы, въ родѣ бѣшеной собаки, каленаго желѣза, сырой комнаты, угарнаго воздуха. На томъ онъ и остановится; если ребенокъ предложитъ ему вопросъ, онъ ему отвѣтитъ; если ребенокъ принесетъ на его судъ какое-нибудь сомнѣніе, онъ ему выскажетъ свое убѣжденіе. Зрѣлый умъ старшаго будетъ имѣть вліяніе на формированіе сужденій ребенка, но это вліяніе будетъ независимо отъ воли обоихъ дѣйствующихъ лицъ; его не будутъ втискивать силой или всучивать педагогической хитростью. Кто попытается сдѣлать больше этого, тотъ, стало-быть, не настолько уменъ или не настолько широко развитъ, чтобы быть безвреднымъ сознательно и добровольно. Если онъ не можетъ быть безвреденъ сознательно и добровольно, то пускай будетъ безвреденъ невольно, вслѣдствіе безсилія. Если нельзя найти человѣка очень умнаго, возьмите человѣка очень глупаго. Результатъ получится почти въ такой же мѣрѣ удовлетворительный, а людей глупыхъ много, особенно между педагогами. Стало-быть, выйдетъ и дешево, и сердито.

Наталья, какъ умный ребенокъ, рано заявила свою умственную жизнь какимъ-нибудь озадачивающимъ вопросомъ, мѣткимъ замѣчаніемъ, вспышкой своеволія; это заявленіе, благодаря тупости воспитательницы, встрѣтило себѣ холодный или даже недоброжелательный

пріемъ. На вопросъ отвѣчали вскользь; на мѣткое замѣчаніе воспослѣдовало со стороны гувернантки не менѣе мѣткое замѣчаніе: «Маленькія дѣвочки не должны такъ говорить». Маленькая дѣвочка спросила: почему? Ей приказали молчать. Вспышку своеволія назвали капризомъ и подавили силой. Словомъ, такъ или иначе, воспитывающая сторона уронила себя въ глазахъ воспитывающейся стороны, а это, какъ извѣстно всѣмъ, занимавшимся когда-нибудь воспитаніемъ, вовсе не трудно сдѣлать, когда имѣешь дѣло съ умнымъ ребенкомъ. Маленькая дѣвочка широко раскрыла свои умные глаза, съ удивленіемъ посмотрѣла на старшихъ недоумѣвающимъ взоромъ и подумала про себя: какіе они странные; а черезъ нѣсколько времени она подумала: а, такъ вотъ они какіе! Вотъ и вошелъ въ воспитаніе новый элементъ, котораго существованіе не подозрѣваютъ воспитатели и который между тѣмъ постоянно путаетъ алгебраическія выкладки педагогическихъ соображеній. Приказанія ихъ исполняются, но «формировать умъ и сердце» ребенка имъ не удается; приказанія ихъ не прохватываютъ вглубь; маленькая дѣвочка, какъ улитка, ушла въ себя и начинаетъ строить себѣ свой мірокъ, въ который она ни за какія коврижки не пуститъ ни мамашу, ни гувернантку; откровенность откладывается въ сторону, и чѣмъ умнѣе ребенокъ, тѣмъ безуспѣшнѣе оказываются попытки старшихъ разбить раковину улитки и подсмотрѣть нескромнымъ взоромъ тайну внутренняго развитія.

Дѣти, начинающія развиваться помимо руководства наставниковъ, выбираютъ обыкновенно одинъ изъ двухъ путей: или они вступаютъ въ ожесточенную, отчаянную борьбу съ посягательствами взрослыхъ, или они, отказываясь отъ всякой борьбы, повинуются чисто внѣшнимъ образомъ и уже постоянно держатся на-сторожѣ, постоянно относятся къ распоряженіямъ педагоговъ критически и скептически. Первые — будущіе Донъ-Кихоты жизни, всегда готовые ломать копье за свои идеи, всегда дѣйствующіе открыто и смѣло и часто погибающіе за доброе дѣло. Другіе — тѣ люди, о которыхъ говоритъ нашъ народъ: «въ тихомъ омутѣ черти водятся». Невозмутимо спокойные по наружности, глубоко-страстные въ душѣ, непоколебимые и неподкупные, эти люди дѣйствуютъ медленно, бьютъ навѣрняка и рѣдко промахиваются. Наталья принадлежала ко второй категоріи, а между тѣмъ промахнулась. Она полюбила Рудина и ошиблась въ немъ; но кто же бы и не ошибся въ Рудинѣ? Кого бы не подкупили его рѣчи, если даже онѣ подкупили Лежнева, мужчину, одареннаго значительной дозой скептицизма и здраваго смысла? Причины ошибки Натальи лежатъ не въ ней самой, а въ окружавшихъ ее обстоятельствахъ. Рудинъ былъ лучшимъ изъ окружавшихъ ее мужчинъ, она

его и выбрала; что же дѣлать, если и лучшій оказался никуда негоднымъ? И Лежневъ и Волынцевъ крѣпче Рудина, въ этомъ спору нѣтъ; но ни Волынцевъ, ни Лежневъ не могли шевельнуть молодую дѣвушку, находящуюся въ той порѣ жизни, когда умъ требуетъ ярости идей и когда весь организмъ проситъ сильныхъ ощущеній. Романъ Натальи очень похожъ на романъ Аси; и та и другая искали въ любимомъ человѣкѣ жизни и силы; и та и другая наткнулись на вялое резонерство и на позорную робость. И опять приходится закончить главу вопросомъ: въ чемъ тутъ виновата женщина?

Вѣра и Лиза.

Но не всѣмъ же дѣвушкамъ удается развиться помимо обстановки; многія, и очень многія, даже большинство, пропитываются насквозь атмосферой нашей жизни, въ дѣтствѣ принимаютъ въ себя зародыши разложенія, живыми тѣнями проходятъ свое земное странствіе и, какъ неизлѣчимые больные, рано начинаютъ увядать и клониться къ могилѣ.

Къ этому чрезвычайно многочисленному типу, допускающему внутри себя почти безконечное разнообразіе, принадлежатъ два замѣчательные женскіе характера: Вѣра (изъ «Фауста») и Лиза (изъ «Дворянскаго гнѣзда»).

Первая искусственно заморожена воспитаніемъ; вторая заражена съ дѣтства міазмами нашей домашней атмосферы. Разберу отдѣльно ту и другую личность.

Вѣра воспитывается подъ руководствомъ своей матери, женщины очень умной, очень энергичной, испытавшей много несчастій и сосредоточившей всю силу своей любви на единственной дочери. Сказать по правдѣ, трудно найти болѣе невыгодныя условія развитія. Любящая мать, да еще къ тому же энергичная, да еще къ тому же умная, да еще къ тому же испытавшая несчастья, навѣрное будетъ слѣдить за каждымъ движеніемъ дочери, будетъ прокрадываться въ ея мысли, будетъ рѣшать за нее всѣ представляющіеся вопросы жизни, будетъ оберегать ее отъ впечатлѣній такъ же заботливо, какъ отъ сквознаго вѣтра. Вмѣсто того, чтобы жить въ жизни, дочь будетъ обрѣтаться въ какой-то восковой ячейкѣ, состроенной вокругъ нея любящей рукой матери. Любить человѣка и не мѣшать ему въ жизни, не отравлять его существованія непрошенными заботами и навязчивымъ участіемъ, это такой фокусъ, который немногимъ по силамъ. Родителямъ онъ совершенно недоступенъ. Они хотятъ, во что бы то ни стало, чтобы ихъ опытность шла на пользу дѣтямъ; того они не понимаютъ и не хотятъ понять, что самый процессъ пріобрѣтенія опытности чрезвычайно пріятенъ, и что этотъ процессъ никакъ не

можетъ быть замѣненъ чужимъ разсказомъ или описаніемъ; когда вы голодны, вамъ надо ѣсть, а не читать описанія лакомыхъ блюдъ и даже не смотрѣть на эти блюда; когда вы любите женщину, чтеніе самыхъ разнообразныхъ романовъ и разсказы о самыхъ замысловатыхъ любовныхъ похожденіяхъ вашего папеньки не замѣнятъ вамъ двухъ минутъ разговора, созерцанія непосредственной близости; когда вы молоды, когда вы вступаете въ жизнь, вамъ надо жить, а никакъ не слушать разсказы о томъ, какъ жили ваши родители.

Мать Вѣры вообразила себѣ, что она пожила за себя и за свою дочь, и рѣшилась, во что бы то ни стало, избавить Вѣру отъ ошибокъ и страданій, выпавшихъ на долю ея матери. Для этого нужно было обработать по-своему мягкій матеріалъ, попавшійся въ руки, и г-жа Ельцова принялась за работу довольно ловко: она успѣла приготовить изъ дочери своей такую консерву, которая могла бы десятки лѣтъ плавать по морю житейскому, постоянно сохраняя подъ свинцовой крышкой свою нетронутую, дѣтскую невинность; борьба между умной, опытной женщиной, съ одной стороны, и непробудившимися силами бѣднаго ребенка, съ другой стороны, была слишкомъ неравна; мать побѣдила безъ труда, и живыя силы почти безъ сопротивленія отправились подъ свинцовую крышку; и свинцовая крышка эта придавила ихъ такъ рано, что онѣ замерли, не заявивъ протеста; дѣвочка даже не замѣтила существованія этой крышки и выросла, считая свое положеніе нормальнымъ или, вѣрнѣе, не думая подвергать его анализу.

Во-первыхъ, г-жа Ельцова пріобрѣла полное довѣріе своей дочери и внушила ей страстную, доходящую до благоговѣнія, любовь къ своей особѣ. Есть личности, которымъ очень пріятна подобная любовь, исключающая критику. Мнѣ кажется, существованіе такого чувства унижаетъ человѣческое достоинство того, кто его испытываетъ, — того, къ кому оно обращено. Обожающее лицо теряетъ всякую самостоятельность: обожаемое — ставится въ обидное положеніе китайскаго идола.

Вѣруя въ опытность матери, въ ея умъ и непогрѣшимость, Вѣра Ельцова поневолѣ должна была безусловно подчиниться ея воззрѣніямъ: но убѣжденія отжившей старухи не могутъ быть убѣжденіями молодой дѣвушки; они могутъ сдѣлаться для нея только догматами вѣры; она можетъ повторять ихъ про себя, какъ магическое заклинаніе, не понимая ихъ истиннаго смысла, потому что этотъ смыслъ дается только тому, кто пожилъ и кого помяла жизнь; принять на вѣру убѣжденія матери значило отказаться отъ знакомства съ жизнью; при всей любви своей къ матери молодая дѣвушка могла бы не рѣшиться на подобную жертву, если бы кто-нибудь представилъ ей эту жертву въ настоящемъ свѣтѣ; но такого Мефистофеля не нашлось,

а старый ангелъ-хранитель, г-жа Ельцова, употребила съ своей стороны всѣ усилія, чтобы отвести дочери глаза и показать ей только тѣ уголки жизни, которые, по ея мнѣнію, не могли произвести вреднаго вліянія, т.-е. не могли нарушить умственной и первной дремоты дѣвушки. Все, что могло сильно потрясти нервы, подѣйствовать на воображеніе и сообщить сильный толчокъ критическому уму, было тщательно устранено: ни посторонній человѣкъ, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стѣну, которой г-жа Ельцова отдѣлила свою Вѣрочку отъ всего живого міра; если бы Вѣрѣ случилось поговорить съ кѣмъ-нибудь, то этотъ разговоръ она же сама отъ слова до слова передала бы матери; если бы Вѣрѣ попалась книга, она не стала бы ее читать, не спрося позволенія матери; какъ узникъ полюбилъ свою тюрьму, тогда нѣтъ средствъ освободить его, вѣдь не насильно же тащить его на свѣтъ Божій! Вѣрѣ до ея замужества не давали въ руки ни одного романа; зато научное ея образованіе было такъ полно, что она удивляла кандидата своими обширными свѣдѣніями; свѣдѣнія эти были, конечно, чисто фактическія; Вѣра знала, въ которомъ году произошло, положимъ, Нердлингенское сраженіе, къ какому роду и виду принадлежитъ божья коровка, сколько пестиковъ и тычинокъ въ георгинѣ, но значенія реформаціи она не понимала и общаго взгляда на жизнь природы не имѣла.

Навѣрное г-жа Ельцова боялась Вольтера и Фейербаха такъ же сильно и такъ же основательно, какъ Жоржъ Занда или Бальзака. Вѣрочкѣ позволялось украшать свою память всякими антиками и диковинками, но работать мыслью или воспринимать какія-нибудь необыденныя ощущенія нервами было строго запрещено.

Строгій выборъ книгъ былъ только административнымъ средствомъ въ рукахъ г-жи Ельцовой; цѣль, къ достиженію которой она стремилась, опираясь на подобныя средства, лежала очень далеко; надо было устроить по извѣстной программѣ всю жизнь молодой дѣвушки, надо было искусно обѣжать опасный періодъ любви; надо было выдать ее замужъ за хорошаго человѣка, укрѣпить ее въ понятіи долга и, наконецъ, поставить ее на якорь въ такой пристани, въ которую не заходятъ и не заглядываютъ житейскія бури, смѣлыя мысли, безпорядочныя, кометообразныя чувства. Чтобы дойти до такой пристани, надо было лавировать, и Ельцова лавировала не безъ успѣха.

Молодой человѣкъ, заинтересованный Вѣрой, съ похвальной скромностью проситъ у Ельцовой позволенія сдѣлать ей предложеніе; заботливая маменька, видя, что этотъ молодой человѣкъ, несмотря на всю свою скромность, непохожъ на желанную пристань, отказываетъ ему прямо, не спросивши мнѣнія дочери; она даже не считаетъ нуж-

нымъ сказать ей потомъ, что за нее сватался такой-то. Одного этого факта достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, насколько Ельцова употребляла во зло довѣренность своей дочери, и какъ грубо она нарушала ея святыя человѣческія права. Наконецъ желанная пристань находится; добродушный, простоватый господинъ, бывшій въ университетѣ, не вынесшій оттуда завиральныхъ идей и превратившійся въ помѣщика, несмотря на свои молодыя лѣта, оказывается достойнымъ субъектомъ; эврика! говоритъ Ельцова — и выдаетъ за него свою дочь, которая, конечно, ставитъ себѣ за счастье исполнить волю Божію и родительскую. Ельцова умираетъ, вполнѣ спокойна: «пристроила, — думаетъ она, — теперь и безъ меня проживетъ; въ сторону-то сбиться некуда».

Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ формировалась Вѣра Ельцова; посмотримъ теперь, какъ она, несмотря на предосторожности маменьки, столкнулась съ жизнью мысли и чувства. Вотъ она уже лѣтъ девять замужемъ, ей уже двадцать восемь лѣтъ, а она смотритъ семнадцатилѣтней дѣвушкой. «То же спокойствіе, та же ясность, голосъ тотъ же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу». И попрежнему незнакома съ волненіями мысли и чувства, попрежнему не тронута жизнью, попрежнему не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія. Страшно становится за эту женщину! — Если она проживетъ свой вѣкъ и умретъ, не любивши, не мысливши, не испытавши ни одного эстетическаго наслажденія, то, спрашивается, для чего же было жить? А если она вдругъ проснется отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія, — что съ нею будетъ? Вынесутъ ли ея нервы ту массу ощущеній, которыя нахлынутъ со всѣхъ сторонъ и поразятъ ее сильнѣе, чѣмъ кого-либо другого? Дѣти впечатлительнѣе взрослыхъ; ребенокъ плачетъ о сломанной игрушкѣ, о томъ, что мать ѣдетъ куда-нибудь дня на два, такъ же горько, какъ взрослый заплачетъ о смерти дорогого человѣка; ребенокъ утѣшается также гораздо скорѣе, и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что онъ впечатлительнѣе взрослаго. Міръ дѣтскихъ радостей и дѣтскихъ горестей гораздо мельче и уже, чѣмъ міръ горя и радости у взрослаго; если бы у ребенка было столько же серьезныхъ интересовъ, сколько ихъ у взрослаго, и если бы ребенокъ на всѣ эти интересы откликался съ той же живостью, съ какой онъ радуется подарку или горюетъ о минутной разлукѣ, то навѣрное организмъ его не вынесъ бы этого избытка сильныхъ ощущеній. Входя въ міръ мысли и чувства постепенно, незамѣтно, втягиваясь понемногу въ серьезныя занятія и въ интересы дѣйствительной жизни, ребенокъ мало-по-малу теряетъ свою прежнюю раздражительность и воспріимчивость. Нервы притупляются отъ часто повторяющагося раздраже-

нія; является привычка; человѣкъ черствѣетъ и вслѣдствіе этого крѣпнетъ. Крайняя раздражительность не совмѣстна съ мужественной твердостью, и чтобы вынести передряги жизни, необходимо утратить невинность, свѣжесть, дѣвственность чувства и тому подобныя свойства, которыми особенно дорожатъ въ своихъ воспитанницахъ добродѣтельные педагоги.

Недобрую штуку сотворила Ельцова съ своей дочерью; сохранивши первобытную чуткость и отзывчивость ребенка, Вѣра смотритъ на вещи, какъ женщина; она понимаетъ умомъ многое, чего не переживала чувствомъ: силы въ ней дремлютъ, но онѣ созрѣли; стоитъ дать толчокъ, и вся эта личность преобразится; въ ней мгновенно разыграется такая драма, которая удивитъ всѣхъ знающихъ ее людей порывистостью и силой борьбы. Положеніе ея страшно усложнено заботливыми распоряженіями матери: она никогда не любила; а между тѣмъ она замужемъ; она рискуетъ полюбить той свѣжей и сильной любовью, какая доступна и понятна только очень молодымъ существамъ, а между тѣмъ у нея есть семейство, есть такъ называемыя обязанности, и въ ней сильно развито чувство долга. Что-то будетъ?

Чего можно было ожидать, то и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Мужчина открываетъ Вѣрѣ Николаевнѣ доступъ въ тотъ міръ сильныхъ ощущеній, который оставался ей неизвѣстнымъ въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ; мужчина пробуждаетъ ее изъ того летаргическаго сна, въ который погрузило ее воспитаніе; мужчина превращаетъ мраморную статую въ женщину, и эта женщина привязывается къ своему просвѣтителю всѣми силами богатой, любящей женской души. Проспать слишкомъ десять лѣтъ, лучшіе годы жизни, и потомъ проснуться, найти въ себѣ такъ много свѣжести и энергіи, сразу вступить въ свои полныя человѣческія права — это, воля ваша, свидѣтельствуетъ о присутствіи такихъ силъ, которыя при сколько-нибудь естественномъ развитіи могли бы доставить огромное количество наслажденія какъ самой Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ и близкимъ ей людямъ. Вѣра Николаевна полюбила такъ сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности; образъ любимаго человѣка и наполняющее ее чувство сдѣлались для нея жизнью, и она рванулась къ этой жизни, не оглядываясь на прошедшее, не жалѣя того, что́ остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упрековъ совѣсти; она рванулась впередъ и надорвалась въ этомъ судорожномъ движеніи; глаза, привыкшіе къ густой темнотѣ, не выдержали яркаго свѣта; прошедшее, отъ котораго она кинулась прочь, настигло и придавило ее къ землѣ. Она первая, прямо, безъ вызова со стороны мужчины, объявляетъ ему, что она его любитъ; она сама назначаетъ свиданіе и идетъ къ нему твердымъ шагомъ къ назначенному мѣсту.

Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ итти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ — я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось — мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее — ко мнѣ.

При потухшемъ свѣтѣ дня ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкой самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ...

— Огляпитесь, — сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ: — вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? Что?

— Мою мать, — медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновеніе?

— Полноте, — началъ я: — что вы это? Скажите мнѣ лучше...

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! — перебила она и схватила себя за голову. — Это сумасшествіе... Я съ ума схожу... Этимъ шутить нельзя, это — смерть... Прощайте...

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновенье! — воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ, что говорилъ, и едва держался на ногахъ. — Ради Бога, вѣдь это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, — поспѣшно проговорила она: — не сегодня, прошу васъ... уѣзжайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду... я клянусь тебѣ, что приду, — прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ея блеснули... — Кто бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пустите меня сегодня.

И прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла.

А потомъ умерла. Организмъ не выдержалъ потрясенія, и обаятельная сцена любви разрѣшилась смертельной нервной горячкой. Образы, въ которыхъ Тургеневъ выразилъ свою идею, стоятъ на границѣ фантастическаго міра. Онъ взялъ исключительную личность, поставилъ ее въ зависимость отъ другой исключительной личности, создалъ для нея исключительное положеніе и вывелъ крайнія послѣдствія изъ этихъ исключительныхъ данныхъ. Старуха Ельцова и дочь ея — такіе чистые представители двухъ типовъ, какихъ въ дѣйствительности не бываетъ. Какая мать сумѣетъ провести такъ послѣдовательно свои идеи въ воспитаніе дочери, и какая дочь захочетъ съ такой слѣпой покорностью подчиняться этимъ идеямъ? Размѣры, взятые авторомъ, превышаютъ обыкновенные размѣры, но идея, выра-

женная въ повѣсти, остается вѣрной, прекрасной идеей. Какъ яркая формула этой идеи, «Фаустъ» Тургенева неподражаемо хорошъ. Ни одно единичное явленіе не достигаетъ въ дѣйствительной жизни той опредѣленности контуровъ и той рѣзкости красокъ, которыя поражаютъ читателя въ фигурахъ Ельцовой и Вѣры Николаевны, но зато эти двѣ почти фантастическія фигуры бросаютъ яркую полосу свѣта на явленія жизни, расплывающіяся въ неопредѣленныхъ, сѣроватыхъ, туманныхъ пятнахъ.

Слѣдуетъ ли подвергать отдѣльному разбору личность Лизаветы Михайловны Калитиной, героини романа «Дворянское гнѣздо»? Этотъ романъ написанъ такъ недавно, по поводу его выхода въ свѣтъ появилось въ нашей періодической литературѣ столько критическихъ статей, что читателямъ, вѣроятно, пріѣлись толки о Лизѣ и о Лаврецкомъ, — толки, въ которыхъ все-таки не договаривалось послѣднее слово. Я знаю, что мнѣ тоже не придется договориться до послѣдняго слова, и потому предпочитаю вовсе не говорить. Если же, паче чаянія, кто-нибудь изъ читателей пожелаетъ знать мое мнѣніе о Лизѣ, то я попрошу этого читателя внимательно просмотрѣть предыдущую главу моей критической статьи и потомъ перечитать «Дворянское гнѣздо». Зная, какъ я смотрю на Вѣру, читатель узнаетъ также, какъ я смотрю на Лизу. Лиза ближе Вѣры стоитъ къ условіямъ нашей жизни; она вполнѣ правдоподобна, размѣры ея личности совершенно обыкновенные; идеи и формы, сдавливающія ея жизнь, знакомы какъ нельзя лучше каждому изъ нашихъ читателей по собственному горькому опыту. Словомъ, задача, рѣшенная Тургеневымъ въ абстрактѣ въ повѣсти «Фаустъ», рѣшается имъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» въ приложеніи къ нашей жизни. Результатъ выходитъ одинъ и тотъ же; гнилъ одолѣваетъ, праведная смерть торжествуетъ надъ грѣховной жизнью.

О Зинандѣ Засѣкиной (изъ повѣсти «Первая любовь») не скажу ни слова. Я ее характера не понимаю.

Елена.

Совершенно уйти отъ вліянія обстановки невозможно; такъ или иначе, обстановка даетъ себя знать; если вы живете съ дурными людьми, то эти люди могутъ подѣйствовать на васъ двоякимъ образомъ, смотря по тому, насколько стойки ваши убѣжденія и тверда ваша воля. Вы можете или заразиться отъ этихъ людей ихъ преобладающимъ порокомъ, или довести въ самомъ себѣ до уродливой крайности протестъ противъ этого порока. Большей частью случается такъ, что отдѣльная личность понемногу окрашивается подъ общій цвѣтъ массы; личности, одаренныя значительными силами,

обыкновенно не многочисленны; и эти немногія избранныя личности окрашиваются обыкновенно въ противоположный цвѣтъ и, нечувствительно для самихъ себя, доводятъ этотъ цвѣтъ до рѣзкой крайности именно потому, что масса постоянно пытается заштукатурить подъ одну тѣнь съ собою. Если вы жизнью и словами съ особеннымъ воодушевленіемъ протестуете противъ господствующаго въ обществѣ порока, то вы протестуете такъ горячо именно потому, что порокъ стоитъ передъ вашими глазами; причина протеста лежитъ не въ вашей природѣ, а въ томъ, что̀ васъ окружаетъ; для васъ самихъ протестъ дѣло безплодное и утомительное; вашъ крикъ сушитъ вамъ легкія и производитъ охриплость въ голосѣ; а между тѣмъ нельзя не кричать; вы кричите и этимъ самымъ платите дань тѣмъ идеямъ, которыя уродуютъ жизнь вашихъ соотечественниковъ. Если вы отмахиваетесь отъ комаровъ и не даете имъ укусить себя, то все-таки комары дѣйствуютъ на васъ тѣмъ, что заставляютъ васъ дѣлать утомительныя движенія. Подлость и глупость раздражаютъ ваши нервы, слѣдовательно, производятъ въ васъ перемѣну, и можно сказать навѣрное, что, въ какомъ бы направленіи ни совершилась эта перемѣна, она никогда не можетъ быть перемѣной къ лучшему. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство Тургеневъ упустилъ изъ виду, создавая характеръ Елены, и отъ этой ошибки произошла, мнѣ кажется, вся нескладица, поражающая читателя въ построеніи романа «Наканунѣ».

Елена раздражена мелкостью тѣхъ людей и интересовъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло каждый день. Она умнѣе своей матери, умнѣе и честнѣе отца, умнѣе и глубже всѣхъ гувернантокъ, занимавшихся ея воспитаніемъ, она раздражена и неудовлетворена тѣмъ, что̀ даетъ ей жизнь; она съ сознаннымъ негодованіемъ отвертывается отъ дѣйствительности, но она слишкомъ молода и женственна, чтобы стать къ этой дѣйствительности въ трезвыя отрицательныя отношенія. Ея недовольство дѣйствительностью выражается въ томъ, что она ищетъ лучшаго и, не находя этого лучшаго, уходитъ въ міръ фантазіи, начинаетъ жить воображеніемъ. Это — болѣзненное состояніе. Когда воображеніе забѣгаетъ впередъ, когда начинается сооруженіе идеала и потомъ бѣганіе за нимъ, тогда живыя силы уходятъ на безплодные поиски и попытки, и жизнь проходитъ въ какомъ-то тревожномъ, безпредметномъ, смутномъ ожиданіи. Елена все мечтаетъ *о чемъ-то*, все хочетъ *что-то* сдѣлать, все ищетъ *какого-то* героя; мечты ея не приходятъ и не могутъ прійти въ ясность именно потому, что это мечты, а не мысли; она не критикуетъ нашей жизни, не всматривается въ ея недостатки, а просто отворачивается отъ нея и хочетъ выдумать себѣ жизнь. Такъ нельзя, Елена Николаевна! Что жизнь въ дурныхъ

своихъ проявленіяхъ вамъ не нравится, это дѣлаетъ вамъ величайшую честь, это показываетъ, что вы умѣете мыслить и чувствовать; но жить и дѣйствовать вы рѣшительно не умѣете. Если не нравится жизнь, надо или исправить ее, или умереть, или уѣхать. Чтобы исправить жизнь *для себя* лично, надо вглядѣться въ ея недостатки и отдать себѣ самый ясный отчетъ въ томъ, что именно вамъ не нравится; чтобы умереть, надо обратиться къ оружію или къ яду; чтобы уѣхать куда бы то ни было, надо взять паспортъ и запастись деньгами. Но не мечтать, ни въ какомъ случаѣ не мечтать! Это совсѣмъ не практично; это растравляетъ раны, вмѣсто того, чтобы залѣчивать ихъ; это губитъ силы, вмѣсто того, чтобы обновлять и укрѣплять человѣка. Мечты — принадлежность и утѣшеніе слабаго, больного, задавленнаго существа, а вамъ, Елена Николаевна, печего Бога гнѣвить; можно и другимъ дѣломъ заняться. Вы пользуетесь нѣкоторой независимостью въ домѣ вашихъ родителей, васъ не бьютъ, не гнутъ въ дугу, не выдаютъ насильно замужъ; этихъ условій слишкомъ мало для того, чтобы наслаждаться, но ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы дѣйствовать и бороться; мечтать было позволительно въ былые годы вашей крѣпостной горничной, точно такъ же, какъ ей позволительно было пить зельемъ, но теперь и ей это будетъ не къ лицу. Я не осуждаю Елену въ томъ, что она мечтаетъ; я бы не осудилъ человѣка, схватившаго сильнѣйшій простудный кашель, я бы сказалъ только, что онъ болѣнъ; точно такъ же я говорю и доказываю самой Еленѣ, что она больна и что она ошибается, если считаетъ себя здоровой. Въ этомъ отношеніи ошибается вмѣстѣ съ нею самъ Тургеневъ; онъ глазами психически-больной Елены смотритъ на дѣйствующія лица своего романа; оттого онъ вмѣстѣ съ Еленой ищетъ героевъ; оттого онъ вмѣстѣ съ нею бракуетъ Шубина и Берсенева; оттого онъ выписываетъ изъ Болгаріи невозможнаго и ни на что ненужнаго Инсарова. Елена и вмѣстѣ съ нею Тургеневъ не удовлетворяются обыкновенными, человѣческими размѣрами личностей; все это обыкновенно, все это пошло; давай имъ эффекта, колоссальности, геропзма. «Жить скверно», говорятъ Тургеневъ и Елена. — Согласенъ. «Жить скверно потому, что люди скверны». — Несогласенъ! Отношенія между людьми ненормальны — это такъ, а люди ни въ чемъ не виноваты, потому что передѣлать отношенія, затвердѣвшія отъ десятивѣковой исторической жизни, и передѣлать ихъ тогда, когда еще очень немногіе начали сознавать ихъ неудобства, — это, воля ваша, мудрено. Если несется шестерня бѣшеныхъ лошадей, то я никакъ не рѣшусь называть мелкими трусами всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться въ сторону и давать имъ дорогу. Инстинктъ самосохраненія

и трусость — двѣ вещи разныя. Ставить самоотверженіе въ число необходимыхъ добродѣтелей, обязательныхъ для всякаго человѣка, можетъ только мечтательная дѣвушка Елена Николаевна Стахова да замечтавшійся до забвенія дѣйствительности художникъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Бракуя людей за то, что они не герои, раскидывая направо и налѣво окружающую его мелюзгу, Тургеневъ доходитъ, наконецъ, до созданія идеальнаго человѣка. Человѣкъ этотъ — болгаринъ. На какомъ основаніи?—Неизвѣстно. Принимать Инсарова за живое лицо я не могу; потому прослѣживать его развитіе и возсоздавать его личность критическимъ анализомъ я не берусь; выпишу только съ буквальной вѣрностью рядъ фактовъ, совершенныхъ этимъ героемъ, и рядъ свойствъ, приписанныхъ ему Тургеневымъ.

1) Инсаровъ — болгаръ; мать его убита турецкимъ агою; отецъ разстрѣлянъ безъ суда.

2) Въ 48-мъ году Инсаровъ былъ въ Болгаріи, исходилъ ее вдоль и поперекъ, провелъ въ ней два года и въ 50-мъ году вернулся въ Россію съ широкимъ рубцомъ на шеѣ и съ желаніемъ образоваться въ Московскомъ университетѣ и сблизиться съ русскими.

3) Вотъ портретъ Инсарова: «это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, худощавый и жилистый, съ впалой грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, изсиня-черные прямые волосы, небольшой лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови; когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ отчетливо очертанныхъ губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый доверху».

4) Когда Берсеневъ предлагалъ Инсарову переѣхать къ нему на дачу, Инсаровъ соглашается только съ тѣмъ условіемъ, чтобы заплатить Берсеневу по разсчету 20 руб. сер.

5) По уходѣ Берсенева Инсаровъ бережно снимаетъ сюртукъ.

6) Берсеневъ говоритъ объ Инсаровѣ, что онъ ни отъ кого не возьметъ денегъ взаймы.

7) Инсаровъ отказывается обѣдать съ Берсеневымъ, говоря ему съ спокойной улыбкой:

«— Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете!»

8) Инсаровъ никогда не мѣняетъ никакого своего рѣшенія и никогда не откладываетъ исполненія даннаго обѣщанія.

9) Инсаровъ учится русской исторіи, праву и политической экономіи, переводитъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собираетъ матеріалы

о восточномъ вопросѣ, составляетъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую — для русскихъ.

10) Инсаровъ не любитъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говоритъ охотно со всякимъ.

11) Инсаровъ надѣваетъ на голову ушастый картузъ и на прогулкѣ выступаетъ не спѣша, глядитъ, дышитъ, говоритъ и улыбается спокойно.

12) Инсаровъ уходитъ куда-то на три дня съ тремя болгарами, которые предварительно съѣдаютъ у него «цѣлый огромный горшокъ каши».

13) Въ разговорѣ съ Еленой Инсаровъ откровенно разсказываетъ исторію своей отлучки, говоритъ, что онъ ѣздилъ за шестьдесятъ верстъ, чтобы помирить двухъ земляковъ, что его всѣ знаютъ, и что всѣ ему вѣрятъ. Елена спрашиваетъ у него: «Вы очень любите свою родину?» Онъ на это отвѣчаетъ: «Это еще неизвѣстно. Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ». Потомъ онъ говоритъ такъ: «Но вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что̀ одно неизмѣнно, что̀ выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога?» Эта, не лишенная риторики, рѣчь заканчивается удивительной антитезой: «Замѣтьте, послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я, мы желаемъ одного и того же». Антитеза, ей-Богу, очень хороша. А Елена-то слушаетъ и только уши развѣшиваетъ.

14) Инсаровъ бросаетъ въ воду пьянаго нѣмца, обезпокоившаго дамъ на гуляніи.

15) Инсаровъ замѣчаетъ, что онъ полюбилъ Елену и хочетъ уѣхать. Онъ говоритъ: «Я — болгаръ, мнѣ русской любви не нужно».

16) Инсаровъ наканунѣ своего отъѣзда на просьбу Елены прійти къ нимъ на другой день утромъ — ничего не отвѣчаетъ и не приходитъ. «Я васъ ждала съ утра», говоритъ Елена, встрѣтившись съ нимъ у часовни. Онъ отвѣчаетъ на это: «Я вчера, вспомните, Елена Николаевна, ничего не обѣщалъ».

17) Въ объясненіи съ Инсаровымъ Елена постоянно является активнымъ лицомъ и постоянно тащитъ его за собой; она первая говоритъ ему о любви.

18) По возвращеніи съ дачи въ Москву Инсаровъ опасно занемогаетъ и двѣ недѣли находится при смерти.

19) Елена приходитъ къ Инсарову послѣ его выздоровленія; Инсаровъ въ ея присутствіи чувствуетъ волненіе и проситъ ее уйти, говоря, что онъ ни за что не отвѣчаетъ; Елена не уходитъ и отдается ему.

20) Тайно обвѣнчавшись съ Еленой, Инсаровъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею въ Венецію, чтобы оттуда пробраться въ Болгарію.

21) Инсаровъ въ Венеціи умираетъ отъ аневризма, соединеннаго съ разстройствомъ легкихъ.

Ради Бога, господа читатели, изъ этого длиннаго списка дѣяній и свойствъ составьте себѣ какой-нибудь цѣлостный образъ; я этого не умѣю и не могу сдѣлать. Фигура Инсарова не возстаетъ передо мною; но зато съ ужасающей отчетливостью возстаетъ передо мною тотъ процессъ механическаго построенія, которому Инсаровъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Тургеневъ не могъ остановиться на чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ жизни; ему до-смерти надоѣли пигмеи, а между тѣмъ отъ этого жизнь не измѣнилась и пигмеи не выросли ни на вершокъ. Ему захотѣлось колоссальности, героизма, и онъ задумался надъ тѣмъ, какія свойства надо придать герою; образъ не напрашивался въ его творческое сознаніе; надо было съ невѣроятными усиліями составлять этотъ образъ изъ разныхъ кусочковъ; во-первыхъ, надо было поставить героя въ необыкновенное положеніе; положеніе придумано: Инсаровъ — болгаръ и родители его погибли лютой смертью. Потомъ надо было устроить такъ, чтобы каждое слово и движеніе героя были проникнуты особенной многозначительностью, не сознаваемой самимъ героемъ; Тургеневъ достигъ этого, заставивъ Инсарова разглагольствовать о любви къ родинѣ почти такъ же, какъ разглагольствуетъ чиновникъ Соллогуба, съ той только разницей, что послѣдній не дѣлаетъ блестящей антитезы (послѣдній мужикъ—и я). Чтобы оттѣнить то воодушевленіе, которое овладѣваетъ Инсаровымъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, Тургеневъ напираетъ даже на то, что въ Инсаровѣ не видно ничего необыкновеннаго, что въ немъ все очень просто, начиная отъ ушастаго картуза и кончая спокойной походкой. Чтобы показать благородную гордость героя, Тургеневъ упоминаетъ о томъ, что Инсаровъ ни отъ кого не взялъ бы денегъ взаймы и даже отъ Берсенева не принимаетъ даромъ комнаты, когда тотъ приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ эта гордость по поводу десяти или двадцати рублей кажется мелочностью. Не принимать одолженія отъ мало знакомаго человѣка или отъ такого, которому тяжело быть обязаннымъ, это понятно, но съ мелочной тщательностью отгораживать свои интересы отъ интересовъ товарища-студента или друга — это, воля ваша, безплодный трудъ. Мое ли перейдетъ къ нему, его ли ко мнѣ, чортъ ли въ этомъ? Я знаю, что самъ съ удовольствіемъ сдѣлаю ему одолженіе, и потому съ полной довѣрчивостью принимаю отъ него такое же одолженіе. Чтобы показать, какъ земляки-болгары вѣрятъ Инсарову, Тургеневъ разсказываетъ о поѣздкѣ послѣдняго за шестьдесятъ верстъ; чтобы

дать образчикъ той колоссальной энергіи, на которую способенъ герой, Тургеневъ изобрѣлъ бросаніе пьянаго нѣмца, и притомъ великана, въ воду. Чтобы дать понятіе о любви Инсарова къ родинѣ, Тургеневъ заставляетъ его бороться съ любовью къ Еленѣ; Инсаровъ готовъ на пользу Болгаріи пожертвовать любимой женщиной, — и это невольно переноситъ читателя въ лучшіе дни Римской республики. Но вотъ что любопытно. Инсаровъ — герой, сильный человѣкъ; отчего же онъ постоянно предоставляетъ Еленѣ иниціативу? Отчего Елена тащитъ его за собою и постоянно сама дѣлаетъ первый шагъ къ сближенію? Отчего Инсаровъ постоянно принимаетъ отъ нея разныя доказательства любви не иначе, какъ послѣ нѣкотораго упрашиванія съ ея стороны? Что это за церемоніи и умѣстны ли онѣ между не-пигмеями? Инсаровъ видитъ, что дѣвушка вышла къ нему навстрѣчу и съ тоской спрашиваетъ у него: отчего же вы не пришли сегодня утромъ? Въ этомъ вопросѣ сказывается любовь, недоумѣніе, страданіе, а Инсаровъ отвѣчаетъ на это: «Я вамъ не обѣщалъ», и старается только отстоять ненарушимость своего слова. Точно будто хозяинъ торговаго дома отвѣчаетъ кредитору: «срокъ вашему векселю не сегодня!» Освободитъ ли Инсаровъ Болгарію — не знаю; но Инсаровъ, какимъ онъ является въ отдѣльныхъ сценахъ романа «Наканунѣ», не представляетъ въ себѣ ничего цѣлостно-человѣческаго и рѣшительно ничего симпатичнаго. Что его полюбила болѣзненно-восторженная дѣвушка, Елена, — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; вѣдь и Титанія гладила съ любовью длинныя уши ослиной головы; но что истинный художникъ, Тургеневъ, соорудилъ ходульную фигуру, стоящую ниже Ратольца, — это очень грустно; это показываетъ радикальное измѣненіе во всемъ міросозерцаніи, это начало увяданія. Кто въ Россіи сходилъ съ дороги чистаго отрицанія, тотъ падалъ. Чтобы освѣтить эту дорогу, по которой идетъ Тургеневъ, стоитъ назвать одно великое имя — Гоголя. Гоголь тоже затосковалъ по положительнымъ дѣятелямъ, да и свернулъ на переписку съ друзьями. Что-то будетъ съ Тургеневымъ? Кромѣ фальшиваго пониманія и уродливаго построенія, въ романѣ «Наканунѣ» есть еще недоговоренность, умышленная недоконченность въ выраженіи главной идеи. Нѣтъ отвѣта на естественный вопросъ: нашла ли Елена своего героя въ Инсаровѣ? Вопросъ этотъ важенъ, потому что ведетъ къ рѣшенію общаго психологическаго вопроса. Что такое мечтательность и исканіе героя? Болѣзнь ли это, порожденная пустотой и пошлостью жизни, или это естественное свойство личности, выходящей изъ обыкновенныхъ размѣровъ? Есть ли это проявленіе силы или проявленіе слабости? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было создать для Елены самыя благопріятныя обстоятельства и тогда въ картинахъ и образахъ пока-

зать намъ: счастлива ли она, или нѣтъ? А тутъ, что̀ такое? Инсаровъ скоропостижно умираетъ: да развѣ это рѣшеніе вопроса? Къ чему эта смерть, обрывающая романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, замазывающая черной краской неоконченную картину и избавляющая художника отъ труда отвѣчать на поставленный вопросъ? Но, можетъ-быть, Тургеневъ и не задавалъ себѣ этого вопроса? Можетъ-быть, для него центромъ романа была не Елена, а былъ Инсаровъ? Тогда остается только пожалѣть, что въ плохомъ дидактическомъ романѣ, похожемъ на Обломова по идеѣ, встрѣчается такъ много такихъ великолѣпныхъ частностей, какъ, напримѣръ, личности Елены, Шубина и Берсенева, дневникъ Елены, сцена ожиданія, сцены любви и, наконецъ, неподражаемый Уваръ Ивановичъ.

„Дворянское гнѣздо".

(Романъ И. С. Тургенева.)

Вопросъ о томъ, что̀ должны и что̀ могутъ читать дѣвицы, до сихъ поръ не вполнѣ рѣшенъ, несмотря на его важность въ дѣлѣ женскаго воспитанія. Есть много замѣчательныхъ художественныхъ произведеній, которыя, представляя жизнь, какъ она есть, разсматривая и обсуживая явленія современности, отыскивая въ нихъ общечеловѣческую сторону, объясняя ихъ историческимъ развитіемъ народности, заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго просвѣщеннаго человѣка и удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ самой тонкой эстетической критики. Чтеніе такихъ произведеній необходимо для всесторонняго образованія какъ мужчины, такъ и женщины; а между тѣмъ часто случается, что въ подобныхъ произведеніяхъ есть двѣ-три сцены, слишкомъ откровенно разоблачающія несовершенства жизни и слабости человѣческой природы. Тутъ потребности умственной жизни сталкиваются и приходятъ въ борьбу съ понятіями, принятыми въ обществѣ и освященными временемъ, — рождается вопросъ: читать или не читать дѣвушкѣ такое произведеніе? и вопросъ этотъ рѣшается различно, смотря по взгляду на вещи родителей и воспитателей. Иногда пуризмъ доходитъ до такихъ размѣровъ, что изъ рукъ дѣвушки вырываютъ всякій романъ, всякую книгу, въ которой встрѣчается слово «любовь»; при этомъ обыкновенно обращаютъ преимущественное вниманіе не на мысль, не на направленіе книги, а на внѣшнюю форму, на слова и выраженія. Согласить подобныя мнѣнія, еще живущія въ нашемъ обществѣ, съ сколько-нибудь жизненнымъ взглядомъ на образованіе и на ту роль, которую должно играть въ образованіи чтеніе, невозможно; итти прямо наперекоръ принятымъ понятіямъ общества, не обращать на нихъ никакого вниманія также нельзя.

Этимъ можно только возбудить недовѣріе и озлобленіе въ приверженцахъ прежняго порядка вещей; ихъ нужно убѣждать разумными доводами, а не раздражать смѣлыми, но безполезными выходками. Что же остается дѣлать, встрѣчаясь съ такими произведеніями, каково, напримѣръ, «Дворянское гнѣздо», послѣдній романъ И. С. Тургенева? Пройти его молчаніемъ нельзя, во имя любви къ нашей словесности, во имя того, что «Дворянское гнѣздо» вмѣстѣ съ «Рудинымъ» представляетъ собою полный результатъ художественной дѣятельности одного изъ нашихъ первоклассныхъ писателей. Рекомендовать его для чтенія дѣвицамъ трудно: въ положеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ самой завязкѣ романа много горькой жизненной истины. А что слишкомъ истинно, то, какъ извѣстно, принято до времени скрывать. Находясь въ подобномъ затруднительномъ положеніи, мы рѣшились выбрать среднюю дорогу. Мы указали родителямъ и воспитателямъ на тѣ препятствія, которыя могутъ встрѣтиться при чтеніи «Дворянскаго гнѣзда»; теперь мы постараемся въ нашемъ отчетѣ, минуя частности и подробности, показать, почему необходимо познакомить дѣвицъ съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ произведеніемъ. И. С. Тургеневъ, какъ извѣстно, вѣроятно, всѣмъ нашимъ читательницамъ, знакомымъ съ «Записками охотника», съ «Рудинымъ», съ «Дворянскимъ гнѣздомъ», съ «Муму», съ «Асею»,—истинный художникъ, и художникъ преимущественно русскій. Русская національность выражается какъ въ созданіи русскихъ типовъ, такъ и въ отношеніи самого художника къ создаваемымъ имъ типамъ. Дѣйствующія лица повѣстей и разсказовъ Тургенева живутъ одной жизнью съ своимъ авторомъ. Выразимся точнѣе: у каждаго изъ выведенныхъ лицъ есть что-то общее съ авторомъ, какая-нибудь точка соприкосновенія: въ пониманіи вещей, въ складѣ ума представляемыхъ личностей есть такія оригинальныя черты, такія неуловимыя, но характеристичныя частности, которыя вырабатываетъ только русская жизнь, которыя можетъ оцѣнить и подмѣтить только человѣкъ, сжившійся съ этой жизнью, одаренный тѣмъ же національнымъ складомъ ума, перечувствовавшій на себѣ интересы и стремленія, волновавшія русское общество, и притомъ перечувствовавшій ихъ такъ, какъ чувствуетъ и воспринимаетъ ихъ русскій человѣкъ. Знаніе русской жизни, и притомъ знаніе не книжное, а опытное, вынесенное изъ дѣйствительности, очищенное и осмысленное силою таланта и размышленія, сказывается во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева и особенно ярко выразилось въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», самомъ стройномъ и законченномъ изъ его созданій. Всѣ дѣйствующія лица его романа, начиная отъ русской дѣвушки Лизы и кончая русскимъ лакеемъ старыхъ временъ Антономъ, въ высшей степени оригинальны и жизненны; всѣ они созданы изъ тѣхъ элементовъ, ко-

торые всѣ мы знаемъ и изъ которыхъ, со времени реформы Петра, мало-по-малу слагается наша общественная и частная жизнь. Всѣ они — представители настоящаго или непосредственнаго прошедшаго. Есть между ними и лучшіе люди, есть и дюжинные, но ни одинъ изъ нихъ не обогналъ своего вѣка, ни одинъ, подобно Штольцу, не является предвѣстникомъ будущаго, и, слѣдовательно, ни одного изъ нихъ нельзя, подобно Штольцу, упрекнуть въ томъ, что онъ—лицо, произвольно созданное авторомъ изъ такихъ элементовъ, которые еще не сдѣлались достояніемъ нашей жизни. Тургеневъ въ своемъ романѣ не говоритъ намъ о томъ, что̀ должно быть; онъ представляетъ намъ то, что̀ есть. Дидактизма нѣтъ и тѣни; а между тѣмъ «Дворянское гнѣздо» вполнѣ поучительный романъ: онъ рисуетъ современную жизнь, оттѣняетъ ея хорошія и дурныя стороны, объясняетъ происхожденіе выведенныхъ явленій и вызываетъ читателя на серьезныя и плодотворныя размышленія. Когда мы изучаемъ исторію, намъ рѣдко удается заглянуть въ душу людей извѣстной эпохи, не всегда удается перенестись въ кругъ ихъ понятій, объяснить себѣ, какъ смотрятъ они на себя, на міръ, на свои отношенія къ обществу, къ семейству и къ человѣчеству. Такія черты не заносятся въ лѣтописи, гдѣ говорится только о войнахъ, мирныхъ договорахъ и дѣйствіяхъ государей. Внутренняя, духовная жизнь эпохи можетъ отразиться только въ художественномъ произведеніи. На этомъ основаніи нѣкоторыя подобныя произведенія стоятъ на ряду съ драгоцѣннѣйшими историческими памятниками. Къ числу такихъ произведеній можно отнести «Евгенія Онѣгина», «Героя нашего времени», «Мертвыя души», «Обломова» и «Дворянское гнѣздо». Онѣгинъ, Печоринъ и Обломовъ воплотили въ себѣ различныя фазы болѣзни вѣка, поражавшей лучшихъ представителей прошлаго поколѣнія; «Мертвыя души» и «Дворянское гнѣздо» представили въ рядѣ свѣжихъ, жизненныхъ картинъ бытъ и понятія средняго класса нашего общества. «Мертвыя души» обнимаютъ собою преимущественно отрицательныя явленія этой жизни, ея «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства»; «Дворянское гнѣздо» беретъ ея лучшихъ представителей и показываетъ намъ, что̀ въ нихъ есть хорошаго и чего недостаетъ, что̀ слѣдовало бы добавить и исправить. Въ названныхъ нами произведеніяхъ высказалась вторая четверть XIX столѣтія; въ нихъ прослѣженъ весь процессъ внутренней жизни и развитія нашего общества въ этотъ періодъ времени.

Приступимъ теперь къ изложенію мысли автора, выраженной имъ въ выборѣ и группировкѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Не имѣя возможности касаться всѣхъ личностей и положеній, мы ограничимся анализомъ трехъ характеровъ, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, довольно полно и ясно выразилась основная мысль. Мы будемъ

говорить только о Паншинѣ, о Лаврецкомъ и о Лизѣ, упоминая объ остальныхъ личностяхъ настолько, насколько онѣ оттѣняютъ или объясняютъ собою черты ихъ характера или процессъ ихъ развитія.

Владиміръ Николаевичъ Паншинъ — чиновникъ, артистъ, свѣтскій человѣкъ, очень неглупый и довольно образованный, схватившій на лету карьеру, положеніе въ обществѣ и даже довольно современный, но очень поверхностный взглядъ на вещи; онъ прекрасно характеризуется однимъ словомъ угрюмаго, ученаго, но забитаго жизнью музыканта Лемма. «Онъ дилетантъ», говоритъ старый нѣмецъ о молодомъ и блестящемъ свѣтскомъ человѣкѣ, умѣющемъ соединять съ своими успѣхами въ обществѣ практическій взглядъ на административную дѣятельность и внѣшнюю, очень приличную, но вовсе неискреннюю воспріимчивость къ разнообразнымъ проявленіямъ изящнаго. За Паншина заступается въ разговорѣ съ Леммомъ Лизавета Михайловна Калитина. «Вы къ нему несправедливы, — говоритъ она: — онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать».—«Да,—продолжаетъ музыкантъ:—все—второй нумеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ: ну, и браво». Въ этихъ правдивыхъ словахъ добросовѣстнаго труженика обрисованъ весь Паншинъ: онъ — дилетантъ и во вседневной жизни, и въ служебной своей дѣятельности, и особенно въ искусствѣ, которое подъ его руками превращается вполнѣ въ изящную игрушку, въ talent de societé или d'agrément. Паншинъ не служитъ никакому дѣлу, не преданъ никакой идеѣ, не выработалъ себѣ никакого твердаго, дорогого убѣжденія; прожить весело и спокойно, нравиться окружающимъ людямъ, рисоваться передъ ними разнообразными дарованіями и чистотой нравственныхъ правилъ, возбуждать ихъ изумленіе и благоговѣніе вычитанной и кстати приведенной мыслью и, наконецъ, путями всѣхъ этихъ разнородныхъ, пустыхъ, но въ сущности безгрѣшныхъ успѣховъ достигнуть подъ старость высокаго чина и обезпеченнаго состоянія — вотъ цѣль Паншина въ жизни, и этой цѣли онъ, навѣрное, достигнетъ, потому что онъ — человѣкъ умный, не настолько безнравственный или смѣлый, чтобы оскорбить какой-нибудь продѣлкой даже самое чуткое общественное мнѣніе, и не настолько благородный и пылкій, чтобы всей душой принять какое-нибудь убѣжденіе и во имя этого убѣжденія пожертвовать карьерой и временными выгодами. Паншинъ — сухой человѣкъ, примѣняющій и общія идеи и высшія стремленія къ мелкимъ выгодамъ своего я, но въ то же время тщательно скрывающій отъ всѣхъ другихъ свой узкій эгоизмъ. Онъ драпируется и постоянно играетъ роль. То онъ является государственнымъ человѣкомъ, заботящимся о трудахъ народа и горячо принимающимъ къ сердцу все, что можетъ упрочить

его благосостояніе и содѣйствовать его развитію. Въ этомъ случаѣ его пылкія и, повидимому, вдохновенныя рѣчи отличаются преобладаніемъ общихъ мѣстъ и незнаніемъ истиннаго дѣла, незнаніемъ народнаго характера и народной жизни. То онъ прикидывается художникомъ, умно говоритъ о Шекспирѣ и Бетховенѣ, съ чувствомъ поетъ, съ видомъ знатока кладетъ широкіе штрихи на единственный ландшафтъ, который рисуетъ во всѣхъ альбомахъ знакомыхъ дамъ и дѣвицъ. Здѣсь Леммъ, истинный художникъ по чувству и спеціалистъ своего дѣла по знаніямъ, прямо угадываетъ его неискренность и смѣло говоритъ, что онъ неспособенъ вѣрно понимать и глубоко чувствовать. То Паншинъ просто является добрымъ, откровеннымъ малымъ, у котораго нѣтъ ни затаенной мысли, ни расчета, — человѣкомъ, увлекающимся минутными порывами, поддающимся мимолетнымъ впечатлѣніямъ и способнымъ, по живости и безпечности характера, надѣлать глупостей и поставить себя въ затруднительное и неловкое положеніе. Тутъ притворство его обнаруживается тѣмъ, что онъ, являясь на словахъ добрымъ и простымъ малымъ, на дѣлѣ держитъ себя самымъ политическимъ образомъ. Онъ шутитъ, фамильярничаетъ, позволяетъ себѣ вольности, но настолько, насколько можно: онъ никогда не забывается. Шутки его иногда оскорбляютъ личности; но онъ шутитъ только съ беззащитными людьми, — съ тѣми, кто стоитъ ниже его, или съ тѣми, кто не пойметъ ироніи и приметъ ее за чистую монету. Нельзя сказать, чтобы Паншинъ постоянно сознательно лгалъ, играя свои роли: онъ самъ увѣренъ, что онъ и артистъ, и администраторъ, и славный малый. Потому онъ чрезвычайно доволенъ всей своей особой вообще и каждымъ изъ своихъ прекрасныхъ качествъ въ особенности; онъ — актеръ, увлекающійся своей ролью и забывающій дѣйствительность. Дѣйствительности своей онъ собственно и не знаетъ: вѣчно рисуясь и передъ другими и передъ собою, онъ не успѣлъ возвыситься до безпристрастнаго размышленія надъ самимъ собою и никогда не задавалъ себѣ существеннаго вопроса: чѣмъ онъ долженъ быть и что онъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ Паншинъ — человѣкъ одного разбора съ Молчалинымъ («Горе отъ ума») и Чичиковымъ («Мертвыя души»); онъ приличнѣе ихъ обоихъ и несравненно умнѣе перваго. Поэтому, чтобы достигнуть тѣхъ же цѣлей, къ которымъ идутъ и Молчалинъ, и Чичиковъ, чтобы далеко обогнать того и другого, Паншину не нужно будетъ ни ползать, ни мошенничать: достаточно будетъ улыбнуться въ одномъ мѣстѣ, сказать ловкую фразу въ другомъ, почтительно выслушать нелѣпое разсужденіе въ третьемъ, прикинуться рыцаремъ чести въ четвертомъ — и на избранника судьбы широкой рѣкой польются земныя блага. Чичиковъ и Молчалинъ — мелкіе торгаши, оттого къ нимъ и прилипаетъ грязь ихъ ремесла;

Паншинъ — промышленникъ большой руки, и потому онъ останется бариномъ и честнымъ человѣкомъ, не по убѣжденію, а потому, что оно и выгодно, и спокойно. По внутреннимъ свойствамъ души, онъ ничѣмъ не лучше обоихъ своихъ предшественниковъ,—цѣль въ жизни у нихъ одна; все различіе заключается только во внѣшнемъ образованіи да во внѣшней обстановкѣ. Такихъ людей формируетъ наше общество, оно воспитываетъ ихъ съ малыхъ лѣтъ въ своихъ салонахъ или канцеляріяхъ; оно потворствуетъ имъ своимъ благоволеніемъ и позволяетъ имъ достигнуть желанной цѣли, ежели они идутъ къ ней осторожно и прилично, не производя скандала и не марая себя вопіющей безнравственностью. Въ романѣ Тургенева Паншинъ представленъ въ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ своей жизни: онъ любитъ достойную дѣвушку. Чувство, повидимому, очень благородное, но тутъ надо принять въ соображеніе три обстоятельства:

1) Онъ любитъ дѣвушку очень богатую, — дѣвушку, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляется ему приличной, почти блестящей партіей.

2) Онъ продолжаетъ рисоваться передъ любимой дѣвушкой во все продолженіе романа; онъ рисуется торжественной важностью, когда дѣлаетъ предложеніе, рисуется мрачнымъ спокойствіемъ, когда впослѣдствіи получаетъ отказъ. Чувство во все продолженіе дѣйствія не вызвало у него ни одного живого, задушевнаго, неразсчитаннаго слова.

3) Онъ не понималъ и не зналъ любимой дѣвушки; разговоръ ихъ вертѣлся въ общихъ сферахъ музыки, живописи, поэзіи. Онъ говорилъ о нихъ, какъ дилетантъ и свѣтскій человѣкъ. Она слушала его равнодушно и отвѣчала прилично, потому что въ разговорѣ не было одушевленія, не было и откровенности. Зная одну наружность дѣвушки и довольствуясь этимъ знаніемъ, онъ не могъ любить сильно; въ тотъ самый день, когда неблагопріятно рѣшилась его судьба, онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ пѣлъ, игралъ въ карты и велъ пустой разговоръ съ женщиной, не заслужившей ни уваженія, ни сочувствія развитого человѣка. Вотъ каковъ Паншинъ!

Лаврецкій — человѣкъ, много пережившій, испытавшій и радость, и горе, вдумывавшійся въ себя и въ свои отношенія къ людямъ и выработавшій себѣ, наконецъ, путемъ серьезныхъ занятій, путемъ размышленія и опыта, умѣнье владѣть своимъ внутреннимъ міромъ, сдерживать порывы чувства и мириться съ жизнью, несмотря на ея мрачныя стороны, несмотря на тѣ страданія, которыя выпадаютъ въ ней на долю людей съ развитымъ умомъ и нѣжнымъ чувствомъ. Все участіе Лаврецкаго въ дѣйствіи романа представляется рядомъ незаслуженныхъ страданій, среди которыхъ крѣпнетъ и формируется его

мужественная личность, — крѣпнетъ, не черствѣя, не теряя живой воспріимчивости ко всему изящному въ природѣ и въ человѣкѣ. Его, какъ онъ самъ выражается, съ дѣтства вывихнули уродливымъ воспитаніемъ, отъ послѣдствій котораго ему трудно оправиться до зрѣлаго возраста; въ немъ пробудили любознательность и не направили ея, ему не дали даже элементарныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ бросили въ его свѣжую и здоровую голову нѣсколько идей, взятыхъ изъ философіи XVIII вѣка, пересаженныхъ на русскую почву и понятыхъ особеннымъ, оригинальнымъ образомъ; суровымъ, почти спартанскимъ воспитаніемъ ему придали полноту и крѣпость физическихъ силъ — и не указали исхода этимъ силамъ. До двадцатитрехлѣтняго возраста его не познакомили ни съ жизнью, ни съ наукой, въ немъ развили только твердость воли, и эта твердость пригодилась ему на то, чтобы, не пугаясь упущеннаго времени, приняться за перевоспитаніе самого себя. Но между тѣмъ жизнь не ждетъ и предъявляетъ свои права, заставляетъ его итти впередъ тогда, когда нѣтъ еще ни опытности, ни умѣнья осмысливать свои поступки, когда дѣло перевоспитанія только что началось. Лаврецкій дѣлаетъ промахъ въ жизни, — промахъ, не легшій пятномъ на его совѣсть, но окончательно испортившій его будущую участь. Послѣдствія этого промаха — неудачнаго и неосторожнаго выбора жены по первому впечатлѣнію — развиваются въ романѣ и составляютъ его главную завязку. Лаврецкій является на сцену уже человѣкомъ 35 лѣтъ, уже знакомый съ тяжелымъ страданіемъ. Первое впечатлѣніе горести уже пережито имъ; но въ душѣ остались неизгладимые слѣды. Онъ не далъ горю опутать и обезсилить себя, не сталъ имъ рисоваться передъ самымъ собою, но, вглядѣвшись въ свое положеніе, сказалъ себѣ просто, что не видитъ впереди возможности счастья и наслажденія; онъ мирится съ этой безнадежностью и при этомъ примиреніи умѣетъ уберечься отъ той апатіи, въ которую часто впадаютъ люди, обманутые жизнью. Наслажденія жизни кончились, говоритъ онъ себѣ, но остались обязанности, и это сознаніе неисполненнаго долга, — сознаніе, что онъ можетъ и долженъ быть полезенъ окружающимъ и зависящимъ отъ него людямъ, даетъ ему силы жить, не ожидая и не требуя ничего отъ жизни. Лаврецкій не признаетъ себя разочарованнымъ, и онъ, дѣйствительно, не разочарованный; онъ не возводитъ собственнаго, случайнаго несчастія въ общее правило, не смотритъ съ недовѣріемъ и насмѣшкой на чужія радости, не чувствуетъ къ людямъ отвращенія, не отвергаетъ въ нихъ существованія добра, хотя, конечно, не вѣритъ ему съ прежнимъ юношескимъ увлеченіемъ. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы самъ онъ могъ еще разъ помолодѣть душой и испытать счастье взаимной любви; но, когда это счастье встрѣчается

съ нимъ, онъ не отталкиваетъ его, начинаетъ ему вѣрить и предается своему новому чувству безъ боязни, безъ мрачныхъ предчувствій, съ полнымъ, святымъ наслажденіемъ, которымъ онъ дорожитъ тѣмъ болѣе, что уже знаетъ ему цѣну и что не смѣлъ болѣе надѣяться на него. Несчастье дѣйствуетъ на людей различно, смотря по степени ихъ ума и нравственныхъ силъ: однихъ оно убиваетъ, повергаетъ въ апатію или ожесточаетъ, это люди съ слабой волей, тратящейся на исполненіе мелкихъ прихотей и измѣняющей имъ тогда, когда нужно бороться и терпѣть, или это люди съ узкимъ и невполнѣ развитымъ умомъ, — люди, неспособные обсуживать своего положенія,—люди, выводящіе общія правила изъ мелкихъ случайностей, становящіеся на ходули и считающіе себя какими-то несчастными избранниками, жертвами, гонимыми рокомъ. Ихъ безсильная злоба на то, что они назыв[illegible]ютъ своей судьбой, кажется имъ законнымъ и великимъ чувствомъ; а ежели посмотрѣть на дѣло со стороны, то увидишь, что эта злоба такъ же безпредметна, какъ смѣшонъ гнѣвъ ребенка, ударившагося объ столъ и старающагося выместить на немъ свою боль. Къ числу такихъ жалкихъ, больныхъ людей, окисляющихся подъ вліяніемъ несчастія, принадлежатъ всѣ герои Байрона и его послѣдователей, — герои, возбуждавшіе такое благоговѣніе и сочувствіе въ началѣ прошлаго столѣтія. Другихъ людей несчастье возвышаетъ и очищаетъ. Въ нихъ спятъ несознанныя ими самими душевныя силы; чтобы пробудить эти силы, нуженъ иногда сильный толчокъ, который, разрывая связь человѣка съ окружающими его внѣшними предметами, принудилъ бы его оглянуться на себя и привести въ извѣстность свое внутреннее достояніе. Такимъ толчкомъ бываетъ несчастье. Послѣ такого толчка эти люди становятся терпимѣе къ другимъ; они полнѣе понимаютъ чужія страданія и живѣе сочувствуютъ чужимъ радостямъ, хотя подчасъ и грустно становится у нихъ на душѣ; несчастье дѣлается для нихъ школою; изъ тяжелаго опыта они выносятъ умѣнье сдерживать и осмысливать свои порывы, умѣнье различать людей, умѣнье выбирать наслажденія и довольствоваться тѣмъ, что есть, не требуя невозможнаго и не мучась произвольно создаваемыми фантазіями и сомнѣніями. Только такихъ людей можно назвать людьми крѣпкими и нравственно здоровыми. Къ числу такихъ людей принадлежитъ Лаврецкій. Онъ не отступаетъ отъ борьбы, пока можно бороться, и умѣетъ покоряться молча, съ мужественнымъ достоинствомъ, тамъ, гдѣ нѣтъ другого исхода. Послѣдней способностью обладаютъ немногіе. На личности Лаврецкаго лежитъ явственно обозначенная печать народности. Ему никогда не измѣняютъ русскій, незатѣйливый, но прочный и здравый практическій смыслъ и русское добродушіе, иногда угловатое и неловкое, но всегда искреннее и не-

приготовленное. Лаврецкій простъ въ выраженіи радости и горя; у него нѣтъ возгласовъ и пластическихъ жестовъ, не потому, чтобы онъ подавлялъ ихъ, а потому, что это не въ его природѣ; онъ, какъ русскій человѣкъ, страдаетъ про себя и способенъ скорѣе къ тихому чувству, къ заупывности, къ продолжительной тоскѣ, о которой поютъ наши народныя пѣсни, нежели къ бурнымъ взрывамъ отчаянія и къ стремительнымъ движеніямъ страсти. Въ драматическія минуты его жизни въ немъ иногда шевелятся грубыя, дикія чувства; но они не омрачаютъ разсудка и, тотчасъ подавленныя размышленіемъ, замираютъ въ груди, не найдя себѣ выхода. У Лаврецкаго есть еще одно чисто русское свойство: легкій, безобидный, полузадумчивый, полугривый юморъ пронпкаетъ собою почти каждое его слово; онъ добродушно шутитъ съ другими и часто, смотря со стороны на свое положеніе, находитъ въ немъ комическую сторону, и съ той же добродушной шутливостью относится къ собственной личности и затрогиваетъ такіе предметы, которыхъ воспомпнаніе заставляетъ сердце обливаться кровью. Когда случается ему укорять себя въ чемъ-нибудь, онъ рѣдко укоряетъ серьезно, съ желчью или съ негодованіемъ. Онъ никогда не впадаетъ въ трагизмъ; напротивъ, отношеніе его къ собственной личности тутъ остается юмористическимъ. Онъ добродушно, съ оттѣнкомъ тихой грусти, смѣется и надъ собою, и надъ своими увлеченіями и надеждами. Личность Лаврецкаго рельефно выдвигается въ романѣ Тургенева, тѣмъ болѣе, что она оттѣнена съ двухъ сторонъ: съ одной стороны ее оттѣняетъ космополитъ и мелкій эгоистъ Паншинъ, съ другой — энтузіастъ, мечтатель, претендующій на титулъ фанатика, Михалевичъ. Въ первомъ господствуетъ копеечный расчетъ; во второмъ непомѣрно развито чувство, не допускающее никакого разсужденія и не обращающее вниманія на опытъ; въ первомъ все искусственно и размѣрено, во второмъ все широко и размашисто и стремленія, и надежды, и внѣшнее обращеніе; первый смотритъ на жизнь, какъ на спекуляцію, въ которой можно выиграть столько-то выгодъ, столько-то почестей, столько-то наслажденій, второй видитъ въ ней фанатическое, самоотверженное служеніе какому-то долгу, обширному, великому, о которомъ онъ, впрочемъ, самъ не составилъ себѣ яснаго понятія. Лаврецкій держитъ средину между тѣмъ и другимъ; его разсудокъ сдерживаетъ чувство, а чувство охраняетъ его отъ сухости и черствости; онъ не выходитъ изъ границъ здраваго смысла, но и не останавливается на чисто положительной, сухо практической сторонѣ жизни; онъ живетъ всѣми сторонами своего существа и стремится къ полной, примиряющей гармоніи. Столкновеніе Лаврецкаго съ Паншинымъ показываетъ различіе между заносчивымъ дилетантомъ-космополитомъ, судящимъ о народности, которой онъ не

знаетъ, и человѣкомъ жизни, патріотомъ безъ претензій, основательно знающимъ нужды своихъ соотечественниковъ и дѣйствительно сочувствующимъ интересамъ ихъ развитія. Столкновеніе Лаврецкаго съ Михалевичемъ обнаруживаетъ слабыя стороны ихъ обоихъ. Безцѣльный энтузіазмъ Михалевича составляетъ рѣзкую противоположность съ медленностью и нерѣшительностью Лаврецкаго. Первый кричитъ о долгѣ и дѣятельности, но не выходитъ изъ общихъ мѣстъ и самъ не можетъ опредѣлить, чего онъ требуетъ; второй знаетъ свои обязанности, но, по свойственной русскимъ людямъ обломовщинѣ, долго собирается взяться за дѣло, мѣшкаетъ и безполезно тратитъ время. Лаврецкій — не энергическій человѣкъ, хотя въ немъ много жизненныхъ силъ и здороваго ума; недостатокъ энергіи, которымъ вообще страдаетъ русская народность, происходитъ въ немъ, быть-можетъ, просто отъ физіологическихъ или климатическихъ условій. Оттѣняя собою его хорошія качества, эта черта придаетъ его личности послѣднюю опредѣленность и сообщаетъ его образу печать поэтической жизненной правды. Личность Лаврецкаго во все продолженіе романа совершенствуется и очищается путемъ тяжелыхъ испытаній; она достигаетъ полнаго своего развитія уже въ эпилогѣ. Лаврецкій является тамъ человѣкомъ пожилымъ; онъ кончилъ навсегда личные расчеты съ жизнью, взялся за серьезное и полезное дѣло и въ этомъ дѣлѣ нашелъ себѣ ежели не счастье, то, по крайней мѣрѣ, разумное, достойное мыслящаго человѣка успокоеніе. Тургеневъ показываетъ намъ Лаврецкаго въ такую минуту, при такой обстановкѣ, которая можетъ служить пробнымъ камнемъ его нравственныхъ силъ: онъ приводитъ его послѣ восьмилѣтняго отсутствія въ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ думалъ во второй разъ найти счастье, въ которыхъ быстро промелькнулъ его романъ, получившій такую печальную развязку. На знакомыхъ мѣстахъ уже нѣтъ знакомыхъ людей; ихъ мѣсто замѣнило новое поколѣніе, которое рѣзвится и смѣется, передъ которымъ широко и безоблачно открывается жизнь. Лаврецкій погружается въ свои воспоминанія и въ то же время прислушивается къ шумнымъ восклицаніямъ свѣжихъ, молодыхъ голосовъ. Онъ задумывается, ему становится грустно, въ его душу напрашиваются образы и звуки былого, а между тѣмъ вокругъ него роскошная, расцвѣтающая жизнь громко и смѣло предъявляетъ свои права на настоящее, и Лаврецкій отъ чистаго сердца, безъ желчи и безъ зависти, признаетъ эти права и желаетъ счастья молодому поколѣнію.

Ему грустно отъ воспоминаній, а не отъ чужого веселья. Эта черта, превосходно выраженная въ концѣ эпилога, доказываетъ, что Лаврецкій достигъ полной гармоніи, полной побѣды надъ мелкимъ и завистливымъ эгоизмомъ, растравляющимъ душевныя раны и слу-

жащимъ основой той мизантропіи, которой отличаются другіе, менѣе благородные страдальцы.

Говоря о личности Лаврецкаго, мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ читательницъ на тѣ замѣчательныя главы, въ которыхъ авторъ представляетъ генеалогію своего героя и рисуетъ рядъ фамильныхъ портретовъ, начиная отъ прадѣда Лаврецкаго, русскаго барина стараго покроя, мрачнаго, жестокаго и своенравнаго, жившаго, вѣроятно, еще тогда, когда реформа Петра едва коснулась верхнихъ слоевъ нашего общества. Въ этихъ главахъ очерчено широкими штрихами нѣсколько чрезвычайно характерныхъ личностей, непохожихъ другъ на друга и, между тѣмъ, носящихъ на себѣ одинъ общій отпечатокъ русской народности. Значеніе духа нашей старины, значеніе тѣхъ идей и вліяній, которое выносило въ себѣ наше общество съ половины XVIII вѣка, и, наконецъ, то удивительное пониманіе русскаго человѣка разныхъ временъ и слоевъ общества, которое отличаетъ собою произведенія Тургенева, выразились въ этихъ главахъ какъ въ группировкѣ личностей, такъ и въ выборѣ немногихъ, но чрезвычайно характерныхъ подробностей.

Въ началѣ нашей статьи мы замѣтили, что всѣ дѣйствующія лица «Дворянскаго гнѣзда» цѣликомъ взяты изъ современности, что ни одно изъ нихъ ни въ какомъ отношеніи не обогнало своего вѣка, хотя многія относятся къ его лучшимъ представителямъ. Это замѣчаніе оказалось примѣнимымъ къ личностямъ Паншина и Лаврецкаго. Одинъ изъ нихъ — чистое порожденіе испорченнаго общества; другой, успѣвшій выработать себѣ болѣе самостоятельную нравственную физіономію, также является намъ сыномъ своего народа, русскимъ человѣкомъ, выносившимъ въ себѣ всѣ вліянія, или, по выраженію одного современнаго критика, всѣ вѣянія эпохи. Эти вѣянія выразились и въ его воспитаніи, и въ событіяхъ его жизни. Но самымъ яркимъ подтвержденіемъ нашего замѣчанія мы считаемъ характеръ Лизаветы Михайловны Калитиной, одной изъ самыхъ граціозныхъ женскихъ личностей, когда-либо созданныхъ Тургеневымъ. Лиза — дѣвушка, богато одаренная природой; въ ней много свѣжей, неиспорченной жизни; въ ней все искренно и неподдѣльно. У нея есть и природный умъ, и много чистаго чувства. По всѣмъ этимъ свойствамъ она отдѣляется отъ массы и примыкаетъ къ лучшимъ людямъ нашего времени. Но богато одаренныя натуры родятся во всякое время; умныя, искренно и глубоко чувствующія дѣвушки, неспособныя на мелкій расчетъ, бываютъ во всякомъ обществѣ. Не въ природныхъ качествахъ души и ума, а во взглядѣ на вещи, въ развитіи этихъ качествъ и въ ихъ практическомъ примѣненіи должно искать вліянія эпохи на отдѣльную личность. Въ этомъ отношеніи Лиза не обогнала своего

вѣка; личность ея сформировалась подъ вліяніемъ тѣхъ элементовъ, которыхъ различныя видоизмѣненія мы ежедневно встрѣчаемъ въ нашей современной жизни. Чтобы яснѣе высказать нашу мысль, мы позволимъ себѣ провести параллель между Ольгой Сергѣевной Ильинской, стоящей на нѣсколько десятилѣтій впереди нашего времени, и Лизой, современной русской дѣвушкой. У той и другой природныя качества почти тѣ же: та же искренность и естественность, тотъ же природный здравый смыслъ, та же женственная мягкость и грація поступковъ и душевныхъ движеній. Обѣ онѣ рѣзко отдѣляются отъ массы свѣтскихъ барышень, обѣ онѣ стоятъ неизмѣримо выше ихъ; но на этомъ и останавливается сходство. Въ Ольгѣ есть живая любознательность, въ Лизѣ ея незамѣтно; въ Ольгѣ женственность совмѣщается съ ея смѣлостью мысли, со способностью оцѣнивать и критиковать личности, со стремленіемъ къ умственной самостоятельности; въ Лизѣ женственность выражается въ робости, въ стремленіи подчинить чужому авторитету свои мысль и волю, въ нежеланіи и неумѣніи пользоваться врожденной проницательностью и критической способностью. Ольга, любя Обломова, разгадываетъ его личность и честно, открыто говоритъ ему, что онъ ей не по плечу, что они вмѣстѣ не могутъ быть счастливы; Лиза, не любя Паншина, отказывается обсуживать его личность и, по волѣ матери, готова сдѣлаться его женою. Отъ этого ложнаго шага въ жизни ее спасаетъ не собственное размышленіе, выручившее Ольгу, а постороннее вліяніе. Ежели при этомъ взять во вниманіе, насколько личность Обломова чище и возвышеннѣе личности Паншина, ежели сообразить, какое вліяніе должно было имѣть на сужденіе дѣвушки чувство, то нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что между Ольгою и Лизою существуетъ значительное различіе. Ольга сознаетъ свое личное достоинство; на нее уже пахнуло воздухомъ свободы, до нея коснулось вѣяніе новыхъ идей о самостоятельности женщины, какъ человѣческой личности, имѣющей полное право на всестороннее развитіе и на участіе въ умственной жизни человѣчества. Эти идеи пустили въ ней такіе глубокіе корни и принесли такіе прекрасные плоды, какихъ еще въ наше время нельзя и ожидать. Лиза стоитъ внѣ дѣйствія этихъ идей; она допрежнему считаетъ покорность высшей добродѣтелью женщины; она молча покоряется, насильно закрываетъ себѣ глаза, чтобы не видать несовершенствъ окружающей ея сферы. Помириться съ этой сферой она не можетъ: въ ней слишкомъ много неиспорченнаго чувства истины; обсуживать или даже замѣчать ея недостатки она не смѣетъ, потому что считаетъ это предосудительной и безнравственной дерзостью. Потому, стоя неизмѣримо выше окружающихъ ее людей, она старается себя увѣрить, что она такая же, какъ и

они, даже, пожалуй, хуже, что отвращеніе, которое возбуждаетъ въ ней зло или неправда, есть тяжкій грѣхъ, нетерпимость, недостатокъ смиренія. При случаѣ, гдѣ только есть какая-нибудь возможность, она даже готова увѣрить себя, что чужой проступокъ или чужое горе произошли по ея винѣ, что она слезами и молитвою должна загладить свое невольное, никогда даже несовершенное, но, тѣмъ не менѣе, тяготѣющее надъ нею преступленіе; ея чуткая совѣсть находится въ постоянной тревогѣ; не выработавъ въ себѣ критической способности, боясь предоставить себя своему природному здравому смыслу, избѣгая обсуживанія, которое она смѣшиваетъ съ осужденіемъ, Лиза во всякомъ движеніи своемъ, во всякой невинной радости предчувствуетъ грѣхъ, страдаетъ за чужіе проступки, упрекаетъ себя въ томъ, что замѣтила ихъ, и часто готова принести свои законныя потребности и влеченія въ жертву чужой прихоти. Она — вѣчная и добровольная мученица. Личность ея получаетъ отъ этого особенную, трогательную прелесть; но ежели взглянуть на дѣло серьезно, не поддаваясь той инстинктивной симпатіи, которую внушаетъ съ перваго взгляда привлекательный образъ молодой дѣвушки, то нельзя не замѣтить, что Лиза идетъ по ложной и опасной дорогѣ. Истиннымъ можно назвать только такое развитіе, которое ведетъ насъ къ нравственному совершенству и заставляетъ насъ находить счастье въ самомъ процессѣ самосовершенствованія. Такое развитіе должно пробуждать въ насъ потребности и въ то же время должно давать намъ средства удовлетворять этимъ потребностямъ, должно вести эти стремленія къ опредѣленной и разумной цѣли. Но ежели мы будемъ требовать отъ себя невозможнаго, ежели, во имя неправильно понятой буквы нравственнаго закона, мы постоянно будемъ недовольны собою, ежели мы постоянно будемъ тратить свою энергію на совершеніе ненужныхъ подвиговъ смиренія и самоотверженія, тогда мы только измучимъ и истомимъ себя, отравимъ себѣ самыя благородныя и невинныя радости жизни, выпустимъ изъ рукъ собственное разумное счастье и омрачимъ спокойствіе и счастье близкихъ людей своими добровольными и безполезными страданіями. Ежели самодовольствіе ведетъ къ умственной неподвижности, то и постоянное фанатическое стремленіе къ недостижимому идеалу, стоящему выше человѣчества, ведетъ къ ослабленію нравственныхъ силъ, какъ неумѣренныя гимнастическія упражненія изнуряютъ физическія силы. Истинное развитіе должно вести къ равновѣсію всѣхъ силъ человѣческой души. У Лизы равновѣсіе было нарушено. Воображеніе, настроенное съ дѣтства разсказами набожной, но не развитой няньки, и чувство, свойственное всякой женской, впечатлительной природѣ, получили полное преобладаніе надъ критической способностью ума. Считая грѣхомъ

анализировать другихъ, Лиза не умѣетъ анализировать и собственной личности. Когда ей должно на что-нибудь рѣшиться, она рѣдко размышляетъ: въ подобномъ случаѣ она или слѣдуетъ первому движенію чувства, довѣряется врожденному чутью истины, или спрашиваетъ совѣта у другихъ и подчиняется чужой волѣ, или ссылается на авторитетъ нравственнаго закона, который всегда понимаетъ буквально и всегда слишкомъ строго, съ фанатическимъ увлеченіемъ. Словомъ, она не только не достигаетъ умственной самостоятельности, но даже не стремится къ ней и забиваетъ въ себѣ всякую живую мысль, всякую попытку критики, всякое рождающееся сомнѣніе. Въ практической жизни она отступаетъ отъ всякой борьбы; она никогда не сдѣлаетъ дурного поступка, потому что ее охраняютъ и врожденное нравственное чувство, и глубокая религіозность; она не уступитъ въ этомъ отношеніи вліянію окружающихъ, но, когда нужно отстаивать свои права, свою личность, она не сдѣлаетъ ни шага, не скажетъ ни слова и съ покорностью приметъ случайное несчастье, какъ что-то должное, какъ справедливое наказаніе, поразившее ее за какую-то воображаемую вину. При такомъ взглядѣ на вещи у Лизы нѣтъ орудія противъ несчастья. Считая его за наказаніе, она несетъ его съ покорнымъ благоговѣніемъ, не старается утѣшиться, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ стряхнуть съ себя его гнетущее вліяніе: такія попытки показались бы ей дерзкимъ возмущеніемъ. «Мы были наказаны, — говоритъ она Лаврецкому». За что? На это она не отвѣчаетъ; но между тѣмъ убѣжденіе такъ сильно, что Лиза признаетъ себя виновной и посвящаетъ всю остальную жизнь на оплакиваніе и отмаливаніе этой невѣдомой для нея и несуществующей вины. Восторженное воображеніе ея, потрясенное несчастнымъ происшествіемъ, разыгрывается и заводитъ ее такъ далеко, показываетъ ей такой мистическій смыслъ, такую таинственную связь во всѣхъ совершившихся съ нею событіяхъ, что она, въ порывѣ какого-то самозабвенія, сама называетъ себя мученицей, жертвой, обреченной страдать и молиться за чужіе грѣхи. «Нѣтъ, тетушка, — говоритъ она: — не говорите такъ. Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога. Все кончено; кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо: васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего. Чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ. Отзываетъ меня что-то, тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться навѣкъ. Не удерживайте меня,

не отговаривайте; помогите мнѣ, не то я одна уйду»... И такъ кончается жизнь молодого, свѣжаго существа, въ которомъ была способность любить, наслаждаться счастьемъ, доставлять счастье другому и приносить разумную пользу въ семейномъ кругу... и какую значительную пользу можетъ принести въ наше время женщина, какое согрѣвающее, благотворное вліяніе можетъ имѣть ея мягкая, граціозная личность, ежели она захочетъ употребить свои силы на разумное дѣло, на безкорыстное служеніе добру. Отчего же уклонилась отъ этого пути Лиза? Отчего такъ печально и безслѣдно кончилась ея жизнь? Что́ сломило ее? Обстоятельства, скажутъ нѣкоторые. Нѣтъ, не обстоятельства, отвѣтимъ мы, а фанатическое увлеченіе неправильно понятымъ нравственнымъ долгомъ. Не утѣшенія искала она въ монастырѣ, не забвенія ждала она отъ уединенной и созерцательной жизни: нѣтъ! она думала принести собою очистительную жертву, думала совершить послѣдній, высшій подвигъ самоотверженія. Насколько она достигла своей цѣли, пусть судятъ другіе. Говоря о воспитаніи Лизы, Тургеневъ даетъ намъ ключъ къ объясненію, какъ нравственной чистоты ея убѣжденій, непотускнѣвшихъ отъ вреднаго вліянія неразвитаго общества, такъ и излишней строгости и односторонности ея взгляда на жизнь.

Въ воспитаніи Лизы все было направлено къ развитію чувства. Важнѣйшимъ элементомъ этого воспитанія было пламенное религіозное чувство ея няни, попеченіямъ которой она почти исключительно была предоставлена. Наука, до сихъ поръ не пріобрѣтшая права гражданства въ женскомъ образованіи, не могла благотворно подѣйствовать на ея умъ. Искусство, именно музыка затронула ея эстетическое чувство, но не расширила круга ея понятій. Раскрывавшаяся душа ея жадно воспринимала серьезные разсказы няни, проникнутые восторженнымъ, правдивымъ чувствомъ. Воображеніе ребенка получило несоразмѣрное развитіе, а умъ остался робкимъ и неразработаннымъ. Лиза сдѣлалась набожной, она горячо полюбила добро и истину, она вынесла изъ своего дѣтства теплую вѣру и твердыя нравственныя правила, но на этомъ она и остановилась; распоряжаться своими правилами, примѣнять ихъ къ жизни, находить присутствіе духа во всякомъ положеніи, обдумывать свои поступки и опредѣлять свои обязанности размышленіемъ, а не слѣпымъ порывомъ чувства, — этого она не умѣетъ, потому что она руководствуется инстинктомъ или авторитетомъ, создаетъ себѣ призраки, изнемогаетъ въ неестественной борьбѣ съ самыми законными своими побужденіями, ставитъ себѣ въ вину это изнеможеніе и, наконецъ, утомленная внутренними волненіями, рѣшается покинуть все, что ей дорого, и принести послѣднюю жертву. Изъ женскихъ характеровъ, существующихъ въ нашей

литературѣ, Лиза представляетъ всего болѣе сходства съ Татьяною Пушкина: въ той и въ другой замѣтенъ перевѣсъ чувства и воображенія надъ умомъ; разница только въ томъ, что у Татьяны чувство и воображеніе, воспитанныя на романахъ, порождаютъ въ ней болѣзненную мечтательность, работаютъ надъ создаваніемъ романическаго героя и, наконецъ, воплощаютъ этого героя въ лицѣ Евгенія Онѣгина, неспособнаго составить счастье умной и чувствительной женщины. У Лизы чувство и воображеніе воспитаны на возвышенныхъ предметахъ; но они все-таки развиты несоразмѣрно, берутъ перевѣсъ надъ мыслительной силой и также ведутъ къ болѣзненнымъ и печальнымъ уклоненіямъ. Это преобладаніе чувства надъ разсудкомъ выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и составляетъ въ современныхъ женщинахъ явленіе, до такой степени распространенное, что въ педагогической литературѣ неоднократно высказывалось мнѣніе, будто оно такъ и должно быть, будто и преподаваніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ должно сообразоваться съ этимъ необходимымъ свойствомъ женской природы. Мы уже позволяли себѣ высказать противоположное мнѣніе; повторяемъ его и теперь женщинѣ, какъ и мужчинѣ, дана одинаковая сумма прирожденныхъ способностей; но воспитаніе женщины, менѣе реальное, менѣе практическое, менѣе упражняющее критическія способности (нежели воспитаніе мужчины), съ молодыхъ лѣтъ усыпляетъ мысль и пробуждаетъ чувство, часто доводитъ его до неестественнаго, болѣзненнаго развитія. Истинная цѣль реформы, совершающейся на нашихъ глазахъ въ женскомъ воспитаніи, и состоитъ, насколько мы ее понимаемъ, именно въ томъ, чтобы уравновѣсить въ женщинѣ умъ и чувство, чтобы пріучить ее самостоятельно думать, анализировать себя и другихъ и послѣдовательно, безъ увлеченія, но съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ проводить въ жизнь добытыя убѣжденія. Въ этомъ пробужденіи женщины къ дѣйствительной жизни, къ умственной дѣятельности въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, — въ этомъ пробужденіи, говоримъ мы, заключаются задатки прогресса для всего нашего общества. Повторяя теперь уже высказанное нами мнѣніе, мы считаемъ себя въ правѣ подтвердить наши слова авторитетомъ двухъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ нашего времени, Тургенева и Гончарова. Первый высказалъ свое мнѣніе объ образованіи женщины въ созданіи личности Лизы и въ своемъ отношеніи къ этой личности: онъ сочувствуетъ ея прекраснымъ качествамъ, любуется ея граціей, уважаетъ твердость ея убѣжденій, но жалѣетъ о ней и вполнѣ сознается, что она пошла не по тому пути, на который указываютъ человѣку разсудокъ и здоровое чувство. Гончаровъ сказалъ свое слово въ личности Ольги, уравновѣшивающей въ себѣ мысль и чувство. Поднялось

множество голосовъ, сказавшихъ, что женщинъ, подобныхъ Ольгѣ, въ нашемъ обществѣ нѣтъ; но никто не говорилъ, чтобы образъ Ольги былъ неженственъ, чтобы въ немъ не было поэтической правды. Это сужденіе даетъ намъ право сказать, что Ольга — русская женщина новаго поколѣнія, еще не вступавшаго въ жизнь. Требованія, которыя выразилъ Гончаровъ въ созданіи этой личности, невыполнимы теперь: но они законны и могутъ быть выполнены впослѣдствіи, быть-можетъ, въ скоромъ времени. Сравнивая современную дѣвушку Лизу съ будущей дѣвушкой Ольгой, мы можемъ опредѣлить тотъ путь, по которому должно пойти образованіе женщины, можемъ заранѣе разсчитать тѣ результаты, которыхъ оно должно достигнуть. Въ заключеніе нашей статьи еще разъ возвратимся къ Лизѣ и обратимъ вниманіе читательницъ на то, какъ ея личность оттѣнена двумя женскими фигурами: матери ея, Марьи Дмитріевны, и тетки, Маѳы Тимоѳеевны. Первая представляетъ собою типъ, очень распространенный въ нашемъ обществѣ: это взрослый ребенокъ, т.-е. женщина безъ убѣжденій, — женщина, непривыкшая къ размышленію и почти потерявшая способность мыслить; она живетъ и дышитъ одними свѣтскими удовольствіями, свойственными ея уже пожилымъ лѣтамъ; ей нравятся пустѣйшіе и безнравственные люди; семейной жизнью она не живетъ, любви дѣтей и вліянія надъ ними пріобрѣсти не умѣла; она любитъ чувствительныя сцены и щеголяетъ разстроенными нервами и сентиментальностью. Словомъ, она — ребенокъ по развитію, только лишена ребяческой граціи и чистоты. Маѳа Тимоѳеевна — умная и добрая женщина стараго вѣка, не получившая никакого образованія, но одаренная здравымъ смысломъ и той проницательностью, которую обыкновенно пріобрѣтаютъ подъ старость умные люди, много видѣвшіе на своемъ вѣку и не пропускавшіе видѣннаго безъ вниманія. Маѳа Тимоѳеевна — старушка энергическая и дѣятельная, съ рѣзкими и угловатыми манерами, говорящая правду въ глаза и не скрывающая ни своего отвращенія къ нѣкоторымъ сомнительнымъ личностямъ, ни своего добраго расположенія къ тѣмъ, кого она любитъ. Маѳа Тимоѳеевна набожна, но безъ фанатизма; она не терпитъ лжи и безнравственности, но допускаетъ терпимость убѣжденія, не стѣсняетъ свободы совѣсти окружающихъ ее людей. Ей противны гости Марьи Дмитріевны, какъ пустые и вздорные люди, а Лаврецкаго она любитъ, хотя знаетъ, что расходится съ нимъ въ самыхъ существенныхъ понятіяхъ. Практическій смыслъ, мягкость чувствъ, при рѣзкости внѣшняго обращенія, безпощадная откровенность и отсутствіе фанатизма — вотъ преобладающія черты въ личности Маѳы Тимоѳеевны, превосходно очерченной въ романѣ Тургенева. Поставленная между этими двумя женскими личностями, Лиза является въ самомъ

выгодномъ свѣтѣ: рѣзкость приговоровъ, неженственная смѣлость и придирчивость Маріи Тимоѳеевны оттѣняютъ собою ея скромность, стыдливую и граціозную перѣшительность. Что касается до Марьи Дмитріевны, то вся ея неискренняя, жеманная, безцвѣтная личность составляетъ разительный контрастъ съ серьезной, сосредоточенной, строгой фигурой дочери, проникнутой и воодушевленной однимъ принципомъ, истиннымъ и прекраснымъ, но доведеннымъ до крайности. Контрастъ этотъ дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что Марья Дмитріевна — живой типъ, такая женщина, какихъ очень и очень много. Какъ истинный художникъ, Тургеневъ не могъ и не долженъ былъ высказать свою мысль рѣзко: онъ показалъ въ личности Лизы недостатки современнаго женскаго воспитанія, но онъ выбралъ свой примѣръ въ ряду лучшихъ явленій, обставилъ выбранное явленіе такъ, что оно представляется въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Отъ этого идея автора не бросается прямо въ глаза. Ее надо отыскать, въ нее надо вдуматься; но зато она тѣмъ полнѣе и неотразимѣе подѣйствуетъ на умъ читателя. Чѣмъ менѣе художественное произведеніе сбивается на поученіе, чѣмъ безпристрастнѣе художникъ выбираетъ фигуры и положенія, которыми онъ намѣренъ обставить свою идею, тѣмъ стройнѣе и жизненнѣе его картина, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ сю желаннаю дѣйствія. Ежели изображена дѣйствительность во всемъ блескѣ и разнообразіи ея явленій, и ежели всѣ эти явленія, какъ бы нечаянно выхваченныя художникомъ изъ извѣстной намъ жизни, говорятъ намъ одно и то же, тогда нельзя не убѣдиться. Тутъ мы уже вѣримъ не слову художника, а тому, что говорятъ факты, что засвидѣтельствовано самой жизнью.

Писаревъ.

Базаровъ.

...Базаровъ — сынъ бѣднаго уѣзднаго лѣкаря; Тургеневъ ничего не говоритъ объ его студенческой жизни, но надо полагать, что то была жизнь бѣдная, трудовая, тяжелая; отецъ Базарова говоритъ о своемъ сынѣ, что онъ у нихъ отроду лишней копейки не взялъ. Изъ этой школы труда и лишеній Базаровъ вышелъ человѣкомъ сильнымъ и суровымъ; прослушанный имъ курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ развилъ его природный умъ и отучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія; онъ сдѣлался чистымъ эмпирикомъ; опытъ сдѣлался для него единственнымъ источникомъ познанія, личное ощущеніе — единственнымъ и послѣднимъ убѣдительнымъ доказательствомъ. «Я придерживаюсь отрицательнаго направленія, — говоритъ онъ, въ силу ощущеній. — Мнѣ пріятно отри-

цать, мой мозгъ такъ устроенъ — и баста!» Какъ эмпирикъ, Базаровъ признаетъ только то, что можно ощупать руками, увидать глазами, положить на языкъ,—словомъ, только то, что можно освидѣтельствовать однимъ изъ пяти чувствъ. Всѣ остальныя человѣческія чувства онъ сводитъ на дѣятельность нервной системы; вслѣдствіе этого наслажденія красотами природы, музыкой, живописью, поэзіей, любовью женщины вовсе не кажутся ему выше и чище наслажденія сытнымъ обѣдомъ или бутылкой хорошаго вина. То, что восторженные юноши называютъ идеаломъ, для Базарова не существуетъ; онъ все это называетъ «романтизмомъ», иногда вмѣсто слова «романтизмъ» употребляетъ слово «вздоръ».

Базаровъ чрезвычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно именно вслѣдствіе своей громадности. Его не занимаютъ тѣ мелочи, изъ которыхъ складываются обыденныя людскія отношенія; его нельзя оскорбить явнымъ пренебреженіемъ, его нельзя обрадовать знаками уваженія; онъ такъ полонъ собой и такъ непоколебимо-высоко стоитъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что дѣлается почти совершенно равнодушнымъ къ мнѣнію другихъ людей. Дядя Кирсанова, близко подходящій къ Базарову по складу ума и характера, называетъ его самолюбіе «сатанинской гордостью». Это выраженіе очень удачно выбрано и совершенно характеризуетъ нашего героя. Дѣйствительно, удовлетворить Базарова могла бы только цѣлая вѣчность постоянно расширяющейся дѣятельности и постоянно увеличивающагося наслажденія, но, къ несчастію для себя, Базаровъ не признаетъ вѣчнаго существованія человѣческой личности. «Да вотъ, напримѣръ,—говоритъ онъ своему товарищу Кирсанову,—ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа — она такая славная, бѣлая — вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... Да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ, — ну, а дальше?»

Итакъ, Базаровъ вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется или какъ ему кажется, выгоднымъ. Имъ управляютъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впереди — никакой высокой цѣли; въ умѣ — никакого высокаго помысла, и при всемъ этомъ — силы огромныя. Если базаровщина — болѣзнь, то она болѣзнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какіе

палліативы и ампутаціи. Относитесь къ базаровщинѣ какъ угодно — это ваше дѣло; а остановить — не остановите; это — та же холера.

Болѣзнь вѣка раньше всего пристаетъ къ людямъ, стоящимъ по своимъ умственнымъ силамъ выше общаго уровня. Базаровъ, одержимый этой болѣзнью, отличается замѣчательнымъ умомъ и вслѣдствіе этого производитъ сильное впечатлѣніе на сталкивающихся съ нимъ людей; онъ постоянно сразу овладѣваетъ вниманіемъ окружающихъ людей; однихъ онъ запугиваетъ и отталкиваетъ; другихъ подчиняетъ не столько доводами, сколько непосредственной силой, простотой и цѣльностью своихъ понятій. Какъ человѣкъ замѣчательно умный, онъ не встрѣчалъ себѣ равнаго. «Когда я встрѣчу человѣка, который не склонялъ бы передо мной,—проговорилъ онъ съ разстановкой,—тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ».

Онъ смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать свои полупрезрительныя, полупокровительственныя отношенія къ тѣмъ людямъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые его слушаются.

Базаровъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ и вслѣдствіе этого никого не щадитъ. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лирическимъ порывамъ, къ изліяніямъ составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой іроніи, безпричинная и безцѣльная рѣзкость въ обращеніи относятся къ внѣшнему цинизму. Первый зависитъ отъ склада ума и отъ общаго міросозерцанія; второй обусловливается чисто внѣшними условіями развитія, свойствами того общества, въ которомъ жилъ разсматриваемый субъектъ. Насмѣшливыя отношенія Базарова къ мягкосердечному Кирсанову вытекаютъ изъ основныхъ свойствъ общаго базаровскаго типа.

Онъ, дѣйствительно, mal élevé и mauvais ton, но это нисколько не относится къ сущности типа и не говоритъ ни противъ него, ни въ его пользу. Тургеневу пришло въ голову выбрать представителемъ базаровскаго типа человѣка неотесаннаго; онъ такъ и сдѣлалъ, конечно, рисуя своего героя, не утаилъ и не закрасилъ его угловатостей; выборъ Тургенева можно объяснить двумя различными причинами: во-первыхъ, личность человѣка, безпощадно и съ полнымъ убѣжденіемъ отрицающаго все, что̀ другіе признаютъ высокимъ и прекраснымъ, всего чаще вырабатывается при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни. На мечту человѣкъ привыкаетъ смотрѣть, какъ на блажь, свойственную праздности и барской изнѣженности; нравственныя страданія онъ начинаетъ считать мечтательными; нравственныя стремленія и подвиги — придуманными и нелѣпыми.

Это коренное свойство вырабатывается именно въ тѣхъ разнородныхъ мастерскихъ, въ которыхъ человѣкъ, изощряя свой умъ и напрягая мускулы, борется съ природой за право существовать на бѣломъ свѣтѣ. На этомъ основаніи Тургеневъ имѣлъ право взять своего героя въ одной изъ такихъ мастерскихъ и привести его въ рабочемъ фартукѣ, съ неумытыми руками и угрюмо-озабоченнымъ взглядомъ въ общество фешенебельныхъ кавалеровъ и дамъ...

...Я старался до сихъ поръ обрисовать крупными чертами личность Базарова, или, вѣрнѣе, тотъ общій складывающійся типъ, котораго представителемъ является герой тургеневскаго романа.

...Узнавши, что такое Базаровъ, мы должны обратить вниманіе на то, какъ понимаетъ этого Базарова самъ Тургеневъ, какъ онъ заставляетъ его дѣйствовать и въ какія отношенія ставитъ его къ окружающимъ людямъ. Словомъ, я приступлю теперь къ подробному фактическому разбору романа.

Я сказалъ выше, что Базаровъ пріѣзжаетъ въ деревню къ своему пріятелю Аркадію Николаевичу Кирсанову, подчиняющемуся его вліянію. Аркадій Николаевичъ — молодой человѣкъ неглупый, но совершенно лишенный умственной оригинальности и постоянно нуждающійся въ чьей-нибудь интеллектуальной поддержкѣ. Онъ, вѣроятно, лѣтъ на пять моложе Базарова и въ сравненіи съ нимъ кажется совершенно неоперившимся птенцомъ, несмотря на то, что ему около двадцати трехъ лѣтъ и что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Благоговѣя передъ своимъ учителемъ, Аркадій съ наслажденіемъ отрицаетъ авторитеты; онъ дѣлаетъ это съ чужого голоса, не замѣчая, такимъ образомъ, внутренняго противорѣчія въ своемъ поведеніи. Онъ слишкомъ слабъ, чтобъ держаться самостоятельно въ той холодной атмосферѣ трезвой разумности, въ которой такъ привольно дышится Базарову; онъ принадлежитъ къ разряду людей, вѣчно опекаемыхъ и вѣчно не замѣчающихъ надъ собой опеки. Базаровъ относится къ нему покровительственно и почти всегда насмѣшливо; Аркадій часто споритъ съ нимъ, и въ этихъ спорахъ Базаровъ даетъ полную волю своему увѣснстому юмору. Аркадій не любитъ своего друга, а какъ-то невольно подчиняется неотразимому вліянію сильной личности, и притомъ воображаетъ себѣ, что глубоко сочувствуетъ базаровскому міросозерцанію. Отношенія его къ Базарову чисто головныя, сдѣланныя на заказъ; онъ познакомился съ нимъ гдѣ-нибудь въ студенческомъ кругу, заинтересовался цѣльностью его воззрѣній, покорился его силѣ и вообразилъ себѣ, что онъ его глубоко уважаетъ и отъ души любитъ. Базаровъ, конечно, ничего не вообразилъ

и, нисколько не стѣсняя себя, позволилъ своему новому прозелиту любить его, Базарова, и поддерживать съ нимъ постоянныя отношенія.

Деревня, въ которую пріѣхали наши молодые люди, принадлежитъ отцу и дядѣ Аркадія. Отецъ его, Николай Петровичъ Кирсановъ — человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ; по складу характера онъ очень похожъ на своего сына. Но у Николая Петровича между его умственными убѣжденіями и природными наклонностями гораздо больше соотвѣтствія и гармоніи, чѣмъ у Аркадія. Какъ человѣкъ мягкій, чувствительный и даже сентиментальный, Николай Петровичъ порывается къ раціонализму и успокоивается на такомъ міросозерцаніи, которое даетъ пищу его воображенію и пріятно щекочетъ его нравственное чувство. Аркадій, напротивъ того, хочетъ быть сыномъ своего вѣка и напяливаетъ на себя идеи Базарова, которыя замѣчательно не могутъ съ нимъ срастись. Онъ — самъ по себѣ, а идеи — сами по себѣ болтаются, какъ сюртукъ взрослаго человѣка, надѣтый на десятилѣтняго ребенка. Даже та ребяческая радость, которая обнаруживается въ мальчикѣ, когда его шутя производятъ въ большіе, даже эта радость, говорю я, замѣтна въ нашемъ юномъ мыслителѣ съ чужого голоса. Аркадій щеголяетъ своими идеями, старается обратить на нихъ вниманіе окружающихъ, думаетъ про себя: вотъ какой я молодецъ, и увы, какъ дитя малое, неразумное, иногда проговаривается и доходитъ до явнаго противорѣчія съ самимъ собою и со своими накладными своими убѣжденіями.

Дядя Аркадія, Павелъ Петровичъ, можетъ быть названъ Печоринымъ маленькихъ размѣровъ; онъ на своемъ вѣку пожуировалъ и подурачился, и, наконецъ, все ему надоѣло; пристроиться ему не удалось, да это и не было въ его характерѣ; добравшись до той поры, когда, по выраженію Тургенева, сожалѣнія похожи на надежды, а надежды на сожалѣнія, бывшій левъ удалился къ брату въ деревню, окружилъ себя изящнымъ комфортомъ и превратилъ свою жизнь въ спокойное прозябаніе. Выдающимся воспоминаніемъ изъ прежней шумной и блестящей жизни Павла Петровича было сильное чувство къ одной великосвѣтской женщинѣ, — чувство, доставившее ему много наслажденій, и вслѣдъ затѣмъ, какъ бываетъ почти всегда, много страданій. Когда отношенія Павла Петровича къ этой женщинѣ оборвались, то жизнь его совершенно опустѣла.

«Какъ отравленный, бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто, — говоритъ Тургеневъ; — онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранилъ всѣ привычки свѣтскаго человѣка, онъ могъ похвастаться двумя-тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ

другихъ и ничего не предпринималъ; онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть по вечерамъ въ клубѣ, желчно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ стало для него потребностью — знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло, такимъ образомъ, безцвѣтно, безплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи; въ тюрьмѣ, говорятъ, оно бѣжитъ еще скорѣе».

Какъ человѣкъ желчный и страстный, одаренный гибкимъ умомъ и сильной волей, Павелъ Петровичъ рѣзко отличается отъ своего брата и отъ племянника. Онъ не поддается чужому вліянію; онъ самъ подчиняетъ себѣ окружающихъ личностей и ненавидитъ тѣхъ людей, въ которыхъ встрѣчаетъ себѣ отпоръ. Убѣжденій у него, по правдѣ сказать, не имѣется, но зато есть привычки, которыми онъ очень дорожитъ. Онъ по привычкѣ толкуетъ о правахъ и обязанностяхъ аристократіи и по привычкѣ доказываетъ въ спорахъ необходимость *принциповъ*. Онъ привыкъ къ тѣмъ идеямъ, которыхъ держится общество, и стоитъ за эти идеи, какъ за свой комфортъ. Онъ терпѣть не можетъ, чтобы кто-нибудь опровергалъ эти понятія, хотя, въ сущности, онъ не питаетъ къ нимъ никакой сердечной привязанности. Онъ гораздо энергичнѣе своего брата споритъ съ Базаровымъ, а между тѣмъ Николай Петровичъ гораздо искреннѣе страдаетъ отъ его безпощаднаго отрицанія. Въ глубинѣ души Павелъ Петровичъ такой же скептикъ и эмпирикъ, какъ и самъ Базаровъ; въ практической жизни онъ всегда поступалъ и поступаетъ какъ ему вздумается, но въ области мысли онъ не умѣетъ признаться въ этомъ передъ самимъ собою, и потому поддерживаетъ на словахъ такія доктрины, которымъ постоянно противорѣчатъ его поступки. Дядѣ и племяннику слѣдовало бы помѣняться между собой убѣжденіями, потому что первый ошибочно приписываетъ себѣ вѣру въ *принципы*, второй точно такъ же ошибочно воображаетъ себя крайнимъ скептикомъ и смѣлымъ раціоналистомъ. Павелъ Петровичъ начинаетъ чувствовать къ Базарову сильнѣйшую антипатію съ перваго знакомства. Плебейскія манеры Базарова возмущаютъ отставного дэнди; самоувѣренность и нецеремонность его раздражаютъ Павла Петровича, какъ недостатокъ уваженія къ его изящной особѣ. Павелъ Петровичъ видитъ, что Базаровъ не уступитъ ему преобладанія надъ собой, и это возбуждаетъ въ немъ чувство досады, за которое онъ ухватывается какъ за развлеченіе среди глубокой деревенской скуки. Ненавидя самого Базарова, Павелъ Петровичъ возмущается всѣми его мнѣніями, придирается къ нему, насильно вызываетъ его на споръ и споритъ съ тѣмъ рьянымъ увлеченіемъ, которое обыкновенно обнаруживаютъ люди праздные и скучающіе...

...На чьей же сторонѣ лежитъ симпатія художника? Кому онъ сочувствуетъ? На этотъ существенно важный вопросъ можно отвѣчать положительно, что Тургеневъ не сочувствуетъ вполнѣ ни одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; отъ его анализа не ускользаетъ ни одна слабая или смѣшная черта; мы видимъ, какъ Базаровъ завирается въ своемъ отрицаніи, какъ Аркадій наслаждается своей развитостью, какъ Николай Петровичъ робѣетъ, какъ пятнадцатилѣтній юноша, и какъ Павелъ Петровичъ рисуется и злится, зачѣмъ на него не любуется Базаровъ, единственный человѣкъ, котораго онъ уважаетъ въ самой ненависти своей.

Базаровъ завирается — это, къ сожалѣнію, справедливо. Онъ съ плеча отрицаетъ вещи, которыхъ не знаетъ или не понимаетъ; поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина — потерянное время; заниматься музыкой — смѣшно; наслаждаться природой — нелѣпо. Очень можетъ быть, что онъ, человѣкъ затертый трудовой жизнью, потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ способность наслаждаться пріятнымъ раздраженіемъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ разумное основаніе отрицать или осмѣивать эту способность въ другихъ. Выкраивать людей на одну мѣрку съ собой значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ. Отрицать совершенно произвольно ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность — значитъ удаляться отъ чистаго эмпиризма.

Увлеченіе Базарова очень естественно; оно объясняется, во-первыхъ, односторонностью развитія, во-вторыхъ, общимъ характеромъ эпохи, въ которую намъ пришлось жить. Базаровъ основательно знаетъ естественныя и медицинскія науки; при ихъ содѣйствіи онъ выбилъ изъ своей головы всѣ предразсудки; затѣмъ онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ; онъ слыхалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искусствѣ, не потрудился подумать и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами.

...Итакъ, Тургеневъ никому и ничему въ своемъ романѣ не сочувствуетъ вполнѣ. Его не удовлетворяютъ ни отцы, ни дѣти, и въ этомъ случаѣ его отрицаніе глубже и серьезнѣе отрицанія тѣхъ людей, которые, разрушая то, что было до нихъ, воображаютъ себѣ, что они соль земли и чистѣйшее выраженіе полной человѣчности. Въ разрушеніи своемъ эти люди, можетъ-быть, правы, но въ наивномъ самообожаніи того типа, къ которому они себя причисляютъ, заключается ихъ ограниченность и односторонность. Такихъ формъ, такихъ типовъ, на которыхъ дѣйствительно можно было бы успокоиться и остановиться, еще не выработала и, можетъ-быть, никогда не выработаетъ жизнь. Тѣ люди, которые, отдаваясь въ полное распо-

ряженіе какой бы то ни было господствующей теоріи, отказываются отъ своей умственной самостоятельности и замѣняютъ критику подобострастнымъ поклоненіемъ, оказываются людьми узкими, безсильными и часто вредными. Поступить такимъ образомъ способенъ Аркадій, но это совершенно невозможно для Базарова, и именно въ этомъ свойствѣ ума и характера заключается вся обаятельная сила тургеневскаго героя. Эту обаятельную силу понимаетъ и признаетъ авторъ, несмотря на то, что самъ онъ ни по темпераменту, ни по условіямъ развитія не сходится съ своимъ нигилистомъ. Скажу больше: общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ раболѣпнаго поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не нашелъ бы въ этихъ отношеніяхъ ничего рабскаго и фальшиваго. Тургеневъ не любитъ безпощаднаго отрицанія, а между тѣмъ личность безпощаднаго отрицателя выходитъ личностью сильной и внушаетъ каждому читателю невольное уваженіе. Тургеневъ склоненъ къ идеализму, а между тѣмъ ни одинъ изъ идеалистовъ, выведенныхъ въ его романѣ, не можетъ сравниться съ Базаровымъ ни по силѣ ума, ни по силѣ характера.

...Тургеневъ не полюбилъ Базарова, но призналъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми и самъ принесъ ему полную дань уваженія...

...Отношенія Базарова къ его товарищу бросаютъ яркую полосу свѣта на его характеръ; у Базарова нѣтъ друга, потому что онъ не встрѣчалъ еще человѣка, «который бы не спасовалъ передъ нимъ»; Базаровъ одинъ, самъ по себѣ, стоитъ на холодной высотѣ трезвой мысли, и ему не тяжело это одиночество, онъ весь поглощенъ собой и работой; наблюденія и изслѣдованія надъ живой природой, наблюденія и изслѣдованія надъ живыми людьми наполняютъ для него пустоту жизни и застраховываютъ его противъ скуки. Онъ не чувствуетъ потребности въ какомъ-нибудь другомъ человѣкѣ отыскать себѣ сочувствіе и пониманіе; когда ему приходитъ въ голову какая-нибудь мысль, онъ просто высказывается, не обращая вниманія на то, согласны ли съ его мнѣніемъ слушатели и пріятно ли дѣйствуютъ на нихъ его идеи. Чаще всего онъ даже не чувствуетъ потребности высказаться; думаетъ про себя и изрѣдка роняетъ бѣглое замѣчаніе, которое обыкновенно съ почтительной жадностью подхватываютъ прозелиты и птенцы, подобные Аркадію. Личность Базарова замыкается въ самой себѣ, потому что внѣ ея и вокругъ нея почти вовсе нѣтъ родственныхъ ей элементовъ. Эта замкнутость Базарова тяжело дѣйствуетъ на тѣхъ людей, которые желали бы отъ него нѣжности и сообщительности, но въ этой замкнутости нѣтъ ничего искусствен-

нато и преднамѣреннаго. Люди, окружающіе Базарова, ничтожны въ умственномъ отношеніи и никакимъ образомъ не могутъ расшевелить его, поэтому онъ и молчитъ, или говоритъ отрывочные афоризмы, или обрываетъ начатый споръ, чувствуя его смѣшную безполезность.

Мысли Базарова выражаются въ его поступкахъ, въ его обращеніи съ людьми; онѣ просвѣчиваютъ, и ихъ разглядѣть нетрудно, если только читать внимательно, группируя факты и отдавая себѣ отчетъ въ ихъ причинахъ.

Два эпизода окончательно дорисовываютъ эту замѣчательную личность: во-первыхъ, отношенія его къ женщинѣ, которая ему нравится; во-вторыхъ — его смерть...

...Базаровъ съ Аркадіемъ отправляются въ губернскій городъ, по приглашенію одного родственника Аркадія, и встрѣчаются съ двумя въ высшей степени типичными личностями.

Въ городѣ Аркадій знакомится на балѣ у губернатора съ молодой вдовой, Анной Сергѣевной Одинцовой; онъ танцуетъ съ ней мазурку, между прочимъ заговариваетъ съ нею о своемъ другѣ Базаровѣ и заинтересовываетъ ее восторженнымъ описаніемъ его смѣлаго ума и рѣшительнаго характера. Она приглашаетъ его къ себѣ и проситъ привести съ собой Базарова. Базаровъ, замѣтившій ее, какъ только она появилась на балѣ, говоритъ о ней съ Аркадіемъ, невольно усиливая обыкновенный цинизмъ своего тона, отчасти для того, чтобы скрыть и отъ себя, и отъ своего собесѣдника впечатлѣніе произведенное на него этой женщиной. Онъ съ удовольствіемъ соглашается пойти къ Одинцовой вмѣстѣ съ Аркадіемъ, и объясняетъ самъ и ему это удовольствіе надеждой завести пріятную интригу. Аркадія, не приминувшаго влюбиться въ Одинцову, коробитъ отъ цинизма тона Базарова, а Базаровъ, конечно, не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія, продолжаетъ толковать о красивыхъ плечахъ Одинцовой, спрашиваетъ у Аркадія, дѣйствительно ли эта барыня — ой, ой, ой! говоритъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся и что холодныя женщины—все равно, что мороженое. Подходя къ квартирѣ Одинцовой, Базаровъ чувствуетъ нѣкоторое волненіе и, желая перемѣнить себя, въ началѣ визита ведетъ себя неестественно развязно и, по замѣчанію Тургенева, разваливается въ креслѣ не хуже Ситникова. Одинцова замѣчаетъ волненіе Базарова, отчасти отгадываетъ его причину, успокоиваетъ нашего героя ровной и тихой привѣтливостью обращенія, и часа три проводитъ съ молодыми людьми въ неторопливой, разнообразной и живой бесѣдѣ. Базаровъ обращается съ ней особенно почтительно; видно, что ему не все равно, какъ о немъ подумаютъ и какое онъ произведетъ впечатлѣніе; онъ, противъ обыкновенія, говоритъ довольно много, старается занять свою собесѣдницу,

не дѣлаетъ рѣзкихъ выходокъ и, даже осторожно держась внѣ круга общихъ убѣжденій и воззрѣній, толкуетъ о ботаникѣ, о медицинѣ и другихъ, хорошо извѣстныхъ ему предметахъ. Прощаясь съ молодыми людьми, Одинцова приглашаетъ ихъ къ себѣ въ деревню. Базаровъ, въ знакъ согласія, молча кланяется и при этомъ краснѣетъ. Аркадій все это замѣчаетъ и всему этому удивляется. Послѣ этого перваго свиданія съ Одинцовой Базаровъ пробуетъ попрежнему говорить о ней шутливымъ тономъ, но въ самомъ цинизмѣ его выраженій сказывается какое-то невольное, затаенное уваженіе. Видно, что онъ любуется этой женщиной и желаетъ съ нею сблизиться; шутитъ онъ на ея счетъ потому, что ему не хочется говорить серьезно съ Аркадіемъ ни объ этой женщинѣ, ни о тѣхъ новыхъ ощущеніяхъ, которыя онъ замѣчаетъ въ самомъ себѣ...

...Его студенческіе годы, о которыхъ Тургеневъ не говоритъ ни слова, вѣроятно, не обошлись безъ похожденій по сердечной части; Базаровъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оказывается опытнымъ человѣкомъ, но, по всей вѣроятности, онъ имѣлъ дѣло съ женщинами совершенно неразвитыми, далеко не изящными и, слѣдовательно, неспособными сильно заинтересовать его умъ или шевельнуть его нервы. Онъ и на женщинъ привыкъ смотрѣть сверху внизъ; встрѣчаясь съ Одинцовой, онъ видитъ, что можетъ говорить съ ней, какъ равный съ равною, и предчувствуетъ въ ней долю того гибкаго ума и твердаго характера, который онъ сознаетъ и любитъ въ своей особѣ. Говоря между собою, Базаровъ и Одинцова, въ умственномъ отношеніи, умѣютъ какъ-то смотрѣть другъ другу въ глаза, черезъ голову птенца Аркадія, и эти задатки взаимнаго пониманія доставляютъ пріятныя ощущенія обоимъ дѣйствующимъ лицамъ. Базаровъ видитъ изящную форму и невольно любуется ею; подъ этой изящной формой онъ отгадываетъ самородную силу и безотчетно начинаетъ уважать эту силу. Какъ чистый эмпирикъ, онъ наслаждается пріятнымъ ощущеніемъ и постепенно втягивается въ это наслажденіе, и втягивается до такой степени, что, когда приходитъ время оторваться, тогда оторваться уже становится тяжело и больно.

У Базарова въ любви нѣтъ анализа, потому что нѣтъ довѣрія къ самому себѣ. Онъ ѣдетъ въ деревню къ Одинцовой съ любопытствомъ и безъ малѣйшей боязни, потому что хочется присмотрѣться къ этой миловидной женщинѣ, хочется быть съ ней вмѣстѣ, провести пріятно нѣсколько дней. Въ деревнѣ незамѣтно проходятъ пятнадцать дней; Базаровъ много говоритъ съ Анной Сергѣевной, споритъ съ ней, высказывается, раздражается и, наконецъ, привязывается къ ней какою-то злобной, мучительной страстью. Такую страсть всего чаще внушаютъ энергическимъ людямъ женщины красивыя, умныя и

холодныя. Красота женщины волнуетъ кровь ея обожателя; умъ ея даетъ ей возможность понимать головою и обсуживать тонкимъ психическимъ анализомъ такія чувства, которыхъ она сама не раздѣляетъ и которымъ даже не сочувствуетъ; холодность застраховываетъ ее противъ увлеченія и, усиливая препятствія, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ въ мужчинѣ желаніе преодолѣть ихъ... Знакомясь съ Одинцовой, Базаровъ думалъ развлечься пріятной интригой; узнавши ее покороче, онъ почувствовалъ къ ней уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ, что надежды на успѣхъ очень мало; если бы онъ не успѣлъ привязаться къ Одинцовой, тогда онъ просто махнулъ бы рукой и тотчасъ утѣшился бы практическимъ замѣчаніемъ, что земля не клиномъ сошлась и что на свѣтѣ много такихъ женщинъ, съ которыми легко справиться; онъ попробовалъ и тутъ поступить такимъ образомъ, но махнуть рукой на Одинцову у него не хватило силъ. Практическое благоразуміе совѣтовало ему бросить все дѣло и уѣхать, чтобы не томить себя понапрасну, а жажда наслажденія говорила громче практическаго благоразумія, и Базаровъ оставался и злился, и сознавалъ, что дѣлаетъ глупость, и все-таки продолжалъ ее дѣлать, потому что желаніе пожить въ свое удовольствіе было сильнѣе желанія быть послѣдовательнымъ. Эта способность дѣлать сознательныя глупости составляетъ завидное преимущество людей сильныхъ и умныхъ. Человѣкъ безстрастный и сухой поступаетъ всегда такъ, какъ велятъ поступать логическія выкладки; человѣкъ робкій и слабый старается обмануть себя софизмами и увѣрить себя въ правотѣ своихъ желаній или поступковъ; но Базаровъ не нуждается въ подобныхъ фокусахъ; онъ прямо говоритъ себѣ: это глупо, а поступаю я все-таки такъ, какъ мнѣ хочется, и ломать себя не хочу. Когда явится необходимость, тогда успѣю и сумѣю повернуть самого себя какъ слѣдуетъ. Цѣльная, крѣпкая натура сказывается въ этой способности сильно увлекаться; здоровый, неподкупный умъ выражается въ этомъ умѣніи назвать глупостью то самое увлеченіе, которое въ данную минуту охватываетъ весь организмъ.

Отношенія Базарова къ Одинцовой кончаются тѣмъ, что между ними происходитъ странная сцена. Она вызываетъ его на разговоръ о счастьи и любви, она съ любопытствомъ, свойственнымъ холоднымъ и умнымъ женщинамъ, выспрашиваетъ у него, что въ немъ происходитъ, она вытягиваетъ изъ него признаніе въ любви, она съ оттѣнкомъ невольной нѣжности произноситъ его имя; потомъ, когда онъ, ошеломленный внезапнымъ притокомъ ощущеній и новыхъ надеждъ, бросается къ ней и прижимаетъ ее къ груди, она же отскакиваетъ съ испугомъ на другой конецъ комнаты и увѣряетъ его, что онъ ее не такъ понялъ, что онъ ошибся.

Базаровъ уходитъ изъ комнаты, и тѣмъ кончаются отношенія. Онъ уѣзжаетъ на другой день послѣ этого происшествія, потомъ видится раза два съ Анной Сергѣевной, даже гоститъ у нея вмѣстѣ съ Аркадіемъ, но для него и для нея прошедшія событія оказываются, дѣйствительно, невоскресимымъ прошедшимъ, и они смотрятъ другъ на друга спокойно и говорятъ между собою тономъ разсудительныхъ и солидныхъ людей. А между тѣмъ Базарову грустно смотрѣть на отношенія съ Одинцовой, какъ на пережитый эпизодъ; онъ любитъ ее и, не давая себѣ воли пыть, страдать и разыгрывать несчастнаго любовника, становится какъ-то неровенъ въ своемъ образѣ жизни: то бросается на работу, то впадаетъ въ бездѣйствіе, то просто скучаетъ и брюзжитъ на окружающихъ людей. Высказаться онъ ни передъ кѣмъ не хочетъ, да и самъ передъ собою не сознается въ томъ, что чувствуетъ что-то похожее на тоску и на утомленіе. Онъ какъ-то злится и окисляется отъ этой неудачи; ему досадно думать, что счастье поманило его и прошло мимо, и досадно чувствовать, что это событіе производитъ на него впечатлѣніе. Все это скоро переработалось бы въ его организмѣ; онъ принялся бы за дѣло, выругалъ бы самымъ энергическимъ образомъ проклятый романтизмъ и неприступную барыню, водившую его за носъ, и зажилъ бы попрежнему, занимаясь рѣзаніемъ лягушекъ и ухаживая за менѣе непобѣдимыми красавицами. Но Тургеневъ не вывелъ Базарова изъ тяжелаго настроенія. Базаровъ внезапно умираетъ, конечно, не отъ огорченія, и романъ оканчивается или, вѣрнѣе, рѣзко и неожиданно обрывается.

...Въ концѣ романа Базаровъ умираетъ; его смерть—случайность; онъ умираетъ отъ хирургическаго отравленія, т.-е. отъ небольшого порѣза, сдѣланнаго во время разсѣченія трупа. Это событіе не находится въ связи съ общей питью романа; оно не вытекаетъ изъ предыдущихъ событій, но оно необходимо для художника, чтобы дорисовать характеръ своего героя.

Не имѣя возможности показать намъ, какъ живетъ и дѣйствуетъ Базаровъ, Тургеневъ показалъ намъ, какъ онъ умираетъ. Этого на первый разъ довольно, чтобы составить себѣ понятіе о силахъ Базарова, о тѣхъ силахъ, которыхъ полное развитіе могло обозначиться только жизнью, борьбой, дѣйствіями и результатами. Что Базаровъ не фразеръ — это увидитъ всякій, вглядываясь въ эту личность съ первой минуты ея появленія въ романѣ. Что отрицаніе и скептицизмъ этого человѣка сознательны и прочувствованы, а не надѣты для прихоти и для пущей важности, — въ этомъ убѣждаетъ каждаго безпристрастнаго читателя непосредственное ощущеніе. Въ Базаровѣ есть сила, самостоятельность, энергія, которой не бываетъ у фразеровъ и подражателей. Но если бы кто-нибудь захотѣлъ не замѣтить и не

почувствовать въ немъ присутствія этой силы, если бы кто-нибудь захотѣлъ подвергнуть ее сомнѣнію, то единственнымъ фактомъ, торжественно и безапелляціонно опровергающимъ это нелѣпое сомнѣніе, была бы смерть Базарова. Вліяніе его на окружающихъ людей ничего не доказываетъ; вѣдь и Рудинъ имѣлъ вліяніе: на безрыбьи и ракъ рыба, и на людей, подобныхъ Аркадію, Николаю Петровичу, Василію Ивановичу и Аринѣ Власьевнѣ, больно нетрудно произвести сильное впечатлѣніе. Но смотрѣть въ глаза смерти, предвидѣть ея приближеніе, не стараясь себя обмануть, оставаться вѣрнымъ себѣ до послѣдней минуты, не ослабѣть и не струсить — это дѣло сильнаго характера. Умереть такъ, какъ умеръ Базаровъ, все равно, что сдѣлать великій подвигъ; этотъ подвигъ остается безъ послѣдствій, но та доза энергіи, которая тратится на подвигъ, на блестящее и полезное дѣло, истрачена здѣсь на простой и неизбѣжный физіологическій процессъ. Оттого, что Базаровъ умеръ твердо и спокойно, никто не почувствовалъ себѣ ни облегченія, ни пользы; но такой человѣкъ, который умѣетъ умирать спокойно и твердо, не отступитъ передъ препятствіемъ и не струситъ передъ опасностью.

Описаніе смерти Базарова составляетъ лучшее мѣсто въ романѣ Тургенева; я сомнѣваюсь даже, чтобы во всѣхъ произведеніяхъ нашего художника нашлось что-нибудь болѣе замѣчательное. Выписывать какой-нибудь отрывокъ изъ этого великолѣпнаго эпизода я считаю невозможнымъ; это значило бы уродовать цѣльность впечатлѣнія; по-настоящему, слѣдовало бы выписать цѣлыхъ десять страницъ, но мѣсто не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать; кромѣ того, я надѣюсь, что всѣ мои читатели прочли или прочтутъ романъ Тургенева, и потому, не извлекая изъ него ни одной строчки, я постараюсь только прослѣдить и объяснить съ начала до конца болѣзни психическое состояніе Базарова. Обрѣзавъ себѣ палецъ при разсѣченіи трупа и не имѣвши возможности тотчасъ прижечь ранку ляписомъ или желѣзомъ, Базаровъ черезъ четыре часа послѣ этого событія приходитъ къ отцу и прижигаетъ себѣ больное мѣсто, не скрывая ни отъ себя, ни отъ Василія Ивановича безполезности этой мѣры въ томъ случаѣ, если гной разлагающагося трупа проникъ въ ранку и смѣшался съ кровью. Василій Ивановичъ, какъ медикъ, знаетъ, какъ велика опасность, но не рѣшается взглянуть ей въ глаза и старается обмануть самого себя. Проходитъ два дня. Базаровъ крѣпится, не ложится въ постель, но чувствуетъ жаръ и ознобъ, теряетъ аппетитъ и страдаетъ сильной головной болью. Участіе и разспросы отца раздражаютъ его, потому что онъ знаетъ, что все это не поможетъ и что старикъ самого себя лелѣетъ и тѣшитъ пустыми иллюзіями. Ему досадно видѣть, что мужчина и притомъ медикъ не смѣетъ видѣть

дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Аришу Власьевну Базаровъ бережетъ; онъ говоритъ ей, что простудился; на третій день ложится въ постель и проситъ прислать ему липоваго чаю. На четвертый день онъ обращается къ отцу, прямо и серьезно говоритъ ему, что скоро умретъ, показываетъ ему красныя пятна, выступившія на тѣлѣ и служащія признакомъ зараженія, называетъ ему медицинскимъ терминомъ свою болѣзнь и холодно опровергаетъ робкія возраженія растерявшагося старика. А между тѣмъ ему хочется жить, жаль прощаться съ самосознаніемъ, съ своею мыслью, съ своею сильной личностью, но эта боль разставанія съ молодой жизнью, съ неизношенными силами выражается не въ мягкой грусти, а въ желчной, иронической досадѣ, въ презрительномъ отношеніи къ себѣ, какъ къ безсильному существу, и къ той грубой, нелѣпой случайности, которая смяла и задавила его. Нигилистъ остался вѣренъ себѣ до послѣдней минуты.

Какъ медикъ, онъ видѣлъ, что люди зараженные всегда умираютъ, и онъ не сомнѣвается въ непреложности этого закона, несмотря на то, что этотъ законъ осуждаетъ его на-смерть. Точно такъ же онъ въ критическую минуту не мѣняетъ своего мрачнаго міросозерцанія на другое, болѣе отрадное; какъ медикъ и какъ человѣкъ, онъ не утѣшаетъ себя миражами.

Образъ единственнаго существа, возбудившаго въ Базаровѣ сильное чувство и внушившаго ему уваженіе, приходитъ ему на умъ въ то время, когда онъ собирается прощаться съ жизнью. Этотъ образъ, вѣроятно, и раньше носился передъ его воображеніемъ, потому что насильственно сдавленное чувство еще не успѣло умереть; но тутъ, прощаясь съ жизнью и чувствуя приближеніе бреда, онъ проситъ Василія Ивановича послать нарочнаго къ Аннѣ Сергѣевнѣ и объявить ей, что Базаровъ умираетъ и приказалъ ей кланяться. Надѣялся ли онъ увидѣть ее передъ смертью, или просто хотѣлъ ей дать вѣсть о себѣ — это невозможно рѣшить; можетъ-быть, ему было пріятно, произнося при другомъ человѣкѣ имя любимой женщины, живѣе представить себѣ ея красивое лицо, ея спокойные, умные глаза, ея молодое, роскошное тѣло. Онъ любилъ только одно существо въ мірѣ, и тѣ нѣжные мотивы чувства, которые онъ давилъ въ себѣ, какъ романтизмъ, теперь всплываютъ на поверхность; это не признакъ слабости, это — естественное проявленіе чувства, высвободившагося изъ-подъ гнета разсудочности. Базаровъ не измѣняетъ себѣ; приближеніе смерти не перерождаетъ его; напротивъ, онъ становится естественнѣе, человѣчнѣе, непринужденнѣе, чѣмъ онъ былъ въ полномъ здоровьи. Молодая, красивая женщина часто бываетъ привлекательнѣе въ простой утренней блузѣ, чѣмъ въ богатомъ бальномъ платьѣ. Такъ точно умирающій Базаровъ, распустившій свою на-

туру, давшій себѣ полную волю, возбуждаетъ больше сочувствія, чѣмъ тотъ же Базаровъ, когда онъ холоднымъ разсудкомъ контролируетъ каждое свое движеніе и постоянно ловитъ себя на романтическихъ поползновеніяхъ.

Если человѣкъ, ослабляя контроль надъ самимъ собой, становится лучше и человѣчнѣе, то это служитъ энергическимъ доказательствомъ цѣльности, полноты и естественнаго богатства натуры. Разсудочность Базарова была въ немъ простительной и понятной крайностью; эта крайность, заставлявшая его мудрить надъ собой и ломать себя, исчезла бы отъ дѣйствія времени и жизни; она исчезла точно такъ же во время приближенія смерти. Онъ сдѣлался человѣкомъ, вмѣсто того, чтобы быть воплощеніемъ теоріи нигилизма, и, какъ человѣкъ, онъ выразилъ желаніе видѣть любимую женщину.

Анна Сергѣевна пріѣзжаетъ. Базаровъ говоритъ съ ней ласково и спокойно, не скрывая легкаго оттѣнка грусти, любуется ею, проситъ у нея послѣдняго поцѣлуя, закрываетъ глаза и впадаетъ въ безпамятство.

Къ родителямъ своимъ онъ остается попрежнему равнодушенъ и не даетъ себѣ труда притворяться. О матери онъ говоритъ: «Мать, бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ?» Василію Ивановичу онъ предобродушно совѣтуетъ быть философомъ.

Слѣдить за нитью романа послѣ смерти Базарова я не намѣренъ. Когда умеръ такой человѣкъ, какъ Базаровъ, и когда его геройской смертью рѣшена такая важная психологическая задача, произнесенъ приговоръ надъ цѣлымъ направленіемъ идей, тогда стоитъ ли слѣдить за судьбой людей, подобныхъ Аркадію, Николаю Петровичу, Ситникову и tutti quanti?..

...Создавая Базарова, Тургеневъ хотѣлъ разбить его впрахъ, и вмѣсто того отдалъ ему полную дань справедливаго уваженія. Онъ хотѣлъ сказать: наше молодое поколѣніе идетъ по ложной дорогѣ, и сказалъ: въ нашемъ молодомъ поколѣніи вся наша надежда. Тургеневъ не діалектикъ, не софистъ, онъ не можетъ доказывать своими образами предвзятую идею, какъ бы эта идея ни казалась ему отвлеченно вѣрна или практически полезна. Онъ прежде всего художникъ, человѣкъ безсознательно, невольно искренній; его образы живутъ своей жизнью; онъ любитъ ихъ, онъ увлекается ими, онъ привязывается къ нимъ во время процесса творчества, и ему становится невозможнымъ помыкать ими по своей прихоти и превращать картину жизни въ аллегорію съ нравственной цѣлью и съ добродѣтельной развязкой. Честная, чистая натура художника беретъ свое, ломаетъ теоретическія загородки, торжествуетъ надъ заблужденіями ума,

и своими инстинктами выкупаетъ все — и невѣрность основной идеи, и односторонность развитія, и устарѣлость понятій. Вглядываясь въ своего Базарова, Тургеневъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, растетъ въ своемъ романѣ, растетъ на нашихъ глазахъ и дорастаетъ до правильнаго пониманія, до справедливой оцѣнки созданнаго типа.

Съ недобрымъ чувствомъ началъ Тургеневъ свое послѣднее произведеніе. Съ перваго раза онъ показалъ намъ въ Базаровѣ угловатое обращеніе, педантическую самонадѣянность, черствую разсудочность; съ Аркадіемъ онъ держитъ себя деспотически-небрежно, къ Николаю Петровичу относится безъ нужды насмѣшливо, и все сочувствіе художника лежитъ на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ обижаютъ, тѣхъ безобидныхъ стариковъ, которымъ велятъ глотать пилюлю, говоря о нихъ, что они отставные люди. И вотъ художникъ начинаетъ искать въ нигилистѣ и безпощадномъ отрицателѣ слабаго мѣста; онъ ставитъ его въ разныя положенія, вертитъ его на всѣ стороны и находитъ противъ него только одно обвиненіе—обвиненіе въ черствости и рѣзкости. Вматривается онъ въ это темное пятно; возникаетъ въ его головѣ вопросъ: а кого же станетъ любить этотъ человѣкъ? Въ комъ найдетъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ? Кто его пойметъ насквозь и не испугается его корявой оболочки? Подводитъ онъ къ своему герою умную женщину; женщина эта смотритъ съ любопытствомъ на эту своеобразную личность; нигилистъ, съ своей стороны, вглядывается въ нее съ возрастающимъ сочувствіемъ, и потомъ, увидавъ что-то похожее на нѣжность, на ласку, кидается къ ней съ неразсчитанною порывистостью молодого, горячаго, любящаго существа, готоваго отдаться вполнѣ, безъ торга, безъ утайки, безъ задней мысли. Такъ не кидаются люди холодные, такъ не любятъ черствые педанты. Безпощадный отрицатель оказывается моложе и свѣжѣе той молодой женщины, съ которой онъ имѣетъ дѣло; въ немъ накипѣла и вырвалась бѣшеная страсть въ то время, когда въ ней только что начинало бродить что-то въ родѣ чувства; онъ бросился, перепугалъ ее, сбилъ ее съ толка и вдругъ отрезвилъ ее; она отшатнулась назадъ и сказала себѣ, что спокойствіе все-таки лучше всего. Съ этой минуты все сочувствіе автора переходитъ на сторону Базарова, и только кой-какія разсудочныя замѣчанія, которыя не вяжутся съ цѣлымъ, напоминаютъ прежнее недоброе чувство Тургенева.

Авторъ видитъ, что Базарову не кого любить, потому что вокругъ него все мелко, плоско и дрябло, а самъ онъ свѣжъ, уменъ и крѣпокъ; авторъ видитъ это, и въ умѣ своемъ снимаетъ съ своего героя послѣдній незаслуженный упрекъ. Изучивъ характеръ Базарова, вдумавшись въ его элементы и въ условія развитія, Тургеневъ

видитъ, что для него нѣтъ ни дѣятельности, ни счастья. Онъ живетъ бобылемъ и умретъ бобылемъ, и притомъ безполезнымъ бобылемъ, умретъ, какъ богатырь, которому негдѣ повернуться, нечѣмъ дышать, некуда дѣвать исполинской силы, некого полюбить крѣпкой любовью. А незачѣмъ ему жить, такъ надо смотрѣть, какъ онъ будетъ умирать. Весь интересъ, весь смыслъ романа заключается въ смерти Базарова. Если бы онъ струсилъ, если бы онъ измѣнилъ себѣ, — весь характеръ его освѣтился бы иначе: явился бы пустой хвастунъ, отъ котораго нельзя ожидать, въ случаѣ нужды, ни стойкости, ни рѣшимости; весь романъ оказался бы клеветой на молодое поколѣніе, незаслуженнымъ укоромъ; этимъ романомъ Тургеневъ сказалъ бы: вотъ, посмотрите, молодые люди, вотъ случай: умнѣйшій изъ васъ—и тотъ никуда не годится! Но у Тургенева, какъ у честнаго человѣка и искренняго художника, языкъ не повернулся произнести теперь такую печальную ложь. Базаровъ не оплошалъ, и смыслъ романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности, но въ самыхъ увлеченіяхъ сказываются свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ посторонникъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержатъ ихъ въ жизни.

Кто прочелъ въ романѣ Тургенева эту прекрасную мысль, тотъ не можетъ не изъявить ему глубокой и горячей признательности какъ великому художнику и честному гражданину Россіи.

А Базаровымъ все-таки плохо жить на свѣтѣ, хоть они припѣваютъ и посвистываютъ. Нѣтъ дѣятельности, нѣтъ любви, сталобыть, нѣтъ и наслажденія.

Страдать они не умѣютъ, ныть не станутъ, подчасъ чувствуютъ только, что пусто, скучно, безцвѣтно и безсмысленно.

А что же дѣлать? Вѣдь не заражать же себя умышленно, чтобы имѣть удовольствіе умирать красиво и спокойно? Нѣтъ! Что дѣлать? Жить, пока живется, ѣсть сухой хлѣбъ, когда нѣтъ ростбифа, быть съ женщинами, когда нельзя любить женщину, и вообще не мечтать объ апельсинныхъ деревьяхъ и пальмахъ, когда подъ ногами снѣговые сугробы и холодныя тундры.

1862 г. Мартъ.

Д. Писаревъ.

Базаровъ.

Тургеневъ въ своемъ Базаровѣ воплотилъ строгое настроеніе ума, твердый запасъ мыслей. Онъ одѣлъ этотъ умъ плотью и кровью, и исполнилъ эту задачу съ удивительнымъ мастерствомъ. Базаровъ вышелъ человѣкомъ простымъ, чуждымъ всякой изломанности, и

вмѣстѣ крѣпкимъ, могучимъ душою и тѣломъ. Все въ немъ необыкновенно идетъ къ его сильной натурѣ. Онъ, такъ сказать, *болѣе русскій*, чѣмъ всѣ остальныя лица романа. Его рѣчь отличается простотой, мѣткостью, насмѣшливостью и совершенно русскимъ складомъ. Между лицами романа онъ всѣхъ легче сближается съ народомъ, всѣхъ лучше умѣетъ держать себя съ нимъ. Базаровъ есть первое сильное лицо, первый цѣльный характеръ, явившійся въ русской литературѣ изъ среды такъ называемаго общества. У Тургенева вышло *что-то въ родѣ демоническаго*, то-есть натура, богатая силою, хотя эта сила и не нечистая. Онъ является истиннымъ героемъ, несмотря на то, что въ немъ нѣтъ, повидимому, ничего блестящаго и поражающаго. Онъ всего меньше заинтересованъ другими лицами; зато другія тѣмъ больше имъ интересуются. Онъ никому не навязывается, однакоже вездѣ, гдѣ появляется, возбуждаетъ самое сильное вниманіе, составляетъ главный предметъ чувствъ и размышленій, любви и ненависти. Жизнь, надъ которой онъ думалъ стоять властелиномъ, захватываетъ его своею широкою волною. Неожиданно вспыхнувшая страсть къ Одинцовой, увлеченіе Ѳенечкой, дуэль — все это значительно потрясло его, и тѣнь тоски, которая и въ самомъ началѣ лежала на этомъ желѣзномъ человѣкѣ, подъ конецъ становится гуще. Смерть — такова послѣдняя проба жизни, послѣдняя случайность, которой не ожидалъ Базаровъ. Онъ умираетъ, но и до послѣдняго мгновенія остается чуждымъ этой жизни, съ которой такъ странно столкнулся, которая встревожила его такими *пустяками*, заставила его надѣлать такихъ *глупостей* и, наконецъ, погубила его вслѣдствіе такой *ничтожной* причины.

Базаровъ умираетъ совершеннымъ героемъ, и его смерть производитъ потрясающее впечатлѣніе. До самаго конца, до послѣдней вспышки сознанія, онъ не измѣняетъ себѣ ни единымъ словомъ, ни единымъ признакомъ малодушія. Онъ сломленъ, но не побѣжденъ.

Базаровъ, собственно говоря, показанъ только въ узкой рамкѣ, а не во всю ширину человѣческой жизни. Онъ образовался не медленнымъ накопленіемъ вліяній, а, напротивъ, быстрымъ, крутымъ переломомъ. Онъ — человѣкъ теоріи, и его создала теорія, создала незамѣтно, безъ событій, создала однимъ умственнымъ переворотомъ. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ движеніи Базарова, въ каждомъ дѣйствіи схваченъ авторомъ живой, цѣльный человѣкъ. Повидимому, онъ человѣкъ гордый, страшно самолюбивый и оскорбляющій другихъ своимъ самолюбіемъ; но читатель примиряется съ этой гордостью, потому что въ то же время въ Базаровѣ нѣтъ никакого самодоволь-

ства, самоуслажденія; гордость не приноситъ ему никакого счастья. Базаровъ пренебрежительно и сухо обходится со своими родителями; но никто ни въ какомъ случаѣ не заподозритъ его въ услажденіи чувствомъ собственнаго превосходства. Онъ вовсе не такой сухой человѣкъ, какъ можно бы думать по его внѣшнимъ поступкамъ и по складу его мыслей. Базаровъ не есть отвлеченный теоретикъ, порѣшившій всѣ вопросы и совершенно успокоившійся. Вотъ почему, несмотря на всю его твердость и послѣдовательность въ словахъ и дѣйствіяхъ, Базаровъ легко волнуется; все его задѣваетъ, все на него дѣйствуетъ. Несмотря на всѣ свои взгляды, Базаровъ жаждетъ любви къ людямъ. Если эта жажда проявляется злобою, то такая злоба составляетъ только оборотную сторону любви. Холоднымъ, отвлеченнымъ человѣкомъ Базаровъ быть не могъ; его сердце требовало полноты, требовало чувствъ; и вотъ онъ злится на другихъ, но чувствуетъ, что ему еще больше слѣдуетъ злиться на себя.

Тургеневъ изобразилъ жизнь подъ мертвящимъ вліяніемъ теоріи; онъ далъ намъ живого человѣка, хотя этотъ человѣкъ, повидимому, самъ себя безъ остатка воплотилъ въ отвлеченную формулу. Базаровъ — фигура мрачная, но величавая и привлекательная. Тургеневъ, поклонникъ вѣчной истины, вѣчной красоты, имѣлъ гордую цѣль во временномъ указать на вѣчное. *Смѣна поколѣній* — вотъ наружная тема романа. Но читатель чувствуетъ, что онъ имѣетъ предъ собой *жизнь человѣческую*, въ самомъ широкомъ и полномъ ея значеніи, за миражемъ внѣшнихъ дѣйствій льется такой глубокій, такой неистощимый потокъ жизни, что всѣ эти лица и сцены ничтожны передъ этимъ потокомъ. Хотя Базаровъ головою выше всѣхъ другихъ лицъ, хотя онъ величественно проходитъ по сценѣ, торжествующій, поклоняемый, уважаемый, любимый и оплакиваемый, есть, сднакожъ, что-то, что въ цѣломъ стоитъ выше Базарова. Всматриваясь внимательнѣе, мы найдемъ, что это высшее — та *жизнь*, которая воодушевляетъ всѣ лица. Выше Базарова — тотъ страхъ, та любовь, тѣ слезы, которыя онъ внушаетъ. Выше Базарова — та сцена, по которой онъ проходитъ. Обаяніе природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь разительная, *даже* религія, — все это — живое, полное, могущественное — составляетъ фонъ, на которомъ рисуется Базаровъ. Этотъ фонъ такъ ярокъ, такъ сверкаетъ, что огромная фигура Базарова вырѣзывается на немъ отчетливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ мрачно. Созданіе такихъ лицъ, какъ отецъ и мать Базарова, есть истинное торжество таланта. Повидимому, что можетъ быть ничтожнѣе и негоднѣе этихъ людей, отжившихъ свой вѣкъ и со всѣми предразсудками старины уродливо дряхлѣющихъ

среди новой жизни? А между тѣмъ, какое богатство *простыхъ* человѣческихъ чувствъ! Какая глубина и ширина душевныхъ явленій — среди обыденнѣйшей жизни, не подымающейся ни на волосъ выше самаго низменнаго уровня! Когда же Базаровъ заболѣваетъ, когда онъ заживо гніетъ и непреклонно выдерживаетъ жестокую борьбу съ болѣзнью, жизнь, его окружающая, становится тѣмъ напряженнѣе и ярче, чѣмъ мрачнѣе самъ Базаровъ. Одинцова пріѣзжаетъ проститься съ Базаровымъ; вѣроятно, ничего великодушнѣе она не сдѣлала и не сдѣлаетъ во всю жизнь. Что же касается до отца и матери, то трудно найти что-нибудь болѣе трогательное. Ихъ любовь вспыхиваетъ какими-то молніями, мгновенно потрясающими читателя; изъ ихъ простыхъ сердецъ какъ будто вырываются безконечно-жалобные гимны, какіе-то безпредѣльно-глубокіе и нѣжные вопли, неотразимо хватающіе за душу. Среди этого свѣта и этой теплоты умираетъ Базаровъ. На минуту въ душѣ его отца закипаетъ буря, страшнѣе которой ничего быть не можетъ. Но она быстро затихаетъ, и снова все становится свѣтло. Самая могила Базарова озарена свѣтомъ и миромъ. Надъ нею поютъ птицы, и на нее льются слёзы.

Итакъ, вотъ оно, вотъ то таинственное правоученіе, которое вложилъ Тургеневъ въ свое произведеніе. Базаровъ отворачивается отъ природы; не коритъ его за это авторъ, а только рисуетъ природу во всей красотѣ. Базаровъ не дорожитъ дружбою и отрекается отъ романтической любви; не порочитъ его за это авторъ, а только изображаетъ дружбу Аркадія и его счастливую любовь къ Катѣ. Базаровъ отрицаетъ тѣсныя связи между родителями и дѣтьми; не упрекаетъ его за это авторъ, а только развертываетъ передъ нами картину родительской любви. Базаровъ отвергаетъ поэзію; Тургеневъ изображаетъ его самого со всею роскошью и проницательностью поэзіи. Однимъ словомъ, Тургеневъ стоитъ за вѣчныя начала человѣческой жизни. Выходитъ, что Тургеневъ стоитъ за то же, за что стоятъ всѣ поэты. Каковы бы ни были частныя явленія, которыя онъ выбралъ для своего произведенія, онъ разсматриваетъ ихъ съ самой общей и самой высокой точки зрѣнія. Произведеніе Тургенева есть истинно поэтическое дѣло и, слѣдовательно, носитъ въ себѣ самомъ свое полное оправданіе. Попробуйте отвергнуть поэзію, когда она васъ самихъ схватитъ, живьемъ воплотитъ васъ въ свои образы и покажетъ васъ всѣмъ въ своемъ неотразимомъ свѣтѣ! Попробуйте сказать, что поэтъ отсталъ, когда онъ изобразитъ васъ во всѣхъ движеніяхъ вашего сердца, во всѣхъ тайнахъ вашего существа!

Н. Страховъ.

Наканунѣ.

Поставляя главной задачею литературной критики — разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе, мы должны замѣтить притомъ, что въ приложеніи къ повѣстямъ г. Тургенева эта задача имѣетъ еще особый смыслъ. Г. Тургенева по справедливости можно назвать представителемъ и пѣвцомъ той морали и философіи, которая господствовала въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе, и въ своихъ произведеніяхъ непремѣнно обращалъ (сколько позволяли обстоятельства) вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество. Мы надѣемся при другомъ случаѣ прослѣдить всю литературную дѣятельность г. Тургенева и потому теперь не станемъ распространяться об этомъ. Скажемъ только, что этому чутью автора къ живымъ струнамъ общества, этому умѣнью тотчасъ отозваться на всякую б. городную мысль и честное чувство, только что еще начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей, мы приписываемъ значительную долю того успѣха, которымъ постоянно пользовался г. Тургеневъ въ русской публикѣ. Конечно, и литературный талантъ самъ по себѣ много помогъ этому успѣху. Но читатели наши знаютъ, что та ентъ г. Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые, единственно силою поэтическаго представленія, поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а, напротивъ, мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта. Поэтому мы полагаемъ, что онъ не могъ бы вызвать общую симпатію публики, если бы касался вопросовъ и потребностей, совершенно чуждыхъ его читателямъ, или еще не возбужденныхъ въ обществѣ. Нѣкоторые замѣтили бы прелесть поэтическихъ описаній въ его повѣстяхъ, тонкость и глубину въ очертаніяхъ разныхъ лицъ и положеній, но, безъ всякаго сомнѣнія, этого было бы недостаточно для того, чтобы сдѣлать прочный успѣхъ и славу писателю. Безъ живого отношенія къ современности всякій, даже самый симпатичный и талантливый повѣствователь долженъ подвергнуться участи г. Фета, котораго и хвалили когда-то, но изъ котораго теперь только десятокъ любителей помнитъ десятокъ лучшихъ стихотвореній. Живое отношеніе къ современности спасло г. Тургенева и упрочило за нимъ постоянный успѣхъ въ читающей публикѣ. Нѣкоторый глубокомысленный критикъ даже упрекалъ когда-то г. Тургенева за то, что въ его дѣятель-

пости такъ сильно отразились «всѣ колебанія общественной мысли». Но мы, несмотря на это, видимъ здѣсь именно самую жизненную сторону таланта г. Тургенева, и этой стороной объясняемъ, почему съ такой симпатіей, почти съ энтузіазмомъ, встрѣчалось до сихъ поръ каждое его произведеніе.

Итакъ, мы можемъ сказать смѣло, что если уже г. Тургеневъ тронулъ какой-нибудь вопросъ въ своей повѣсти, если онъ изображаетъ какую-нибудь новую сторону общественныхъ отношеній, — это служитъ ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно подымается или скоро подымется въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко предъ глазами всѣхъ. Поэтому каждый разъ при появленіи повѣсти г. Тургенева дѣлается любопытнымъ вопросъ: какія же стороны жизни изображены въ ней, какіе вопросы затронуты?

Вопросъ этотъ представляется и теперь, и въ отношеніи къ новой повѣсти г. Тургенева онъ интереснѣе, чѣмъ когда-либо. До сихъ поръ путь г. Тургенева, сообразно съ путемъ развитія нашего общества, былъ довольно ясно намѣченъ въ одномъ направленіи. Исходилъ онъ изъ сферы высшихъ идей и теоретическихъ стремленій и направлялся къ тому, чтобы эти идеи и стремленія внести въ грубую и пошлую дѣйствительность, далеко отъ нихъ уклонившуюся. Сборы на борьбу и страданія героя, хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и его паденіе предъ подавляющею силою людской пошлости — и составляли обыкновенно интересъ повѣстей г. Тургенева. Разумѣется, самыя основанія борьбы, то-есть идеи и стремленія, видоизмѣнялись въ каждомъ произведеніи или, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, выказывались болѣе опредѣленно и рѣзко. Такимъ образомъ, «Лишняго Человѣка» смѣнялъ Пасынковъ, Пасынкова — Рудинъ, Рудина — Лаврецкій. Каждое изъ этихъ лицъ было смѣлѣе и полнѣе предыдущихъ, но сущность, основа ихъ характера и всего ихъ существованія была одна и та же. Они были вносители новыхъ идей въ извѣстный кругъ, просвѣтители, пропагандисты, хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это ихъ очень хвалили, и точно — въ свое время они, видно, очень нужны были, и дѣло ихъ было очень трудно, почтенно и благотворно. Не даромъ же всѣ встрѣчали ихъ съ такой любовью, такъ сочувствовали ихъ душевнымъ страданіямъ, такъ жалѣли объ ихъ безплодныхъ усиліяхъ. Не даромъ никто тогда и не думалъ замѣтить, что эти господа — отличные, благородные, умные, но въ сущности бездѣльные люди. Рисуя ихъ образы въ разныхъ положеніяхъ и столкновеніяхъ, самъ г. Тургеневъ относился къ нимъ обыкновенно съ трогательнымъ участіемъ, съ сердечной болью объ ихъ страданіяхъ, и то же

чувство возбуждалъ постоянно въ массѣ читателей. Когда одинъ мотивъ этой борьбы и страданій начиналъ казаться уже недостаточнымъ, когда одна черта благородства и возвышенности характера начинала какъ будто покрываться нѣкоторой пошлостью, г. Тургеневъ умѣлъ находить другіе мотивы, другія черты и опять попадалъ въ самое сердце читателя, и опять возбуждалъ къ себѣ и своимъ героямъ восторженную симпатію. Предметъ казался неистощимымъ.

Въ новой повѣсти г. Тургенева мы встрѣчаемъ другія положенія, другіе типы, нежели къ какимъ привыкли въ его произведеніяхъ прежняго періода. Общественная потребность дѣла, живого дѣла, начало презрѣнія къ мертвымъ принципамъ и пассивнымъ добродѣтелямъ выразилось во всемъ строѣ новой повѣсти. Безъ сомнѣнія, каждый, кто будетъ читать нашу статью, уже прочиталъ теперь «Наканунѣ». Поэтому мы, вмѣсто разсказа содержанія повѣсти, представимъ только коротенькій очеркъ главныхъ ея характеровъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

Героиней романа является дѣвушка, съ серьезнымъ складомъ ума, съ энергической волей, съ гуманными стремленіями сердца. Развитіе ея совершилось очень своеобразно, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ семейнымъ.

Отецъ и мать ея были люди ограниченные, но не злые; мать даже положительно отличалась добротою и мягкостью сердца. Съ самаго дѣтства Елена была избавлена отъ семейнаго деспотизма, который губитъ въ зародышѣ такъ много прекрасныхъ натуръ. Она росла одна, безъ подругъ, совершенно свободно; никакой формализмъ не стѣснялъ ее. Николай Артемьичъ Стаховъ, отецъ ея, человѣкъ туповатый, но корчившій изъ себя философа скептическаго тона и державшійся подальше отъ семейной жизни, сначала только восхищался своей маленькой Еленой, въ которой рано обнаружились необыкновенныя способности. Елена, пока была мала, тоже, съ своей стороны, обожала отца. Но отношенія Стахова къ женѣ были не совсѣмъ удовлетворительны: онъ женился на Аннѣ Васильевнѣ для ея

приданаго, не питалъ къ ней никакого чувства, обходился съ нею почти съ пренебреженіемъ и удалялся отъ нея въ общество Августы Христіановны, которая его обирала и дурачила. Анна Васильевна, больная и чувствительная женщина, въ родѣ Марьи Дмитріевны «Дворянскаго гнѣзда», кротко переносила свое положеніе, но не могла на него не жаловаться всѣмъ въ домѣ и, между прочимъ, даже дочери. Такимъ образомъ Елена скоро сдѣлалась повѣренною горестей своей матери и становилась невольно судьею между ей и отцомъ. При впечатлительности ея натуры это имѣло большое вліяніе на развитіе ея внутреннихъ силъ. Чѣмъ менѣе она могла дѣйствовать практически въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе представлялось работы ея уму и воображенію. Принужденная съ раннихъ лѣтъ всматриваться во взаимныя отношенія близкихъ ей людей, участвуя и сердцемъ, и головой въ разъясненіи смысла этихъ отношеній и произнесенія суда надъ ними, Елена рано пріучила себя къ самостоятельному размышленію, къ сознательному взгляду на все окружающее. Семейныя отношенія Стаховыхъ очеркнуты у г. Тургенева очень бѣгло, но въ этомъ очеркѣ есть глубоко-вѣрныя указанія, весьма много объясняющія первоначальное развитіе характера Елены. По натурѣ своей она была ребенкомъ впечатлительнымъ и умнымъ; положеніе ея между матерью и отцомъ рано вызвало ее на серьезныя размышленія, рано подняло ее до самостоятельной, до властительной роли. Она становилась въ уровень со старшими, дѣлала ихъ подсудимыми предъ собою. И въ то же время размышленія ея не были холодны, съ ними сливалась вся душа ея, потому что дѣло шло о людяхъ слишкомъ близкихъ, слишкомъ дорогихъ для нея, объ отношеніяхъ, съ которыми связаны были самыя святыя чувства, самые живые интересы дѣвочки. Оттого-то ея размышленія прямо отражались на ея сердечномъ расположеніи: отъ обожанія отца она перешла къ страстной привязанности къ матери, въ которой она стала видѣть существо притѣсненное, страдающее. Но въ этой любви къ матери не было ничего враждебнаго къ отцу, который не былъ ни злодѣемъ, ни положительнымъ дуракомъ, ни домашнимъ тираномъ. Онъ былъ только весьма обыкновенной посредственностью, и Елена охладѣла къ нему инстинктивно, а потомъ, можетъ, и сознательно, рѣшивши, что любить его не за что. Да скоро ту же посредственность увидала она и въ матери, и въ сердцѣ ея, вмѣсто страстной любви и уваженія, осталось лишь чувство сожалѣнія и снисхожденія: г. Тургеневъ очень удачно очертилъ ея отношенія къ матери, сказавши, что «она обходилась съ матерью, какъ съ больной бабушкой». Мать признала себя ниже дочери; отецъ же, какъ только дочь стала перерастать его умственно, что было

очень нетрудно, охладѣлъ къ ней, рѣшилъ, что она странная, и отступился отъ нея.

А въ ней между тѣмъ все росло и расширялось сострадательное, гуманное чувство. Боль о чужомъ страданіи была возбуждена въ ея ребяческомъ сердцѣ убитымъ видомъ матери, конечно, еще прежде, нежели она стала понимать хорошенько, въ чемъ дѣло. Эта боль давала ей себя чувствовать постоянно, сопровождала ее при каждомъ новомъ шагѣ ея развитія, придавала особенный, задумчиво-серьезный складъ ея мыслямъ, мало-по-малу вызвала и опредѣлила въ ней дѣятельныя стремленія и всѣ ихъ направила къ страстному, неодолимому исканію добра и счастья для всѣхъ. Еще смутны были эти исканія, слабы силы Елены, когда она нашла новую пищу для своихъ размышленій и мечтаній, новый предметъ своего участія и любви — въ странномъ знакомствѣ съ нищей дѣвочкой Катей. На десятомъ году подружилась она съ этой дѣвочкой, тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривенники — игрушекъ Катя не брала; сидѣла съ ней по цѣлымъ часамъ, съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черствый хлѣбъ; слушала ея разсказы, выучилась ея любимой пѣсенкѣ, съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ слушала, какъ Катя обѣщалась убѣжать отъ своей злой тетки, чтобы жить *на всей Божьей волѣ*, и сама мечтала о томъ, какъ она надѣнетъ сумку и убѣжитъ съ Катей. Катя скоро умерла, но знакомство съ ней не могло не оставить рѣзкихъ слѣдовъ въ характерѣ Елены. Къ ея чистымъ, человѣчнымъ, сострадательнымъ расположеніямъ оно прибавило еще новую сторону: оно внушило ей то презрѣніе или, по крайней мѣрѣ, то строгое равнодушіе къ ненужнымъ излишествамъ богатой жизни, которое всегда проникаетъ душу не совсѣмъ испорченнаго человѣка въ виду безпомощной нищеты. Скоро вся душа Елены загорѣлась жаждою дѣятельнаго добра, и жажда эта стала на первый разъ удовлетворяться обычными дѣлами милосердія, какія возможны были для Елены. «Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ». Даже «всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими». Отецъ ея называлъ все это пошлымъ нѣжничаньемъ; но Елена не была сантиментальна, потому что сантиментальность именно характеризуется избыткомъ чувствъ и словъ при совершенномъ недостаткѣ дѣятельной любви, а чувство Елены постоянно стремилось проявиться на дѣлѣ. Пустыхъ ласкъ и нѣжностей она не терпѣла и вообще не придавала значенія словамъ безъ

дѣла и уважала только практически-полезную дѣятельность. Даже стиховъ она не любила, даже въ художествѣ толку не знала.

Но дѣятельныя стремленія души зрѣютъ и крѣпнутъ только при дѣятельности просторной и вольной. Надо испробовать нѣсколько разъ свои силы, испытать неудачи и столкновенія, узнать, чего стоятъ разныя усилія и какъ преодолѣваются разныя препятствія,—для того, чтобы пріобрѣсть отвагу и рѣшимость, необходимыя для дѣятельной борьбы, чтобы узнать мѣру своихъ силъ и умѣть найти для нихъ соотвѣтственную работу. Елена, при всей свободѣ своего развитія, не могла найти достаточно средствъ для того, чтобы дѣятельно упражнять свои силы и удовлетворять свои стремленія. Ей никто не мѣшалъ дѣлать, что она хочетъ; но дѣлать было нечего. Ее не стѣсняли педантизмомъ систематическаго ученья, и потому она успѣла образоваться, не принявши въ себя множество предразсудковъ, неразлучныхъ съ системами, курсами и вообще съ рутиною образованія. Она много и съ участіемъ читала; но одно чтеніе не могло удовлетворять ее; оно имѣло только то вліяніе, что разсудочная сторона развилась въ Еленѣ сильнѣе другихъ и умственная требовательность стала пересиливать даже живыя стремленія сердца. Подаваніе милостыни, уходъ за щенками и котятами, защита мухи отъ паука тоже не могли удовлетворить ее: когда она стала побольше и поумнѣе, она не могла не увидѣть всю скудость этой дѣятельности; да притомъ — эти занятія требовали отъ нея весьма мало усилій и не могли наполнять ея существованія. Ей нужно было чего-то больше, чего-то выше; но чего — она не знала, а если и знала, то не умѣла приняться за дѣло. Отъ этого и находилась она постоянно въ какой-то ажитаціи, все ждала и искала чего-то; отъ этого и наружность ея приняла такой особенный характеръ. «Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, *внимательномъ и немного пугливомъ*, въ *ясномъ, но измѣнчивомъ* взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто *напряженной*, въ голосѣ, *тихомъ и неровномъ*, было что-то нервическое, электрическое, что-то *порывистое и торопливое...*» Ясно, что она еще находится въ неопредѣленныхъ сомнѣніяхъ относительно самой себя, она еще не опредѣлила своей роли. Она поняла, чего ей не нужно, и смотритъ гордо и независимо на обычную обстановку своей жизни; но что ей нужно, и главное — что дѣлать, чтобы достигнуть того, что нужно, — этого она еще не знаетъ, и потому все существо ея напряжено, неровно, порывисто. Она все ждетъ, все живетъ наканунѣ чего-то... Она готова къ самой жизни, энергической дѣятельности, но приступить къ дѣлу сама по себѣ, одна она не смѣетъ.

Въ этой-то несмѣлости, въ этой практической пассивности при богатствѣ внутреннихъ силъ и при томительной жаждѣ дѣятельности

мы и видимъ живую связь героини г. Тургенева со всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. По тому, какъ задуманъ характеръ Елены, — она представляетъ явленіе исключительное, и если бы на самомъ дѣлѣ она являлась вездѣ выразительницею своихъ воззрѣній и стремленій, она бы оказалась чуждою русскому обществу и не имѣла бы для насъ такого смысла, какъ теперь. Она была бы лицомъ сочиненнымъ, растеніемъ, неудачно пересаженнымъ на нашу почву откуда-нибудь изъ другой земли. Но вѣрное чутье дѣйствительности не позволило г. Тургеневу придать своей героинѣ полнаго соотвѣтствія практической дѣятельности съ теоретическими ея понятіями и внутренними порывами души. На это еще не даетъ писателю матеріаловъ наша общественная жизнь. Во всемъ нашемъ обществѣ замѣтно теперь только еще пробудившееся желаніе приняться за настоящее дѣло, сознаніе пошлости разныхъ красивыхъ игрушекъ, возвышенныхъ разсужденій и неподвижныхъ формъ, которыми мы такъ долго себя тѣшили и дурачили. Но мы еще все-таки не вышли изъ той сферы, въ которой такъ спокойно было намъ спать, да и не знаемъ хорошенько, гдѣ выходъ; а если кто и узнаетъ, то еще боится открыть его. Это трудное, томительное положеніе общества необходимо кладетъ свою печать и на художественное произведеніе, вышедшее изъ среды его. Въ обществѣ могутъ быть отдѣльныя сильныя натуры, отдѣльныя лица могутъ достигать высокаго развитія нравственнаго; вотъ и въ литературныхъ произведеніяхъ являются такія личности. Но все это такъ и остается только въ очеркѣ натуры лица, а въ жизнь не переносится; предполагается возможнымъ, но въ дѣйствительности не совершается. Въ Ольгѣ «Обломова» мы видѣли женщину идеальную, далеко ушедшую въ своемъ развитіи отъ всего остального общества; но гдѣ ея практическая дѣятельность? Она способна, кажется, создать новую жизнь, а живетъ между тѣмъ въ той же пошлости, въ какой и всѣ ея подруги, потому что отъ этой пошлости некуда уйти ей. Штольцъ ей нравится, какъ энергическая, дѣятельная натура; а между тѣмъ и онъ, при всемъ искусствѣ автора «Обломова» въ обрисовкѣ характеровъ, является передъ нами только со своими способностями и не даетъ видѣть, какъ онъ ихъ примѣняетъ; онъ лишенъ почвы подъ ногами и плыветъ передъ нами какъ будто въ какомъ-то туманѣ. Теперь въ Еленѣ г. Тургенева мы видимъ новую попытку созданія энергическаго, дѣятельнаго характера и не можемъ сказать, чтобы обрисовка самаго характера не удалась автору. Если и рѣдко кому случалось встрѣчать такихъ женщинъ, какъ Елена, зато, конечно, многимъ приходилось замѣчать въ самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ зародыши тѣхъ или другихъ существенныхъ чертъ ея характера, возможность развитія многихъ изъ ея стре-

мленій. Какъ идеальное лицо, составленное изъ лучшихъ элементовъ, развивающихся въ нашемъ обществѣ, Елена понятна и близка намъ. Самыя стремленія ея опредѣляются для насъ очень ясно: Елена какъ будто служитъ отвѣтомъ на вопросы и сомнѣнія Ольги, которая, поживши съ Штольцемъ, томится и тоскуетъ и сама не можетъ дать себѣ отчета, — о чемъ. Въ образѣ Елены объясняется причина этой тоски, необходимо поражающей всякаго порядочнаго русскаго человѣка, какъ бы ни хороши были его собственныя обстоятельства. Елена жаждетъ дѣятельнаго добра, она ищетъ возможности устроить счастье вокругъ себя, потому что она не понимаетъ возможности не только счастья, но даже и спокойствія собственнаго, если ее окружаетъ горе, несчастія, бѣдность и униженія ея ближнихъ.

Но какую же дѣятельность, сообразную съ такими внутренними требованіями, могъ дать г. Тургеневъ своей героинѣ? На это даже и отвлеченнымъ образомъ трудно отвѣтить; а художественно создать эту дѣятельность, вѣроятно, еще и невозможно для русскаго писателя настоящаго времени. Неоткуда взять дѣятельности, и поневолѣ авторъ заставилъ свою героиню дешевымъ образомъ проявлять свои высокія стремленія въ подачѣ милостыни да въ спасеніи заброшенныхъ котятъ. За дѣятельность, требующую бо́льшаго напряженія и борьбы, она и не умѣетъ, и боится приняться. Она видитъ во всемъ окружающемъ, что одно давитъ другое, и потому, именно вслѣдствіе своего гуманнаго, сердечнаго развитія, старается держаться въ сторонѣ отъ всего, чтобы какъ-нибудь тоже не начать давить другихъ. Въ домѣ ни въ чемъ не замѣтно ея вліяніе: отецъ и мать ей какъ чужіе; они боятся ея авторитета, но никогда она не обратится къ нимъ за совѣтомъ, указаніемъ или требованіемъ. Для нея живетъ въ домѣ компаньонка Зоя, молодая добродушная нѣмка: Елена отъ нея сторонится, почти не говоритъ съ ней, и отношенія ихъ очень холодны. Тутъ же проживаетъ Шубинъ, молодой художникъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить: Елена уничтожаетъ его своими приговорами, но и не думаетъ постараться пріобрѣсти надъ нимъ какое-нибудь вліяніе, которое было бы ему очень полезно. Во всей повѣсти нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы жажда дѣятельнаго добра заставила Елену вмѣшаться въ дѣла окружающей ее среды и проявить чѣмъ-нибудь свое вліяніе. Мы не думаемъ, чтобъ это зависѣло отъ случайной ошибки автора; нѣтъ, въ нашемъ обществѣ еще очень недавно, да и не между женщинами, а изъ среды мужчинъ, возвышался и блисталъ особенный типъ людей, гордившихся своимъ устраненіемъ отъ окружающей ихъ среды. «Тутъ невозможно сохранить себя чистымъ, — говорили они, — и притомъ вся эта среда такъ мелка и пошла, что лучше удалиться отъ нея въ сторону». И они точно удалялись,

не сдѣлавъ ни одной энергической попытки для исправленія этой пошлой среды, и удаленіе ихъ считалось единственнымъ честнымъ выходомъ изъ ихъ положенія и прославлялось, какъ подвигъ. Естественно, что, имѣя въ виду такіе примѣры и понятія, авторъ не могъ лучше освѣтить домашнюю жизнь Елены, какъ поставивъ ее совершенно въ сторонѣ отъ этой жизни. Впрочемъ, какъ мы сказали, безспорно Елены приданъ въ повѣсти особенный мотивъ, вытекающій изъ ея женственнаго, гуманнаго чувства: она боится всякихъ столкновеній, — не по недостатку мужества, а изъ опасенія нанести кому-нибудь оскорбленіе и вредъ. Никогда не испытавъ полной, дѣятельной жизни, она воображаетъ еще, что ея идеалы могутъ быть достигнуты безъ борьбы, безъ ущерба кому бы то ни было. Послѣ одного случая (когда Инсаровъ героически бросилъ въ воду пьянаго нѣмца) она писала въ своемъ дневникѣ: «Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ-быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ и остаться кроткимъ и мягкимъ?» Эта простая мысль пришла ей въ голову только теперь, да и то еще въ видѣ вопроса, котораго она такъ и не разрѣшаетъ.

Въ этой-то неопредѣленности, въ этомъ бездѣйствіи при безпрерывномъ томительномъ ожиданіи чего-то, доживаетъ Елена до двадцатаго года своей жизни. По временамъ ей очень тяжело; она сознаетъ, что силы ея пропадаютъ даромъ, что жизнь ея пуста; она говоритъ про себя: «хотя бы въ служанки куда-нибудь пошла, право: мнѣ было бы легче». Это тяжкое расположеніе увеличивается въ ней тѣмъ, что она ни въ комъ не находитъ отзыва на свои чувства, ни въ комъ не видитъ опоры для себя. Иногда ей кажется, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи... Ей становится страшно, и потребность сочувствія развивается сильнѣе, и она напряженно и трепетно ждетъ другой души, которая бы умѣла понять ее, отозваться на ея святыя чувства, помочь ей, научить ее, что надо дѣлать. Въ ней являлось желаніе отдаться кому-нибудь, слить съ кѣмъ-нибудь свое существо, и ей становилась непріятною даже эта самостоятельность, съ которою она такъ одиноко стояла въ кругу близкихъ ей людей. «Съ шестнадцатилѣтняго возраста она жила собственною, своею жизнію, но жизнію одинокою. Ея душа разгоралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было; никто не стѣснялъ ее; никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась сама себя. Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. «Какъ жить безъ любви,

а любить некого», думала она, и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній».

При такомъ-то настроеніи ея сердца, лѣтомъ, на дачѣ въ Кунцовѣ, застаетъ ее дѣйствіе повѣсти. Въ короткій промежутокъ времени являются передъ нею три человѣка, изъ которыхъ одинъ привлекаетъ къ себѣ всю ея душу. Тутъ есть, впрочемъ, и четвертый, эпизодически введенный, но тоже не лишній господинъ, котораго мы тоже будемъ считать. Трое изъ этихъ господъ — русскіе, четвертый — болгаръ, и въ немъ-то нашла свой идеалъ Елена. Посмотримъ на всѣхъ этихъ господъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, страстно по-своему влюбленный въ Елену, — художникъ Павелъ Яковличъ Шубинъ, хорошенькій и граціозный юноша, лѣтъ 25, добродушный и остроумный, веселый и страстный, безпечный и талантливый. Онъ доводится троюроднымъ племянникомъ Аннѣ Васильевнѣ, матери Елены, и потому очень близокъ къ молодой дѣвушкѣ и надѣется заслужить ея серьезное расположеніе. Но она постоянно смотритъ на него свысока и считаетъ его неглупымъ, но балованнымъ ребенкомъ, съ которымъ нельзя обращаться серьезно. Впрочемъ, Шубинъ говоритъ своему другу: «было время, я ей нравился», и дѣйствительно, у него много условій для того, чтобы нравиться; немудрено, что и Елена на минуту придала болѣе значенія его хорошимъ сторонамъ, нежели его недостаткамъ. Но скоро она увидѣла художественность этой натуры, увидѣла, что здѣсь все зависитъ отъ минуты, ничего нѣтъ постояннаго и надежнаго, весь организмъ составленъ изъ противорѣчій, лѣнь заглушаетъ способность, а даромъ потраченное время вызываетъ потомъ безплодное раскаяніе, подымаетъ желчь, возбуждаетъ презрѣніе къ самому себѣ, которое въ свою очередь служитъ утѣшеніемъ въ неудачахъ и заставляетъ гордиться и любоваться собою. Все это Елена поняла инстинктивно, безъ тяжелыхъ мукъ недоумѣнья, и потому рѣшеніе ея относительно Шубина совершенно спокойно и беззлобно. «Вы воображаете, что во мнѣ все притворно; вы не вѣрите моему раскаянію, не вѣрите, что я могу искренно плакать!» говоритъ ей однажды Шубинъ въ отчаянномъ порывѣ. И она не отвѣчаетъ: не вѣрю, а говоритъ просто: «нѣтъ, Павелъ Яковлевичъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе, и въ ваши слезы я вѣрю; но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже». Шубинъ такъ и дрогнулъ отъ этого простого приговора, который дѣйствительно долженъ былъ глубоко вонзиться въ его сердце. Онъ самъ никогда не предполагалъ, чтобъ его порывы, противорѣчія, страданія, метанья изъ стороны въ сторону можно было понять и объяснить такъ просто и вѣрно. При этомъ объясненіи онъ даже

перестаетъ дѣлаться «интереснымъ человѣкомъ». И дѣйствительно, какъ только Елена составила о немъ мнѣніе, онъ уже не занимаетъ ее. Ей все равно — тутъ онъ или нѣтъ, помнитъ о ней или забылъ, любитъ ее или ненавидитъ; у ней съ нимъ ничего нѣтъ общаго, хотя она не прочь искренно похвалить его, если онъ сдѣлаетъ что-нибудь достойное его таланта...

Другой начинаетъ занимать ея мысли. Этотъ совершенно въ иномъ родѣ; онъ неуклюжъ, старообразъ, лицо его некрасиво и даже нѣсколько смѣшно, но выражаетъ привычку мыслить и доброту. Кромѣ того, по словамъ автора, «какой-то *отпечатокъ порядочности* замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ». Это Андрей Петровичъ Берсеневъ, близкій другъ Шубина. Онъ философъ, ученый, читаетъ Исторію Гогенштауфеновъ и другія нѣмецкія книжки, исполненъ скромности и самоотверженія. На возгласы Шубина: «намъ нужно счастья, счастья. Мы завоюемъ себѣ счастье!» — онъ недовѣрчиво возражаетъ: «будто нѣтъ ничего выше счастья?»—и затѣмъ между ними происходитъ такой разговоръ:

— А, напримѣръ? — спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь, молоды, мы хорошіе люди, положимъ, каждый изъ насъ желаетъ себѣ счастья. Но такое ли это слово: «счастье», которое соединило, восиламенило бы насъ обоихъ, заставило бы подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ?

— Да; и ихъ не мало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка, какія это слова?

— Да хоть бы искусство, такъ какъ ты художникъ; родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь? — спросилъ Шубинъ.

— И любовь — соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь, не любовь-наслажденіе, любовь-жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для нѣмцевъ; я хочу любить для себя; я хочу быть номеромъ первымъ.

— Номеромъ первымъ, — повторилъ Берсеневъ. — А мнѣ кажется, поставить себя номеромъ вторымъ — все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь, — промолвилъ съ жалобной гримасой Шубинъ,—никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ; всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— Значитъ, ананасы не нужны; а впрочемъ, не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужого рта отнимать.

Изъ этого разговора видно, какіе благородные принципы у Берсенева, и какъ душа его способна къ тому, что называется самоотверженіемъ. Онъ выражаетъ искреннюю готовность пожертвовать своимъ счастьемъ для одного изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называетъ «соединяющими». Этимъ онъ долженъ привлечь сочувствіе такой дѣвушки, какъ Елена. Но тутъ же видно и то, почему онъ не можетъ овладѣть всею ея душою, всей полнотой ея жизни. Это одинъ изъ героевъ пассивныхъ добродѣтелей, человѣкъ, умѣющій многое переносить, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не сумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую ногу и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль въ какомъ-нибудь дѣлѣ. Онъ самъ хочетъ быть номеромъ вторымъ, потому что въ этомъ видитъ назначеніе всего живущаго; и дѣйствительно, роль его въ повѣсти напоминаетъ отчасти Бизьменкова въ «Лишнемъ человѣкѣ» и еще болѣе Крупицына въ «Двухъ пріятеляхъ». Онъ, влюбленный въ Елену, становится посредникомъ между ею и Инсаровымъ, котораго она полюбила, великодушно помогаетъ имъ, ухаживаетъ за Инсаровымъ во время его болѣзни, отказывается отъ своего счастья въ пользу друга, хотя и не безъ стѣсненія сердца, и даже не безъ ропота. Сердце у него доброе и любящее, но изъ всего видно, что добро онъ всегда будетъ дѣлать не столько по влеченію сердца, сколько потому, что *надо* дѣлать добро. Онъ находитъ, что надо жертвовать своимъ счастьемъ для родины, науки и пр., и этимъ самымъ онъ осуждаетъ себя быть вѣчнымъ рабомъ и мученикомъ идеи. Онъ отдѣляетъ свое счастье, напр., отъ родины, онъ, бѣднякъ, не умѣетъ возвыситься до того, чтобы понять благо родины нераздѣльно съ своимъ собственнымъ счастьемъ и чтобы не понимать счастья для себя иначе, какъ при благоденствіи родины. Напротивъ, онъ какъ будто боится, что его личное счастье будетъ мѣшать благу родины, торжеству справедливости, успѣхамъ науки и т. п. Оттого онъ боится желать себѣ счастья и по благородству своихъ принциповъ рѣшается жертвовать имъ для означенныхъ имъ идей, считая это, разумѣется, большимъ одолженіемъ съ своей стороны. Ясно, что такого человѣка только и хватитъ на пассивное благородство. Но не ему слиться душою съ какимъ-нибудь великимъ дѣломъ, не ему позабыть весь міръ для любимой мысли, не ему воспламениться ею и сражаться за нее, какъ за свою радость, за свою жизнь, за свое счастье... Онъ дѣлаетъ то, что велитъ ему долгъ, стремится къ тому, что признаетъ справедливымъ по принципу; но

дѣйствія его вялы, холодны, неувѣренны, потому что онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ. Онъ отлично кончилъ курсъ въ университетѣ, любитъ науку, занимается постоянно и желаетъ быть профессоромъ: кажется, чего проще? Но когда Елена спрашиваетъ его о профессорствѣ, онъ считаетъ нужнымъ съ похвальною скромностью оговориться: «Конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ недостаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго... Я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ; но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу»... Точь въ точь вступленіе къ академической рѣчи: «надѣюсь, мм. гг., что вы благосклонно извините сухость и блѣдность моего изложенія» и пр...

А между тѣмъ профессорство, о которомъ Берсеневъ такъ отзывается, составляетъ завѣтную мечту его! На вопросъ Елены, будетъ ли онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, если получитъ каѳедру, онъ отвѣчаетъ: «Вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ быть лучше призваніе? Подумайте, пойти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ... да, смущеніемъ, котораго... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ». То же сознаніе своихъ малыхъ силъ заставляетъ его упорно не вѣрить тому, что Елена его полюбила, а потомъ сокрушаться, что она къ нему стала равнодушна. Это самое сознаніе проглядываетъ и въ томъ, когда онъ рекомендуетъ своего пріятеля Инсарова, между прочимъ, тѣмъ, что онъ денегъ взаймы не беретъ. Тѣмъ же сознаніемъ отзываются даже его разсужденія о природѣ. Онъ говоритъ, что природа возбуждаетъ въ немъ какое-то безпокойство, тревогу, даже грусть, и спрашиваетъ Шубина: «Что это значитъ? Сильнѣе ли мы сознаемъ передъ нею, передъ ея лицомъ всю нашу неполноту, нашу неясность, или же мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другого, то-есть, я хочу сказать, того, чего намъ нужно, у ней нѣтъ?» Въ этомъ пустопорожне-романтическомъ родѣ большая часть разсужденій Берсенева. А между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти упоминается, что онъ разсуждалъ о Фейербахѣ: вотъ любопытно бы послушать, что онъ о Фейербахѣ-то говоритъ!..

Итакъ, Берсеневъ — весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный въ началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію. Онъ гораздо дѣльнѣе и надежнѣе Шубина, и если его повести по какому-нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ, не только другихъ, но даже и себя самого: иниціативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее пріобрѣсти ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни. Елена сначала почувствовала симпатію къ нему за то, что онъ добрый и все

о дѣлѣ говоритъ. Она даже совѣстится предъ нимъ своего невѣжества, по тому случаю, что онъ все приноситъ ей книги, которыхъ она читать не можетъ. Но совершенно привязаться къ нему, отдать ему свою душу, свою судьбу она не можетъ: она еще прежде, чѣмъ увидѣла Инсарова, инстинктивно поняла, что Берсеневъ не то, чего ей нужно. И дѣйствительно, можно съ достовѣрностью утверждать, что Берсеневъ струсилъ бы, если бъ Елена вздумала навязаться ему на шею, и непремѣнно убѣжалъ бы подъ разными, весьма благовидными предлогами.

Впрочемъ, на безлюдьи, въ которомъ жила Елена, она увлеклась было на минуту Берсеневымъ и уже спрашивала себя: не онъ ли тотъ, кого такъ давно и такъ жадно ждала душа ея, кто долженъ былъ вывести ее изъ всѣхъ недоумѣній и указать ей путь дѣятельности? Но самъ же Берсеневъ привелъ къ ней Инсарова, и очарованіе исчезло...

Въ Инсаровѣ, строго говоря, нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Берсеневъ и Шубинъ, и сама Елена, и, наконецъ, даже авторъ повѣсти характеризуютъ его все болѣе отрицательными качествами. Онъ никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему слову, не беретъ взаймы денегъ, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ исполненія принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ и т. п., — словомъ, въ немъ нѣтъ тѣхъ чертъ, за которыя долженъ горько упрекать себя всякій человѣкъ, имѣющій претензію считать себя порядочнымъ. Но, кромѣ того, онъ болгаръ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь, открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью; подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ Берсеневѣ, не можетъ даже въ голову прійти простому болгару. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ порабощенную родину, если бъ только могъ найти удовлетвореніе себѣ въ чемъ-нибудь другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины. «Какъ же это можно быть довольнымъ и счастливымъ, когда свои земляки страдаютъ? — думаетъ онъ. — Какъ же можетъ человѣкъ успокоиться, пока его родина порабощена и угнетена? И какое занятіе можетъ быть для него пріятно, если оно не ведетъ къ облегченію участи бѣдныхъ земляковъ?» Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло совершенно спокойно, безъ натяжекъ и фанфаронадъ, такъ же просто, какъ ѣстъ и пьетъ. Покамѣстъ ему приходится еще мало работать для прямого выполненія своей идеи, но

что же дѣлать? Ему приходится теперь и ѣсть плохо и мало, и даже иной разъ голодать случается; но все-таки пища, хоть и скудная, составляетъ необходимое условіе его существованія. Такъ и освобожденіе родины: онъ учится въ Московскомъ университетѣ, чтобы образоваться вполнѣ и сблизиться съ русскими, и въ теченіе повѣсти довольствуется покамѣстъ тѣмъ, что переводитъ болгарскія пѣсни на русскій языкъ, составляетъ болгарскую грамматику для русскихъ и русскую для болгаръ, переписывается съ своими земляками и собирается ѣхать на родину — подготовлять возстаніе при первой вспышкѣ восточной войны (дѣйствіе повѣсти въ 1853 году). Конечно, это скудная пища для дѣятельнаго патріотизма Инсарова; но онъ свое пребываніе въ Москвѣ и не считаетъ еще настоящею жизнью, свою слабую дѣятельность не считаетъ удовлетворительною даже для своего личнаго чувства. Онъ также живетъ *наканунѣ* великаго дня свободы, въ который существо его озарится сознаніемъ счастья, жизнь наполнится и будетъ уже настоящей жизнью. Этого дня ждетъ онъ, какъ праздника, и вотъ почему не приходитъ ему въ голову справляться въ себѣ и холодно разсчитывать и взвѣшивать, сколько именно можетъ онъ сдѣлать и съ какимъ великимъ мужемъ успѣетъ поравняться. Будетъ ли онъ Тимоѳеемъ Николаевичемъ или Иваномъ Ивановичемъ, — до этого ему рѣшительно нѣтъ дѣла; придется ли быть номеромъ первымъ или вторымъ, — онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ будетъ дѣлать то, къ чему влечетъ его натура; если натура у него такая, что лучше не найдется, онъ станетъ первымъ номеромъ, пойдетъ во главѣ; если найдутся люди крѣпче и смѣлѣе его, онъ пойдетъ за ними и въ обоихъ случаяхъ останется неизмѣннымъ и вѣрнымъ себѣ. Гдѣ стать и до чего дойти, — это опредѣляютъ обстоятельства; но онъ хочетъ итти, онъ не можетъ нейти, не потому, чтобы боялся нарушить какой-нибудь долгъ, а потому, что онъ умеръ бы, если бы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между нимъ и Берсеневымъ. Берсеневъ тоже способенъ къ жертвамъ и подвигамъ; но онъ похожъ при этомъ на великодушную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ. Съ затаенной болью и тяжкой покорностью судьбѣ ждетъ она дня свадьбы и рада была бы, если бъ что-нибудь ей помѣшало. Инсаровъ, напротивъ, дня своихъ подвиговъ, наступленія своей самоотверженной дѣятельности ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой. Одна только боязнь и тревожитъ его: какъ бы что-нибудь не разстроило, не отсрочило желанной минуты. Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи: она у него во всемъ организмѣ, и что бы ни вошло въ него,

все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ. Оттого, при всей обыкновенности своихъ способностей, при всемъ отсутствіи блеска въ своей натурѣ, онъ стоитъ неизмѣримо выше, дѣйствуетъ на Елену несравненно сильнѣе и обаятельнѣе, нежели блестящій Шубинъ и умный Берсеневъ, хотя оба они тоже люди благородные и любящіе. Елена дѣлаетъ о Берсеневѣ очень мѣткое замѣчаніе въ своемъ дневникѣ (на который вообще авторъ не пожалѣлъ своего глубокомыслія и остроумія): «Андрей Петровичъ, можетъ-быть, ученѣе его (Инсарова), можетъ-быть, даже умнѣе... Но, я не знаю, — *онъ передъ нимъ такой маленькій*».

Разсказывать ли исторію сближенія Елены съ Инсаровымъ и любви ихъ? Кажется, не нужно. Вѣроятно, наши читатели хорошо помнятъ эту исторію; да вѣдь этого и не разскажешь. Намъ страшно прикоснуться своей холодной и жесткой рукою къ этому нѣжному, поэтическому созданію; сухимъ и безчувственнымъ пересказомъ мы боимся даже профанировать чувство читателя, непремѣнно возбуждаемое поэзіей тургеневскаго разсказа. Пѣвецъ чистой, идеальной женской любви, г. Тургеневъ такъ глубоко заглядываетъ въ юную, дѣвственную душу, такъ полно охватываетъ ее и съ такимъ вдохновеннымъ трепетомъ, съ такимъ жаромъ любви рисуетъ ея лучшія мгновенія, что намъ въ его разсказѣ такъ и чуется — и колебаніе дѣвственной груди, и тихій вздохъ, и увлаженный взглядъ, слышится каждое біеніе взволнованнаго сердца, и наше собственное сердце млѣетъ и замираетъ отъ томнаго чувства, и благодатныя слезы не разъ подступаютъ къ глазамъ, и изъ груди рвется что-то такое, какъ будто мы свидѣлись со старымъ другомъ послѣ долгой разлуки или возвращаемся съ чужбины къ родимымъ мѣстамъ. И грустно, и весело это ощущеніе: тамъ свѣтлыя воспоминанія дѣтства, невозвратно мелькнувшаго, тамъ гордыя и радостныя надежды юности, тамъ идеальныя, дружныя мечты чистаго и могучаго воображенія, еще не смиреннаго, не униженнаго испытаніями житейскаго опыта. Все это прошло и не будетъ больше; но еще не пропалъ человѣкъ, который хоть въ воспоминаніи можетъ вернуться къ этимъ свѣтлымъ грезамъ, къ этому чистому, младенческому упоенію жизнію, къ этимъ идеальнымъ, величавымъ замысламъ и — содрогнуться потомъ, при взглядѣ на ту грязь, пошлость и мелочность, въ которой проходитъ его теперешняя жизнь. И благо тому, кто умѣетъ пробуждать въ другихъ такія воспоминанія, вызвать такое настроеніе души... Талантъ г. Тургенева всегда былъ силенъ этою стороною, его повѣсти постоянно производили своимъ общимъ строемъ такое чистое впечатлѣніе, и въ этомъ, конечно, заключается ихъ существенное значеніе для общества. Не чуждо этого значенія и «Наканунѣ» въ изобра-

женіи любви Елены. Мы увѣрены, что читатели и безъ насъ сумѣютъ оцѣнить всю прелесть тѣхъ страстныхъ, нѣжныхъ и томительныхъ сценъ, тѣхъ тонкихъ и глубокихъ психологическихъ подробностей, которыми рисуется любовь Елены и Инсарова съ начала до конца. Вмѣсто всякаго разсказа мы напомнимъ только дневникъ Елены, ея ожиданіе, когда Инсаровъ долженъ былъ прійти проститься, сцену въ часовенкѣ, возвращеніе Елены домой послѣ этой сцены, ея три посѣщенія къ Инсарову, особенно послѣднее, потомъ прощанье съ матерью, съ родиной, отъѣздъ, наконецъ послѣднюю прогулку ея съ Инсаровымъ по Canal Grande, слушанье Травіаты и возвращеніе. Это послѣднее изображеніе особенно сильно подѣйствовало на насъ своей строгой истиной и безконечно-грустной прелестью; для насъ это самое задушевное, самое симпатичное мѣсто всей повѣсти.

Предоставляя самимъ читателямъ насладиться припоминаніемъ всего развитія повѣсти, мы обратимся опять къ характеру Инсарова, или, лучше, къ тому отношенію, въ какомъ стоитъ онъ къ окружающему его русскому обществу. Мы уже видѣли, что онъ здѣсь почти не дѣйствуетъ для достиженія своей главной цѣли; только разъ видимъ мы, что онъ уходитъ за 60 верстъ для примиренія поссорившихся земляковъ, жившихъ въ Троицкомъ посадѣ, да въ концѣ его пребыванія въ Москвѣ упомянуто, что онъ разъѣзжалъ по городу и скрывался украдкой съ разными лицами. Да, разумѣется — ему и нечего было дѣлать, живя въ Москвѣ; для настоящей дѣятельности нужно было ему ѣхать въ Болгарію. И онъ поѣхалъ туда, но на дорогѣ смерть застигла его, и дѣятельности его мы такъ и не видимъ въ повѣсти. Изъ этого ясно, что сущность повѣсти вовсе не состоитъ въ представленіи намъ образца гражданской, т.-е. общественной, доблести, какъ нѣкоторые, можетъ-быть, подумаютъ. Тутъ нѣтъ упрека русскому молодому поколѣнію, нѣтъ указанія на то, каковъ долженъ быть гражданскій герой. Если бы это входило въ планъ автора, то онъ долженъ былъ бы поставить своего героя лицомъ къ лицу съ самымъ дѣломъ, — съ партіями, съ народомъ, съ чужимъ правительствомъ, съ своими единомышленниками, съ вражеской силой... Но авторъ нашъ вовсе не хотѣлъ, да, сколько мы можемъ судить по всѣмъ его прежнимъ произведеніямъ, и не въ состояніи былъ бы написать героическую эпопею...

Въ чемъ же, стало-быть, смыслъ появленія *болгара* въ этой исторіи? Что тутъ значитъ болгаръ, почему не русскій? Развѣ между русскими уже нѣтъ такихъ натуръ, развѣ русскіе не способны любить страстно и рѣшительно, не способны очертя голову жениться по любви? Или это просто прихоть авторскаго воображенія, и въ ней не нужно отыскивать никакого особеннаго смысла? «Взялъ, молъ,

себѣ болгара, да и кончено; а могъ бы взять и цыгана, и китайца, пожалуй»...

Дѣло въ томъ, что въ «Наканунѣ» главное лицо — Елена. Въ ней сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ называемое образованное...

Развитіе Елены основано не на большой учености, не на обширномъ опытѣ жизни; лучшая, идеальная сторона ея существа раскрылась, выросла и созрѣла въ ней при видѣ кроткой печали родного ей лица, при видѣ бѣдныхъ, больныхъ и угнетенныхъ, которыхъ она находила и видѣла всюду, даже во снѣ. Не на подобныхъ ли впечатлѣніяхъ выросло и воспиталось все лучшее въ русскомъ обществѣ? Не характеризуется ли у насъ каждый истинно порядочный человѣкъ ненавистью ко всякому насилію, произволу, притѣсненію и желаніемъ помочь слабымъ и угнетеннымъ? Мы не говоримъ: «борьбою въ защиту слабыхъ отъ обиды сильныхъ», потому что этого нѣтъ, но именно *желаніемъ*, совершенно такъ, какъ у Елены. Мы тоже рады сдѣлать и доброе дѣло, когда оно заключаетъ въ себѣ только положительную сторону, т.-е. не требуетъ никакой борьбы, не предполагаетъ никакого сторонняго противодѣйствія. Мы подадимъ милостыню, сдѣлаемъ благотворительный спектакль, пожертвуемъ даже частью своего достоянія въ случаѣ нужды, но только чтобы этимъ дѣло и ограничилось, чтобы намъ не пришлось хлопотать и бороться съ разными непріятностями изъ-за какого-нибудь бѣднаго или обиженнаго. «Желаніе дѣятельнаго добра» есть въ насъ, и силы есть; но боязнь, неувѣренность въ своихъ силахъ и, наконецъ, незнаніе: что дѣлать? — постоянно насъ останавливаютъ, и мы, сами не зная какъ, вдругъ оказываемся въ сторонѣ отъ общественной жизни, холодными и чуждыми ея интересамъ, точь въ точь какъ Елена въ окружающей ее средѣ. Между тѣмъ *желаніе* попрежнему кипитъ въ груди (говоримъ о тѣхъ, кто не старается искусственно заглушить это желаніе), и мы все ищемъ, жаждемъ, ждемъ... ждемъ, чтобы намъ хоть кто-нибудь объяснилъ, что дѣлать. Съ болью недоумѣнія, почти съ отчаяніемъ пишетъ Елена въ своемъ дневникѣ: «О, если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать! Быть доброю — этого мало; дѣлать добро... да, это главное въ жизни. *Но какъ дѣлать добро?*» Кто изъ людей нашего общества, сознающихъ въ себѣ живое сердце, мучительно не задавалъ себѣ этого вопроса? Кто не признавалъ жалкими и ничтожными всѣ тѣ формы дѣятельности, въ которыхъ проявлялось, по мѣрѣ силъ, его желаніе добра? Кто не чувствовалъ, что есть что-то другое, высшее, что

мы даже и могли бы сдѣлать, да не знаемъ, какъ приняться надобно... И гдѣ же разрѣшеніе сомнѣній? Мы томительно, жадно ищемъ его въ свѣтлыя минуты своего существованія и нигдѣ не находимъ. Все окружающее, кажется намъ, или томится тѣмъ же недоумѣніемъ, какъ и мы, или загубило въ себѣ человѣческій образъ и сузило себя до преслѣдованія только своихъ мелкихъ, эгоистическихъ, животныхъ интересовъ. И такъ день изо дня проходитъ жизнь, пока она не умерла въ сердцѣ человѣка, и день изо дня ждетъ живой человѣкъ: не будетъ ли завтра лучше, не разрѣшится ли завтра сомнѣнье, не явится ли завтра тотъ, кто скажетъ намъ, какъ дѣлать добро...

Эта тоска ожиданія давно уже томитъ русское общество, и сколько разъ уже ошибались мы, подобно Еленѣ, думая, что жданный явился, и потомъ охладѣвали. Она страстно привязалась было къ Аннѣ Васильевнѣ; но Анна Васильевна оказалась ничтожною, безхарактерною... Почувствовала было расположеніе къ Шубину, какъ наше общество одно время увлекалось художественностью, но въ Шубинѣ не сказалось дѣльнаго содержанія, одни блестки и капризы; а Еленѣ не до того было, чтобы, посреди ея исканій, любоваться игрушками. Увлеклась на минуту серьезною наукою въ лицѣ Берсенева; но серьезная наука оказалась скромною, сомнѣвающеюся, выжидающею перваго номера, чтобы пойти за нимъ. А Еленѣ именно нужно было, чтобы явился человѣкъ, не нумерованный и не выжидающій себѣ назначенія, а самостоятельно и неодолимо стремящійся къ своей цѣли и увлекающій къ ней другихъ. Такимъ-то, наконецъ, явился предъ нею Инсаровъ, и въ немъ-то нашла она осуществленіе своего идеала, въ немъ-то увидѣла возможность отвѣта на вопросъ: какъ ей дѣлать добро.

Но почему же Инсаровъ не могъ быть русскимъ? Вѣдь онъ въ повѣсти не дѣйствуетъ, а только собирается на дѣло; это и русскій можетъ. Характеръ его тоже возможенъ и въ русской кожѣ; особенно въ такихъ проявленіяхъ. Онъ любилъ сильно и рѣшительно; но неужели невозможно и это для русскаго человѣка?

Все это такъ, и все-таки сочувствіе Елены, такой дѣвушки, какъ мы ее понимаемъ, не могло обратиться на русскаго человѣка съ тѣмъ правомъ, съ той естественностью, какъ обратилось оно на этого болгара. Все обаяніе Инсарова заключается въ величіи и святости той идеи, которой проникнуто все его существо. Елена, жаждущая дѣятельнаго добра, но не знающая, какъ его дѣлать, мгновенно и глубоко поражается, еще не видавши Инсарова, разсказомъ о его замыслахъ. «Освободить свою родину, — говоритъ она: — эти слова и выговорить страшно — такъ они велики!» И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли

нельзя поставить себѣ, и что на всю ея жизнь, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ. И она старается всмотрѣться въ него, ей хочется проникнуть въ его душу, раздѣлить его мечты, войти въ подробности его плановъ. А въ немъ только и есть постоянная слитая съ нимъ идея родины и ея свободы; и Елена довольна, ей нравится въ немъ эта ясность и опредѣленность стремленій, спокойствіе и твердость души, могучесть самаго замысла, и она скоро сама дѣлается эхомъ той идеи, которая его одушевляетъ. «Когда онъ говоритъ о своей родинѣ, — пишетъ она въ своемъ дневникѣ, — онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ какъ сталь, и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, предъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ, онъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу...» Черезъ нѣсколько дней она опять пишетъ: «А вѣдь странно, однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила! Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Дмитрій) оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... весь..., тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу, *то* хочетъ». И понявши это, она сама хочетъ слиться съ нимъ такъ, чтобы уже *не она* хотѣла, а *онъ* и *то*, что его одушевляетъ. И мы очень хорошо понимаемъ ея положеніе; увѣрены, что и все русское общество, хотя еще и не увлечется, подобно ей, личностью Инсарова, но пойметъ возможность и естественность чувства Елены.

Мы говоримъ: общество не увлечется само, и основываемъ это предположеніе на томъ, что *этотъ* Инсаровъ все еще намъ чужой человѣкъ. Самъ г. Тургеневъ, столь хорошо изучившій лучшую часть нашего общества, не нашелъ возможности сдѣлать его *нашимъ*. Мало того, что онъ вывезъ его изъ Болгаріи, онъ недостаточно приблизилъ къ намъ этого героя даже просто какъ человѣка. Въ этомъ, если хотите смотрѣть даже на литературную сторону, главный художественный недостатокъ повѣсти. Мы понимаемъ одну изъ важныхъ причинъ его, независящихъ отъ автора, и потому не дѣлаемъ упрека г. Тургеневу. Но, тѣмъ не менѣе, блѣдность очертаній Инсарова отражается на самомъ впечатлѣніи, производимомъ повѣстью. Величіе и красота идей Инсарова не выставляются предъ нами съ такою силою, чтобы мы сами прошикнулись ими и въ гордомъ одушевленіи воскликнули: идемъ за тобою! А между тѣмъ идея эта такъ свята, такъ возвышенна...

И еще хотятъ, чтобъ онъ былъ русскимъ! «Нѣтъ, онъ не могъ бы быть русскимъ!» восклицаетъ сама Елена, въ отвѣтъ на явившееся было сожалѣніе, что онъ не русскій. И дѣйствительно, такихъ

русскихъ не бываетъ, не должно и не можетъ быть, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ. Не знаемъ, какъ развиваются и разовьются новыя поколѣнія, но тѣ, которыя мы видимъ теперь дѣйствующими, развивались вовсе не такъ, чтобы могли уподобиться Инсарову. На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая мирныя наклонности; иная раздражаетъ, другая убаюкиваетъ. Русская жизнь сложилась такъ хорошо, что въ ней все вызываетъ на спокойный и мирный сонъ, и всякій безсонный человѣкъ кажется, не безъ основанія, безпокойнымъ и совершенно лишнимъ для общества. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, при которыхъ начинается и проходитъ жизнь Инсарова, съ обстоятельствами, встрѣчающими жизнь каждаго русскаго человѣка...

Въ Болгаріи нѣтъ общественныхъ правъ и гарантій. Инсаровъ говоритъ Еленѣ: «Если бъ вы знали, какой нашъ край благодатный. А между тѣмъ его топчутъ, его терзаютъ; у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гоняютъ насъ поганые турки; насъ рѣжутъ»...

«Въ Болгаріи,—говоритъ Инсаровъ,—послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я — мы желаемъ одного и того же; у всѣхъ одна цѣль». Такой монотонности вовсе нѣтъ въ русской жизни, въ которой каждое сословіе, даже каждый кружокъ живутъ своею отдѣльною жизнію, имѣютъ свои особыя цѣли и стремленія, свое установленное назначеніе...

Словомъ, Инсаровъ съ молокомъ матери всасываетъ ненависть къ поработителямъ, недовольство настоящимъ порядкомъ вещей. Ему не нужно напрягать себя, не нужно доходить долгимъ рядомъ силлогизмовъ до того, чтобы опредѣлить направленіе своей дѣятельности. Какъ скоро онъ не лѣнивъ и не трусъ, онъ уже знаетъ, что ему дѣлать и какъ вести себя: разбрасываться ему некуда. Да и задача-то у него *удобопонятная*, какъ говоритъ Шубинъ: «Стоитъ только турокъ вытурить — велика штука!» И Инсаровъ знаетъ, притомъ, что онъ правъ въ своей дѣятельности, не только передъ собственною совѣстью, но и передъ людскимъ судомъ: его замыслы найдутъ сочувствіе во всякомъ порядочномъ человѣкѣ...

Понятно ли теперь, почему не можетъ быть русскій на мѣстѣ Инсарова? Натуры, подобныя ему, родятся, конечно, и въ Россіи въ немаломъ количествѣ, но онѣ не могутъ такъ безпрепятственно развиться и такъ беззастѣнчиво проявлять себя, какъ Инсаровъ...

Выходитъ, что наши лучшіе люди, какихъ мы видали до сихъ поръ въ современномъ обществѣ, только что способны понять жажду

дѣятельнаго добра, сжигающую Елену, и могутъ оказать ей сочувствіе, но никакъ не сумѣютъ удовлетворить этой жажды. А это еще передовые, это еще называются у насъ «дѣятели общественные». А то большая часть умныхъ и впечатлительныхъ людей бѣжитъ отъ гражданскихъ доблестей и посвящаетъ себя различнымъ музамъ. Хоть бы тѣ же Шубинъ и Берсеневъ въ «Наканунѣ»: славныя натуры, и тотъ, и другой умѣютъ цѣнить Инсарова, даже стремятся душою вслѣдъ за нимъ; если бъ имъ немножко другое развитіе да другую среду, они бы тоже не стали спать. Но что же имъ дѣлать тутъ, въ этомъ обществѣ? Перестроить его на свой ладъ? Да ладу-то у нихъ нѣтъ никакого и силъ-то нѣтъ. Починивать въ немъ кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемножку разныя дрязги общественнаго устройства? Да не противно ли у мертваго зубы вырывать, и къ чему это поведетъ? На это способны только герои въ родѣ господъ Паншиныхъ и Курнатовскихъ...

Елена сразу поняла Курнатовскаго и отозвалась о немъ не совсѣмъ благосклонно. А между тѣмъ вникните въ этотъ характеръ и припомните своихъ знакомыхъ дѣловыхъ людей, съ честью подвизающихся для пользы общей; навѣрное, многіе изъ нихъ окажутся хуже Курнатовскаго, а найдутся ли лучше — за это поручиться трудно. А все отчего? Именно оттого, что жизнь, среда не дѣлаетъ насъ ни умными, ни честными, ни дѣятельными. И умъ, и честность, и силы къ дѣятельности мы должны пріобрѣтать изъ иностранныхъ книжекъ, которыя притомъ нужно еще согласить и соразмѣрить со Сводомъ Законовъ. Не мудрено, что за этой трудной работой холодѣетъ сердце, замираетъ все живое въ человѣкѣ, и онъ превращается въ автомата, мѣрно и неизмѣнно совершающаго то, что ему слѣдуетъ. И все-таки опять повторишь: это еще лучшіе...

Такъ и поступили въ «Наканунѣ» Шубинъ и Берсеневъ. Шубинъ расходился было, узнавши о свадьбѣ Елены съ Инсаровымъ, и началъ: «Инсаровъ... Инсаровъ... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя; да будто ужъ мы такая совершенная дрянь? Ну, хоть я, развѣ дрянь? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ?» и проч... И тотчасъ же свернулъ, бѣднякъ, на художество: можетъ, говоритъ, и я современемъ прославлюсь своими произведеніями... И точно — онъ сталъ работать надъ своимъ талантомъ, и изъ него замѣчательный ваятель выходитъ. И Берсеневъ, добрый, самоотверженный Берсеневъ, такъ искренно и радушно ходившій за больнымъ Инсаровымъ, такъ великодушно служившій посредникомъ между нимъ, своимъ соперникомъ, и Еленой, и Берсеневъ, это золотое сердце, — какъ выразился Инсаровъ, — не можетъ удержаться отъ ядовитыхъ размышленій, убѣдившись окончательно во

взаимной любви Инсарова и Елены. «Пусть ихъ!—говоритъ онъ.— Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, мы — труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ нашей глухой жизни есть свои гордости и свое счастье!» Какимъ адомъ зависти и отчаянія вѣютъ эти несправедливые попреки,—неизвѣстно кому и за что!.. Кто жъ виноватъ во всемъ, что случилось? Не самъ ли Берсеневъ? Нѣтъ, русская жизнь виновата: «кабы были у насъ путные люди, по выраженію Шубина, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду». А людей путныхъ или непутныхъ дѣлаетъ жизнь, общій строй ея въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Строй нашей жизни оказался таковъ, что Берсеневу только и осталось одно средство спасенія: «изсушать умъ наукою безплодной». Онъ такъ и сдѣлалъ, и ученые очень хвалили, по словамъ автора, его сочиненія: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» и «О значеніи городского начала въ вопросѣ цивилизаціи». И еще благо, что хоть въ этомъ могъ найти спасеніе...

Вотъ Еленѣ такъ не оставалось никакого рессурса въ Россіи послѣ того, какъ она встрѣтилась съ Инсаровымъ и поняла иную жизнь. Оттого-то она не могла остаться въ Россіи, ни возвратиться въ нее одна, послѣ смерти мужа. Авторъ очень хорошо умѣлъ понять это и предпочелъ лучше оставить ея судьбу въ неизвѣстности, нежели возвратить ее подъ родительскій кровъ и заставить доживать свои дни въ родной Москвѣ, въ тоскѣ одиночества и бездѣйствія. Призывъ родной матери, дошедшій до нея почти въ ту самую минуту, какъ она лишилась мужа, не смягчилъ ея отвращенія отъ этой пошлой, безцвѣтной, бездѣйственной жизни. «Вернуться въ Россію! Зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?» написала она матери и отправилась въ Зару, чтобы потеряться въ волнахъ возстанія.

И какъ хорошо, что она приняла эту рѣшимость! Что, въ самомъ дѣлѣ, ожидало ее въ Россіи? Гдѣ для нея тамъ цѣль жизни, гдѣ жизнь? Возвратиться опять къ несчастнымъ котятамъ и мухамъ, подавать нищимъ деньги, не ею выработанныя и Богъ знаетъ какъ и почему ей доставшіяся, радоваться успѣхамъ въ художествѣ Шубина, трактовать о Шеллингѣ съ Берсеневымъ, читать матери «Московскія Вѣдомости» да видѣть, какъ на общественной аренѣ подвизаются *правила* въ видѣ разныхъ Курнатовыхъ, — и нигдѣ не видѣть настоящаго дѣла, даже не слышать вѣянія новой жизни... и понемногу, медленно и томительно вянуть, хирѣть, замирать... Нѣтъ,

ужъ если разъ она попробовала другой жизни, дохнула другимъ воздухомъ, то легче ей броситься въ какую угодно опасность, нежели осудить себя на эту тяжелую пытку, на эту медленную казнь... И мы рады, что она избѣгала нашей жизни и не оправдала на себѣ эти безнадежно-печальныя, раздирающія душу предвѣщанія поэта, такъ постоянно и безпощадно оправдывающіяся надъ самыми лучшими натурами въ Россіи:

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои.
И жизнь твоя пройдетъ незрима,
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ, —
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ...

Намъ остается свести отдѣльныя черты, разбросанныя въ этой статьѣ (за неполноту которой просимъ извиненія у читателей), и сдѣлать общее заключеніе.

Инсаровъ, какъ человѣкъ, сознательно и всецѣло проникнутый великой идеей освобожденія родины и готовый принять въ ней дѣятельную роль, не могъ развиться и проявить себя въ современномъ русскомъ обществѣ. Даже Елена, такъ полно умѣвшая полюбить его и такъ слиться съ его идеями, и она не можетъ оставаться среди русскаго общества, хотя тамъ — всѣ ея близкіе и родные. Итакъ, великимъ идеямъ, великимъ сочувствіямъ нѣтъ еще мѣста среди насъ?.. Все героическое, дѣятельное должно бѣжать отъ насъ, если не хочетъ умереть отъ бездѣйствія или погибнуть напрасно? Не такъ ли? Не таковъ ли смыслъ повѣсти, разобранной нами?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Правда, для широкой дѣятельности нѣтъ у насъ открытаго поприща; правда, наша жизнь проходитъ въ мелочахъ, въ плутняхъ, интрижкахъ, сплетняхъ и подличаньи; правда, наши гражданскіе дѣятели лишены сердца и часто крѣпколобы, наши умники палецъ о палецъ не ударятъ, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ, наши либералы и реформаторы отправляются въ своихъ проектахъ отъ юридическихъ тонкостей, а не отъ стона и вопля несчастныхъ братьевъ. Все это такъ. Но мы все-таки думаемъ, что *теперь* въ нашемъ обществѣ есть уже мѣсто великимъ идеямъ и сочувствіямъ, и что недалеко время, когда этимъ идеямъ можно будетъ проявиться на дѣлѣ.

Дѣло въ томъ, что какъ бы ни была плоха наша жизнь, но въ ней уже оказалась возможность такихъ явленій, какъ Елена. И мало того, что такіе характеры стали возможны въ жизни, они уже охвачены художническимъ сознаніемъ, внесены въ литературу, возведены въ типъ. Елена — лицо идеальное, но черты ея намъ знакомы, мы ее понимаемъ, сочувствуемъ ей. Что это значитъ? То, что основа ея характера — любовь къ страждущимъ и притѣсненнымъ, желаніе дѣятельнаго добра, томительное исканіе того, кто бы показалъ, какъ дѣлать добро, — все это, наконецъ, чувствуется въ лучшей части нашего общества. И чувство это такъ сильно и такъ близко къ осуществленію, что оно уже не обольщается, какъ прежде, ни блестящимъ, но безплоднымъ умомъ и талантомъ, ни добросовѣстной, но отвлеченной ученостью, ни служебными добродѣтелями, ни даже добрымъ, великодушнымъ, но пассивно-развитымъ сердцемъ. Для удовлетворенія нашего чувства, нашей жажды нужно болѣе: нуженъ человѣкъ, какъ Инсаровъ, — но русскій Инсаровъ.

На что жъ онъ намъ? Мы сами говорили выше, что намъ не нужно героевъ-освободителей, что мы народъ владѣтельный, а не порабощенный...

Да, извнѣ мы ограждены, да если бъ и случилась внѣшняя борьба, то мы можемъ быть спокойны. У насъ для военныхъ подвиговъ всегда было довольно героевъ, и въ восторгахъ, какіе донынѣ испытываютъ барышни отъ офицерской формы и усиковъ, можно видѣть неоспоримое доказательство того, что общество наше умѣетъ цѣнить этихъ героевъ. Но развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ? Развѣ не нужна борьба съ ними и развѣ не требуется геройство для этой борьбы? А гдѣ у насъ люди, способные къ дѣлу? Гдѣ люди цѣльные, съ дѣтства охваченные одной идеей, сжившіеся съ ней такъ, что имъ нужно — или доставить торжество этой идеѣ, или умереть? Нѣтъ такихъ людей, потому что наша общественная среда до сихъ поръ не благопріятствовала ихъ развитію. И вотъ отъ нея-то, отъ этой среды, отъ ея пошлости и мелочности и должны освободить насъ новые люди, которыхъ появленія такъ нетерпѣливо и страстно ждетъ все лучшее, все свѣжее въ нашемъ обществѣ.

Трудно еще явиться такому герою: условія для его развитія и особенно для перваго проявленія его дѣятельности крайне неблагопріятны, а задача гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ у Инсарова. Врагъ внѣшній, притѣснитель привилегированный гораздо легче можетъ быть застигнутъ и побѣжденъ, нежели врагъ внутренній, разсѣянный повсюду въ тысячѣ разныхъ видовъ, неуловимый, неуязвимый, а между тѣмъ тревожащій васъ всюду, отравляющій всю жизнь нашу и не дающій вамъ ни отдохнуть, ни осмотрѣться въ

борьбѣ. Съ этимъ внутреннимъ врагомъ ничего не сдѣлаешь обыкновеннымъ оружіемъ; отъ него можно избавиться, только перемѣнивши сырую и туманную атмосферу нашей жизни, въ которой онъ зародился, выросъ и усилился, и обвѣявши себя такимъ воздухомъ, которымъ онъ дышать не можетъ.

Возможно ли это? Когда это возможно? Изъ этихъ вопросовъ можно отвѣчать категорически только на первый. Да, это возможно, и вотъ почему. Мы говорили выше о томъ, какъ наша общественная среда подавляетъ развитіе личностей, подобныхъ Инсарову. Но теперь мы можемъ сдѣлать дополненіе къ своимъ словамъ: среда эта дошла теперь до того, что сама же и поможетъ явленію такого человѣка. Вѣчная пошлость, мелочность и апатія не могутъ же быть законнымъ удѣломъ человѣка, и люди, составляющіе общественную среду нашу и закованные въ ея условія, давно уже поняли всю тяжесть и нелѣпость этихъ условій. Одни скучаютъ, другіе рвутся всѣми силами — куда-нибудь, только бы избавиться отъ этого гнета. Разные исходы придумывались, разныя средства употреблялись, чтобы чѣмъ-нибудь оживить мертвенность и гнилость нашей жизни; но все это было слабо и недѣйствительно. Наконецъ, теперь появляются уже такія понятія и требованія, какія мы видимъ въ Еленѣ; требованія эти принимаются обществомъ съ сочувствіемъ; мало того, они стремятся къ дѣятельному осуществленію. Это значитъ, что ужъ старая общественная рутина отживаетъ свой вѣкъ; еще нѣсколько колебаній, еще нѣсколько сильныхъ словъ и благопріятныхъ фактовъ, и явятся дѣятели!

Выше мы замѣтили, что рѣшимость и энергію сильной натуры убиваетъ у насъ еще въ самомъ началѣ то идиллическое восхищеніе всѣмъ на свѣтѣ, то расположеніе къ лѣнивому самодовольству и сонному покою, которое встрѣчаетъ каждый изъ насъ еще ребенкомъ во всемъ окружающемъ и къ которому его тоже стараются пріучить всевозможными совѣтами и наставленіями. Но въ послѣднее время и это условіе сильно измѣнилось. Вездѣ и во всемъ замѣтно самосознаніе, вездѣ понята несостоятельность стараго порядка вещей, вездѣ ждутъ реформъ и исправленій, и никто уже не убаюкиваетъ своихъ дѣтей пѣснею о томъ, какое непостижимое совершенство представляетъ современный порядокъ дѣлъ въ Россіи. Напротивъ, теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подрастаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго, а не привязываясь насильно къ трупу отжившаго прошедшаго. Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе.

Тогда и въ литературѣ явится полный, рѣзко и живо очерченный образъ русскаго Инсарова. И не долго намъ ждать его: за это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидаемъ его появленія въ жизни. Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся наша жизнь идетъ какъ-то не въ зачетъ, и каждый день ничего не значитъ самъ по себѣ, а служитъ только канономъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ не далекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ!..

Добролюбовъ.

„Люди 40-хъ годовъ“ и Рудинъ.

I.

До 40-хъ годовъ наша художественная литература не отставала отъ жизни: едва — въ дѣйствительности — успѣвало обозначиться извѣстное теченіе общественной мысли, извѣстное настроеніе, опредѣленный родъ «соціальнаго самочувствія» людей передовыхъ и мыслящихъ, какъ уже и въ литературѣ появлялся соотвѣтственный художественный типъ. Такъ, художественные типы Чацкаго, Онѣгина, Печорина являлись, можно сказать, по горячимъ слѣдамъ жизни, въ то самое время, когда жили и дѣйствовали настоящіе, живые Чацкіе, Онѣгины и Печорины. Ихъ образъ мысли, ихъ характерная душевная складка, ихъ негодованіе, протестъ, грусть, тоска, степень достигнутаго ими самосознанія, — все это было взято поэтами прямо въ дѣйствительности, еще не отшедшей въ прошлое, подслушано, подмѣчено въ живой душѣ человѣческой.

Такимъ образомъ 20-е и 30-е годы, со стороны передового движенія, въ типичныхъ чертахъ умственной жизни и общаго душевнаго склада мыслящихъ и чувствующихъ людей эпохи, непосредственно отразились въ современной же художественной литературѣ.

Этого нельзя сказать о 40-хъ годахъ. Изображеніе и анализъ душевнаго склада лучшихъ людей этой эпохи стали возможными лишь по завершеніи ея, заднимъ числомъ, когда, въ годину безвременной первой половины 50-хъ годовъ и позже, во второй ихъ половинѣ, наканунѣ реформъ, было — на досугѣ — продумано, осмыслено и критически оцѣнено умственное, моральное и общественное наслѣдіе 40-хъ годовъ. Художественный итогъ этому наслѣдію былъ впервые подведенъ Тургеневымъ въ «Рудинѣ» (1855) и въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» (1858). Типы Рудина и Лаврецкаго, по своему общественно-психологическому смыслу и художественному значенію, являются для

«людей 40-хъ годовъ» тѣмъ же, чѣмъ Чацкій и Онѣгинъ — для людей 20-хъ годовъ, а Печоринъ — для извѣстной части поколѣнія 30-хъ.

Умственная и вообще духовная жизнь людей 40-хъ годовъ была значительно сложнѣе душевнаго обихода Чацкихъ, Онѣгиныхъ и даже Печоринхъ. Работа мысли стала интенсивнѣе, кругъ умственныхъ интересовъ расширился, ярко обозначились философскія стремленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе западно-европейскихъ идей и литературныхъ направленій стало дѣйствительнѣе и плодотворнѣе, ибо онѣ воспринимались уже не какъ мода, не подражательно, а перерабатывались — худо ли, хорошо ли — самостоятельной работой мысли. Явились первостепенные — творческіе — умы, какъ Герценъ и Бѣлинскій. Наконецъ, обособлялись опредѣленныя, ясно выраженныя, оригинально разработанныя направленія или формы нашего національнаго и общественнаго самосознанія — западничество и славянофильство.

Замѣтно измѣнился и классовый составъ мыслящей части общества. Въ 20-хъ и частью еще въ 30-хъ годахъ люди мыслящіе и чувствующіе принадлежали къ великосвѣтскому кругу и слоямъ, близкимъ къ нему, съ присоединеніемъ небольшого числа лицъ, вышедшихъ изъ другихъ слоевъ. Въ 40-хъ годахъ центръ умственной жизни перемѣщается въ «средній» классъ — богатаго, зажиточнаго и бѣднаго дворянства, съ присоединеніемъ уже болѣе значительнаго числа лицъ изъ другихъ, «низшихъ», слоевъ. Общій душевный обликъ этихъ людей былъ уже не тотъ, какой мы находимъ у представителей мыслящей части великосвѣтскаго круга. Наслѣдственныя черты дворянскаго, помѣщичьяго склада, барскаго воспитанія и столь же барскаго отношенія къ вещамъ и людямъ, конечно, сохранялись и нерѣдко обнаруживались, такъ или иначе; но онѣ уже значительно смягчались общеніемъ съ «разночинцами», вліяніемъ философскаго образованія, широтою и разнообразіемъ умственныхъ интересовъ, наконецъ нивеллирующимъ воздѣйствіемъ университетской среды, студенческой жизни. Эти барчи уже не переходили изъ студентовъ въ офицеры, рѣдко и лишь случайно появлялись въ великосвѣтскомъ и чиновномъ кругу и жили обособленной жизнью въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, гдѣ умственные и нравственные интересы преобладали надъ всѣмъ прочимъ.

Напряженная работа мысли и совѣсти, совершавшаяся въ этихъ кружкахъ, была тогда явленіемъ совершенно новымъ на Руси. Тутъ-то вырабатывались и созрѣвали, какъ въ теплицѣ, тѣ своеобразныя душевныя явленія, которыми психологія «людей 40-хъ годовъ» характеризуется, по преимуществу, замѣтно отличаясь отъ душевнаго склада какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ поколѣній.

Эти-то отличія, эта своеобразная душевная складка и были потомъ мастерски воспроизведены Тургеневымъ въ его романахъ и повѣстяхъ, особенно — въ «Рудинѣ» и «Дворянскомъ гнѣздѣ»...

Тургеневъ вполнѣ удачно отмѣтилъ самое важное, самое существенное, чѣмъ душевный міръ людей 40-хъ годовъ характеризовался по преимуществу.

II.

На первый планъ выдвигается здѣсь то, что можно назвать философскою жаждою. Ни одно поколѣніе не отличалось этой чертою въ такой мѣрѣ, какъ именно поколѣніе 40-хъ годовъ, когда съ такимъ рвеніемъ философствовали и западники, и славянофилы.

Вотъ именно эту исключительную жажду философскихъ откровеній, свойственную людямъ 40-хъ годовъ, и изобразилъ Тургеневъ въ слѣдующихъ словахъ Лежнева о Рудинѣ:

«Видите ли (повѣствуетъ Лежневъ Александрѣ Павловнѣ), я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ (Рудинъ) прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы... Положимъ, онъ говорилъ не свое, — что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ сказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому...» (глава VI).

Итакъ, Рудинъ — философская голова. Какъ умъ, онъ воплощаетъ въ себѣ черты, которыми несомнѣнно обладали выдающіеся дѣятели эпохи, въ особенности Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ и Хомяковъ.

III.

Постараемся прослѣдить, какъ развивается въ романѣ характеръ и весь духовный обликъ Рудина.

Въ той сценѣ, гдѣ онъ впервые появляется (глава III), онъ обрисованъ, какъ отличный діалектикъ, ловкій спорщикъ и мастеръ говорить. Безъ труда, двумя-тремя удачными «ходами» сбивъ съ позиціи Пигасова, онъ разговорился и овладѣлъ общимъ вниманіемъ.

Онъ «говорилъ умно, горячо, дѣльно; выказалъ много знанія, много начитанности...» Въ числѣ слушателей были и такіе, которыхъ не подкупишь звонкой фразой: это Басистовъ и Наталья, отзывчивые юные умы и чистыя, чуткія сердца, — изъ числа тѣхъ, которые, при всей неопытности, какимъ-то чутьемъ сразу отличаютъ настоящую мысль отъ поддѣлокъ подъ нее и сейчасъ же почувствуютъ фальшь, если она есть, какою бы красивою и убѣдительною формою выраженія она ни прикрывалась. И вотъ, оказывается, что рѣчами Рудина «больше всѣхъ были поражены Басистовъ и Наталья». Очевидно, въ рѣчахъ Рудина звучали ноты глубокой искренности, да изъ дальнѣйшаго мы убѣждаемся, что онъ — человѣкъ несомнѣнно искренній въ особенности когда говоритъ, когда проповѣдуетъ... Въ этой же главѣ мы знакомимся съ его краснорѣчіемъ, съ его манерой говорить.

Передъ нами настоящій талантъ — оратора, трибуна. Эта черта не случайна: она характерна для «людей 40-хъ годовъ», у которыхъ, рядомъ съ философскими дарованіями, выдѣлялись и «словесныя», очень цѣнившіяся и имѣвшія несомнѣнное значеніе въ ихъ жизни и дѣятельности. Намъ невольно вспоминаются при этомъ Наталья и Басистовъ, пораженные рѣчью Рудина, да и вообще вырисовывается то обаяніе, какое въ тѣ годы производило умное, просвѣщенное, искреннее, горячее, краснорѣчивое слово.

«Люди 40-хъ годовъ» много учились, читали, много мыслили и много разговаривали, разговаривали гораздо больше своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ. Ихъ интимная жизнь протекала въ частыхъ дружескихъ бесѣдахъ, въ которыхъ они отводили душу, и въ нескончаемыхъ спорахъ, въ которыхъ выяснялись ихъ мысли, ихъ разногласія, опредѣлялись ихъ отношенія къ дѣйствительности. «Слово» было ихъ «дѣло». Взамѣнъ того въ практической дѣятельности — даже въ узкихъ предѣлахъ возможнаго и доступнаго тогда — они обнаруживали невыдержанность, неумѣлость, отсутствіе дѣловитости и иниціативы. Въ этомъ смыслѣ по ихъ адресу высказывались въ 50-хъ и 60-хъ годахъ суровые упреки, въ которыхъ было много справедливаго. Но эти упреки приходится теперь смягчить — не только ссылкою на «независящія обстоятельства» и общія условія времени, но также и на психологію самихъ дѣятелей. Принимая во вниманіе ея важнѣйшія черты, мы скажемъ такъ: главнѣйшая очередная задача времени — улучшеніе быта крѣпостныхъ и подготовка ихъ эмансипаціи — занимала въ ихъ сознаніи, въ ихъ мысляхъ и спорахъ, а равно и въ ихъ дѣятельности далеко не подобающее мѣсто.

Оставляя въ сторонѣ эту чисто-практическую дѣятельность, мы повторимъ здѣсь то, на что указывалось неоднократно: вырабаты-

вать міросозерцаніе, упражняться въ діалектикѣ, очищать свои и чужія головы отъ устарѣлыхъ и дикихъ понятій, распространять гуманныя идеи и т. д., — это было тогда несомнѣнное «дѣло», и люди 40-хъ годовъ отлично дѣлали его, устно, письменно и въ предѣлахъ цензуры — печатно. И Рудинъ въ этомъ отношеніи является типичнымъ представителемъ эпохи, которую можно назвать эпохою первоначальной выработки передовыхъ идей, гуманныхъ стремленій и, такъ сказать, психологическихъ предпосылокъ нравственнаго и общественнаго сознанія у насъ. Для такого дѣла «музыка краснорѣчія» была неоцѣненнымъ подспорьемъ.

Главный недостатокъ Рудина это — то, что онъ самъ слишкомъ увлекается «музыкою своего краснорѣчія» и неосторожно переступаетъ ту границу, которая отдѣляетъ слово, какъ орудіе пропаганды, какъ силу просвѣтительную, отъ слова, какъ легкаго и пріятнаго способа — отдѣлаться отъ дѣла разговоромъ о немъ, о его необходимости. И это было далеко не чуждо «людямъ 40-хъ годовъ» (не всѣмъ, конечно). Излишество и праздность рѣчи — вотъ «порокъ», которымъ страдали въ разной мѣрѣ говоруны, блестящіе собесѣдники и спорщики того времени. Тургеневъ мѣтко и зло оттѣнилъ въ Рудинѣ эту черту, напр., въ главѣ V, гдѣ Наталья говоритъ ему: «...вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ...» — Въ отвѣтъ на это Рудинъ только «безнадежно махнулъ рукой», но потомъ, воспрянувъ духомъ и «встряхнувъ своей львиной гривой», произнесъ горячую тираду о томъ, что онъ «не долженъ скрывать свой талантъ», «не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню пустую, безполезную болтовню, на одни слова...» — «И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками...» и т. д.

Какъ типичный представитель людей эпохи, Рудинъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для роли «просвѣтителя», кромѣ одного: работоспособности. У него нѣтъ выдержки въ трудѣ, упорства въ достиженіи цѣли, въ любви къ самому дѣлу «просвѣщенія» въ его трудной, будничной сторонѣ. Онъ любитъ только говорить о немъ, — и пока онъ говоритъ, это дѣло само собою дѣлается. Но бѣда въ томъ, что онъ говоритъ такъ удачно и успѣшно только тогда, когда въ ударѣ, когда его посѣщаетъ «вдохновеніе». А между тѣмъ всякое культурное дѣло, въ томъ числѣ и «просвѣтительное», имѣетъ свою черную работу, свои будни и не можетъ преуспѣвать, если будетъ дѣлаться только по праздникамъ «вдохновенія».

Вотъ именно этою-то невыдержкою въ будничной работѣ и отличались люди 40-хъ годовъ, кромѣ немногихъ, преимущественно лицъ

не-дворянскаго, не-помѣщичьяго происхожденія, какъ Бѣлинскій, изъ дворянъ — Грановскій. Герценъ много работалъ, но все-таки онъ былъ «баринъ», — «барство сказывалось въ его отношеніяхъ къ вещамъ и людямъ, въ самой «манерѣ» мыслить и понимать, и не только въ 40-е годы, въ Россіи, но и позже за границей.

IV.

Итакъ, Рудинъ — «философъ» и «ораторъ». И въ качествѣ такового, онъ проводникъ европейскаго просвѣщенія, гуманныхъ идей, — всего, что тогда подводилось подъ формулу: «истина», «добро» и «красота».

Въ такія эпохи, какъ наши 40-е годы, подобныя расплывчатыя, туманныя формулы и вообще «красивыя» и «глубокомысленныя» слова получаютъ особое — воспитательное — значеніе. Отсюда — огромная важность и благотворное вліяніе, въ такія эпохи, идеалистическихъ философскихъ системъ и, рядомъ съ ними и, можетъ-быть, больше ихъ, — твореній поэтическихъ, критическихъ, историческихъ и иныхъ, окрыленныхъ философскою мыслью, одухотворенныхъ все тѣмъ же общечеловѣческимъ идеаломъ «истины», «добра» и «красоты», какъ творенія Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера. Властителями думъ эпохи не только у насъ, но и въ Европѣ были Гегель, и эти великіе умы и таланты, выступившіе еще въ XVIII вѣкѣ. Эпоха, въ значительной мѣрѣ, жила процентами съ умственнаго капитала прошлаго времени. Перенесеніе на Русь этихъ огромныхъ умственныхъ цѣнностей, служившихъ для воспитанія всѣхъ прогрессирующихъ народовъ, составляло весьма серьезную и въ общемъ удобоисполнимую задачу, которую, по мѣрѣ силъ и умѣнія, и выполняла наша литература 40-хъ годовъ. Для такой дѣятельности требовалась незаурядная умственная воспріимчивость, философскій складъ ума, способность увлекаться умственными перспективами, даръ мечты, игра воображенія, особая восторженность, — и, скажемъ еще, исключительная способность кипѣть душою и расточать, безъ оглядки и соображенія экономіи въ умственномъ трудѣ и дѣятельности чувствъ, свои богатыя душевныя силы и дарованія. Эта послѣдняя черта ея придавала особливый блескъ бесѣдамъ, рѣчамъ, писаніямъ и вообще дѣятельности людей 40-хъ годовъ и образуетъ прямую противоположность на видъ «сухой», «дѣловой» работѣ мысли ихъ преемниковъ, Чернышевскаго, Добролюбова и др., у которыхъ мы видимъ строгую экономію, суровую воздержанность отъ всякихъ излишествъ мысли и чувства, имѣвшую своимъ результатомъ такую мощную концентрацію, такое «сгущеніе» мысли, чувства и моральныхъ стремленій, что послѣ нихъ

цѣлое 40-лѣтіе жило этимъ духовнымъ достояніемъ, и до сихъ поръ еще оно далеко не исчерпано.

Типичный представитель своего времени, Рудинъ — блестяще воспріимчивъ къ философіи, искусству, поэзіи, блистательно популяризируетъ и «развиваетъ» усвоенныя мысли и эффектно расточаетъ, похоля, силу своего ума и краснорѣчія. Благодаря этому блеску и отсутствію «экономіи», онъ и является «дѣятелемъ», пропагандистомъ «истины» и т. д., своего рода «властителемъ думъ» въ средѣ, доступной его воздѣйствію.

Эта восторженность (какъ мы уже говорили) имѣла свое психологическое основаніе въ той мозговой чувствительности, которою отличалось поколѣніе, развивавшееся въ 30-хъ годахъ, въ нѣкоторой, ему свойственной, душевной неуравновѣшенности, откуда, съ другой стороны, и относительно слабая работоспособность, и та расточительность душевныхъ даровъ, о которой мы говорили выше.

Слѣдующая затѣмъ тирада Рудина о любви («Любовь! — въ ней вся тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ» и т. д.) живо напоминаетъ намъ многое въ письмахъ и сочиненіяхъ людей эпохи, когда и любовь, и дружба представлялись въ какомъ-то романтическомъ ореолѣ. Подобно Рудину, люди 40-хъ годовъ «охотно и часто» говорили да и писали о любви.

V.

Рудинъ, взятый отдѣльно, не можетъ, конечно, служить исчерпывающимъ выраженіемъ «духа» и психическаго склада эпохи. Въ немъ собраны только ея важнѣйшія, наиболѣе распространенныя, самыя типичныя черты. Большая ихъ часть (философская жажда, повышенная воспріимчивость къ умственнымъ впечатлѣніямъ, восторженность, «рѣчистость», относительно слабая работоспособность) уже указана нами. Нѣкоторыя другія будутъ отмѣчены ниже. Сейчасъ же намъ нужно упомянуть о тѣхъ фигурахъ романа, которыя, дополняя Рудина, вносятъ въ романъ такія черты, благодаря которымъ это замѣчательное произведеніе дастъ намъ весьма полную картину преобладающаго направленія умовъ и настроеніе эпохи.

Рудина дополняютъ Лежневъ, Басистовъ, Наталья, — въ особенности же одинъ вводный образъ, лишь упоминаемый въ извѣстномъ разсказѣ Лежнева объ его студенческихъ годахъ (глава VI). Это Покорскій, воспроизводящій, какъ извѣстно, нравственный обликъ Бѣлинскаго. На вопросъ Александры Павловны: «Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ?» Лежневъ отвѣчаетъ: «Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда — вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ.

У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотаніе, и въ то же время онъ —

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...

Такъ выразился о немъ одинъ полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка». — Затѣмъ, на характерный для женщины 40-хъ годовъ вопросъ Александры Павловны: «А какъ онъ говорилъ?» — Лежневъ отвѣчалъ: «Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно. Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его». Мы узнаемъ тутъ же, что Рудинъ казался даровитѣе Покорскаго, «а на самомъ дѣлѣ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ». «Покорскій, — продолжаетъ Лежневъ, — вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу; но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ первическій, нездоровый; зато, когда онъ расправлялъ свои крылья, — Боже! куда ни залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба!» — Вступивъ въ кружокъ Покорскаго, Лежневъ «совсѣмъ переродился»: «смирился, разспрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ, — однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ»... Описавъ кружковые бесѣды, споры и восторги, онъ заканчиваетъ свои воспоминанія такъ: «Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало, — не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго, — и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую склянку съ духами»...

Покорскій противопоставляется Рудину, какъ высшаго порядка умственная и нравственная организація, какъ натура, свободная отъ той мелочности самолюбія, тѣхъ слабостей, какихъ не чуждъ Рудинъ. Послѣдній — блестящій пропагандистъ чужихъ идей, которыя онъ усвоилъ; Покорскій — самобытный мыслитель и морально-творческая личность. Такіе люди вездѣ рѣдки и всегда являются величайшею общественною цѣнностью. У насъ они вдвойнѣ драгоцѣнны. Что ихъ отличаетъ по преимуществу, это — особливая тонкость нравственнаго уклада, дающая и способность, и право — негодованія. Въ той или иной мѣрѣ способность негодовать имѣли и имѣютъ многіе, но не всякій обладаетъ полнотою нравственныхъ правъ на негодованіе и даромъ широкой постановки задачъ, внушаемыхъ этимъ нравственнымъ чувствомъ. Въ 40-хъ годахъ такимъ правомъ и даромъ обладали Герценъ, Грановскій и нѣкоторые другіе, но всѣхъ ихъ, безспорно, превосходилъ въ этомъ отношеніи Бѣлинскій. Его прямыми

преемниками въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, были въ 50-хъ и 60-хъ годахъ Чернышевскій и Добролюбовъ, а въ послѣднее 40-лѣтіе — Н. К. Михайловскій. Сохраненіе и передача послѣдующимъ поколѣніямъ этихъ нравственныхъ правъ негодованія и неразрывно связанныхъ съ ними задачъ общечеловѣческаго развитія, все углубляемыхъ и расширяемыхъ при свѣтѣ научно-философскаго знанія, — такова историческая миссія этихъ людей, таково ихъ умственное и моральное наслѣдіе, образующее въ нашей духовной культурѣ самую яркую и благую силу, движущую и творящую...

Когда Лежневъ окончилъ свой разсказъ о кружкѣ Покорскаго, онъ умолкъ, и «его безцвѣтное лицо раскраснѣлось».

Что такое Лежневъ? Это — умный, образованный, съ несомнѣннымъ здравымъ смысломъ русскій средній человѣкъ, съ лѣнцой и вялостью, съ «добра желаніемъ» (его крестьяне — на оброкѣ), съ пониманіемъ того, что такое Рудинъ, что такое Покорскій. Фигура — характерная не для однихъ 40-хъ годовъ. Мы всѣ — болѣе или менѣе Лежневы, какъ болѣе или менѣе — Обломовы. Какъ у Лежнева, наши лица безцвѣтны, но способы покраснѣть при иныхъ хорошихъ воспоминаніяхъ. Наше большое достоинство въ томъ, что, обладая нѣкоторымъ чутьемъ и пониманіемъ, мы, подобно тургеневскому Лежневу, «страстно любимъ» Покорскихъ «и ощущаемъ нѣкоторый страхъ передъ ними» (гл. VI). И, подобно ему же, мы «стоимъ ближе» къ Рудину.

Рудинъ намъ — свой братъ, и мы можемъ смотрѣть ему прямо въ глаза, можемъ критиковать, порицать его, или, наоборотъ, одобрять, поощрять. Лежневы имѣютъ даже нѣкоторое основаніе считать себя выше или лучше Рудиныхъ. Это обусловливается различными чертами душевной организаціи Рудина, но, кажется, скорѣе всего тѣмъ, что Рудинъ — неудачникъ и человѣкъ слабый, незаконченный.

VI.

Какъ неудачникъ, онъ явился какъ разъ во-время и кстати послѣ Онѣгина и Печорина.

Въ немъ есть кое-что и «онѣгинское», и «печоринское». Пушкинскаго героя онъ напоминаетъ своею «холодностью», которую отмѣтилъ въ немъ Лежневъ. Болѣзненнымъ самолюбіемъ, претензіей играть роль, покорять умы и сердца въ особенности — женскія, онъ сближался съ Печоринымъ. Передъ нами какъ бы преемство родовыхъ чертъ общественно-психологическаго типа.

Свою незадачливость, свою душевную слабость онъ самъ хорошо сознаетъ и откровенно говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Натальѣ.

Кромѣ, такъ сказать, «нормальной» «обломовщины», вообще свойственной русскому человѣку, я вижу здѣсь нѣкоторую особую ненормальность волевого уклада, которая, вмѣстѣ съ вышеуказанной «холодностью» Рудина, и является главной причиной его участи, какъ неудачника.

Подобно своимъ предшественникамъ, Онѣгину и Печорину, Рудинъ — вѣчный странникъ. Но онъ выгодно отличается отъ нихъ тѣмъ, что онъ — горемыка, между тѣмъ какъ они — баловни. Барское баловство и пресыщенность жизнью и впечатлѣніями идетъ, уменьшаясь: въ Печоринѣ уже немного меньше этого «добра», чѣмъ въ Онѣгинѣ, въ Рудинѣ уже совсѣмъ мало. Параллельно этому идетъ, увеличиваясь, душевная содержательность: Рудинъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, несомнѣнно богаче душевнымъ содержаніемъ не только Онѣгина, но и Печорина. Какъ-никакъ, онъ живетъ умственною жизнью вѣка, онъ стоитъ на уровнѣ современнаго движенія умовъ въ Европѣ, онъ увлекается идеями философскими, поэтическими, общественными, какъ не умѣли увлекаться Онѣгины и Печорины. У него гораздо больше, чѣмъ у нихъ, умственной воспріимчивости.

И въ связи съ этимъ не совсѣмъ вѣрно то, что онъ говоритъ о безплодности своего существованія. Кое-что онъ сдѣлалъ, нѣкоторый слѣдъ оставилъ послѣ себя, чему наглядным доказательствомъ служитъ признаніе его заслуги со стороны такого строгаго «критика», какъ Лежневъ. Вспомнимъ сцену XII главы, гдѣ Лежневъ, провозглашая въ дружеской бесѣдѣ тостъ за отсутствующаго Рудина, говоритъ между прочимъ: «А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!» Это — несомнѣнная заслуга: если не «переворачивать до основанія», не «зажигать» Лежневыхъ, они заснутъ, отяжелѣютъ, превратятся въ настоящихъ Обломовыхъ, въ азіатовъ, только одѣтыхъ по-европейски. И Лежневы сами сознаютъ это, и съ благодарностью вспоминаютъ они своихъ Рудиныхъ: «Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ!» Такой заслуги не числится ни за Онѣгиными, ни за Печоринымъ.

Перейдемъ, слѣдя за Рудинымъ, — какъ освѣщается онъ Лежневымъ (а это — самое правильное освѣщеніе), къ заключительной сценѣ, къ «Эпилогу». Здѣсь, такъ сказать, раскрываются карты, подводится итогъ всей «дѣятельности» Рудина, и здѣсь мы найдемъ поистинѣ «вѣщія слова», которыми съ необычайною поэтическою прозорливостью

раскрывается весь трагизмъ положенія Рудина, потрясающая драма горемычной жизни безпріютнаго скитальца.

Рудинъ разсказываетъ Лежневу свою жизнь за послѣдніе годы, свои неудачи. «Маялся я много,—говоритъ онъ,—скитался не однимъ тѣломъ — душой скитался».

Слѣдуетъ описаніе скитаній, суть которыхъ въ томъ, что Рудинъ, повинуясь какому-то фатальному влеченію, всегда хотѣлъ быть дѣятелемъ жизни, приносить пользу, искалъ людей, средствами или энергіей которыхъ онъ могъ бы воспользоваться не для себя, а для дѣла».

Передъ нами рядъ какъ бы миніатюръ, изображающихъ отношенія идеалиста-неудачника къ средѣ, къ которой онъ не можетъ приспособиться, при чемъ приходится винить не только его, за непрактичность, неумѣніе взяться за дѣло, но еще болѣе — среду, за ея уродство, тупость и злобное отношеніе къ уму, таланту, гуманности, просвѣщенію. Такъ или иначе, раньше или позже, она выбрасываетъ вонъ идеалиста-просвѣтителя, пользуясь первою его оплошностью, она готова оклеветать, унизить его, донести по начальству. И мы разстаемся съ Рудинымъ въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ уѣхать изъ города и водвориться въ своей жалкой деревенькѣ. Но за все это Лежневъ уважаетъ его. Честь и слава Лежневу!

Лежневъ понимаетъ глубокій смыслъ вѣщихъ словъ: «скитался не однимъ тѣломъ — душой скитался». Онъ говоритъ Рудину: «Ты увѣреніе мнѣ внушаешь — вотъ что!» И поясняетъ: «съ какими бы помыслами (ты) ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была...

Неумѣніе и нежеланіе «пускать корни въ недобрую почву», — это — качество несомнѣнной и значительно нравственной цѣнности.

«Я родился перекати-полемъ, — продолжаетъ Рудинъ,—я не могу остановиться».

Вспомнимъ скитальческую жизнь Онѣгина и Печорина. Рудинъ— такой же вѣчный странникъ. Но не трудно видѣть всю разницу въ этомъ отношеніи между ними, съ одной стороны, и Рудинымъ — съ другой. Психологія скитальчества послѣдняго — уже не та, что у нихъ. Лежневъ говоритъ: «...ты не можешь остановиться не отъ того, что въ тебѣ червь живетъ... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ праздный безпокойства, — огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ»...

Скитальчество Рудина это — не то «безпокойство» и «охота къ перемѣнѣ мѣстъ», которыя овладѣли Онѣгинымъ, и не та тоска и жажда новыхъ впечатлѣній, которыя привели Печорина къ сознанію,

что ему «осталось одно — путешествовать». Не «путешественникъ Рудинъ, а «безпріютный скиталецъ»; мы, подобно Лежневу, съ чувствомъ щемящей грусти разстаемся съ нимъ, читая эти печальныя строки: «А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываніемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!»

И вскорѣ на Руси настала своего рода «долгая осенняя ночь» — конца 40-хъ годовъ и первой половины 50-хъ.

Рудинъ очутился за границей, гдѣ, наконецъ, нашелъ себѣ «пристанище» — въ революціонномъ движеніи 1848 г. Онъ погибъ на баррикадахъ Парижа 26 іюля 1848 года во время возстанія «національныхъ мастерскихъ».

Смерть окончательно примиряетъ насъ съ нимъ.

VII.

Теперь остается отдать себѣ отчетъ въ томъ, можно ли, и въ какомъ смыслѣ, назвать Рудина лишнимъ человѣкомъ. Для Онѣгина и Печорина этотъ вопросъ рѣшается гораздо легче. Праздные, скучающіе, безучастные къ окружающей средѣ, къ народу, къ самому идеалу, они были лишніе не только потому, что не умѣли сдѣлаться дѣятелями жизни, но еще болѣе потому, что не имѣли никакой охоты къ этому. Иное дѣло — Рудинъ. Въ сущности, онъ ничего другого и не дѣлаетъ, какъ именно стремится стать дѣятелемъ, вліять на жизнь, на людей. Рудинъ — не бѣлоручка, не баловень, не праздный туристъ, не «зритель» жизни. Онъ — въ своемъ родѣ — труженикъ жизни, мученикъ «фразы», за которою, однако, скрывается нѣчто положительное,—идеалистическое настроеніе, возвышенныя, хотя и неопредѣленныя, туманныя идеи, отъ которыхъ онъ такъ же не можетъ «отдѣлаться», какъ не можетъ «отдѣлаться» отъ красивой фразы. И эту «фразу», вмѣстѣ съ настроеніемъ и идеей, въ ней скрытыми, онъ несетъ въ жизнь; онъ обращается съ нею къ людямъ, къ средѣ, которая за это и выбрасываетъ его вонъ. Тогда и обнаруживается, что онъ — лишній въ этой средѣ. Иначе говоря, въ этой средѣ оказываются «лишними», не ко двору, тѣ идеалистическія настроенія, тѣ умственные интересы и гуманныя идеи, которыхъ адептомъ былъ Рудинъ. Въ средѣ, гдѣ онъ хотѣлъ дѣйствовать, всѣ эти духовныя блага не имѣли цѣны, и неудивительно, что ихъ представитель не могъ, даже если бы обладалъ гораздо большею работоспособностью, цѣпкостью и практическимъ смысломъ, осуществить въ этой средѣ

свою общественную стоимость и подъ конецъ самъ убѣдился въ томъ, что онъ — «лишній». Это сознаніе скорбною нотой прозвучало въ его послѣднемъ разговорѣ съ Лежневымъ, гдѣ между прочимъ онъ говорилъ: «Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполнѣ, и въ самой сущности слова, — человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! Что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?.. Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба схватитъ и сопретъ меня съ нея долой... Я сталъ бояться ея — моей судьбы... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!» («Эпилогъ»).

Подобный вопросъ, полный скорби, нерѣдко задавали себѣ всѣ лучшіе люди 40-хъ годовъ. Имъ зачастую казалось, что, какъ бы они ни «смирялись», какъ бы ни «примѣнялись къ обстоятельствамъ», среда, обширная, грозная стихія «рассейской дѣйствительности», по выраженію Бѣлинскаго, ихъ отвергаетъ, фатально дѣлаетъ ихъ «лишними». Вспомнимъ здѣсь, разставаясь съ Рудинымъ, слѣдующія грустныя строки изъ «Дневника» Герцена: «Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія — почка, изъ которой разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли они, отчего мы — лѣнтяи, отчего пьемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр?.. Отчего руки не поднимаются на большой трудъ? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски? О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть!» (Подъ 11 сент. 1842 г.).

VIII.

Можетъ-быть, скажутъ: идеалисты 40-хъ годовъ оказывались, въ извѣстномъ смыслѣ, «лишними» потому, что были западники, и ихъ идеалы были чужды русской жизни и русскому національному духу. Это соображеніе было бы совершенно ложно, ибо достаточно извѣстно, что и славянофилы 40-хъ годовъ всецѣло раздѣляли участь «западниковъ», поскольку были также идеалисты.

Тѣмъ не менѣе соображеніе о «западничествѣ» Рудина, какъ причинѣ его незадачливости, его участи «лишняго человѣка», не можетъ быть здѣсь оставлено нами безъ разсмотрѣнія, потому что оно выдвинуто въ романѣ самимъ авторомъ, какъ извѣстно,—крайнимъ западникомъ. Мы здѣсь подошли къ одному любопытному пункту въ творчествѣ Тургенева.

Въ главѣ XII, гдѣ Лежневъ объясняетъ собравшемуся обществу, что такое Рудинъ, и, такъ сказать, «реабилитируетъ» его, онъ, однако, бросаетъ ему упрекъ въ космополитизмѣ», въ отчужденіи отъ народности, къ чему и сводитъ все его «несчастье». Онъ говоритъ: «Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ — чепуха, космополитизмъ — нуль, хуже нуля; внѣ народности нѣтъ ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ»... и т. д.

Здѣсь нужно принять во вниманіе слѣдующее. «Рудинъ» былъ написанъ какъ разъ въ то время, когда произошло нѣкоторое сближеніе между Тургеневымъ и славянофилами, когда поэтъ поддерживалъ дружескую переписку съ Аксаковыми. Можно предполагать нѣкоторое вліяніе со стороны послѣднихъ на автора «Записокъ охотника», на что указалъ г. Грузинскій [1]). Это вліяніе я представляю себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Тургеневъ не усвоилъ (и не могъ усвоить) доктрины славянофильства, не могъ стать на точку зрѣнія этой партіи, но онъ, какъ вдумчивый и чуткій художникъ, долженъ былъ заинтересоваться самымъ фактомъ появленія людей, проводившихъ принципъ народности, идеалистовъ влюбленныхъ (если можно такъ выразиться) въ русскую національность и стремившихся сознательно обосновать на ея началахъ и поэзію, и всякое творчество, и общественные, даже политическіе идеи и идеалы. Идея Лежнева, собственно говоря, не народническая, а національнистическая (терминъ «народность» употреблялся тогда въ смыслѣ «національность»), и онъ легко могъ проникнуться ею не только подъ вліяніемъ ученія славянофиловъ 40-хъ годовъ, но и подъ впечатлѣніемъ того, что писалъ на эту тему Бѣлинскій.

Указанное настроеніе самого Тургенева, возникшее въ немъ въ 50-хъ годахъ подъ вліяніемъ новыхъ тогда вѣяній, благопріятныхъ идеѣ народа и народности, еще ярче сказалось въ другомъ его произведеніи, написанномъ три года спустя послѣ «Рудина»,—въ романѣ «Дворянское гнѣздо», гдѣ также изображаются люди и эпоха 40-хъ годовъ. Главный герой романа, Лаврецкій, является, по самому замыслу автора, уже прямо славянофиломъ, а западничество представлено въ чертахъ отрицательныхъ — фигурою Паншина.

Овс.-Куликовскій.

---

[1]) «Къ исторіи «Записокъ охотника» Тургенева, въ «Научномъ Словѣ», іюль 1903, стр. 89.

Соломинъ («Новь»).

Отношенія Тургенева къ Соломину во многомъ напоминаютъ его отношенія къ Базарову. Соломинъ тоже любимецъ автора и въ то же время представляетъ полный контрастъ самому художнику. Соломинъ прежде всего большой умница. Его умъ дѣловой, простой, несложный, практическій. Умственное превосходство Соломина обрисовано во многихъ мѣстахъ романа, но въ особенности наглядно проявилось оно въ сценѣ у Маркелова, представляющей образчикъ «ночныхъ, неутомимыхъ русскихъ разговоровъ». Онъ не подчиняется общему ослѣпленію, не поддается очарованію иллюзій; вѣря въ идеалъ, онъ отлично сознаетъ, какъ онъ далекъ, и ясно видитъ всю непригодность средствъ, употребляемыхъ его единомышленниками для достиженія цѣли. Онъ — не спорщикъ, не теоретикъ, не сочинитель программъ. Онъ — человѣкъ душевный, сердечный; въ немъ нѣтъ и тѣни прямолинейности и фанатизма, для котораго живая личность ближняго превращается въ орудіе для достиженія высшихъ цѣлей. Тяготѣніе Соломина къ людямъ, съ которыми онъ сходится въ идеалахъ и расходится въ средствахъ — лишь намѣчено Тургеневымъ, и дѣйствія Соломина недостаточно мотивированы и психологически не выяснены. За вычетомъ этого недостатка, сама по себѣ фигура Соломина остается одинъ изъ крупнѣйшихъ созданій Тургенева и нигдѣ, можетъ-быть, даже въ Базаровѣ, объективный геній нашего художника не сказался такъ полно, такъ ярко.

Говоря о Базаровѣ, я указалъ между прочимъ на одну черту въ творчествѣ Тургенева: это искапія *настоящаго* человѣка, дѣятеля, который былъ бы «нуженъ Россіи» и явился бы воплощеніемъ дѣловитости, положительности, практическаго смысла — вмѣстѣ съ высшею идейностью. И Тургеневъ, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ такого человѣка въ Соломинѣ. Въ письмѣ автора къ Ф—вой читаемъ: «Теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума — ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску — нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной работы».

Соломинъ отлично видитъ, что чистота души, эта жажда подвига, самопожертвованія, этотъ энтузіазмъ Маріанны — огромная сила. Но онъ самъ подчиняется обаянію этой женственной силы. Душевная чуткость и отзывчивость, способность умилиться передъ тѣмъ, что представляетъ собою Маріанна, вотъ черта, дѣлающая изъ уравновѣшеннаго Соломина человѣка, очень смиреннаго, невольно при-

влекающаго къ себѣ всѣ симпатіи. И въ самомъ дѣлѣ, простой, «острый» Соломинъ покоряетъ сердца, — въ немъ, какъ и въ Маріаннѣ, есть нѣчто обаятельное. Ему подчиняются, потому что любятъ его. На фабрикѣ онъ «отецъ родной». Власть и сила Соломина основаны прежде всего на симпатичныхъ сторонахъ его натуры, а не на силѣ его воли. И въ немъ есть эта сила, но она смягчена уравновѣшенностью натуры. Соломинъ — человѣкъ жизненнаго труда и будетъ вполнѣ удовлетворенъ, когда найдетъ негромкое, но хорошее дѣло по-душѣ. И онъ спокоенъ — знаетъ, что найдетъ его, и оно будетъ спориться въ его умѣлыхъ рукахъ, просвѣтленное свѣтомъ его мысли и согрѣтое теплотою его сердечности.

Чтобы «найти» Соломина, художникъ долженъ былъ направить свою мысль на тѣ стороны жизни и тѣ элементы духа, которые менѣе всего могутъ быть названы *трагическими*. Нужно было закрыть глаза на *противорѣчія* жизни, дѣйствительныя и кажущіяся. Необходимымъ условіемъ созданія фигуры Соломина было то, чтобы «мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую цѣль, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба» («Довольно» не закрадывалась въ голову художника. И, не мудрствуя лукаво, веселымъ и бодрымъ, благодушно-насмѣшливымъ взоромъ художникъ взглянулъ на Божій міръ. И жизнь человѣческая явилась ему озаренная яркимъ свѣтомъ, согрѣтая теплотою молодыхъ надеждъ, молодыхъ стремленій. Ни въ Соломинѣ, ни въ Маріаннѣ нѣтъ ничего трагическаго потому, что это натуры ясныя, уравновѣшенныя, чистыя души, золотыя сердца, — что ни въ запросахъ ихъ ума, ни въ глубинѣ ихъ души нѣтъ внутренняго разлада. Цѣль жизни имъ ясна. Они знаютъ, чего хотятъ, и будутъ вполнѣ счастливы, если имъ удастся устроить свою жизнь возлѣ своихъ завѣтныхъ стремленій. Но они счастливы и въ самихъ поискахъ, и если бы имъ пришлось среди этихъ исканій погибнуть, они бы умерли со спокойной совѣстью, съ отраднымъ сознаніемъ, что хотѣли добра, стремились къ хорошему и — зла не дѣлали. Внутренній міръ — вотъ то, довольно рѣдкое для людей неограниченныхъ, счастье, которымъ, по самой натурѣ своей, обладаютъ и Соломинъ, и Маріанна.

Созерцаніе этого художественнаго образа должно было доставить Тургеневу большое душевное удовлетвореніе, ибо это — тотъ самый человѣкъ, котораго Тургеневъ искалъ и для себя лично, и для Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи дѣятелей соломинскаго типа. Соломина нашелъ, полюбилъ и оцѣнилъ Тургеневъ-*гражданинъ*. Но и *лично*, какъ человѣкъ, Тургеневъ нуждался въ Соломинѣ; онъ находилъ въ немъ гармоническое восполненіе себѣ. Дворянинъ и ба-

ринъ, немножко баловень, немножко дилетантъ; Тургеневъ встрѣчалъ въ Соломинѣ лучшій образецъ «народнаго» человѣка, закаленнаго въ суровой школѣ трудовой жизни. Самъ умница, но умница-художникъ, теоретикъ, поэтъ-мыслитель, Тургеневъ находилъ въ Соломинѣ умницу-практика, реалиста, представителя прикладного — въ обширномъ смыслѣ — труда. Натура по преимуществу созерцательная, художникъ видѣлъ въ немъ отрадный примѣръ дѣятеля — не фантазера. Художникъ-мыслитель съ душою, доступной міровой скорби, съ умомъ, терзаемымъ противорѣчіями бытія, находилъ душевное успокоеніе въ общеніи съ натурой, которая, при своеобразной возвышенности и глубинѣ, чужда этимъ вопросамъ и съ корнемъ беретъ жизнь, какъ она есть, не мудрствуя лукаво. Пессимисту отрадно было отдохнуть отъ своихъ душевныхъ мукъ на созерцаніи, на усвоеніи себѣ здороваго, свѣтлаго оптимизма, представляемаго Соломинымъ.

Овс.-Куликовскій.

Базаровъ.

Главнымъ поэтическимъ призваніемъ Тургенева было созданіе художественныхъ образовъ-типовъ, воспроизводящихъ образованную и мыслящую часть русскаго общества отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ. Въ эпоху дореформенную эта часть общества, состоявшая главнымъ образомъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, представляла любопытное зрѣлище интенсивной духовной культуры, широкихъ умственныхъ интересовъ, сложной и изысканной духовной жизни. Здѣсь складывались натуры, вырабатывались характеры и умы, какихъ впослѣдствіи русская жизнь уже не производила. Никто изъ нашихъ художниковъ не умѣлъ такъ мѣтко и полно воспроизводить характерную душевную складку «людей сороковыхъ годовъ», какъ умѣлъ дѣлать это Тургеневъ. Кромѣ значенія историческихъ документовъ, его произведенія представляютъ болѣе долговѣчный интересъ. Занятые по преимуществу своимъ внутреннимъ міромъ, саморазвитіемъ, разработкою вопросовъ самосознанія и совѣсти, эти люди переживали такія сложныя и человѣчески-интересныя душевныя состоянія, которыя невольно привлекаютъ къ себѣ пытливость психолога.

Дореформенная мыслящая Россія создавала своеобразныя душевныя явленія, въ ряду которыхъ на первый планъ выдвигаются умственная жизнь и нравственныя томленія «мыслящихъ господъ», психологія «лишнихъ людей», тонкая и изящная разработка чувствъ, слабость дѣйствующей воли, особый видъ «обломовщины», наконецъ утонченное развитіе женской психологіи. Въ произведеніяхъ Тургенева все это художественно увѣковѣчено и, въ поэтической переработкѣ, получило интересъ общечеловѣческій. И его лучшія созданія

представляютъ опытъ постановки и рѣшенія извѣстныхъ психологическихъ задачъ, имѣющихъ значеніе общечеловѣческихъ, но изучаемыхъ на матеріалѣ, представляемомъ русскою жизнью.

Обойдя мужскіе типы «людей 40-хъ годовъ», я остановился на Базаровѣ и Соломинѣ именно потому, что это — «любимыя дѣтища» Тургенева. Художникъ-баринъ, либералъ, скептикъ и натура недѣятельная, созерцательная, Тургеневъ искалъ — въ самой жизни — указаній на возможность появленія иныхъ натуръ, характеровъ и умовъ. Онъ искалъ «сильнаго человѣка», демократа, дѣятеля, вышедшаго изъ нѣдръ народныхъ и означающаго наступленіе новой исторической эпохи. Базаровъ — блестящій предтеча грядущей демократіи. Соломинъ — скромный труженикъ въ великомъ дѣлѣ ея организаціи. Здѣсь сдѣлана попытка постановки огромной общечеловѣческой проблемы.

Художественное творчество можетъ быть двоякое: объективное и субъективное. *Объективнымъ* я называю такое творчество, которое преимущественно направлено на воспроизведеніе типовъ, натуръ, характеровъ, болѣе или менѣе чуждыхъ или даже противоположныхъ личности художника. *Субъективнымъ* я называю такое творчество, которое преимущественно направлено на воспроизведеніе типовъ, натуръ, характеровъ, болѣе или менѣе близкихъ, родственныхъ личности самого художника. Создавая такіе образы, художникъ отправляется *отъ себя*. Геніальнымъ представителемъ такого *субъективнаго* творчества служитъ Левъ Толстой; однимъ же изъ величайшихъ представителей творчества *объективнаго* является Тургеневъ.

Тургеневъ, прежде всего, былъ человѣкъ *необыкновеннаго ума* — очень широкаго и глубокаго, очень вдумчиваго и созерцательнаго. По складу ума, по типу мышленія онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранниковъ, которые съ серьезностью и глубиною, съ широтою умственнаго захвата соединяютъ необыкновенную тонкость, чуткость и изящество мысли.

Какъ человѣкъ, Тургеневъ отличался большой добротой сердца, мягкостью души, доброжелательностью къ людямъ. Это былъ очень добрый, очень гуманный, хорошій человѣкъ.

Какъ характеръ, это былъ человѣкъ довольно слабый, съ малымъ развитіемъ дѣйствующей воли, лишенный иниціативы, неспособный къ дѣятельности публициста, организатора. Со стороны этихъ чертъ его душевный укладъ былъ весьма типиченъ для классовой психологіи «мыслящихъ господъ». Кромѣ того, въ немъ необходимо отмѣтить — *способность къ внутренней свободѣ*. Онъ говоритъ: «Нужна полная свобода воззрѣній и понятій. Ничто такъ не освобо-

ждаетъ человѣка, какъ знаніе, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи. Безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ — въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи, — немыслимъ истинный художникъ».

Вотъ и обратимся къ изученію тургеневскаго творчества съ указанной стороны.

Въ числѣ мужскихъ фигуръ у Тургенева есть нѣсколько такихъ, къ которымъ авторъ относится съ явной симпатіей. Эти-то образы и оказываются въ большей или меньшей степени противоположными самому Тургеневу. На первомъ планѣ поставить нужно Базарова, къ которому онъ чувствовалъ «влеченіе, родъ недуга». Онъ писалъ: «Базаровъ — это мое любимое дѣтище, на котораго я потратилъ всѣ краски, Базаровъ, — этотъ умница, этотъ герой — карикатура?» Симпатія, любовь Тургенева къ Базарову сказывается во многихъ мѣстахъ романа. Его наружность, манера, обхожденіе, душевныя состоянія изображаются такъ, что читатель чувствуетъ, какъ этотъ человѣкъ нравится автору. Базаровъ — натура глубокоправдивая: всѣ его поступки, слова являются подлиннымъ выраженіемъ его личности. Вотъ человѣкъ, столь симпатичный Тургеневу, изображенный съ такою любовью, почти пристрастный, представляетъ собой натуру прямо противоположную натурѣ самого Тургенева. Базаровъ — человѣкъ необычайно сильной воли, желѣзнаго характера. Съ этой стороны онъ служитъ настоящимъ контрастомъ Тургеневу, и нашъ художникъ сразу почувствовалъ влеченіе какъ къ лицу, послужившему «оригиналомъ», а потомъ къ его художественному воспроизведенію, герою «Отцовъ и дѣтей». «Въ основаніе главной фигуры Базарова легла одна поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма» (Лит. восп.). Очевидно, это былъ человѣкъ базаровскаго закала — сильный, властный, содержательный, умный, злой. Въ основѣ этой силы лежала необычайная крѣпость воли, какъ задерживающей, такъ и дѣятельной. Вспомнимъ отношеніе Базарова къ своему собственному чувству, внушенному Одинцовой. Это чувство его мучило и обезсилило. Онъ былъ безоруженъ въ борьбѣ со страстью и придавалъ трагическое значеніе обыкновенному и неизбѣжному душевному заболѣванію. Откуда это возмущеніе? Почему эта любовь такъ трагична? Во имя вышеуказанной черты самого автора, во имя *внутренней свободы*. Она есть такая идейность, которой чужды фанатизмъ, догматизмъ, шаблонъ, доктринерство, исключительность; которая просвѣтлена духомъ критики, изслѣдованія, терпимости, гуманности.

Базаровъ имѣетъ много шансовъ стать внутренно-свободнымъ, но по молодости лѣтъ, по недостатку жизненнаго опыта онъ не оправдалъ своихъ правъ на нее. Задатки внутренней свободы въ немъ основаны на свойствахъ его большого ума и на необычайной силѣ воли. У Базарова сильный аналитическій и критическій умъ, нѣсколько сухой и холодный, не чуждый иронiи и скептицизма. Такія свойства ума много содѣйствуютъ освобожденію духа. Такой умъ предохранитъ человѣка отъ узости, фанатизма, не позволитъ ему стать рабомъ идеи. Въ этомъ и есть сходство между нимъ и авторомъ. Какъ же Базаровъ дополняетъ Тургенева? Въ одномъ изъ писемъ его читаемъ: «Мнѣ мечталась фигура сумрачная, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная и честная, — мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачовымъ». «Я хотѣлъ изъ него сдѣлать лицо трагическое. Онъ демократъ до конца ногтей; и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революціонеромъ».

«Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса». Преднамѣренность, сознательность, очевидно, играли большую роль въ самомъ началѣ, въ первомъ замыслѣ Базарова. Но затѣмъ назрѣвающій образъ получилъ очертанія общей идеи или обобщеннаго образа. И вотъ съ расширеніемъ образа расширяется душа самого художника, — онъ самъ становится *типомъ*, образомъ обобщающимъ, и *въ этомъ видѣ* онъ ищетъ себѣ дополненія въ томъ, что создается. Базарова написалъ не индивидуальный такъ сказать Ив. Серг. Тургеневъ, а Тургеневъ — типъ и представитель лучшихъ людей дворянства 40—60-хъ годовъ, западникъ, идеалистъ. Когда онъ создавалъ Базарова, онъ чувствовалъ въ себѣ русскаго дворянина добраго стараго времени, онъ сознавалъ свою дворянскую, общественную и эстетическую несостоятельность и жаждалъ образа иного призванія; онъ лелѣялъ черты силы, практическаго дѣлового ума, черты натуры мощной. Онъ какъ бы собралъ въ себѣ сумму дворянской мягкости, доброты, эстетики, прекраснодушія, оторванности отъ почвы и ощущалъ душевную потребность — увидѣть и полюбить воплощеніе противоположныхъ чертъ базаровскихъ. Онъ въ восторгѣ, что «нашелъ» Базарова.

«Отцы и дѣти» — это романъ Тургенева и Базарова, это повѣсть о томъ, какъ великій объективный художникъ сталъ выше своего типа, класса, эпохи и съ этой высоты мысли устремилъ очарованный взоръ въ величественный фантомъ, вдругъ выросшій передъ нимъ.

Базаровъ не типъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онъ — фантомъ, видѣніе художника.

Смотрѣть на Базарова, какъ на типъ нашихъ «нигилистовъ» или «мыслящихъ реалистовъ» 60-хъ годовъ, нѣтъ никакой возможности.

Онъ только внѣшнимъ образомъ примыкаетъ къ этому движенію. Онъ силенъ не этимъ, а огромной силой духа, задатками внутренней свободы. Въ немъ слишкомъ много скептицизма и внутренней независимости, чтобы онъ могъ быть признанъ ничтожнымъ представителемъ революціоннаго умонастроенія. Гдѣ у него признаки фанатизма, вѣры, преданности идеѣ? Что особенно характерно для Базарова—это «вѣчная неудовлетворенность и отсутствіе равновѣсія духа. О родителяхъ онъ говоритъ, что они всегда заняты, вотъ не безпокоятся о собственномъ ничтожествѣ, «оно имъ не смердитъ, а я... я чувствую только скуку да злость».

Какъ извѣстно, Базаровъ, заразившись трупнымъ ядомъ, вдругъ началъ умирать. Процессъ умиранія былъ очень тяжелый, мучительный и въ смыслѣ психологическомъ — въ высокой степени трагичный. Прекращалось богатое душевное существованіе, угасала смѣлая и крѣпкая мысль, могучій волевой аппаратъ переставалъ дѣйствовать,— всѣ эти рѣдкія и цѣнныя душевныя функціи должны были уничтожиться безвременно, не пополнивъ своего жизненнаго назначенія. Базаровъ умиралъ молодымъ, полнымъ силъ, — ему мучительно хотѣлось жить, онъ страстно любилъ жизнь, понимая ее какъ мысль, трудъ и борьбу. Его умъ только что начиналъ расправлять свои крылья и пробовать свои силы въ смѣлыхъ отрицаніяхъ, жизненный трудъ еще предстоялъ, его манила перспектива борьбы и подвиговъ — вдругъ вся эта роскошь духа безсмысленно упраздняется. «Сила-то, сила, — говоритъ умирающій, — вся еще тутъ, а надо умирать!» И въ потухающемъ сознаніи всплываетъ страшная идея смерти. Какой образъ приметъ она? Предстанетъ ли она уму въ видѣ какого-нибудь грознаго страшилища, и вмѣстѣ съ тѣмъ воскреснутъ ли всѣ страхи миѳа? Или явится она въ формѣ отвлеченнаго начала, неопредѣленнаго, непостижимаго и тѣмъ болѣе пугающаго, — какъ нѣкая таинственная и безобразная субстанція, которая, однако, дѣйствуетъ, идетъ, надвигается? Нѣчто подобное уже намѣчалось въ умѣ Базарова, когда онъ сказалъ: «Да, поди, попробуй отрицать смерть, — она меня отрицаетъ — и баста».

Эти слова были критическимъ моментомъ, поворотнымъ пунктомъ въ психологическомъ процессѣ смерти Базарова. Если бы онъ умиралъ въ полномъ одиночествѣ, заброшенный, неоплаканный, забытый всѣми; если бы не было возлѣ него плачущей и молящейся матери, растерявшагося, обезумѣвшаго отъ горя отца, тогда его мысль отъ созерцанія грознаго облика смерти не перескочила бы вдругъ въ ту полосу, гдѣ возможенъ героизмъ предсмертной иронiи, сказавшейся въ словахъ: «Кто тамъ плачетъ? Мать? Бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ? А ты, Василій Ива-

новичъ, тоже, кажется, поняшь? Ну, коли христіанство не помогаетъ будь философомъ, стоикомъ, что ли!»

Сильная личность, какъ Базарова, вся построенная на умѣ и волѣ, конечно, хочетъ до конца остаться неизмѣнной и умереть такою, какою была всю жизнь. И чѣмъ болѣе скорбятъ, жалѣютъ, поражены, растеряны его близкіе, тѣмъ легче умирающему, умирая, сохранить равновѣсіе духа, спокойствіе, быть героемъ и шутить въ этотъ грозный и торжественный часъ. Ему было легко умирать, потому что онъ зналъ, что вонъ тамъ, «возлѣ двери, на низенькой скамеечкѣ сидитъ Арина Васильевна, сидитъ и ничего не въ силахъ сообразить, не въ состояніи опомниться, отдать себѣ отчетъ въ томъ ужасающемъ событіи, которое теперь совершается. Онъ могъ умирать безтрепетно, самоувѣренно, бодро, сохраняя всю свою иронію, всѣ свои сарказмы, потому что зналъ, что, когда испуститъ свой послѣдній вздохъ, то произойдетъ нѣчто... шекспировское... разсказанное Тургеневымъ съ потрясающимъ лаконизмомъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Василіемъ Ивановичемъ обуяло внезапное изступленіе. «Я говорилъ, что я возропщу», хрипло кричалъ онъ, съ пылающимъ, перекошеннымъ лицомъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, какъ бы грозя кому-то,—«и возропщу!» Но Арина Васильевна, вся въ слезахъ, повисла у него на шеѣ, и оба вмѣстѣ пали ницъ. «Такъ, — разсказывала потомъ въ людской Анисушка, — рядышкомъ и понурили свои головки, словно овечки въ полдень».

Легко умирать, когда возлѣ кипитъ и бьетъ неоскудѣваемый ключъ животворной психологической силы, напр., родительской любви. Тогда умирающему можно и побаловать себя и позаботиться о томъ, чтобы еще лучше обставить свою смерть, чтобы это было по возможности полное самоутвержденіе личности. И вотъ онъ проситъ отца послать за Одинцовой. Ему страстно хотѣлось увидѣть ее еще разъ и посмотрѣть, какъ она будетъ держать себя. Какой выходъ внесетъ она въ обстановку смерти? Смерти не было, а былъ умирающій человѣкъ, который продолжалъ оставаться самимъ собою, продолжалъ мыслить умно и саркастически. Перечитайте эти удивительныя страницы, и забудьте вновь перечувствовать и заключительный аккордъ изъ «Отцовъ и дѣтей» (есть небольшое сельское кладбище), и вы скажете, что это *не была смерть, это не былъ ужасъ смерти*. Это есть Базаровъ, его натура, его умъ, его «я», его торжество надъ смертью и всѣми страхами ея. Смерть Базарова — это апоѳеозъ его личности. Съ тѣмъ вмѣстѣ данъ и другой апоѳеозъ — любви, именно любви родительской. Василій Ивановичъ и Арина Власьевна съ ихъ безграничной, идолопоклонической любовью къ сыну — это образы, которыми Тургеневъ обезсмертилъ свое имя.

Лиза Калитина.

Творецъ изъ лучшаго эопра
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ...

...Прежде всего я попрошу читателя припомнить главу XXXV, гдѣ говорится о воспитаніи Лизы, о вліяніи на нее Агаѳьи, этой въ своемъ родѣ необыкновенной женщины. Изъ этой же главы, однако, мы выносимъ убѣжденіе въ томъ, что вліяніе Агаѳьи могло оказаться столь могущественнымъ только потому, что сама натура Лизы была отъ рожденія надѣлена задатками глубокой, всепоглощающей религіозности. Когда Агаѳья разсказывала ей «о Пречистой Дѣвѣ, о святыхъ угодникахъ, которые жили въ пустыняхъ, терпѣли голодъ и нужду и — царей не боялись, Христа исповѣдывали», Лиза слушала и проникалась очарованіемъ этой религіозной эпопеи такъ, какъ это возможно только для натуры, одаренной исключительной глубиной и широтою религіознаго чувства. Она слушала, «и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, и Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ»...

Не всякому и не всякой дано *такъ* вѣрить и такъ любить Бога. Религія вообще въ высокой степени индивидуальна. Принадлежность двухъ лицъ къ одному и тому же вѣроисповѣданію еще не означаетъ, чтобы эти два лица имѣли одну и ту же религію. Религія есть внутренній, душевный процессъ, и ея духъ, ея характеръ опредѣляется не буквою догмы, а интимнымъ, сокровеннымъ, часто неяснымъ самому человѣку отношеніемъ его къ божеству. А это отношеніе, по необходимости, разнообразится до безконечности — смотря по человѣку. Не только *пониманіе* божества у разныхъ людей должно быть различно сообразно особенностямъ ума, степени развитія и т. д., но, что̀ еще важнѣе, само религіозное *чувство*, вообще чрезвычайно сложное, въ разныхъ натурахъ въ сильной степени видоизмѣняется, смотря по тому, какая изъ его составныхъ частей беретъ верхъ надъ другими. У одного, напримѣръ, въ этомъ чувствѣ преобладающимъ элементомъ является *смиреніе* передъ всемогуществомъ Божества, у другого — *умиленіе* передъ Его благостью, у третьяго — *страхъ* и т. д. Вы скажете, что это — оттѣнки чувства, подробности въ отношеніяхъ умовъ и сердецъ къ Божеству. Но въ психологіи человѣка, въ дѣятельности его ума и чувства оттѣнки и подробности чрезвычайно важны, часто важнѣе основныхъ идей и чувствъ, и ими-то опредѣляется подлинный внутренній міръ человѣка, его психологиче-

ская индивидуальность. Психологически — у каждаго вѣрующаго человѣка свой Богъ, каждый своему Богу и по-своему молится, и религій на земномъ шарѣ столько же, сколько и людей съ религіознымъ укладомъ души.

Какова же была религія Лизы?

Приведенныя выше слова («образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу»... и т. д. уже даютъ намъ точку опоры для сужденія о религіозномъ чувствѣ Лизы. Очевидно, въ этомъ чувствѣ *страхъ* Божества, если не совсѣмъ отсутствовалъ, то по крайней мѣрѣ игралъ роль второстепенную; немного значенія имѣла также и философская (метафизическая сторона идеи Божества. На первомъ планѣ была у Лизы *мистическая любовь*, въ которой отразилась вся глубина, вся нѣжность, вся искренность и чистота ея натуры. «Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; *она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно*».

Положимъ, вы — человѣкъ глубоко-религіозный, и вамъ хорошо извѣстно то особое чувство, которое есть любовь къ Богу. И вотъ вы на основаніи этого *своего* чувства хотите составить себѣ точное представленіе о соотвѣтственномъ чувствѣ Лизы. Но если въ составъ вашего чувства не входитъ эта *восторженность*, эта *робость* и *нѣжность*, если къ тому же вы не можете любить, какъ Лиза, «всѣхъ и никого въ особенности», и у васъ есть друзья и враги, вообще вы доступны обыденнымъ, житейскимъ страстямъ, то, будьте увѣрены, вы, по своему чувству любви къ Богу, какъ бы оно ни было сильно, не составите себѣ должнаго представленія о томъ, какъ Лиза любитъ Бога, каковъ религіозный укладъ ея души. Чтобы вполнѣ понять чужую любовь, нужно самому испытать ее во всей ея индивидуальности, что̀ невозможно, въ особенности, если дѣло идетъ о любви отвлеченной, не отъ міра сего, какова любовь къ Богу, къ истинѣ, человѣчеству. Чтобы почувствовать ту любовь къ Богу и людямъ, которою исполнена Лиза, нужно имѣть душу Лизы со всей ея чистотою, дѣтской невинностью, непосредственной глубиною, прирожденной святостью. А такъ какъ это невозможно, то *субъективнаго* пониманія Лизы, какое именно и требуется въ сферѣ чувствъ, у васъ не можетъ быть: для васъ, какъ и для всѣхъ, душа Лизы останется ирраціональной, загадочной. Но есть другой путь, — путь объективнаго наблюденія и сравненія съ другими женскими натурами. Наблюдая различныя душевныя свойства Лизы, ея поступки, ея отношенія къ окружающимъ людямъ и т. д., мы можемъ уловить различіе между нашимъ внутреннимъ міромъ и душою Лизы. Это различіе и дастъ

намъ нѣкоторый критерій для сужденія о томъ, что такое Лиза вообще и ея религіозность въ частности.

Изъ запаса такихъ наблюденій прежде всего отмѣтимъ слѣдующее. У огромнаго большинства религіозныхъ людей чувство къ Богу является дѣятельнымъ только въ извѣстные моменты, которые у однихъ повторяются чаще, у другихъ рѣже. Къ этому большинству можно применить — mutatis mutandis — извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Поэта не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ»... Въ обыкновенное время — въ религіозныя будни — живое чувство къ Божеству какъ бы нейтрализуется. Чтобы оно воспрянуло и овладѣло душою, нужно или что-нибудь чрезвычайное — болѣзнь, потеря близкихъ, страхъ смерти, или извѣстная обстановка, вызывающая, по психологической ассоціаціи идей, пробужденіе религіознаго чувства. Совсѣмъ не то видимъ мы у Лизы. Въ ней религіозное настроеніе всегда налицо, и религіозное чувство всегда бодрствуетъ. Для нея нѣтъ религіозныхъ будней. Она вся проникнута и просвѣтлена этимъ мистическимъ началомъ, которое образуетъ неотъемлемую часть ея существа. Оно всегда при ней, какъ при ней — ея чистота, ея доброта, ея нѣжность. Это кладетъ на Лизу особый отпечатокъ. Она является передъ нами озаренною какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, придающимъ ей несказанную прелесть. Самая обыкновенная, самая мелкая и прозаическая душа въ моментъ религіознаго умиленія преображается и становится по-своему глубокой и значительной, и самое пошлое лицо — въ эту минуту экстаза — облагорожено вдохновеніемъ. Но пройдетъ это «чудное мгновеніе», и мелкая душа опять станетъ мелкой, и пошлое лицо снова приметъ свое обычное выраженіе. Лиза родилась и живетъ — «преображенной». Но это отличіе Лизы отъ обыкновенныхъ религіозныхъ людей не только количественное, а и качественное: самая религіозность Лизы — иного, высшаго рода. Обыкновенный человѣкъ въ большинствѣ случаевъ самъ портитъ себѣ то «чудное мгновеніе» религіознаго подъема души, о которомъ мы говоримъ, — портитъ, внося сюда привычные эгоистическіе мотивы, движущіе имъ въ его повседневной, будничной жизни; молясь, онъ обыкновенно о чемъ-нибудь проситъ, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ его молитва, его религіозное настроеніе является безкорыстнымъ и самодовлѣющимъ созерцаніемъ Божества. Лиза именно и принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя одарены исключительнымъ даромъ созерцать Божество. Но созерцаніе Божества бываетъ, смотря по созерцающему уму, весьма и весьма различно. Каково оно у Лизы? Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно вспомнить, что всѣ силы души у нея направлены на мистическую любовь къ Богу («она любила одного Бога

восторженно, робко, нѣжно»...), а ея умъ занятъ проблемой смерти. «Христіанином ъ нужно быть, — говоритъ она Лаврецкому, — не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть». По ея собственному признанію, она часто думаетъ о смерти (гл. XXVI). Почему же она часто думаетъ о смерти? Боится ея? Очевидно, нѣтъ. Она не изъ числа тѣхъ малодушныхъ, которые такъ подвержены страху смерти. Она думаетъ о смерти потому, что больше всего любитъ Бога и притомъ — любитъ Его своеобразно, по-женски, внося въ это чувство (которое, по существу, должно быть въ извѣстномъ смыслѣ «отвлеченнымъ», какъ любовь къ идеѣ, истинѣ, справедливости) много непосредственности, женской нѣжности, влюбленности, беззавѣтности. Вся проникнутая этимъ живымъ мистическимъ чувствомъ, она не можетъ быть такъ привязана къ радостямъ, къ счастью земной жизни, какъ другія женщины, и смерть, этотъ страшный и таинственный актъ, занимаетъ ея умъ лишь какъ переходъ къ другому, высшему существованію. Оттуда и это равнодушіе къ жизни, и эта боязнь грѣха, дурного помысла и способность съ легкимъ сердцемъ отречься отъ эгоистическаго земного счастья и, наконецъ, свобода отъ власти земной женской любви. При такомъ состояніи души обыкновенная логика вещей теряетъ свои права. Душа становится ареной ирраціональныхъ движеній, и загадочное въ ней возводится на высшую ступень — мистическаго...

...Лиза — при всей своей женственности, нѣжности, кротости — натура сильная, мощная, цѣльная, aus einem Guss... ...Лиза — натура душевно-здоровая не только въ тѣсномъ, но и въ обширномъ смыслѣ: въ ней нѣтъ никакихъ признаковъ той душевной вялости, той безхарактерности, апатіи, развинченности и т. д., которымъ подвержены многія и весьма различныя натуры. Въ этомъ смыслѣ она здоровѣе Лаврецкаго, и развѣ только вѣчно-юный Михалевичъ не уступитъ ей въ этомъ отношеніи.

Въ несомнѣнной связи съ душевнымъ здоровьемъ Лизы находится другая черта ея натуры, на которую мы только что указали мимоходомъ: это именно — *внутренняя свобода*, чѣмъ Лиза такъ выгодно отличается отъ Софи [1]), а также отъ многихъ женщинъ перелгіознаго типа и сближается съ *Маріанной* [2]).

У обѣихъ (у Лизы и Маріанны) есть нѣчто идеальное въ самой натурѣ, у обѣихъ горитъ въ душѣ нѣкій священный огонь, обѣ движутся силою высшихъ, идеальныхъ стремленій, но ни у той, ни у другой нѣтъ тѣни того фанатизма, который дѣлаетъ человѣка

[1]) Героиня разсказа «Страшная исторія».

[2]) Героиня романа «Новь».

узкимъ, односторонним, рабомъ идеи или чувства. Различіе между ними не въ этомъ, а въ темпераментѣ, въ складѣ ума, въ качествѣ натуры, въ положительномъ содержаніи движущихъ ими идей. Маріанна — *героиня*, Лиза — *святая*. Но героизмъ одной и святость другой соединены въ нихъ съ большой широтою и ясностью духа, съ независимостью мысли, съ неугнетенностью чувства, — съ тѣмъ именно, для чего нѣтъ лучшаго термина, какъ внутренняя свобода. Софи съ этой стороны оттѣняетъ Лизу какъ разъ такъ, какъ Машурина оттѣняетъ Маріанну. И обѣ — Лиза и Маріанна, именно въ качествѣ натуръ идейныхъ и въ то же время внутренно-свободныхъ — одинаково свободны и отъ *власти любви*. Какъ Маріанна не стала рабою своего чувства къ Соломину (не говоря уже о Неждановѣ), такъ и Лиза не была порабощена любовью къ Лаврецкому. Она полюбила Лаврецкаго глубоко и горячо (и, повидимому, на всю жизнь), но ради этой любви, ради возможнаго счастья, она ни на іоту не поступилась своими завѣтными помыслами, тѣмъ, что привыкла считать своимъ нравственнымъ дѣломъ, своими христіанскими воззрѣніями...

...Душевный міръ обѣихъ, Лизы и Маріанны, движется силою высшихъ идей и въ особенности *чувствъ*. Чувства вообще ирраціональны, но въ разной мѣрѣ. То, которое дѣйствуетъ въ Маріаннѣ, принадлежитъ къ числу *наименѣе* ирраціональныхъ. Это именно чувство любви къ идеѣ и человѣчеству, настолько сильное и живое, что ведетъ къ подвигу, къ самопожертвованію. Оно, во-первыхъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ *спеціально-женскихъ* чувствъ, которыя уже въ силу этой спеціализаціи, этой ихъ *женственности*, намъ, мужчинамъ, кажутся, да и въ самомъ дѣлѣ являются ирраціональными. То, что согрѣваетъ душу Маріанны и служитъ движущей пружиной ея стремленій, доступно и намъ, мужчинамъ. Въ Маріаннѣ оно только окрашивается женской чуткостью, непосредственностью, страстностью и т. п., но эта окраска еще не дѣлаетъ его загадочнымъ. Во-вторыхъ, оно, это чувство, весьма доступно анализу и контролю ума. Быть-можетъ, и по своему происхожденію оно сродни раціональнымъ силамъ духа. Это чувство есть *альтруизмъ*,—психическое начало двойственнаго происхожденія: наполовину это — душевное стремленіе, развившееся изъ природной общественности человѣка эмбріонъ альтруизма — въ «стадномъ чувствѣ»), наполовину же это одно изъ «умственныхъ» чувствъ, т.-е. такихъ, развитіе которыхъ невозможно безъ расширенія мысли, безъ работы ума, безъ вліянія идей. Оттуда тотъ общеизвѣстный фактъ, что прогрессъ науки, философіи, литературы, образованности всегда предшествуетъ возникновенію болѣе или менѣе широкихъ общественныхъ движеній, появленію

общественныхъ дѣятелей, реформаторовъ, героевъ. Въ этомъ смыслѣ справедливо старое изреченіе, что идеи движутъ міромъ...

Находясь въ зависимости отъ разумныхъ силъ мысли, ими просвѣтленный и освобожденный отъ слѣпыхъ пристрастій (напр., національныхъ), высшій общечеловѣческій альтруизмъ является однимъ изъ наиболѣе *раціональныхъ* чувствъ. Таковъ именно альтруизмъ Маріанны. При ея живомъ умѣ, при большой внутренней свободѣ, отсутствіи фанатизма, онъ становится душевнымъ началомъ, въ которомъ ирраціональность чувства доведена до минимума и можетъ считаться равной нулю.

Обратимся къ Лизѣ. Ея основное чувство есть также альтруизмъ — очень широкій, всечеловѣческій, христіанскій въ настоящемъ, евангельскомъ смыслѣ, и съ этой точки зрѣнія онъ — выше и чище альтруизма Маріанны: онъ подчиняется завѣту «любите враговъ вашихъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ». Онъ — одна, чистая, безпримѣсная любовь, безъ вражды и ненависти, — любовь, являющаяся выраженіемъ того наивысшаго этическаго начала, которое дано въ Нагорной проповѣди. Лиза всѣхъ любитъ, жалѣетъ и прощаетъ, — даже Паншина и жену Лаврецкаго. Она органически неспособна ненавидѣть, напр., дурного, злого человѣка за то, что онъ золъ; она будетъ только скорбѣть и молиться о немъ. Такая любовь — не отъ міра сего, и душа, ею движимая, не призвана жить, трудиться и бороться въ этомъ грѣшномъ мірѣ, гдѣ нельзя обойтись — въ интересахъ добра и правды — безъ вражды и ненависти. Но къ нравственному міру человѣка неприложимъ масштабъ утилитарности. Нравственныя стремленія имѣютъ свою безотносительную цѣнность, свое абсолютное достоинство, независимо отъ примѣнимости ихъ къ жизни. Съ этой точки зрѣнія, по скольку въ строго-этическомъ смыслѣ идеалъ Нагорной проповѣди выше всѣхъ другихъ идеаловъ, постольку и душа Лизы выше души Маріанны, и любовь героини «Дворянскаго гнѣзда» шире и чище любви героини «Нови». Но эта высь, и ширь, и чистота святого чувства куплены здѣсь цѣною раціональности *мысли*.

Въ такой душѣ, несозданной для міра, мы наблюдаемъ какъ бы перемѣщеніе центра тяжести личности: личное «я» перестаетъ тяготѣть къ земному бытію; привычная обстановка, тепло и свѣтъ жизни, земныя радости, связи съ людьми, всѣ интересы, заботы, стремленія, цѣли, — все это теряетъ свою притягательную силу, которой дѣйствіе переносится въ другую сферу, — въ какую именно, это ужъ зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго уклада человѣка. У Лизы оно перенесено въ религіозную, мистическую сферу. Мысль о Богѣ, о «загробной» жизни, мистическая любовь къ Богу, — вотъ къ чему тяго-

тѣютъ всѣ душевныя силы Лизы, вотъ куда перемѣщенъ центръ тяжести ея личности. Окончательно совершилось это перемѣщеніе, когда Лиза ушла въ монастырь, и здѣсь-то ея натура, весь укладъ ея души и вся ирраціональность этого уклада достигли своего полнаго выраженія. Это особое, чуждое и непонятное намъ, людямъ жизни, состояніе сознанія, при которомъ духъ человѣческій освобождается отъ опутывающихъ его психическихъ узъ земныхъ отношеній, земныхъ стремленій и — свободный, ясный и чистый — весь сосредоточивается на одномъ высокомъ помыслѣ, на одномъ священномъ чувствѣ, — весь цѣликомъ истрачивается на одну любовь, чистую, какъ отвлеченіе, горячую, какъ молитва, и, какъ она же, полную наивной поэзіи. Это наивысшая — мистическая стадія ирраціональности духа. Чтобы еще лучше уяснить себѣ ея психологію, сопоставимъ ее съ другимъ видомъ отреченія отъ міра и бѣгства отъ жизни...

...Лиза также стремится въ сущности «къ свободѣ и покою», къ свободѣ отъ тягостныхъ ей связей съ людьми, отъ гнетущихъ ее противорѣчій жизни, отъ неизбѣжныхъ «въ мірѣ» грѣховъ и компромиссовъ, — къ покою души, къ наполняющей ея душу несказаннымъ блаженствомъ близости къ Божеству въ монастырѣ, къ мистическимъ восторгамъ религіозной жизни. Но это высокое счастье она заслужила; она его купила цѣною огромной жертвы — она отказалась ради него отъ счастья съ любимымъ человѣкомъ. Это счастье было вполнѣ возможно, и отъ нея зависѣло его осуществленіе. Чтобы понять всю громадность этой жертвы, нужно вспомнить, что любовь Лизы и Лаврецкаго была любовь глубокая и могущественная, основанная не на скоропреходящемъ увлеченіи, а на внутреннемъ сродствѣ душъ, — это была любовь на всю жизнь, она сулила настоящее, прочное счастье, то рѣдкое поэтическое счастье, ради котораго люди такъ легко отрекаются отъ высшихъ идей, отъ религіи, отъ идеаловъ, и только такія рѣдкія натуры, какъ Лиза, способны принести въ жертву высшимъ, неличнымъ стремленіямъ души.

Итакъ, это была жертва, это былъ подвигъ самоотреченія.

И это жертвоприношеніе было совершено силою мотивовъ *чисто нравственнаго* порядка. Вспомнимъ здѣсь сцену въ концѣ главы XLII:

«— Да — сказала она глухо: — мы скоро были *наказаны*.

— Наказаны... — повторилъ Лаврецкій. — За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали.

...Нетрудно видѣть, что Лизой движетъ мотивъ не какого-нибудь иного, какъ именно нравственнаго или, точнѣе, нравственно-религіознаго порядка. Она считаетъ дѣломъ грѣшнымъ, безнравственнымъ строить свое счастье на несчастьи другихъ. Отнять Лаврецкаго отъ

его семьи, хотя бы и не любимой имъ и чуждой ему, она признаетъ почти преступленіемъ, подлежащимъ наказанію. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ она ошибалась. Потеря мужа никакихъ нравственныхъ, ни иныхъ страданій не причинила бы г-жѣ Лаврецкой и ея дочери, и все устроилось бы къ общему удовольствію. Но таково уже глубокое, непоколебимое убѣжденіе Лизы — въ нерасторжимости брака, въ необходимости прощенія, въ возможности нравственнаго возрожденія такихъ испорченныхъ натуръ, какъ жена Лаврецкаго. Для нея не подлежитъ сомнѣнію, что, отнимая у семьи Лаврецкаго, она нарушитъ святость брака, лишитъ жену Лаврецкаго мужа, его дочь — отца, его самого — возможности простить, а ее (madame Лаврецкую!) — возможности раскаяться и загладить свое прошлое. Свой чистый порывъ, свою любовь къ Лаврецкому она признаетъ поэтому грѣховными, себя считаетъ недостойной счастья, само счастье — невозможнымъ и нежелательнымъ, разъ оно сопряжено съ компромиссами, съ нарушеніемъ чьихъ-то, хотя бы и фиктивныхъ, правъ. Возвращеніе жены Лаврецкаго ей представляется поэтому предостереженіемъ свыше и даже наказаніемъ за грѣховное, по ея мнѣнію, чувство. «Теперь вы сами видите, что счастье не отъ насъ, а отъ Бога», говоритъ она Лаврецкому.

Но этого мало. Нравственныя основанія самоотреченія Лизы оказываются еще глубже.

Въ сценѣ, гдѣ Лиза объявляетъ тетушкѣ, несравненной Маѳѣ Тимоѳеевнѣ, о своемъ рѣшеніи пойти въ монастырь, она говоритъ между прочимъ: «...Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; *да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю.* Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. *Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо*»... (Гл. XLV).

У Лизы нѣтъ и тѣни стремленія къ психологическому квіетизму, нѣтъ никакихъ слѣдовъ душевной усталости или изнѣженности. Напротивъ, душа Лизы полна энергіи и въ высокой степени активна, ибо ея самоотреченіе, во-первыхъ, такого сорта, что требуетъ большой силы воли, духовной мощи, а во-вторыхъ, та религіозная жизнь, которой посвящаетъ себя Лиза, сводится къ очень энергической, очень интенсивной *дѣятельности* духа, требующей большого самообладанія, сосредоточенія вниманія на одномъ пунктѣ, борьбы съ разсѣянностью, съ лѣнью мысли и усталостью чувства, чему такъ подверженъ внутренній міръ человѣка. Наконецъ, молитва и покаяніе. религіозный экстазъ, мистическое чувство,—это не пассивныя состоя-

нія души, это ея энергія, это затрата душевной силы, напряженная работа мысли и чувства, несовмѣстимая съ психологическимъ квіетизмомъ, съ тѣмъ дремотнымъ состояніемъ «силъ жизни», съ тою своего рода летаргіею, о которыхъ говорится въ стихахъ Лермонтова и Мицкевича.

Такимъ требованіямъ, какъ бы они ни были суровы, Лиза вполнѣ удовлетворяетъ, и всякій упрекъ въ эгоистическомъ удаленіи отъ міра, къ ней обращенный, заранѣе обезоруживается. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію *этической* стороны въ психологіи Лизы, къ анализу ея *нравственной личности*...

...Если человѣкъ поступаетъ нравственно и при этомъ вѣритъ, что за безнравственные поступки онъ будетъ мучиться въ аду, или если человѣкъ отрекается отъ житейскихъ благъ или идетъ на мученическій подвигъ — движимый религіознымъ фанатизмомъ, то мы опять получаемъ тотъ душевный «клубокъ», въ которомъ такъ трудно распознать потерянную въ немъ нить чисто нравственнаго движенія души. Но не таково отношеніе нравственнаго уклада къ религіозному у Лизы. Во всемъ ея существѣ вы ясно видите вѣчно бодрствующее, всегда насторожѣ, живое и тонкое нравственное чувство, родъ прирожденнаго нравственнаго такта или чутья, безошибочно и моментально рѣшающаго, что хорошо, что дурно, что должно дѣлать, чего не должно дѣлать, — независимо отъ того, пріятно это кому-нибудь или не пріятно, полезно или безполезно, причинитъ ли данный нравственный поступокъ огорченіе, страданія или, напротивъ, удовольствіе и радость близкимъ людямъ. Безоглядный, безповоротный, математически правильно дѣйствующій, не осложненный ни любовью, ни гордостью, ни честолюбіемъ, ни молодыми порывами, ни идеею, чистый, безпримѣсный категорическій императивъ нравственнаго долга,—вотъ что составляетъ главную основу душевной жизни Лизы, вотъ то, что образуетъ ея психическую индивидуальность...

...Она пристально и «неотвратно» [1]) всматривалась въ свой нравственный міръ и освѣщала его тихимъ свѣтомъ своей дѣтски-чистой любви. И, движимая тѣмъ душевнымъ стремленіемъ, о которомъ мы только что говорили, она увидѣла Бога.

Натура, цѣликомъ основанная на нравственномъ чувствѣ, она не могла отрѣшиться отъ постоянныхъ помысловъ о долгѣ и отдаться призыву другихъ побужденій, которымъ такъ подвластны обыкновенныя души человѣческія, и была осуждена жить замкнутою въ своемъ личномъ мірѣ. А потому она не только увидѣла Бога, но и возлюбила Его всѣми силами своей чистой, женственной и наивной души. Это

[1]) Выраженіе Тургенева (въ «Пѣснѣ торжествующей любви»).

не было одно только *созерцаніе* Божества, это была всепоглощающая, восторженная, нѣжная, глубокая, *мистическая любовь*.

И въ этой мистической любви къ Божеству сказались всѣ лучшія стороны женской натуры, - воплощеніемъ которыхъ является Лиза. Представимъ себѣ эти стороны въ ихъ наивысшемъ развитіи, въ ихъ апоѳеозѣ, представимъ себѣ дѣвственную чистоту и цѣломудріе возвысившимся до полной свободы отъ власти обыкновенной, біо-психической, женственности, женскую жалость и состраданіе — возведенными въ высшую любовь ко всему живому, нѣжность и кротость женской души претворенными въ евангельское всепрощеніе, вообразимъ все это, — и въ результатѣ мы получимъ какую-то огромную силу, психическую энергію особаго рода, отмѣченную печатью идеальной, одухотворенной женственности. Это — das Ewigweibliche.

По самой природѣ своей эта сила въ высокой степени экспансивна. Она не можетъ обратиться внутрь и замкнуться въ индивидуальной сферѣ личности, какъ это дѣлаетъ нравственное чувство: въ противоположность послѣднему, она стремится выйти изъ личной сферы и ищетъ точки приложенія — внѣ индивидуума. Но этой точки приложенія она не найдетъ нигдѣ, кромѣ религіи.

Перейти въ любовь къ отдѣльному человѣку и потомъ истратиться на семью — эта сила вѣчно-женственнаго могла бы только подъ условіемъ самоограниченія, даже самоотрицанія: ей пришлось бы оставить не у дѣлъ цѣлую половину своихъ составныхъ элементовъ и, кромѣ того, воспринять въ себя нѣчто ей чуждое, напримѣръ, нѣкоторый эгоизмъ, способность къ исключительной привязанности къ любимому человѣку, къ *своимъ* дѣтямъ, и массу мелкихъ чувствъ, съ нею несовмѣстимыхъ. Не можетъ она также обратиться и къ служенію страждущему человѣчеству: перейдя въ дѣятельную любовь къ людямъ, она опять-таки принуждена была бы измѣнить свой составъ и вступить въ союзъ съ нѣкоторыми чувствами и стремленіями, находящимися во внутреннемъ съ нею противорѣчіи. Служеніе человѣчеству, хотя бы исключительно на почвѣ благотворительности, все-таки предполагаетъ борьбу и ожесточеніе, напримѣръ, противъ тѣхъ, кто причиняетъ страданія людямъ. Объ иномъ служеніи человѣчеству — на почвѣ общественной борьбы — и говорить нечего: вѣчно-женственное непригодно для этой борьбы уже по тому одному, что оно — не отъ міра сего.

Только въ религіозномъ подвигѣ найдетъ оно себѣ исходъ и въ Богѣ — точку приложенія. Въ этой сферѣ энергія идеальной женственности можетъ дѣйствовать и творить, не теряя ни одного изъ своихъ составныхъ элементовъ и не воспринимая чуждыхъ себѣ.

И обращаясь сюда, и созидая *религіозную* жизнь личности, эта энергія даетъ душѣ, изолированной отъ міра и слишкомъ высоко надъ

нимъ поднявшейся дѣйствіемъ исключительно-сильнаго *нравственнаго* начала, ту опору, ту основу, въ которой она такъ нуждается для сохраненія равновѣсія. *Центростремительною* силою нравственнаго подъема человѣческое «я» такой души достигло высшаго самоутвержденія и замкнулось въ себѣ самомъ.

Отношенія Лизы и Лаврецкаго, какъ они до сихъ поръ сложились, были отношеніями взаимнаго довѣрія и дружбы, нѣсколько осложненной все возраставшимъ интересомъ другъ къ другу. Лаврецкій видѣлъ въ Лизѣ натуру не совсѣмъ обыкновенную, и Лиза отличала Лаврецкаго отъ другихъ мужчинъ. Завязывались тѣ душевныя связи, изъ которыхъ со временемъ могло развиться болѣе живое и страстное чувство. Это развитіе было значительно ускорено неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти жены Лаврецкаго (гл. XXVII). Оттуда — рѣзкая перемѣна въ настроеніи нашего героя. Извѣстіе поразило его, взволновало, выбило изъ колеи и, главное, обрадовало. Онъ получилъ свободу и возможность новой любви и счастья. Но какъ отразилось это извѣстіе на Лизѣ? Это мы узнаемъ изъ главы XXIX, гдѣ въ длинномъ разговорѣ Лаврецкаго съ Лизой на тему о предполагаемой покойницѣ, о «прощеніи», о счастьи, о Паншинѣ — ярко обрисовывается натура Лизы вообще и ея душевное состояніе въ данную минуту. Прелюдіею къ этому — очень важному въ структурѣ всего романа мѣсту — служатъ слѣдующія строки въ концѣ предыдущей XXVIII главы: «Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла — и обоимъ стало жутко. *Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ*»... Вотъ именно въ разговорѣ главы XXIX Лизой явно руководитъ желаніе выяснить свои *недоумѣнія* и высказать Лаврецкому тотъ *упрекъ*, который онъ наканунѣ прочелъ на ея лицѣ. Оттуда, такъ сказать, активная роль Лизы въ этой бесѣдѣ. *Она* ведетъ разговоръ, *она* задаетъ вопросы и требуетъ отвѣтовъ, она допрашиваетъ и почти обвиняетъ Лаврецкаго. Уже раньше она догадывалась, что неожиданное извѣстіе *обрадовало* Лаврецкаго, что въ глубинѣ души онъ ликуетъ по случаю смерти жены, — и вотъ эта-то загадка и повергаетъ ее въ недоумѣніе. Она не можетъ согласовать несомнѣнной для нея грѣховности и жестокости такого чувства съ сложившимся уже у нея представленіемъ о Лаврецкомъ, какъ о человѣкѣ нравственно-чистомъ, сердечномъ и добромъ. «—Скажите, — допрашиваетъ она: — вы не огорчены? Нисколько? — «Я самъ не знаю, что я чувствую», уклончиво отвѣтилъ подсудимый. — Но вѣдь вы ее любили прежде? — «Любилъ». — Очень? — «Очень». И не огорчены ея смертью? — «Она не теперь для меня умерла», опять уклончивый отвѣтъ, послѣ котораго слѣдуетъ вердиктъ: «Это грѣшно, что вы го-

ворите... Не сердитесь на меня. Вы меня назвали своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее? А ея уже тогда, можетъ-быть, на свѣтѣ не было. Это страшно! Точно это вамъ въ наказаніе послано». Недоумѣніе Лизы отчасти разъяснено, упрекъ высказанъ, но она все еще не удовлетворена. Лаврецкій оказывается ниже ея идеала. Онъ грѣшникъ. Теперь ему слѣдуетъ не радоваться, не ликовать, а каяться и молить Бога о прощеніи. Лиза это и высказываетъ ему: за вердиктомъ слѣдуетъ епитимія. До сихъ поръ, задавая вопросы, требуя отвѣта, выражая свои упреки, Лиза сохраняетъ самообладаніе и спокойствіе духа. Она смѣло высказываетъ свои мысли и, основываясь на правахъ дружбы, исходя изъ живого сочувствія къ положенію Лаврецкаго, не боится даже затрогивать очень щекотливые пункты (напр., о будущности дочери, которую Лаврецкій не признаетъ своею). Это спокойствіе Лизы, очевидно, обусловлено тѣмъ, что она еще не влюблена въ Лаврецкаго и даже не знаетъ о томъ чувствѣ, которое она уже внушила ему. Какъ только она узнаетъ это, или, по крайней мѣрѣ, начнетъ подозрѣвать, покой ея души, ясность ея мысли будутъ нарушены. Все это-то и случилось тутъ же, въ теченіе разговора, который мы анализируемъ, когда Лаврецкій сказалъ, что онъ былъ бы, вѣроятно, болѣе огорченъ смертью жены, если бы получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше. «Двумя недѣлями?—возразила Лиза. — Да что же такое случилось въ эти двѣ недѣли?» Лаврецкій ничего не отвѣтилъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго. «Да, да, вы угадали, — подхватилъ внезапно Лаврецкій: — въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще дальше отъ меня отодвинулось». Затѣмъ слѣдуетъ признаніе Лизы относительно ея чувствъ къ Паншину и горячія рѣчи Лаврецкаго, убѣждающаго Лизу не выходить замужъ безъ любви, въ особенности, за Паншина, который недостоинъ ея.

Вотъ тутъ-то Лиза догадывается, что она помимо воли зажгла въ Лаврецкомъ чувство болѣе страстное, чѣмъ дружба. Это открытіе дѣйствуетъ на нее потрясающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что и въ себѣ она сознаетъ возможность возникновенія такого же чувства къ Лаврецкому. Въ перспективѣ ей открывается неизбѣжность роковой коллизіи между влеченіемъ сердца и ея религіозными убѣжденіями. И вотъ почему на слова Лаврецкаго «не правда ли, вы обѣщаете мнѣ не спѣшить (замужествомъ), «—она ни слова не вымолвила — не оттого, что она рѣшилась «спѣшить», но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе».

Этимъ заканчивается глава XXIX, представляющая собою, какъ видно изъ вышесказаннаго, поворотный пунктъ въ развитіи романа и въ особенности въ душевной исторіи Лизы. «Дворянское гнѣздо», можно сказать, дѣлится на двѣ части: первая, изображающая Лизу въ состояніи душевной ясности и уравновѣшенности, заканчивается главой XXIX, и отъ нея начинается вторая часть, рисующая полную глубокаго трагизма коллизію въ душѣ Лизы, когда ея внутренній міръ былъ нарушенъ *любовью*, и тѣмъ громче, чѣмъ настойчивѣе заговорили *ея* религіозныя и нравственныя стремленія.

Постепенное развитіе коллизіи очерчено намеками, — въ главѣ XXX бѣглымъ, какъ бы подавленнымъ разговоромъ (у фортепіано), въ главѣ XXXI — сценою въ церкви, гдѣ, между прочимъ, видно, что Лаврецкій отчасти подчинился религіозному вліянію Лизы: «коснись же меня, коснись моей души. Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ покоя, своей — прощенія»... — Намеки главы XXXI заключены въ слѣдующемъ разговорѣ: «Вы прочли эту книгу?» спрашиваетъ Лаврецкій. — Нѣтъ, мнѣ теперь не до книгъ, — отвѣчала она и хотѣла уйти. «Постойте на минуту; я съ вами давно не былъ наединѣ. Вы словно боитесь меня».—Да.—«Отчего же, помилуйте?»—Не знаю...—«Скажите, вы еще не рѣшились?»—Что вы хотите сказать? — промолвила она, не поднимая глазъ. — «Вы понимаете меня». Лиза вдругъ вспыхнула. — Не спрашивайте меня ни о чемъ, — произнесла она съ живостью: — я ничего не знаю, *я сама себя не знаю*... И она тотчасъ же удалилась».

Въ сценѣ у Калитиныхъ, послѣ молебствія (конецъ той же главы), «Лаврецкій подсѣлъ было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; *какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее*... Онъ чувствовалъ: что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ».

Таковы симптомы глухой борьбы, происходившей въ душѣ Лизы. Она уже знала, что *онъ* ее любитъ, и считала это несчастьемъ и грѣхомъ; она уже начинала сознавать и въ себѣ зарожденіе любви къ *нему*, и это чувство казалось ей чѣмъ-то въ родѣ паденія, преступленія, святотатственнаго нарушенія завѣтовъ религіи и нравственности. Но въ то же время она не могла не знать, что это чувство по-своему чисто и свято, что въ немъ нѣтъ ничего грязнаго, ничего грѣховнаго. Манящая прелесть зарождающагося чувства, чарующая поэзія первой любви уже овладѣвали душою Лизы, — и не знала она, какъ сладить съ этимъ обаяніемъ, какъ вырвать это чувство, — да и въ самомъ ли дѣлѣ такъ уже необходимо вырвать его?

А что, если оно ниспослано свыше? Но для чего: для искушенія, для испытанія или для счастья, для радостей земныхъ? Какъ рѣшить этотъ вопросъ, гдѣ найти отвѣтъ? Для Лизы ясно: нужно обратиться къ Богу, нужно молиться Ему: Онъ укажетъ. — Она любила и молилась. Любовь, осложненная молитвою, — это совсѣмъ особая любовь, къ которой способны только такія натуры, какъ Лиза, — любовь, въ которой замѣшано третье лицо — Божество. Это лицо — не равнодушный зритель, не холодный созерцатель. Оно принимаетъ живое участіе въ душевной коллизіи героини и можетъ позволить и воспретить, поощрить и покарать. Оно позволило въ главѣ XXXII Лаврецкому разбить Паншина въ словесномъ турнирѣ «по всѣмъ пунктамъ» и дало Лизѣ почувствовать, что «оба они (Лиза и Лаврецкій) и любятъ и не любятъ одно и то же» (гл. XXXIV).

По окончаніи турнира, они, «словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Маѳы Тимоѳеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ, — и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе»... Глава XXXIII оканчивается «картиною»: «Все затихло въ комнатѣ, слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей... да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая пѣсня соловья».

Затѣмъ идетъ удивительное, въ поэтическомъ отношеніи, изображеніе — въ главѣ XXXIV — опоѳеоза любви Лаврецкаго и Лизы. «Они сидѣли возлѣ Маѳы Тимоѳеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой (въ карты)... а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропадало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгою лѣта, и теплomъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ и радовался; *но слово не выразитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же останется оно и для всѣхъ тайной.* Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и процвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли». Для надлежащей оцѣнки художественнаго образа Лизы, необходимо вникнуть въ настоящій смыслъ этихъ строкъ.

Эти поэтическія строки отнюдь не должны быть разсматриваемы, какъ одна изъ столь обычныхъ въ изящной литературѣ стилистическихъ прикрасъ въ описаніяхъ любви, — какъ родъ общаго мѣста, которое легко могло бы быть перенесено изъ одного романа въ другой и вездѣ было бы кстати.

Сущность разбираемой мысли Тургенева сводится къ указанію на таинственность, на мистичность зарожденія любви въ душѣ Лизы. Дѣло идетъ спеціально о Лизѣ, какъ художественномъ типѣ, т.-е. во-первыхъ, объ индивидуальной Лизѣ, героинѣ «Дворянскаго гнѣзда», и, во-вторыхъ, обо всѣхъ тѣхъ женскихъ натурахъ, которыя ей сродни, которыхъ обобщеніемъ или представителемъ служитъ образъ, созданный Тургеневымъ. Не всякая любовь, женская или мужская, таинственна, не всегда ея зарожденіе мистично. Душевное состояніе, его выражающее, зачастую можетъ быть съ большею или меньшею точностью опредѣлено и выражено словами и художественными образами. Вотъ, напр., соотвѣтственное душевное состояніе Лаврецкаго вполнѣ опредѣлимо. Но не таково зарожденіе любви у Лизы: у нея оно, дѣйствительно, загадочно,—первые всходы ея чувства такъ своеобразны и такъ глубоко скрыты въ тончайшихъ извилинахъ ея чистой и высокой души, что этотъ процессъ, въ ней происходящій, остается тайной для нея самой, и слово человѣческое, даже слово великаго художника, не найдетъ для него другого опредѣленія, кромѣ отрицательнаго «агностическаго». Такова мысль Тургенева.

Посмотримъ, справедлива ли она?

Вообще говоря, любовь, т.-е. состояніе влюбленности, не принадлежитъ къ числу наболѣе загадочныхъ или таинственныхъ явленій психики. Она представляется мистичною развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мистично все на свѣтѣ: и матерія, и сила, и законы природы, и міръ психическій, и весь космосъ. Но, оставляя въ сторонѣ эту общую всему сущему мистичность, мы скажемъ, что въ сферѣ психической есть рядъ явленій, во многихъ отношеніяхъ несравненно болѣе таинственный, чѣмъ любовь. Это именно — явленіе отвлеченной мысли, загадочность которой обусловлена, между прочимъ, тѣмъ, что она — высшее, послѣднее въ эволюціонной цѣпи проявленіе психики, уже очень далеко отошедшее отъ тѣхъ простѣйшихъ душевныхъ явленій, изъ которыхъ оно развилось. Вотъ именно эта удаленность, вмѣстѣ съ трудностью, иногда невозможностью уловить посредствующія звенья, и придаетъ явленію отпечатокъ относительной «мистичности». Самый процессъ зарожденія мысли, возникновенія понятій, созданія идей по своей сложности, быстротѣ и кажущейся самопроизвольности, наконецъ, по своей сокровенности и недоступности для изслѣдованія,—этотъ процессъ, дѣйствительно, исполненъ глубокой тайны, и къ нему-то скорѣе, чѣмъ къ любви, можно примѣнить тургеневскую метафору: «никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и процвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли».

Наконецъ, значительная доля мыслительныхъ процессовъ скрывается въ сферѣ безсознательной: она «остается тайною» для самого субъекта, и поэтому — «слово не выразитъ того, что происходитъ» въ немъ.

Иное дѣло — любовь. Правда, и она уже далеко отошла отъ своего первоисточника (полового влеченія), но все-таки этотъ послѣдній живъ и такъ или иначе сказывается. Самая возможность возникновенія любви только между мужчиной и женщиной (оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя изъятія патологическаго характера, продукты особаго психоза, а также извращенія) указываетъ намъ на генезисъ этого чувства. Оно есть перерожденное, облагороженное, идеализированное половое влеченіе. По способу своего выраженія, по симптомамъ своимъ оно весьма доступно наблюденію и болѣе или менѣе точному діагнозу. Самому субъекту оно открывается съ не меньшей ясностью, чѣмъ другія чувства.

Исходя изъ этихъ соображеній, можно было бы утверждать, что разсматриваемая мысль Тургенева едва ли подлежитъ оправданію, что она представляетъ собой родъ утрировки. Если вообще любовь не такъ ужъ мистична, то почему любовь Лизы должна быть исключеніемъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ, что происходило въ душѣ Лизы, такъ-таки и оставалось тайной для нея самой? Развѣ такъ ужъ трудно было ей догадаться, что она влюблена? Или, быть-можетъ, это чувство зарождающейся любви осложнилось у нея какими-нибудь другими душевными состояніями, и весь процессъ пріобрѣлъ характеръ особливой сложности и запутанности, такъ что въ самомъ дѣлѣ она не въ состояніи была въ немъ разобраться и дать себѣ отчетъ?

А вотъ посмотримъ.

Послѣ той внутренней борьбы, которую пережила Лиза, послѣ всѣхъ недоумѣній и тревогъ душевныхъ, вызванныхъ въ ней переходнымъ состояніемъ отъ дружбы къ любви, послѣ всѣхъ обуревавшихъ ее противорѣчій, — вдругъ разсѣялся туманъ, и яркій лучъ любви осѣнилъ ея невинную душу, — пришло и для нея, еще не вѣдавшей этихъ радостей, то «чудное мгновеніе», когда человѣкъ чуетъ чарующую близость счастья, когда «ничто для него не пропадаетъ». Было мрачно и противорѣчиво въ душѣ, — теперь въ ней ясно и свѣтло, и нѣтъ противорѣчій, нѣтъ недоумѣній, осуществился могучій подъемъ духа въ какую-то высшую сферу гармоніи, внутренней поэзіи:

И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Для душъ несложныхъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственности, для натуръ заурядныхъ, этотъ переходъ отъ прозы существованія къ поэзіи любви совершается легко, скользя по поверхности души, не превращаясь въ вопросъ, не становясь загадкой. Натуры болѣе глубокія, болѣе вдумчивыя сознательнѣе относятся къ этому душевному процессу, въ нихъ происходящему, и перенесенный въ сферу болѣе таинственную, чѣмъ онъ, въ сферу мысли, — онъ принимаетъ характеръ сложнаго, болѣе или менѣе загадочнаго явленія, въ которомъ онѣ стараются разобраться. Сравнительно несложный вопросъ любви превращается въ многотрудный вопросъ самосознанія. Вспомнимъ Елену, героиню «Наканунѣ», и ея дневникъ. Вообще, чѣмъ глубже натура, тѣмъ и любовь становится глубже, и ея чары кажутся загадочнѣе. Таинственность любви находится въ прямомъ отношеніи къ сложности и значительности душевныхъ задатковъ человѣка.

Въ мистической душѣ Лизы, любовь сама становится мистичной. Переходъ къ этой связанности или одержимости духа, которая называется любовью, былъ у Лизы процессомъ чрезвычайно сложнымъ. Не отъ прозы существованія перешла она къ поэзіи любви. Она и до любви знала иныя «чудныя мгновенія»: мистическіе восторги религіи, чарующую близость къ Божеству, сладость молитвы. Не прозою и прозябаніемъ была ея жизнь, — она была исполнена поэзіей религіознаго подъема духа и работою своеобразной мысли (хотя и безъ «своихъ словъ»). Отъ этой мистической и высокой поэзіи Лиза и перешла къ поэзіи любви, или, лучше сказать, у нея вторая только присоединилась къ первой. Душа Лизы стала ареною двухъ поэтическихъ процессовъ, которые сперва другъ другу противорѣчили и находились въ отношеніяхъ конфликта, а потомъ слились въ гармоническомъ созвучіи. Долго звучали властно и нераздѣльно — неземные аккорды религіозныхъ струнъ души, — какъ музыка Лемма, они «касались всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого», они «дышали безсмертною грустью и уходили умирать въ небеса». Потомъ, въ свой чередъ, рядомъ съ этой райской пѣснью зазвучали иныя дополнительные звуки, сперва робкіе, нерѣшительные, казалось, поющіе диссонансомъ. Но они росли и крѣпли, и вотъ уже громко поютъ они про любовь, про чистую радость общенія съ живою, хотя бы и грѣшною, душой человѣческой и вдругъ переходятъ въ «страстную мелодію, которая вся сіяетъ, вся томится вдохновеніемъ, счастіемъ, красотою».

Тургеневъ правъ: «слово не выразитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки». Только вдохновенная музыка Лемма могла дать образъ для этой тайны.

И эту музыкальную тайну души Лизы мы чувствуемъ вмѣстѣ съ Лаврецкимъ въ чудной сценѣ объясненія въ любви, когда тихимъ рыданіемъ она отвѣтила на страстное признаніе Лаврецкаго, и ея голова упала къ нему на плечо. Въ заключительной лаконической фразѣ, которою оканчивается глава, — «и Лиза не спала: она молилась» — слышатся послѣдніе аккорды той же душевной симфоніи.

Съ извѣстной точки зрѣнія, можно сожалѣть, что Тургеневъ не поддался весьма понятному искушенію вывести, такъ сказать, наружу эту тяжелую драму, развертывающуюся въ душѣ Лизы. Ему бы ничего не стоило — на нѣсколькихъ страницахъ подвергнуть этотъ душевный процессъ тонкому психологическому анализу, перебрать одно за другимъ всѣ терзанія Лизы, раскрыть всю глубину ея потрясенной души и затѣмъ логически вывести оттуда ея рѣшеніе постричься. Тургеневъ не сдѣлалъ этого, т.-е. не далъ намъ такого рода «объяснительной подписи» къ рисунку. Онъ намъ далъ только одинъ рисунокъ. Но съ другой точки зрѣнія, находя, что на этомъ рисункѣ душевная драма Лизы изображена удивительно мѣтко и тонко, можно, пожалуй, утверждать, что психологическій анализъ былъ бы излишней роскошью. Въ главѣ XI, гдѣ на первомъ планѣ фигурируетъ Варвара Павловна, привлекая къ себѣ все вниманіе читателя, Лиза только молчаливо присутствуетъ, но читатель отлично понимаетъ все, что происходитъ въ эту минуту въ ея душѣ. Онъ понимаетъ это не только потому, что подготовленъ къ этому всѣмъ предшествующимъ, но также, благодаря самой Варварѣ Павловнѣ. Изящная пустота и всѣ блестящія качества бездушной львицы, ярко освѣщенныя въ этой главѣ, могли ослѣпить глаза Марьѣ Дмитріевнѣ, Гедеоновскому да Паншину, но не читателю, который все время смотритъ на парижскую дѣву глазами автора и съ точки зрѣнія Лизы. Если для Паншина, захваченнаго кокетствомъ Варвары Павловны, «Лиза, та самая Лиза, которую онъ все-таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку, исчезла какъ бы въ туманѣ», то для читателя, напротивъ, она въ этой главѣ выступаетъ изъ тумана и обрисовывается тѣмъ ярче, тѣмъ симпатичнѣе и трогательнѣе, чѣмъ развязнѣе держитъ себя Варвара Павловна, чѣмъ «изящнѣе» она ломается, чѣмъ пуще кокетничаетъ и интригуетъ. Читатель ясно видитъ, что происходитъ въ душѣ Лизы при зрѣлищѣ этой игры, этого издѣвательства надъ другими. Тургеневъ, заставивъ самого читателя сдѣлать — про себя — психологическій анализъ душевнаго состоянія Лизы въ данный моментъ, имѣлъ полное право ограничиться коротенькой фразой, которою оканчивается глава и вмѣстѣ подводится итогъ анализу, сдѣланному читателемъ: «Марѳа Тимоѳеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы».

Такимъ образомъ читатель, и безъ указки автора, достаточно подготовленъ къ пониманію настоящаго смысла послѣдняго объясненія Лизы съ Лаврецкимъ въ главѣ XVII. При нѣкоторой вдумчивости не трудно представить себѣ душевное состояніе и ходъ сокровенныхъ мыслей Лизы, когда она настаиваетъ, чтобы Лаврецкій примирился съ женою, когда она говоритъ, что «счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога». Все, что накипѣло и перегорѣло въ душѣ Лизы и, наконецъ, кристаллизировалось въ одно властное и высокое стремленіе, — чувствуется въ ея послѣднихъ словахъ, сказанныхъ въ отвѣтъ на мольбу Лаврецкаго дать ему руку на прощанье. «Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ... — Нѣтъ, — промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку: — нѣтъ, Лаврецкій, не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ, — прибавила она съ усиліемъ, — но нѣтъ... нѣтъ»...

О рѣшеніи Лизы уйти въ монастырь Лаврецкій и, пожалуй, читатель въ этой сценѣ еще не догадывается, но что Лиза остановилась на какой-то мысли, что она пришла къ какому-то безповоротному опредѣленію своей судьбы, — объ этомъ читатель заключаетъ на основаніи того тона, въ которомъ ведется ею весь разговоръ. Лиза сразу же подымаетъ вопросъ *о долгѣ*. «Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ», говоритъ она. Долгъ Лаврецкаго, по ея глубокому убѣжденію, состоитъ въ томъ, чтобы примириться съ женой. И она это высказываетъ ему — не какъ просьбу или совѣтъ, а какъ требованіе, и въ ея словахъ мы опять слышимъ знакомую намъ ноту непреклонной, неумолимой религіозной убѣжденности: «Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой», категорически заявляетъ она. На вопросъ Лаврецкаго: въ чемъ же ея долгъ состоитъ? она глухо отвѣчаетъ: «про это я знаю».

Намеки на новый оборотъ ея мыслей, на то, что нѣчто важное и смѣлое созрѣло въ ея умѣ, что она выходитъ на какой-то новый путь, даны также въ сценѣ послѣдняго ея свиданія съ Лаврецкимъ въ главѣ XLIV. «Ѳедоръ Ивановичъ, — говоритъ она, — вотъ вы теперь идете возлѣ меня... А ужъ вы такъ далеко отъ меня. И не вы одни, и...» — «Договаривайте, прошу васъ! — воскликнулъ Лаврецкій: — что вы хотите сказать?» — «Вы услышите, можетъ-быть»...

Въ XLV (и послѣдней) главѣ Лиза, въ чудной и трогательной сценѣ съ Маѳой Тимоѳеевной, объявляетъ теткѣ свое рѣшеніе — посвятить себя Богу и, невзирая на отчаяніе бѣдной старушки, на ея слезы и мольбы, остается непреклонной. Читатель помнитъ, конечно, какъ приняла это извѣстіе Маѳа Тимоѳеевна, какъ она всполошилась, какъ умоляла Лизу не итти въ монастырь. Въ этомъ переполохѣ доброй и умной старушки сквозитъ натура — не только Маѳы

Тимоѳеевны, но и Лизы: ея строгая послѣдовательность, ея сильная воля, ея глубокая религіозная душа. Старушка отлично знаетъ эту черту, — оттого-то такъ и испугалась, такъ переполошилась она. «Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной».

Она осталась непреклонной потому, что иное, высшее призваніе влекло ее прочь отъ жизни, а жизнь послѣ пережитыхъ душевныхъ испытаній обезцвѣтилась въ ея глазахъ, обезцѣнилась и утратила всю заманчивость, всю прелесть своихъ искушеній. Лиза почувствовала и поняла, что, кромѣ пустоты, горечи и обиды, жизнь ничего ей не дастъ. «Счастье ко мнѣ не шло, — говоритъ она, — даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. И вотъ теперь, послѣ всего, что она испытала, послѣ того, какъ она убѣдилась въ нравственной невозможности счастья съ любимымъ человѣкомъ, ея духовныя очи широко раскрылись и увидѣли міръ, жизнь и человѣка въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ являлись они древнимъ христіанскимъ сподвижникамъ. Всѣ нити, привязывавшія ее къ жизни, вдругъ оборвались, — но тѣмъ громче заговорили религіозныя стремленія ея души, и нѣкій тайный, но властный голосъ призывалъ ее къ подвигу отреченія, къ тихому счастію религіозныхъ созерцаній, къ жизни, превращенной въ одну сплошную молитву, къ блаженству умиротвореннаго состоянія духа и покоя совѣсти.

Трудно намъ, людямъ жизни, людямъ, органически привязаннымъ къ ея текущимъ впечатлѣніямъ, вполнѣ понять душевное состояніе Лизы. Насъ жизнь манитъ, мы отдаемся ея теченію, мы не можемъ сбросить съ себя иго ея обаянія, и для насъ одной капли воображаемаго счастья достаточно, чтобы скрасить существованіе, полное самой реальной горечи и невзгодъ. Для насъ имѣетъ огромную цѣнность самый фактъ нахожденія здѣсь, среди людей, въ обычной обстановкѣ, среди текущихъ заботъ и стремленій, въ уютѣ и теплотѣ привычной прозы. Хотя эту прозу мы подчасъ и клянемъ, но мы ее любимъ, — мы срослись съ нею всѣми фибрами души, она же нисколько не мѣшаетъ намъ искать и получать и воображать, что получаемъ свою долю поэзіи жизни. Сидя въ болотѣ, можно смотрѣть на солнце и любоваться голубой далью небесъ.

И оттого-то душа Лизы — какъ бы хорошо ни изобразилъ ее художникъ — все-таки остается для насъ загадочной и даже чужой. Умомъ, пожалуй, мы постигнемъ ея глубину, но воплощенный въ ней идеалъ представляется намъ слишкомъ далекимъ, слишкомъ высокимъ; намъ кажется, что отъ него вѣетъ холодомъ отчужденности отъ всего, что мы любимъ, чѣмъ дорожимъ, чѣмъ живемъ, отъ насъ самихъ и всего нашего существованія, — и мы не чувствуемъ себя

въ силахъ согрѣть его тепломъ сердечнаго къ нему отношенія. Этимъ тепломъ мы согрѣемъ другой идеалъ — женщины, которая, удаляясь отъ жизни, могла бы сказать о себѣ:

Я на землѣ свершила все земное,
Я на землѣ любила и жила!

И, по-своему, мы правы: Лиза, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ мало жила и слишкомъ мало земного свершила на землѣ. Едва успѣвъ пожить среди насъ, не пройдя и сотой доли тѣхъ испытаній, искушеній, тревогъ и обидъ, чрезъ которыя всѣ мы проходимъ, она, послѣ первой же коллизіи, бросила насъ и ушла замаливать «свои грѣхи», которыхъ не было, и наши, которыхъ слишкомъ много, чтобы она могла ихъ замолить. Такъ ужъ мы созданы: пусть намъ покажутъ идеальное, святое гдѣ-нибудь вдали, въ небесахъ, на недосягаемой высотѣ, — мы будемъ имъ любоваться или восхищаться, мы преклонимся передъ нимъ, но останемся холодны. Но пусть оно снизойдетъ къ намъ, въ нашу грѣшную и мелкую жизнь, — и мы его полюбимъ горячо и искренно, — такъ, какъ будто бы оно, въ самомъ дѣлѣ, — наше, кровное, земное. На этомъ, между прочимъ, основана чарующая прелесть Евангелія. Христосъ среди людей, въ средѣ грѣшниковъ и грѣшницъ; Богъ-человѣкъ, обѣдающій у мытаря, прощающій блудницу, благословляющій дѣтей, — вотъ гдѣ тайна обаянія священной книги христіанства.

Овсянико-Куликовскій.

Послѣ „Грозы“ Островскаго.

«Вотъ что скажетъ народъ!» думалъ я, выходя изъ ложи въ коридоръ послѣ третьяго дѣйствія «Грозы», закончившагося искреннѣйшимъ взрывомъ общаго восторга и горячими вызовами автора.

Впечатлѣніе сильное, глубокое и, главнымъ образомъ, положительно *общее* произведено было не вторымъ дѣйствіемъ драмы, которое, хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, но все-таки можно еще притянуть къ карающему и обличительному роду литературы, а концомъ третьяго, въ которомъ рѣшительно ничего иного нѣтъ, кромѣ поэзіи народной жизни, смѣло, широко и вольно захваченной художникомъ въ одномъ изъ ея существеннѣйшихъ моментовъ, не допускающимъ не только обличенія, но даже критики и анализа: такъ этотъ моментъ схваченъ и переданъ поэтически, непосредственно. Вы знаете этотъ великолѣпный по своей смѣлой поэзіи моментъ — эту небывалую доселѣ ночь свиданія въ оврагѣ, всю дышащую близостью Волги, всю благоухающую запахомъ травъ широкихъ ея луговъ, всю звучащую вольными пѣснями, тайными рѣчами, всю полную обаянія страсти

глубокой и трагически-роковой. Это вѣдь создано такъ, какъ будто не художникъ, а цѣлый народъ создавалъ тутъ. И это-то именно было всего болѣе почувствовано въ произведеніи массою.

Для меня лично, человѣка въ народъ вѣрующаго и давно, прежде Лаврецкаго, воспитавшаго въ себѣ смиреніе передъ народной правдой, пониманіе и чувство народа составляютъ высшій критеріумъ, допускающій надъ собой повѣрку только послѣднимъ, самымъ общимъ критеріумомъ христіанства. Не народъ существуетъ для словесности, а словесность (въ самомъ обширномъ смыслѣ, т.-е. какъ все многообразное проявленіе жизни въ словѣ) для народа, — и не словесностью создается народъ, а народомъ словесность. Искусство существуетъ для души человѣческой и выражаетъ ея вѣчную сущность въ свободномъ творчествѣ образовъ, и по этому самому оно независимо. Художество, какъ дѣло синтетическое, дѣло того, что называется вдохновеніемъ, захватываетъ жизнь гораздо шире всякой теоріи. Такъ послѣднее произведеніе Островскаго оставило позади всѣ теоріи, повидимому, столь побѣдоносно и поистинѣ блистательно высказанныя замѣчательно даровитымъ публицистомъ въ статьяхъ о «Темномъ царствѣ». Статьи эти надѣлали много шума, да и дѣйствительно, одна сторона жизни, отражаемой произведеніями Островскаго, захвачена въ нихъ такъ мѣтко, казнена съ такою безпощадною послѣдовательностью, заклеймлена такимъ вѣрнымъ и типическимъ словомъ, что Островскій явился передъ публикой совершенно неожиданно обличителемъ и карателемъ самодурства. Оно вѣдь и такъ. Изображая жизнь, въ которой самодурство играетъ такую важную, трагическую въ принципѣ своемъ и послѣдствіяхъ, и комическую въ своихъ проявленіяхъ, роль, Островскій не относится же къ самодурству съ любовью и нѣжностью. Прекрасно! Слово Островскаго — обличеніе самодурства нашей жизни. Въ этомъ его значеніе, его заслуга какъ художника; въ этомъ сила его, сила его дѣйствія на массу, на эту послѣднюю для него, какъ для драматурга, инстанцію.

Да точно ли въ этомъ?

Остроумный авторъ статей «Темное царство» положительно отказываетъ въ своемъ сочувствіи Большову, даже и въ трагическую минуту жизни. Откажетъ ли ему въ сожалѣніи и извѣстномъ сочувствіи масса? Островскій прежде всего драматургъ: вѣдь онъ создастъ свои типы не для г. —бова, автора статей о «Темномъ царствѣ», не для васъ, не для меня, а для массы, для которой онъ, какъ поэтъ ея, поэтъ народный, есть и учитель, но учитель съ тѣхъ высшихъ точекъ зрѣнія, которыя доступны ей, массѣ, а не вамъ, не мнѣ, съ точекъ зрѣнія ею, массой, понимаемыхъ, ею раздѣляемыхъ. Поэтъ — учитель народа только тогда, когда онъ судитъ и рядитъ

жизнь во имя идеаловъ — жизни самой присущихъ, а не имъ, поэтомъ, сочиненныхъ. Массой я зову, чувствомъ массы, то, что въ извѣстную минуту сказывается невольнымъ, общимъ настроеніемъ, вопреки частному и личному, сознательному или безсознательному въ васъ, во мнѣ, даже въ г. — бовѣ, наравнѣ съ купцомъ изъ Апраксина двора. Это что-то, сказывающееся въ насъ какъ нѣчто физіологическое, простое, неразложимое, мы можемъ подавлять въ себѣ развѣ только фанатизмомъ теоріи.

...Пониманіе объ искусствѣ, для искусства, является въ эпохи упадка, въ эпохи разъединенія сознанія немногихъ лицъ, утонченнаго чувства диллетантовъ съ народнымъ сознаніемъ, съ чувствомъ массъ. Истинное искусство было и будетъ всегда народное, демократическое, въ философскомъ смыслѣ этого слова. Искусство воплощаетъ въ образы, въ идеалы сознаніе массы. Поэты суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ истинъ, великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ, организмовъ во времени, и народовъ — организмовъ въ пространствѣ. Но изъ этой же самой народной, демократической сущности истиннаго искусства слѣдуетъ, что теоріи не могутъ обнять всего живого смысла поэтическихъ произведеній. *Теоріи, какъ итоги, выведенные изъ прошедшаго разсудкомъ*, правы всегда только въ отношеніи къ прошедшему, на которое онѣ, какъ на жизнь, опираются, а прошедшее есть всегда только трупъ. Теорія вывела изъ извѣстныхъ данныхъ извѣстные законы и хочетъ заставить насильственно жить всѣ послѣдующія раскрывающіяся данныя по этимъ логически-правильнымъ законамъ. Кого любить? Кому вѣрить? Жизнь любить — и въ жизнь одну вѣрить, подслушивать біенія ея пульса въ массахъ, внимать голосамъ ея въ созданіяхъ искусства, и религіозно радоваться, когда она приподнимаетъ свои покровы, разоблачаетъ свои новыя тайны и разрушаетъ наши старыя теоріи. Это — одно, что осталось намъ, это именно и есть «смиреніе передъ народною правдою», которымъ такъ силенъ разбитый Лаврецкій.

Иначе, безъ смиренія передъ жизнью, мы станемъ непризванными учителями жизни, непрошенными печальниками народнаго благоденствія, а главное, будемъ поставляемы въ постоянно ложныя положенія передъ жизнью.

Явился, наконецъ, остроумный человѣкъ, который втиснулъ органическую, живую дѣятельность Островскаго въ такія рамки, что стало возможно помирить сочувствіе къ ней съ сочувствіемъ къ интересамъ и теоріямъ минуты. Совершилось на глазахъ читателей одно изъ удивительнѣйшихъ превращеній. Драматургъ, котораго обвиняли во множествѣ недостатковъ, которому отказывали даже въ талантѣ, пре-

вратился изъ народнаго драматурга въ чистаго сатирика, обличителя самодурства, но зато положительно былъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій. Всѣ вины взвалены были на «Темное царство», сатирикъ же явился рѣшительно безупречнымъ. Что за нужда, что вы урѣзываете въ писателѣ его самыя новыя, существенныя свойства, пропускаете положительныя, поэтическія стороны; что нужды, что вы заставляете художника итти въ его творчествѣ не отъ типовъ и ихъ отношеній, а отъ вопросовъ общественныхъ и юридическихъ! Гоголь изобличилъ нашу на показъ выставляемую офиціальную дѣйствительность; Островскій подымаетъ покровы съ нашей таинственной, внутренней бытовой жизни, показываетъ главную причину, на которой основана ея многосложная машина — самодурство; самъ даетъ даже это слово для опредѣленія своего безцѣннаго Кита Китыча... Что же?

Ужель загадку разрѣшили,
Ужели слово найдено?

То слово, которое непремѣнно несетъ съ собою и въ себѣ Островскій, какъ всякій истинно-замѣчательный, истинно-народный писатель?

Для выраженія смысла всѣхъ этихъ, изображаемыхъ художникомъ съ глубиною и сочувствіемъ странныхъ, затерявшихся гдѣ-то и когда-то, жизненныхъ отношеній, слово самодурство слишкомъ узко, и имя сатирика, обличителя, писателя отрицательнаго, весьма мало идетъ къ поэту, который играетъ на всѣхъ тонахъ, на всѣхъ ладахъ народной жизни, который создаетъ энергическую натуру Нади, страстно-трагическую задачу личности Катерины, высокое лицо Куличина, Грушу, отъ которой такъ и пышетъ жизнью и способностью жить съ женскимъ достоинствомъ, старика Агаѳона съ его безграничною, какой-то пантеистической, даже на тварь простирающейся, любовью.

Имя для этого писателя, для такого большого, несмотря на его недостатки, писателя — не сатирикъ, а народный поэтъ. Слово для разгадки его дѣятельности не «самодурство», а «народность». Только это слово можетъ быть ключомъ къ пониманію его произведеній.

Сочиненія Островскаго.

Съ какой стороны ни станемъ мы глядѣть на дѣятельность Островскаго, мы должны будемъ признать ее самою блистательною, самой завидною дѣятельностью въ современной намъ русской литературѣ. Островскій, одинъ изъ всѣхъ нынѣ живущихъ литераторовъ, подарилъ Россіи два произведенія, которыя, если ихъ поставить рядомъ съ сокровищами, оставшимися отъ предшествовавшаго намъ литературнаго поколѣнія, не померкнутъ и не уступятъ первенства ни зна-

менитой комедіи Грибоѣдова, ни драматическимъ трудамъ самого Гоголя. Имя Островскаго знакомо и дорого тысячамъ простыхъ людей, не читавшихъ русскихъ поэтовъ и никогда не раскрывавшихъ ни одного русскаго журнала. Надъ типами, созданными нашимъ драматургомъ, съ любовью работали первоклассные артисты, какихъ и въ Европѣ отыщется немного; лучшіе дни въ карьерѣ гг. Садовскаго и

Александръ Николаевичъ Островскій.

Мартынова неразрывно связаны съ произведеніями Островскаго. Все, что только есть чистаго, даровитаго, серьезнаго въ русской трупѣ и между любителями русскаго театра, съ сочувствіемъ разсчитываетъ на будущую дѣятельность нашего автора, и не только на будущую, но даже и на его *прошлую* дѣятельность.

Розановъ не выпадало на долю Островскаго, и пусть онъ отъ глубины души поблагодаритъ за то Аполлона. Пускай онъ горячо поблагодаритъ судьбу за весь этотъ потокъ неистовыхъ порицаній,

клокотавшихъ около его имени, за всю хулу, изрыгавшуюся на талантъ, ему ниспосланный, за всѣ эти яростные диѳирамбы, почти доходившіе до оскорбленій, за всю ослѣпленную вражду пристрастныхъ цѣнителей, не отступавшихъ ни передъ сплетней, ни передъ печатной клеветой! Пускай теперь, завоевавъ себѣ неоспоримое мѣсто въ самомъ первомъ ряду передовыхъ нашихъ дѣятелей, съ высоты, на которую сталъ онъ и черезъ первыя и черезъ послѣднія свои произведенія, онъ кинетъ спокойный взглядъ на легіонъ навсегда притихнувшихъ недруговъ и отъ сердца скажетъ спасибо имъ всѣмъ, начиная съ заблуждавшихся, но честныхъ порицателей, кончая презрѣнными фельетонными башибузуками изъ мелкаго литературнаго вассальства, бросавшимися на борьбу, кончившуюся ихъ собственнымъ неизгладимымъ позоромъ. Островскій можетъ, не краснѣя, сказать спасибо. Въ бурѣ, поднятой около его имени, писатель созрѣлъ и окрѣпъ нравственно, испыталъ самъ себя и, что важнѣе всего, пріучился вѣрить самому себѣ, въ самомъ себѣ искать опоры и твердости. Благодаря враждѣ и обвиненіямъ, талантъ не пошелъ навстрѣчу партіямъ, но сумѣлъ выждать той минуты, когда всѣ партіи пришли къ таланту.

Давно уже принято, разбирая сценическія произведенія, обращать особенное вниманіе на три пункта, т.-е. на *постройку*, *лица и языкъ пьесы*, подлежащей оцѣнкѣ. Манера эта нѣсколько рутинна, но она имѣетъ свою выгоду, особенно въ журнальной статьѣ, гдѣ рецензенту, по необходимости, слѣдуетъ сдерживать свой трудъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и всѣми средствами сокращать свою работу. Этой манеры намѣрены мы и теперь держаться. Комедія «Свои люди—сочтемся», удовлетворяетъ самымъ строжайшимъ требованіямъ во всѣхъ трехъ отношеніяхъ; но главная и несравненная ея красота заключается въ ея постройкѣ. Съ этой точки зрѣнія ей уступаютъ и «Ревизоръ», котораго интрига не нова и отчасти грѣшитъ противу правдоподобія, и «Горе отъ ума», гдѣ она раздроблена и не довольно энергична. Интрига комедіи Островскаго — совершенство по замыслу и по блеску исполненія. Она истинна, проста, всѣми сторонами соприкасается дѣйствительной жизни, безъ усилія принимаетъ въ себя нѣсколько комическихъ и характерныхъ эпизодовъ, обнимаетъ собою значительнѣйшіе моменты въ бытѣ русскаго торговаго класса, ни на одинъ мигъ не замедляется въ своемъ теченіи, вполнѣ захватываетъ собой вниманіе читателя, и, наконецъ, на послѣднихъ страницахъ произведенія, какъ громовымъ ударомъ, разражается катастрофой, въ которой не знаешь чему болѣе удивляться: потрясающему ли драматизму положеній или простотѣ средствъ, какими этотъ драматизмъ достигнутъ? Оттого вся драма, взятая въ цѣлости, производитъ

впечатлѣніе, какое только могутъ производить первоклассныя произведенія.

Неразрывно съ совершенствомъ постройки идетъ совершенство въ созданіи дѣйствующихъ лицъ, и связь эта совершенно понятна: ошибись авторъ хотя въ одномъ изъ персонажей, увлекись онъ преувеличеніемъ комизма, или ослабѣй онъ при созданіи подробностей, — частная ошибка отразилась бы на цѣломъ и, какъ темное пятно, легло бы на всю интригу. Лица комедіи живы, объективно художественны, вѣрны дѣйствительности и сферѣ, въ которой они дѣйствуютъ. Въ отношеніи типическомъ, отчасти отъ нѣкоторой исключительности самой сферы, но еще болѣе отъ склада авторскаго таланта, они стоятъ ниже лицъ грибоѣдовскихъ и гоголевскихъ. Какъ ни новы и ни правдивы Подхалюзинъ, Большовъ и Ризположенскій, ихъ нельзя равнять съ Хлестаковымъ, Скалозубомъ, Молчалинымъ, Подколесинымъ. Діапазонъ нашихъ умершихъ драматурговъ шире, ихъ лица болѣе общія и, слѣдовательно, болѣе типичны.

Переходя къ послѣднему пункту разбора, то-есть къ языку комедіи, мы, при всей нашей неохотѣ къ восторженнымъ отзывамъ, не можемъ начать дѣло спокойной рѣчью. Языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица комедіи Островскаго, не уступаетъ языку Гоголя и Грибоѣдова. Съ языкомъ нашихъ новыхъ писателей (кромѣ двухъ или трехъ) мы и равнять его не станемъ. Мы очень знаемъ, что у писателя, подобно Островскому, мужикъ не заговоритъ рѣчью купца, купецъ — рѣчью чиновника, а чиновникъ — рѣчью дьячка, недавно покинувшаго семинарію. Не за такія будничныя заслуги мы отдаемъ дань похвалы нашему автору, а подъ словомъ языкъ Островскаго не понимаемъ мы простую гладкость или вѣрность діалоговъ. Языкъ, на какомъ говорятъ дѣйствующія лица комедіи «Свои люди—сочтемся», есть сила и несомнѣнная принадлежность первокласснаго писателя, вѣковой штемпель, который онъ кладетъ на свои произведенія, — квинтъ-эссенція его могущественнаго таланта. О такомъ языкѣ стоитъ говорить и думать не однимъ защитникамъ *чистоты русскаго слога*. Это колоритъ живописца: попробуйте поговорить о Мурильо и Рембрандтѣ, не касаясь ихъ колорита! Этотъ языкъ не тѣмъ удивителенъ, что исполненъ мѣткихъ выходокъ и выраженій, успѣвшихъ сдѣлаться поговорками, онъ удивителенъ тѣмъ, что въ немъ каждое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ и ни подъ какимъ видомъ, ни въ какомъ случаѣ *не можетъ быть замѣнено другимъ словомъ*.

Языкъ господина Островскаго не только мѣтокъ, вѣренъ, энергиченъ, поражаетъ комическими особенностями—всѣхъ этихъ достоинствъ недостаточно, чтобы поставить его на ряду съ языкомъ Гоголя и Грибоѣдова. Автору комедіи «Свои люди — сочтемся» съ перваго раза

далась высшая наука. Его дѣйствующія лица говорятъ такъ, что каждою своею фразою высказываютъ себя самихъ, весь свой характеръ, все свое воспитаніе, все свое прошлое и настоящее. Языкъ, доведенный до такой художественной степени, есть сильное орудіе въ рукахъ писателя, онъ дается только писателямъ образцовымъ, первоклассным. Пусть всякій образованный человѣкъ спроситъ самъ себя, что именно заставляетъ его съ наслажденіемъ перечитывать «Женитьбу» Гоголя, или, раскрывъ наудачу «Горе отъ ума», не отрываться отъ книги до самаго двустишія:

Ахъ, Боже мой! что будетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣевна!

Неужели причиной этого безпрестаннаго перечитыванія однихъ и тѣхъ же произведеній — ихъ драматическая постройка или интересныя столкновенія между дѣйствующими лицами? Ничуть, — тутъ дѣло въ прелести языка, благодаря которому рядъ живыхъ лицъ выходитъ передъ нами, и не только выходитъ затѣмъ, чтобъ дѣйствовать въ драмѣ, но чтобы проявиться передъ нами во всѣхъ сторонахъ своего существа. Благодаря художественному языку художественнаго произведенія, оно никогда ни старѣется и не пресыщаетъ читателя: чѣмъ здѣсь внимательнѣе изученіе, тѣмъ обширнѣе горизонты при немъ открывающіеся. Когда вещь сильно задумана и сильно высказана — въ ея языкѣ является своего рода магія, не подлежащая холодному анализу.

«Бѣдная невѣста» принадлежитъ такъ же, какъ и «Свои люди — сочтемся», къ числу первоклассныхъ и образцовыхъ явленій въ русской словесности. Новая комедія была не такъ сценична, какъ первая; предметъ ея не приходился по плечу каждому читателю, но она имѣла высокое литературное значеніе и должна была навсегда сдѣлаться любимой пьесой для людей съ развитымъ вкусомъ. Мы знаемъ не одного безпристрастнаго знатока, предпочитающаго вторую комедію Островскаго первой, — и сами отчасти раздѣляемъ это мнѣніе. Одна подаритъ намъ минуты наслажденія на театральныхъ подмосткахъ, другая очаруетъ и увлечетъ читателя въ тиши кабинета. Одна поразитъ мастерствомъ хода и леденящею силою катастрофы, другая наведетъ на глубокіе вопросы жизни и заставитъ сердце наше облиться кровью. Одна удовлетворитъ всякую театральную публику, при исполненіи отчетливомъ, но самомъ обыкновенномъ, другая можетъ быть понята массою лишь тогда, когда для главной роли отыщется геніальная артистка со всѣмъ обаяніемъ молодости, красоты и душевнаго благородства. Несмотря на то, что красоты «Бѣдной невѣсты» менѣе доступны массѣ, нежели красоты комедіи «Свои люди — сочтемся», ея содержаніе ближе къ общей жизни, ея лица типичнѣе.

Въ созданіи дѣйствующихъ лицъ, какъ типовъ, видѣнъ успѣхъ автора и несомнѣнное движеніе впередъ. Для многихъ читателей семейство Большова съ его обстановкой — гости, любопытныя явленія, лица разнаго ему круга: но въ «Бѣдной невѣстѣ» почти всѣ персонажи — всѣмъ намъ сестры и братья. Частицъ нашего собственнаго я, о которыхъ мы говорили выше, въ нихъ гораздо болѣе. Въ Аннѣ Петровнѣ, бѣдной чиновницѣ, можетъ узнать себя первѣйшая аристократка, когда-либо выдававшая дочь по расчету; тысячи изящныхъ и даже нравственно-недурныхъ молодыхъ людей отыщутъ родственныя струны въ Меричѣ и Милашинѣ; Беневоленскій живетъ и ходитъ между нами, — только не въ вицъ-мундирѣ со свѣтлыми пуговицами, но иногда въ изящнѣйшемъ фракѣ или пышномъ мундирѣ со звѣздами, иногда въ купеческомъ нарядѣ или въ синемъ кафтанѣ богатаго кулака-крестьянина. Нѣчто подобное можно сказать и о самыхъ второстепенныхъ лицахъ, о Дунѣ, о Дарьѣ, о гостяхъ и зрителяхъ на свадьбѣ — въ этомъ страшномъ и поэтическомъ пятомъ актѣ, гдѣ авторъ поднялся на небывалую высоту творчества, смѣшавъ въ одно потрясающее цѣлое самые простые элементы московской жизни: свадьбу съ угощеніемъ, слезы невѣсты, простодушное довольство людей, ее загубившихъ, горькія штуки покинутой любовницы, комическую болтовню зрителей и перебранки салонницъ между собою. Что же сказать о главномъ лицѣ комедіи, о дѣвушкѣ, вокругъ которой сплетаются всѣ нити мастерски задуманной интриги? Марья Андреевна, бѣдная невѣста чиновника Беневоленскаго, есть истинно поэтическое созданіе и по личности своей, и еще болѣе по своему значенію. Это лицо, повторяемъ мы, только тогда будетъ понято вполнѣ, когда на русской сценѣ явится геніальная артистка для выполненія роли Марьи Андреевны. Собственно какъ дѣвушка, бѣдная невѣста не имѣетъ въ себѣ ничего особенно геройскаго или обворожительнаго: это юное, счастливо-одаренное и чистое душою созданіе, какихъ въ свѣтѣ бываетъ немало. Главную прелесть получаетъ она отъ положенія, въ которое поставлена, и самое положеніе это до чрезвычайности просто, безъ него даже, до нѣкоторой степени, не обходится ни одно дѣвическое существованіе.

Стѣсненныя дѣла семейства, глупая мать, въ которой эгоизмъ, любовь, безтолковость и слезливость перепутаны въ какую-то неразрывную сѣтку, красивый и пустоголовый мальчикъ, въ первый разъ заставившій заговорить молодое сердце, женихъ-взяточникъ... во всемъ этомъ немного новаго. Новаго въ положеніи — одна глубина и правда.

Посреди азартныхъ обвиненій и потока ѣдкихъ филиппокъ Островскій велъ себя какъ нельзя лучше и разумнѣе. Онъ продолжалъ тру-

диться для той сцены, гдѣ тысячи посѣтителей награждали его полнымъ сочувствіемъ, и для того журнала, гдѣ по достоинству цѣнилось его литературное дарованіе. Отвѣчать на крики обвинителей онъ не располагалъ, слишкомъ хорошо зная ничтожество и, конечно, предвидя недолговѣчность возводимыхъ на него небывальщинъ. Но мы не сомнѣваемся въ томъ, что упреки противниковъ навели его не на одну плодотворную мысль относительно дальнѣйшей предстоящей ему дѣятельности. Самое ожесточеніе, проявившееся по поводу *положительной стороны* его послѣднихъ дѣйствующихъ лицъ, Русакова и Бородкина, должно было показать, что въ ихъ замыслѣ имѣется нѣчто важное. На посредственную идею не кинутся хулители, незначительная мысль не вызоветъ горячихъ опроверженій. Въ самомъ дѣлѣ, положительная и свѣтлая сторона простой русской жизни, до той поры почти не тронутая русскими драматическими и недраматическими писателями, предъявляла свои права на воплощеніе художественное, какъ часть обширнаго цѣлаго, какъ свѣжая и необходимая нота въ общей гармоніи. До той поры Островскій слѣдовалъ примѣру Гоголя, у котораго честный смѣхъ былъ единственнымъ честнымъ лицомъ въ комедіяхъ, но то, что составляло оригинальность и самобытность предшественника, грозило показаться рутиной у послѣдователя.

Героиня «Бѣдной невѣсты» могла назваться первымъ шагомъ къ драматической всесторонности, замыселъ Русакова и Бородкина, честныхъ русскихъ людей, былъ новой ступенью правдиваго сознанія. Но отъ сознанія до воплощенія полнаго — дорога велика и многотрудна. Если Марья Андреевна удалась — Русаковъ и Бородкинъ заставляли желать многаго въ художественномъ отношеніи. Нашъ авторъ не уклонился отъ задачи, ему представившейся, и подступилъ къ ней безъ страха. Бытъ простыхъ русскихъ людей, преимущественно людей торговыхъ, былъ ему знакомъ въ совершенствѣ и легко лавелъ его на рядъ сильныхъ соображеній. Въ русскомъ торговомъ сословіи, которое зрѣло и формировалось подъ условіями оригинальными и довольно выгодными, внѣ крѣпостного права, которое извратило нравы крестьянъ и землевладѣльцевъ, внѣ чиновничества и чужеземнаго обезьянства, которыя принесли много вреда высшимъ классамъ общества, въ этомъ русскомъ сословіи драматическій авторъ могъ искать не однихъ Большовыхъ и Подхалюзиныхъ, не однихъ злостныхъ банкротовъ и бездѣльниковъ. Сверхъ того, симпатическія и положительныя стороны русскаго купеческаго быта представляли свою завлекательную сторону для комика; лица, взятыя изъ означенной стороны, не взирая на ихъ симпатичность, были, такъ сказать, *живописнѣе* лицъ изъ высшаго общества, ихъ рѣчь могла имѣть свои комическіе оттѣнки, ихъ особенности, сложившіяся свое-

образно и далекія отъ нашихъ цивилизованныхъ привычекъ — въ самомъ свѣтломъ проявленіи могли хранить свою часть смѣшною, хотя неядовито-смѣшною. Само собою разумѣется, изученіе свѣтлыхъ сторонъ данной жизни для Островскаго не могло перейти въ розовый цвѣтъ, односторонность или идилличность. Для этого нашъ авторъ былъ слишкомъ поэтъ, т.-е. человѣкомъ по преимуществу зоркимъ. Онъ могъ иногда не доканчивать своихъ изображеній, иногда не доходить до яснаго воплощенія своихъ замысловъ (какъ, напр., въ Бородкинѣ), но до сладкой идилліи, конечно, ему нельзя было унизиться.

Новая комедія Островскаго «Бѣдность не порокъ» была его новымъ сценическимъ тріумфомъ, въ то же время сигналомъ жесточайшихъ обвиненій, какія только выпадали на долю нашему автору. Комедія эта, въ свое время служившая предметомъ такихъ сильныхъ споровъ, принадлежитъ къ числу недостаточно оцѣненныхъ даже друзьями Островскаго, даже тѣми людьми, которые въ эти десять лѣтъ ни на шагъ не отступали въ своей симпатіи къ его свѣтлому дарованію. Поэтому мы приглашаемъ всѣхъ внимательныхъ и безпристрастныхъ судей перечитать ее сызнова, на свободѣ, медленно и не увлекаясь никакими напередъ составленными воззрѣніями. Въ произведеніи этомъ они найдутъ неоспоримые недостатки постройки, слишкомъ крутую и прихотливую развязку, нѣкоторую бѣдность комическихъ положеній, но погрѣшности эти съ избыткомъ выкупятся разительными, первоклассными красотами. Мы не говоримъ уже о созданіи Любима Торцова, сдѣлавшемся a household word для всякаго, кто любитъ русскую сцену. Мы не перечисляемъ множества лицъ живыхъ и вѣрныхъ дѣйствительности. Но мы укажемъ только на поэзію, которою проникнута комедія и которая не часто встрѣчается у самого Островскаго; по крайней мѣрѣ, изо всѣхъ его произведеній, подобную поэзію находимъ мы лишь въ трехъ, кромѣ комедіи, нами названной, то-есть въ комедіи «Бѣдная невѣста», въ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется» и въ «Воспитанницѣ». Во множествѣ сценъ и подробностей разлита поэзія, нами указанная, поэзія здоровая и сильная, отъ которой Русью пахнетъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Она сказывается въ отношеніяхъ Любима Торцова къ бѣдному мальчику, его пригрѣвшему, въ раздирающемъ душу прощаніи молодыхъ любовниковъ подъ глазами плачущей матери, въ отдаленномъ уголку дома, въ миломъ и симпатическомъ лицѣ бойкой вдовы Анны Ивановны и, наконецъ, въ капитальной сценѣ всего произведенія, которая обнимаетъ собою святочный вечеръ въ домѣ Торцова, устроившійся въ отсутствіи грознаго хозяина. Святочный вечеръ въ «Бѣдности не порокъ» у насъ какъ будто передъ

глазами. До сихъ поръ, вспоминая его, словно переносишься въ дѣтскіе годы и оттого испытываешь сладкую теплоту на сердцѣ. Какъ мила и привѣтлива старушка-хозяйка, которая сама когда-то любила плясать и хорошо пѣла пѣсни, покуда суровый мужъ не полѣзъ въ бары, и старушки-гостьи, такъ весело глядящія на поющихъ дѣвушекъ, и хлопотунья Анна Ивановна, всегда веселая и покладливая, и эти дѣвушки съ подблюдными пѣснями, и коза съ медвѣдемъ, и всѣ эти чистыя радости, оттѣненныя страхомъ, что вотъ сейчасъ все кончится и наступитъ неожиданная катастрофа... Откинемте же рутинную высокомѣрность, которая гнѣздится во всѣхъ насъ, какъ бы мы просты ни были, позабудемъ то, что до сей поры въ изображеніяхъ купеческаго быта видали мы лишь грязь и безнравственность, постараемся взглянуть на участниковъ этой святочной бесѣды, какъ слѣдуетъ русскому человѣку глядѣть на хорошихъ русскихъ людей, и тогда, можетъ-быть, съ глазъ нашихъ спадетъ завѣса, скрывающая отъ насъ такую простую и такъ близкую намъ поэзію!

Очень ясно послѣ всего нами сейчасъ сказаннаго, что писателю, котораго силъ хватило на два такихъ произведенія, какъ «Свои люди — сочтемся» и «Бѣдная невѣста», положеніе художника-публициста не могло даже казаться стѣснительнымъ, а было попросту невозможнымъ положеніемъ. Чѣмъ писатель сильнѣе, тѣмъ онъ всесторонніе, а могучій талантъ Островскаго, видимо, долженъ былъ развиваться во всѣ тѣ стороны, гдѣ только жила житейская правда и житейская поэзія. Питаться однимъ, заранѣе избраннымъ и указаннымъ матеріаломъ, это дарованіе не имѣло права, не унизивъ себя, не измѣнивъ своему призванію. По непреложному и тайному закону своего дарованія, Островскій почувствовалъ поэзію въ извѣстномъ рядѣ свѣтлыхъ явленій русской жизни и, разъ ее почувствовавъ, не отступилъ отъ ея воплощенія, только что начатаго въ третьей комедіи и увѣнчавшагося успѣхомъ въ четвертой. Это было его право, скажемъ болѣе, его прямая обязанность; уклоненіе отъ нея было бы слабостью, уступкой времени, а уступка времени, необходимая и полезная въ публицистѣ,—вѣрная погибель для художника. Вмѣстѣ съ правомъ всесторонняго творчества, Островскій имѣлъ другое право, право всякаго честнаго писателя, право не быть осуждаемымъ по однимъ догадкамъ. Благонамѣреннымъ старцамъ онъ могъ смѣло сказать: «На какомъ моемъ выраженіи, на какой моей идеѣ строите вы обвиненіе касательно преднамѣреннаго пасквиля на часть русскаго общества?» благонамѣреннымъ юношамъ онъ долженъ былъ отвѣтить: «Изъ какого лица, изъ какого вывода, изъ какого драматическаго положенія въ моихъ трудахъ выводите вы заключеніе о томъ, что я поблажаю порокамъ общества или братаюсь съ его безобразными

сторонами?» — Не признать такого оправданія можно было только поправши вѣковые, незыблемые законы искусства, признавши всѣ крайности соціальной дидактики; а мы уже увидѣли, что вся масса пишущихъ и мыслящихъ людей въ современной нашей литературѣ не признала ни одной изъ сказанныхъ крайностей.

Итакъ, ретроградность Островскаго, какъ писателя, по мнѣнію его хулителей и лицъ судящихъ съ чужого голоса, заключалась въ полномъ уклоненіи нашего автора отъ порядковъ протеста, совершаемаго литературою противъ общественныхъ пороковъ и противъ гнета, тяготѣющаго надъ литературою. Оставляя исключительно отрицательную сферу современной русской жизни, даровитый писатель отступалъ (по ихъ мнѣнію), отъ обще-принятаго воззрѣнія передовыхъ литературныхъ людей на общество, ихъ окружавшее; возсоздавая свѣтлыя и симпатическія стороны того же общества, онъ какъ бы кидалъ перчатку въ лицо дѣятелей, не желавшихъ и не считавшихъ за полезное дѣло видѣть эти стороны. Отсюда антагонизмъ съ общимъ тономъ литературной рѣчи, отсюда и весь путь, на которомъ нечего было ожидать, кромѣ отсталости и вѣчнаго разъединенія съ понятіями людей прогресса. Вотъ весь корень разлада, который могъ бы быть легко вырванъ, если бъ лица, глубоко цѣнящія и понимающія автора «Бѣдной невѣсты», во-время возвысили свой голосъ, разъяснили дѣло, съ ясностью указали на роль художника въ текущей литературѣ съ его неизбѣжными обязанностями и значеніемъ. Но отъ непонятнаго ли презрѣнія къ неистовой полемикѣ, отъ нежеланія ли навлечь на себя потоки непристойной брани, лучшіе наши цѣнители произведеній искусства медлили этимъ дѣломъ. Медленность ихъ, конечно, была вредна, но этотъ вредъ, по счастью, сгладился силой обстоятельствъ. Новыя идеи носились въ воздухѣ, новые таланты прибывали. Фетъ, гр. Толстой, Писемскій, Гончаровъ видимо не поддавались прежней стѣснительной рамкѣ для художниковъ. Тургеневъ, медлившій долѣе всѣхъ, поворачивалъ на другую дорогу, къ великому счастью, не успѣвши растратить свои силы въ произведеніяхъ, несовмѣстимыхъ съ натурой его таланта. Озлобленіе, возбужденное Островскимъ, достигло послѣднихъ крайностей, — и вдругъ упало. Серьезные обвинители незамѣтно умолкли, и быстро настала та оригинальная, въ высшей степени любопытная минута, въ которую цѣлая масса гонителей какого бы то ни было истиннаго дарованія, посреди гвалта и крика, вдругъ уразумѣваетъ свое безсиліе и останавливается какъ пораженная громомъ. «Не такъ живи, какъ хочется» — одно изъ самыхъ поэтическихъ созданій Островскаго, — отзывъ этотъ основанъ на внимательномъ изученіи и представляетъ собой твердое убѣжденіе наше. Авторъ говоритъ намъ, что содержаніе драмы взято изъ на-

родныхъ разсказовъ, и онъ можетъ прибавить: изъ разсказовъ самыхъ общественныхъ, самыхъ выразительныхъ по своей поэзіи. Здѣсь надо оживить всю поэзію преданія въ его самобытности, съ его народными особенностями. Страхомъ и сказочной величавостью вѣетъ отъ всей интриги, отъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кажущихся такими простыми, такими вседневными лицами. Съ новыхъ сценъ перваго дѣйствія уже проявляется вся энергическая прелесть замысла, и въ каждомъ лицѣ кроется та поэтическая легендарная величавость, которая такъ часто уживается со всей простотой быта. Петръ, главное лицо всего произведенія, самъ истинно-русскій, сильный человѣкъ, равно способный на подвиги добра и на отчаянныя преступленія, не знающій границъ въ разгулѣ и заблужденіяхъ, но точно также не знающій границъ въ проявленіяхъ огненнаго раскаянія. Съ той минуты, когда пробуждается въ немъ Божій страхъ, и онъ видитъ пропасть, онъ порывисто и навсегда сбрасываетъ съ себя все прошлое. При бурной своей натурѣ онъ все-таки не далекъ отъ своего отца, благодушнаго и благочестиваго старика. Душа Петра не изъ тѣхъ душъ, которыя духи тьмы оставляютъ (въ покоѣ) безъ боя, за нее борьба идетъ до конца, и врагъ человѣка бросаетъ ее лишь на краю пропасти, подъ неотразимой силой искренней молитвы и крестнаго знаменія. Послѣдній монологъ Петра поразитъ зрителей, если будетъ сказанъ не только съ великой энергіей, но и со всѣми порывами раскаянія, какіе должны непремѣнно произойти въ этой натурѣ удалого русскаго человѣка, натурѣ христіанской и восторженно-религіозной, наперекоръ всей юной удали.

Изъ женскихъ лицъ драмы лицо Даши не остановитъ насъ долго. Это типъ уже намъ знакомый и давно любимый нашимъ авторомъ, типъ преданной, кроткой и *воркующей* женщины. Зато Груша, дочь старухи Спиридоновны и Петрова зазноба — верхъ художественнаго совершенства и плѣнительнѣйшее женское созданіе изо всѣхъ женщинъ нашего автора. Мы отдавали должную дань похвалы Марьѣ Андреевнѣ въ «Бѣдной невѣстѣ», не безъ оговорки, однако, что это лицо получаетъ свою главнѣйшую прелесть отъ положенія, въ которое поставлено и, пожалуй, отъ важныхъ помысловъ, на какіе оно наводитъ. Въ лицѣ Груши творчество автора является болѣе непринужденнымъ, болѣе непосредственнымъ. Это — живая дѣвушка, русская въ малѣйшемъ своемъ словѣ, русская въ каждомъ своемъ движеніи, — съ одной стороны, художественно оконченная до того, что, кажется, мы ее сейчасъ только видѣли своими глазами, — съ другой, поэтическая такъ, что въ ней одной сосредоточиваются плѣнительныя стороны русской дѣвушки всѣхъ лучшихъ нашихъ сказокъ и пѣсенъ: простота, бойкость, сила физическая и душевная, горяч-

ность, ласковость, веселость, наконецъ, какая-то особенная удалая грація неиспорченной расы. Всѣ сцены, гдѣ только является Груша, выше всякой похвалы. Онѣ даже по достоинству своему несоразмѣрны съ другими сценами комедіи и иногда ихъ подавляютъ. Разбирая «Бѣдную невѣсту», мы говорили, что пятый актъ этой комедіи кажется намъ высочайшимъ пунктомъ, до котораго когда-нибудь достигали силы Островскаго. Равное этому пятому акту найдемъ мы въ той сценѣ третьяго дѣйствія теперь разбираемой нами драмы, въ той сценѣ, когда Груша встрѣчаетъ обманувшаго ее Петра и, по-своему, между смѣхомъ и пѣснями послѣ рюмки вина, выпитой впервой отъ роду, подавляя свои рыданія и прикрываясь масленичнымъ весельемъ— высказываетъ ему все то, что хотѣла высказать. Если бъ изученіе и разработка свѣтлыхъ явленій простой русской жизни привело Островскаго лишь къ одному созданію Груши, — не считая ничего другого, и тогда мы всѣ, цѣнители русскаго искусства, должны были бы поклониться автору въ поясъ, а не проходить въ молчаніи мимо красотъ, имъ созданныхъ, и, во всякомъ случаѣ, не подбрасывать камней на его дорогу, безъ того уже многотрудную...

Намъ остается дать отчетъ о послѣднемъ изъ большихъ произведеній Островскаго, о комедіи его «Доходное мѣсто», года три тому назадъ напечатанной въ «Русской бесѣдѣ». Что сказать объ этомъ загадочномъ, замѣчательномъ, неконченномъ и нестройномъ произведеніи — единственномъ *нестройномъ* произведеніи между всѣми трудами Островскаго. Всѣ лица новы и замѣчательны по замыслу, но изъ нихъ только одно (Юсовъ) обработано сообразно замыслу.

Въ его единственномъ, нестройно-хаотическомъ произведеніи насъ поражаетъ не мелкая частность картины, выполненная художественно, но цѣлая большая сцена, законченно выдающаяся впередъ изъ всего, что есть въ комедіи неудавшагося или недодѣланнаго. Мы говоримъ про третье дѣйствіе. Жадовъ, герой комедіи, женился по любви и уже до дна испилъ чашу лишеній, бѣдствій и безплодной борьбы. Онъ работаетъ, не покладая рукъ, и едва-едва заработываетъ хлѣбъ насущный, — онъ страстно любитъ жену, а жена по глупости сѣтуетъ на его служебную безкорыстность; онъ проникнутъ благородными убѣжденіями. Въ горькую минуту раздумья заходитъ онъ въ трактиръ, гдѣ передъ тѣмъ весело пообѣдалъ его родственникъ Бѣлогубовъ съ начальникомъ своимъ Юсовымъ и другими чиновниками. Эти люди глядятъ на Жадова безъ злобы. Бѣлогубовъ даже проситъ его выпить и предлагаетъ ему свои родственныя услуги; не стѣсняясь сумрачнымъ гостемъ, чиновники веселятся и по душѣ говорятъ между собою. Жадовъ молча слушаетъ ихъ бесѣду. Они даже добры и любезны по-своему, они совершенно безмятежны духомъ, у нихъ нѣтъ

ни малѣйшаго сомнѣнія въ чистотѣ ихъ моральнаго кодекса. Какой контрастъ съ мрачнымъ раздумьемъ честнаго труженика! Чиновники, развеселившись, упрашиваютъ Юсова поплясать подъ музыку трактирнаго органа; старикъ соглашается, не ломаясь; онъ танцуетъ отъ всей души, и друзья его въ полномъ восхищеніи. Юсовъ обращается къ Жадову съ рѣчью самообвиненія и самооправданія. Нужно ли разъяснять силу и глубокое значеніе этой сцены, нужно ли истолковывать значеніе этой непоколебимой самоувѣренной веселости безнравственныхъ членовъ общества передъ единственнымъ честнымъ зрителемъ ея, зрителемъ бѣднымъ по карману, заподозрѣннымъ по службѣ, горькимъ по семейной жизни и уже глубоко потрясеннымъ въ глубинѣ своего сознанія? Изобразить подобный контрастъ невозможно изъ одной головы своей; тутъ дѣйствуетъ сила истиннаго непосредственнаго художника, хотя, повидимому, пляска подъ машину и тирада стараго взяточника — предметы далеко не говорящіе вдохновенію. Таковъ результатъ истинно-драматическаго призванія въ писателѣ. Сцена въ трактирѣ обозначаетъ собой одну изъ высшихъ точекъ, до которыхъ когда-либо поднималось дарованіе Островскаго. Въ ней особая сила, особая глубина житейской мудрости.

Драматическая муза щедро одарила нашего автора. Она дала ему не только тотъ высокій даръ смѣха, отъ котораго блѣднѣетъ порокъ и на душѣ честнаго человѣка становится ясно, но и другой, не столько поэтическій, но почти столь же рѣдкій даръ смѣха рѣзваго и беззаботно-веселаго. Общій выводъ сдѣланъ и русской публикой и русской критикой. Самое симпатическое спокойствіе разлилось около имени, всѣмъ намъ дорогого, и теперь, при появленіи новаго труда Островскаго, никто не бросился съ яростью передъ нимъ на колѣни, но и никто не пойдетъ къ нему съ преднамѣреннымъ, непочтительнымъ порицаніемъ.

Дружининъ.

Темное царство.

Предполагая, что читателямъ извѣстно содержаніе пьесъ Островскаго и самое ихъ развитіе, мы постараемся только припомнить черты, общія всѣмъ его произведеніямъ или большей части ихъ, свести эти черты къ одному результату и по нимъ опредѣлить значеніе литературной дѣятельности этого писателя. Исполнивши это, мы только представимъ въ общемъ очеркѣ то, что и безъ насъ давно уже знакомо большинству читателей, но что у многихъ, можетъ-быть, не приведено въ надлежащую стройность и единство. При этомъ считаемъ нужнымъ предупредить, что мы не задаемъ автору никакой программы, не составляемъ для него никакихъ предварительныхъ правилъ, со-

образно съ которыми онъ долженъ задумывать и выполнять свои произведенія. Такой способъ критики мы считаемъ очень обиднымъ для писателя, талантъ котораго всѣми признанъ и за которымъ упрочена уже любовь публики и извѣстная доля значенія въ литературѣ. Критика, состоящая въ показаніи того, что *долженъ* былъ сдѣлать писатель и насколько хорошо выполнилъ онъ свою *должность*, бываетъ еще умѣстна изрѣдка, въ приложеніи къ автору начинающему, подающему нѣкоторыя надежды, но идущему рѣшительно ложнымъ путемъ и потому нуждающемуся въ указаніяхъ и совѣтахъ. Но вообще она непріятна, потому что ставитъ критика въ положеніе школьнаго педанта, собравшагося проэкзаменовать какого-нибудь мальчика. Относительно такого писателя, какъ Островскій, нельзя позволить себѣ этой схоластической критики. Каждый читатель съ полной основательностью можетъ намъ замѣтить: «Зачѣмъ вы убиваетесь надъ соображеніями о томъ, что вотъ тутъ нужно было бы то-то, а здѣсь недостаетъ того-то? Мы вовсе не хотимъ признать за вами право давать уроки Островскому; намъ вовсе не интересно знать, какъ бы, по вашему мнѣнію, слѣдовало сочинить пьесу, сочиненную имъ. Мы читаемъ и любимъ Островскаго, и отъ критики мы хотимъ, чтобы она осмыслила передъ нами то, чѣмъ мы увлекаемся часто безотчетно, чтобы она привела въ нѣкоторую систему и объяснила намъ наши собственныя впечатлѣнія. А если, уже послѣ этого объясненія, окажется, что наши впечатлѣнія ошибочны, что результаты ихъ вредны, или что мы приписываемъ автору то, чего въ немъ нѣтъ, тогда пусть критика займется разрушеніемъ нашихъ заблужденій, но опять-таки на основаніи того, что даетъ намъ самъ авторъ». Признавая такія требованія вполнѣ справедливыми, мы считаемъ за самое лучшее — примѣнить къ произведеніямъ Островскаго критику *реальную*, состоящую въ обозрѣніи того, что намъ даютъ его произведенія. Здѣсь не будетъ требованій въ родѣ того, зачѣмъ Островскій не изображаетъ характеръ такъ, какъ Шекспиръ, зачѣмъ не развиваетъ комическаго дѣйствія такъ, какъ Гоголь [1]), и т. п. Всѣ подобныя требованія, по нашему мнѣнію, столько же ненужны, безплодны и несостоятельны, какъ и требованія того, напр., чтобы Островскій былъ комикомъ страстей и давалъ намъ мольеровскихъ Тартюфовъ и Гарпагоновъ, или чтобъ онъ уподобился Аристофану и придалъ комедіи политическое значеніе. Конечно, мы не отвергаемъ того, что лучше было бы, если бы Островскій соединилъ въ себѣ Аристофана, Мольера и Шекспира; но мы знаемъ, что этого нѣтъ, что это невозможно, и все-таки признаемъ Островскаго замѣчательнымъ писателемъ

[1]) Эти замѣчанія дѣйствительно дѣлались Островскому мудрыми критиками.

въ нашей литературѣ, находя, что онъ и самъ по себѣ, какъ есть, очень недуренъ и заслуживаетъ нашего вниманія и изученія...

Точно также реальная критика не допускаетъ и навязыванья автору чужихъ мыслей. Предъ ея судомъ стоятъ лица, созданныя авторомъ, и ихъ дѣйствія; она должна сказать, какое впечатлѣніе производятъ на нее эти лица, и можетъ обвинять автора только за то, ежели впечатлѣніе это неполно, неясно, двусмысленно. Она никогда не позволитъ себѣ, напр., такого вывода: это лицо отличается привязанностью къ старинамъ предразсудкамъ; но авторъ выставилъ его добрымъ и неглупымъ, слѣдственно, авторъ желалъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ старинные предразсудки. Нѣтъ, для реальной критики здѣсь представляется прежде всего фактъ: авторъ выводитъ добраго и неглупаго человѣка, зараженнаго старинными предразсудками. Затѣмъ критика разбираетъ, возможно ли и дѣйствительно ли такое лицо; нашедши же, что оно вѣрно дѣйствительности, она переходитъ къ своимъ собственнымъ соображеніямъ о причинахъ, породившихъ его, и т. д. Если въ произведеніи разбираемаго автора эти причины указаны, критика пользуется ими и благодаритъ автора; если нѣтъ, — не пристаетъ къ нему съ ножомъ къ горлу, какъ, дескать, онъ смѣлъ вывести такое лицо, не объяснивши причинъ его существованія? Реальная критика относится къ произведенію художника точно такъ же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни: она изучаетъ ихъ, стараясь опредѣлить ихъ собственную норму, собрать ихъ существенныя, характерныя черты, но вовсе не суетясь изъ-за того, зачѣмъ это овесъ — не рожь и уголь — не алмазъ...

...Но чтобы покончить съ прежними критиками Островскаго, соберемъ теперь тѣ замѣчанія, въ которыхъ почти всѣ они были согласны и которыя могутъ заслуживать вниманія.

Во-первыхъ, всѣми признаны въ Островскомъ даръ наблюдательности и умѣнье представить вѣрную картину быта тѣхъ сословій, изъ которыхъ бралъ онъ сюжеты своихъ произведеній.

Во-вторыхъ, всѣми замѣчена (хотя и не всѣми отдана ей должная справедливость) мѣткость и вѣрность народнаго языка въ комедіяхъ Островскаго.

Въ-третьихъ, по согласію всѣхъ критиковъ, почти всѣ характеры въ пьесахъ Островскаго совершенно обыденны и не выдаются ничѣмъ особеннымъ, не возвышаются надъ пошлою средою, въ которой они поставлены. Это ставится многими въ вину автору на томъ основаніи, что такія лица, дескать, необходимо должны быть безцвѣтными. Но другіе справедливо находятъ и въ этихъ будничныхъ лицахъ очень яркія типическія черты.

Въ-четвертыхъ, всѣ согласны, что въ большей части комедій Островскаго «недостаетъ (по выраженію одного изъ восторженныхъ его хвалителей) экономіи въ планѣ и въ постройкѣ пьесы», и что вслѣдствіе того (по выраженію другого изъ его поклонниковъ) «драматическое дѣйствіе не развивается въ нихъ послѣдовательно и безпрерывно, интрига пьесы не сливается органически съ идеей пьесы и является ей какъ бы нѣсколько посторонней».

Въ-пятыхъ, всѣмъ не нравится слишкомъ крутая, *случайная*, развязка комедій Островскаго. По выраженію одного критика, въ концѣ пьесы «какъ будто смерчъ какой проносится по комнатѣ и разомъ перевертываетъ всѣ головы дѣйствующихъ лицъ»...

...Въ произведеніяхъ талантливаго художника, какъ бы они ни были разнообразны, всегда можно примѣчать нѣчто общее, характеризующее всѣ ихъ и отличающее ихъ отъ произведеній другихъ писателей. На техническомъ языкѣ искусства принято называть это *міросозерцаніемъ* художника. Но напрасно стали бы мы хлопотать о томъ, чтобы привести это міросозерцаніе въ опредѣленныя логическія построенія, выразить его въ отвлеченныхъ формулахъ. Отвлеченностей этихъ обыкновенно не бываетъ въ самомъ сознаніи художника; нерѣдко даже въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ высказываетъ понятія, разительно противоположныя тому, что выражается въ его художественной дѣятельности, понятія, принятыя имъ на вѣру или добытыя имъ посредствомъ ложныхъ, наскоро, чисто внѣшнимъ образомъ составленныхъ силлогизмовъ. Собственный же взглядъ его на міръ, служащій ключомъ къ характеристикѣ его таланта, надо искать въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ имъ. Здѣсь-то и находится существенная разница между талантомъ художника и мыслителя. Въ сущности, мыслящая сила и творческая способность—обѣ равно присущи и равно необходимы и философу, и поэту. Величіе философствующаго ума и величіе поэтическаго генія равно состоятъ въ томъ, чтобы, при взглядѣ на предметъ, тотчасъ умѣть отличить его существенныя черты отъ случайныхъ, затѣмъ правильно организовать ихъ въ своемъ сознаніи и умѣть овладѣть ими такъ, чтобы имѣть возможность свободно вызвать ихъ для всевозможныхъ комбинацій. Но разница между мыслителемъ и художникомъ та, что у послѣдняго воспріимчивость гораздо живѣе и сильнѣе. Оба они почерпаютъ свой взглядъ на міръ изъ фактовъ, успѣвшихъ дойти до ихъ сознанія. Но человѣкъ съ болѣе живой воспріимчивостью, «художническая натура», сильно поражается самымъ первымъ фактомъ извѣстнаго рода, представившимся ему въ окружающей дѣйствительности. У него еще нѣтъ теоретическихъ соображеній, которыя бы могли объяснить этотъ фактъ; но онъ видитъ, что тутъ есть что-то особенное, заслужи-

вающее вниманія, и съ жадпымъ любопытствомъ всматривается въ самый фактъ, усвоиваетъ его, носитъ его въ своей душѣ сначала какъ единичное представленіе, потомъ присоединяетъ къ нему другіе, однородные факты и образы и, наконецъ, создаетъ типъ, выражающій въ себѣ всѣ существенныя черты всѣхъ частныхъ явленій этого рода, прежде замѣченныхъ художникомъ... Такимъ образомъ, совершенно яснымъ становится *значеніе художнической дѣятельности въ ряду другихъ отправленій общественной жизни:* образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ.

Отсюда ясно, что главное достоинство писателя-художника состоитъ въ *правдѣ* его изображеній; иначе изъ нихъ будутъ ложные выводы, составятся, по ихъ милости, ложныя понятія. Но какъ понимать *правду* художественныхъ изображеній? Собственно говоря, *безусловной неправды* писатели никогда не выдумываютъ; о самыхъ нелѣпыхъ романахъ и мелодрамахъ нельзя сказать, чтобы представляемыя въ нихъ *страсти* и пошлости были безусловно ложны, т.-е. невозможны, даже какъ уродливая случайность. Но *неправда* подобныхъ романовъ и мелодрамъ именно въ томъ и состоитъ, что въ нихъ берутся случайныя, ложныя черты дѣйствительной жизни, не составляющія ея сущности, ея характерныхъ особенностей. Они представляются ложью и въ томъ отношеніи, что если по нимъ составлять теоретическія понятія, то можно прійти къ идеямъ совершенно ложнымъ... Такимъ образомъ, всякая односторонность и исключительность уже мѣшаетъ полному соблюденію правды художникомъ. Слѣдовательно, художникъ долженъ — или въ полной неприкосновенности сохранить свой простой, младенчески-непосредственный взглядъ на весь міръ, или (такъ какъ это совершенно невозможно въ жизни) спасаться отъ односторонности возможнымъ расширеніемъ своего взгляда, посредствомъ усвоенія себѣ тѣхъ общихъ понятій, которыя выработаны людьми разсуждающими. Въ этомъ можетъ выразиться связь знанія съ искусствомъ. Свободное претвореніе самыхъ высшихъ умозрѣній въ живые образы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное сознаніе высшаго, общаго смысла во всякомъ, самомъ частномъ и случайномъ фактѣ жизни,—это есть идеалъ, представляющій полное сліяніе науки и поэзіи и доселѣ никѣмъ не достигнутый. Но художникъ, руководимый правильными началами въ своихъ общихъ понятіяхъ, имѣетъ все-таки ту выгоду передъ неразвитымъ или ложно развитымъ писателемъ, что можетъ свободнѣе предаваться внушеніямъ своей художнической натуры. Его непосредственное чувство всегда вѣрно указываетъ ему на предметы; но когда его общія понятія ложны, то въ

немъ неизбѣжно начинается борьба, сомнѣнія, нерѣшительность, и если произведеніе его и не дѣлается оттого окончательно фальшивымъ, то все-таки выходитъ слабымъ, безцвѣтнымъ и нестройнымъ. Напротивъ, когда общія понятія художника правильны и вполнѣ гармонируютъ съ его натурой, тогда эта гармонія и единство отражаются и въ произведеніи. Тогда дѣйствительность отражается въ произведеніи ярче и живѣе, и оно легче можетъ привести разсуждающаго человѣка къ правильнымъ выводамъ и, слѣдовательно, имѣть болѣе значенія для жизни.

Высказавши эти бѣглыя замѣчанія, мы, прежде чѣмъ перейдемъ къ главному предмету нашей статьи, должны сдѣлать еще слѣдующую оговорку. Признавая главнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія жизненную правду его, мы тѣмъ самымъ указываемъ и мѣрку, которою опредѣляется для насъ *степень достоинства* и значенія каждаго литературнаго явленія. Судя по тому, какъ глубоко проникаетъ взглядъ писателя въ самую сущность явленій, какъ широко захватываетъ онъ въ своихъ изображеніяхъ различныя стороны жизни, можно рѣшить и то, какъ великъ его талантъ. Безъ этого всѣ толкованія будутъ напрасны. Напримѣръ, у г. Фета есть талантъ, и у г. Тютчева есть талантъ; какъ опредѣлить ихъ относительное значеніе? Безъ сомнѣнія, не иначе, какъ разсмотрѣніемъ сферы, доступной каждому изъ нихъ. Тогда и окажется, что талантъ одного способенъ во всей силѣ проявиться только въ уловленіи мимолетныхъ впечатлѣній отъ тихихъ явленій природы; а другому доступны, кромѣ того, и знойная страстность, и суровая энергія, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихійными явленіями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни. Въ показаніи всего этого и должна бы собственно заключаться оцѣнка таланта обоихъ поэтовъ. Тогда читатели и безъ всякихъ эстетическихъ (обыкновенно очень гуманныхъ) разсужденій поняли бы, какое мѣсто въ литературѣ принадлежитъ и тому, и другому поэту. Такъ мы полагаемъ поступить и съ произведеніями Островскаго. Все предыдущее изложеніе привело насъ до сихъ поръ къ признанію того, что вѣрность дѣйствительности, жизненная правда постоянно соблюдается въ произведеніяхъ Островскаго и стоятъ на первомъ планѣ, впереди всякихъ задачъ и заднихъ мыслей. Но этого еще мало: вѣдь г. Фетъ очень вѣрно выражаетъ неопредѣленныя впечатлѣнія природы и, однакожъ, отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы его стихи имѣли большое значеніе въ русской литературѣ. Для того, чтобы сказать что-нибудь опредѣленное о талантѣ Островскаго, нельзя, стало-быть, ограничиться общимъ выводомъ, что онъ вѣрно изображаетъ дѣйствительность; нужно еще показать, какъ обширна сфера, подлежащая его наблюденіямъ, до

какой степени важны тѣ стороны фактовъ, которыя его занимаютъ, и какъ глубоко проникаетъ онъ въ нихъ. Для этого-то и необходимо реальное разсмотрѣніе того, что есть въ его произведеніяхъ.

Общія соображенія, которыя въ этомъ разсмотрѣніи должны руководить насъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

Островскій умѣетъ заглядывать въ глубь души человѣка, умѣетъ отличать *натуру* отъ всѣхъ извнѣ принятыхъ уродствъ и наростовъ; оттого внѣшній гнетъ, тяжесть всей обстановки, давящей человѣка, чувствуется въ его произведеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ разсказахъ, страшно возмутительныхъ по содержанію, но внѣшнею, офиціальною стороною дѣла совершенно заслоняющихъ внутреннюю, человѣческую сторону.

Комедія Островскаго не проникаетъ въ высшіе слои нашего общества, а ограничивается только средними, и потому не можетъ дать ключа къ объясненію многихъ горькихъ явленій, въ ней изображаемыхъ. Но тѣмъ не менѣе, она можетъ наводить на многія аналогическія соображенія, относящіяся и къ тому быту, котораго прямо не касается; это оттого, что типы комедій Островскаго нерѣдко заключаютъ въ себѣ не только исключительно купеческія или чиновничьи, но и общенародныя черты.

Дѣятельность общественная мало затронута въ комедіяхъ Островскаго и, безъ сомнѣнія, потому, что сама гражданская жизнь наша, изобилующая формальностями всякаго рода, почти не представляетъ примѣровъ настоящей дѣятельности, въ которой свободно и широко могъ бы выразиться *человѣкъ*. Зато у Островскаго чрезвычайно полно и рельефно выставлены два рода отношеній, къ которымъ человѣкъ еще можетъ у насъ приложить душу свою, — отношенія *семейныя* и отношенія *по имуществу*. Немудрено поэтому, что сюжеты и самыя названія его пьесъ вертятся около семьи, жениха, невѣсты, богатства и бѣдности.

Драматическія коллизіи и катастрофы въ пьесахъ Островскаго всѣ происходятъ вслѣдствіе столкновенія двухъ партій — *старшихъ* и *младшихъ*, *богатыхъ* и *бѣдныхъ*, *своевольныхъ* и *безотвѣтныхъ*. Ясно, что развязка подобныхъ столкновеній, по самому существу дѣла, должна имѣть довольно крутой характеръ и отзываться случайностью...

...Предъ нами грустно-покорныя лица нашихъ младшихъ братій, обреченныхъ судьбою на зависимое, страдательное существованіе... Это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробового безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ за-

рожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда, на минуту, вспыхиваетъ она и обливаетъ свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго, — и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ. Они молчатъ, эти несчастные узники, они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ тяжесть, лежащую на нихъ, они не потеряли способности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносятъ ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди этого смраднаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колючею болью въ груди, каждое движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія. И неоткуда ждать имъ отрады, негдѣ искать облегченія: надъ ними буйно и безотчетно владычествуетъ безсмысленное *самодурство*, въ лицѣ разныхъ Большовыхъ, Торцовыхъ, Брусковыхъ, Уланбековыхъ и пр., не признающее никакихъ разумныхъ правъ и требованій. Только его дикіе, безобразные крики нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ пугливую суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли...

...Нѣтъ простора и свободы для живой мысли, для задушевнаго слова, для благороднаго дѣла; тяжкій самодурный запретъ наложенъ на громкую, открытую, широкую дѣятельность. Но пока живъ человѣкъ, въ немъ нельзя уничтожить стремленія жить, т.-е. проявлять себя какимъ бы то ни было образомъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Чѣмъ болѣе стремленіе это стѣсняется, тѣмъ его проявленія бываютъ уродливѣе; но совсѣмъ не быть они не могутъ, пока человѣкъ не совсѣмъ замеръ. И такова сила самодурства въ этомъ темномъ царствѣ Торцовыхъ, Брусковыхъ и Уланбековыхъ, что много людей дѣйствительно замираетъ въ немъ, теряетъ и смыслъ, и волю, и даже силу сердечнаго чувства — все, что составляетъ разумную жизнь — и въ идіотскомъ безсиліи прозябаетъ, только совершая отправленія животной жизни. Но есть и живучія натуры; тѣ глубоко внутри себя собираютъ ядъ своего недовольства, чтобы при случаѣ выпустить его, а между

тѣмъ неслышно ползутъ, подобно змѣѣ, съеживаются, извиваются и перевертываются ужомъ и жабою... Они безмолвны, неслышны, незамѣтны; они знаютъ, что всякое быстрое и размашистое движеніе отзовется нестерпимой болью на ихъ закованномъ тѣлѣ; они понимаютъ, что, рванувшись изъ своихъ желѣзъ, они не выбѣгутъ изъ тюрьмы, а только вырвутъ куски мяса изъ своего тѣла. И вотъ они принимаются за работу глухую и тихую: изгибаясь, вертясь и сжимаясь, они пробуютъ всѣ возможныя манеры — нельзя ли втихомолку высвободить руки, чтобы потомъ распилить свои цѣпи... Начинается воровское, урывчатое движеніе, съ оглядкою, чтобы кто-нибудь не подмѣтилъ его; начинается обманъ и подлость, притворство и зложелательство, ожесточеніе на все окружающее и забота только о себѣ, о достиженіи личнаго спокойствія. Тутъ нѣтъ злобно обдуманныхъ плановъ, нѣтъ сознательной рѣшимости на систематическую, подземную борьбу, нѣтъ даже особенной хитрости: тутъ просто невольное, вынужденное внѣшними обстоятельствами, вовсе необдуманное и ни съ чѣмъ хорошенько несообразенное, проявленіе чувства самосохраненія... Подъ страхомъ нагоняя и потасовки, рабски воспитанные, — съ безпрестаннымъ опасеніемъ остаться безъ куска хлѣба, рабски живущіе, — они всѣ силы свои напрягаютъ на пріобрѣтеніе одной изъ главныхъ рабскихъ добродѣтелей — безсовѣстной хитрости. И чего же имъ совѣститься, какую правду, какія права уважать имъ? Вѣдь самодурство властвуетъ надъ ними, давитъ и убиваетъ ихъ совершенно безправно, безсмысленно, безсовѣстно! Въ людяхъ, воспитанныхъ подъ такимъ владычествомъ, не можетъ развиться сознанія нравственнаго долга и истинныхъ началъ честности и права. Вотъ почему безобразнѣйшее мошенничество кажется имъ похвальнымъ подвигомъ, самый гнусный обманъ — ловкою шуткой. Они могутъ васъ надувать, обкрадывать, подводить подъ ножъ, и при всемъ этомъ оставаться искренно-радушными и любезными съ вами, сохранять невозмутимое добросердечіе и множество истинно добродѣтельныхъ качествъ. Въ ихъ натурѣ вовсе нѣтъ злости, нѣтъ и вѣроломства; но имъ нужно какъ-нибудь выплыть, выбиться изъ гнилого болота, въ которое погружены они сильными самодурами; они знаютъ, что выбраться на свѣжій воздухъ, которымъ такъ свободно дышатъ эти самодуры, можно съ помощью обмана и денегъ; и вотъ они принимаются хитрить, льстить, надувать, начинаютъ и по мелочи, и большими кушами, но всегда тайкомъ и рывкомъ, закладывать въ свой карманъ чужое добро. Что за дѣло, что оно чужое? Вѣдь у нихъ самихъ отняли все, что они имѣли, *свою волю* и *свою мысль*; какъ же имъ разсуждать о томъ, что честно и что безчестно? какъ не захотѣть надуть другого для своей личной выгоды?

Такимъ образомъ, наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ, изображаемомъ Островскимъ, съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; компаньонъ въ выгодной спекуляціи легко можетъ забрать въ руки всѣ деньги и документы и засадить своего товарища въ яму за долги; тесть надуетъ зятя приданымъ, женихъ обочтетъ и обидитъ сваху; невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее надъ нимъ самодурство — дикое, безумное, неправое — прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ повержены въ прахъ и нагло растоптаны самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье и святыня честнаго труда.

А между тѣмъ тутъ же, рядомъ, только за стѣною, идетъ другая жизнь, свѣтлая, опрятная, образованная... Обѣ стороны темнаго царства чувствуютъ превосходство этой жизни и то пугаются ея, то привлекаются къ ней. Но основы этой жизни, ея внутренняя сила совершенно непонятны для жалкихъ людей, отвыкшихъ отъ всякой разумности и правды въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. Только самыя грубыя и внѣшнія, бьющія въ глаза, проявленія этой образованности понятны для нихъ, только на нихъ они нападаютъ, ежели вздумаютъ *не возлюбить* образованность, и только *имъ подражаютъ*, ежели увлекутся страстью жить *по-благородному*. Старикъ-самодуръ сбреетъ бороду и станетъ напиваться шампанскимъ, вмѣсто водки, дочь его будетъ пѣть *жестокіе* романсы и увлекаться сфицерами, сынъ начнетъ кутить и покупать дорогія платья и шали танцовщицамъ: вотъ и весь кодексъ ихъ образованности... Зато и тѣ, которые боятся новаго свѣта, — если имъ попадется дурачокъ Вихоревъ или Бальзаминовъ, рады его принять за представителя образованности и по поводу его излить свое негодованіе на новые порядки... Итакъ, черезъ всю жизнь *самодуровъ*, черезъ все страдальческое существованіе *безотвѣтныхъ* проходитъ эта борьба съ волной новой жизни, которая, конечно, зальетъ когда-нибудь всю издавна накопленную грязь и превратитъ топкое болото въ свѣтлую и величавую рѣку, но которая теперь еще только вздымаетъ эту грязь и сама въ нее всасывается и вмѣстѣ съ нею гніетъ и смердитъ... Теперь новыя начала жизни только еще тревожатъ сознаніе всѣхъ обитателей темнаго царства, въ родѣ далекаго привидѣнія или кошмара. Даже для тѣхъ,

которые рѣшаются сами *подражать новую моду*, она все-таки тяжела такъ, какъ тяжелъ бываетъ всякій кошмаръ, хотя бы въ немъ представлялись видѣнія самыя прелестныя. И точно какъ послѣ кошмара, даже тѣ, которые, повидимому, успѣли уже освободиться отъ самодурнаго гнета и успѣли возвратить себѣ чувство и сознаніе, и тѣ все еще не могутъ найтись хорошенько въ своемъ новомъ положеніи и, не понявъ ни настоящей образованности, ни своего призванія, не умѣютъ удержать и своихъ правъ, не рѣшаются и приняться за дѣло, а возвращаются опять къ той же покорности судьбѣ или къ темнымъ сдѣлкамъ съ ложью и самодурствомъ.

Таково общее впечатлѣніе комедій Островскаго, какъ мы ихъ понимаемъ. Чтобы нѣсколько рельефнѣе выставить нѣкоторыя черты этого блѣднаго очерка, напомнимъ нѣсколько частностей, долженствующихъ служить подтвержденіемъ и поясненіемъ нашихъ словъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся представленіемъ того нравственнаго растлѣнія, тѣхъ безсовѣстно-неестественныхъ людскихъ отношеній, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Островскаго какъ прямое слѣдствіе тяготѣющаго надъ всѣми самодурства...

...Обманъ тутъ — явленіе нормальное, необходимое, какъ убійство на войнѣ. Бытъ этого темнаго царства такъ уже сложился, что вѣчная вражда господствуетъ между его обитателями. Тутъ всѣ въ войнѣ: жена съ мужемъ — за его самовольство, мужъ съ женою — за ея непослушаніе или неугожденіе; родители съ дѣтьми за то, что дѣти хотятъ жить своимъ умомъ; дѣти съ родителями за то, что имъ не даютъ жить своимъ умомъ; хозяева съ приказчиками, начальники съ подчиненными воюютъ за то, что они хотятъ все подавить своимъ самодурствомъ, а другіе не находятъ простора для самыхъ законныхъ своихъ стремленій; дѣловые люди воюютъ изъ-за того, чтобы другой не перебилъ у нихъ барышей ихъ дѣятельности, всегда разсчитанной на эксплуатацію другихъ: праздные шатуны бьются, чтобы не ускользнули отъ нихъ тѣ люди, трудами которыхъ они задаромъ кормятся, щеголяютъ и богатѣютъ. И всѣ эти люди воюютъ общими силами противъ людей честныхъ, которые могутъ открыть глаза угнетеннымъ труженикамъ и научить ихъ громко и настоятельно предъявить свои права. Вслѣдствіе такого порядка дѣлъ всѣ находятся въ осадномъ положеніи, всѣ хлопочутъ о томъ, какъ бы только спасти себя отъ опасности и обмануть бдительность врага. На всѣхъ лицахъ написаны испугъ и недовѣрчивость; естественный ходъ мышленія измѣняется, и на мѣсто здравыхъ понятій вступаютъ особенныя, условныя соображенія, отличающіяся скотскимъ характеромъ и совершенно противныя человѣческой природѣ. Извѣстно, что логика войны совершенно отлична отъ логики здраваго смысла. Военная хитрость вос-

хваляется какъ доказательство ума, направленнаго на истребленіе своихъ ближнихъ; убійство превозносится какъ лучшая доблесть человѣка; удачный грабежъ — отнятіе лагеря, отбитіе обоза и пр. — возвышаетъ человѣка въ глазахъ его согражданъ. А между тѣмъ во всѣхъ законодательствахъ есть наказанія — и за обманъ, и за грабежъ, и за убійство. Мало того, во всѣхъ законодательствахъ признаются смягчающія обстоятелььства, и иногда самое убійство извиняется, если побудительныя причины его были слишкомъ неотразимы...

Добролюбовъ.

„Свои люди".

Въ «Своихъ людяхъ» мы видимъ опять ту же религію лицемѣрства и мошенничества, то же безсмысліе и самодурство однихъ и ту же обманчивую покорность, рабскую хитрость другихъ, но только въ большемъ развѣтвленіи. Здѣсь намъ представляется нѣсколько степеней угнетенія, указывается нѣкоторая система въ распредѣленіи самодурства, дается очеркъ его исторіи. Самый главный самодуръ, деспотъ всѣхъ къ нему близкихъ, не знающій себѣ никакого *удержу*, есть Самсонъ Силычъ Большовъ. И какой же страхъ онъ внушаетъ всему дому! Аграфена Кондратьевна, жена его, грозитъ своей взрослой дочери, что «отцу пожалуется»; а та отвѣчаетъ: «Васъ на то Богъ и создалъ, чтобы жаловаться, сами-то вы не очень для меня значительны». На вторичную угрозу она огрызается еще рѣзче: «Только и ладитъ, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!» Видно, что Самсонъ Силычъ и для жены, и для дочери представляется чѣмъ-то въ родѣ пугалы, и онѣ обѣ, хотя и стращаютъ имъ другъ друга, но составляютъ противъ него глухую, затаенную, само собою образовавшуюся оппозицію.

Себя самого онъ ставитъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только досягаетъ его дѣятельность. Въ своемъ семействѣ это онъ выражаетъ съ циническою грубостью. О дочери онъ говоритъ: «Мое дѣтище, хочу — съ кашей ѣмъ, хочу — масло пахтаю». Оттого и выдача ея, противъ воли, замужъ за Подхалюзина представляется ему не болѣе, какъ занимательнымъ опытомъ. «А вотъ ты заходи-ко ужо къ невѣстѣ, — говоритъ Лазарю: — мы надъ ними *шутку подшутимъ*». Шутка эта состоитъ въ томъ, что онъ внезапно объявляетъ женѣ и дочери, что Лазарь — женихъ Липочки. Всѣ растерялись: и мать, и сваха, и Ѳоминишна, и сама невѣста, которая, впрочемъ, какъ *образованная*, нашла въ себѣ силы выразить рѣшительное сопротивленіе и закричать: «Не хочу, не хочу, не пойду я за такого противнаго». Разумѣется, изъ этого сопротивленія

ничего не можетъ выйти: Самсона Силыча не уломаешь. А тутъ еще Подхалюзинъ поджигаетъ его, коварно говоря: «Видно, тятенька, не бывать-съ по вашему желанію». Этихъ словъ достаточно, чтобы Большовъ насильно соединилъ руки жениха и невѣсты и выразилъ такимъ манеромъ: «Какъ же не бывать, коли я того хочу? *На что же я и отецъ, коли не приказывать?* Даромъ, что ли, я ее кормилъ? Какъ видите, Большовъ изъ отцовскихъ обязанностей признаетъ только одну: давать приказанія дѣтямъ. А что онъ кормилъ дочь, такъ это ужъ благодѣяніе, за которое она должна ему отплатить полнымъ отреченіемъ отъ своей воли. Точно таковъ же онъ и во всей своей дѣятельности. Онъ самъ замѣчаетъ, напримѣръ, что Подхалюзинъ мошенникъ; но ему до этого дѣла нѣтъ, потому что Подхалюзинъ его приказчикъ и объ его пользѣ старается. Замышляя злостное банкротство, Большовъ и не думаетъ о томъ, что можетъ повредить благосостоянію заимодавцевъ и, можетъ-быть, пустить нѣсколько человѣкъ по міру. Это ему не приходитъ въ голову даже и тогда, какъ ужъ его въ яму посадили. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть, проходя мимо Иверскихъ воротъ, жалуется, что на него мальчишки пальцами показываютъ, боится, что въ Сибирь его сошлютъ, но о людяхъ, разорепныхъ имъ, — ни слова. Мудрено ли же, что онъ такъ легко рѣшается на преступленіе, котораго существеннѣйшая-то мерзость ему и непонятна! Онъ видитъ только, что «*другіе же дѣлаютъ*». И это для него не оправдательная фраза, не примѣръ только, какъ утверждалъ одинъ строгій критикъ Островскаго. Нѣтъ, тутъ исходная точка, изъ которой выводится вся мораль Большова. Онъ видитъ, что другіе банкротятся, зажиливаютъ его деньги, а потомъ строютъ себѣ на нихъ дома съ бельведерами да заводятъ удивительные экипажи: у него сейчасъ и прилагается здѣсь общее соображеніе: «Чтобы меня не обыграли, такъ я долженъ стараться другихъ обыграть». И ужъ тутъ нужды нѣтъ, что кредиторы Большова не банкротились и не дѣлали ему подрыва: все равно, съ кого бы ни пришлось, только бы сорвать свою выгоду. Тутъ, какъ и въ сраженіи, разбирать личности нечего. Вотъ кабы никто не обманывалъ, т.-е. кабы войны не было, тогда и Самсонъ Силычъ жилъ бы мирно и честно, никого не надувалъ. А то какъ же ему-то вести себя, когда всѣ кругомъ мошенничаютъ? И кому какая будетъ польза отъ его честности? Не онъ, такъ другіе надуютъ, все единственно.

Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: онъ не только видѣлъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ.

Можно сказать даже, что и все самодурство Большова происходитъ отъ непривычки къ самобытной и сознательной дѣятельности, къ которой, однакоже, онъ имѣетъ стремленіе, при несомнѣнной силѣ природной смѣтливости. Мы не видимъ изъ комедіи, какъ росъ и воспитывался Большовъ, какія вліянія на него дѣйствовали смолоду; но для насъ ясно, что онъ воспитывался подъ вліяніями, тоже неблагопріятными для здороваго, самостоятельнаго развитія. Въ его дѣйствіяхъ постоянно проглядываетъ отсутствіе *своего ума;* видно, что онъ не привыкъ самъ разумно себя возбуждать къ дѣятельности и давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. А между тѣмъ его теперешнее положеніе, да и самая натура его, не сломившаяся окончательно подъ гнетомъ, а сохранившая въ себѣ духъ противорѣчія, требуетъ теперь самобытности, которая и выражается въ упрямствѣ и произволѣ. Извѣстно, что упрямство есть признакъ безхарактерности; точно такъ и самодурство есть вѣрное доказательство внутренняго безсилія и холопства.

Для насъ и въ послѣднемъ актѣ Большовъ не перестаетъ быть комиченъ: ни одного свѣтлаго луча не проникло въ эту темную душу послѣ переворота, навлеченнаго имъ самимъ на себя. Онъ нимало не сознаетъ гадости своего поступка, онъ не мучится внутреннимъ стыдомъ; его терзаетъ только стыдъ внѣшній: кредиторы таскаютъ его по судамъ, и мальчишки на него показываютъ пальцами. «Каково сидѣть-то въ ямѣ (говоритъ онъ), каково по улицѣ-то итти съ солдатомъ! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ». Вотъ что у него на первомъ планѣ; а на второмъ является въ его мысляхъ Иверская, но и то не надолго: воспоминаніе о ней тотчасъ смѣняется у него опасеніемъ, чтобы въ Сибирь не угодить. Вотъ его слова: «А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть на нее, матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ...»

По нашему мнѣнію, Большовъ къ концу пьесы оказывается пошлѣе и ничтожнѣе, нежели во все ея продолженіе. Мы видимъ, что даже несчастіе и заключеніе въ тюрьму нимало не образумило его, не пробудило человѣческихъ чувствъ и справедливо заключаемъ, что видно они ужъ навѣки въ немъ замерли, что такъ имъ ужъ и спать сномъ непробуднымъ. Онъ и теперь говоритъ, что 25 копеекъ отдать кредиторамъ — много, да что ужъ дѣлать-то, когда меньше не берутъ. «Потомятъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ, такъ радъ будешь и полтину дать». Не явно ли здѣсь комическое безсиліе этой натуры, не могущей ни рѣшиться на смѣлый

шагъ, ни выдержать продолжительной борьбы? Не явно ли и нравственное ничтожество этого человѣка, у котораго ни разу во всей пьесѣ не проявлялось чувство законности и сознанія долга? Мало этого: въ его грубой душѣ замерли даже чувства отца и мужа; это мы видѣли и въ первыхъ актахъ пьесы, видимъ и въ послѣднемъ. Горе жены нимало не трогаетъ его, а возмутительная грубость дочери не оскорбляетъ отцовскаго чувства. Олимпіада Самсоновна говоритъ ему: «Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила, — свѣту не видала; что же, мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?» Большовъ не находитъ ничего лучшаго сказать на это, какъ только попрекнуть дочь и зятя невольнымъ благодѣяніемъ, которое онъ имъ сдѣлалъ, передавши въ ихъ руки свое имѣніе: «Вѣдь я,—говоритъ, — у васъ не милостыню прошу, а свое же добро». Неужели и это отношеніе отца къ дочери не комично? А мораль, которую выводитъ для себя Большовъ изъ всей своей исторіи, — высшій пунктъ, до котораго могъ онъ подняться въ своемъ нравственномъ развитіи: «Не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть; а за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ!» Какую степень нравственнаго достоинства указываютъ намъ эти слова! Человѣкъ, потерпѣвшій отъ собственнаго злостнаго банкротства, не находитъ въ этомъ обстоятельствѣ другого нравственнаго урока, кромѣ сентенціи, что «не нужно гнаться за большимъ, чтобы своего не потерять!» И черезъ минуту къ этой сентенціи онъ прибавляетъ сожалѣніе, что не умѣлъ ловко обдѣлать дѣльце, — приводитъ пословицу: «Сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ». Какъ сильно выражается въ этомъ рѣшительная безсмысленность и нравственное ничтожество этой натуры, которая въ началѣ пьесы могла еще кому-нибудь показаться сильною, судя по тому страху, какой она внушаетъ всѣмъ окружающимъ!.. И нашлись критики, рѣшившіе, что послѣдній актъ «Своихъ людей» долженъ возбудить въ зрителяхъ сочувствіе къ Большову!

Но что же въ самомъ дѣлѣ даетъ намъ это лицо комедіи? Неужели смыслъ его ограничивается тѣмъ, что «вотъ, дескать, посмотрите, какіе бываютъ плохіе люди?» Нѣтъ, этого было бы слишкомъ мало для главнаго лица серьезной комедіи, слишкомъ мало для таланта такого писателя, какъ Островскій. Нравственный смыслъ впечатлѣнія, какое выносишь изъ внимательнаго разсмотрѣнія характера Большова, гораздо глубже. Мы уже имѣли случай замѣтить, что одна изъ отличительныхъ чертъ таланта Островскаго состоитъ въ умѣньи загляпуть въ самую глубь души человѣка и подмѣтить не только образъ его мыслей и поведенія, но самый процессъ его мышленія, самое зарожденіе его желаній. Это самое умѣнье видимъ мы и въ

обработкѣ характера Большова, и находимъ, что результатомъ психическихъ наблюденій автора оказалось чрезвычайно гуманное воззрѣніе на самыя, повидимому, мрачныя явленія жизни и глубокое чувство уваженія къ нравственному достоинству человѣческой натуры,— чувство, которое сообщаетъ онъ и своимъ читателямъ. Въ Большовѣ, этомъ *злостномъ* банкротѣ, мы не видимъ ничего злостнаго, чудовищнаго, ничего такого, за что его слѣдовало бы считать извергомъ. Авторъ сводитъ насъ съ официальной, юридической точки зрѣнія и вводитъ въ самую сущность совершающагося факта, заставляетъ безчестный замыселъ создаваться и расти предъ нашими глазами. И что же мы видимъ въ исторіи этого замысла, столь ужаснаго въ юридическомъ смыслѣ? Ни тѣни сатанинской злобы, ни признака іезуитскаго коварства! Все такъ просто, добродушно, глупо! Самсонъ Силычъ — вовсе не порожденіе ада, а простое грубое животное, въ которомъ смолоду заглушены всѣ симпатическія стороны натуры и не развиты никакія нравственныя понятія. Въ его характерѣ нѣтъ того, что называютъ личной иниціативой или свободнымъ возбужденіемъ себя къ дѣятельности; онъ живетъ такъ, какъ живется, не разсчитывая и не загадывая много. Самодурствуетъ онъ потому, что встрѣчаетъ въ окружающихъ не твердый отпоръ, а постоянную покорность; надуваетъ и притѣсняетъ другихъ потому, что чувствуетъ только, какъ это *ему* удобно, но не въ состояніи почувствовать, какъ тяжело это *имъ*; на банкротство рѣшается онъ опять потому, что не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ общественномъ значеніи такого поступка. Самый законъ является для него не представителемъ высшей правды, а только внѣшнимъ препятствіемъ, камнемъ, который нужно убрать съ дороги. Самая совѣсть является у него не во внутреннемъ голосѣ, а въ насмѣшкахъ прохожихъ, во взглядѣ на Иверскую, въ опасеніи ссылки въ Сибирь. Короче, въ Большовѣ вы видите ясно, что его преступная, безобразная дѣятельность происходитъ именно оттого, что въ немъ не воспитанъ человѣкъ. Онъ гадокъ для насъ именно тѣмъ, что въ немъ видно почти полное отсутствіе человѣческихъ элементовъ; и въ то же время онъ пошлъ и смѣшонъ искаженіемъ и тѣхъ зачатковъ человѣчности, какіе были въ его натурѣ. Но эта самая гадость и пошлость, представленная слѣдствіемъ неразвитости натуры, указываетъ намъ необходимость правильнаго, свободнаго развитія и возставляетъ предъ нами достоинство человѣческой природы, убѣждая насъ, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка и не могутъ быть удѣломъ естественнаго развитія.

Достиженію этого же результата прекрасно содѣйствуетъ все развитіе пьесы и всѣ остальныя лица, группирующіяся около Большова. Во всей пьесѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ махинацій, нѣтъ искусствен-

наго развитія дѣйствія, въ угоду схоластическимъ теоріямъ и въ ущербъ дѣйствительной простотѣ и жизненности характеровъ. Всѣ лица дѣйствуютъ въ своемъ смыслѣ добросовѣстно и ни одинъ не впадаетъ въ топъ мелодраматическаго героя. Достиженію постыдной цѣли не служатъ здѣсь лучшія способности ума и благороднѣйшія силы души въ своемъ высшемъ развитіи; напротивъ, вся пьеса ясно показываетъ, что именно недостатокъ этого развитія и доводитъ людей до такихъ мерзостей. Во всѣхъ лицахъ замѣтно одно человѣческое стремленіе — высвободиться изъ самодурнаго гнета, подъ которымъ всѣ выросли и живутъ. Большовъ внѣшнимъ образомъ избавился отъ него; но слѣды воспитанія, стѣсняющаго мысль и волю, остались и въ немъ на всю жизнь и сдѣлали его безсмысленнымъ деспотомъ. И до того заразителенъ этотъ нелѣпый порядокъ жизни «темнаго царства», что каждая, самая придавленная личность, какъ только освободится хоть немножко отъ чужого гнета, такъ и начинаетъ сама стремиться угнетать другихъ. Эти дикія отношенія проведены очень искусно по всей комедіи Островскаго; вотъ почему и сказали мы, что въ ней видимъ цѣлую іерархію самодурства.

Но что такое самъ Подхалюзинъ? Вѣдь это сознательный мошенникъ, съ развитыми понятіями? Не составляетъ ли онъ противорѣчія общему впечатлѣнію комедіи, заставляющей насъ признать всѣ преступленія въ этой средѣ слѣдствіемъ темноты разумѣнія и неразвитости человѣческихъ сторонъ характера? Напротивъ, Подхалюзинъ окончательно убѣждаетъ насъ въ вѣрности этого впечатлѣнія. Въ немъ мы видимъ, что онъ именно настолько и сносенъ еще, насколько коснулось его вѣяніе человѣческой идеи. Онъ не очертя голову бросается въ обманъ; онъ обдумываетъ свои предпріятія, и вотъ мы видимъ, что сейчасъ же въ немъ ужъ является и отвращеніе отъ обмана въ нагомъ его видѣ, и стараніе замазать свое мошенничество разными софизмами, и желаніе пріискать для своего плутовства какія-нибудь нравственныя основанія, и въ самомъ обманѣ соблюсти видимую, юридическую добросовѣстность.

Такимъ образомъ, и Подхалюзинъ не представляетъ собою изверга, по есть квинтъ-эссенція всѣхъ мерзостей. Всего гаже онъ въ той сценѣ гдѣ онъ плачетъ предъ Большовымъ, увѣряя его въ своей привязанности, и проч. Но вѣдь тутъ онъ подмазывается къ Самсону Силычу не столько изъ корысти, сколько для того, чтобы выманить у старика обѣщаніе выдать за него Липочку, которую—надо замѣтить,—Подхалюзинъ любитъ сильно и искренно... Онъ это ясно доказываетъ своимъ обращеніемъ съ ней въ четвертомъ актѣ, т.-е. когда она уже сдѣлалась его женою... А для любви такія ли хитрости прощаемъ мы самымъ нравственнымъ героямъ, въ самыхъ романическихъ исторіяхъ?

Нечего распространяться о томъ, что общему впечатлѣнію пьесы нимало не вредитъ и Липочка, при всей своей нравственной уродливости. Находятъ, что ея обращеніе съ матерью и потомъ сцена съ отцомъ въ послѣднемъ актѣ переходятъ предѣлы комическаго, какъ слишкомъ омерзительныя. Намъ вовсе этого не кажется, потому что мы не можемъ признать святости кровныхъ отношеній въ такомъ семействѣ, какъ у Большова. На Липочкѣ тоже видна печать домашняго деспотизма: только при немъ образуются эти черствыя, бездушныя натуры, эти холодныя, отталкивающія отношенія къ роднымъ; только при немъ возможно такое совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго смысла, какое замѣчается у Липочки. А за исключеніемъ того, что осталось въ Липочкѣ, какъ слѣдъ давившаго ее деспотизма, она ни чуть не хуже большей части нашихъ барышень, не только въ купеческомъ, но даже и въ дворянскомъ сословіи. Многія ли изъ нихъ не наполняютъ всей своей жизни одной внѣшностью, не утѣшаются въ горѣ нарядами, не забываются за танцами, не мечтаютъ объ офицерахъ? Если я на своемъ вѣку имѣлъ разговоръ съ тремя барышнями, то отъ двухъ изъ нихъ ужъ, конечно, слышалъ я повтореніе извѣстнаго монолога Липочки: «То ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками!.. Ужъ какое же есть сравненіе, — военный или штатскій? Военный ужъ сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій, что? Такъ, какой-то неодушевленный»... Какъ же можно барышень, произносящихъ подобные монологи, серьезно обвинять за что-нибудь? Не ясно ли, что Липочка все, что ни сдѣлаетъ, сдѣлаетъ по совершенной неразвитости нравственной и умственной, а никакъ не по злонамѣренности или природному звѣрству? Чѣмъ же возмущаться въ личности этой несчастной?

Вообще чѣмъ можно возмущаться съ «Своихъ людяхъ»? Не людьми и не частными ихъ поступками, а развѣ тѣмъ печальнымъ безсмысліемъ, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ ихъ бытомъ. Люди, какъ мы видѣли, показаны намъ въ комедіи съ человѣческой, а не съ юридической стороны, и потому впечатлѣніе самыхъ ихъ преступленій смягчается для насъ. Офиціальнымъ образомъ мы видимъ здѣсь злостнаго банкрота, еще болѣе злостнаго приказчика, ограбившаго своего хозяина, ехидную дочь, хладнокровно отправляющую въ острогъ своего отца, и всѣ эти лица мы клеймимъ именами злодѣевъ-изверговъ. Но авторъ комедіи вводитъ насъ въ самый домашній бытъ этихъ людей, раскрываетъ передъ нами ихъ душу, передаетъ ихъ логику, ихъ взглядъ на вещи, и невольно убѣждаемся, что тутъ нѣтъ ни злодѣевъ, ни изверговъ, а всѣ люди очень обыкновенные, какъ всѣ люди, и что преступленія, поразившія насъ, суть вовсе не слѣдствія исклю-

чительныхъ натуръ, по своей сущности наклонныхъ къ злодѣйству, а просто неизбѣжные результаты тѣхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ начинается и проходитъ жизнь людей, обвиняемыхъ нами. Слѣдствіемъ такого убѣжденія является въ насъ уваженіе къ человѣческой натурѣ и личности вообще, смѣхъ и презрѣніе въ отношеніи къ тѣмъ уродливымъ личностямъ, которыя дѣйствуютъ въ комедіи и въ офиціальномъ смыслѣ внушаютъ ужасъ и омерзѣніе, и, наконецъ, глубокая, непримиримая ненависть къ тѣмъ вліяніямъ, которыя такъ задерживаютъ и искажаютъ нормальное развитіе личности. Затѣмъ мы прямо переходимъ къ вопросу, что же это за вліянія и какимъ образомъ они дѣйствуютъ? Комедія ясно говоритъ намъ, что всѣ вредныя вліянія состоятъ здѣсь въ дикомъ, безправномъ самовольствѣ однихъ надъ другими. Самый способъ дѣйствія этихъ вліяній объясняется намъ изъ комедіи очень просто. Мы видимъ, что Большовъ вовсе не сильная натура, что онъ не способенъ къ продолжительной борьбѣ, да и вообще не любитъ хлопотать; видѣли мы также, что Подхалюзинъ — человѣкъ смѣтливый и вовсе не привязанный къ своему хозяину; видѣли, что и всѣ домашніе не очень-то расположены къ Самсону Силычу, кромѣ развѣ жены его, совершенно ничтожной и глупой старухи. Что же мѣшаетъ имъ составить открытую оппозицію противъ неистовства Большова? То, что они матеріально зависятъ отъ него, ихъ благосостояніе связано съ его благосостояніемъ? Но въ такомъ случаѣ отчего Подхалюзинъ, радѣя о пользахъ хозяина, не удерживаетъ его отъ опаснаго шага, на который тотъ рѣшается по неразумію, «такъ, для препровожденія времени?» Потому, конечно, что Подхалюзинъ самъ надѣется тутъ нагрѣть руки? Да, но здѣсь-то и раскрывается въ полной силѣ весь ужасъ нелѣпыхъ отношеній, изображенныхъ намъ въ «Своихъ людяхъ». Видите, здѣсь дѣло не въ личности самодура, угнетающаго свою семью и всѣхъ окружающихъ. Онъ безсиленъ и ничтоженъ самъ по себѣ; его можно обмануть, устранить, засадить въ яму, наконецъ... Но дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ его не исчезаетъ самодурство. Оно дѣйствуетъ заразительно, и сѣмена его западаютъ въ тѣхъ самыхъ, которые отъ него страдаютъ. Безправное, оно подрываетъ довѣріе къ праву; темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ прочь всякій лучъ истины; безсмысленное и капризное, оно убиваетъ здравый смыслъ и всякую способность къ разумной, цѣлесообразной дѣятельности; грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности, уничтожаетъ даже довѣріе къ самому себѣ и отучаетъ отъ честной, открытой дѣятельности. Вотъ чѣмъ именно и опасно оно для общества! Самодура уничтожить было бы нетрудно, если бъ энергически припялись за это честные люди. Но бѣда въ томъ, что подъ вліяніемъ самодурства самые чест-

ные люди мельчаютъ и истомляются въ рабской бездѣятельности, а дѣломъ занимаются только люди, въ которыхъ собственно человѣчныя стороны характера наименѣе развиты. И дѣятельность этихъ людей, вслѣдствіе совершеннаго извращенія ихъ понятій подъ вліяніемъ самодурства, имѣетъ тоже характеръ мелкій, честный и глубоко-эгоистическій. Цѣль ихъ не та, чтобы уничтожить самодурство, отъ котораго они такъ страдаютъ, а та, чтобы только какъ-нибудь повалить самодура и самимъ занять его мѣсто. И вотъ Большовъ угодилъ въ яму, и вмѣсто его явился Подхалюзинъ, и благоденствуетъ на тѣхъ же правахъ.

Они дѣятельно подчинялись самодурству, растлили свой умъ, сдѣлались сами участниками гадостей, порождаемыхъ деспотическимъ гнетомъ. Разсмотрѣть это нравственное искаженіе представляетъ задачу гораздо болѣе сложную и трудную, нежели указать простое паденіе внутренней силы человѣка подъ тяжестью внѣшняго гнета. А именно натуры послѣдняго разряда, сдавленныя, убитыя, потерявшія всякую энергію и подвижность, представляются намъ главнымъ образомъ въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго, къ которымъ мы должны теперь обратиться. Въ этихъ послѣднихъ мы уже гораздо короче постараемся прослѣдить мертвящее вліяніе самодурства, и преимущественно остановимся на одномъ его видѣ — на рабскомъ положеніи нашей женщины въ семействѣ. Затѣмъ, въ связи съ тѣмъ же вопросомъ самодурства, и даже въ прямой зависимости отъ него, разсмотримъ значеніе тѣхъ формъ образованности, которыя такъ смущаютъ обитателей нашего «темнаго царства», и, наконецъ, тѣхъ средствъ, которыя многими изъ героевъ этого царства употребляются для упроченія своего матеріальнаго благосостоянія. Но разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ и показаніе непосредственной связи ихъ съ самодурствомъ—какъ оно обнаруживается въ комедіяхъ Островскаго—должно составить другую статью.

Теперь же мы можемъ, въ заключеніе разбора «Своихъ людей», только спросить читателей: откажутъ ли они изображеніямъ Островскаго, такъ подробно анализированнымъ нами, въ жизненной правдѣ и въ силѣ художническаго представленія? И если эти лица, и этотъ бытъ вѣрны дѣйствительности, то думаютъ ли читатели, что тѣ стороны русскаго быта, которыя рисуетъ намъ Островскій, не стоятъ вниманія художника? Рѣшатся ли они сказать, что дѣйствительность, изображаемая имъ, имѣетъ лишь частное и мелкое значеніе и не можетъ дать никакихъ важныхъ результатовъ для человѣка разсуждающаго?.. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ показать, достигли ли мы своей цѣли, анализируя факты, представляющіеся намъ въ комедіяхъ Островскаго... Что касается лично до насъ, то мы никому ничего не навязываемъ,

мы даже не выражаемъ ни восторга, ни негодованія, говоря о произведеніяхъ Островскаго. Мы только слѣдимъ за явленіями, имъ изображенными, и объясняемъ, какой смыслъ имѣютъ они для насъ. Читатели, соображаясь съ своими собственными наблюденіями надъ жизнью и съ своими понятіями о правѣ, нравственности и требованіями природы человѣческой, могутъ рѣшить сами — какъ то, справедливы ли наши сужденія, такъ и то, какое значеніе имѣютъ жизненные факты, извлекаемые нами изъ комедій Островскаго.

„Не въ свои сани".

И нынѣ все дико и пусто кругомъ...
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ!
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ;
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

Разсматривая комедію Островскаго «Свои люди — сочтемся», мы обратили вниманіе читателей на нѣкоторыя черты русскаго, преимущественно купеческаго быта, отразившіяся въ этой комедіи. Мы сказали, что основа комизма Островскаго заключается, по нашему мнѣнію, въ изображеніи безсмысленнаго вліянія *самодурства*, въ обширномъ значеніи слова, на семейный и общественный бытъ. Въ отношеніяхъ Самсона Силыча Большова ко всѣмъ, его окружающимъ, мы видѣли, что самодурство это безсильно и дряхло само по себѣ, что въ немъ нѣтъ никакого нравственнаго могущества, но вліяніе его ужасно тѣмъ, что, будучи само безсмысленно и безправно, оно искажаетъ здравый смыслъ и понятіе о правѣ во всѣхъ, входящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Мы видѣли, что подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній развивается плутовство и пронырливость, глохнутъ всѣ гуманныя стремленія даже хорошей натуры, и развивается узкій, исключительный эгоизмъ и враждебное расположеніе къ ближнимъ. Нужно имѣть геніально-свѣтлую голову, младенчески-непорочное сердце и титанически-могучую волю, чтобы имѣть рѣшимость выступить на практическую, дѣйствительную борьбу съ окружающей средой, нелѣпость которой способствуетъ только развитію эгоистическихъ чувствъ и вѣроломныхъ стремленій во всякой живой и дѣятельной натурѣ.

Но чтобы выйти изъ подобной борьбы непобѣжденнымъ, для этого мало и всѣхъ исчисленныхъ нами достоинствъ; нужно еще имѣть желѣзное здоровье и, главное, вполнѣ обезпеченное состояніе. А между тѣмъ по устройству «темнаго царства», все его зло, вся его ложь тяготѣетъ страданіями и лишеніями именно только надъ тѣми,

которые слабы, изнурены и необезпечены въ жизни; для людей же сильныхъ и богатыхъ та же самая ложь служитъ къ услажденію жизни. Что же имъ за выгода обличать эту ложь, бороться съ этимъ зломъ? Можно ли ожидать, что купецъ Большовъ станетъ требовать, напримѣръ, отъ своего приказчика Подхалюзина, чтобы тотъ разорялъ его, поступая по совѣсти и отговаривая покупателей отъ покупки гнилого товара и отъ платы за него лишнихъ денегъ? Само собою разумѣется, что ужъ скорѣе самъ приказчикъ могъ бы, проникнувшись добросовѣстностью, послѣдовать такому образу дѣйствій. Но приказчикъ связанъ съ хозяиномъ: онъ сытъ и одѣтъ по хозяйской милости, онъ можетъ «въ люди произойти», если хозяинъ полюбитъ его; а ежели не полюбитъ, то что же такое приказчикъ, со своей непрактической добросовѣстностью? Такъ,—ничтожество!.. И вотъ Подхалюзинъ начинаетъ соображать шансы своего положенія. Человѣкъ онъ не геніальный, не герой и не титанъ, а очень обыкновенный смертный. Невозможно и требовать отъ него практическаго протеста противъ всей окружающей его среды; противъ обычаевъ, установившихся вѣками, противъ понятій, которыя, какъ святыня, внушались ему, когда онъ былъ еще мальчишкою, ничего несмыслившимъ... Ясно, что онъ долженъ подчиниться той морали, какая господствуетъ въ атмосферѣ, его окружающей, — пойти по той дорожкѣ, которая проторена другими... Не пробовать же ему новой, никому невѣдомой дороги, когда ужъ есть готовый, торный проселокъ!

Но съ другой стороны, какъ натура живая и дѣятельная, и Подхалюзинъ задаетъ себѣ нѣкоторые жизненные вопросы и задачи. Задачи его обыкновенно очень мизерны, вопросы — неглубоки, потому что кругъ зрѣнія его очень ограниченъ. Онъ видитъ передъ собой хозяина-самодура, который ничего не дѣлаетъ, пьетъ, ѣстъ и проклажается въ свое удовольствіе, ни отъ кого ругательствъ не слышитъ, а напротивъ, самъ всѣхъ ругаетъ невозбранно, и въ этомъ гаденькомъ лицѣ онъ видитъ идеалъ счастья и высоты, достижимыхъ для человѣка. Что выходитъ изъ тѣснаго круга обыденной жизни, постоянно имъ видимой, о томъ онъ имѣетъ лишь смутныя понятія, да ни мало и не заботится, находя, что то ужъ совсѣмъ другое, объ этомъ ужъ нашему брату и думать нечего... А разъ рѣшивши это, поставивши себѣ такой предѣлъ, за который нельзя переступить, Подхалюзинъ, очень естественно, старается приспособить себя къ тому кругу, гдѣ ему надо дѣйствовать, и для того съеживается и выгибается. Это же и не стоитъ ему большого труда, — дѣло привычное съ малолѣтства: какъ вытянутъ по спинѣ аршиномъ или начнутъ объ голову кулаки оббивать, такъ тутъ поневолѣ выгнешься и сожмешься... И Подхалюзинъ, вынося самъ всякія истязанія и находя, наконецъ, что это въ

порядкѣ вещей, глубоко затаивъ свои личныя, живыя стремленія, въ надеждѣ, что будетъ же когда-нибудь и на его улицѣ праздникъ. Между тѣмъ нравственное развитіе идетъ своимъ путемъ, логически-неизбѣжнымъ при такомъ положеніи: Подхалюзинъ, находя, что личныя стремленія его принимаются всѣми враждебно, мало-по-малу приходитъ къ убѣжденію, что дѣйствительно личность его, какъ личность всякаго другого, должна быть въ антагонизмѣ со всѣмъ окружающимъ, и что, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ отнимаетъ отъ другихъ, тѣмъ полнѣе удовлетворитъ себя. Изъ этого начала развивается то вѣчно-осадное положеніе, въ которомъ неизбѣжно находится каждый обитатель «темнаго царства», пускающійся въ практическую дѣятельность, съ намѣреніемъ добиться чего-нибудь... Высшія нравственныя правила, для всѣхъ равно обязательныя, существуютъ для него только въ нѣсколькихъ прекрасныхъ реченіяхъ и заповѣдяхъ, никогда не примѣняемыхъ къ жизни; симпатическая сторона натуры въ немъ не развита; понятія, выработанныя наукою, объ общественной солидарности и о равновѣсіи правъ и обязанностей — ему недоступны. Самые идеалы его (потому что идеалы и у Подхалюзина есть, какъ есть и у городничаго въ «Ревизорѣ») грубы, тусклы, безобразны и безчеловѣчны. Городничій мечтаетъ о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись генераломъ, будетъ заставлять городничихъ ждать себя по пяти часовъ; такъ точно Подхалюзинъ предполагаетъ: «тятенька подурили на своемъ вѣку, будетъ: теперь намъ пора». И только бы ему достичь возможности осуществить свой идеалъ: онъ въ самомъ дѣлѣ не замедлитъ заставить другихъ такъ же бояться, подличать, фальшивить и страдать отъ него, какъ боялся, подличалъ, фальшивилъ и страдалъ самъ онъ, пока не обезпечилъ себѣ право на самодурство...

Тяжело прослѣдить подобную карьеру; горько видѣть такое искаженіе человѣческой природы. Кажется, ничего не можетъ быть хуже того дикаго, неестественнаго развитія, которое совершается въ натурахъ, подобныхъ Подхалюзину, вслѣдствіе тяготѣнія надъ нимъ самодурства. Но въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго намъ представляется новая сторона того же вліянія, по своей мрачности и безобразію едва ли уступающая той, которая была намп указана въ прошедшей статьѣ.

Эта новая сторона является намъ въ натурахъ подавленныхъ, безотвѣтныхъ. Такія натуры представляются намъ почти въ каждой изъ комедій Островскаго, съ большею или меньшею ясностью очертаній. Даже въ «Своихъ людяхъ» Аграфена Кондратьевна принадлежитъ къ такимъ натурамъ; но здѣсь она не играетъ видной роли. Ярче выставляются намъ въ послѣдующихъ комедіяхъ лица Мити въ «Бѣдность не порокъ», и дѣтей Брусковыхъ въ пьесѣ «Въ чужомъ пиру

похмелье», и лица дѣвушекъ почти во всѣхъ комедіяхъ Островскаго. Авдотья Максимовна, Любовь Торцова, Даша, Надя, — все это безвинныя, безотвѣтныя жертвы самодурства, и то сглаженіе, *отлитіе* человѣческой личности, какое въ нихъ произведено жизнью, едва ли не безотраднѣе дѣйствуетъ на душу, нежели самое искаженіе человѣческой природы въ плутахъ, подобныхъ Подхалюзину. Тамъ еще кое-гдѣ пробивается жизнь, самобытность, мерцаетъ минутами лучъ какой-то надежды; здѣсь — тишь невозмутимая, мракъ непроглядный, здѣсь передъ вами стоитъ мертвая красавица въ безлюдной степи, и общее гробовое молчаніе нарушается лишь движеніемъ степного коршуна, терзающаго въ воздухѣ добычу... Жутко, точно на кладбищѣ или въ домѣ купца-раскольника наканунѣ великаго праздника!

Чтобы видѣть проявленія безотвѣтной, забитой натуры въ разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, мы прослѣдимъ теперь послѣдующія за «своими людьми» комедіи Островскаго изъ купеческаго быта, начавши съ комедіи «Не въ свои сани не садись».

Не сравнивая значенія Островскаго съ значеніемъ Гоголя въ исторіи нашего развитія, мы замѣтимъ, однако, что въ комедіяхъ Островскаго, подъ вліяніемъ какихъ бы теорій онѣ ни писались, всегда можно найти черты глубоко-вѣрныя и яркія, доказывающія, что сознаніе жизненной правды никогда не покидало художника и не допускало его искажать дѣйствительность въ угоду теоріи. А если такъ, то, значитъ, и основныя черты міросозерцанія художника не могли быть совершенно уничтожены разсудочными ошибками. Онъ могъ брать для своихъ изображеній не тѣ жизненные факты, въ которыхъ извѣстная идея отражается наилучшимъ образомъ, могъ давать имъ произвольную связь, толковать ихъ не совсѣмъ вѣрно; но если художническое чутье не измѣнило ему, если правда въ произведеніи сохранена, — критика обязана воспользоваться имъ для объясненія дѣйствительности, равно какъ и для характеристики таланта писателя, но вовсе не для брани его за мысли, которыхъ онъ, можетъ-быть, еще и не имѣлъ. Критика должна сказать: «Вотъ лица и явленія, выводимыя авторомъ; вотъ сюжетъ пьесы; а вотъ смыслъ, какой, по нашему мнѣнію, имѣютъ жизненные факты, изображаемые художникомъ, и вотъ степень ихъ значенія въ общественной жизни». Изъ этого сужденія само собою и окажется, вѣрно ли самъ авторъ смотрѣлъ на созданные имъ образы. Если онъ, напримѣръ, силится возвести какое-нибудь лицо во всеобщій типъ, а критика докажетъ, что оно имѣетъ значеніе очень частное и мелкое, — ясно, что авторъ повредилъ произведенію ложнымъ взглядомъ на героя. Если онъ ставитъ въ зависимости одинъ отъ другого нѣсколько фактовъ, а по разсмотрѣнію критики окажется, что эти факты никогда въ такой зависимости не бываютъ, а зависятъ

совершенно отъ другихъ причинъ, опять очевидно само собой, что авторъ невѣрно понялъ связь изображаемыхъ имъ явленій. Но и тутъ критика должна быть очень осторожна въ своихъ заключеніяхъ: если, напримѣръ, авторъ награждаетъ въ концѣ пьесы негодяя или изображаетъ благороднаго, но глупаго человѣка, отъ этого еще очень далеко до заключенія, что онъ хочетъ оправдать негодяевъ или считаетъ всѣхъ благородныхъ людей дураками. Тутъ критика можетъ разсмотрѣть только: точно ли человѣкъ, выставляемый авторомъ, какъ благородный дуракъ, дѣйствительно таковъ по понятіямъ критики объ умѣ и благородствѣ, и затѣмъ: такое ли значеніе придаетъ авторъ своимъ лицамъ, какое имѣютъ они въ дѣйствительной жизни?

Таковы должны быть, по нашему мнѣнію, отношенія реальной критики къ художественнымъ произведеніямъ; таковы въ особенности должны они быть къ писателю при обозрѣніи цѣлой его литературной дѣятельности. Говоря объ отдѣльномъ произведеніи, критика можетъ увлекаться частностями и ставить въ вину писателю то, что имъ лишь недостаточно выяснено. Но при общей характеристикѣ, частности могутъ остаться въ сторонѣ, и на первомъ планѣ является изложеніе общаго міросозерцанія писателя, какъ оно выразилось во всей массѣ его произведеній. А какъ оно выразилось, это опредѣляется тѣми предметами и явленіями, которыя привлекали къ себѣ его вниманіе и сочувствіе и послужили матеріалами для его изображеній.

Сдѣлавши эти объясненія, мы можемъ теперь сказать, что вовсе не хотимъ видѣть въ «Не своихъ саняхъ» апологію патріархальнаго, стариннаго быта и попытку доказать преимущества русской необразованности предъ европейскимъ образованіемъ. Мы могли бы въ этой комедіи отыскать даже нѣчто противоположное, но и этого не хотимъ, а просто укажемъ на фактъ, служащій основою пьесы. Мы уже видѣли, что основной мотивъ пьесы Островскаго — неестественность общественныхъ отношеній, происходящая вслѣдствіе самодурства однихъ и безправности другихъ. Чувство художника, возмущаясь такимъ порядкомъ вещей, преслѣдуетъ его въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и передаетъ на позоръ того самаго общества, которое живетъ въ этомъ порядкѣ. И вотъ одно изъ такихъ видоизмѣненій.

Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ — этотъ лучшій представитель всѣхъ прелестей стараго быта, умнѣйшій старикъ, *русская душа*, которою славянофильскіе и кошихинствующіе критики кололи глаза нашей послѣпетровской эпохѣ и всей новѣйшей образованности, — Русаковъ, на нашъ взглядъ, служитъ живымъ протестомъ противъ этого темнаго быта, ничѣмъ неосмысленнаго и безнравственнаго въ самомъ корнѣ

своемъ. Въ Большовѣ мы видѣли дряпную натуру, подвергнувшуюся вліянію этого быта; въ Русаковѣ намъ представляется: а вотъ какими выходятъ при немъ даже честныя и мягкія натуры!.. И дѣйствительно, природная доброта и даже деликатность пробивается въ Русаковѣ сквозь грубыя формы. Онъ обходится со всѣми ласково, о женѣ и дочери говоритъ съ умиленіемъ; когда Дуня, узнавъ о его рѣшительномъ отказѣ Вихореву, падаетъ въ обморокъ (сцена эта намъ кажется, впрочемъ, утрированною), онъ пугается и даже тотчасъ соглашается измѣнить для нея свое рѣшеніе. Мало этого: у него голова сложена довольно хорошо и изъ нея не выбитъ здравый смыслъ. Онъ не говоритъ просто: «Такъ должно быть *потому*, что *я* такъ хочу», а старается отыскивать резоны для своихъ рѣшеній. Но этимъ и ограничивается то, что могъ онъ сохранить изъ добрыхъ качествъ своей натуры; далѣе начинаются пріобрѣтенія самодурства. Видно, что Русаковъ, по мягкости своей природы, съ самаго начала кротко покорился существующему порядку, признавъ его законность; значитъ, не было нужды доказывать ему эту законность пинками и колотушками. Оттого въ немъ и въ старости нѣтъ той враждебности и крутости, какую замѣчаемъ въ другихъ самодурахъ, выводимыхъ Островскимъ; оттого онъ не отвергаетъ даже резоновъ въ разговорѣ съ низшими и младшими. Но быть «темнаго царства», въ которомъ онъ выросъ, ничего не далъ ему въ отношеніи резонности: ея нѣтъ въ этомъ бытѣ, и потому Русаковъ впадаетъ въ ту же несмысленность въ тотъ же мракъ, въ какомъ блуждаютъ и другіе собратья его, хуже одаренные природою.

Любопытно послушать мораль, до которой успѣлъ онъ возвыситься. Покорность, терпѣніе, уваженіе къ опыту и преданію, ограниченіе себя своимъ кругомъ — вотъ его основныя положенія. Дошелъ онъ до нихъ грубо-эмпирически, сопоставляя факты, но ничѣмъ ихъ не осмысливая, потому что мысль его связана въ то же время самымъ упорнымъ, фаталистическимъ понятіемъ о судьбѣ, распоряжающейся человѣческими дѣлами. Онъ появляется на сцену съ сентенціей о томъ, что «нужно къ старшимъ за совѣтомъ ходить,—старикъ худа не посовѣтуетъ». Далѣе, въ отвѣтъ на сватовство Бородкина, онъ говоритъ: «Я, значитъ, долженъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому — мнѣ придется за дочь Богу отвѣчать». На этомъ основаніи онъ съ судьбою дочери распоряжается вотъ какимъ образомъ: «Статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится? Нѣтъ, это не порядокъ: пусть *мнѣ* человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого *я* полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдамъ». Въ этомъ ужъ крѣпко сказывается и самодурство; но оно смягчается въ Русаковѣ слѣдующимъ

разсужденіемъ: «Какъ дѣвкѣ повѣрить? что она видѣла? кого она знаетъ?» Разсужденіе справедливое въ отношеніи къ дочери Русакова; но ни Русакову, и никому изъ его собратьевъ, не приходитъ въ голову спросить: «Отчего же она ничего не видѣла и никого не знаетъ? Какая необходимость была воспитывать ее въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи, что всякій ее можетъ обмануть?..» Если бъ они задали себѣ вотъ этотъ вопросъ, то изъ отвѣта и оказалось бы, что всему злу корень опять-таки не что иное, какъ ихъ собственное самодурство. Русаковъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и въ бары лѣзть не желаетъ, а образованіе онъ считаетъ исключительной принадлежностью баръ; вслѣдствіе того онъ и дочь свою такъ держитъ, что она остается, по его выраженію, *дурою*. Въ отвѣтъ на сватанье Вихорева онъ говоритъ: «Ищите себѣ барышень, воспитанныхъ, а ужъ нашихъ-то дуръ оставьте намъ, мы своимъ-то найдемъ женіховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ». Въ этихъ словахъ еще слышится иронія; но Русаковъ и серьезно продолжаетъ въ томъ же родѣ: «Ну, какая она барыня, посудите, отецъ: жила здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала... Не за что вамъ и любить ее: она дѣвушка простая, невоспитанная и совсѣмъ вамъ не пара. У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ ней, какъ надъ дурой, да и вамъ-то она опротивѣетъ хуже горькой полыни... такъ отдамъ ли я дочь на такую каторгу!»

Въ этихъ разсужденіяхъ всего печальнѣе то, что они совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, не очень-то веселая жизнь ожидала бы Авдотью Максимовну, если бы она вышла *за благороднаго*, хотя бы онъ и не былъ такимъ шелыганомъ, какъ Вихоревъ. Она въ самомъ дѣлѣ воспитана такъ, что въ ней вовсе нѣтъ лица человѣческаго. Самая лучшая похвала ей изъ устъ самого отца—какая же?—та, что «въ глазахъ у нея только любовь да кротость: *она будетъ любить всякаго мужа*, надо найти ей такого, чтобы ее-то любилъ». Это значитъ — доброта безразличная, безотвѣтная, именно такая, какая въ мягкихъ натурахъ вырабатывается подъ гнетомъ семейнаго деспотизма и какая всего болѣе нравится самодурамъ. Для людей, привыкшихъ опирать свои дѣйствія на здравомъ смыслѣ и соображать ихъ съ требованіями справедливости и общаго блага, такая доброта противна или, по крайней мѣрѣ, жалка. Немудрено разсудить, что если человѣкъ со всѣми соглашается, то у него, значитъ, нѣтъ своихъ убѣжденій; если онъ всѣхъ любитъ и всѣмъ другъ, то, значитъ, всѣ для него безразличны; если дѣвушка всякаго мужа любить будетъ, то ясно, что сердце у ней составляетъ даже не кусокъ мяса, а просто какое-то расплывающееся тѣсто, въ которое можно воткнуть что угодно...

Для человѣка, незараженнаго самодурствомъ, вся прелесть любви заключается въ томъ, что воля другого существа гармонически сливается съ его волей, безъ малѣйшаго принужденія. Оттого-то очарованіе любви и бываетъ такъ неполно и недостаточно, когда взаимность достигается какими-нибудь вымогательствами, обманомъ, покупается за деньги или вообще пріобрѣтается какими-нибудь внѣшними и посторонними средствами. Чувство любви можетъ быть истинно хорошо только при внутренней гармоніи любящихъ, и тогда оно составляетъ начало и залогъ того общественнаго благоденствія, которое обѣщается намъ, въ будущемъ развитіи человѣчества, водвореніемъ братства и личной равноправности между людьми. Но самодурство и этого чувства не можетъ оставить свободнымъ отъ своего гнета: въ его свободномъ и естественномъ развитіи оно чувствуетъ какую-то опасность для себя, и потому старается убить прежде всего то, что служитъ его основаніемъ — личность. Для этого самодуры сочиняютъ свою мораль, свою систему житейской мудрости, и по ихъ толкованіямъ выходитъ, что чѣмъ болѣе личность стерта, неразличима, непримѣтна, тѣмъ она ближе къ идеалу совершеннаго человѣка. «У него такой отличный характеръ, что онъ вынесетъ безропотно всякое оскорбленіе, будетъ любить самаго недостойнаго человѣка», вотъ похвала, выше которой самодуръ ничего не знаетъ. А на нашъ взглядъ подобный человѣкъ есть дрянь, кисель, тряпка; онъ можетъ быть хорошимъ *человѣкомъ*, но только въ лакейскомъ смыслѣ этого слова. На другое же ни на что онъ не годенъ, и отъ него можно ожидать ровно столько же пакостей, сколько и хорошихъ поступковъ: все будетъ зависѣть отъ того, въ какія руки онъ попадется. Ничего этого не признаетъ Русаковъ, въ качествѣ самодура, и твердитъ свое: «Все зло на свѣтѣ отъ необузданности; мы, бывало, страхъ имѣли и старшихъ уважали, такъ и лучше было... бить некому нынѣшнихъ молодыхъ людей, а то-то надо бы: палка-то по нихъ плачетъ». И о чемъ бы онъ ни говорилъ,—уваженіе къ старшимъ на первомъ планѣ. Даже на Вихорева онъ сердится всего болѣе за то, что тотъ «со старшими говорить не умѣетъ». И на дочь свою, когда та дѣлаетъ попытку убѣдить отца, онъ, при всей своей мягкости, прикрикиваетъ: «Да какъ ты смѣешь такъ со мной разговаривать?» А затѣмъ онъ даетъ ей строгій приказъ: «Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или поди ты у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу». И, чтобы приказъ былъ дѣйствительнѣе, онъ подкрѣпляетъ его попреками: «Я тебя ростилъ, я тебя берегъ пуще глазу... Что грѣха на душу принялъ, гордость меня одолѣла съ тобой... Наказалъ Богъ по грѣхамъ». Говоря безпристрастію, такое обращеніе нельзя назвать очень гуманнымъ; но въ нашемъ «темномъ царствѣ» и оно еще довольно мягко.

и Русаковъ по справедливости можетъ быть названъ лучшимъ изъ самодуровъ.

Русаковъ есть лучшій представитель старыхъ началъ жизни, началъ самодурныхъ. По натурѣ своей онъ добръ и честенъ, его мысли и дѣла направлены ко благу, оттого въ семьѣ его мы не видимъ тѣхъ ужасовъ угнетенія, какіе встрѣчаемъ въ другихъ самодурныхъ семействахъ, изображенныхъ самимъ же Островскимъ. Но это явленіе совершенно случайное, исключительное: въ сущности тѣхъ началъ, на которыхъ основанъ бытъ Русаковыхъ, нѣтъ никакихъ гарантій благосостоянія. Напротивъ, уничтожая права личности, ставя страхъ и покорность основою воспитанія и нравственности, эти начала только и могутъ обусловливать собою произволъ, угнетеніе и обманъ. Русаковъ — случайное исключеніе, и за то первый ничтожный случай разрушаетъ все добро, которое въ его семействѣ было слѣдствіемъ его личныхъ достоинствъ. Онъ полагаетъ, что все зло произошло отъ наущеній Арины Ѳедотовны; но вѣдь это онъ только сваливаетъ съ больной головы на здоровую. Тутъ опять тотъ же силлогизмъ, который не такъ давно приводился противниками грамотности. «Грамотные мужики — кляузники и плуты: они обманываютъ неграмотныхъ; слѣдовательно, не нужно учить мужиковъ грамотѣ». Въ правильномъ своемъ видѣ этотъ силлогизмъ долженъ имѣть слѣдующій видъ: «Неграмотные мужики обманываются грамотными; слѣдовательно, надо всѣмъ мужикамъ дать средства учиться, чтобы оградить ихъ отъ обмана». Такъ и здѣсь: Арина Ѳедотовна соблазнила и надула дочь Русакова; что изъ этого? То, что надо было дѣвушкѣ дать средства оградить себя отъ соблазна. Надо было ей самой — и жизнь раскрывать, и людей показывать, и пріучать ее къ самостоятельности мнѣній и поступковъ: дѣвушка развитая и привыкшая къ обществу не поддалась бы пошлой Аринѣ Ѳедотовнѣ и не плѣнилась бы пустоголовымъ Вихоревымъ. Но дать ей настоящее, человѣческое развитіе значило бы признать права ея личности, отказаться отъ самодурныхъ правъ, итти наперекоръ всѣмъ преданіямъ, по которымъ сложился бытъ «темнаго царства»; этого Русаковъ не хотѣлъ и не могъ сдѣлать. Онъ добръ и уменъ настолько, чтобъ не вдаваться въ крайности, чтобъ положить предѣлъ и мѣру злоупотребленіямъ, до которыхъ самодурныя права доводятъ другихъ его собратій. Но въ немъ нѣтъ столько силы ума и характера, чтобъ отрѣшиться отъ самыхъ главныхъ основъ своего быта. Онъ остановился на данной точкѣ и все, что изъ нея выходитъ, обсуждаетъ довольно правильно: онъ очень вѣрно замѣчаетъ, что дочь его нетрудно обмануть, что разговоры Аришы Ѳедотовны могутъ быть для нея вредны, что невоспитанной купчихѣ не сладко выходить за барина и проч. Но во всѣхъ его сужденіяхъ замѣтенъ тотъ неразум-

ный, тупой консерватизмъ, который составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ упрямаго самодурства. Онъ остановился на томъ положеніи дѣлъ, которое уже существуетъ, и не хочетъ допустить даже мысли о томъ, что это положеніе можетъ или должно измѣниться. Онъ сознаетъ, что дочь его невоспитанна и собственно потому не годится въ барыни; но онъ не выражаетъ ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что не воспиталъ ее. По его понятіямъ ужъ это такъ и должно быть: купчиха, — такъ купчиха, а барыня, — такъ ужъ та съ тѣмъ и родится, чтобъ быть барыней. Онъ сознаетъ и то, что его дочь не умѣетъ различать людей и потому плѣняется дряннымъ вертопрахомъ Вихоревымъ. Но это не наводитъ его на мысль, что надобно было бы хоть нѣсколько пріучить ее имѣть собственныя сужденія о вещахъ. Напротивъ, по его убѣжденію то-то и хорошо, что она всякаго любить будетъ, кто не попадись. Право выбирать людей по своему вкусу, любить однихъ и не любить другихъ — можетъ принадлежать, во всей своей обширности, только ему, Русакову, всѣ же остальные должны украшаться кротостью и покорностью: таковъ ужъ уставъ самодурства... При всей своей добротѣ и умѣ, Русаковъ, какъ самодуръ, не можетъ рѣшиться на существенныя измѣненія въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ и даже не можетъ понять необходимости такого измѣненія. Все зло происходитъ въ семьѣ оттого, что Русаковъ, боясь дать дочери свободу мнѣнія и право распоряжаться своими поступками, стѣсняетъ ея мысль и чувство и дѣлаетъ изъ нея вѣчно несовершеннолѣтнюю, почти слабоумную дѣвочку. Онъ видитъ, что зло существуетъ и желаетъ, чтобъ его не было; но для этого прежде всего надо отстать отъ самодурства, разстаться съ своими понятіями о сущности правъ своихъ надъ умомъ и волею дочери; а это уже выше его силъ, это недоступно даже его понятію... И вотъ онъ сваливаетъ вину на другихъ: то Арина Ѳедотовна съ заразой пришла, то просто — лукавый попуталъ. «Врагъ рода человѣческаго, говоритъ, всякимъ соблазномъ соблазняетъ насъ, всякимъ прельщеніемъ»... И не хочетъ понять самой простой истины: что не нужно усыплять въ человѣкѣ его внутреннія силы и связывать его руки и ноги, если хотятъ, чтобъ онъ могъ успѣшно бороться съ своими врагами.

И за это самодурство отца дѣвочка и должна поплатиться всѣмъ, что могло бы доставить ей истинно-счастливую, сознательную, свѣтлую будущность. Общій взглядъ Максима Ѳедотыча на жизнь не могъ не отразиться, наперекоръ его любви, и на развитіи дочери. Онъ умѣлъ уберечь ее отъ всего, что даетъ человѣку средства беречь самого себя, и оттого-то онъ такъ плохо убережетъ ее. Кажется, чего бы лучше: воспитана дѣвушка «въ страхѣ да въ добродѣтели», по словамъ Ру-

сакова, дурныхъ книгъ не читала, людей почти вовсе не видѣла, выходъ имѣла только въ церковь Божію, вольнодумныхъ мыслей о непочтеніи къ старшимъ и о правахъ сердца — не могла ниоткуда набраться, отъ претензій на личную самостоятельность была далека, какъ отъ мысли — поступить на военную службу... Чего бы, кажется, лучше? Жила бы себѣ спокойно и ровно, по плану, разъ навсегда начертанному Русаковымъ, и ничто бы, кажется, не должно было увлекать и совращать съ праваго пути это совершенное, кроткое созданіе, эту голубку безотвѣтную. Но шатко, мимолетно и ничтожно все, чему нѣтъ основанія и поддержки внутри человѣка, въ его разсудкѣ и сознательной рѣшимости. Только тѣ семейныя и общественныя отношенія и могутъ быть крѣпки, которыя вытекаютъ изъ внутреннихъ убѣжденія и оправдываются добровольнымъ, разумнымъ согласіемъ всѣхъ, въ нихъ участвующихъ. Самодурство, даже въ лицѣ лучшихъ его представителей, подобныхъ Русакову, не признаетъ этого—и за то терпитъ жестокія пораженія отъ первой случайности, отъ первой ничтожной интрижки, даже просто шалости, не имѣющей опредѣленнаго смысла. Что могло быть ничтожнѣе и безсмысленнѣе разсужденій Арины Ѳедотовны? Что могло представиться пошлѣе и нелѣпѣе Вихорева Авдотьѣ Максимовнѣ? И однакоже, эти двѣ пошлости разстроиваютъ всю гармонію семейнаго быта Русаковыхъ, заставляютъ отца проклинать дочь, дочь — уйти отъ отца и затѣмъ ставятъ несчастную дѣвушку въ такое положеніе, за которымъ, по мнѣнію самого Русакова, слѣдуетъ не только для нея самой горе и безчестье на всю жизнь, но и общій позоръ для цѣлой семьи. И въ самодурномъ бытѣ, съ его патріархальными обычаями, не находится въ этомъ случаѣ даже силы примиренія, потому что здѣсь нарушена не только формальность цѣломудрія, но и принципъ повиновенія... Для возстановленія правъ невинной, но опозоренной дѣвушки нужна великодушная выходка Бородкина, совершенно исключительная и несообразная съ правами этой среды, которой неразвитость и самодурство обусловливаютъ какъ чрезвычайную легкость проступка Авдотьи Максимовны, такъ и невозможность примиренія.

Такимъ образомъ, мы можемъ повторить наше заключеніе: комедіею «Не въ свои сани не садись» Островскій, намѣренно или ненамѣренно, или даже противъ воли, показалъ намъ, что пока существуютъ самодурныя условія въ самой основѣ жизни, до тѣхъ поръ самыя добрыя и благородныя личности ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать, до тѣхъ поръ благосостояніе семейства и даже цѣлаго общества непрочно и ничѣмъ не обезпечено даже отъ самыхъ пустыхъ случайностей. Изъ анализа характера и отношеній Русакова мы вывели эту истину въ приложеніи къ тому случаю, когда порядоч-

ная натура находится въ положеніи самодура и отуманивается своими правами. Въ другихъ комедіяхъ Островскаго мы находимъ еще болѣе сильное указаніе той же истины, въ приложеніи къ другой половинѣ «темнаго царства», — половинѣ зависимой и угнетенной.

„Бѣдность не порокъ".

...Въ горькой долѣ дочери Русакова мы видимъ много неразумнаго, но тамъ впечатлѣніе смягчается тѣмъ, что угнетеніе все-таки не столь грубо тяготѣетъ надъ ней. Гораздо болѣе нелѣпаго и дикаго представляютъ намъ въ судьбѣ своей угнетенныя личности, изображенныя въ комедіи «Бѣдность не порокъ».

«Бѣдность не порокъ» намъ очень ясно представляетъ, какъ честная, но слабая натура глохнетъ и погибаетъ подъ безсмысліемъ самодурства. Гордей Карпычъ Торцовъ, отецъ Любови Гордеевны, братъ Любима Торцова и хозяинъ Мити, есть уже самодуръ въ полномъ смыслѣ. Онъ и крутъ, и гордъ, и разсудка не имѣетъ, по отзыву жены его, Пелагеи Егоровны. Цѣлый домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно грозенъ сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Африканомъ Саввичемъ Коршуновымъ и сталъ «перенимать новую моду». На этой дружбѣ и пристрастіи Гордея Карпыча къ новой модѣ и основана завязка комедіи.

Самодурство и образованіе — вещи, сами по себѣ противоположныя, и потому столкновеніе между ними, очевидно, должно кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности, и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, при чемъ, разумѣется, останется прежнимъ невѣждою. Послѣднее произошло съ Гордеемъ Карпычемъ, какъ бываетъ почти со всѣми самодурами. Онъ никакъ не предполагаетъ, что первый шагъ къ образованности дѣлается подчиненіемъ своего произвола требованіямъ разсудка и уваженіемъ тѣхъ же требованій въ другихъ. Ему, напротивъ, кажется, что всякая образованность, всякая логика существуетъ только затѣмъ, чтобы служить къ совершеннѣйшему исполненію его прихотей. Оттого онъ и понимаетъ только грубо-матеріальную, чисто внѣшнюю сторону образованія. «Что они,—говоритъ,—пьютъ-то по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя, а не понимаютъ того, что на это есть шампанское!» «А за столомъ-то какое невѣжество: молодецъ въ поддевкѣ прислуживаетъ, либо дѣвка!» «Я, говоритъ, въ здѣшнемъ городѣ только и вижу невѣжество да необразованіе; для того и хочу въ Москву переѣхать, и буду тамъ *моду всякую подражать*». Находя, что въ этомъ-то подражаніи и состоитъ образованность, онъ

пристаетъ къ женѣ, чтобъ на старости лѣтъ надѣла чепчикъ вмѣсто головки, задавала модные вечера съ музыкантами, отстала отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ. Но онъ не видитъ никакой надобности измѣнить свои отношенія къ домашнимъ, дать здравому смыслу хоть какое-нибудь участіе въ своемъ семейномъ бытѣ. Требовательность Гордея Карпыча стала больше, а простора для дѣятельности всѣхъ окружающихъ онъ не даетъ попрежнему. Жена жалуется, что съ нимъ «нельзя сговорить, при его крутомъ-то характерѣ», особенно послѣ того, какъ *перенялъ* эту образованность. «То все-таки разсудокъ имѣлъ, — говоритъ про него Пелагея Егоровна, — а тутъ ужъ совсѣмъ у него помутилось»... Даже о судьбѣ дочери жена не смѣетъ ничего сказать ему: «Смотритъ звѣремъ, ни словечка не скажетъ, — точно я и не мать... Да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего»... Отношенія Гордея Карпыча ко всѣмъ домашнимъ тоже грубы и притѣснительны въ высшей степени. Отъ дочери онъ только и требуетъ, чтобы изъ его воли не смѣла выходить. На просьбу ея — не выдавать ее за Коршунова, онъ отвѣчаетъ: «Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья... Одно дѣло — ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; *а другое дѣло — я такъ приказываю*». И дочь отвѣчаетъ: «Я приказу твоего не смѣю ослушаться». Приказчика Митю Гордей Карпычъ ругаетъ безцеремонно и совершенно напрасно. Узнавши, что онъ посылаетъ матери деньги, Торцовъ замѣчаетъ: «Себя-то бы образилъ прежде: матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана; сама, чай, хлѣвы затворяла»... Въ глазахъ Гордея Карпыча это большое преступленіе: матери деньги посылаетъ человѣкъ, а себѣ сюртука новаго не сошьетъ!.. А между тѣмъ Торцовъ и не думаетъ прибавить жалованья усердному приказчику, на что даже самъ кроткій Митя жалуется: «Жалованье маленькое отъ Гордея Карпыча, все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ»... Вообще грубость и необузданность безпрестанно и очень сильно проявляются въ Гордеѣ Карпычѣ. Входя въ комнату приказчиковъ, которые поютъ пѣсню, онъ кричитъ: «Что распѣлись! Горланятъ, точно мужичье!..» и начинаетъ ругаться. Во второмъ актѣ, когда Пелагея Егоровна устроила вечеринку и позвала ряженыхъ, вдругъ вбѣгаетъ Арина, говоритъ «самъ пріѣхалъ», и всѣ присутствующіе встаютъ въ перепугѣ. Гордей Карпычъ входитъ и дѣйствительно здоровается съ женой и гостями слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Это что за сволочь! Вонъ!.. Жена, принимай гостя!..» Гость этотъ — Африканъ Саввичъ, и онъ-то ужъ сдерживаетъ нѣсколько порывы гнѣва Гордея Карпыча... Ясно, что даже та внѣшность образованія,

которая выражается въ манерахъ и приличіяхъ, не далась Гордею Карпычу. Онъ могъ надѣть новый костюмъ, завести новую *небель*, пристраститься къ «шемпанскому»; но въ своей личности, въ характерѣ, даже во внѣшней манерѣ обращенія съ людьми онъ не хотѣлъ ничего измѣнить. Во всѣхъ своихъ привычкахъ онъ остался вѣренъ своей самодурной натурѣ, и въ немъ мы видимъ довольно любопытный образчикъ того, какимъ манеромъ на всякаго самодура дѣйствуетъ образованіе. Казалось бы, человѣкъ попалъ на хорошую дорогу: созналъ недостатки того образа жизни, какой велъ доселѣ, исполнился негодованіемъ противъ невѣжества, понялъ превосходство образованности вообще... Утѣшительное явленіе! Положимъ, что все это въ немъ еще смутно, слабо, невѣрно; но все-таки начало сдѣлано, застой потревоженъ, дѣятельность получила новое направленіе... Быть-можетъ, онъ пойдетъ и дальше по этому пути, и нравъ его смягчится, вся жизнь приметъ новый характеръ... Нѣтъ, не дожидайтесь... Во всякомъ другомъ образованіе возбуждаетъ симпатическія стремленія, смягчаетъ характеръ, развиваетъ уваженіе къ началамъ справедливости и т. д. Но въ самодурѣ само просвѣщеніе, сама логика, сама добродѣтель принимаютъ свой дикій и безобразный видъ. Отправляясь отъ той точки, что его произволъ долженъ быть закономъ для всѣхъ и для всего, самодуръ радъ воспользоваться тѣмъ, что просвѣщеніе приготовило для удобствъ человѣка, радъ требовать отъ другихъ, чтобъ его воля выполнялась лучше, сообразно съ успѣхами разныхъ знаній, съ введеніемъ новыхъ изобрѣтеній и пр. Но только на этомъ онъ и остановится. Не ждите, чтобъ онъ самъ на себя наложилъ какія-нибудь ограниченія, вслѣдствіе сознанія новыхъ требованій образованности; не думайте даже, чтобъ онъ могъ проникнуться серьезнымъ уваженіемъ къ законамъ разума и къ выводамъ науки: это вовсе несообразно съ натурою самодурства. Нѣтъ, онъ постоянно будетъ смотрѣть свысока на людей мысли и знанія, какъ на черноработныхъ, обязанныхъ приготовлять матеріалъ для удобствъ его произвола; онъ постоянно будетъ отыскивать въ новыхъ успѣхахъ образованности предлоги для предъявленія новыхъ правъ своихъ, но никогда не дойдетъ до сознанія обязанностей, налагаемыхъ на него тѣми же успѣхами образованности. Иначе и не можетъ онъ поступать, не переставая быть самодуромъ, такъ какъ первое требованіе образованности въ томъ именно и состоитъ, чтобы отказаться отъ самодурства. А отказаться отъ самодурства для какого-нибудь Гордея Карпыча Торцова значитъ обратиться въ полное ничтожество. И вотъ онъ тѣшится надъ всѣми окружающими: колетъ имъ глаза ихъ невѣжествомъ и преслѣдуетъ за всякое обнаруженіе ими знанія и здраваго смысла. Онъ узналъ, что образованныя дѣвушки хорошо гово-

рятъ, и упрекаетъ дочь, что та говорить не умѣетъ; но чуть она заговорила, кричитъ: «Молчи, дура!» Увидѣлъ онъ, что образованные приказчики хорошо одѣваются, и сердится на Митю, что у того сюртукъ плохъ; но жалованьишко продолжаетъ давать ему самое ничтожное... Такъ точно и во всей своей жизни — онъ умѣетъ извлечь изъ претензій на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей... Такова уже сущность этого милаго свойства, которое такъ мѣтко названо у Островскаго самодурствомъ!

Подъ вліяніемъ такого человѣка и такихъ отношеній развиваются кроткія натуры Любови Гордеевны и Мити, представляющія собою образецъ того, до чего можетъ доходить обезличеніе и до какой совершенной неспособности къ самобытной дѣятельности доводитъ угнетеніе даже самую симпатичную, самоотверженную натуру. Митя способенъ къ жертвамъ, онъ самъ терпитъ нужду, чтобы только помогать своей матери; онъ сноситъ всѣ грубости Гордея Карпыча и не хочетъ отходить отъ него изъ любви къ его дочери; онъ, несмотря на гнѣвъ хозяина, пригрѣваетъ въ своей комнатѣ Любима Торцова и даетъ ему даже денегъ на похмелье. Словомъ, у Мити такъ много самоотверженія, что, кажется, ему всякія жертвы, всякія опасности должны быть нипочемъ... Не меньшей добротой отличается и Любовь Гордеевна. А ужъ какъ она любитъ Митю — этого и сказать нельзя: кажется, душу бы за него отдала съ радостью... Будь это люди нормальные, съ свободной волей и хоть съ нѣкоторой энергіей, ничто не могло бы разлучить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, разлука эта не обошлась бы безъ тяжелой и страшной борьбы. Но посмотрите, какъ разыгрывается вся исторія въ семействѣ Торцова. При самомъ объясненіи въ любви, собираясь просить благословенія у отца, Любовь Гордеевна говоритъ Митѣ: «А ну, какъ тятенька не захочетъ нашего счастья, что тогда?» Митя отвѣчаетъ: «Что загадывать впередъ? Тамъ — какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь». Любочка ничего не находитъ отвѣтить на эти слова. Какъ ясно рисуется здѣсь безсиліе и забитость молодыхъ людей! Они боятся даже подумать о какомъ-нибудь самостоятельномъ шагѣ, стараются прогнать отъ себя даже мысль о предстоящихъ препятствіяхъ. Она съ ужасомъ говоритъ: «Что будетъ, если тятенька не согласится?» — а онъ, вмѣсто отвѣта: «Какъ Богъ дастъ!..» Ясно, что они не въ состояніи исполнить своихъ намѣреній, если встрѣтятъ хоть малѣйшее препятствіе. И дѣйствительно, въ этотъ самый вечеръ является Гордей Карпычъ съ Коршуновымъ, приказываетъ дочери ласкать и цѣловать его и объявляетъ, что это ея женихъ. Пелагея Егоровна приходитъ въ ужасъ и въ какомъ-то безсознательномъ

порывѣ кричитъ, схватывая дочь за руки: «Моя дочь, не отдамъ! батюшка, Гордей Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ! перестань... истомилъ всю душу».

До такой степени гнетъ самодурства исказилъ въ нихъ человѣческій образъ, заглушилъ всякое самобытное чувство, отнялъ всякую способность къ защитѣ самыхъ священныхъ правъ своихъ, правъ на неприкосновенность чувства, на независимость сердечныхъ влеченій, на наслажденіе взаимной любовью!..

И вѣдь если бы еще въ самомъ дѣлѣ сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ этими несчастными! А то вовсе нѣтъ!.. Гордей Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и трусливъ, и слабодушенъ. Это опять-таки неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія, или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно... Но у него нѣтъ такой точки опоры, которая могла бы поддержать его въ серьезной и продолжительной борьбѣ. Онъ требуетъ и приказываетъ, но самъ хорошенько не понимаетъ ни настоящаго смысла своихъ приказаній, ни того, на чемъ они основаны... Кромѣ того, въ немъ есть всегда неопредѣленный, смутный страхъ за свои права: онъ чувствуетъ, что многихъ своихъ претензій не можетъ оправдать никакимъ правомъ, никакимъ общимъ закономъ... Боясь, чтобы другіе этого не примѣтили, онъ употребляетъ обыкновенную мѣру — запугиваніе. Извѣстно, какъ скрывается подъ этою мѣрою всякая ничтожность, фальшь, нечистота, словомъ, несостоятельность всякаго рода... Благодаря общей апатіи и добродушію людей, такое поведеніе почти всегда удается: иной и хотѣлъ бы спросить отчета, какъ и почему? у начальника или учителя, да видитъ, что къ тому приступу нѣтъ, такъ и махнетъ рукой... «Э, — скажетъ,— ну его! Еще обругаетъ ни за что, ни про что!» И вслѣдствіе такого разсужденія, наглая, самодурная глупость и безчестность продолжаютъ безмятежно пользоваться всѣми выгодами своей наглости и всѣми знаками видимаго почета отъ окружающихъ. Всеобщая потачка возвышаетъ гордость самодура и даже дѣйствительно придаетъ ему силы... Но только на подобной иллюзіи и держится значеніе самодура. Только покажись гдѣ-нибудь сильный и рѣшительный отпоръ, сила самодура падаетъ, онъ начинаетъ трусить и теряться. На первый разъ еще у него станетъ храбрости и упрямства, и это объясняется даже просто привычкой: привыкши встрѣчать безмолвное повиновеніе, онъ съ перваго раза и повѣрить не хочетъ, чтобы могло явиться серьезное противодѣйствіе его волѣ. Вслѣдствіе того, считая сначала за слѣдствіе недоразумѣнія всякій голосъ, имѣющій хоть тѣнь намѣренія ограничить его самовольство, онъ разражается взрывомъ бѣшенства, пытается

запугать еще больше, чѣмъ прежде пугалъ, и этимъ средствомъ по большей части успѣваетъ смирить или заглушить всякое недовольство. Но чуть только онъ увидитъ, что его сознательно не боятся, что съ нимъ идутъ на споръ рѣшительный, что вопросъ ставится прямо: «Погибну, но не уступлю», онъ медленно отступаетъ, смягчается, умолкаетъ и переноситъ свой гнѣвъ на другіе предметы, или на другихъ людей, которые виноваты только тѣмъ, что они послабѣе...

...Итакъ, Гордей Карпычъ, въ качествѣ самодура, очень слабодушенъ и вовсе не имѣетъ выдержки въ своемъ характерѣ. Всѣ качества дѣйствительно-сильной натуры замѣняются у него необузданнымъ произволомъ да тупоумнымъ упрямствомъ. Вотъ чѣмъ объясняется и оправдывается видимая неожиданность развязки, которую далъ Островскій комедіи «Бѣдность не порокъ». При появленіи этой комедіи всѣ критики возстали на автора за произвольность развязки. Внезапная перемѣна Гордея Карпыча, его ссора съ Африканомъ Саввичемъ и вниманіе къ требованіямъ Любима Торцова показались всѣмъ неестественными. Да и тутъ еще, кстати, хотѣли видѣть со стороны автора навязываніе какого-то великодушія Торцову и какъ будто искусственное облагораживаніе его личности. Теперь, кажется, не нужно доказывать, что такихъ намѣреній не было у Островскаго: характеръ его литературной дѣятельности опредѣлился, и въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ произведеній онъ самъ произнесъ то слово, которое, по нашему мнѣнію, всего лучше можетъ служить къ характеристикѣ направленія его сатиры. Преслѣдованіе самодурства во всѣхъ его видахъ, осмѣиваніе его въ послѣднихъ его убѣжищахъ, даже тамъ, гдѣ оно принимаетъ личину благородства и великодушія,—вотъ, по нашему убѣжденію, настоящее дѣло, на которое постоянно устремляется талантъ Островскаго, даже совершенно независимо отъ его временныхъ воззрѣній и теоретическихъ убѣжденій...

...Неразумностью отличается великодушіе Торцова. Онъ души не чаетъ въ своемъ будущемъ зятѣ Африканѣ Саввичѣ. «Можешь ли ты меня теперь понимать?» спрашиваетъ онъ, и ничего, кажется, не желаетъ болѣе, какъ только того, чтобы зятюшка его понялъ. Чтобы угодить ему и скрѣпить свою дружбу съ нимъ, Торцовъ жертвуетъ дочерью, презираетъ ея мольбы и слезы матери, даже самъ видимо унижается и позволяетъ ему обходиться съ собой нѣсколько свысока. Но вотъ Любимъ Торцовъ начинаетъ обижать нареченнаго зятя, зять обиженъ и даетъ это замѣтить Гордею Карпычу довольно грубо, заключая свою рѣчь словами: «Нѣтъ, теперь *ты* приди ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ». Этихъ словъ довольно, чтобы взбѣсить Гордея Карпыча. Онъ вспыльчиво спрашиваетъ: «Я къ тебѣ пойду кланяться?» А Коршуновъ подливаетъ масла въ огонь,

говоря: «Пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ... Вотъ несчастье-то твое». Этими словами Коршуновъ совершенно портитъ свое дѣло: онъ употребилъ именно ту форму, которой самодурство никакъ не можетъ переносить, и которая сама опять-таки есть не что иное, какъ нелѣпое порожденіе самодурства. Одинъ самодуръ говоритъ: «Ты не смѣешь этого сдѣлать»; а другой отвѣчаетъ: «Нѣтъ, смѣю». Тутъ споръ идетъ уже о томъ, кто кого передуритъ. И если одинъ изъ спорящихъ чего-нибудь добивается отъ другого, то, разумѣется, побѣдителемъ останется тотъ, отъ котораго добиваются; ему вѣдь тутъ и труда никакого не нужно: стоитъ только не дать, и дѣло съ концомъ. Такъ происходитъ и здѣсь. Выслушавъ «не смѣешь» Коршунова, Гордей Карпычъ говоритъ: «Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, *я самъ* тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, *за кого вздумается*, за того и отдамъ. Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ... Вотъ за Митьку отдамъ!..» И въ порывѣ гнѣва онъ нѣсколько разъ повторяетъ: «Да, за Митьку отдамъ! На зло ему, за Митрія отдамъ!..» Коршуновъ уходитъ въ ярости, а домашніе всѣ удивлены, принимая слова Гордея Карпыча за серьезное рѣшеніе: до такой степени пріучены они къ неразумности всѣхъ его поступковъ. Митя, съ наивностью загнаннаго юноши, очень довѣрчиваго и очень плохо понимающаго истинный смыслъ всего, что вокругъ него происходитъ, даже обращается къ Торцову съ слѣдующей рѣчью: «Зачѣмъ же на зло, Гордей Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ, по-родительски, съ любовью»... Но эти наивныя слова возбуждаютъ, разумѣется, гнѣвное изумленіе въ Торцовѣ, который и не думалъ говорить серьезно объ отдачѣ дочери за Митю. «Что, что! — вскрикиваетъ онъ. — Ты ужъ и радъ случаю! Да *какъ ты смѣлъ* подумать-то? Что она, ровня, что ль тебѣ? *Съ кѣмъ ты говоришь*, вспомни!..» Митя становится передъ нимъ на колѣни, но это смиреніе не обезоруживаетъ Гордея Карпыча: онъ продолжаетъ ругаться. Просьбы дочери и жены тоже остаются безсильны. Но тутъ-то является имъ на помощь Любимъ Торцовъ,—озорникъ, съ которымъ Гордей Карпычъ ужъ достаточно повозился и никакого ладу не нашелъ... Любимъ говоритъ ему то же, что и Коршуновъ: «Да ты поклонись въ ноги Любиму Торцову, что онъ тебя оконфузилъ-то», и Палагея Егоровна прибавляетъ: «Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться»... Можно бы ожидать, что Гордей Карпычъ, на зло домашнимъ, опять упрется и выдумаетъ еще

что-нибудь *на зло*. Но онъ только спрашиваетъ въ недоумѣніи: «Что жъ я, извергъ, что ли, какой въ своемъ семействѣ?» Изъ этого вы уже замѣчаете, что его начинаетъ пробивать великодушіе. Разъ онъ уже поставилъ на своемъ, прогналъ Коршунова, и, слѣдовательно, самолюбіе его удовлетворено покамѣстъ. Къ тому же, онъ ужъ и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи теперь снова собрать ту же энергію для другой борьбы. А тутъ, вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены, допекаютъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственнаго опыта. Гордей Карпычъ какъ будто затуманивается; онъ смотритъ вокругъ себя и не знаетъ, какъ ему все это понимать и что дѣлать; онъ ищетъ внутри себя, на чемъ бы опереться въ борьбѣ, и ничего не находитъ, кромѣ своей самодурной воли. Она-то и высказывается въ послѣднемъ его возраженіи: «Ты мнѣ что ни говори, а я тебя слушать не хочу»... Но Любимъ не придаетъ особенной важности такому возраженію и продолжаетъ свои пастоянія. Гордей Карпычъ окончательно сбитъ съ толку и обезсиленъ; сознаніе всего окружающаго рѣшительно мутится въ его головѣ; онъ никакъ не можетъ отыскать своихъ мыслей, которыя никогда и не были крѣпко связаны между собой, а теперь ужъ совсѣмъ разлетѣлись въ разныя стороны... Въ эту критическую минуту онъ позволяетъ себѣ раскваситься, его прошибаетъ слеза, и онъ, благодаря брата Любима за назиданіе, благословляетъ будущее счастье дѣтей своихъ... Пользуясь его расположеніемъ, и племянникъ его, Гуслинъ, которому Торцовъ запрещалъ жениться, проситъ разрѣшенія и получаетъ его... Гордей Карпычъ говоритъ: «Теперь просите всѣ, кому что нужно; теперь я сталъ другой человѣкъ!»...

...Счастливы мы, читатель, что живемъ въ настоящее время, когда у насъ порывы подобнаго великодушія невозможны!.. Ими можно пользоваться въ извѣстныя минуты, какъ воспользовались Митя и Любовь Гордеевна: ихъ дѣло выиграно, хотя Гордей Карпычъ, разумѣется, и не надолго останется великодушнымъ и будетъ послѣ каяться и попрекать ихъ своимъ рѣшеніемъ... Но подобные выигрыши ненадежны. Когда вы разсчитываете, какъ устроить свою жизнь, то, конечно, не будете основывать своихъ расчетовъ на томъ, что, можетъ-быть, выиграете большое состояніе въ лотерею. Такъ точно въ разумной, сознательной жизни невозможно разсчитывать и на выигрышъ великодушія самодура... Пусть лучше не будетъ этихъ благородныхъ, широкихъ барскихъ замашекъ, которыми восторгались старые, до идіотства захолопѣвшіе лакеи; но пусть будетъ свято и неприкосновенно то, что мнѣ принадлежитъ по праву; пусть у меня будетъ воз-

можность всегда употреблять свободно и разумно мою мысль и волю, а не тогда, когда выйдетъ милостивое разрѣшеніе отъ какого-нибудь Гордея Карпыча Торцова...

Но безсиліе и внутреннее ничтожество самодурства не выдается еще въ этихъ комедіяхъ съ такой поразительной яркостью, какъ въ небольшой комедіи: «Въ чужомъ пиру похмелье». Здѣсь есть все — и грубость, и отсутствіе честности, и трусость, и порывы великодушія,— и все это покрыто такой тупоумной глупостью, что даже люди, наиболѣе расположенные къ славянофильству, не могли одобрить Тита Титыча Брускова, а замѣтили только, что все-таки у него душа добрая... Аграфена Платоновна, хозяйка квартиры, гдѣ живетъ учитель Ивановъ съ дочерью, отзывается о Брусковѣ какъ о человѣкѣ «дикомъ, властномъ, крутомъ сердцемъ, словомъ сказать — самодурѣ». На вопросъ Иванова: что значитъ самодуръ? — она объясняетъ: «Самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ: ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда»... Продолжая свою характеристику, она замѣчаетъ, что «насчетъ плутовства — онъ, точно, старикъ хитрый; но хоть и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что хочешь дѣлай — дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно»...

...Отчего Митя безотвѣтенъ предъ Торцовымъ, Андрюша терзается, но не смѣетъ слова сказать Титу Титычу и пр.? Отчего цѣлое общество терпитъ въ своихъ нравахъ такое множество самодуровъ, мѣшающихъ развитію всякаго порядка и правды? Въ обществѣ, воспитанномъ подъ вліяніемъ Торцовыхъ и Брусковыхъ, нѣтъ рѣшимости на борьбу. Но вѣдь нельзя не сознаться, что если самодуръ, самъ по себѣ, внутренно несостоятеленъ, какъ мы видѣли это выше, то его значеніе только и можетъ утверждаться на поддержкѣ другихъ. Значитъ тутъ и особеннаго героизма не нужно: только не давай ему общество этой поддержки, просто — немножко разступись толпа, сжатая для того, чтобы держать на себѣ какого-нибудь Торцова или Брускова, и онъ самъ собою упадетъ и будетъ дѣйствительно задавленъ, если и тутъ обнаружитъ претензію на самодурство... Отчего же въ обществѣ столько десятковъ и сотенъ лѣтъ терпится это безсильное, гнилое, дряхлое явленіе, давно уже отжившее свой вѣкъ въ сознаніи лучшей, истинно образованной части общества? На это есть двѣ важныя причины, которыя очень ясны изъ комедіи Островскаго и на которыя мы теперь намѣрены обратить вниманіе читателей.

Первая изъ причинъ, удерживающихъ людей отъ противодѣйствія самодурству, есть, странно сказать, *чувство законности*, а вторая — *необходимость въ матеріальномъ обезпеченіи*.

Тамъ господствуетъ вѣра въ однѣ, разъ навсегда опредѣленныя и закрѣпленныя формы. Знанія здѣсь ограничены очень тѣснымъ кругомъ, работы для мысли — почти никакой; все идетъ машинально, разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Отъ этого совершенно понятно, что здѣсь дѣти никогда не вырастаютъ, а остаются дѣтьми до тѣхъ поръ, пока механически не передвинутся на мѣсто отца. Понятно и то, почему средніе термины, посредствующіе между самодурами и угнетенными, вовсе не имѣютъ опредѣленной личности, а заимствуютъ свой характеръ отъ положенія, въ какомъ находятся: то ползаютъ передъ высшими, то, въ свою очередь, задираютъ носъ передъ низшими. Точно механическія куколки: поставятъ ихъ на одинъ конецъ— кланяются; передернутъ на другой—вытягиваются и загибаютъ голову назадъ. Настасья Панкратьевна исчезаетъ предъ мужемъ, дышать не смѣетъ, а на сына тоже прикрикиваетъ: «Какъ ты смѣешь?» да «съ кѣмъ ты говоришь?» То же мы видѣли и въ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, въ «Своихъ людяхъ». Та же исторія повторяется и въ другой сферѣ — съ Юсовымъ, въ «Доходномъ мѣстѣ». И все это происходитъ отъ недостатка внутренней самостоятельности, отъ забитости природы. Человѣку съ малыхъ лѣтъ внушаютъ, что онъ самъ по себѣ—ничто, что онъ есть нѣкоторымъ образомъ только орудіе чьей-то чужой воли, и что, вслѣдствіе того, онъ долженъ не разсуждать, а только слушаться, слушаться и покоряться. Единственный предметъ, на который можетъ еще быть направленъ его умъ, это—пріобрѣтеніе умѣнья приноровляться къ обстоятельствамъ. Кто сумѣетъ такъ повернуть себя, тому и благо: онъ вынырнетъ... А кто не сумѣетъ, тому бѣда,— задавятъ...

Вслѣдствіе этого-то коснѣнія мысли, вся дѣятельная сторона чувства законности совершенно исчезаетъ въ «темномъ царствѣ», и остается одна пассивная. Какой-нибудь Тишка затвердилъ, что надо слушаться старшихъ, да такъ съ тѣмъ только и остался, и останется на всю жизнь... «Слушай старика, — старикъ дурно не посовѣтуетъ», говоритъ даже лучшій изъ нихъ — Русаковъ, и тоже не признаетъ правъ образованія, которое научаетъ человѣка самого, безъ чужихъ совѣтовъ, различать, что хорошо и что дурно. Отъ этого и выходитъ, что чувство законности только и выражается въ чувствѣ послушанія да терпѣнія, а все остальное дѣлается чисто невозможнымъ для обитателя «темнаго царства», пока онъ самъ не сдѣлается самодуромъ.

Потому-то большая часть людей, попавшихъ подъ вліяніе самодура, предпочитаетъ просто терпѣть, съ тупою надеждою, что авось какъ-нибудь обстоятельства перемѣнятся... Внутренней силы, которая бы возбуждала ихъ къ противодѣйствію злу, въ нихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, потому что они не имѣли возможности даже узнать

хорошенько, въ чемъ зло и въ чемъ добро... Оттого-то именно въ нихъ и нѣтъ чувства справедливости и сознанія высшаго нравственнаго добра, а вмѣсто этого есть только чувство законности, въ ея установленномъ и тѣсномъ смыслѣ. Для нихъ поступки и явленія жизни раздѣляются не на хорошіе и дурные, а только на позволенные и непозволенные. Что позволено, что скрѣплено положительнымъ закономъ или хоть просто приказаніемъ, то для нихъ и хорошо, и наоборотъ. А на что положительныхъ приказаній нѣтъ, о томъ они находятся въ совершенномъ недоумѣніи. Потому-то всегда и бываютъ такъ робки и медленны шаги ихъ при всякомъ новомъ вопросѣ или явленіи, требующемъ измѣненія существующаго порядка... Тутъ мучительное безпокойство овладѣваетъ забитыми бѣдняками, подъ гнетомъ самодурства лишившимися всякой способности разсуждать. Узнавъ, что правило, которому они слѣдовали, отмѣнено или само умерло, они рѣшительно не знаютъ, куда имъ обратиться и за что взяться,— и бываютъ ужасно рады первому встрѣчному, который возьмется вести ихъ. Само собою разумѣется, что этотъ встрѣчный всего чаще бываетъ плутоватый самодуръ, и чѣмъ плутоватѣе онъ, тѣмъ гуще повалитъ за нимъ толпа «несмышленочковъ», желающихъ прожить чужимъ умомъ и подъ чужой волей, хотя бы и самодурной...

Высказанныя нами мысли не составляютъ плода какой-нибудь теоріи, заранѣе придуманной: въ нихъ просто заключаются выводы, прямо слѣдующіе изъ явленій русскаго быта, изображенныхъ въ комедіяхъ Островскаго. Ни однимъ словомъ не возвышаются они надъ уровнемъ этого быта, не измѣняютъ основнымъ чертамъ ихъ типа, какъ онъ сложился въ самой жизни. Даже въ лучшихъ натурахъ комедій Островскаго мы не видимъ той смѣлости добра, которой могли бы требовать отъ нихъ при другихъ обстоятельствахъ, но которой именно не можетъ быть въ нихъ подъ гнетомъ самодурства. Едва въ слабомъ зародышѣ виднѣются въ нихъ начала высшаго нравственнаго развитія; но эти начала такъ слабы, что не могутъ служить побужденіемъ и оправданіемъ практической дѣятельности. Оттого всѣ нравственныя основанія поступковъ у честныхъ лицъ въ комедіяхъ Островскаго внѣшни и очень узко ограничены, и всѣ вертятся только на исполненіи чужой воли, безъ внутренняго сознанія въ правотѣ дѣла. Такъ, Авдотья Максимовна, отказываясь бѣжать съ Вихоревымъ, представляетъ только ту причину, что отецъ ее проклянетъ; а бѣжавши съ нимъ, сокрушается только о томъ, что «отецъ отъ нея отступится, и весь городъ будетъ на нее пальцами показывать». У Любови Гордеевны эта внѣшность подчиненія долгу, не озаренная внутреннимъ убѣжденіемъ, выражается еще рѣзче. Вотъ что говоритъ она Митѣ въ оправданіе своей рѣшимости итти за Коршунова:

«теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться,— *такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужъ оно заведено изстари.* Не хочу я супротивъ отца итти, *чтобъ про меня люди не говорили, да въ примѣръ не ставили.* Хоть я, можетъ-быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что *я по закону живу* и никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ». Въ этихъ словахъ нѣтъ вѣдь ни тѣни намека на нравственное значеніе поступка; зато есть слово «законъ»... А каковъ онъ и какъ примѣняется здравымъ смысломъ къ данному случаю,— гдѣ же разсуждать объ этомъ дѣвушкѣ: самодурное воспитаніе вовсе не приготовляетъ къ такимъ разсужденіямъ.

Возведеніе послушанія въ высшій абсолютный законъ дѣлается, впрочемъ, и самими самодурами, и даже еще съ большей настойчивостью, чѣмъ угнетенною стороною. Это совершенно понятно: во-первыхъ, самодуръ также почти не имѣетъ истинныхъ нравственныхъ понятій и, слѣдовательно, не можетъ правильно различать добро и зло и, по необходимости, долженъ руководствоваться произволомъ; во-вторыхъ, безусловное послушаніе другихъ очень выгодно для него, потому что затѣмъ онъ можетъ ужъ ничѣмъ не стѣсняться. Но и тутъ, разумѣется, самодурная логика далеко уклоняется отъ общечеловѣческой. По общей логикѣ слѣдовало бы, если ужъ человѣкъ ставитъ какія-нибудь правила и требованія, хотя бы и произвольныя, то онъ долженъ и самъ ихъ уважать въ данныхъ случаяхъ и отношеніяхъ, наравнѣ съ другими. Самодуръ разсуждаетъ не такъ: онъ считаетъ себя въ правѣ нарушить, когда ему угодно, даже тѣ правила, которыя имъ самимъ признаны и на основаніи которыхъ онъ судитъ другихъ. И такова темнота разумѣнія въ «темномъ царствѣ», что не только самъ самодуръ, но и всѣ, обиженные и задавленные имъ, признаютъ такой порядокъ вещей совершенно естественнымъ...

...Чувство законности, сдѣлавшееся чисто пассивнымъ и окаменѣлымъ, превратившееся въ тупое благоговѣніе къ авторитету чужой воли, не могло бы такъ кротко и безмятежно сохраняться въ угнетенныхъ людяхъ, при видѣ всѣхъ нелѣпостей и гадостей самодурства, если бы его не поддерживало что-нибудь болѣе живое и существенное. И дѣйствительно, оно поддерживается постоянно тѣмъ, что въ людяхъ есть неизбѣжное стремленіе и потребность обезпечить свой матеріальный бытъ. Эта потребность, въ соединеніи съ тупымъ и неразумнымъ чувствомъ законности, чрезвычайно благопріятствуетъ процвѣтанію самодурства. Если бы чувство законности не было въ людяхъ «темнаго царства» такъ неподвижно и пассивно, то, конечно, потребность въ улучшеніи матеріальнаго быта повела бы совсѣмъ къ

другимъ результатамъ. Митя не сталъ бы заглазно плакаться на хозяина и молчать передъ нимъ, считая закономъ его волю, а просто нашелъ бы очень законнымъ дѣломъ потребовать отъ него прибавки жалованья. Самъ Подхалюзинъ не сталъ бы обмѣривать и обсчитывать, повинуясь волѣ хозяина, какъ высшему закону, и откладывая гроши себѣ въ карманъ, а просто потребовалъ бы участія въ барышахъ Большова, такъ какъ онъ уже всѣми его дѣлами завѣдывалъ. Тогда, конечно, Большову и банкротство бы не понадобилось. Да и самодурствовать-то ему было бы не слишкомъ повадно. Съ другой стороны, если бы надобности въ матеріальныхъ благахъ не было для человѣка, то, конечно, Андрей Титычъ не сталъ бы такъ дрожать передъ тятенькой, и Надя могла бы не жить у Уланбековой, и даже Тишка не сталъ бы уважать Подхалюзина. Но теперь дѣла представляются въ такомъ видѣ: матеріальныя блага нужны всякому человѣку, но они уже захвачены самодурами, такъ что слабая, угнетенная сторона, находящаяся подъ ихъ вліяніемъ, должна и въ этомъ зависѣть отъ самодурной милости какого-нибудь Торцова и Уланбековой; можно бы отъ нихъ потребовать того, чѣмъ они владѣютъ не по праву; но чувство законности запрещаетъ нарушать должное уваженіе къ нимъ... Что же изъ этого выходитъ? Слѣдствіе, кажется, ясно: нужно «безъ роптанія просить» у самодуровъ, чтобы они, живя сами, дали жить и другимъ... Но, чтобы они исполнили просьбу, нужно снискать ихъ милость; а для этого надо во всемъ съ ними согласиться, имъ покориться и съ «терпѣньемъ тяготу сносить», если придется... А тяготы придется довольно, судя «по крутому-то характеру» Гордея Карпыча или г-жи Уланбековой, да и по ихъ непроходимой глупости... Ко всему этому надо себя приготовить, воспитать себя для этого, а именно: *переломить* свой характеръ, *выбить* изъ головы дурь, т.-е. собственныя убѣжденія, *смирить* себя, т.-е. отложить всякую мысль о своихъ правахъ и о человѣческомъ достоинствѣ. Все это самими самодурами очень успѣшно и выполняется надъ всѣми людьми, родящимися въ предѣлахъ ихъ вліянія. Оттого-то у нихъ и есть всегда подъ руками такъ много безотвѣтныхъ Митей, Андрюшъ, раболѣпныхъ Потапычей и т. п. Если же въ комъ и послѣ самодурной дрессировки еще останется какое-нибудь чувство личной самостоятельности, и умъ сохранитъ еще способность къ составленію собственныхъ сужденій, то для этой личности и ума готовъ торный путь: самодурство, какъ мы убѣдились, по самому существу своему тупоумно и невѣжественно, слѣдовательно, ничего не можетъ быть легче, какъ надуть любого самодура. Человѣкъ, сохранившій остатки ума, непремѣнно на то и пускается въ этомъ самодурномъ кругѣ «темнаго царства», если только пускается въ практическую дѣятель-

ность; отсюда и произошла пословица, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ».

Такимъ образомъ, подъ самодурами два разряда ихъ воспитанниковъ и кліэнтовъ — живые и неживые. Неживые, задавленные, неподвижные такъ ужъ и лежатъ, не обнаруживая никакихъ попытокъ: перетащатъ ихъ съ одного мѣста на другое — ладно, а не перетащатъ — такъ и сгніютъ... Живые, напротивъ, все стараются помѣститься получше и поближе около самодура, а если линія подойдетъ, то и ножку ему подставить, чтобы сѣсть на него верхомъ и самимъ задурить. И новый самодуръ ужъ бываетъ хуже, опаснѣй и долговѣчнѣй, потому что онъ хитрѣе прежняго и наученъ его горькимъ опытомъ. Такъ оно все и идетъ: за однимъ самодуромъ другой, въ другихъ формахъ, болѣе цивилизованныхъ, какъ Уланбекова цивилизована сравнительно, напримѣръ, съ Брусковымъ, но въ сущности съ тѣми же требованіями и съ тѣмъ же характеромъ. Живыя натуры угнетаемой стороны пускаются въ плутни для своего обезпеченія, а неживыя стараются своей неподвижностью и покорностью заслужить себѣ милость самодура и капельку живой воды (которую онъ, впрочемъ, даетъ имъ очень рѣдко, чтобы не слишкомъ оживились).

Изъ этихъ короткихъ и простыхъ соображеній нетрудно понять, почему тяжесть самодурныхъ отношеній въ этомъ «темномъ царствѣ» обрушивается всего болѣе на женщинъ. Мы обѣщали въ прошедшей статьѣ обратить вниманіе на рабское положеніе женщины въ русской семьѣ, какъ оно является въ комедіяхъ Островскаго. Мы, кажется, достаточно указали на него въ настоящей статьѣ; остается намъ сказать нѣсколько словъ о его причинахъ и указать при этомъ на одну комедію, о которой до сихъ поръ мы не говорили ни слова—на «Бѣдную невѣсту».

По устройству нашего общества, женщина почти вездѣ имѣетъ совершенно то же значеніе, какое имѣли паразиты въ древности: она вѣчно должна жить на чужой счетъ. Понятно, какое обидное мнѣніе о женщинѣ складывается въ обществѣ... Правда, что на чужой счетъ живутъ и сами домовладыки этого «темнаго царства», подобные Брускову, Большову и пр. Но тѣ упорно держатъ за собою какое-то, никѣмъ невыговоренное, но всѣми признанное *право* на тунеядство. Притомъ они оправдываются даже правилами политической экономіи: у нихъ есть капиталъ (откуда и какъ онъ добытъ, — до этого ужъ что за дѣло!) и они по праву пользуются процентами... А если проценты эти въ торговлѣ ихъ и оказываются нѣсколько чрезмѣрны, то опять въ этомъ никто не виноватъ: значитъ, конкуренція слаба. Наконецъ, надо и то разсуждать: самодуръ, по общему сознанію и по его собственному убѣжденію, есть начало, центръ и глава всего, что

вокругъ него дѣлается; значитъ, хоть бы онъ собственно самъ и ничего не дѣлаетъ, но зато дѣятельность другихъ принадлежитъ ему. Отъ него вѣдь даются право и способы къ дѣятельности; безъ него остальные люди ничтожны, какъ говоритъ Юсовъ въ «Доходномъ мѣстѣ»: «Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышишь; а не обратили, — что ты?» Такъ, стало-быть, о бездѣятельности самихъ самодуровъ и говорить нечего. Надо говорить о другой половинѣ «темнаго царства», о той, которую мы назвали угнетаемою. Тутъ всѣ трудятся болѣе или менѣе. Конечно, трудъ этотъ не свободенъ, не самостоятеленъ; трудящіеся во всемъ зависятъ отъ прихоти самодуровъ и часто принуждены дѣлать вовсе не то, что слѣдуетъ, и что имъ хочется... Вспомнимъ, какъ Андрюша Брусковъ порывается учиться, какъ Митя стремится къ тому, чтобы «образовать себя», и какъ имъ это не удается. Они, стало-быть, тоже очень стѣснены въ своей дѣятельности, и именно вслѣдствіе необезпеченности своего положенія, вслѣдствіе зависимости ихъ матеріальныхъ средствъ отъ первой прихоти самодура... Но все-таки они еще могутъ надѣяться, что и самодуръ не вдругъ ихъ прогонитъ и броситъ: все же они что-нибудь дѣлаютъ и приносятъ пользу самодуру. Положимъ, Торцовъ не дорожитъ приказчиками, такъ же, какъ Вышневскій въ «Доходномъ мѣстѣ» — чиновниками, и можетъ ихъ мѣнять каждый день. Но на мѣсто смѣненныхъ надо же кого-нибудь опредѣлить; слѣдовательно, Торцовъ имѣетъ вообще нужду въ людяхъ и, слѣдовательно, хоть вслѣдствіе своего консерватизма не будетъ зря гонять тѣхъ, которые ему не противятся, а угождаютъ. Притомъ же, и самыя занятія мужчины, какъ бы они ни были второстепенны и зависимы, все-таки требуютъ извѣстной степени развитія, и потому кругъ знаній мальчика, съ самаго дѣтства, даже въ понятіяхъ самихъ Брусковыхъ, предполагается гораздо обширнѣе, чѣмъ для дѣвочки. Андрюша Брусковъ, напримѣръ, по фабрикѣ у отца — первый; для этого надо же ему было хоть посмотрѣть на что-нибудь, если ужъ не учиться систематически, какъ слѣдуетъ. А о дочеряхъ мать этого же Андрюши говоритъ очень наивно: «Что дочери! *Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше,—ни учить, ни что*». За дочерьми, по ея мнѣнію, только и нуженъ присмотръ, чтобы ихъ отъ парней уберечь до замужества; а тамъ уже мужъ будетъ беречь свою жену отъ постороннихъ... Во всѣхъ, до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами, комедіяхъ Островскаго мы видѣли, какъ всѣ обитатели его «темнаго царства» выражаютъ полнѣйшее пренебреженіе къ женщинѣ, которое тѣмъ болѣе безнадежно, что совершенно добродушно. Тутъ нѣтъ даже и такого раздраженія, съ какимъ, напримѣръ, одинъ господинъ отдѣлывалъ купца, осмѣлившагося писать о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ томъ раздраженіи, какъ оно ни высокомѣрно, все-таки видно боязливое вниманіе, какое-то смутное сознаніе, что въ противной сторонѣ все-таки кроется нѣкоторая сила; тонъ пренебреженія здѣсь искусственъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ тонѣ отношеній мужей къ женамъ и отцовъ къ дочерямъ въ «темномъ царствѣ» комедій Островскаго. Эти господа не раздражаются, не возстаютъ серьезно противъ значенія женщины; они позволяютъ своимъ женамъ даже спорить съ собой... Но просто они не могутъ помѣстить въ головѣ мысли, что женщина есть тоже человѣкъ, равный имъ, имѣющій свои права. Да этого и сами женщины не думаютъ. «Ужъ что женщина! курица не птица, женщина не человѣкъ», повторяютъ онѣ вмѣстѣ съ Ничкиной въ «Праздничномъ снѣ». Она сама ничего не дѣлаетъ, ничего не пріобрѣтаетъ, не играетъ никакой роли въ обществѣ, не составляетъ никакой инстанціи въ дѣлахъ. Что бы она ни была, все она только по отцѣ да по мужѣ... И она безропотно покоряется этому, находя, что такъ быть должно, такъ ужъ испоконъ вѣку заведено, и, сталобыть, судьба ужъ такая...

...Бываютъ въ «темномъ царствѣ» такіе случаи, что неразумные бѣдняки женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ... И тутъ-то начинается адъ кромѣшный!.. Адъ этотъ хорошо изображенъ Островскимъ въ «Доходномъ мѣстѣ». Читатели наши, конечно, помнятъ исторію молодого Жадова, который, будучи племянникомъ важной особы, раздражаетъ дядю своимъ либерализмомъ и лишается его благосклонности, а потомъ, женившись на хорошенькой и доброй, но бѣдной и глупой Полинѣ и, потерпѣвши нѣсколько времени нужду и упреки жены, приходитъ опять къ дядѣ — уже просить доходнаго мѣста. Изложеніе семейныхъ отношеній и указаніе ихъ вліянія на общественную дѣятельность представляется намъ лучшею стороною этой комедіи. А затѣмъ любопытна внутренняя, душевная сторона жизни этихъ людей, которыхъ мы офиціально такъ презираемъ и клеймимъ названіями крючкотворцевъ и взяточниковъ. Здѣсь въ полной силѣ выразилось одно изъ главныхъ свойствъ таланта Островскаго — умѣнье заглянуть въ душу человѣка и изобразить его человѣческую сторону, независимо отъ его офиціальнаго положенія. Объ этомъ много уже говорили мы, разбирая «Своихъ людей», и потому теперь укажемъ только на нѣкоторыя черты, относящіяся спеціально къ чиновникамъ. Благодушіе и особеннаго рода совѣстливость взяточниковъ рисуются нѣсколькими бѣглыми чертами еще въ «Бѣдной невѣстѣ», въ лицѣ добряка Добротворскаго. Но въ «Доходномъ мѣстѣ» черты эти гораздо ярче въ Юсовѣ и Бѣлогубовѣ. Лица эти прямо наводятъ насъ на мысль, что всѣ ихъ беззаконія—чисто слѣдствія ложнаго ихъ положенія въ обществѣ и ложныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ вслѣдствіе

фальшивости положенія. А ложное положеніе ихъ есть опять-таки послѣдствіе одной общей причины всѣхъ гадостей «темнаго царства»— самодурства. Въ сферѣ чиновнической оно еще гаже и возмутительнѣе, чѣмъ въ купеческой, потому что здѣсь дѣло постоянно идетъ объ общихъ интересахъ и прикрывается именемъ права и закона. Кромѣ того, здѣсь мы видимъ уже безчисленное множество оттѣнковъ и степеней; и чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ. Съ Юсовымъ, когда онъ былъ мальчишкой, мелкіе чиновники обращались какъ съ собачонкой; Юсовъ съ Бѣлогубовымъ обращается уже не столько грубо; Вишневскій же говоритъ съ Юсовымъ такимъ достойнымъ тономъ, что нужно только благоговѣть, а шокироваться вовсе нечѣмъ. Но, въ сущности, вся бѣда въ вѣдомствѣ Вышневскаго оттого и происходитъ, что онъ самъ зараженъ самодурствомъ, а за нимъ ужъ и всѣ. Законовъ никакихъ никто не признаетъ, честности никто въ толкъ взять не можетъ, ума не опредѣляютъ иначе, какъ способностью нажиться, главною добродѣтелью признаютъ смиреніе предъ волею старшихъ. Юсовъ простодушно признаетъ, что онъ гордости ни съ кѣмъ не имѣетъ, только вотъ верхоглядовъ не любитъ, нынѣшнихъ образованныхъ-то. «Съ этими,—говоритъ,—я строгъ и взыскателенъ; у меня правило—всячески ихъ тѣснить для пользы службы: потому — отъ нихъ вредъ». Немудрено въ немъ такое воззрѣніе, потому что онъ самъ «года два былъ на побѣгушкахъ, разныя комиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмелья, и сидѣлъ-то не на стулѣ, а у окошка, на связкѣ бумагъ, и писалъ-то не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки, — и вотъ вышелъ въ люди», и теперь признаетъ, что «все это не отъ насъ, свыше!..» И онъ не по злобѣ и не по плутовству тѣснитъ образованныхъ людей, а у него ужъ въ самомъ дѣлѣ такое убѣжденіе сложилось, что отъ нихъ вредъ для службы... То же убѣжденіе передано и Бѣлогубову, который говоритъ: «Что за польза и отъ ученья, когда въ человѣкѣ страху нѣтъ, — трепету передъ начальствомъ». Да иначе думать они и не могутъ, потому что все, ихъ окружающее, на каждомъ шагу подтверждаетъ ихъ мнѣніе. Даже тѣ *образованные,* которые спорятъ съ ними, какъ часто они собственнымъ же поведеніемъ обличаютъ свою неправоту! — Такъ случилось и съ Жадовымъ. Сначала Бѣлогубовъ какъ-то ежился передъ Жадовымъ и признавалъ какую-то силу въ его умственномъ превосходствѣ. Онъ смутно ощущалъ, что унижаться и подличать, завсѣгъ отъ первой прихоти и отказаться отъ своей воли — не всегда пріятно. Видя, что Жадовъ гораздо свободнѣе и независимѣе въ своихъ поступкахъ, Бѣлогубовъ почти завидовалъ ему. На вопросъ своей невѣсты, почему

онъ откладываетъ свадьбу, когда Жадовъ свою не откладываетъ, онъ отвѣчалъ: «Совсѣмъ другое дѣло-съ. У него дяденька богатый-съ, *да и самъ онъ образованный человѣкъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учители пойдетъ, — все хлѣбъ-съ? А я что-съ? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-съ*»... Но, получивши это мѣсто, между тѣмъ какъ Жадовъ и свое-то потерялъ, Бѣлогубовъ начинаетъ уже чувствовать самодовольное сожалѣніе къ Жадову, которое и выражаетъ ему при встрѣчѣ въ трактирѣ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужило Жадову *ученіе безъ трепета?* Только къ тому, что онъ мучился самъ, мучилъ цѣлый годъ жену свою и, наконецъ, пошелъ же къ дядѣ просить бѣлогубовскаго мѣста... И дядя подѣломъ его отчистилъ... «Вотъ, — говоритъ, — они, герои-то. Молодой человѣкъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, — идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобъ брать взятки!.. Хорошо новое поколѣніе!»

Вообще, Вышневскій, утвердившись на своей точкѣ зрѣнія status quo, чрезвычайно логически разбиваетъ въ прахъ всѣ благородныя фразы Жадова и, какъ дважды-два — четыре, доказываетъ ему, что при настоящемъ порядкѣ вещей невозможно честнымъ образомъ обезпечить себя и свое семейство. Честные способы пріобрѣтенія слишкомъ ничтожны, да и тѣхъ еще не дадутъ тому, кто не захочетъ угождать, а будетъ противорѣчить. И это вѣдь не бѣдственная случайность, а тяжкая необходимость, вытекающая прямо и неизбѣжно изъ системы самодурства, развитой въ «темномъ царствѣ». «Будь хоть семи пядей во лбу, но если вамъ не нравится, то останется въ ничтожествѣ; и самъ виноватъ: зачѣмъ не умѣлъ заслужить вашей милости». Вотъ и всѣ права, и вся философія «темнаго царства»! И вовсе не удивительно, если Юсовъ, узнавъ, что все вѣдомство Вышневскаго отдано подъ судъ, выражаетъ искреннее убѣжденіе, что это «по грѣхамъ нашимъ — *наказаніе за гордость*...» Вышневскій то же самое объясняетъ, только нѣсколько раціональнѣе: «Моя быстрая карьера, — говоритъ, — и замѣтное обогащеніе вооружили противъ меня сильныхъ людей...» И, сходясь въ этомъ объясненіи, оба администратора остаются затѣмъ совершенно спокойны совѣстью относительно законности своихъ дѣйствій... Да и отчего бы не быть имъ спокойными, когда ихъ дѣятельность, равно какъ и всѣ ихъ понятія и стремленія такъ гармонируютъ съ общимъ ходомъ дѣлъ и устройствомъ «темнаго царства»?..

Но вѣдь есть же какой-нибудь выходъ изъ этого мрака?.. Островскій, такъ вѣрно и полно изобразивши намъ «темное царство», показавши намъ все разнообразіе его обитателей и давши намъ заглянуть

въ ихъ душу, гдѣ мы успѣли разглядѣть нѣкоторыя человѣческія черты, долженъ былъ дать намъ указаніе и на возможность выхода на вольный свѣтъ изъ этого темнаго омута... Иначе — вѣдь это ужасно— мы остаемся въ неразрѣшимой дилеммѣ: или умереть съ голоду, броситься въ прудъ, сойти съ ума, или же убить въ себѣ мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сдѣлаться раболѣпнымъ исполнителемъ чужой воли, взяточникомъ, мошенникомъ, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою... Если только къ этому приводитъ насъ вся художественная дѣятельность замѣчательнаго писателя, такъ это очень печально...

Печально, — правда; но что же дѣлать? Мы должны сознаться: выхода изъ «темнаго царства» мы не нашли въ произведеніяхъ Островскаго. Вишить ли за это художника? Не оглянуться ли лучше вокругъ себя и не обратить ли свои требованія къ самой жизни, такъ вяло и однообразно плетущейся вокругъ насъ... Правда, тяжело намъ дышать подъ мертвящимъ давленіемъ самодурства, бушующаго въ разныхъ видахъ, отъ первой до послѣдней страницы Островскаго; но и окончивши чтеніе, и отложивши книгу въ сторону, и вышедши изъ театра послѣ представленія одной изъ пьесъ Островскаго развѣ мы не видимъ наяву вокругъ себя безчисленнаго множества тѣхъ же Брусковыхъ, Торцовыхъ, Уланбековыхъ, Вышневскихъ, развѣ не чувствуемъ мы на себѣ ихъ мертвящаго дыханія?.. Поблагодаримъ же художника за то, что онъ, при свѣтѣ своихъ яркихъ изображеній, далъ намъ хоть осмотрѣться въ этомъ темномъ царствѣ. И то ужъ много значитъ... Выхода же надо искать въ самой жизни: литература только воспроизводитъ жизнь и никогда не даетъ того, чего нѣтъ въ дѣйствительности...

Впрочемъ, попытки освобожденія отъ тьмы бываютъ въ жизни: нельзя пройти мимо ихъ и въ комедіяхъ Островскаго. Только эти попытки ужасны, да притомъ и остаются все-таки только попытками. Лицъ, совершенно чистыхъ отъ житейской грязи, мы не находимъ у Островскаго. Мыкинъ, въ «Доходномъ мѣстѣ», можетъ быть чистъ, потому что ни въ какихъ общественныхъ службахъ не участвуетъ, а «учительствуетъ понемногу». Но съ нимъ мы такъ мало знакомимся изъ его разговора съ Жадовымъ, что еще не можемъ за него поручиться. Есть еще въ «Бѣдной невѣстѣ» одна дѣвушка, до такой степени симпатичная и высоко-нравственная, что такъ бы за ней и бросился, такъ и не разстался бы съ ней, нашедши ее. Но и эта дѣвушка уже забрызгана грязью чужихъ пороковъ. Это Дуня, съ которою пять лѣтъ жилъ Беневоленскій до своей женитьбы, и которая теперь пришла, пользуясь свадебной суматохой, взглянуть изъ толпы на невѣсту своего недавняго друга. Она встрѣчается съ самимъ Бене-

воленскимъ въ проходной комнатѣ, въ родѣ буфета; вмѣстѣ съ нею—подруга ея Паша, которой она передъ этимъ только-что бросила нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ надъ нею бывало буйствовалъ пьяный... Беневоленскій, увидя ее, конфузится и проситъ ее быть поосторожнѣе. — «А хочешь, — сейчасъ дебошъ сдѣлаю?» говоритъ она. — «Дура, дура! что ты!» въ испугѣ восклицаетъ Беневоленскій; но она его тотчасъ успокоиваетъ, обѣщаясь, что и къ нему больше не придетъ. Затѣмъ онъ старается ее выпроводить, и между ними происходитъ слѣдующая сцена, раскрывающая передъ нами чувства дѣвушки, изумительныя по своей чистотѣ и благородству:

Б е н е в о л. Здѣсь, Дуня, тебѣ что же дѣлать? Посмотри невѣсту и ступай.

Д у н я. Ужъ я видѣла. *Хороша вѣдь, Паша, — ужъ можно сказать, что хороша!..* (къ Беневолепскому). *Только сумѣешь ли ты съ этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужого вѣку даромъ.* Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ *(утираетъ слезы)*.

П а ш а. А ты говорила, что тебѣ его не жаль...

Д у н я. Вѣдь я его любила когда-то... Что жъ, надо же когда-нибудь разставаться; не вѣкъ такъ жить. *Еще хорошо, что женится: авось будетъ жить порядочно.* А все-таки, Паша, ты то возьми, — лѣтъ пять жили... вѣдь жалко... Конечно, немного я отъ него добра видѣла... больше слезъ... одного сраму что перенесла. Такъ ни за что прошла молодость, и помянуть нечѣмъ.

П а ш а. Что дѣлать, Дуня...

Д у н я. А вѣдь, бывало, и ему рада-радешенька, какъ пріѣдетъ... *Смотри же, живи хорошенько.*

Б е н е в о л. Ну, ужъ конечно!

Д у н я. То-то же. *Это вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я...* Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура, расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! Э, махнемъ рукой, Паша, — завьемъ горе веревочкой!

Б е н е в о л. Прощай, Дуня.

Д у н я. Адье, мусье! Пойдемъ, Паша *(уходятъ)*.

Большей чистоты нравственныхъ чувствъ мы не видимъ ни въ одномъ лицѣ комедій Островскаго. Это ужъ не та безразличная доброта, которою отличается дочь Русакова, не та овечья кротость, какую мы видимъ въ Любови Гордеевнѣ, не тѣ неопытныя понятія, какими руководится Надя... Здѣсь сила сознательной рѣшимости проглядываетъ въ каждомъ словѣ; все существо этой дѣвушки не придавлено и не убито; напротивъ, оно возвышено, просвѣтлено сознаніемъ того добра, которое она приноситъ, отказываясь отъ правъ своихъ на Беневоленскаго. Ей, въ самомъ дѣлѣ, легко было сдѣлать дебошъ и сорвать сердце; но она не хочетъ этого; она чистосердечно отдаетъ справедливость красотѣ невѣсты, и сердце ея начинаетъ наполняться довольствомъ за счастье своего бывшаго друга. Полная благожелательства, она радуется тому, что онъ женится, потому что это даетъ ей надежду на его нравственное исправленіе... А потомъ — какая ра-

душная, чистая заботливость о той, о соперницѣ ея... И наконецъ какая граціозная прелесть характера выражается въ самомъ этомъ горѣ, завитомъ веревочкой, и въ этомъ ломаномъ прощаньи, въ которомъ, однако, нельзя не видѣть огорченія и досады все еще любящаго сердца... Да, эта дѣвушка сохранила въ себѣ чистоту сердца и все благородство, доступное человѣку. Но что же она такое въ нашемъ обществѣ? Не отвержена ли она имъ? Да и не этому ли отверженію, — не отчужденію ли отъ мрака самодурныхъ дѣлъ, кишащихъ въ нашей средѣ общественной, надобно приписать и то, что она такъ отрадно сіяетъ передъ нами благородствомъ и ясностью своего сердца?..

Есть въ комедіяхъ Островскаго и еще лицо, отличающееся большою нравственной силой. Это — Любимъ Торцовъ. Онъ грязенъ, пьянъ, тяжелъ; онъ надорванъ жизнью и очень запустилъ самъ себя. Но та же самая жизнь, лишивъ его готовыхъ средствъ къ существованію, унизивъ и заставивъ терпѣть нужду, сдѣлала ему то благодѣяніе, что надломила въ немъ основу самодурства. Онъ — родной братецъ Гордея Карпыча и, по его же разсказамъ, былъ смолоду самодуромъ не хуже его. Но какъ пришлось ему паясничать на морозѣ за пятачокъ, да просить милостыню, да у брата изъ милости жить, такъ тутъ пробудилось въ немъ и человѣческое чувство, и сознаніе правды, и любовь къ бѣднымъ братьямъ, и даже уваженіе къ труду. Прося брата, чтобъ выдалъ дочь за Митю, Любимъ Торцовъ прибавляетъ: «Онъ мнѣ уголъ дастъ; назябся ужъ я, проголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то, *да честно пожить*. Вѣдь я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. *Мнѣ работишку дадутъ, у меня будетъ свой горшокъ щей*»... Изъ этихъ желаній и признаній видно, что, дѣйствительно, нужда совершила въ натурѣ Любима Торцова переломъ, заставившій его устыдиться прежнихъ самодурныхъ началъ столько же, какъ и недавняго безпутства.

Въ примѣрѣ Торцова можно отчасти видѣть и выходъ изъ темнаго царства: стоило бы и другого братца, Гордея Карпыча, также проучить на хлѣбѣ, выпрошенномъ Христа-ради, — тогда бы и онъ, вѣроятно, почувствовалъ желаніе «имѣть работишку», чтобы жить честно... Но, разумѣется, никто изъ окружающихъ Гордея Карпыча не можетъ и подумать о томъ, чтобы подвергнуть его подобному испытанію, и, слѣдовательно, сила самодурства попрежнему будетъ удерживать мракъ надъ всѣмъ, что только есть въ его власти!..

На этомъ хорошемъ признакѣ мы и остановимся, наконецъ. Не хотимъ дѣлать никакихъ общихъ выводовъ о талантѣ Островскаго.

Мы старались показать, *что* и *какъ* охватываетъ онъ въ русской жизни своимъ художническимъ чувствомъ, *въ какомъ видѣ* онъ передаетъ воспринятое и прочувствованное имъ, и какое значеніе въ нашихъ понятіяхъ должно придавать явленіямъ, изображаемымъ въ его произведеніяхъ. Мы нашли у Островскаго полноту изображенія русской жизни, съ ея Подхалюзинскимъ сюртучкомъ, Вихоревскими перчатками, Наденькинымъ заплаканнымъ платочкомъ, Жадовскою тросточкой и съ Торцовской самодурно-безобразной шапкой... Многое мы не досказали, объ иномъ, напротивъ, говорили очень длинно; но пусть простятъ насъ читатели, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью. Виною того и другого былъ болѣе всего способъ выраженія,—отчасти метафорическій,—котораго мы должны были держаться. Говоря о лицахъ Островскаго, мы, разумѣется, хотѣли показать ихъ значеніе въ дѣйствительной жизни; но мы все-таки должны были относиться главнымъ образомъ къ произведеніямъ фантазіи автора, а не непосредственно къ явленіямъ настоящей жизни. Вотъ почему иногда общій смыслъ раскрываемой идеи требовалъ большихъ распространеній и повтореній одного и того же въ разныхъ видахъ, чтобы быть понятнымъ и въ то же время уложиться въ фигуральную форму, которую мы должны были взять для нашей статьи, по требованію самого предмета... Нѣкоторыя же вещи никакъ не могли быть удовлетворительно переданы въ этой фигуральной формѣ, и потому мы почли лучшимъ пока оставить ихъ вовсе. Впрочемъ, тѣ выводы и заключенія, которыхъ мы не досказали здѣсь, должны сами собой прійти на мысль читателю, у котораго достанетъ терпѣнія и вниманія до конца статьи.

Мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія мы принимаемъ то, насколько служатъ они выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа. Естественныя стремленія человѣчества, приведенныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: «чтобъ всѣмъ было хорошо»...

...Во всѣ времена и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественныя стремленія говорили въ нихъ чрезвычайно сильно, незаглушаемо. Въ практической дѣятельности они часто дѣлались мучениками своихъ стремленій, но никогда не проходили безслѣдно, никогда не оставались одинокими; въ общественной дѣятельности они пріобрѣтали партію, въ чистой наукѣ дѣлали открытія, въ искусствахъ, въ литературѣ образовали школу. Не говоримъ о дѣятеляхъ общественныхъ, которыхъ роль въ исторіи всякому должна быть понятна послѣ того, что мы сказали на предыдущей страницѣ. Но замѣтимъ, что и въ дѣлѣ науки и литературы, за великими личностями всегда сохранялся

тотъ характеръ, который мы обозначили выше, — сила естественныхъ, живыхъ стремленій. Съ искаженіемъ этихъ стремленій въ массѣ совпадаетъ водвореніе многихъ нелѣпыхъ понятій о мірѣ и человѣкѣ; эти понятія, въ свою очередь, мѣшали общему благу. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ, сколько зла причинили человѣчеству нелѣпости фетишизма и всякаго рода космогоническія бредни, а потомъ астрологическія и кабалистическія мистеріи на разные лады. Люди чистой науки, дѣлавшіе астрономическія и физическія открытія, или установлявшіе новыя философскія начала, умѣли слушать голосъ естественныхъ, здравыхъ требованій ума и помогали человѣчеству избавляться отъ тѣхъ или другихъ искусственныхъ комбинацій, вредившихъ устройству общаго благоденствія. Съ каждымъ изъ этихъ людей человѣчество дѣлало новый шагъ въ развитіи правильныхъ, естественныхъ понятій, и по важности этихъ шаговъ можемъ мы опредѣлять личное достоинство каждаго дѣятеля. То же самое прилагается и къ людямъ прикладныхъ знаній: техникамъ, механикамъ, агрономамъ, врачамъ и пр.... То же видимъ и въ области искусствъ, и въ литературѣ.

Литератору до сихъ поръ предоставлена была небольшая роль въ этомъ движеніи человѣчества къ естественнымъ началамъ, отъ которыхъ оно отклонилось. По существу своему, литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія: она только или предполагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что уже дѣлается и сдѣлано. Въ первомъ случаѣ, т.-е. въ предположеніяхъ будущей дѣятельности, она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки; во второмъ — изъ самыхъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ. Въ литературѣ, впрочемъ, являлось до сихъ поръ нѣсколько дѣятелей, которые въ своей пропагандѣ стоятъ такъ высоко, что ихъ не превзойдутъ ни практическіе дѣятели для блага человѣчества, ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены такъ богато природою, что умѣли, какъ бы по инстинкту, приблизиться къ естественнымъ понятіямъ и стремленіямъ, которыхъ еще только искали современные имъ философы съ помощью строгой науки. Мало того, то, что философы только предугадывали въ теоріи, геніальные писатели умѣли это схватывать въ жизни и изображать въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, служа полнѣйшими представителями высшей степени человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху, и съ этой высоты обозрѣвая жизнь людей и природы и рисуя ее передъ нами, они возвышались надъ служебною ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей, способствовавшихъ человѣчеству въ яснѣй-

шемъ сознаніи его живыхъ силъ и естественныхъ наклонностей. Таковъ былъ Шекспиръ. Многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіями въ области человѣческаго сердца; его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не поднимался и которыя только были изданы указываемы нѣкоторыми философами. И вотъ почему Шекспиръ имѣетъ такое всемірное значеніе: имъ обозначается нѣсколько новыхъ ступеней человѣческаго развитія. Но зато Шекспиръ и стоитъ внѣ обычнаго ряда писателей; имена Данте, Гёте, Байрона часто присоединяются къ его имени, но трудно сказать, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ такъ полно обозначалась цѣлая новая фаза общечеловѣческаго развитія, какъ въ Шекспирѣ. Что же касается до обыкновенныхъ талантовъ, то для нихъ именно остается та служебная роль, о которой мы говорили. Не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи всего человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, они должны ограничиваться болѣе частнымъ, спеціальнымъ служеніемъ: они проводятъ въ сознаніе массъ то, что открыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно. Обыкновенно это происходитъ не такъ, впрочемъ, чтобы литераторъ заимствовалъ у философа его идеи, потомъ проводилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ, оба они дѣйствуютъ самостоятельно, оба исходятъ изъ одного начала — дѣйствительной жизни, но только различнымъ образомъ принимаются за дѣло. Мыслитель, замѣчая въ людяхъ, напримѣръ, недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, соображаетъ всѣ факты и старается отыскать новыя начала, которыя бы могли удовлетворить возникающія требованія. Литераторъ-поэтъ, замѣчая то же недовольство, рисуетъ его картину такъ живо, что общее вниманіе, остановленное на ней, само собою наводитъ людей на мысль о томъ, что же именно имъ нужно. Результатъ одинъ, и значеніе двухъ дѣятелей было бы одно и то же; но исторія литературы показываетъ намъ, что, за немногими исключеніями, литераторы обыкновенно опаздываютъ. Тогда какъ мыслители, привязываясь къ самымъ незначительнымъ признакамъ и неотступно преслѣдуя попавшуюся мысль до самыхъ послѣднихъ ея основаній, нерѣдко подмѣчаютъ новое движеніе въ самомъ еще ничтожномъ его зародышѣ, — литераторы по большей части оказываются менѣе чуткими: они подмѣчаютъ и рисуютъ возникающее движеніе тогда уже, когда оно довольно явственно и сильно. Зато, впрочемъ, они ближе къ понятіямъ массы и больше имѣютъ въ ней успѣха; они подобны барометру, съ которымъ всякій справляется, между тѣмъ какъ метеорологo-астрономическихъ выкладокъ и предвѣщаній никто не хочетъ знать. Такимъ

образомъ, признавая за литературою главное значеніе пропаганды, мы требуемъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно — *правды*. Надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно. Какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе; оно становится даже вреднымъ, потому что служитъ не къ просвѣтлѣнію человѣческаго сознанія, а, напротивъ, еще къ большему помраченью. И тутъ уже напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой-нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта враля. Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ беллетристикѣ, гдѣ происшествія вымышлены, она замѣняется логическою правдою, т.-е. разумною вѣроятностью и сообразностью съ существующимъ ходомъ дѣлъ.

Но правда есть необходимое условіе, а еще не достоинство произведенія. О достоинствѣ мы судимъ по широтѣ взгляда автора, вѣрности пониманія и живости изображенія тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. И прежде всего, по принятому нами критерію, мы различаемъ авторовъ, служащихъ представителями естественныхъ, правильныхъ стремленій народа, отъ авторовъ, служащихъ органами разныхъ искусственныхъ тенденцій и требованій. Мы уже видѣли, что искусственныя общественныя комбинаціи, бывшія слѣдствіемъ первоначальной неумѣлости людей въ устройствѣ своего благосостоянія, во многихъ заглушили сознаніе естественныхъ потребностей. Въ литературахъ всѣхъ народовъ мы находимъ множество писателей, совершенно преданныхъ искусственнымъ интересамъ и нимало не заботящихся о нормальныхъ требованіяхъ человѣческой природы. Эти писатели могутъ быть и не лжецы; но произведенія ихъ, тѣмъ не менѣе, ложны, и въ нихъ мы не можемъ признать достоинствъ, развѣ только относительно формы. Всѣ, напримѣръ, пѣвцы иллюминацій, военныхъ торжествъ, рѣзни и грабежа по приказу какого-нибудь честолюбца, сочинители льстивыхъ дифирамбовъ, надписей и мадригаловъ — не могутъ имѣть въ нашихъ глазахъ никакого значенія, потому что они весьма далеки отъ естественныхъ стремленій и потребностей народныхъ. Въ литературѣ они то же въ сравненіи съ истинными писателями, что въ наукѣ астрологи и алхимики предъ истинными натуралистами, что сонники предъ курсомъ физіологіи, гадательныя книжки предъ теоріей вѣроятностей. Между авторами, не удаляющимися отъ естественныхъ понятій, мы различаемъ людей, болѣе или менѣе глубоко проникнутыхъ насущными требованіями эпохи, болѣе или менѣе широко обнимающихъ движеніе, совершающееся въ человѣчествѣ, и болѣе или менѣе сильно ему сочувствующихъ. Тутъ степени могутъ быть безчисленны. Одинъ авторъ можетъ исчерпать одинъ вопросъ,

другой десять, третій можетъ всѣ ихъ подвести подъ одинъ высшій вопросъ и его поставить на разрѣшеніе, четвертый можетъ указать на вопросы, которые поднимаются еще за разрѣшеніемъ этого высшаго вопроса и т. д. Одинъ можетъ холодно, эпически излагать факты, другой съ лирической силой ополчаться на ложь и воспѣвать добро и правду. Одинъ можетъ брать дѣло съ поверхности и указывать надобность внѣшнихъ и частныхъ поправокъ; другой можетъ забирать все съ корня и выставлять на видъ внутреннее безобразіе и несостоятельность предмета, или внутреннюю силу и красоту новаго зданія, воздвигаемаго при новомъ движеніи человѣчества. Сообразно съ широтою взгляда и силою чувства авторовъ будетъ разниться и способъ изображенія предметовъ, и самое изложеніе у каждаго изъ нихъ. Разобрать это отношеніе внѣшней формы къ внутренней силѣ уже нетрудно; самое главное для критики — опредѣлить, стоитъ ли авторъ въ уровень съ тѣми естественными стремленіями, которыя уже пробудились въ народѣ или должны скоро пробудиться по требованію современнаго порядка дѣлъ; затѣмъ — въ какой мѣрѣ умѣлъ онъ ихъ понять и выразить, и взялъ ли онъ существо дѣла, корень его, или только внѣшность, обнялъ ли общность предмета, или только нѣкоторыя его стороны.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что мы здѣсь разумѣемъ не теоретическое обсужденіе, а поэтическое представленіе фактовъ жизни. Въ прежнихъ статьяхъ объ Островскомъ мы достаточно говорили о различіи отвлеченнаго мышленія отъ художническаго способа представленія. Повторимъ здѣсь только одно замѣчаніе, необходимое для того, чтобы поборники чистаго искусства не обвинили насъ опять въ навязываньи художнику «утилитарныхъ тѣмъ». Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому, что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ, напр., философія Сократа и комедіи Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той же общей идеи — разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиною греческихъ нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло, т.-е. онъ практически приводитъ насъ къ

тому, что Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова и вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній поэтическихъ и собственно теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщить, слить частные признаки въ общей формулѣ. Но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и истинной поэзіей быть не можетъ: талантъ есть принадлежность натуры человѣка, и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно, и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе нормальнаго порядка вещей должно быть въ немъ ясно и живо, идеалъ его простъ и разуменъ, и онъ не отдастъ себя на служеніе неправдѣ и безсмыслицѣ, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ, — не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ и вздумаетъ попасиловать свой талантъ... Дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ поэтъ свои матеріалы и свои вдохновенія, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ-то остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе, вмѣсто естественнаго смысла, придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности.

Но, какъ мы уже сказали, естественныя стремленія человѣка и здравыя, простыя понятія о вещахъ искажены и почти заглушены во многихъ. Вслѣдствіе неправильнаго развитія, часто людямъ представляется совершенно нормальнымъ и естественнымъ то, что въ сущности составляетъ нелѣпѣйшее насиліе природы. Съ теченіемъ времени человѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ искусственныхъ искаженій и приближается къ естественнымъ требованіямъ и воззрѣніямъ: мы уже не видимъ таинственныхъ силъ въ каждомъ лѣсѣ и озерѣ, въ громѣ и молніи, въ солнцѣ и звѣздахъ; мы уже не имѣемъ въ образованныхъ странахъ кастъ и паріевъ; мы не перемѣшиваемъ отношеній двухъ половъ, подобно народамъ Востока; мы не признаемъ класса рабовъ существенной принадлежностью государства, какъ было у грековъ и римлянъ; мы отрицаемся отъ инквизиціонныхъ началъ, господствовавшихъ въ средневѣковой Европѣ. Если все это еще и встрѣчается нынѣ по мѣстамъ, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; общее же положеніе измѣнилось къ лучшему...

...Уже въ прежнихъ пьесахъ Островскаго мы замѣчали, что это не комедіи интригъ и не комедіи характеровъ собственно, а нѣчто но-

вое, чему мы дали бы названіе «пьесъ жизни», если бы это не было слишкомъ обширно и потому не совсѣмъ опредѣленно. Мы хотимъ сказать, что у него на первомъ планѣ является всегда общая, независящая ни отъ кого изъ дѣйствующихъ лицъ, обстановка жизни. Онъ не караетъ ни злодѣя, ни жертву; оба они жалки вамъ, нерѣдко оба смѣшны, но не на нихъ непосредственно обращается чувство, возбуждаемое въ васъ пьесою. Вы видите, что ихъ положеніе господствуетъ надъ ними, и вы вините ихъ только въ томъ, что они не выказываютъ достаточно энергіи для того, чтобы выйти изъ этого положенія. Сами самодуры, противъ которыхъ естественно должно возмущаться ваше чувство, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются болѣе достойны сожалѣнія, нежели вашей злости: они и добродѣтельны, и даже умны по-своему, въ предѣлахъ, предписанныхъ имъ рутиною и поддерживаемыхъ ихъ положеніемъ; но положеніе это таково, что въ немъ невозможно полное, здоровое человѣческое развитіе. Мы видѣли это особенно въ анализѣ характера Русакова.

Такимъ образомъ, борьба, требуемая теоріею отъ драмы, совершается въ пьесахъ Островскаго не въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, а въ фактахъ, господствующихъ надъ ними. Часто сами персонажи комедіи не имѣютъ яснаго или и вовсе никакого сознанія о смыслѣ своего положенія и своей борьбы; но зато борьба весьма отчетливо и сознательно совершается въ душѣ зрителя, который невольно возмущается противъ положенія, порождающаго такіе факты. И вотъ почему мы никакъ не рѣшаемся считать ненужными и лишними тѣ лица пьесъ Островскаго, которыя не участвуютъ прямо въ интригѣ. Съ нашей точки зрѣнія, эти лица столько же необходимы для пьесы, какъ и главныя: они показываютъ намъ ту обстановку, въ которой совершается дѣйствіе, рисуютъ положеніе, которымъ опредѣляется смыслъ дѣятельности главныхъ персонажей пьесы. Чтобы хорошо узнать свойства жизни растенія, надо изучать его на той почвѣ, на которой оно растетъ; оторвавши его отъ почвы, вы будете имѣть форму растенія, но не узнаете вполнѣ его жизни. Точно такъ не узнаете вы жизни общества, если вы будете разсматривать ее только въ непосредственныхъ отношеніяхъ нѣсколькихъ лицъ, пришедшихъ почему-нибудь въ столкновеніе другъ съ другомъ: тутъ будетъ только дѣловая, офиціальная сторона жизни, между тѣмъ какъ намъ нужна будничная ея обстановка. Посторонніе, недѣятельные участники жизненной драмы, повидимому, занятые только своимъ дѣломъ каждый, — имѣютъ часто однимъ своимъ существованіемъ такое вліяніе на ходъ дѣла, что его ничѣмъ и отразить нельзя. Сколько горячихъ идей, сколько обширныхъ плановъ, сколько восторженныхъ порывовъ рушится при одномъ взглядѣ на равнодушную, прозаическую толпу.

съ презрительнымъ индиферентизмомъ проходящую мимо насъ! Сколько чистыхъ и добрыхъ чувствъ замираетъ въ насъ изъ боязни, чтобы не быть осмѣяннымъ и поруганнымъ этой толпой! А съ другой стороны, и сколько преступленій, сколько порывовъ произвола и насилія останавливается предъ рѣшеніемъ этой толпы, всегда какъ будто равнодушной и податливой, но въ сущности весьма неуступчивой въ томъ, что разъ ею признано. Поэтому, чрезвычайно важно для насъ знать, каковы понятія этой толпы о добрѣ и злѣ, что у ней считается за истину и что за ложь. Этимъ опредѣляется нашъ взглядъ на положеніе, въ какомъ находятся главныя лица пьесы, а, слѣдовательно, и степень нашего участія къ нимъ...

...«Гроза», какъ вы знаете, представляетъ намъ идиллію «темнаго царства», которое мало-по-малу освѣщаетъ намъ Островскій своимъ талантомъ. Люди, которыхъ вы здѣсь видите, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами; лѣтній благодатный день такъ и манитъ на берегъ, на воздухъ, подъ открытое небо, подъ этотъ вѣтерокъ, освѣжительно вѣющій съ Волги... И жители, точно, гуляютъ иногда по бульвару надъ рѣкой, хоть ужъ и приглядѣлись къ красотамъ волжскихъ видовъ; вечеромъ сидятъ на завалинкахъ у воротъ и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводятъ время у себя дома, занимаются хозяйствомъ, кушаютъ, спятъ, — спать ложатся очень рано, такъ что непривычному человѣку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задаютъ себѣ. Но что же имъ дѣлать, какъ не спать, когда они сыты? Ихъ жизнь течетъ такъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ, — обитатели городка Калинова будутъ себѣ существовать попрежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ. Изрѣдка забѣжитъ къ нимъ неопредѣленный слухъ, что Наполеонъ съ двадесятью языкъ опять подымается, или что антихристъ народился; но и это они принимаютъ болѣе, какъ курьезную штуку, въ родѣ вѣсти о томъ, что есть страны, гдѣ всѣ люди съ песьими головами: покачаютъ головой, выразятъ удивленіе къ чудесамъ природы, и пойдутъ себѣ закусить... Смолоду еще показываютъ нѣкоторую любознательность, но пищи взять ей неоткуда: свѣдѣнія заходятъ къ нимъ, точно въ древней Руси временъ Даніила Паломника, только отъ странницъ, да и тѣхъ ужъ нынче немного настоящихъ-то, приходится довольствоваться такими, которыя «сами, по немощи своей, далеко не ходили, а слыхать много слыхали», какъ Феклуша въ

«Грозѣ». Отъ нихъ только и узнаютъ жители Калинова о томъ, что на свѣтѣ дѣлается; иначе они думали бы, что весь свѣтъ таковъ же, какъ и ихъ Калиновъ, и что иначе жить, чѣмъ они, совершенно невозможно. Но и свѣдѣнія, сообщаемыя Ѳеклушами, таковы, что неспособны внушить большого желанія промѣнять свою жизнь на иную. Ѳеклуша принадлежитъ къ партіи патріотической и въ высшей степени консервативной; ей хорошо среди благочестивыхъ и наивныхъ калиновцевъ: ее и почитаютъ, и угощаютъ, и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ; она пресерьезно можетъ увѣрять, что самые грѣшки ея происходятъ отъ того, что она выше прочихъ смертныхъ: «простыхъ людей, — говоритъ, — каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено, вотъ и надо ихъ всѣхъ побороть». И ей вѣрятъ.

...Страшна и тяжела для каждаго новичка попытка итти наперекоръ требованіямъ и убѣжденіямъ этой темной массы, ужасной въ своей наивности и искренности. Вѣдь она проклянетъ насъ, будетъ бѣгать, какъ зачумленныхъ, — не по злобѣ, не по разсчетамъ, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что мы сродни антихристу; хорошо еще, если только полоумнымъ сочтетъ и будетъ подсмѣиваться... Она ищетъ знанія, любитъ разсуждать, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, предписанныхъ ей основными понятіями, въ которыхъ путается разсудокъ. Вы можете сообщить калиновскимъ жителямъ нѣкоторыя географическія знанія; но не касайтесь того, что земля на трехъ китахъ стоитъ и что въ Іерусалимѣ есть пупъ земли — этого они вамъ не уступятъ, хотя о пупѣ земли имѣютъ такое же ясное понятіе, какъ о Литвѣ въ «Грозѣ»... И это вовсе не оттого, чтобы люди эти были глупѣе, безтолковѣе многихъ другихъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ академіяхъ и ученыхъ обществахъ. Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что они своимъ положеніемъ, своею жизнью подъ гнетомъ произвола, всѣ пріучены уже видѣть безотчетность и безсмысленность, и потому находятъ неловкимъ и даже дерзкимъ настойчиво доискиваться разумныхъ основаній въ чемъ бы то ни было. Задать вопросъ, — на это ихъ еще станетъ; но если отвѣтъ будетъ таковъ, что «пушка сама по себѣ, а мортира сама по себѣ», то они уже не смѣютъ пытать дальше и смиренно довольствуются даннымъ объясненіемъ. Секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается прежде всего въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ. Ключъ этой тайны даетъ намъ, напримѣръ, слѣдующая реплика Дикаго, въ «Грозѣ». Кулигинъ, въ отвѣтъ на его грубости, говоритъ: «за что, сударь, Савелъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?» Дикой отвѣчаетъ вотъ что:

«Отчетъ, что ли, я стану тебѣ давать? Я и поважнѣе тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю! Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, — вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что жъ ты — судиться, что ли, со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу — помилую, захочу раздавлю».

Какое теоретическое разсужденіе можетъ устоять тамъ, гдѣ жизнь основана на такихъ началахъ! Отсутствіе всякаго закона, всякой логики — вотъ законъ и логика этой жизни...

...Имѣя общимъ съ анархіею отсутствіе всякаго закона и права, обязательнаго для всѣхъ, самодурство въ сущности несравненно ужаснѣе анархіи, потому что даетъ озорничеству больше средствъ и простора и заставляетъ страдать большее число людей,—и опаснѣе ея еще въ томъ отношеніи, что можетъ держаться гораздо дольше. Анархія (повторимъ, если только она возможна вообще) можетъ служить только переходнымъ моментомъ, который самъ себя съ каждымъ шагомъ долженъ образумливать и приводить къ чему-нибудь болѣе здравому; самодурство, напротивъ, стремится узаконить себя и установить, какъ незыблемую систему. Оттого оно, вмѣстѣ съ такимъ широкимъ понятіемъ о своей собственной свободѣ, старается, однакоже, принять всѣ возможныя мѣры, чтобы оставить эту свободу навсегда только за собой, чтобы оградить себя отъ всякихъ дерзкихъ попытокъ. Для достиженія этой цѣли оно признаетъ какъ будто нѣкоторыя высшія требованія, и хотя само противъ нихъ тоже проступается, но предъ другими стоитъ за нихъ твердо. Нѣсколько минутъ спустя послѣ реплики, въ которой Дикóй такъ рѣшительно отвергалъ, въ пользу собственнаго каприза, всѣ нравственныя и логическія основанія для сужденія о человѣкѣ, — этотъ же самый Дикóй напускается на Кулигина, когда тотъ, для объясненія грозы выговорилъ слово электричество. «Ну, какъ же ты не разбойникъ,—кричитъ онъ:—гроза-то намъ въ наказанье посылается, чтобъ мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, оборониться. Что ты, татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А? Говори: татаринъ?» И ужъ тутъ Кулигинъ не смѣетъ отвѣтить ему: «хочу такъ думать и думаю, и никто мнѣ не указъ». Куда тебѣ,—онъ и объясненій-то своихъ представить не можетъ: принимаютъ съ ругательствами, да и говорить-то не даютъ. Поневолѣ тутъ резонировать перестанешь, когда на всякій резонъ кулакъ отвѣчаетъ, и всегда въ концѣ концовъ кулакъ остается правымъ...

...Но — чудное дѣло! — въ своемъ непререкаемомъ, безотвѣтственномъ темномъ владычествѣ, давая полную свободу своимъ прихотямъ, ставя ни во что всякіе законы и логику, самодуры русской жизни начи-

наютъ, однакоже, ощущать какое-то недовольство и страхъ, сами не зная, передъ чѣмъ и почему. Все, кажется, попрежнему, все хорошо: Дикòй ругаетъ, кого хочетъ; когда ему говорятъ: «Какъ это на тебя никто въ цѣломъ домѣ угодить не можетъ!»—онъ самодовольно отвѣчаетъ: «Вотъ поди жъ ты!» Кабанова держитъ попрежнему въ страхѣ своихъ дѣтей, заставляетъ невѣстку соблюдать всѣ этикеты старины, ѣстъ ее, какъ ржа желѣзо, считаетъ себя вполнѣ непогрѣшимой и ублажается разными Ѳеклушами. А все какъ-то неспокойно, нехорошо имъ. Помимо ихъ, не спросясь ихъ, выросла другая жизнь, съ другими началами, и хоть далеко она, еще и не видна хорошенько, но уже даетъ себя предчувствовать и посылаетъ нехорошія видѣнія темному произволу самодуровъ. Они ожесточенно ищутъ своего врага, готовы напуститься на самаго невиннаго, на какого-нибудь Кулигина; но нѣтъ ни врага, ни виновнаго, котораго могли бы они уничтожить: законъ времени, законъ природы и исторіи беретъ свое, и тяжело дышатъ старые Кабановы, чувствуя, что есть сила выше ихъ, которой они одолѣть не могутъ, къ которой даже и подступить не знаютъ какъ. Они не хотятъ уступать (да никто покамѣстъ и не требуетъ отъ нихъ уступокъ), но съеживаются, сокращаются; прежде они хотѣли утвердить свою систему жизни на вѣки нерушимую, и теперь то же стараются проповѣдывать; но уже надежда измѣняетъ имъ и они въ сущности хлопочутъ только о томъ, какъ бы на ихъ вѣкъ стало... Кабанова разсуждаетъ о томъ, что «послѣднія времена приходятъ», и когда Ѳеклуша разсказываетъ ей о разныхъ ужасахъ настоящаго времени—о желѣзныхъ дорогахъ и т. п., — она пророчески замѣчаетъ: «и хуже, милая, будетъ». — Намъ бы только не дожить до этого, со вздохомъ отвѣчаетъ Ѳеклуша. — «Можетъ, и доживемъ,—фаталистически говоритъ опять Кабанова, обнаруживая свои сомнѣнія и неувѣренность. А отчего она тревожится? Народъ по желѣзнымъ дорогамъ ѣздитъ,—да ей-то что̀ отъ этого? А вотъ видите ли: она, «хоть ты ее всю золотомъ осыпь», не поѣдетъ по дьявольскому изобрѣтенію; а народъ ѣздитъ все больше и больше, не обращая вниманія на ея проклятія; развѣ это не грустно, развѣ не служитъ свидѣтельствомъ ея безсилія? Объ электричествѣ провѣдали люди, — кажется, что̀ тутъ обидно для Дикихъ и Кабановыхъ? Но видите ли, Дикòй говоритъ, что «гроза въ наказанье намъ посылается, чтобъ мы чувствовали», а Кулигинъ не чувствуетъ, или чувствуетъ совсѣмъ не то, и толкуетъ объ электричествѣ. Развѣ это не своеволіе, не пренебреженіе власти и значенія Дико́го? Не хотятъ вѣрить тому, чему онъ вѣритъ, — значитъ, и ему не вѣрятъ, считаютъ себя умнѣе его, разсудите, къ чему же это поведетъ? Не даромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ: «Вотъ времена-то пришли, какіе учители проявились! Коли старикъ такъ раз-

суждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!», и Кабанова очень серьезно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила. Она предвидитъ конецъ ихъ, старается поддержать ихъ значеніе, но уже чувствуетъ, что нѣтъ къ нимъ прежняго почтенія, что ихъ сохраняютъ уже неохотно, только поневолѣ, и что при первой возможности ихъ бросятъ. Она уже и сама какъ-то потеряла часть своего рыцарскаго жара, уже не съ прежней энергіей заботится она о соблюденіи старыхъ обычаевъ, во многихъ случаяхъ она ужъ махнула рукой, поникла предъ невозможностью остановить потокъ, и только съ отчаяніемъ смотритъ, какъ онъ затопляетъ мало-по-малу пестрые цвѣтники ея прихотливыхъ суевѣрій. Точно послѣдніе язычники предъ силою христіанства, такъ поникаютъ и стираются порожденія самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни. Даже рѣшимости вступить на прямую открытую борьбу въ нихъ нѣтъ; они только стараются какъ-нибудь обмануть время, да разливаются въ безплодныхъ жалобахъ на новое движеніе. Жалобы эти всегда слышались отъ стариковъ потому, что всегда новыя поколѣнія вносили въ жизнь что-нибудь новое, противное прежнимъ порядкамъ; но теперь жалобы самодуровъ принимаютъ какой-то особенно мрачный, похоронный тонъ. Кабанова только тѣмъ и утѣшается, что еще какъ-нибудь съ ея помощью, пролипятъ старые порядки до ея смерти; а тамъ, пусть будетъ, что угодно, — она ужъ не увидитъ. Провожая сына въ дорогу, она замѣчаетъ, что все дѣлается не такъ, какъ нужно по ея: сынъ ей въ ноги не кланяется, — надо этого именно потребовать отъ него, а самъ не догадался; и женѣ своей онъ не «приказываетъ», какъ жить безъ него, да и не умѣетъ приказать, и при прощаньи не требуетъ отъ нея земного поклона; и невѣстка, проводивши мужа, не воетъ и не лежитъ на крыльцѣ, чтобы показать свою любовь. По возможности, Кабанова старается водворить порядокъ, но уже чувствуетъ, что невозможно вести дѣло совершенно по-старинѣ; напримѣръ, относительно вытья на крыльцѣ она уже только замѣчаетъ невѣсткѣ въ видѣ совѣта, но не рѣшается настоятельно требовать... Зато проводы сына внушаютъ ей такія грустныя размышленія...

«*...Что будетъ, какъ старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего*».

...Теперь положеніе Дикихъ и Кабановыхъ далеко не такъ пріятно: они должны заботиться о томъ, чтобы укрѣпить и оградить себя, потому что отвсюду возникаютъ требованія, враждебныя ихъ произволу и грозящія имъ борьбою съ пробуждающимся здравымъ смысломъ огромнаго большинства человѣчества. — Отсюда возникаетъ постоянная подозрительность, щепетильность и придирчивость самодуровъ:

сознавая внутренно, что ихъ не за что уважать, но не признаваясь въ этомъ даже самимъ себѣ, они обнаруживаютъ недостатокъ увѣренности въ себѣ мелочностью своихъ требованій и постоянными, кстати и некстати, напоминаніями и внушеніями о томъ, что ихъ должно уважать. Эта черта чрезвычайно выразительно проявляется въ «Грозѣ», въ сценѣ Кабановой съ дѣтьми, когда она, въ отвѣтъ на покорное замѣчаніе сына: «Могу ли я, маменька, васъ ослушаться», возражаетъ: «Не очень-то нынче старшихъ-то уважаютъ!» — и затѣмъ начинаетъ пилить сына и невѣстку, такъ что душу вытягиваетъ у посторонняго зрителя...

...Мы очень долго останавливались на господствующихъ лицахъ «Грозы», потому что, по нашему мнѣнію, исторія, разыгравшаяся съ Катериною, рѣшительно зависитъ отъ того положенія, какое неизбѣжно выпадаетъ на ея долю между этими лицами, въ томъ бытѣ, который установился подъ ихъ вліяніемъ. «Гроза» есть, безъ сомнѣнія, самое рѣшительное произведеніе Островскаго; взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведены въ ней до самыхъ трагическихъ послѣдствій; и при всемъ томъ большая часть читавшихъ и видѣвшихъ эту пьесу соглашается, что она производитъ впечатлѣніе менѣе тяжкое и грустное, нежели другія пьесы Островскаго (не говоря, разумѣется, объ его этюдахъ чисто-комическаго характера). Въ «Грозѣ» есть даже что-то освѣжающее и ободряющее. Это «что-то» и есть, по нашему мнѣнію, фонъ пьесы, указанный нами и обнаруживающій шаткость и близкій конецъ самодурства. Затѣмъ, самый характеръ Катерины, рисующійся на этомъ фонѣ, тоже вѣетъ на насъ новою жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели.

Дѣло въ томъ, что характеръ Катерины, какъ онъ исполненъ въ «Грозѣ», составляетъ шагъ впередъ, не только въ драматической дѣятельности Островскаго, но и во всей нашей литературѣ. Онъ соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни, онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ, около него вертѣлись наши лучшіе писатели; но они умѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности: это сумѣлъ сдѣлать Островскій. Ни одна изъ критикъ на «Грозу» не хотѣла или не умѣла представить надлежащей оцѣнки этого характера; поэтому мы рѣшаемся еще продлить нашу статью, чтобы съ нѣкоторой обстоятельностью изложить, какъ мы понимаемъ характеръ Катерины и почему созданіе его считаемъ такъ важнымъ для нашей литературы.

Русская жизнь дошла, наконецъ, до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безразличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе пре-

красныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени), но и внесенія ихъ въ жизнь и въ дѣятельность. Но, чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, подставляемыхъ Дикими, Кабановыми и т. п.; для преодолѣнія препятствій нужны характеры предпріимчивые, рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то общее требованіе правды и права, которое, наконецъ, прорывается въ людяхъ сквозь всѣ преграды, поставленныя Дикими-самодурами...

...Рѣшительный, цѣльный русскій характеръ, дѣйствующій въ средѣ Дикихъ и Кабановыхъ, является у Островскаго въ женскомъ типѣ, и это не лишено своего серьезнаго значенія. Извѣстно, что крайности отражаются крайностями и что самый сильный протестъ бываетъ тотъ, который поднимается, наконецъ, изъ груди самыхъ слабыхъ и терпѣливыхъ. Поприще, на которомъ Островскій наблюдаетъ и показываетъ намъ русскую жизнь, не касается отношеній чисто общественныхъ и государственныхъ, а ограничивается семействомъ; въ семействѣ же кто болѣе всего выдерживаетъ на себѣ весь гнетъ самодурства, какъ не женщина? Какой приказчикъ, работникъ, слуга Дикóго можетъ быть столько загнанъ, забитъ, отрѣшенъ отъ своей личности, какъ его жена? У кого не можетъ накипѣть столько горя и негодованія противъ нелѣпыхъ фантазій самодура? И, въ то же время, кто менѣе ея имѣетъ возможности высказать свой ропотъ, отказаться отъ исполненія того, что ей противно? Слуги и приказчики связаны только матеріально, людскимъ образомъ; они могутъ оставить самодура тотчасъ, какъ найдутъ себѣ другое мѣсто. Жена, по господствующимъ понятіямъ, связана съ нимъ неразрывно, духовно, посредствомъ таинства: что бы мужъ ни дѣлалъ, она должна ему повиноваться и раздѣлять съ нимъ безсмысленную жизнь...

...Возникновеніе женскаго энергическаго характера вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію, до какого доведено самодурство въ драмѣ Островскаго. Оно дошло до крайности, до отрицанія всякаго здраваго смысла; оно болѣе, чѣмъ когда-нибудь, враждебно естественнымъ требованіямъ человѣчества и ожесточеннѣе прежняго силится остановить ихъ развитіе, потому что въ торжествѣ ихъ видитъ приближеніе своей неминуемой гибели. Черезъ это оно еще болѣе вызываетъ ропотъ и протестъ даже въ существахъ самыхъ слабыхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, самодурство, какъ мы видѣли, потеряло свою самоувѣренность, лишилось и твердости въ дѣйствіяхъ, утратило и значительную долю той силы, которая заключалась для него въ наведеніи страха на

всѣхъ. Поэтому, протестъ противъ него не заглушается уже въ самомъ началѣ, а можетъ превратиться въ упорную борьбу. Тѣ, которымъ еще сносно жить, не хотятъ теперь рисковать на подобную борьбу, въ надеждѣ, что и такъ недолго прожить самодурству. Мужъ Катерины, молодой Кабановъ, хоть и много терпитъ отъ старой Кабанихи, но все же онъ свободнѣе: онъ можетъ и къ Савелу Прокофьичу выпить сбѣгать, онъ и въ Москву съѣздитъ отъ матери и тамъ развернется на волѣ, а коли плохо ему ужъ очень придется отъ старухи, такъ есть на комъ вылить свое сердце — онъ на жену вскипится... Такъ и живетъ себѣ, и воспитываетъ свой характеръ, ни на что не годный, все въ тайной надеждѣ, что вырвется какъ-нибудь на волю. Женѣ его нѣтъ никакой надежды, никакой отрады, передышаться ей нельзя; если можетъ, то пусть живетъ безъ дыханья, забудетъ, что есть вольный воздухъ на свѣтѣ, пусть отречется отъ своей природы и сольется съ капризнымъ деспотизмомъ старой Кабанихи. Но вольный воздухъ и свѣтъ, вопреки всѣмъ предосторожностямъ погибающаго самодурства, врывается въ келью Катерины; она чувствуетъ возможность удовлетворить естественной жаждѣ своей души и не можетъ долѣе оставаться неподвижно: она рвется къ новой жизни, хотя бы пришлось умереть въ этомъ порывѣ. Что ей смерть? Все равно — она не считаетъ жизнью и то прозябаніе, которое выпало ей на долю въ семьѣ Кабановыхъ.

Такова основа всѣхъ дѣйствій характера, изображеннаго въ «Грозѣ». Основа эта надежнѣе всѣхъ возможныхъ теорій и пафосовъ, потому что она лежитъ въ самой сущности даннаго положенія, влечетъ человѣка къ дѣлу неотразимо, не зависитъ отъ той или другой способности или впечатлѣнія въ частности, а опирается на всей сложности требованій организма, на выработкѣ всей натуры человѣка. Теперь любопытно, какъ развивается и проявляется подобный характеръ въ частныхъ случаяхъ. Мы можемъ прослѣдить его развитіе по личности Катерины.

Прежде всего, васъ поражаетъ необыкновенная своеобразность этого характера. Ничего нѣтъ въ немъ внѣшняго, чужого, а все выходитъ какъ-то изнутри его; всякое впечатлѣніе перерабатывается въ немъ и затѣмъ срастается съ нимъ органически. Это мы видимъ, напримѣръ, въ простодушномъ разсказѣ Катерины о своемъ дѣтскомъ возрастѣ и о жизни въ домѣ у матери. Оказывается, что воспитаніе и молодая жизнь ничего не дали ей: въ домѣ ея матери было то же, что у Кабановыхъ, — ходили въ церковь, шили золотомъ по бархату, слушали разсказы странницъ, обѣдали, гуляли по саду, опять бесѣдовали съ богомолками и сами молились... Выслушавъ разсказъ Катерины, Варвара, сестра ея мужа, съ удивленіемъ замѣчаетъ: «Да вѣдь

и у насъ то же самое». Но разница опредѣляется Катериною очень быстро въ пяти словахъ: «Да здѣсь все какъ будто изъ-подъ неволи!» И дальнѣйшій характеръ показываетъ, что во всей этой внѣшности, которая такъ обыденна у насъ повсюду, Катерина умѣла находить свой особенный смыслъ, примѣнять ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пока не налегла на нее тяжелая рука Кабанихи. Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда не довольнымъ, любящимъ разрушать во что бы то ни стало. Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный. Вотъ почему она старается все осмыслить и облагородить въ своемъ воображеніи; то настроеніе, при которомъ, по выраженію поэта,

Весь міръ мечтою благородной
Передъ нимъ очищенъ и омытъ,—

это настроеніе до послѣдней крайности не покидаетъ Катерину. Всякій внѣшній диссонансъ она старается согласить съ гармоніей своей души, всякій недостатокъ покрываетъ изъ полноты своихъ внутреннихъ силъ. Грубые, суевѣрные разсказы и безсмысленныя бредни странницъ превращаются у ней въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые. Бѣдны ея образы, потому что матеріалы, представляемые ей дѣйствительностью, такъ однообразны; но и съ этими скудными средствами ея воображеніе работаетъ неутомимо и уноситъ ее въ новый міръ, тихій и свѣтлый. Не обряды занимаютъ ее въ церкви: она совсѣмъ и не слышитъ, что тамъ поютъ и читаютъ; у ней въ душѣ иная музыка, иныя видѣнія, для нея служба кончается непримѣтно, какъ будто въ одну секунду. Ее занимаютъ деревья, странно нарисованныя на образахъ, и она воображаетъ себѣ цѣлую страну садовъ, гдѣ все такія деревья, и все это цвѣтетъ, благоухаетъ, все полно райскаго пѣнія. А то увидитъ она въ солнечный день, какъ «изъ купола свѣтлый такой столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака», — и вотъ она уже видитъ, «будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ». Иногда представится ей, — отчего бы и ей не летать? и когда на горѣ стоитъ, то такъ ее и тянетъ летѣть: вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки, да и полетѣла. Она странная, сумасбродная съ точки зрѣнія окружающихъ; но это потому, что она никакъ не можетъ принять въ себя ихъ воззрѣній и наклонностей. Она беретъ отъ нихъ матеріалы, потому что иначе взять ихъ неоткуда; но не беретъ выводовъ, а ищетъ ихъ сама, и часто приходитъ вовсе не къ тому, на чемъ успокоиваются они. Подобное отношеніе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ мы замѣчаемъ и въ другой средѣ, въ людяхъ, по своему воспитанію привыкшихъ къ отвлеченнымъ разсужденіямъ

и умѣющихъ анализировать свои чувства. Вся разница въ томъ, что у Катерины, какъ личности непосредственной, живой, все дѣлается по влеченію натуры, безъ отчетливаго сознанія, а у людей развитыхъ теоретически и сильныхъ умомъ — главную роль играетъ логика и анализъ. Сильные умы именно и отличаются той внутренней силой, которая даетъ имъ возможность не поддаваться готовымъ воззрѣніямъ и системамъ, а самимъ создавать свои взгляды и выводы на основаніи живыхъ впечатлѣній. Они ничего не отвергаютъ сначала, но ни на чемъ не останавливаются, а только все принимаютъ къ свѣдѣнію и переработываютъ по-своему. Аналогическіе результаты представляетъ намъ и Катерина, хотя она и не резонируетъ и даже не понимаетъ сама своихъ ощущеній, а водится прямо натурою. Въ сухой, однообразной жизни своей юности, въ грубыхъ и суевѣрныхъ понятіяхъ окружающей среды она постоянно умѣла брать то, что соглашалось съ ея естественными стремленіями къ красотѣ, гармоніи, довольству, счастью. Въ разговорахъ странницъ, въ земныхъ поклонахъ и причитаньяхъ она видѣла не мертвую форму, а что-то другое, къ чему постоянно стремилось ея сердце. На основаніи ихъ она строила себѣ иной міръ, безъ страстей, безъ нужды, безъ горя, міръ, весь посвященный добру и наслажденію. Но въ чемъ настоящее добро и истинное наслажденіе для человѣка, она не могла опредѣлить себѣ; вотъ отчего эти внезапные порывы какихъ-то безотчетныхъ, неясныхъ стремленій, о которыхъ она вспоминаетъ: «Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, — упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно». Бѣдная дѣвочка, не получившая широкаго теоретическаго образованія, не знающая всего, что на свѣтѣ дѣлается, не понимающая хорошенько даже своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчетъ въ томъ, что ей нужно. Покамѣстъ она живетъ у матери, на полной свободѣ, безъ всякой житейской заботы, пока еще не обозначились въ ней потребности и страсти взрослаго человѣка, она не умѣетъ даже отличить своихъ собственныхъ мечтаній, своего внутренняго міра отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Забываясь среди богомолокъ въ своихъ радужныхъ думахъ и гуляя въ своемъ свѣтломъ царствѣ, она все думаетъ, что ея довольство происходитъ именно отъ этихъ богомолокъ, отъ лампадокъ, зажженныхъ по всѣмъ угламъ въ домѣ, отъ причитаній, раздающихся вокругъ нея: своими чувствами она одушевляетъ мертвую обстановку, въ которой живетъ, и сливаетъ съ ней внутренній міръ души своей. Это періодъ дѣтства, для многихъ тянущійся долго, очень долго, но

все-таки имѣющій свой конецъ. Если конецъ приходитъ очень поздно, если человѣкъ начинаетъ понимать, чего ему нужно, тогда уже, когда большая часть жизни изжита, въ такомъ случаѣ ему ничего почти не остается, кромѣ сожалѣнія о томъ, что такъ долго принималъ онъ собственныя мечты за дѣйствительность. Онъ находится тогда въ печальномъ положеніи человѣка, который, надѣливъ въ своей фантазіи всѣми возможными совершенствами свою красавицу и связавъ съ нею жизнь свою, вдругъ замѣчаетъ, что всѣ совершенства существовали только въ его воображеніи, — въ ней самой нѣтъ и слѣда ихъ. Но характеры сильные рѣдко поддаются такому рѣшительному заблужденію: въ нихъ очень сильно требованіе ясности и реальности, и оттого они не останавливаются на неопредѣленностяхъ и стараются выбраться изъ нихъ во что бы то ни стало. Замѣтивъ въ себѣ недовольство, они стараются прогнать его; но, видя, что оно не проходитъ, кончаютъ тѣмъ, что даютъ полную свободу высказаться новымъ требованіямъ, возникающимъ въ душѣ, и затѣмъ уже не успокоятся, пока не достигнутъ ихъ удовлетворенія. А тутъ и сама жизнь приходитъ на помощь — для однихъ благопріятно, расширеніемъ круга впечатлѣній, а для другихъ трудно и горько — стѣсненіями и заботами, разрушающими гармоническую стройность юныхъ фантазій. Послѣдній путь выпалъ на долю Катеришѣ, какъ выпадаетъ онъ на долю большей части людей въ «темномъ царствѣ» Дикихъ и Кабановыхъ.

Въ сумрачной обстановкѣ новой семьи начала чувствовать Катерина недостаточность внѣшности, которою думала довольствоваться прежде. Подъ тяжелой рукою бездушной Кабанихи нѣтъ простора ея свѣтлымъ видѣніямъ, какъ нѣтъ свободы ея чувствамъ. Въ порывѣ нѣжности къ мужу она хочетъ обнять его, старушка кричитъ: «Что на шею виснешь, безстыдница? Въ ноги кланяйся!» Ей хочется остаться одной погрустить тихонько, какъ бывало, а свекровь говоритъ: «Отчего не воешь?» Она ищетъ свѣта, воздуха, хочетъ помечтать и порѣзвиться, полить свои цвѣты, посмотрѣть на солнце, на Волгу, послать свой привѣтъ всему живому, а ее держатъ въ неволѣ, въ ней постоянно подозрѣваютъ нечистые, развратные замыслы. Она ищетъ прибѣжища попрежнему въ религіозной практикѣ, въ посѣщеніи церкви, въ душеспасительныхъ разговорахъ, но и здѣсь не находитъ уже прежнихъ впечатлѣній. Убитая дневной заботой и вѣчной неволей, она уже не можетъ съ прежней ясностью мечтать объ ангелахъ, поющихъ въ пыльномъ столбѣ, освѣщенномъ солнцемъ, не можетъ вообразить себѣ райскихъ садовъ съ ихъ невозмущаемымъ видомъ и радостью. Все мрачно, страшно вокругъ нея, все вѣетъ холодомъ и какой-то неотразимой угрозой: и лики святыхъ такъ строги, и церковныя чтенія такъ грозны, и разсказы странницъ такъ

чудовищны... Они все тѣ же въ сущности, они нимало не измѣнились, но измѣнилась она сама: въ ней уже нѣтъ охоты строить воздушныя видѣнія, да ужъ и не удовлетворятъ ее то неопредѣленное воображеніе блаженства, которымъ она наслаждалась прежде. Она возмужала, въ ней проснулись другія желанія, болѣе реальныя; не зная иного поприща, кромѣ семьи, иного міра, кромѣ того, какой сложился для нея въ обществѣ ея городка, она, разумѣется, и начинаетъ сознавать изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій то, которое всего неизбѣжнѣе и всего ближе къ ней, — стремленіе любви и преданности. Въ прежнее время ея сердце было слишкомъ полно мечтами, она не обращала вниманія на молодыхъ людей, которые на нее заглядывались, а только смѣялась. Выходя замужъ за Тихона Кабанова она и его не любила, она еще и не понимала этого чувства; сказали ей, что всякой дѣвушкѣ надо замужъ выходить, показали Тихона, какъ будущаго мужа, она и пошла за него, оставаясь совершенно индиферентною къ этому шагу. И здѣсь тоже проявляется особенность характера: по обычнымъ нашимъ понятіямъ ей бы слѣдовало противиться, если у ней рѣшительный характеръ; но она и не думаетъ о сопротивленіи, потому что не имѣетъ достаточно основаній для этого. Ей нѣтъ особенной охоты выходить замужъ, но нѣтъ и отвращенія отъ замужества; нѣтъ въ ней любви къ Тихону, но нѣтъ любви и ни къ кому другому. Ей все равно покамѣстъ, вотъ почему она и позволяетъ дѣлать съ собою что угодно. Въ этомъ нельзя видѣть ни безсилія, ни апатіи, а можно находить только недостатокъ опытности да еще слишкомъ большую готовность дѣлать все для другихъ, мало заботясь о себѣ. У ней мало знанія и много довѣрчивости, вотъ отчего до времени она не выказываетъ противодѣйствія окружающимъ и рѣшается лучше терпѣть, нежели дѣлать на зло имъ. Но когда она пойметъ, что ей нужно, и захочетъ чего-нибудь достигнуть, то добьется своего во что бы то ни стало: тутъ-то и проявится вполнѣ сила ея характера, нерастраченная въ мелочныхъ выходкахъ. Сначала по врожденной добротѣ и благородству души своей она будетъ дѣлать всѣ возможныя усилія, чтобы не нарушить мира и правъ другихъ, чтобы получить желаемое съ возможно большимъ соблюденіемъ всѣхъ требованій, какія на нее налагаются людьми, чѣмъ-нибудь связанными съ ней; и если они сумѣютъ воспользоваться этимъ первоначальнымъ настроеніемъ и рѣшатся дать ей полное удовлетвореніе, — хорошо тогда и ей, и имъ. Но если нѣтъ, она ни передъ чѣмъ не остановится, — законъ, родство, обычай, людской судъ, правила благоразумія — все исчезаетъ для нея предъ силою внутренняго влеченія; она не щадитъ себя и не думаетъ о другихъ. Такой именно выходъ представился Катеринѣ, и другого

нельзя было ожидать среди той обстановки, въ которой она находится.

Чувство любви къ человѣку, желаніе найти родственный отзывъ въ другомъ сердцѣ, потребность нѣжныхъ наслажденій естественнымъ образомъ открылись въ молодой женщинѣ и измѣнили ея прежнія, неопредѣленныя и безплодныя мечты...

...Въ пьесѣ, которая застаетъ Катерину уже съ началомъ любви къ Борису Григорьевичу, все еще видны послѣднія отчаянныя усилія Катерины — сдѣлать себѣ милымъ своего мужа. Сцена ея прощанія съ нимъ даетъ намъ чувствовать, что и тутъ еще не потеряно для Тихона, что онъ еще можетъ сохранить права свои на любовь этой женщины; но эта же сцена въ короткихъ, но рѣзкихъ очеркахъ передаетъ намъ цѣлую исторію истязаній, которыя заставили вытерпѣть Катерину, чтобы оттолкнуть ея первое чувство отъ мужа. Тихонъ является здѣсь простодушнымъ и пошловатымъ, совсѣмъ не злымъ, но до крайности безхарактернымъ существомъ, не смѣющимъ ничего сдѣлать вопреки матери. А мать — существо бездушное, кулакъ-баба, заключающая въ китайскихъ церемоніяхъ и любовь, и религію, и нравственность. Между нею и между своей женой Тихонъ представляетъ одинъ изъ множества тѣхъ жалкихъ типовъ, которые обыкновенно называются безвредными, хотя они въ общемъ-то смыслѣ столь же вредны, какъ и сами самодуры, потому что служатъ ихъ вѣрными помощниками. Тихонъ самъ по себѣ любитъ жену и готовъ бы все для нея сдѣлать; но гнетъ, подъ которымъ онъ выросъ, такъ его изуродовалъ, что въ немъ никакого сильнаго чувства, никакого рѣшительнаго стремленія развиться не можетъ. Въ немъ есть совѣсть, есть желаніе добра, но онъ постоянно дѣйствуетъ противъ себя и служитъ покорнымъ орудіемъ матери, даже въ отношеніяхъ своихъ къ женѣ. Еще въ первой сценѣ появленія семейства Кабановыхъ на бульварѣ мы видимъ, каково положеніе Катерины между мужемъ и свекровью. Кабаниха ругаетъ сына, что жена его не боится; онъ рѣшается возразить: «Да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любитъ». Старуха тотчасъ же вскидывается на него: «Какъ зачѣмъ бояться? Какъ зачѣмъ бояться? Да ты рехнулся, что ли? *Тебя не станетъ бояться, меня и подавно:* какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по-вашему, законъ ничего не значитъ?» Подъ такими началами, разумѣется, чувство любви въ Катеринѣ не находитъ простора и прячется внутрь ея, сказываясь только по временамъ судорожными порывами. Но и этими порывами мужъ не умѣетъ пользоваться: онъ слишкомъ забитъ, чтобы понять силу ея страстнаго томленія. «Не разберу я тебя, Катя, — говоритъ онъ ей: — то отъ

тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то такъ сама лѣзешь». Такъ обыкновенно дюжинныя и испорченныя натуры судятъ о натурѣ сильной и свѣжей: они, судя по себѣ, не понимаютъ чувства, которое сохранилось въ глубинѣ души, и всякую сосредоточенность принимаютъ за апатію; когда же, наконецъ, не будучи въ состояніи скрываться долѣе, внутренняя сила хлынетъ изъ души широкимъ и быстрымъ потокомъ, они удивляются и считаютъ это какимъ-то фокусомъ, причудою, въ родѣ того, какъ имъ самимъ приходитъ иногда фантазія впасть въ паѳосъ или кутнуть. А между тѣмъ эти порывы составляютъ необходимость въ натурѣ сильной и бываютъ тѣмъ разительнѣе, чѣмъ они дольше не находятъ себѣ выхода. Они неумышленны, не соображены, а вызваны естественной необходимостью. Сила натуры, которой нѣтъ возможности развиваться дѣятельно, выражается и пассивно — терпѣніемъ, сдержанностью. Но только не смѣшивайте *этого* терпѣнія съ тѣмъ, которое происходитъ отъ слабаго развитія личности въ человѣкѣ и которое кончаетъ тѣмъ, что привыкаетъ къ оскорбленіямъ и тягостямъ всякаго рода. Нѣтъ, Катерина не привыкнетъ къ нимъ никогда; она еще не знаетъ, на что и какъ она рѣшится, она ничѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей къ свекрови, дѣлаетъ все возможное, чтобы хорошо уладиться съ мужемъ, но по всему видно, что она чувствуетъ свое положеніе и что ее тянетъ вырваться изъ него. Никогда она не жалуется, не бранитъ свекрови; сама старуха не можетъ на нее взвести этого; и однакоже, свекровь чувствуетъ, что Катерина составляетъ для нея что-то неподходящее, враждебное. Тихонъ, который какъ огня боится матери и притомъ не отличается особенною деликатностью и нѣжностью, совѣстится, однако, передъ женою, когда, по повелѣнію матери, долженъ ей наказывать, чтобъ она безъ него «въ окна глазъ не пялила» и «на молодыхъ парней не заглядывалась». Онъ видитъ, что горько оскорбляетъ ее такими рѣчами, хотя хорошенько и не можетъ понять ея состоянія. По выходѣ матери изъ комнаты, онъ утѣшаетъ жену такимъ образомъ: «Все къ сердцу-то принимать, такъ въ чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей вѣдь что-нибудь надо же говорить. Ну и пущай она говоритъ, а ты мимо ушей пропущай!» Вотъ этотъ индиферентизмъ, точно, плохъ и безпадеженъ; но Катерина никогда не можетъ дойти до него, хотя по наружности она даже меньше огорчается, нежели Тихонъ, меньше жалуется, но въ сущности она страдаетъ гораздо больше...

...Въ личности Катерины мы видимъ уже возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе права и простора жизни. Здѣсь уже не воображеніе, не наслышка, не искусственно возбужденный порывъ является намъ, а жизненная необходимость натуры.

Катерина не капризничаетъ, не кокетничаетъ своимъ недовольствомъ и гнѣвомъ, это не въ ея натурѣ; она не хочетъ импонировать на другихъ, выставиться и похвалиться. Напротивъ, живетъ она очень мирно и готова всему подчиниться, что только не противно ея натурѣ; принципъ ея, если бъ она могла сознать и опредѣлить его, былъ бы тотъ, чтобы какъ можно менѣе своей личностью стѣснять другихъ и тревожить общее теченіе дѣлъ. Но зато, признавая и уважая стремленіе другихъ, она требуетъ того же уваженія и къ себѣ, и всякое насиліе, всякое стѣсненіе возмущаетъ ее кровно, глубоко. Если бъ она могла, она бы прогнала далеко отъ себя все, что живетъ неправо и вредитъ другимъ; но, не будучи въ состояніи сдѣлать этого, она идетъ обратнымъ путемъ — сама бѣжитъ отъ губителей и обидчиковъ. Только бы не подчиниться ихъ началамъ, вопреки своей натурѣ, только бы не помириться съ ихъ неестественными требованіями, а тамъ что̀ выйдетъ — лучшая ли доля для нея или гибель, — на это она ужъ не смотритъ: въ томъ и другомъ случаѣ для нея избавленіе... О своемъ характерѣ Катерина сообщаетъ Варѣ одну черту еще изъ воспоминаній дѣтства: «Такая ужъ я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше, — такъ что сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужъ темно; я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли, верстъ за десять»... Эта дѣтская горячность сохранилась въ Катеринѣ; только, вмѣстѣ съ общей возмужалостью, прибавилась въ ней и сила выдерживать впечатлѣнія и господствовать надъ ними. Взрослая Катерина, поставленная въ необходимость терпѣть обиды, находитъ въ себѣ силу долго переносить ихъ, безъ напрасныхъ жалобъ, полусопротивленій и всякихъ шумныхъ выходокъ. Она терпитъ до тѣхъ поръ, пока не заговоритъ въ ней какой-нибудь интересъ, особенно близкій ея сердцу и законный въ ея глазахъ, пока не оскорблено въ ней будетъ такое требованіе ея натуры, безъ удовлетворенія котораго она не можетъ оставаться спокойною. Тогда она ужъ ни на что не смотритъ. Она не будетъ прибѣгать къ дипломатическимъ уловкамъ, къ обманамъ и плутнямъ, — не такова она. Если ужъ нужно непремѣнно обманывать, такъ она лучше постарается перемочь себя. Варя совѣтуетъ Катеринѣ скрывать свою любовь къ Борису; она говоритъ: «Обманывать-то я не умѣю, скрыть-то ничего не могу», и вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ усиліе надъ своимъ сердцемъ, и опять обращается къ Варѣ съ такой рѣчью: «Не говори мнѣ про него, сдѣлай милость, не говори! Я его и знать не хочу! *Я буду мужа любить. Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю!*» Но усиліе уже выше ея возможности; черезъ минуту она чувствуетъ, что ей не отдѣлаться отъ возникшей любви:

«Развѣ я хочу о немъ думать, — говоритъ она: — да что дѣлать, коли изъ головы нейдетъ?» Въ этихъ простыхъ словахъ очень ясно выражается, какъ сила естественныхъ стремленій, непримѣтно для самой Катерины, одерживаетъ въ ней побѣду надъ всѣми внѣшними требованіями, предразсудками и искусственными комбинаціями, въ которыхъ запутана жизнь ея. Замѣтимъ, что теоретическимъ образомъ Катерина не могла отвергнуть ни одной изъ этихъ комбинацій, не могла освободиться ни отъ какихъ отсталыхъ мнѣній; она пошла противъ всѣхъ ихъ, вооруженная единственно силою своего чувства, инстинктивнымъ сознаніемъ своего прямого, неотъемлемаго права на жизнь, счастье и любовь... Она нимало не резонируетъ, но съ удивительною легкостью разрѣшаетъ всѣ трудности своего положенія. Вотъ ея разговоритъ съ Варварой:

«Варвара. Ты какая-то мудреная, Богъ съ тобой! А по-моему — дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

«Катерина. Не хочу я такъ, да и что хорошаго! *Ужъ я лучше буду терпѣть, пока терпится.*

«Варвара. А не стерпится, что жъ ты сдѣлаешь?

«Катерина. Что я сдѣлаю?

«Варвара. Да, что сдѣлаешь?

«Катерина. *Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.*

«Варвара. Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

«Катерина. А что мнѣ! Я уйду, да и была такова.

«Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

«Катерина. Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характеру! *Конечно, не дай Богъ этому случиться, а ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостылитъ, такъ не удержатъ меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня ръжь».*

Вотъ истинная сила характера, на которую, во всякомъ случаѣ, можно положиться! Вотъ высота, до которой доходитъ наша народная жизнь въ своемъ развитіи, но до которой въ литературѣ нашей умѣли подниматься весьма немногіе, и никто не умѣлъ на ней такъ хорошо держаться, какъ Островскій. Онъ почувствовалъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мыслей, не принципы, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера; и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служитъ представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе... ...Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена большой, многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе не остана-

вливается; ровное дно, хорошее — она течетъ спокойно, камни большіе встрѣтились — она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ—льется каскадомъ, запружаетъ ее — она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ. Не потому бурлитъ она, чтобы водѣ вдругъ захотѣлось пошумѣть или разсердиться на препятствія, а просто потому, что это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій, для дальнѣйшаго теченія. Такъ и въ томъ характерѣ, который воспроизведенъ намъ Островскимъ: мы знаемъ, что онъ выдержитъ себя, несмотря ни на какія препятствія; а когда силъ не хватитъ, то погибнетъ, но не измѣнитъ себѣ...

...Въ положеніи Катерины мы видимъ, что, напротивъ, всѣ «идеи», внушенныя ей съ дѣтства, всѣ принципы окружающей среды возстаютъ *противъ* ея естественныхъ стремленій и поступковъ. Страшная борьба, на которую осуждена молодая женщина, совершается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи драмы, и вотъ гдѣ оказывается вся важность вводныхъ лицъ, за которыхъ такъ упрекаютъ Островскаго. Всмотритесь хорошенько: вы видите, что Катерина воспитана въ понятіяхъ, одинаковыхъ съ понятіями среды, въ которой живетъ, и не можетъ отъ нихъ отрѣшиться, не имѣя никакого теоретическаго образованія. Разсказы странницъ и внушенія домашнихъ хоть и переработывались ею по-своему, но не могла не оставить безобразнаго слѣда въ ея душѣ: и дѣйствительно, мы видимъ въ пьесѣ, что Катерина, потерявъ свои радужныя мечты и идеальныя, выспреннія стремленія, сохранила отъ своего воспитанія одно сильное чувство—*страхъ* какихъ-то темныхъ силъ, чего-то невѣдомаго, чего она не могла ни объяснить себѣ хорошенько, ни отвергнуть. За каждую мысль свою она боится, за самое простое чувство она ждетъ себѣ кары; ей кажется, что гроза ее убьетъ, потому что она грѣшница, картины геенны огненной на стѣнѣ церковной представляются ей уже предвѣстіемъ ея вѣчной муки... А все окружающее поддерживаетъ и развиваетъ въ ней этотъ страхъ... ...Все противъ Катерины, даже и ея собственныя понятія о добрѣ и злѣ; все должно заставить ее заглушить свои порывы и завянуть въ холодномъ и мрачномъ формализмѣ семейной безгласности и покорности, безъ всякихъ живыхъ стремленій, безъ воли, безъ любви, — или же научиться обманывать людей и совѣсть. Но не бойтесь за нее, не бойтесь даже тогда, когда она сама говоритъ противъ себя: она можетъ на время или покориться повидимому или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ скрыться подъ землею или удалиться отъ своего русла; но текучая вода не остановится и не пойдетъ назадъ, а все-таки дойдетъ до своего конца, до того мѣста, гдѣ можетъ она слиться съ другими водами и вмѣстѣ бѣжать къ водамъ океана... ...Катерина поддается своему положенію, выходитъ

къ Борису ночью, прячетъ отъ свекрови свои чувства въ теченіе десяти дней... Можно подумать: вотъ и еще женщина сбилась съ пути, выучилась обманывать домашнихъ и будетъ развратничать втихомолку, притворно лаская мужа и нося отвратительную маску смиренницы. Нельзя было бы строго винить ее и за это: положеніе ея такъ тяжело! Но тогда она была бы однимъ изъ дюжинныхъ лицъ того типа, который такъ уже изношенъ въ повѣстяхъ, показывавшихъ, какъ «среда заѣдаетъ хорошихъ людей». Катерина не такова: развязка ея любви, при всей домашней обстановкѣ, видна заранѣе, еще тогда, какъ она только подходитъ къ дѣлу. Она не занимается психологическимъ анализомъ и потому не можетъ высказывать тонкихъ наблюденій надъ собою; что она о себѣ говоритъ, такъ ужъ это значитъ сильно даетъ ей знать себя. А она, при первомъ предложеніи Варвары о свиданіи ея съ Борисомъ, вскрикиваетъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо! что ты, сохрани, Господи: *если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, я ужъ не пойду домой ни за что на свѣтѣ!*» Это въ ней не разумная предосторожность говоритъ, это—страсть; и ужъ видно, что какъ она себя ни сдерживала, а страсть выше ея, выше всѣхъ ея предразсудковъ и страховъ, выше всѣхъ внушеній, слышанныхъ ею съ дѣтства. Въ этой страсти заключается для нея вся жизнь; вся сила ея натуры, всѣ ея живыя стремленія сливаются здѣсь. Къ Борису влечетъ ее не одно то, что онъ ей нравится, что онъ и съ виду и по рѣчамъ не похожъ на остальныхъ, окружающихъ ее; къ нему влечетъ ее и потребность любви, ненашедшая себѣ отзыва въ мужѣ, и оскорбленное чувство жены и женщины, и смертельная тоска ея однообразной жизни, желаніе воли, простора, горячей, беззапретной свободы...

...Такая любовь, такое чувство не уживется въ стѣнахъ кабановскаго дома, съ притворствомъ и обманомъ. Катерина хоть и рѣшилась на тайное свиданіе, но въ первый же разъ, въ восторгѣ любви, говоритъ Борису, увѣряющему, что никто ничего не узнаетъ: «Э, что меня жалѣть, никто не виноватъ — сама на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю... Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?»

И точно, она ничего не боится, кромѣ лишенія возможности видѣть ея избраннаго, говорить съ нимъ, наслаждаться съ нимъ этими лѣтними ночами, этими новыми для нея чувствами. Пріѣхалъ мужъ, и жизнь ей стала не въ жизнь. Надо было таиться, хитрить; она этого не хотѣла и не умѣла...

...Она уже не возвратится къ прежней жизни: если ей нельзя наслаждаться своимъ чувствомъ, своей волей вполнѣ законно и свято, при свѣтѣ бѣлаго дня, передъ всѣмъ народомъ, если у нея вырываютъ то, что нашла она и что ей такъ дорого, она ничего тогда не хочетъ въ жизни, она и жизни не хочетъ...

...Въ монологахъ Катерины видно, что у ней и теперь нѣтъ ничего формулированнаго; она до конца водится своей натурой, а не заданными рѣшеніями, потому что для рѣшеній ей бы надо было имѣть логическія, твердыя основанія, а между тѣмъ всѣ начала, которыя ей даны для теоретическихъ разсужденій, рѣшительно противны ея натуральнымъ влеченіямъ. Оттого она не только не принимаетъ геройскихъ позъ и не произноситъ изреченій, доказывающихъ твердость характера, а даже, напротивъ, является въ видѣ слабой женщины, неумѣющей противиться своимъ влеченіямъ, и старается *оправдывать* тотъ героизмъ, какой проявляется въ ея поступкахъ. Она рѣшилась умереть, но ее страшитъ мысль, что это грѣхъ, и она какъ бы старается доказать намъ и себѣ, что ее можно и простить, такъ какъ ей ужъ очень тяжело. Ей хотѣлось бы пользоваться жизнью и любовью; но она знаетъ, что это — преступленіе, и потому говоритъ въ оправданіе свое: «Что жъ, ужъ все равно, ужъ душу свою я вѣдь погубила!» Ни на кого она не жалуется, никого не винитъ, и даже на мысль ей не приходитъ ничего подобнаго; напротивъ, она предъ всѣми виновата, даже Бориса она спрашиваетъ, не сердится ли онъ на нее, не проклинаетъ ли... Нѣтъ въ ней ни злобы, ни презрѣнія, ничего, чѣмъ такъ красуются обыкновенно разочарованные герои, самовольно покидающіе свѣтъ. Но не можетъ она жить больше, не можетъ, да и только...

...И дѣло кончено: она не будетъ болѣе жертвою бездушной свекрови, не будетъ болѣе томиться взаперти съ безхарактернымъ и противнымъ ей мужемъ. Она освобождена!..

Грустно, горько такое освобожденіе; но что же дѣлать, когда другого выхода нѣтъ... Хорошо, что нашлась въ бѣдной женщинѣ рѣшимость хоть на этотъ страшный выходъ. Въ томъ и сила ея характера, оттого-то «Гроза» и производитъ на насъ впечатлѣніе освѣжающее, какъ мы сказали выше...

...Менѣе невозможности представляло бы другое рѣшеніе — бѣжать съ Борисомъ отъ произвола и насилія домашнихъ. Несмотря на строгость формальнаго закона, несмотря на ожесточенность грубаго самодурства, подобные шаги не представляютъ невозможности сами по себѣ, особенно для такихъ характеровъ, какъ Катерина. И она не пренебрегаетъ этимъ выходомъ, потому что она не отвлеченная героиня, которой хочется смерти по принципу. Убѣжавши изъ дому, чтобы свидѣться съ Борисомъ, и уже задумывая о смерти, она, однако, вовсе не прочь отъ побѣга: узнавши, что Борисъ ѣдетъ далеко, въ Сибирь, она очень просто говоритъ ему: «Возьми меня съ собой отсюда». Но тутъ-то и всплываетъ передъ нами на минуту камень, который держитъ людей въ глубинѣ омута, названнаго нами «темнымъ

царствомъ». Камень этотъ — матеріальная зависимость. Борисъ ничего не имѣетъ и вполнѣ зависитъ отъ дяди — Дико́го; Дико́й съ Кабановыми уладили, чтобъ его отправить въ Кяхту, и, конечно, не дадутъ ему взять съ собой Катерину. Оттого онъ и отвѣчаетъ ей: «Нельзя, Катя; не по своей волѣ я ѣду, дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы»; и пр. Борисъ — не герой, онъ далеко не стоитъ Катерины, она и полюбила-то его больше на безлюдьи. Онъ хватилъ «образованія», и никакъ не справится ни съ старымъ бытомъ, ни съ сердцемъ своимъ, ни съ здравымъ смысломъ, — ходитъ, точно потерянный... ...Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ весьма нерѣдкихъ людей, которые не умѣютъ дѣлать того, что понимаютъ, и не понимаютъ того, что дѣлаютъ...

...Мы уже сказали, что конецъ этотъ кажется намъ отраднымъ; легко понять, почему: въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ; онъ говоритъ ей, что уже нельзя итти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами. Въ Катеринѣ видимъ мы протестъ противъ кабановскихъ понятій и нравственности, протестъ, доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой, и надъ бездной, въ которую бросилась бѣдная женщина. Она не хочетъ мириться, не хочетъ пользоваться жалкимъ прозябаніемъ, которое ей даютъ въ обмѣнъ за ея живую душу. Ея погибель — это осуществленная пѣснь плѣна вавилонскаго: играйте и пойте намъ пѣсни сіонскія, — говорили іудеямъ ихъ побѣдители; но печальный пророкъ отозвался, что не въ рабствѣ можно пѣть священныя пѣсни родины, что лучше пусть языкъ ихъ прилипнетъ къ гортани и руки отсохнутъ, нежели примутся они за гусли и запоютъ сіонскія пѣсни на потѣху владыкъ своихъ. Несмотря на все свое отчаяніе, эта пѣснь производитъ высоко-отрадное, мужественное впечатлѣніе: чувствуешь, что не погибъ бы народъ еврейскій, если бъ весь и всегда одушевленъ былъ такими чувствами...

Но и безъ всякихъ возвышенныхъ соображеній, просто по человѣчеству, намъ отрадно видѣть избавленіе Катерины — хоть черезъ смерть, коли нельзя иначе. На этотъ счетъ мы имѣемъ въ самой драмѣ страшное свидѣтельство, говорящее намъ, что жить въ «темномъ царствѣ» хуже смерти. Тихонъ, бросаясь на трупъ жены, вытащенный изъ воды, кричитъ въ самозабвеніи: «Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ да мучиться!» Этимъ восклицаніемъ заканчивается пьеса, и имъ кажется, что ничего нельзя было придумать сильнѣе и правдивѣе такого окончанія. Слова Тихона даютъ ключъ къ уразумѣнію пьесы для тѣхъ, кто бы даже и не понялъ ея сущности ранѣе; они заставляютъ зрителя подумать уже не о любовной интригѣ, а обо всей этой жизни, гдѣ живые завидуютъ умершимъ, да еще какимъ — самоубійцамъ! Собственно говоря, вос-

клицаніе Тихона глупо: Волга близко, кто же мѣшаетъ и ему броситься, если жить тошно? Но въ томъ-то и горе его, то-то ему и тяжко, что онъ ничего, рѣшительно ничего сдѣлать не можетъ, даже и того, въ чемъ признаетъ свое благо и спасеніе. Это нравственное растлѣніе, это уничтоженіе человѣка дѣйствуетъ на насъ тяжелѣе всякаго самаго трагическаго происшествія: тамъ видишь гибель одновременную, конецъ страданій, часто избавленіе отъ необходимости служитъ жалкимъ орудіемъ какихъ-нибудь гнусностей; а здѣсь—постоянную, гнетущую боль, разслабленіе, полутрупъ, въ теченіе многихъ лѣтъ согнивающій заживо... И думать, что этотъ живой трупъ—не одинъ, не исключеніе, а цѣлая масса людей, подверженныхъ тлетворному вліянію Дикихъ и Кабановыхъ! И не чаять для нихъ избавленія — это, согласитесь, ужасно! Зато какою же отрадною, свѣжею жизнью вѣетъ на насъ здоровая личность, находящая въ себѣ рѣшимость покончить съ этой гнилой жизнью, во что бы то ни стало!..

Добролюбовъ.

„Гроза“ драма Островскаго, и Катерина.

Драма Островскаго «Гроза» вызвала со стороны Добролюбова критическую статью подъ заглавіемъ: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Эта статья была ошибкой со стороны Добролюбова; онъ увлекся симпатіей къ характеру Катерины и принялъ ея личность за свѣтлое явленіе. Подробный анализъ этого характера покажетъ нашимъ читателямъ, что взглядъ Добролюбова въ этомъ случаѣ невѣренъ, и что ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго

Катерина, жена молодого купца Тихона Кабанова, живетъ съ мужемъ въ домѣ своей свекрови, которая постоянно ворчитъ на всѣхъ домашнихъ. Дѣти старой Кабанихи, Тихонъ и Варвара, давно прислушались къ этому брюзжанію и умѣютъ его мимо ушей пропущать на томъ основаніи, что «ей вѣдь надо жъ что-нибудь говорить». Но Катерина никакъ не можетъ привыкнуть къ манерамъ своей свекрови и постоянно страдаетъ отъ ея разговоровъ. Въ томъ же городѣ находится молодой человѣкъ, Борисъ Григорьевичъ, получившій порядочное образованіе. Онъ заглядывался на Катерину въ церкви и на бульварѣ, а Катерина, съ своей стороны, влюбляется въ него. но желаетъ сохранить въ цѣлости свою добродѣтель. Тихонъ уѣзжаетъ куда-то на двѣ недѣли; Варвара по добродушію помогаетъ Борису видѣться съ Катериной, и влюбленная чета наслаждается полнымъ счастьемъ въ продолженіе десяти лѣтнихъ ночей.

Пріѣзжаетъ Тихонъ; Катерина терзается угрызеніями совѣсти, худѣетъ и блѣднѣетъ; потомъ ее пугаетъ гроза, которую она принимаетъ за выраженіе небеснаго гнѣва; въ это же время смущаютъ ее слова о полоумной барынѣ, о геенѣ огненной; все это она принимаетъ на свой счетъ; на улицѣ при народѣ она бросается передъ мужемъ на колѣни и признается ему въ своей винѣ. Мужъ, по приказанію своей матери, «побилъ ее немножко», послѣ того, какъ они воротились домой; старая Кабаниха съ удвоеннымъ усердіемъ принялась точить покаявшуюся грѣшницу упреками и нравоученіями; къ Катеринѣ приставили крѣпкій домашній караулъ, однако ей удалось убѣжать изъ дома; она встрѣтилась съ своимъ любовникомъ и узнала отъ него, что онъ, по приказанію дяди, уѣзжаетъ въ Кяхту; потомъ тотчасъ послѣ этого свиданія она бросилась въ Волгу и утонула. Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы должны составить себѣ понятіе о характерѣ Катерины. Я далъ моему читателю голый перечень такихъ фактовъ, которые въ моемъ разсказѣ могутъ показаться слишкомъ рѣзкими, безсвязными и въ общей совокупности даже неправдоподобными. Что это за любовь, возникающая отъ обмѣна нѣсколькихъ взглядовъ? Что это за суровая добродѣтель, сдающаяся при первомъ удобномъ случаѣ? Наконецъ, что это за самоубійство, вызванное такими мелкими непріятностями, которыя переносятся совершенно благополучно всѣми членами всѣхъ русскихъ семействъ?

Катерина испытала на себѣ много разнородныхъ приговоровъ; нашлись моралисты, которые обличили ее въ безнравственности; потомъ явились эстетики и рѣшили, что Катерина — свѣтлое явленіе, и во главѣ ихъ стоялъ Добролюбовъ. Въ каждомъ изъ поступковъ Катерины можно отыскать привлекательную сторону; Добролюбовъ отыскалъ эти стороны, сложилъ ихъ вмѣстѣ, составилъ изъ нихъ идеальный образъ, увидалъ вслѣдствіе этого «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и, какъ человѣкъ, полный любви, обрадовался этому лучу чистой и святой радостью гражданина и поэта. Отчего онъ не спросилъ себя: какъ могъ сложиться этотъ свѣтлый образъ? Воспитаніе и жизнь Катерины не могли ей дать ни твердаго характера, ни развитого ума. Грустно разставаться съ свѣтлой иллюзіей, а дѣлать нечего.

Во всѣхъ поступкахъ и ощущеніяхъ Катерины замѣтна прежде всего рѣзкая несоразмѣрность между причинами и слѣдствіями. Каждое внѣшнее впечатлѣніе потрясаетъ весь ея организмъ, самое ничтожное событіе, самый пустой разговоръ производятъ въ ея мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ цѣлые перевороты. Кабаниха ворчитъ — Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ Григорьевичъ бросаетъ нѣжные взгляды — Катерина влюбляется; Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ о Борисѣ — Катерина заранѣе считаетъ себя погибшей

женщиной, хотя она до тѣхъ поръ даже не разговаривала съ своимъ будущимъ любовникомъ; Тихонъ отлучается изъ дома на нѣсколько дней — Катерина падаетъ предъ нимъ на колѣни и хочетъ, чтобы онъ взялъ съ нея страшную клятву въ супружеской вѣрности. Варвара даетъ Катеринѣ ключъ отъ калитки — Катерина, подержавшись за этотъ ключъ въ продолженіе пяти минутъ, рѣшаетъ, что она непремѣнно увидитъ Бориса, и кончаетъ свой монологъ словами: «Ахъ, какъ бы ночь поскорѣе!» А между тѣмъ даже и ключъ-то былъ данъ ей преимущественно для любовныхъ интересовъ самой Варвары, и въ началѣ своего монолога Катерина находила даже, что ключъ жжетъ ей руки и что его непремѣнно слѣдуетъ бросить. При свиданіи съ Борисомъ, конечно, повторяется та же исторія; сначала «поди прочь, окаянный человѣкъ», а вслѣдъ затѣмъ на шею кидается. Пока продолжаются свиданія Катерина думаетъ только о томъ, что «погуляетъ»; какъ только пріѣзжаетъ Тихонъ, и вслѣдствіе этого ночныя прогулки прекращаются, Катерина начинаетъ терзаться угрызеніями совѣсти и доходитъ въ этомъ направленіи до полусумасшествія; а между тѣмъ Борисъ живетъ въ томъ же городѣ, все идетъ по-старому, прибѣгая къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ, можно было бы кое-когда видѣться и наслаждаться жизнью. Но Катерина ходитъ, какъ потерянная, и Варвара очень основательно боится, что она бухнется мужу въ ноги да и разскажетъ ему все по порядку. Такъ это и выходитъ, и катастрофу эту производитъ стеченіе самыхъ пустыхъ обстоятельствъ. Грянулъ громъ. Катерина потеряла послѣдній остатокъ своего ума, а тутъ еще прошла по сценѣ полоумная барыня и произнесла всенародную проповѣдь о вѣчныхъ мученіяхъ; а тутъ еще на стѣнѣ въ крытой галлереѣ нарисовано адское пламя, и все это одно къ одному, — ну, посудите сами, какъ же въ самомъ дѣлѣ Катеринѣ не разсказать мужу тутъ же при Кабанихѣ и при всей городской публикѣ, какъ она провела во время отсутствія Тихона всѣ десять ночей. Окончательная катастрофа, самоубійство точно такъ же происходитъ экспромтомъ. Катерина убѣгаетъ изъ дому съ неопредѣленной надеждой увидать своего Бориса; она еще не думаетъ о самоубійствѣ; она жалѣетъ и того, что прежде убивали, а теперь не убиваютъ; она спрашиваетъ: «Долго ли еще мнѣ мучиться?» Она находитъ неудобнымъ, что смерть не является; «ты, говоритъ, ее кличешь, а она не приходитъ». Ясно, стало-быть, что рѣшенія на самоубійство еще нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ не о чемъ было бы и толковать. Но вотъ пока Катерина разсуждаетъ такимъ образомъ, является Борисъ; происходитъ нѣжное свиданіе. Борисъ говоритъ «ѣду». Когда она остается одна, она спрашиваетъ себя: «куда теперь? домой итти?» и отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу — все

равно». Потомъ слово «могила» наводитъ ее на новый рядъ мыслей, и она начинаетъ разсматривать могилу съ чисто эстетической точки зрѣнія. Въ могилѣ, говоритъ, лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!.. Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ, весной на ней травка вырастаетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе, «всякіе, всякіе». Это поэтическое описаніе могилы совершенно очаровываетъ Катерину, и она объявляетъ, что «объ жизни и думать не хочется». При этомъ, увлекаясь эстетическимъ чувствомъ, она даже совершенно упускаетъ изъ виду геенну огненную, а между тѣмъ она вовсе не равнодушна къ этой послѣдней мысли, потому что въ противномъ случаѣ не было бы сцены публичнаго покаянія въ грѣхахъ, не было бы отъѣзда Бориса въ Сибирь. Такъ дѣлается прыжокъ въ Волгу, и драма оканчивается.

Вся жизнь Катерины состоитъ изъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій, она ежеминутно кидается изъ одной крайности въ другую; она сегодня раскаивается въ томъ, что дѣлала вчера, а между тѣмъ, сама не знаетъ, что будетъ дѣлать завтра; она на каждомъ шагу путаетъ и свою собственную жизнь, и жизни другихъ людей; наконецъ, перепутавши все, что было у нея подъ руками, она разрубаетъ затянувшіеся узлы самымъ глупымъ средствомъ, самоубійствомъ, да такимъ, которое является совершенно неожиданно для нея самой. Эстетики не могли не замѣтить того, что бросается въ глаза во всемъ поведеніи Катерины; противорѣчія и нелѣпости слишкомъ очевидны; но зато ихъ можно назвать красивымъ именемъ: можно сказать, что въ нихъ выражается страстная, нѣжная и искренняя натура. Страстность, нѣжность, искренность — все это очень хорошія свойства и нѣтъ резона, чтобы не объявить Катерину свѣтлымъ явленіемъ и не прійти отъ нея въ восторгъ, если главное дѣло заключается въ словахъ.

Писаревъ.

Повѣсти Помяловскаго.

Двѣ главныя повѣсти Помяловскаго: «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ» связаны между собой личностью героя Егора Ивановича Молотова. Въ первой повѣсти Молотовъ является 22-лѣтнимъ юношей, только что окончившимъ курсъ въ университетѣ. Во второй — 33-лѣтнимъ мужчиной, достаточно ознакомившимся съ практической жизнью. По своему характеру и по общему складу своей дѣятельности Молотовъ очень похожъ на Штольца. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что ихъ авторы смотрятъ на нихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Гончаровъ смотритъ на Штольца снизу вверхъ, а По-

мяловскій на Молотова—сверху внизъ. Гончаровъ относится къ Штольцу съ восторженнымъ благоговѣніемъ, а Помяловскій къ Молотову—съ дружелюбнымъ и неоскорбительнымъ состраданіемъ. Гончаровъ говоритъ: «Давай намъ Богъ такихъ людей, какъ Штольцъ», а Помяловскій говоритъ: «Какъ жаль, что большинство хорошихъ людей при-

Николай Герасимовичъ Помяловскій.

нуждено оставаться въ положеніи Молотова!» Для Гончарова Штольцъ есть идеалъ, о которомъ едва позволительно мечтать. Для Помяловскаго Молотовъ есть minimum, на которомъ едва ли позволительно останавливаться. Сами герои смотрятъ на себя такъ, какъ смотрятъ на нихъ ихъ творцы. Штольцъ сіяетъ самодовольствомъ: «Я ли, дескать, не уменъ, я ли не великъ, я ли не полезенъ. Я—соль земли и спаситель отечества». Молотовъ, окончательно сформировавшійся, напротивъ того, тихъ, скроменъ, утомленъ и грустенъ. Онъ самъ говоритъ,

что его жизнь — честная чичиковщина. О соленіи земли и о спасеніи отечества онъ, конечно, и не заикается. Именно поэтому Штольцъ — деревянная кукла, а Молотовъ — живой человѣкъ. Деревянность Штольца происходитъ именно оттого, что Гончаровъ нечаянно вложилъ въ него внутреннее противорѣчіе. Штольцъ въ одно и то же время и уменъ, и глупъ. Уменъ, потому что лихо устраиваетъ свои дѣла и пикантно разсуждаетъ о разныхъ психологическихъ чувствахъ. Глупъ, потому что усматриваетъ въ себѣ героя и лѣзетъ на пьедесталъ. И получается поэтому въ общемъ результатѣ глупоумная, т.-е. невозможная и деревянная фигура. А Молотовъ постоянно уменъ: и въ практическихъ дѣлахъ, и въ теоретическихъ разсужденіяхъ, и во взглядѣ на свою собственную личность. «Подлости я никакой не сдѣлалъ, — думаетъ онъ, — но мнѣ все-таки грустно и совѣстно быть только не мошенникомъ. Упрекать я себя ни въ чемъ не могу, но и радоваться и гордиться мнѣ нечѣмъ. Молодымъ дѣятелямъ, которымъ, быть-можетъ, удастся совершить подвиги *положительной* честности и активной любви, я скажу только: друзья мои, не судите меня строго. Не считайте меня тунеядцемъ и рабомъ лѣнивымъ, зарывшимъ свой талантъ въ землю. Разсмотрите внимательно мою жизнь, поставьте себя на мое мѣсто, взвѣсьте все — и размѣры моихъ силъ, и обстоятельства, и понятія моихъ современниковъ — и тогда вы, чего добраго, скажете, что я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. И тогда вы, можетъ-быть, съ дружескимъ чувствомъ пожмете мою руку за то, что я всегда ѣлъ хлѣбъ, заработанный собственнымъ трудомъ. Трудъ мой рѣдко приносилъ пользу обществу, да вѣдь что же съ этимъ дѣлать? Откуда взять такой трудъ, который былъ бы дѣйствительно полезенъ? Стоитъ, напримѣръ, на улицѣ извозчикъ. Каждая копейка достается ему тяжелымъ и честнымъ трудомъ. Чтобы привезти вечеромъ домой какихъ-нибудь два цѣлковыхъ, сколько онъ въ день натерпится и отъ снѣга, и отъ пыли, и отъ дождя, и отъ вѣтра, и отъ мороза! А развѣ трудъ его дѣйствительно полезенъ для общества? Развѣ всѣ концы, сдѣланные извозчикомъ, дѣйствительно были необходимы? Развѣ силы лошади и человѣка не тратились большей частью на то, чтобы возить праздношатающихся шалопаевъ къ другимъ праздношатающимся шалопаямъ, которые вовсе не желаютъ ихъ видѣть и которые, тѣмъ не менѣе, считаютъ своей обязанностью выражать въ подобныхъ случаяхъ притворную радость, неспособную обмануть даже маленькихъ дѣтей? А вѣдь извозчикъ тутъ все-таки ничѣмъ не виноватъ. Вотъ и я, — продолжаетъ Молотовъ, — былъ постоянно точно такимъ же извозчикомъ. Титанъ, геній, сильный талантъ пробили бы себѣ дорогу къ общеполезному труду. Но я — не геній, не титанъ, даже не сильный талантъ. Я не могу и никогда не

могъ сказать людямъ такое слово, которое заставило бы ихъ глубоко задуматься или очнуться отъ глубокаго сна. Я просто не глупый и вслѣдствіе этого не подлый человѣкъ. И прошу я васъ, молодые дѣятели, только объ одномъ: поставьте меня въ вашемъ мнѣніи не выше и не ниже того извозчика, который возитъ шалопаевъ, но, несмотря на то, обращается совершенно честно и съ хозяиномъ, и съ сѣдоками, и съ лошадью. Героемъ я себя не считаю, на пьедесталъ не лѣзу, но уваженіемъ умныхъ и честныхъ людей дорожу».

И дѣйствительно, никакіе молодые дѣятели будущаго времени не имѣютъ возможности смотрѣть съ презрѣньемъ на того обыкновеннаго человѣка, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность, сосредоточилъ все свое вниманіе на той простой задачѣ, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Молотовъ очень симпатиченъ своей свѣтлой и тихой грустью. Причина его грусти очень понятна. Онъ сознаетъ, что трудъ его безполезенъ для общества. Онъ чувствуетъ, что при другихъ условіяхъ онъ могъ бы приносить людямъ дѣйствительную пользу. Но создать эти условія онъ не въ силахъ.

Помяловскій хотѣлъ показать, какимъ образомъ жизнь полегоньку шупаетъ ребра умному и развитому пролетарію, и какимъ образомъ пролетарій, опираясь исключительно на слова своего развитого ума, можетъ, несмотря на всѣ медвѣжьи ласки жизни, остаться свѣжимъ, неискалѣченнымъ и неразвращеннымъ человѣкомъ. «Среда заѣла», «жизнь изломала», «обстоятельства погубили» — все это мы слышали много разъ, и все это превратилось въ вывѣтрившуюся и очень вредную фразу. Помяловскій своимъ здоровымъ чувствомъ и свѣтлымъ умомъ понялъ, что пора поворотить потокъ фразъ въ другую сторону. До него эта потребность чувствовалась многими изъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ. Самая полезная сторона въ дѣятельности Тургенева клонилась именно къ тому, чтобы изобразить внутреннее ничтожество нашихъ домашнихъ Гамлетовъ, праздно толкующихъ о вредномъ вліяніи жизни, среды и обстоятельствъ. И спасибо тебѣ, Помяловскій, за то, что ты сильнымъ и убѣдительнымъ словомъ своимъ заступился рѣшительно за святыню человѣческой личности, въ силѣ которой усомнились слабодушные охотники оплакивать несовершенства жизни, среды и обстоятельствъ.

Помяловскій хотѣлъ представить въ Молотовѣ умнаго и развитого пролетарія безъ всякой примѣси сословныхъ элементовъ или предразсудковъ. Молотовъ — человѣкъ совершенно оторванный отъ всякой почвы, у него — ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни покровителей, совсѣмъ ничего нѣтъ, кромѣ умной головы и двухъ здоровыхъ рукъ. «А гдѣ же тѣ липы, — спрашиваетъ у себя Молотовъ, — подъ

которыми прошло мое дѣтство? Нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда». Молотовъ — сынъ бѣднаго мѣщанина, слесаря, одного изъ одинокихъ бобылей. Жизнь его съ отцомъ шла не очень дурно. Отецъ его былъ малый добрый, и маленькій Егорка не чувствовалъ передъ нимъ никакого раболѣпнаго страха. «Мальчикъ свободно относился къ отцу, точно взрослый, да и живетъ онъ дома не безъ пользы: онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и заказъ отнесетъ, сумѣетъ и кашу сварить, и инструментъ отточить, и пьянаго отца раздѣнетъ, спать уложитъ». «Дѣтская жизнь Егора Ивановича, — говоритъ Помяловскій, — совершалась въ грязи, въ бѣдности, а вотъ и теперь онъ вспоминаетъ ее съ добрымъ чувствомъ». Отецъ совсѣмъ не воспитываетъ своего Егорку, не муштруетъ его; онъ просто живетъ съ нимъ, кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ его; а затѣмъ молодому организму, укрытому отъ слишкомъ тяжелыхъ столкновеній съ голодомъ, съ холодомъ, съ грубостью постороннихъ людей, предоставляется полная свобода жить дѣйствительной жизнью. Егорка собственными глазами смотритъ на подробности своего быта, собственными ушами слушаетъ разные толки, умные и глупые, и собственнымъ неиспорченнымъ ребяческимъ разсудкомъ составляетъ себѣ понятія о томъ, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно, что правда и что вранье. Отецъ не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ считалъ его образцовымъ человѣкомъ и непогрѣшимымъ авторитетомъ. По смерти отца маленькаго Егорку взялъ къ себѣ на воспитаніе старый холостякъ, отставной профессоръ. Молотовъ прошелъ черезъ гимназію и черезъ университетъ и такимъ образомъ присоединился къ той небольшой горсти мыслящихъ пролетаріевъ, которые ничѣмъ не связаны съ почвой и которые по своему положенію и образованію могутъ относиться совершенно безпристрастно ко всему въ нашей общественной жизни.

Слишкомъ двадцать лѣтъ жизнь обращалась съ Молотовымъ довольно милостиво. Она не баловала его излишней роскошью, но и не томила его суровой нуждой. Помяловскому было необходимо обставить первую молодость своего героя такими благопріятными условіями. По размѣрамъ своихъ умственныхъ силъ Молотовъ человѣкъ обыкновенный. Если бы такой человѣкъ съ дѣтства былъ поставленъ въ необходимость страдать и бороться за свою нравственную самостоятельность, то онъ не выдержалъ бы такой ранней и тяжелой борьбы; онъ превратился бы въ человѣка забитаго, притупленнаго и развращеннаго. Самъ Помяловскій вышелъ побѣдителемъ изъ своей четырнадцатилѣтней борьбы съ бурсой, но для того надо быть Помяловскимъ, да и Помяловскій, несмотря на атлетическое сложеніе своего тѣла и своего ума, вынесъ съ собой изъ бурсы роковое наслѣдство — ѣдкую и неизлѣчимую печаль о потерянномъ времени и, что еще

того хуже, несчастную привычку топить эти невыносимо-тяжелыя ощущенія въ простомъ винѣ. Но Помяловскій не хотѣлъ и не могъ мѣрить людей и жизнь на свой аршинъ. Что могъ сдѣлать Помяловскій, то оказалось бы по силамъ только немногимъ избраннымъ личностямъ. Если бы Помяловскій въ лицѣ Молотова вздумалъ изобразить самого себя, то его произведеніе не имѣло бы того практическаго смысла, который онъ имѣетъ теперь. Тогда обыкновенные люди имѣли бы право сказать, что жизнь Молотова ни въ какомъ отношеніи не можетъ служить имъ урокомъ и примѣромъ. Мы — люди маленькіе, сказали бы они, а Молотовъ вонъ какой большой. Надо было непремѣнно, чтобы Молотовъ былъ человѣкомъ обыкновеннаго роста. Надо было, чтобы борьба съ жизнью началась для него только тогда, когда физическія и нравственныя его силы были уже совершенно сформированы.

Повѣсть «Мѣщанское счастье» представляетъ именно первое суровое столкновеніе юнаго Молотова съ шероховатостями вседневной дѣйствительности. Молотовъ поступилъ къ Обросимову домашнимъ секретаремъ; его хозяева, люди вовсе не грубые и не злые, обращались съ нимъ вѣжливо и ласково; Молотовъ съ искренностью, свойственной его лѣтамъ, привязался къ нимъ очень скоро и вообразилъ себѣ, что и они видятъ въ немъ задушевнаго друга. На новѣрку же вышло, что Обросимовы смотрятъ на него какъ на наемника, критикуютъ въ своемъ кругу его привычки; межъ тѣмъ Молотовъ, по своей юношеской наивности, берется даже съ особеннымъ удовольствіемъ за разнообразнѣйшія порученія. На самомъ дѣлѣ Обросимовъ былъ наниматель, а Молотовъ — наемникъ.

Леночка, кисейная дѣвушка. Эта барышня простодушно заигрываетъ съ Молотовымъ и безъ всякой задней мысли пишетъ къ нему нѣжное письмо, въ которомъ ни съ того;—ни съ сего назначаетъ ему любовное свиданіе. Она именно заигрываетъ съ нимъ, какъ здоровая дѣвушка, въ которой близость здороваго и краснваго мужчины возбуждаетъ радостное волненіе. Совершенная непосредственность и неподкрашенность простого физіологическаго влеченія составляетъ весь секретъ ея граціи. Въ изображеніи этой женской фигуры Помяловскій является чистымъ натуралистомъ. Это просто живой и здоровый организмъ, и Помяловскій откровенно любуется этимъ превосходнымъ произведеніемъ природы, и нельзя не любоваться. Леночка — чисто одѣтая и гладко причесанная барышня. Она нисколько не похожа на пушкинскую Татьяну. Она вся какъ на ладони, и ее чрезвычайно легко понять съ перваго взгляда. Помяловскій выбралъ себѣ и разрѣшилъ совершенно новую задачу, нетронутую до него ни однимъ изъ значительныхъ русскихъ писателей. Онъ взялъ совершенно обык-

новенную дѣвушку и къ этой простой смертной отнесся съ безпримѣрной кротостью и нѣжностью. Онъ отъ нея не требуетъ ни сильнаго ума, ни глубокаго чувства. Даже Тургеневъ улыбнется тонкой саркастической улыбкой при встрѣчѣ съ такими явленіями, на которыхъ Помяловскій съ неутомимой пантеистической любовью останавливаетъ свой кроткій, задумчивый, безгранично-нѣжный и глубоко-умный взоръ. Помяловскій всегда говоритъ рѣзкими и грубыми словами о томъ, что рѣзко и грубо въ дѣйствительности; но подъ твердой оболочкой рѣзкихъ выраженій таится такая женственная нѣжность чувства, которая ощутительна для всякаго небездушнаго человѣка.

Помяловскій съ такой глубокой гуманностью относится къ своей кисейной Леночкѣ, что онъ даже не осмѣливается рѣшить окончательно вопросъ: дѣйствительно ли изъ нея никогда не можетъ сформироваться мыслящее существо?

Заигрыванія Леночки съ Молотовымъ доходятъ до того, что она его цѣлуетъ. Она ему нравится, ея ласки восхищаютъ его, но онъ постоянно смотритъ на нее сверху внизъ, такъ что ему и въ голову не приходитъ мысль о возможности посвятить всю жизнь этой кисейной дѣвушкѣ. Дѣйствительно ли правъ Молотовъ въ своемъ высокомѣрномъ взглядѣ на Леночку? Молотовъ, какъ человѣкъ обыкновенный по размѣрамъ своего ума, не можетъ смотрѣть иначе. У него нѣтъ той сильной и горячей вѣры въ человѣческую природу, которая дается только очень даровитымъ и глубокимъ натурамъ и которой обладаетъ въ значительной степени самъ Помяловскій. Плебей Молотовъ былъ барономъ въ отношеніи къ Леночкѣ, — барономъ очень снисходительнымъ и милостивымъ, потомъ болѣе неспособнымъ поставить кисейную дѣвушку съ собой на одну доску. Шокируясь ея выраженіями, онъ забывалъ, что вызывало эти выраженія; о томъ забывалъ, что искало и не умѣло найти себѣ выхода изъ души искренней, простой, честной и любящей дѣвушки. Она бросилась къ нему на шею безъ расчета, безъ условій, безъ кокетливыхъ уловокъ, именно такъ, какъ Богъ на душу положилъ.

Въ прощальной сценѣ Молотова съ Леночкой бухгалтерская безукоризненность юнаго Егора Ивановича доходитъ просто до комизма, и кисейная дѣвушка, на которую Молотовъ взираетъ съ величественной снисходительностью, оказывается, по энергіи и задушевности чувства, неизмѣримо выше, прекраснѣе и сильнѣе умнаго и развитого мужчины, только что соскочившаго съ университетской скамейки. Молотовъ приходитъ къ Леночкѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ услышалъ убійственный разговоръ о манишкахъ и объ аппетитѣ. Онъ до такой степени разстроенъ этимъ разговоромъ, что отношенія къ Леночкѣ представляются ему только докучливой прибавкой къ обуре-

вающимъ его заботамъ. «Еще Леночка! еще Леночка на моихъ рукахъ!» повторяетъ онъ про себя и отправляется къ ней съ твердымъ намѣреніемъ все покончить. Леночка по обыкновенію встрѣчаетъ его нѣжными, веселыми и довѣрчивыми ласками. Видя его торжественную мрачность, она тревожно и задумчиво разспрашиваетъ его о здоровьѣ; въ голосѣ ея слышатся слезы; она старается развеселить его шуткой. И вдругъ Молотовъ начинаетъ задавать своей собесѣдницѣ міровые вопросы. Онъ желаетъ осмѣять ея невѣжество, и напрасно только Леночка ломаетъ свою нехитрую голову надъ разрѣшеніемъ вопросовъ. Но неожиданно она бросилась ему на шею, подъ порывъ страстной любви, называя его героемъ. И здѣсь тривіальность выраженій заслонила собой въ глазахъ честнаго Чичикова величіе искренняго чувства. Красота Леночки, просвѣтленной своимъ порывомъ, осталась незамѣченной для ея собесѣдника, погруженнаго въ мучительное созерцаніе манишекъ и собственной ненужности.

«У насъ немало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка», прибавляетъ отъ себя Помяловскій. Къ типу добродушной кисейной дѣвушки подходятъ всѣ женщины, не отличающіяся сильнымъ и блестящимъ умомъ, не получившія порядочнаго образованія; у нихъ развита одна только способность—именно способность любить. Вся судьба такой женщины рѣшается безусловно тѣмъ, кого она полюбитъ. Этотъ типъ имѣетъ очень важное значеніе. Это силы, хорошія и здоровыя, хотя и не блестящія, не должны пропадать даромъ. Если вамъ встрѣтится Леночка, и если она съ ребяческой довѣрчивостью бросится къ вамъ на шею, то не отвергайте ея.

Читая простую исторію Молотова съ Леночкой, неопытный молодой человѣкъ задумывается надъ нею, вглядывается въ слова и поступки обѣихъ личностей и произноситъ свое сужденіе. Такое упражненіе мысли не остается совершенно безплоднымъ или безъ вліянія на собственные поступки юнаго читателя. Литературная критика должна поддержать, усилить и направлять ту работу мысли, которую пробуждаетъ въ головѣ читателя беллетристическое произведеніе. Разбирая романъ или повѣсть, я постоянно имѣю въ виду не литературное достоинство даннаго произведенія, а ту пользу, которую изъ него можно извлечь для міросозерцанія моихъ читателей.

Легко можетъ быть, что читателя утомляютъ иногда мои длинныя микроскопическія изслѣдованія надъ такими мелкими явленіями, какъ любовныя радости и огорченія какой-нибудь ничтожной Леночки. Читателю досадно, зачѣмъ я анализирую почти каждое движеніе и комментирую почти каждое слово Молотова и кисейной дѣвушки. Но мнѣ кажется, что досада читателя неосновательна. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти микроскопическія явленія, эти будничныя мелочи

наполняютъ собой цѣлую жизнь цѣлыхъ милліоновъ людей. Изъ необдуманныхъ словъ, изъ мелкихъ непослѣдовательностей, изъ незамѣтныхъ оплошностей складывается мало-по-малу большая часть человѣческихъ страданій и человѣческихъ подлостей. Вѣдь Молотовъ поступилъ съ Леночкой очень подло; онъ и самъ сознается себѣ въ этомъ; а между тѣмъ, скажите по совѣсти, мои двадцатилѣтніе читатели, многіе ли изъ васъ сумѣли бы или рѣшились бы на мѣстѣ Молотова поступить такъ, чтобы не вышло подлости? Вотъ и надо было показать подробнѣйшимъ анализомъ, какимъ образомъ отвратительный ядъ подлости слагается изъ самыхъ невинныхъ и безвредныхъ элементовъ. Подлость Молотова именно тѣмъ и поучительна, что Молотовъ самъ нисколько не подлецъ. Я относился къ нему очень жестоко, когда я разбиралъ его отношенія къ Леночкѣ; тамъ я смотрѣлъ только на одну сторону дѣла: я констатировалъ вредъ и боль, нанесенные кисейной дѣвушкѣ, существу совершенно невинному и беззащитному. Теперь мнѣ надо возстановить въ глазахъ читателя репутацію Молотова, на котораго мы можемъ сердиться за его неуклюжесть, но котораго было бы несправедливо презирать. Собственно, полная реабилитація Молотова возможна только тогда, когда мы познакомимся съ дальнѣйшимъ ходомъ его жизни. Молотовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ все въ жизни дается довольно туго. Поэтому тридцатилѣтній Молотовъ гораздо лучше двадцатилѣтняго. Толчки и удары жизни шлифуютъ и закаляютъ его. Онъ превосходно пользуется опытомъ. Что пережито имъ, то уже оставляетъ неизгладимую черту въ его умѣ и въ его характерѣ. Но у Молотова нѣтъ того, чѣмъ обладаютъ очень даровитыя личности, подобныя Базарову. У него нѣтъ умѣнья угадывать жизнь; онъ не можетъ силой творческой и анализирующей мысли забѣгать впередъ и рѣшать заранѣе, совершенно безошибочно, такія задачи, которыя еще не задавала ему дѣйствительная жизнь. Молотовъ выходитъ изъ университета розовымъ птенцомъ, простирающимъ во всѣ стороны свои объятія, тоскующимъ, когда ему приходится обнимать пустое пространство, и робѣющимъ, когда въ его объятія попадаетъ живая дѣвушка, принявшая его безпредметное доброжелательство за опредѣлившееся чувство. Базаровъ входитъ въ жизнь сильнымъ, страстнымъ, смѣлымъ и энергическимъ мужчиной, уже выработавшимъ себѣ въ мірѣ книжныхъ занятій драгоцѣнное умѣнье кое-что ненавидѣть, многое презирать, къ очень многому относиться равнодушно и все на свѣтѣ подвергать анализу. Базаровъ на видъ гораздо страшнѣе и свирѣпѣе Молотова. Та женщина, которая съ радостной довѣрчивостью подходитъ къ Молотову, едва осмѣлилась бы заговорить съ Базаровымъ или даже при Базаровѣ.

Одинъ взглядъ Базарова, быстрый и небрежный, совершенно смутилъ сестру Одинцовой, Катю. А между тѣмъ Молотовъ гораздо опаснѣе Базарова. Базаровъ только смутитъ или испугаетъ, а Молотовъ безъ всякаго злого умысла истерзаетъ женщину и изуродуетъ ея жизнь. Если бы Базаровъ получилъ письмо Леночки, «по гробъ вѣрной и любящей», то онъ тотчасъ рѣшилъ бы, какъ ему дѣйствовать, вести ли дѣло впередъ или оборвать его въ самомъ началѣ. Въ первомъ случаѣ Леночка сдѣлалась бы счастливѣйшей женщиной. А во второмъ случаѣ Базаровъ сразу такъ обжегъ бы ее насмѣшливымъ взглядомъ и правдивымъ словомъ, что Леночка тотчасъ убѣжала бы со свиданія домой и навсегда закаялась бы писать нѣжныя цыдульки къ молодымъ людямъ. Леночка стала бы говорить о Базаровѣ, что онъ злой, и гордый, и страшный, но Леночкѣ не пришлось бы рыдать на дерновой скамейкѣ, не пришлось бы плакать напролетъ цѣлыя ночи и не пришлось бы повторять съ безвыходнымъ отчаяніемъ ужасныя слова: «Никому мы не нужны!.. Кому любить такихъ?..» И злой, гордый, демоническій Базаровъ оказался бы здѣсь, какъ и вездѣ, гораздо лучше добраго, нѣжнаго, ласковаго Молотова.

Писаревъ.

Привѣтствіе первыхъ опытовъ Кольцова.

Геній и геніальный талантъ. Даръ творчества дается немногимъ избраннымъ любимцамъ природы, и дается имъ не въ равной степени. Есть художники, произведеніямъ которыхъ обстоятельства ихъ жизни могутъ сообщить тотъ или другой характеръ, но на творческій талантъ которыхъ они не имѣютъ никакого вліянія: это художники-геніи. Отличительный признакъ ихъ геніальности состоитъ въ томъ, что они властвуютъ обстоятельствами и, подъ общими внѣшними формами, свойственными ихъ вѣку и ихъ народу, проявляютъ идеи, общія всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Творенія геніевъ вѣчны, какъ природа, потому что основаны на законахъ творчества, которые вѣчны и незыблемы, какъ законы природы, и которыхъ кодексъ скрытъ въ глубинѣ творческой души, а не на преходящихъ условныхъ понятіяхъ объ искусствѣ того или другого народа, той или другой эпохи. Геній есть торжественнѣйшее и могущественнѣйшее проявленіе сознающей себя природы и потому есть явленіе рѣдкое. Но есть художники, которыхъ вы не рѣшитесь почтить высокимъ именемъ геніевъ, но они ознаменованы большей или меньшей степенью таланта творческаго. Если онъ точно художникъ, то не пройдемъ мимо него съ холоднымъ невниманіемъ, можетъ-быть, на его челѣ подглядимъ мы печать высокой думы; можетъ-быть, въ его очахъ мы уловимъ этотъ лучъ

вдохновенія, который всегда бываетъ гостемъ небеснымъ; можетъ-быть, его уста выскажутъ намъ какую-нибудь святую тайну, взволнуютъ нашу грудь какимъ-нибудь сладкимъ, хотя и тихимъ чувствомъ.

Такимъ поэтомъ почитаемъ мы Кольцова. Онъ владѣетъ талантомъ небольшимъ, но истиннымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но не поддѣльнымъ. Поспѣшимъ же встрѣтить новаго поэта съ живымъ сочувствіемъ, съ привѣтомъ и ласкою. Природа дала ему безсознательную потребность творить. Почти всѣ его стихи положительно прекрасны. Почти всѣ они имѣютъ близкое отношеніе къ жизни и впечатлѣніямъ автора, и потому дышатъ простотой и наивностью выраженія, искренностью чувства, всегда теплаго и живого. Но что составляетъ цвѣтъ и вѣнецъ его поэзіи, это тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ изливаетъ свое тихое и безотрадное горе любви.

Не знаемъ, разовьется ли талантъ Кольцова, или падетъ подъ игомъ жизни. Намъ остается пожелать, чтобы этотъ талантъ, дебютъ котораго такъ прекрасенъ, такъ полонъ надеждъ, развился вполнѣ. Да не падетъ же духъ подъ бременемъ жизни, или убитый ею, или обольщенный ея ничтожностью; да будетъ его главнѣйшимъ правиломъ эта высокая мысль борьбы съ жизнью и побѣды надъ нею, которую онъ такъ прекрасно выразилъ въ стихотвореніи «Къ другу».

А. В. Кольцовъ.

Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся піесы, писанныя правильнымъ размѣромъ, преимущественно ямбомъ и хореемъ. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ его опытамъ, и въ нихъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему нравившихся. Таковы піесы: «Сирота», «Ровеснику», «Маленькому брату», «Ночлегъ чумаковъ», «Путникъ», «Красавицѣ», «Сестрѣ», «Приди ко мнѣ», «Разувѣреніе», «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный», «Мщеніе», «Вздохъ на могилѣ Веневитинова», «Къ рѣкѣ Гайдарѣ», «Что значу я», «Утѣшеніе», «Я былъ у ней», «Первая любовь», «Къ ней же», «Наяда», «Къ N.», «Соловей», «Къ другу», «Изступленіе», «Поэтъ и пяпя», «А. П. Серебрянскому». Въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. По крайней мѣрѣ, изъ нихъ видно, что Кольцовъ и въ этомъ родѣ поэзіи могъ бы усовершенствоваться до извѣстной степени, но не иначе, какъ съ трудомъ и усиліемъ выработавши себѣ стихъ и оставаясь подражателемъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ оригинальности. Правильный стихъ не былъ его достояніемъ, и, какъ бы ни вырабатывалъ онъ его, все-таки никогда бы не сравнился въ немъ съ нашими

звучными поэтами даже средней руки. Но здѣсь и виденъ сильный, самостоятельный талантъ Кольцова: онъ не остановился на этомъ сомнительномъ успѣхѣ, но, движимый однимъ инстинктомъ своимъ, скоро нашелъ свою настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то уже безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ, безъ всякаго желанія подражать или состязаться съ другими поэтами. Осо-

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

бенно любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ рѳмы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Таковы (за исключеніемъ піесъ: «Цвѣтокъ», «Бѣдный призракъ», «Товарищу») піесы: «Послѣдняя борьба», «Къ милой», «Примиреніе», «Міръ музыки», «Не разливай волшебныхъ звуковъ», «К***», «Вопль страданія», «Звѣзда», «На новый 1842 годъ». Піесы же: «Очи, очи голубыя», «Размолвка», «Люди добрые, скажите», «Теремъ», «По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ», «Совѣтъ старца», «Глаза», «Домикъ лѣсника», «Женитьба Павла», составляютъ переходъ отъ

подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду — русской пѣснѣ.

Въ русской пѣснѣ талантъ Кольцова выразился во всей своей полнотѣ и силѣ. Рано почувствовалъ онъ безсознательное стремленіе выражать свои чувства складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровывала его въ устахъ простого народа; но его удерживала отъ этого мысль, что русская пѣсня — не поэзія, а что-то простонародное, грубое и вульгарное. Къ счастью, ему попалась въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига (изданная въ 1829 году). Каково же было его удовольствіе, его радость, когда въ этой книжкѣ онъ увидалъ между «настоящими» стихотвореніями и русскія пѣсни! Онъ сейчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и порѣшилъ его такимъ силлогизмомъ: баронъ — вѣдь это баринъ, да еще большой, все равно, что графъ или князь, и вѣрно, онъ — ученый человѣкъ; но онъ сочиняетъ же русскія пѣсни: стало-быть, русская пѣсня не вздоръ, не глупость, а тоже — поэзія... И съ тѣхъ поръ онъ все больше и больше началъ наклоняться къ этому роду поэзіи. Первыя пѣсни, какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія, написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣснею, и потому походили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 года ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и піесамъ: «Кольцо», «Удалецъ», «Крестьянская пирушка», «Размышленіе поселянина (1830—1832), недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсенъ: «Ты не пой, соловей» (1830) и «Не шуми ты, рожь» (1834), начинается рядъ русскихъ пѣсенъ, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ.

Для означенія различныхъ степеней дара творчества употребляются большею частью два слова: талантъ и геній. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ вторымъ — высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже второго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше — вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потомъ — всеобщность и глубина его идей и идеаловъ, и, наконецъ, историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ своими твореніями новый, никому неизвѣстный, никѣмъ неподозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но безсознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ

упорнѣе держится формъ стараго. Является геній — и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили въ себѣ и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя генія — милліонъ, потому что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. И вотъ въ чемъ заключается всеобщность его идей и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другого сословія, но для цѣлаго народа, а черезъ него и для всего человѣчества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта, и потому бываютъ таланты, произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ отъ того, что ослѣпъ, другой отъ того, что лишился любимой имъ женщины, третій отъ того, что пострадалъ за правое дѣло или за преступленіе, въ которомъ онъ былъ невиненъ и т. д. Безъ этихъ случайностей всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что каждый изъ нихъ поетъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравится только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствіе оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнью, его вдохновеніе есть не что иное, какъ «плѣшной мысли раздраженье», мысли, захваченной у генія или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда и стремится онъ. Поди онъ противъ — и его сейчасъ забудутъ, а этого-то онъ и боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, поражаетъ толпу подражателей; но эта оригинальность тотчасъ исчезаетъ, какъ скоро привыкнутъ и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чуждаго вліянія, или проявленіемъ дурного вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства

былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніальныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были колоссальными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе, и потому заняли хотя и второстепенныя, но почетныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферѣ искусства такихъ людей называютъ большими и великими талантами, въ отличіе отъ геніевъ и отъ обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно. Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло названіе геніальныхъ талантовъ, какъ выражающее и ихъ сродство съ геніемъ и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому мы должны оправдать употребленное нами выраженіе «геніальнаго таланта», показавши его отношеніе къ «генію» и «таланту». Геніальный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что, подобно генію, живетъ собственною жизнью, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности со стороны, — какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частное. И потому геній есть полный властелинъ своего времени, которое носитъ на себѣ его имя, тогда какъ вліяніе геніальнаго таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности, геніальный талантъ — одинъ уголокъ ея. Что въ геніи составляетъ полноту его существованія, — то въ геніальномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства — это та оригинальность и самобытность, которая порождаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніальнаго таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпою, родъ фактора, необходимаго для облегченія сношеній между ними: невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокаго, недоступнаго толпѣ пьедестала и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумѣнію толпы. Подъ рукою таланта идеи генія, такъ сказать, мельчаютъ и опошливаются, но этимъ самымъ онѣ и дѣлаются популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому

талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ онъ дѣлается жертвою собственнаго успѣха: по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добродушно думая знакомить и сближать ее только съ самимъ собою, толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію, непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣдняго слова о существенномъ различіи между геніальнымъ и обыкновеннымъ талантомъ. Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка. Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ талантомъ, талантъ есть сила абстрактная, родъ капитала, который принадлежитъ своему владѣльцу, но который — не одно съ нимъ. Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши капиталъ, можно нажить другой: капиталъ — внѣшнее средство для жизни, но не сама жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, которые, долгое время пользовавшись огромною извѣстностью своего таланта, пережили свой талантъ и свою извѣстность, и которые, несмотря на то, сумѣли вознаградить себя другими благами жизни: пріобрѣли большіе чины или большія деньги и прекрасно живутъ себѣ безъ таланта и безъ славы. Не таковъ человѣкъ, одаренный геніальнымъ талантомъ: его нельзя отдѣлить отъ его таланта, его талантъ — его жизнь, его кровь, его духъ, его плоть, біеніе его сердца, дыханіе его груди, — словомъ, весь онъ самъ. Это — роковая сила, которая всегда будетъ мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятельности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспитанію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, какъ бы ни были они сильны. Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ самолюбія; но еще не въ этомъ только источникъ его ничѣмъ неудержимаго стремленія къ творчеству: оно у него — инстинктъ, натура, страсть. Въ отношеніи къ своему призванію онъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
. . . . . .
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Сила геніальнаго таланта основана на живомъ, неразрывномъ единствѣ человѣка съ поэтомъ. Тутъ замѣчательность таланта происходитъ отъ замѣчательности человѣка, какъ личности, какъ натуры, тогда какъ обыкновенный талантъ отнюдь не условливаетъ собою необыкновеннаго человѣка; тутъ человѣкъ и талантъ — каждый самъ по себѣ, и человѣкъ, въ отношеніи къ таланту, есть то же, что ящикъ въ отношеніи къ деньгамъ, которыя въ немъ лежатъ. Сильная и богатая натура всегда отличается отъ натуръ обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа, всегда оригинальна, и удивительно ли, если печать этой оригинальности налагаетъ она и на свои творенія? Самобытность поэтическихъ произведеній есть отраженіе самобытности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка есть лицо, слѣдовательно, всякій человѣкъ есть личность: и однакожъ, въ человѣческомъ родѣ гораздо больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, безличныхъ, нежели существъ съ рѣзкимъ выраженіемъ особности. Лицо есть выраженіе, душа человѣка; но вѣдь есть лица, которыхъ нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица, которыхъ видишь безпрестанно цѣлые годы и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно, личность имѣетъ свои степени и свою постепенность. Чѣмъ общѣе, тѣмъ ничтожнѣе она; чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальностью, тѣмъ она выше. Поэтому геній есть высочайшее развитіе личности. Тайну генія составляетъ собственно не умъ: умъ, и часто весьма замѣчательный, бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не талантъ: талантъ, и притомъ весьма замѣчательный, часто бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно тоже, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна генія заключается больше всего въ какой-то непосредственной творческой способности вдохновенія, похожаго на откровеніе и составляющаго тайну личности человѣка. Это что-то такъ же неуловимое и невыразимое словомъ, какъ выраженіе физіономіи, какъ органическая жизнь. Намъ извѣстны средства жизни, ея органы, ихъ отправленія; но физіологическая жизнь все-таки для насъ тайна. Мы не можемъ выразить сущности генія, но всегда вѣрно чувствуемъ преобладающее надъ нами вліяніе не только генія, но и всякой сколько-нибудь высшей насъ личности. Иногда геніальная личность, обдѣленная образованіемъ и не подозрѣвающая своего значенія, со смиреніемъ и съ робостью подходитъ къ человѣку обыкновенному, но образованному, развитому и ученіемъ, и свѣтскою жизнью; но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно беретъ верхъ надъ послѣднимъ, и обыкновенный человѣкъ, въ присутствіи геніальнаго невѣжды, какъ-то невольно дѣлается осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться. Вотъ что значитъ личность, натура, — и талантъ

тогда только бываетъ плодотворенъ и живучъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ личностью, съ натурою человѣка. И вотъ почему иногда бываютъ люди съ талантомъ, не имѣя ни ума, ни сердца: это таланты обыкновенные, которые могутъ существовать безъ связи съ личностью и натурою человѣка.

Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто внѣшняя сила производить на основаніи увлеченія самобытными образцами, но выраженіе внутренней сущности человѣка, его личности, его натуры, тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, но онъ уже — сила творческая, зиждительная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра геніальности, и если, по его объему, его нельзя назвать «геніемъ», то можно и должно назвать «геніальнымъ талантомъ».

Къ числу такихъ талантовъ принадлежитъ и талантъ Кольцова...

Кромѣ пѣсенъ, созданныхъ самимъ народомъ, и потому называющихся «народными», до Кольцова у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсенъ, хотя многіе русскіе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ, а Мерзляковъ и Дельвигъ даже пріобрѣли себѣ большую извѣстность своими русскими пѣснями, за которыми публика охотно утвердила титулъ «народныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Мерзлякова попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно подражаетъ народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но несмотря на то, въ цѣломъ его русскія пѣсни не что иное, какъ романсы, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ виденъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русскихъ пѣсенъ Дельвига — это уже рѣшительно романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій, или, еще ближе къ дѣлу, итальянскій баринъ. Мерзляковъ по крайней мѣрѣ перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское горевапье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго. Впрочемъ, наше мнѣніе о пѣсняхъ Мерзлякова клонится не къ униженію его таланта, весьма замѣчательнаго, но мы хотимъ только сказать, что русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ Пушкинъ не былъ и не могъ быть русскимъ человѣкомъ, по причинѣ рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго между образованными классами русскаго общества и массою народа. Въ піесахъ Пушкина, содержаніе которыхъ взято изъ народной жизни и выражено въ народ-

ной формѣ, видна душа глубоко-русская, но въ то же время видна и та художественная объективность, которая дѣлала для Пушкина возможнымъ быть какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ жизни, даже самыхъ противоположныхъ другъ другу, и благодаря которой онъ въ «Каменномъ гостѣ» изобразилъ природу и нравы Испаніи съ такою же поразительною вѣрностью, какъ въ «Русалкѣ» изобразилъ природу и нравы Руси временъ удѣловъ. Сверхъ того, въ этой «Русалкѣ», если внимательнѣе прислушаться къ ея звукамъ, приглядѣться къ ея колориту, нельзя не открыть въ ней примѣси поэтическихъ элементовъ, болѣе обрусенныхъ поэтомъ, если можно такъ выразиться, нежели чисто русскихъ. Сейчасъ видно, что эта піеса писана поэтомъ, который образованъ европейски и который безъ этого обстоятельства не могъ бы написать ее такъ. Не таковъ міръ русскихъ пѣсенъ Кольцова: въ нихъ и содержаніе, и форма чисто русскія; и, несмотря на всю объективность своего генія, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣснею онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничать, но не по недостатку таланта, а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для генія, этотъ міръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ и малъ, и потому могъ входить только какъ элементъ, въ огромный и необъятный міръ пушкинской поэзіи.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу, и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ, и по всей натурѣ, и по своему положенію, былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали, и веселью, а вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самого отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ

томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ онъ жалуется, что у него нѣтъ воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти, —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовью крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ: прочтите его «Пѣсню пахаря» и «Урожай». Сколько сочувствія къ крестьянскому быту въ его «Крестьянской пирушкѣ» и въ пѣснѣ:

Что ты спишь, мужичокъ!
Вѣдь ужъ лѣто прошло.
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ пиитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченныя бороды, и старыя онучи — и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ-быть, еще болѣе общіе элементы, изъ ко-

торыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсенъ составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху.

Въ одной пѣснѣ крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одинокому; въ другой — выражено раздумье крестьянина, на что̀ ему рѣшиться, — жить ли въ чужихъ людяхъ, или дома браниться съ старикомъ-отцомъ, разсказывать ребятишкамъ сказки, богатѣть, старѣться. Такъ, говоритъ онъ, хоть оно и не того, но ужъ такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? «Гдѣ̀ избытокъ мой зарытъ лежитъ?» И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронію:

Куда гляпешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!..

Но если гдѣ̀ идетъ дѣло о горѣ̀ и отчаяніи русскаго человѣка, тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

И какая же вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ буреи, я коня сѣдлалъ,
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться:
Съ злою долей перевѣдаться...

И послѣ этой пѣсни («Измѣна суженой») прочтите пѣсню: «Ахъ, зачѣмъ меня» — какая разница! Тамъ — буря отчаянія сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь грустное воркованіе горлицы, глубокая, раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвыходное страданіе...

Когда форма есть выраженіе содержанія, она связана съ нимъ такъ тѣсно, что отдѣлить ее отъ содержанія — значитъ уничтожить самое содержаніе; и наоборотъ: отдѣлить содержаніе отъ формы — значитъ уничтожить форму. Эта живая связь, или, лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи съ формою и формы съ идеею бываетъ достояніемъ только одной геніальности. Простой талантъ всегда опирается или преимущественно на содержаніе, и тогда его произведенія недолговѣчны со стороны формы, или преимущественно блистаютъ формою, и тогда его произведенія эфемерны

со стороны содержанія; но главное, и въ томъ, и другомъ случаѣ богатыя мыслью или щеголяющія внѣшнею красотою они лишены оригинальности формы, свидѣтельствующей о самобытности мысли. Здѣсь-то всего яснѣе и открывается, что обыкновенный талантъ основанъ на способности подражанія, на способности увлеченія образцами, и въ этомъ заключается причина недолговѣчности, а чаще всего и эфемерности таланта. И потому оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство геніальности, есть черта, которая отдѣляетъ геніальность отъ простой талантливости и даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателя въ языкѣ поэта, не должна быть искусственною или изысканною: тогда она увлекаетъ только на одну минуту и потомъ тѣмъ болѣе дѣлается предметомъ осмѣянія и презрѣнія, чѣмъ больше сперва имѣла успѣха. Поэтъ долженъ быть оригиналенъ, самъ не зная какъ, и если долженъ о чемъ-нибудь заботиться, такъ это не объ оригинальности, а объ истинѣ выраженія: оригинальность придетъ сама собою, если въ талантѣ его есть геніальность. Истинная оригинальность въ изобрѣтеніи, а слѣдовательно, и въ формѣ возможна только при вѣрности дѣйствительности и истинѣ.

Такою оригинальностью Кольцовъ обладалъ въ высшей степени. Съ этой стороны его пѣсни смѣло можно равнять съ баснями Крылова. Даже русскія пѣсни, созданныя народомъ, не могутъ равняться съ пѣснями Кольцова въ богатствѣ языка и образовъ, чисто русскихъ. Это естественно: въ народныхъ пѣсняхъ заключаются только элементы народнаго духа и поэзіи, но въ нихъ нѣтъ художественности, подъ которою должно разумѣть цѣлость, единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы. Многія русскія пѣсни имѣютъ значеніе только въ пѣніи, а въ чтеніи почти, или и вовсе лишены смысла; другія, при богатствѣ наивныхъ поэтическихъ образовъ, не чужды прозаическихъ выраженій и слабыхъ мѣстъ, и только очень немногія, и то не вполнѣ, удовлетворяютъ, болѣе или менѣе, богатствомъ содержанія при силѣ выраженія. Изъ поэтовъ только Мерзляковъ, и то въ одной только пѣснѣ, и то не вполнѣ, умѣлъ приблизиться къ языку народному безъ изысканности, — народному не внѣшнимъ только образомъ, но и внутренно; умѣлъ сохранить силу чувства и избѣжать будуарной сентиментальности романса, — въ пѣснѣ: «Чернобровый, черноглазый». По крайней мѣрѣ, слѣдующіе стихи изъ этой пѣсни нельзя не признать удивительными:

Воетъ сыръ-боръ за горою,
Метелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога...

Кольцовъ, напротивъ, никогда не проговаривается противъ народности ни въ чувствѣ, ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ также вѣренъ русскому духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени русской поэзіи. Съ этой стороны языкъ его столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими, напримѣръ, усыпаны, такъ сказать, двѣ пѣсни Лихача Кудрявича? У кого, кромѣ Кольцова, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

—

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

—

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ *заказаны?*

—

Не держи жъ, пусти, дай волюшку,
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана — гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится.

—

Отчего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Мы не выбирали этихъ отрывковъ, но брали, что прежде попадалось на глаза. Выписывать все хорошее, значило бы — большую часть пьесъ Кольцова въ одной и той же книгѣ напечатать вдвойнѣ.

И потому, мы не войдемъ въ подробный разборъ отдѣльныхъ пьесъ. Скажемъ просто: если бы Кольцовъ написалъ только такія пьесы, какъ «Совѣтъ старца», «Крестьянская пирушка», «Размышленіе поселянина», «Два прощанія», «Размолвка», «Кольцо», «Пѣсня старика», «Не шуми ты, рожь», «Удалецъ», «Ты не пой, соловей», «Пѣсня пахаря», «Не на радость, не на счастье», «Всякому свой талантъ», «Пѣсню о Грозномъ», «Я любила его», «Что онъ ходитъ за мной», «Нынче ночью къ себѣ», — и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что же сказать о такихъ пьесахъ, какъ «Урожай», «Молодая жница», «Косарь», «Раздумье селянина», «Горькая доля», «Пора любви», «Послѣдній поцѣлуй», «Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ», «Пѣсня разбойника», «Тоска по волѣ», «Говорилъ мнѣ другъ прощаючись», «Безъ ума безъ разума», «Разлука», «Расчетъ съ жизнью», «Перепутье», «Дуютъ вѣтры», «Грусть дѣвушки», «Доля бѣдняка», «Ты прости-прощай», «Разступитесь, лѣса темные», «Какъ здоровъ да молодъ?»—Такія пьесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы не увидалъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить — со слѣпыми о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Что же касается до пьесъ: «Лѣсъ» (посвященный памяти Пушкина), двѣ «Пѣсни Лихача-Кудрявича», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Бѣгство», «Путь», «Что ты спишь, мужичокъ», «Въ непогоду вѣтеръ», «Дума сокола», «Свѣтитъ солнышко», «Такъ и рвется душа», «Много есть у меня», «Не весна тогда», «Хуторокъ» и «Ночь» — эти пьесы принадлежатъ не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи. Мы не говоримъ уже о неподражаемомъ превосходствѣ собственно лирическихъ пѣсенъ — талантъ Кольцова былъ, по преимуществу, лирическій, но не можемъ не указать на повѣствовательный характеръ пьесъ: «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Бѣгство», обѣ «Пѣсни Лихача-Кудрявича», и на страстно-драматическій характеръ пьесы: «Хуторокъ» и «Ночь».

Почти всѣ пѣсни Кольцова писаны правильнымъ размѣромъ; но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриѳма, вмѣсто риѳмы, а часто и совершенное отсутствіе риѳмы, какъ созвучія слова, но взамѣнъ — всегда риѳма смысла, или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы,—все это приближаетъ размѣръ пѣсенъ Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсенъ. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія о версификаціи, и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому, безъ всякаго старанія и даже совершенно безсознательно, умѣлъ онъ искусно замаскировать правильный размѣръ своихъ пѣсенъ, такъ что его и не подозрѣваешь въ нихъ. Притомъ онъ придалъ своему стиху

такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣлаться подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла ея тайна.

Нѣкоторыя пѣсни Кольцова положены на музыку многими нашими композиторами. Жаль, что это большею частью не лучшія его пѣсни, что произошло, вѣроятно, отъ того, что пѣсни Кольцова были доселѣ разсѣяны во множествѣ періодическихъ изданій. Теперь выходомъ въ свѣтъ этой книги музыкальному таланту представляется прекрасное поприще для состязанія съ поэтическимъ талантомъ. Русскіе звуки поэзіи Кольцова должны породить много новыхъ мотивовъ національной музыки. И придетъ время, когда пѣсни Кольцова пройдутъ въ народъ и будутъ пѣться на всемъ пространствѣ безпредѣльной Руси, какъ нѣкогда пройдутъ въ народъ и будутъ заучены имъ наизусть басни Крылова...

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ думы — особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: вопросъ и рѣшеніе. Въ первомъ отношеніи нѣкоторыя думы прекрасны, какъ, напримѣръ: «Великая тайна», «Неразгаданная истина», «Молитва», «Вопросъ». Такъ, напримѣръ, что можетъ быть прекраснѣе этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслью, выраженною поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Но во второмъ отношеніи эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но неразвитый умъ, утомясь великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразою о

высшемъ мірѣ, или ироническою выходкою противъ слабости ума человѣческаго, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ: «Неразгаданная истина», которая оканчивается такъ:

Подсѣку жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья.
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу,
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Это случалось и случается и съ великими мыслителями, когда они брались или берутся за вопросы выше ихъ времени или выше ихъ самихъ. Кольцовъ, съ его вопросами, не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ вѣкомъ: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшать ихъ. Но самый вопросъ излагается у него часто съ необыкновенною поэзіею, доходящею до высокаго (sublime); чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть его «Великую тайну». Несмотря на мистическую темноту выраженія, которая иногда доходитъ до рѣшительной безсмыслицы, какъ, напримѣръ, въ трехъ первыхъ стихахъ думы «Божій міръ», и естественная причина которой была та, что поэтъ больше ощущалъ и чувствовалъ, или, лучше сказать, больше предощущалъ и предчувствовалъ сердцемъ, нежели сознавалъ умомъ то, что хотѣлъ выразить словомъ; несмотря на эту мистическую темноту, почти во всѣхъ его думахъ есть поэзія, и мысли, и выраженія. Многіе осуждали Кольцова за этотъ родъ стихотвореній, видя въ нихъ претензіи полуграмотнаго прасола на философское умничанье. Да если вспомнить, мало ли за что не осуждали Кольцова эти «многіе»,—даже за то, что въ бесѣдахъ онъ сидѣлъ не все молча, но иногда осмѣливался высказывать свое мнѣніе о предметѣ общаго разговора. Этою строгостью къ Кольцову особенно отличались умные и образованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики. И подѣломъ ему: какъ было смѣть ему, безграмотному мѣщанину, удостоенному за его талантъ чести быть принятымъ въ общество умныхъ людей, какъ было ему при нихъ «смѣть свое сужденіе имѣть!..» Люди съ книжнымъ, вычитаннымъ умомъ, съ готовыми сужденіями о чемъ угодно, никогда не поймутъ, чтобы человѣкъ съ высшею натурою, но обдѣленный образованіемъ, могъ на своемъ странномъ языкѣ вслухъ выговаривать то, что глубоко запало въ его душу и сильно заняло его умъ; никогда не растолкуете вы имъ, что такой человѣкъ и ошибается-то лучше, нежели какъ они говорятъ дѣло, потому что онъ ошибается по-своему, а они говорятъ чужое...

Особенное достоинство думъ Кольцова заключается въ ихъ чисто-русскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ не по кокетству таланта, а по необходимости прибѣгалъ къ этому складу. Въ своихъ думахъ Кольцовъ — русскій простолюдинъ, ставшій выше своего сословія на столько, чтобы только увидѣть другую, высшую сферу жизни, но не настолько, чтобы овладѣть ею, и самому совершенно отрѣшиться отъ своей прежней сферы. И потому онъ по необходимости говоритъ ея понятіями и ея языкомъ объ увидѣнной имъ вдали сферѣ другихъ, высшихъ понятій; но потому же онъ въ своихъ думахъ искренекъ и истиненъ до наивности, что и составляетъ главное ихъ достоинство. Хотя пѣсни Кольцова были бы понятны и доступны для нашего простого народа, но все же онѣ были бы для него гораздо высшею школою поэзіи, а слѣдовательно, чувствъ и понятій, нежели поэзія народныхъ пѣсенъ, и потому были бы очень полезны для нравственнаго и эстетическаго его образованія. Такимъ же точно образомъ думы Кольцова, изложенныя образами и складами чисто-русскими, и представляющія собою первую высшую ступень простого русскаго человѣка въ стремленіи къ нравственно-идеальному развитію, были бы очень полезны для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ.

Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжаться, если бы онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служитъ его превосходная дума: «Не время ль намъ оставить», написанная имъ менѣе, нежели за годъ до смерти. Въ ней виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка.

Бѣлинскій.

Лирическая поэзія и Кольцовъ.

Чѣмъ же особенно замѣчателенъ, какое важное значеніе можетъ имѣть человѣкъ, цѣлый вѣкъ свой сочинявшій пѣсни и только въ пѣсняхъ показавшій весь свой талантъ?

Такого рода вопросъ могутъ предложить многіе, потому что многіе считаютъ поэзію и вообще искусство пустымъ препровожденіемъ времени, прихотью, роскошью, не имѣющею никакого существеннаго значенія въ жизни. Для того, чтобы отвѣтить на это предубѣжденіе, нужно обратиться къ самымъ началамъ, на которыхъ основывается существованіе поэзіи, и объяснить, въ чемъ состоитъ существо ея, и въ чемъ заключается бо́льшее или меньшее достоинство поэта.

Поэзія основывается на нашемъ внутреннемъ чувствѣ, на влеченіи нашей души ко всему прекрасному, доброму и разумному.

Такимъ образомъ, высшая поэзія состоитъ въ полномъ сліяніи этихъ трехъ началъ, и чѣмъ болѣе поэтическое произведеніе приближается къ этой полнотѣ, тѣмъ оно лучше. Чтобы удовлетворить требованію добра, оно должно непремѣнно быть благородно и честно; оттого намъ не нравится, напр., стихотвореніе, въ которыхъ расточается подлая лесть, какъ бы эта лесть ни была хорошо выражена. Чтобы имѣть значеніе предъ судомъ ума, поэтическое произведеніе необходимо должно заключать въ себѣ мысль: никого, напр., не приведетъ въ восторгъ простое перечисленіе нелюбопытныхъ предметовъ или разсказъ о какомъ-нибудь ничтожномъ происшествіи, не заключающемъ въ себѣ никакого внутренняго смысла. Всякій спроситъ: что же изъ этого? какая же мысль въ этомъ разсказѣ? Но всего болѣе требуется условій отъ поэтическаго произведенія въ отношеніи къ чувству. Противъ него-то часто погрѣшаютъ люди, принимающіеся за поэзію. Они нерѣдко разсказываютъ о какомъ-нибудь обыкновенномъ поступкѣ или излагаютъ стихами свои убѣжденія, и воображаютъ, что это поэзія. Но на дѣлѣ выходитъ, что они, увлекшись своими мыслями или добрыми стремленіями, не позаботились вовсе о чувствѣ, и потому, вмѣсто поэзіи, пустились въ дидактику, т.-е. въ холодныя разсужденія. Чувство наше возбуждается всегда живыми предметами, а не общими понятіями. Если даже, напр., читая какое-нибудь разсужденіе, мы вдругъ ощущаемъ въ душѣ чувство пріятное или непріятное, вслѣдствіе мыслей, въ немъ изложенныхъ, то это можетъ случиться не иначе, какъ когда мы живо представимъ себѣ предметъ, о которомъ тутъ говорится. Въ этомъ представленіи общая мысль непремѣнно получитъ для насъ какой-нибудь опредѣленный образъ, напр., отъ понятія бѣдности мы можемъ перейти къ представленію бѣдняка, голоднаго, въ рубищѣ и пр., отъ понятія счастья — къ представленію какой-нибудь картины жизни, въ которой мы сочли бы себя счастливыми и т. п. На этомъ основаніи для поэзіи необходимы живые, опредѣленные образы, чтобы она могла удовлетворить нашему чувству. А могутъ явиться въ душѣ эти образы только тогда, когда мысль, которую хотимъ мы развить въ поэтической формѣ, не только хорошо понята нами, но и вполнѣ живо и опредѣленно представляется нашему сознанію такъ, что легко возбуждаетъ чувство въ душѣ человѣка. Въ этой-то сторонѣ и заключается главное отличіе такъ называемыхъ поэтическихъ натуръ. Понять истину можетъ всякій умный человѣкъ; стремиться къ добру долженъ и хочетъ всякій человѣкъ, нелишенный благородства души. Но сильно почувствовать и правду, и добро, найти въ нихъ жизнь и красоту, представить

ихъ въ прекрасныхъ и опредѣленныхъ образахъ—это можетъ только поэтъ и вообще художникъ.

Строго говоря, поэтическое чувство есть почти во всякомъ человѣкѣ. Чрезвычайно трудно найти такихъ грубыхъ и холодныхъ людей, на которыхъ ничто не производило бы впечатлѣнія, которые были бы равнодушны ко всему на свѣтѣ. Но въ обыкновенныхъ людяхъ чувство это проявляется очень слабо и нерѣдко заглушается разными житейскими расчетами и обстоятельствами. Въ поэтѣ же оно развивается очень сильно, является господствующимъ надъ другими сторонами души и выражается очень ярко, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія.

Впрочемъ, и въ самихъ поэтахъ чувство это бываетъ различно, какъ въ степени своей силы, такъ и въ направленіи.

То же бываетъ и въ поэзіи. Одни поэты преимущественно умѣютъ хорошо разсказать происшествія, случающіяся въ жизни. Это называется эпической или повѣствовательной поэзіей, къ которой относятся поэмы, романы, повѣсти, сказки и пр. Другіе особенно хорошо могутъ изображать предметы и передавать то чувство, то впечатлѣніе, которое эти предметы возбуждаютъ въ душѣ. Это поэзія лирическая, къ которой относятся всѣ почти роды мелкихъ стихотвореній, и которая названа такъ оттого, что въ древности всѣ подобныя стихотворенія пѣлись, и это пѣніе сопровождалось игрою на лирѣ. Наконецъ есть поэмы, которыя, ничего не говоря сами отъ себя, выводятъ передъ нами разныя лица и заставляютъ ихъ говорить и вступать въ различныя отношенія между собою: это драма, подъ которой разумѣется и комедія, и вообще всякое театральное представленіе. Эти три рода и составляютъ всю область поэзіи. Другихъ родовъ, кромѣ этихъ, нѣтъ.

Различіе между тремя родами поэзіи основывается не на исключительномъ, а только на преимущественномъ участіи въ произведеніи или описанія, или разсказа, или дѣйствія.

Изъ трехъ названныхъ нами родовъ поэзіи лирическій распространенъ всего болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, мы безпрестанно испытываемъ различныя впечатлѣнія отъ предметовъ, безпрестанно въ душѣ нашей появляются мимолетныя, разнообразныя чувствованія. Каждое изъ такихъ впечатлѣній и чувствъ можетъ дать содержаніе для лирическаго стихотворенія. И поэтъ, изображая такія впечатлѣнія и чувства, оказываетъ большую услугу людямъ; безъ него много прекрасныхъ чувствъ и благородныхъ стремленій было бы забыто нами: они появились бы въ насъ на минуту и тотчасъ исчезли бы подъ вліяніемъ разныхъ житейскихъ заботъ и мелочей. Поэтъ, умѣющій прекрасно изобразить сердечное чувство, даетъ намъ прочное напоминаніе о немъ и вновь вызываетъ изъ глубины души то, что прежде

было заглушено въ ней разными внѣшними обстоятельствами. Поэтому-то достоинство поэта зависитъ, съ одной стороны, отъ того, какъ сильно въ немъ поэтическое чувство, а съ другой — отъ того, на какіе предметы и на какія стороны предмета оно обращается. Послѣднее зависитъ уже отъ умственнаго развитія.

Изъ всего, что мы сказали, можно уже видѣть, что поэзіи лирической никакъ нельзя отказать въ важномъ значеніи и въ пѣснѣ, какъ одномъ изъ видовъ лирической поэзіи. Именемъ пѣсни вообще называютъ иногда всякое лирическое стихотвореніе, и даже вообще поэзію называютъ пѣснопѣніемъ. Но собственно подъ пѣсней принято разумѣть небольшое лирическое произведеніе, которое удобно для пѣнія и въ которомъ выражается внутреннее чувство, возбужденное явленіями обыкновенной жизни. Такія пѣсни существуютъ у всѣхъ народовъ, но, по свидѣтельству всѣхъ занимавшихся изслѣдованіемъ народной поэзіи, ни одинъ народъ не отличается такой любовью къ пѣнію, какъ славяне, и между ними русскіе. У насъ народъ сопровождаетъ пѣніемъ всѣ торжественные случаи своей жизни, всякое дѣло, всякое веселье и печаль. Еще въ колыбели дѣти убаюкиваются пѣснями; подрастая, они сами выучиваются напѣвать народныя пѣсни. Собирается зимой молодежь крестьянская на посидѣлки, и здѣсь раздаются пѣсни; приходитъ весна, выходятъ поселяне встрѣчать ее, составляютъ хороводы, завиваютъ вѣнки и при этомъ непремѣнно поютъ пѣсни. Ѣдетъ крестьянинъ пахать землю, онъ облегчаетъ свой трудъ пѣсней; собираются крестьяне жать, косить въ знойную, рабочую пору, и здѣсь пѣсня звучитъ между ними, освѣжая ихъ среди тяжелыхъ трудовъ. Провожаютъ лѣто, празднуютъ уборку хлѣба, опять съ пѣснями. Пѣсня сопровождаетъ поселянина во всѣхъ его общественныхъ трудахъ; она же слѣдуетъ за нимъ и въ семейную жизнь его. Собирается ли молодецъ жениться, его сватанье, дѣвишникъ, свадьба, — все это непремѣнно оглашается пѣснями, готовыми нарочно на этотъ случай. Настаетъ ли тяжелая разлука съ семействомъ, мать провожаетъ сына, жена мужа — съ рыданіями, причитаніями и пѣніемъ. Умираетъ ли человѣкъ, надъ нимъ раздаются похоронныя, печальныя пѣсни... Такъ ли почему-нибудь нападаетъ грусть-тоска на душу, она сейчасъ изливается въ грустной пѣснѣ. Веселье ли заберется въ сердце, и оно не удержится въ немъ безъ того, чтобы не выразиться въ удалой разгульной пѣснѣ...

Но у насъ мало пѣсенъ веселыхъ. Большая часть нашихъ народныхъ пѣсенъ отличается тяжелой грустью. То въ нихъ плачетъ мать по сынѣ или невѣста по женихѣ; то молодая жена жалуется на суровость мужа и злость свекрови; то добрый молодецъ въ чужой, дальней сторонѣ тоскуетъ по родинѣ, въ разлукѣ со всѣми милыми

его сердцу; то бѣднякъ, убитый своимъ горемъ, сокрушается, что ничего не имѣетъ и живетъ въ презрѣніи. Во всемъ видно желаніе чего-то, стремленіе къ какой-то лучшей долѣ, какой-то порывъ души, но порывъ неопредѣленный, странный, часто уничтожающійся самъ собою. Порой выражается въ пѣснѣ какой-нибудь отчаянный, удалой порывъ, и часто этотъ порывъ бываетъ и неразуменъ, и несогласенъ съ нравственностью общественной...

Много въ этихъ пѣсняхъ чувства, но, какъ видимъ, мало разумности, потому что стремленія большею частью безсознательны. Не вездѣ видно и добро. Поэтому онѣ не могутъ, говоря вообще, стоять очень высоко въ поэтическомъ отношеніи, хотя и есть между ними произведенія очень поэтическія. Во многихъ находимъ прекрасныя изображенія природы, хотя здѣсь замѣтно сильное однообразіе, которое отчасти объясняется общимъ грустнымъ характеромъ пѣсенъ: обыкновенно въ нихъ представляется пустынная, печальная равнина, среди которой одиноко стоитъ нѣсколько деревьевъ, а подъ ними раненый или убитый добрый молодецъ; или же нѣсколькими чертами обрисовывается густой туманъ, павшій на море, звѣздочка, слабо мерцающая сквозь туманъ, и дѣвушка, горюющая о своей злой судьбѣ. Нигдѣ почти нѣтъ свѣтлыхъ, радостныхъ картинъ природы или ужасныхъ бурныхъ ея явленій. Все полно тихой грусти, часто переходящей въ горькую иронію, а иногда разрѣшающейся отчаяннымъ, удалымъ порывомъ.

Отъ всѣхъ этихъ пѣсенокъ пѣсни Кольцова отличаются какъ небо отъ земли. Въ его стихахъ впервые увидѣли мы чисто русскаго человѣка, съ русской душой, съ русскими чувствами, коротко знакомаго съ бытомъ народа, человѣка, жившаго его жизнью и имѣвшаго къ ней полное сочувствіе. Его пѣсни по своему духу во многомъ сходны съ народными пѣснями, но у него болѣе поэзіи, потому что въ его пѣсняхъ болѣе мыслей, и эти мысли выражаются съ большимъ искусствомъ, силою и разнообразіемъ, потому что чувства его болѣе глубоки и сознательны, и самыя стремленія болѣе возвышенны и опредѣленны. Обстоятельства жизни, поставившія Кольцова близко къ народному быту, съ одной стороны, дали ему возможность узнать истинныя нужды народа и проникнуться его духомъ. Но съ другой стороны, тѣ же обстоятельства, возвысившія Кольцова нѣкоторымъ образованіемъ, сдѣлали то, что все, бывшее въ народѣ грубымъ, безсознательнымъ, неопредѣленнымъ, явилось въ Кольцовѣ обработаннымъ, разумнымъ, опредѣленнымъ.

Въ жизни Кольцова мы видѣли, что онъ постоянно стремился къ высшему образованію своего ума и сердца: одно уже это обстоятельство дѣлаетъ его замѣчательнымъ человѣкомъ и заставляетъ лю-

бить и уважать его. Но какъ мы замѣтили, борьба поэта съ обстоятельствами жизни не осталась безплодною: онъ многое преодолѣлъ, многаго достигъ силою своей твердой воли и природнаго ума. И все пріобрѣтенное Кольцовымъ не скрылось въ душѣ его невѣдомо для людей, а ясно, живо и звучно выразилось въ его поэзіи. По своимъ поэтическимъ произведеніямъ Кольцовъ замѣчателенъ еще болѣе, нежели по своей жизни.

Пѣсни Кольцова составили у насъ совершенно особый, новый родъ поэзіи. И до Кольцова правда писали у насъ русскія пѣсни. Несмотря на то, что въ нихъ являлся какъ будто простой русскій человѣкъ, однакожъ, ни въ содержаніи, ни въ самомъ выраженіи этихъ пѣсенъ не было ничего простого и русскаго. Кольцовъ первый сталъ представлять въ своихъ пѣсняхъ настоящаго русскаго человѣка, настоящую жизнь нашихъ простолюдиновъ, такъ, какъ она есть, ничего не выдумывая. Это происходило отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, Кольцовъ хорошо зналъ народную жизнь, зналъ не по наслышкѣ, а по собственному опыту. Онъ самъ испыталъ всѣ нужды простого народа, самъ жилъ съ нимъ, самъ былъ въ томъ же положеніи, въ какомъ живутъ наши простолюдины. Поэтому и въ стихотвореніяхъ Кольцова русскіе люди являются настоящими, а не выдуманными существами. Другая причина естественности изображенія въ пѣсняхъ Кольцова заключается въ самыхъ свойствахъ природнаго ума поэта. Онъ всегда отличался положительнымъ, практическимъ взглядомъ на вещи. Онъ не былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ обыкновенно идеалистами и которые, будучи незнакомы съ нуждою и трудностями жизни, смотрятъ съ пренебреженіемъ на заботы о вещественномъ благосостояніи. Кольцовъ образовался и воспитался именно въ школѣ житейской нужды и лишеній. Поэтому онъ хорошо понималъ важность достатка въ жизни, — и въ его поэзіи ярко отразилось это. Его стремленія всегда живы и сильны, и они почти всегда превосходно выражаются въ его стихахъ. Какъ сильно, какъ естественно, какъ вѣрно выраженіе мыслей и чувствъ у Кольцова! Пѣсни его писаны особеннымъ размѣромъ, близкимъ къ размѣру нашихъ народныхъ пѣсенъ, но гораздо болѣе правильнымъ. Въ нихъ большею частью нѣтъ рѳомы, а если есть, то всего чаще черезъ стихъ. Языкъ его совершенно простой, народный. Рѣдко, рѣдко можно встрѣтить въ его стихахъ книжное выраженіе.

Въ поэзіи Кольцова выразилась его душа, его жизнь, полная возвышенныхъ стремленій, тяжелыхъ испытаній, благородныхъ, чистыхъ чувствъ. Въ ней виденъ его свѣтлый взглядъ на предметы, умѣнье понимать жизнь и природу; въ ней, наконецъ, является живое, естественное представленіе вещей, безъ прикрасъ и безъ искаженій природы.

Все это такія достоинства, которыя дѣлаютъ стихотворенія Кольцова весьма замѣчательными въ нашей литературѣ. Въ нихъ соединяются всѣ условія, необходимыя для поэтическаго достоинства, т.-е. разумная мысль, благородное стремленіе и живое, глубокое чувство. Изъ соединенія этихъ условій происходитъ та правдивость и искренность, которою отличается Кольцовъ, какъ въ изображеніи собственныхъ душевныхъ ощущеній, такъ и въ представленіи предметовъ внѣшнихъ.

Въ заключеніе мы можемъ смѣло сказать, что Кольцовъ вполнѣ заслуживаетъ наше вниманіе и сочувствіе, не только какъ замѣчательный простолюдинъ-самоучка, но и какъ великій народный поэтъ.

Добролюбовъ.

А. Н. Майковъ.

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами. Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія, — какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую трепетную надежду... Замѣнитъ ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастья — это другой вопросъ, и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова, мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ.

Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, оспротѣлой и покрытой трауромъ, теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы, теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ...

Наша литература, несмотря на свою молодость и незрѣлость, уже свершила нѣсколько фазисовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей нѣтъ почти ни одного свободнаго и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талан-

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

товъ, такъ много обѣщавшихъ и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно и такъ незначительныхъ теперь!.. И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы, и приходить въ неистовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ—съ адомъ... Точно такъ же теперь только

развѣ необразованная, невоспитанная посредственность рѣшится «призывать вдохновеніе на высь чела вѣнчальнаго звѣздой»; выдумать «грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью» или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры. А прежде, и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣченною со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ еще до сихъ поръ и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобы худы, да и не то, чтобъ очень хороши, ужъ невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время риѳмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что; на мѣсто того и другого требуются глубокія чувства и идеи, выраженныя въ художественной формѣ, съ риѳмами, или безъ риѳмъ — все равно. Для успѣха въ поэзіи теперь мало одного таланта, нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже — гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудрые вопросы; врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи, высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, значитъ мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются въ глазахъ читателя на два разряда, ничѣмъ между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это — перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, поводъ надежды на будущее его развитіе. Второй разрядъ

составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Вотъ, напримѣръ, антологическое стихотвореніе, въ которомъ выражено обаяніе сна, лучше сказать, усыпленія, послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая: прочтите его, и вы сами поймете лучше всякихъ объясненій, что поэзія есть выраженіе невыражаемаго, разоблаченіе таинственнаго, ясный и опредѣленный языкъ чувства нѣмотствующаго и теряющагося въ своей неопредѣленности:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы спѣлыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,
Иду я подъ родной, соломенной мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ полевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ піесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышетъ живою идеею.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи г. Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ — поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ пичтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ — красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! Но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ, — что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь, и не вѣришь ты!

Остановимся на этомъ стихотвореніи и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанію, это — превосходная піеса, но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, и изъ-за поэтическаго, полнаго жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующейся слову мысли... Стихъ: «Что міръ ея есть міръ пустой и ложный», прозаиченъ «и блѣдный вымыслъ — красота»: неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, «низводящемъ изъ длани потокъ разящей молніи» невѣрно и въ отношеніи къ языку и въ отношеніи къ поэзіи; «Лунный ликъ такъ сокровенъ» ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя по причинѣ неточности эпитета; «И ты невольно симъ явленьемъ даруешь жизни красоты» — выражено слабо и неопредѣленно. Послѣдніе два стиха въ піесѣ прекрасны; но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самою піесою настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примиритъ чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ на опытѣ и наукѣ основаннымъ и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта піеска была пре-

восходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи г. Майкова — природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обязательными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ.) Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ, —
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря.
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній ужъ никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно высказанное въ немъ, явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностью отдѣлки. Что же до содержанія — оно здѣсь представляетъ собою основаніе, положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ — и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ

формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ — существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ, по преимуществу,—ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, лупы блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи пьесы г-на Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ главу эстетики, — и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ эллиновъ природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древле-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ, безыскусственно изящныхъ пѣсенъ. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, если бъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой

самъ Пушкинъ только что началъ писать нелицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту, — г. Майковъ, изученіемъ изящной, древне-классической поэзіи, завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато — посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и — только бы переводъ былъ изященъ и художественъ — никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека, и — какъ мы увидимъ ниже — иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ расчетъ его молодость (а ея, въ этомъ случаѣ, нельзя не брать въ расчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарниковъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Мепискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно
И на берегъ бережно выпесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, покрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому, чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ, вы ощутите душою и безконечную красоту, и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему и не чуждо древнее міросозерцаніе, вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться грекомъ, такъ что самый взыскательный аѳинянинъ современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза г. Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною; само-

обладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ «Вакханкѣ». Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и —

Доридѣ.

Дорида милая! Къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?..
Нѣтъ, милая! Оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты,
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ты розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! Какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пьеса не только не понравится, но и возбудитъ все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навыворотъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на что напали они съ остервенѣніемъ, — знайте, что это превосходно; что восхвалили они съ непстовствомъ — знайте, что это пошло или мертво. Лицемѣрные моралисты въ высшей степени обладаютъ этою выворотною вѣрностью сужденія... Что же до ихъ строгости — она понятна: Шиллеръ, въ одной изъ своихъ ксеній, сказалъ, что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее... Кто имѣетъ счастье быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое, для тѣхъ стихотвореніе «Доридѣ», при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное, право собственности, не позволяютъ намъ выписать изъ книги г. Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній — особенно «Гезіода» и «Вакха», тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пьесъ, довольно боль-

шихъ и болѣе, нежели прочія, характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощѣ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, — и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ
Въ пурпурѣ алой зари на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! Ты думаешь, небо нетрудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри: улыбаясь,*
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужъ пѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужъ полно! Не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать,
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары падъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты віются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ, по тонъ поэзіи, но созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же дышущія сладостью и нѣгою свѣтлаго неба Эллады!..

Однакожъ, тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова полное выраженіе древней поэзіи, или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностью и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выра-

жается не въ одной идилліи или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идилліи и пѣсни жизнь грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то со стороны трагедіи она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали, и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагическій элементъ преобладаетъ уже и въ самой «Иліадѣ» — этой прародительницѣ всѣхъ трагедій греческихъ, впослѣдствіи явившихся. Что же разумѣлъ грекъ подъ «трагическимъ?»—Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся навстрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедіи. Трагическое грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, двигательнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденія героевъ, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностью человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ, въ «Антигонѣ» Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, великодушно жертвующая своею жизнью для выполненія того, что она считала своимъ долгомъ, и невыполненіе чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти, — и Креонъ, какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли подобно воинамъ, храбро сражавшимся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою женщиною, не была бы героинею и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланный трупами благороднѣйшихъ жертвъ по-

мостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность есть апоѳеозъ человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума... Но почему же герой есть — герой? Что дѣлаетъ человѣка героемъ? — Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до великодушной готовности смертью запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что̀ дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе—жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастья... Итакъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды утраченнаго счастья, однажды полученной жизни, однажды пріобрѣтеннаго друга или милой сердца: но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнью—и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?.. О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и копеечныхъ промысловъ... Трагическое, это — Божья гроза, освѣщающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душою и, умѣя наслаждаться жизнью, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать, гдѣ и когда велитъ судьба, — вотъ что̀ было для грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ — мирно спи!
Жизнью пользуйся — живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великою душою трагическую сторону жизни, въ противность съ свѣтлою ея стороною,—

и глубоко, мощно, со всею роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ — «Торжество Побѣдителей», такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ:

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!.. Вспомнивая Аякса, убившаго себя въ гнѣвѣ за коварное похищеніе Одиссеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оилидъ, говоритъ:

Міръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ,—
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое велдчіе, какой паѳосъ въ этой догматикѣ геронзма, въ этихъ стихахъ:

О Ахиллъ! О мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить съ людьми племенъ дѣлами —
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пылп!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ—непзмѣнна!
Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ — честь побѣды!
Охранявшему — любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе эллинизма и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе, повидимому, и совершенно противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
«Пей страданій утоленье,
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Что̀ извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ педаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета».

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, что̀ у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента «трагическаго» въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что г. Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но придетъ время, и, можетъ-быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, если бъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени... Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! Стихъ въ поэзіи, то же, что слогъ въ прозѣ, а слогъ — это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не

въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ, но еще и въ движеніи, въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта, а движеніе и развитіе состоитъ въ безпрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не въ хронологической послѣдовательности. Батюшковъ — поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его пьесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія...

Но мы отдалились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ «наивнаго» и «природнаго», такъ чуждъ элементъ «трагическаго» въ древней поэзіи. Разъ г. Майковъ былъ близокъ къ нему, по содержанію, избранному имъ для самой большой своей пьесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хоть, можетъ-быть, и думалъ вполнѣ его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ «Олинеъ и Эсөирь» (римскія сцены временъ V вѣка христіанства). Мысль поэмы — контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ шестьдесятъ страницъ, которыя, въ чтеніи, легко могутъ показаться шестьюстами страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше намѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но г. Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ понравившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между тѣмъ сколько элементовъ «трагическаго» съ обѣихъ сторонъ могло бы и должно бы было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей трагедіи; но зато римская имперія есть безпрерывная трагедія, — зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи едва ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіею римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, наөосъ къ гражданской свободѣ, къ ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина отдѣльно, гражданская доблесть въ цвѣтущія времена великой республики, и гордая, стоистическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбѣ, вслѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ и счастливая для менѣе великихъ, но болѣе во-время явив-

шихся, — вотъ гдѣ элементы «трагическаго» въ исторіи Рима, вели-кой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ — этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени. Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы — сколько стоическою жизнью и трагическою смертью, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, — все субстанціональное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олинеъ г. Майкова—только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ — образъ безъ лица. Другая сторона поэмы — христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега — мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ, напр., пиршественная пѣсня римлянъ-язычниковъ.

Вообще, когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ какъ будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его «Венера Медицейская», содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго его заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ Венеры Медицейской, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственною красотою —

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды (?!)
И стройный станъ, шелкъ кудрей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ будто изысканная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли — видѣть простую копію, портретъ въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны; есть между ними даже оскорбля-

ющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ, напримѣръ:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: «пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ»? Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи г. Бенедиктова, но очень дурно въ стихотвореніи г. Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ.

Что такое: «молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья»? Неужели это — поэзія, не риторика?..

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія, съ болѣе или менѣе антологическимъ оттѣнкомъ: «Радость», «Измѣна», «XXXIII», «Жизнь», «Прощаніе съ деревней», «Заря», «Горы», «Мраморный Фавнъ». Что до послѣдняго стихотворенія, оно было бы лучше, если бъ не было растянуто приставкою и кончилось 25-мъ стихомъ, или, можетъ-быть, и еще лучше — 13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній г. Майкова, и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ мы желали бъ найти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но — увы! — мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ — хорошіе стихи, при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ — неопредѣленность и вычурность выраженія при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное — риторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ «Чудномъ вѣкѣ» поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра Великаго, которая возсіяла:

... въ странѣ загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; *въ той храминѣ священной,*
Гдѣ льды горятъ, какъ въ храминѣ чудесъ...

Не риторика ли это?.. Въ концѣ пьесы авторъ заставляетъ Петра «выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ», а «громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ врать въ Европу», забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что

въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, qui est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N. V., превосходно по стихамъ, но мысль — приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка изысканна... Прекрасны послѣдніе шесть стиховъ стихотворенія «Воспоминаніе»; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и особенно этого начала:

Когда ты *въ пучины былого*
Окунешься думой...

«Еврейская пѣснь» отличается прекрасными, звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Пьеса «Монастырь» откровенно названа авторомъ «введеніемъ къ ненаписанной поэмѣ». Она начинается непоэтическими стихами:

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзныя оковы...

Затѣмъ слѣдуетъ риторика, изрѣдка прерываемая стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора, и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ — печатать, но читать безъ напряженія и утомленія подобные стихи? —

Все — тлѣніе и прахъ!
Здѣсь, за оградою, въ оковашихъ стѣнахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья.
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья,
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли;
И въ мирной келліи, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль, въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весеннія мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, писпавъ между готическихъ оконницъ
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на пѣмомъ,
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившися къ окну, отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ
На лоно вѣчности, въ подоблачный эопръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны
Откуда бѣдную зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: не угодно ли прочесть вамъ его, не переводя духа или не скрывъ смысла?.. И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое «окованныя стѣны», «одежда мертвая» (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать — «одежда мертвыхъ», да мѣра стиха не позволила), «вѣренъ ли монашескій обѣтъ» (кому и чему вѣренъ?)? Что такое «весенніе часы и мечтательныя безсонницы»?..

Теперь обращаемся ко всѣмъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенные?

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо, голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху чуткому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ, иль кликъ опасной битвы,
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясные красавицы глаза,
По блѣдному лицу жемчужиной блистала,
И юная глава въ волненьи упадала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору грудей,
И мѣсяцъ осыналъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?..

Въ пьесахъ: «Воробьевы горы», «Два гроба», «Истинное благо», «Мститель» (скандинавская баллада) и «Кладбище», мы рѣшительно не узнаемъ г. Майкова. «Воробьевы горы» написаны точно какъ будто г. Бенедиктовымъ; въ нихъ есть «кровель море разливное» (жаль, что не разливанное!), въ нихъ есть стихи: «И дополюсныя воды у моихъ восплещутъ пятъ», въ нихъ «крадется пламени змѣя»; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ «Двухъ гробахъ» собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о носилкахъ Карла XII и о вѣнцѣ Наполеона, будто бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

Взмахнивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія (?),
Въ объятіяхъ его замучила Россія,
И гробомъ стала...

Вы ли это, г. Майковъ?

Въ «Двухъ моряхъ» воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сиріи) моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: «Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли (?), по немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ среброкосматый, станица волнъ не ратуетъ во вѣкъ» (?). — Стихотвореніе «В. А. С.....у» замѣчательно по хоро-

шимъ стихамъ, какъ этюдъ. — Въ маленькой поэмѣ «Іафетъ» много ума, есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ «рефлектированномъ» произведеніи, не все высчитали, что есть въ немъ; въ немъ есть изысканныя выраженія: «міръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія горы — гордыя врата Европы». — «Молитва бедуина» была бы очень хороша, если бы въ ней нѣкоторые стихи не были такъ тяжелы. — «Горный ключъ» принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, если бы въ немъ ручьи не были названы «рѣзвыми нитями земли». Очень не дурна пьеска «Кто онъ?» — Къ хорошимъ можно причислить еще: «Призывъ», «Безвѣтріе», «Мысль поэта», «Пѣвцу», «Жизнь», «Мысль», «Заря» и «Е. П. М.».

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что непріятно встрѣтить въ печати и что бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что піесы въ родѣ «Воробьевыхъ горъ» и «Кладбища» написаны г. Майковымъ давно уже, и милы ему, можетъ-быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музы; но мы судимъ о нихъ, какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту — и да приметъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ радушіемъ и тою любовью, съ какими мы даемъ его! — совѣтуемъ беречься изысканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собою ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стоитъ низвергнуть истуканъ, ею же самою слѣпленный (обыкновенно изъ весенняго снѣга — это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потупленными очами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь великіе поэты, которыхъ слава продолжалась не дольше трехъ лѣтъ... по крайней мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и изысканными выраженіями, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова стихъ — просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ — истинный, глубокій и притомъ опытный, искушенный художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не

даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однакоже, и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до сихъ поръ о четырехъ піесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ; указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою.

Піесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной движимости поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова піеса LV (стр. 119), которой не выписываемъ, потому что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая піеска:

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный свѣтлый день;
Тревожная — весны младыя грозы,
Тамъ — солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и радость слезъ!

На эту піеску не нужно комментаріевъ; кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости слезъ, тотъ будетъ — «царства дивнаго всесильный властелинъ»... Но перлы не-антологическихъ стихотвореній г. Майкова это — «Ангелъ и Демонъ» и «Раздумье». Вотъ первое:

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой — во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ:
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную пѣгъ?
Господенъ ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но *пышный* (!) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма — надо сказать правду — не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то недостаетъ, что-то не договорено; эпитетъ «пышный» не удовлетворителенъ; мы думаемъ, что даже «гордый» больше бы шелъ къ внутреннему смыслу піесы. Зато «Раздумье» — верхъ совершенства во всѣхъ

отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ оно поражаетъ содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засеребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!..
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртой обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ борепіи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многаго надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрываться отъ участи, столь полной обаятельнаго счастья, и питать въ молодой груди желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

Бѣлинскій.

Стихотворенія Ап. Майкова.

Многосторонность и разнообразіе — вотъ отличительныя качества музы г. Майкова. Поэтъ замѣчательный по дарованію, онъ столько же замѣчателенъ по своей манерѣ овладѣвать своимъ даромъ. Онъ имѣетъ свою собственную область, свою отличительную особенность, заключающуюся въ строго-пластической, почти античной красотѣ стиха, но онъ постоянно стремится расширять владѣнія, доставшіяся на его долю. Этотъ неуклонный трудъ надъ своимъ призваніемъ, эти нескончаемыя попытки къ открытію новыхъ художественныхъ путей всегда вели за собой усовершенствованіе и крѣпость таланта. Во всѣхъ трудахъ г. Майкова, старыхъ и новыхъ, мыслящій читатель всегда увидитъ зрѣлище, возвышающее душу и говорящее про достоинства

поэта: это зрѣлище — плодотворный трудъ разумнаго человѣка надъ своимъ талантомъ. Въ двухъ томахъ его едва ли вы найдете неловкую рѳему, неровный стихъ, небрежный оборотъ рѣчи, торопливо набросанное заключеніе. Изучивши книгу Майкова, читатель исполняется уваженіемъ къ званію поэта и къ самому поэту. Книжка первыхъ его стихотвореній была встрѣчена громкими похвалами критики и восторгомъ читателей. Самымъ взыскательнымъ какъ будто снова послышался голосъ навсегда замолкнувшей музы Пушкина. Въ этомъ картинномъ стихѣ, въ этомъ художественномъ спокойствіи поэта, въ его неизысканномъ обращеніи со своими темами, — всякому смыслящему дѣло критику сказалось нѣчто могучее, яркое, самостоятельное. Уже не надежды видѣлись въ первыхъ трудахъ его, стихи его не носили на себѣ той печати случайности, которая лежитъ на стихотвореніяхъ писателей съ дарованіемъ, еще не созрѣвшимъ. Каждое стихотвореніе книжки было замѣчательно или по мысли, въ немъ заложенной, или по оконченности отдѣлки, или по широкому взмаху художническаго пера, которое, по временамъ, славно вступало въ области, доступныя лишь кисти живописца или рѣзцу скульптора. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ его встрѣтила никѣмъ неоспариваемая, ничѣмъ не затемняемая слава. И читатели, и цѣнители были вполнѣ справедливы. Какъ можно было не причислить къ разряду первоклассныхъ поэтовъ молодого, только что выступившаго въ литературу автора?

Нужно было много проницательности, чтобы во время первыхъ тріумфовъ предсказать поэту весь предстоящій ему трудъ надъ своимъ дарованіемъ. Только самый зоркій, можетъ-быть, вдохновенно-зоркій взглядъ могъ различить въ то время одну слабую сторону, одно туманное пятно въ свѣтломъ созвѣздіи. Это пятно — зародышъ будущей борьбы и усилій поэта, есть *недостатокъ страстности*, результатъ фантазіи, слишкомъ развитой относительно пластики, но еще не способной проникать глубоко въ сокровенныя тайны духа человѣческаго. Недостатокъ страстности не имѣетъ ничего общаго съ холодностью натуры, тѣмъ неодолимымъ порокомъ, при которомъ никакая поэзія невозможна. Кромѣ возраста и событій жизни, самое направленіе таланта обусловливаетъ собой степень поэтической страстности. Поэтъ, замѣчательный по сосредоточенной наблюдательности, въ твореніяхъ его выражающейся картинностью или пластичностью образовъ, не всегда имѣетъ въ талантѣ своемъ достаточный запасъ лиризма, точно такъ же, какъ поэтъ по преимуществу лирическій, поэтъ горячихъ призывовъ сердца часто останавливается на пути развитія отъ недостатка способности на образность представленій. Смѣшивая разныя области поэзіи, требуя строго-пластическихъ образовъ отъ лирика, и лиризма отъ поэтовъ-пластиковъ, мы часто приходимъ къ нелѣпымъ

требованіямъ. Многіе изъ насъ непремѣнно желаютъ видѣть въ даровитомъ поэтѣ отзывъ на *всѣ* смутныя стремленія душъ нашихъ. Къ такимъ ложнымъ требованіямъ насъ увлекаетъ то дѣйствительно замѣчательное обстоятельство, что первые русскіе поэты, наши учители и руководители (Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь) представляютъ собой необыкновенно гармоническое сочетаніе лиризма съ внѣшней картинностью стиха, объективности представленій съ горячимъ проявленіемъ субъективныхъ воззрѣній.

Пластическое совершенство формы не могло даться Майкову безъ ущерба всему тому, что порывисто и пламенно въ призваніи поэта. Сосредоточенная наблюдательность внѣшнихъ проявленій природы, наблюдательность живописца, чуткаго къ красотѣ красокъ и линій, видимо, превышала въ немъ безотчетно-восторженное стремленіе къ возсозданію словомъ поэтическихъ моментовъ нашей жизни, — стремленіе, которымъ уже въ то время отличался Тютчевъ, и съ которымъ Фетъ готовился выступить въ нашу литературу. Оба, названные нами поэта, имѣли надъ Майковымъ перевѣсъ въ лиризмѣ, точно такъ же, какъ онъ имѣлъ надъ ними перевѣсъ въ художественной отдѣлкѣ стиха, въ законченности и образности своихъ произведеній.

И Майковъ, и Фетъ, и Тютчевъ очень часто изображаютъ намъ картины природы, подступая къ природѣ противоположными способами. Первый поэтъ, не страстный, но чуткій на поэзію и исполненный наблюдательностью высокаго живописца, смѣло рѣшается передать словами то, что доступно лишь кисти мастера, и, невзирая на необычайную трудность задачи, почти всегда выходитъ побѣдителемъ. Не затемняя своихъ очертаній ни рефлексіей, ни взрывами восторга, онъ осмотрительно свершаетъ свой трудъ и заканчиваетъ его, ни на минуту не разставаясь съ своимъ величавымъ спокойствіемъ. Два другіе поэта дѣйствуютъ иначе. Пораженные, поглощенные, отуманенные даннымъ явленіемъ, они кидаются на возсозданіе его, надѣясь лишь на то, что сила чувства, взволновавшаго всю ихъ натуру, не можетъ не выразиться поэтическимъ словомъ. При успѣхѣ, изъ души, взволнованной поэтическимъ восторгомъ, вырываются образы почти сверхъестественной вѣрности и мастерства, образы, до которыхъ не додумаешься въ спокойномъ состояніи души нашей. Всѣ трое имѣютъ свою силу и свою слабость: слабость поэта-пластика заключается въ томъ, что, не предаваясь лирическимъ порывамъ, онъ лишается выгодъ, ими доставляемыхъ, — слабость поэтовъ-лириковъ ведетъ къ тому, что образы ихъ часто не имѣютъ должной окончености, и сильный поэтическій порывъ, ихъ взволновавшій, не выражается въ формѣ, достаточно художественной.

Ап. Майковъ, съ перваго своего появленія передъ публикой, сталъ поэтомъ мысли. Превосходно владѣя стихомъ, чувствуя себя полнымъ хозяиномъ въ области спокойнаго художественнаго созерцанія, мастерски передавая намъ античную прелесть древней поэзіи, онъ могъ бы замкнуться въ предѣлахъ, ему хорошо извѣстныхъ, и все-таки остаться однимъ изъ первоклассныхъ русскихъ поэтовъ. Майковъ понялъ отвѣтственность, налагаемую на него дарованіемъ, и не задремалъ на лаврахъ своей молодости. Онъ жилъ, нѣлъ и трудился, какъ слѣдуетъ истинному поэту мысли, испытывая себя на всѣхъ поприщахъ, ютыскивая вдохновеніе въ мірѣ исторіи, увлекаясь временными и постоянными требованіями общества, передавая на русскій языкъ мысль и духъ знаменитѣйшихъ чужеземныхъ поэтовъ, зорко слѣдя за всѣми высокими моментами нашей вседневной жизни, обращаясь къ разительнѣйшимъ явленіямъ древняго міра, все больше и больше расширяя кругъ своего міросозерцанія, полнѣе и полнѣе понимая самую сущность того, что на языкѣ нашемъ зовется поэтическимъ призваніемъ.

Итакъ, дѣятельность поэта нашего, тотчасъ же послѣ изданія его первыхъ стихотвореній, распалась на двѣ части. Къ первой, исполненной спокойствія и навѣянной антологически-художественной стороной его дарованія, мы отнесемъ «Очерки Рима», обнимающіе собой пространство времени 1843 до 1847 г., и весь небольшой отдѣлъ второго тома, подъ названіемъ «Изъ древняго міра». Безъ этихъ очерковъ Рима и сценъ изъ древней жизни, можетъ-быть, и самому Майкову его дѣятельность показалась бы изнурительною. Какъ бы то ни было, намъ пріятно слѣдить за тѣмъ, какъ свѣтлая, художественная, тихая струя, уже давшая поэту столько успѣховъ, осталась при немъ въ самомъ разгарѣ борьбы и сомнѣній, смягчая его тяжелыя минуты и постоянно напоминая развитымъ людямъ, что прежній художникъ Майковъ остался прежнимъ художникомъ, полнымъ властителемъ своей поэтической области. Въ стихотвореніяхъ, нами указанныхъ, преимущественно въ «Очеркахъ Рима», поминутно встрѣчаются картины большой прелести и законченности. Укажемъ, напримѣръ, на «Palazzo», на «Ватиканскій музей», на пьеску «Нищій», на прелестную вещицу «Fortunata», едва ли не самое лирическое изъ всѣхъ Майковскихъ произведеній того времени. Священный воздухъ Италіи, вмѣстѣ съ изученіемъ старой живописи и великихъ итальянскихъ поэтовъ, благодѣтельно подѣйствовалъ на русскаго юношу; величавый Дантъ съ этихъ поръ уже началъ имѣть вліяніе на его дальнѣйшее развитіе: «Нимфа Эгерія» о томъ свидѣтельствуетъ.

Въ «Нимфѣ Эгеріи» и небольшомъ числѣ пьесъ, нами упомянутыхъ, мы уже можемъ видѣть прогрессъ Майкова, какъ поэта мысли. Въ нихъ онъ идетъ впередъ, не утрачивая ни художественности стиха,

ни поэтическаго спокойствія, и какъ бы предчувствуетъ ту дорогу, на которую ступилъ онъ, наконецъ, въ послѣдніе годы.

Въ настоящее время, разсматривая Майкова, какъ поэта-мыслителя, мы очень хорошо видимъ его заслуги и совершенства. Мы сознаемъ вполнѣ, до какой степени расширилъ онъ область, ему принадлежащую, къ какимъ изящнымъ произведеніямъ привело его, напримѣръ, изученіе исторіи. («Три смерти», «Савонарола»), какими утѣшительными результатами обозначилось его долговременное изученіе поэтовъ, подобныхъ Данту, Гейне. Но то, что видимъ мы въ настоящемъ, не сразу далось поэту нашему. Чтобъ вполнѣ начертать себѣ прямой путь, надобно весьма близко, и даже иногда черезъ собственный опытъ ознакомиться съ ложными путями, — хотя бы для того, чтобъ понять всю ихъ ложность. Пути, по которымъ Майковъ шелъ къ своему настоящему развитію, не всегда могли назваться настоящими путями, но онъ шелъ по нимъ, не роняя своего достоинства, шелъ твердо и честно, выполняя свое дѣло и послѣдствія его предоставляя судьбѣ. Такъ трудолюбивый земледѣлецъ, улучивъ свободный часъ, усердно распахиваетъ заглохшее поле, которое, быть-можетъ, и однимъ лишнимъ зерномъ не воздастъ за усилія труженика. И Майковъ, подобно предпріимчивому земледѣльцу, трудился въ потѣ лица надъ неблагодарною почвою и, благодаря Бога, трудился не напрасно.

Первымъ и важнѣйшимъ изъ послѣдствій этихъ было конечное убѣжденіе самого Майкова въ полной несостоятельности всякаго дидактическаго или поучительнаго направленія въ поэзіи. Поученіе, которому поэтъ служилъ въ сороковыхъ годахъ, столкнулось съ поученіемъ, впослѣдствіи его увлекшимъ, и, къ величайшему счастью для всѣхъ насъ, столкновеніе это въ концѣ сокрушило оба поученія.

Нашъ поэтъ, къ чести его, надо сказать, весьма мягокъ и уступчивъ по натурѣ, онъ никогда неспособенъ пренебрегать голосомъ умныхъ дѣятелей, но при всей своей уступчивости, при всемъ уваженіи къ суду товарищей-литераторовъ онъ не могъ признать себя неправымъ. Онъ ясно созналъ, что его судятъ съ точки зрѣнія духа партіи, и, сознавши это, не могъ уже увернуться отъ совершенно логическаго вопроса: «Чего же ожидать поэту поучительнаго направленія, если всякая литературная партія начнетъ судить его сообразно съ временными цѣлями и стремленіями?» Такой вопросъ велъ за собой совершенное паденіе вѣры въ дидактику, и вслѣдъ за тѣмъ окончательный выходъ на тотъ путь, который не можетъ подлежать суду временныхъ партій, ибо находится выше ихъ и обнимаетъ собою всесторонніе видоизмѣненія помысла человѣка. Въ то самое время, когда нашъ поэтъ, по ходу событій и развитія, подходилъ къ самому широкому пониманію законовъ искусства, перевороты, совершившіеся въ

политическомъ мірѣ, еще болѣе ускорили весь процессъ, нами сейчасъ объясненный. Война кончилась посреди общаго изнуренія. Общественное мнѣніе обратилось къ изученію дѣлъ внутренняго устройства. О войнѣ стали забывать, вмѣсто блестящихъ и сердце волнующихъ сценъ, вмѣсто знаменъ, носимыхъ по улицамъ, вмѣсто слуховъ о геройскихъ подвигахъ остались слѣды бѣдъ и крови, воспоминанія о погибшихъ семействахъ. Передъ глазами нашими обнаружилась изнанка боевой дѣятельности, и роль поэта возбудителя, роль современнаго Тиртея стала совсѣмъ невозможной по миновенію въ ней надобности.

Такъ совершилась временно-поучительная дѣятельность Майкова, и такое окончаніе могло бы показаться крайне грустнымъ, если бы дѣло шло о поэтѣ, не такъ много думавшемъ о своемъ призваніи.

Едва замолкъ послѣдній отголосокъ патріотическихъ пѣсенъ нашего поэта, какъ онъ выступилъ впередъ съ новыми произведеніями, давно заготовленными и словно приберегаемыми къ трудной минутѣ. Произведенія эти, относившіяся къ 1851—1856 годамъ авторской дѣятельности, состояли изъ нѣсколькихъ сценъ изъ древняго міра, небольшихъ, но въ высшей степени замѣчательныхъ стихотвореній: «Нива», «Звуки ночи», «Осень», «Импровизація», въ краткой и художественно-законченной поэмѣ «Рыбная ловля» (1855 г.) и, наконецъ, въ двухъ другихъ поэмахъ: «Савонарола» и «Три смерти», обозначившихъ собой новую ступень развитія въ поэтѣ и новую область для всей его дѣятельности. О многихъ замѣчательныхъ, но меньшаго достоинства трудахъ означеннаго періода, мы не упоминаемъ по недостатку времени.

Пересматривая поэмы и стихотворенія Майкова, изданныя имъ въ послѣдніе три или четыре года его дѣятельности, мы видимъ въ нихъ несомнѣнный шагъ впередъ и привѣтствуемъ ихъ, какъ явленіе истинно утѣшительное. Въ нихъ поэтъ является вполнѣ независимымъ и всестороннимъ творцомъ, служителемъ искусства, чистаго искусства, не-чуждаго ничему мірскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ не подчиненнаго никакимъ временнымъ, преходящимъ цѣлямъ. Трудная эпоха попытокъ, борьбы и поучительныхъ увлеченій не безплодно прошла для Майкова, черезъ нее онъ всей душой своей провѣрилъ вдохновенія, представлявшіяся ему на разныхъ путяхъ дѣятельности, и обогатилъ свою мысль такой плодотворной провѣркою. Отъ періода соціальной дидактики онъ отодвинулся не съ безплоднымъ отвращеніемъ, но сохранивъ всю вѣру въ прогрессъ и начала правды, сохранивши въ себѣ и пытливость по части общественныхъ явленій и обиліе историческихъ познаній. Простившись съ дидактикой патріотической, онъ не пересталъ сочувствовать наивнымъ стремленіямъ русскаго народа, не позабылъ своей любви къ слабымъ и угнетеннымъ. Но, отвѣчая всему живому

и человѣческому, Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго, вполнѣ призналъ основы и сущность вліянія, какое всякій поэтъ можетъ имѣть на общество, ему современное. Навсегда отстранившись отъ партій въ дѣлѣ поэзіи, онъ не только поставилъ свое призваніе превыше всякой временной партіи, но такъ сказать подчинилъ себѣ все временное и преходящее, мирно замыкая въ свои пѣсни лишь одно то, что вѣчно и всесторонне.

Но главная заслуга Майкова есть поэма «Три смерти». Въ ней мы не можемъ не признать вѣнца всей майковской дѣятельности, конечной точки, до которой дошли его талантъ и направленіе. Въ поэмѣ этой, сосредоточивающей въ себѣ всѣ достоинства и слабости нашего поэта, Майковъ является истиннымъ поэтомъ мысли, обогатившимся чрезъ науку и мышленіе, сочетавшимъ въ одно стройное цѣлое и поразительный замыселъ, и художественность формы, и блестящій лиризмъ многихъ подробностей. Въ ней все зрѣло, все полно, все обдуманно, начиная отъ изящнаго стихотворенія, которое декламируетъ Люцій, до предсмертныхъ распоряженій того же эпикурейца, которыми заканчивается все произведеніе. Муза исторіи дала многое Майкову. Отвѣчая на ея призывъ, авторъ поэмы окончательно прибавилъ нѣсколько струнъ къ своей лирѣ и подарилъ отечественную литературу произведеніемъ, которое въ ней всегда будетъ уважаться. Вся поэма Майкова напоминаетъ собой мастерски отдѣланный барельефъ, который истинно поразителенъ по правильности каждой фигуры, по строгости и грандіозности постановки. Здѣсь имѣется то, чего не имѣлось въ прежнихъ трудахъ Майкова, т.-е. залогъ важнаго, рѣшительнаго шага впередъ, признакъ новой побѣды ея автора надъ самимъ собою. Въ послѣднемъ монологѣ Сенеки, главнаго дѣйствующаго лица поэмы, божественнымъ огнемъ вспыхиваетъ и горитъ возвышеннѣйшій лиризмъ. Это голосъ поэта истиннаго, это могучее слово настоящаго художника, который сумѣлъ проложить себѣ дорогу, и въ мірѣ высокихъ помысловъ доискаться того лиризма, которымъ его натура не была богата въ первую пору развитія. Пожелаемъ же Майкову дальнѣйшаго усовершенствованія и того, безъ чего нельзя обойтись поэту его склада, бурь житейскихъ, съ ихъ широкими и плодотворными послѣдствіями.

И жаждаю я порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой.
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ борепіи мятежномъ,
И крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ летать,
На бездну падать и въ небѣ утопать.

Дружининъ.

Стихотворенія Фета.

У Фета мы не находимъ ни глубокихъ міровыхъ мыслей, ни остроумныхъ афоризмовъ, ни сатирическаго направленія, ни особенной страстности въ изложеніи. Поэзія его состоитъ изъ ряда картинъ природы, изъ антологическихъ очерковъ, изъ сжатаго изображенія неуловимыхъ ощущеній души нашей. Сердце читателя волнуется отъ умѣнья поэта ловить неуловимое, давать образъ и названіе тому, что было смутнымъ мимолетнымъ ощущеніемъ души человѣческой, ощущеніемъ безъ образа и названія. Но знаетъ ли человѣкъ о томъ, какую великую роль въ его жизни играютъ мимолетныя духовныя ощущенія, какъ сильно сплетаются они съ его существованіемъ, какъ крѣпко помнятся они, какъ трепещетъ душа его при каждомъ о нихъ намекѣ? Сила Фета въ томъ, что поэтъ нашъ, руководимый своимъ вдохновеніемъ, умѣетъ забираться въ сокровеннѣйшіе тайники души. Область его не велика, но въ ней онъ полный властелинъ, неспособный бояться никакого совмѣстничества. Вдохновеніе и вѣра въ силу вдохновенія, глубокое пониманіе красотъ природы, сознаніе того, что проза жизни кажется прозою лишь для очей непросвѣтленныхъ поэзію, — вотъ особенности г. Фета, обличающія въ немъ поэта несомнѣннаго, чистаго. Сверхъ того, у нашего поэта есть еще два драгоцѣнныхъ качества — зоркость взгляда, разгадывающаго поэзію въ предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, и неотступное упорство въ творчествѣ, неуспокаивающееся до тѣхъ поръ, пока данный и подсмотрѣнный поэтическій моментъ не переданъ съ безграничной вѣрностью. У него неуловимое является схваченнымъ; поэзія воплощена въ гармоническое слово, туманнѣйшіе моменты нашей жизни разъяснены. Онъ въ своихъ стихахъ является тѣмъ, чѣмъ всегда долженъ быть поэтъ могущественнаго дарованія, т.-е. человѣкомъ зрячимъ по преимуществу, истолкователемъ нашей житейской поэзіи.

Поэтъ уясняетъ намъ мимолетные порывы собственныхъ сердецъ нашихъ. Онъ даетъ слово и голосъ восхитительнымъ грезамъ давно забытаго дѣтства вашего, онъ говоритъ своему читателю: «Вотъ что душа твоя чувствовала въ минуты хандры, въ сладкія лѣтнія ночи, въ зимнюю вьюгу, вотъ отчего именно билось твое сердце при приближеніи весны, вотъ какія черты поражали тебя въ степи вечеромъ, на снѣжной полянѣ, залитой лунными сіяніемъ. *Я не выдумываю моихъ напѣвовъ, я ихъ угадываю.* Тамъ, гдѣ я угадалъ, твой глазъ туманится слезой и сердце твое бьется сильнѣе, и поэтическія ощущенія нагоняютъ на тебя сладостную дрожь, и весь ты начинаешь порываться къ прошлому». И надо сознаться, для угадыванія тончайшихъ отношеній души человѣческой къ окружающему ее міру, для

подсматриванія химической связи между всѣмъ существомъ нашимъ и чудесами видимой природы — мы не знаемъ поэта щедрѣе одареннаго. Передъ лицомъ вѣчно спокойной антологической древности, наединѣ съ прелестями природы, подъ вліяніемъ немногосложныхъ, но нѣжныхъ ощущеній, Фетъ — поэтъ высшаго разбора. Подъ стихотвореніемъ (О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной) имя Пушкина не

Фетъ.

возбудило бы никакого удивленія въ читателѣ; неслыханно-прелестный антологическій очеркъ «Діана» сдѣлалъ бы честь перу самого Гёте, въ блистательнѣйшій періодъ для германскаго олимпійца. Въ обоихъ стихотвореніяхъ всѣ силы, всѣ средства поэта направлены на одинъ пунктъ и совокупностью своего дѣйствія создаютъ передъ читателемъ картины безпримѣрно поэтическія. Тутъ все — и содержаніе, и картинность, и жизнь, и музыка стиха, и мастерская степенность рѣчи, все это говоритъ сердцу.

Поэтъ весь живетъ моментомъ, имъ схваченнымъ, онъ какъ бы отрѣшается отъ своей личности и возсоздаетъ поразившую картину. Въ стихотвореніи:

Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,

онъ схватываетъ всѣ мелкія черты, характеризующія вечеръ въ степи, упоминаетъ о взлетѣвшемъ жукѣ, о коростеляхъ, скрипящихъ въ росистой ложбинѣ, онъ прилаживаетъ складъ стиха къ общему тону произведенія, и степь вечеромъ залегаетъ въ душу читателя и остается въ ней навѣчно.

Несмотря на нѣкоторую неправильность въ языкѣ, отъ которой г. Фетъ едва ли когда отдѣлается, онъ обладаетъ рѣдкой особенностью, а именно, высокой музыкальностью. Въ этомъ отношеніи онъ особенно чутокъ и тонокъ къ *музыкѣ* словъ. Стихами Фета можно зачитываться до головокруженія; въ нихъ есть нѣчто обаятельное, звучащее, какъ струны, волнующее сердце, какъ изящная музыкальная симфонія. Для примѣра укажемъ на «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни», «Люди спятъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ», «Тихо вечеръ догораетъ», «Спи, еще съ зарею» и «На зарѣ ты ея не буди». Не можемъ отказать себѣ въ одномъ удовольствіи — привести одно произведеніе, поражающее музыкальностью:

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!

Это стихотвореніе совершеннѣйшее музыкальное notturno, не только рисующее передъ нашей фантазіей величавую картину развалинъ, озаряемыхъ луною, но сверхъ того, уносящее нашу душу въ отдаленнѣйшія области, о которыхъ трудно говорить сухою прозою. Теперь скажемъ объ уловленіи неуловимаго. Всякій, кто только жилъ, видѣлъ, чувствовалъ и подстерегалъ неопредѣленные порывы своего сердца — обязанъ привѣтствовать нашего автора, какъ поучителя и объяснителя. Каждому изъ насъ, людей не совершенно очерствѣлыхъ душою, Фетъ имѣетъ сообщать многое и многое. Ему открыта, ему знакома область, по которой мы ходимъ съ замирающимъ сердцемъ и съ полузакрытыми глазами: это область — область поэтическихъ ощущеній души человѣческой. Наши дѣтскія воспоминанія, наши дѣтскіе страхи, наши сладкія ощущенія въ часъ занимающагося утра и въ темную ночь, озаренную звѣздами, наши свѣтлыя мысли посреди сельскаго затишья, наши волненія передъ свиданіемъ съ первою возлюбленною, наши минуты хандры и минуты порывистой веселости, — все это олицетворено, высказано, слито съ образами и музыкою стиха. Умъ отказывается вѣрить, что нашъ поэтъ въ тоненькой книгѣ могъ наговорить намъ столько свѣтлаго, столько новаго, столько

нетронутаго, столько перечувствованнаго! Чего нѣтъ въ его книгѣ, на какія стороны тихой русской поэзіи не даетъ она отголоска? Мы видимъ передъ собою родныя снѣговыя поляны, занесенную снѣгомъ ракиту возлѣ ветхой калитки, изъ которой выбѣгаетъ гадающая дѣвушка съ вопросомъ: «Какъ тебя зовутъ?» — мы присутствуемъ при народныхъ гаданіяхъ, мы слѣдимъ за тѣмъ, какъ снѣговыя поляны таютъ и разрушаются, какъ душистая весна начинаетъ вѣять крыломъ, мы слышимъ громъ телѣги по еще замороженному пути, мы бродимъ у морского берега, за которымъ заливъ раскидывается серебряною ризою. Фетъ чуетъ поэзію жизни, какъ страстный охотникъ чуетъ невѣдомымъ чутьемъ мѣсто, гдѣ слѣдуетъ охотиться. Его мѣткое слово далеко бьетъ въ цѣль.

Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе, о которомъ невозможно не вспоминать въ часы лихорадочной безсонницы, въ глухую безпокойную ночь, подъ вліяніемъ смутныхъ ночныхъ грезъ, иногда налетающихъ на человѣка. Содержаніе вещи сумрачно-неуловимо, какъ таинственный полумракъ между разсвѣтомъ и утренней мглою, но послѣ стиховъ, его характеризующихъ, оно кажется понятнымъ и только что почувствованнымъ.

Полуночные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко впотьмахъ...
И т. д.

Цѣлая тревожная ночь въ этихъ двѣнадцати строчкахъ. Какая фантазія и какая правда, какая смѣлость и какая строгость исполненія! Теперь возьмемъ другую ночь и другое ощущеніе, несравненно отраднѣйшее. Поэтъ идетъ по старому рыцарскому Ревелю, ночью, послѣ представленія Веберова Фрейшица. Впечатлѣніе, имъ испытанное, передается душѣ читателя, и волшебной силой пѣсни передъ нами рисуется и старый городъ, и узкая линія серебряныхъ небесъ между древними домами, блестящій балконъ на воздушной высотѣ, и звуки музыки будто бы къ намъ доносятся. И собственныя воспоминанія, выхлынувъ изъ глубины души нашей, идутъ слѣдомъ за поэзіей, навѣянной стихотвореніемъ. Кто изъ насъ не застанвался ночью, слушая музыку въ какомъ-нибудь старомъ городѣ? — кто не уходилъ изъ театра и не заѣзжалъ въ гости къ Шиллеру, по великолѣпному выраженію Гоголя.

Продолжая обозрѣніе, мы невольно приходимъ къ стихотворенію «Пчелы». Смѣло можемъ сказать, что на русскомъ языкѣ еще не бывало подобнаго изображенія весенней ночи, доходящей до болѣзненности, смутныхъ душевныхъ порывовъ, не поддающихся даже тѣни анализа прозаическаго! Какъ тонокъ и неудобовыражаемъ предметъ,

имъ взятый, такъ оригинальна манера, съ помощью которой онъ умѣлъ воплотить въ слова все тонкое.

Пропаду отъ тоски я и лѣни.
Одинокая жизнь не мила;
Сердце ноетъ, слабѣютъ колѣни...

Пусть любители новаго въ поэзіи прочитаютъ «Узника», въ которомъ передано восторженное ощущеніе затворника предъ близостью свободы и моря, стихотвореніе «Постой! здѣсь хорошо!» разительно прекрасное по стиху и по темѣ, и порывистый весенній гимнъ «Ужъ верба вся пушистая», и «Больного», и стихотвореніе «Люблю я пріютъ вашъ печальный» — проникнутое всей поэзіей сельскаго спокойствія. Лучше заключимъ нашу рѣчь о дарованіи поэта на передачу неуловимаго въ жизненной поэзіи, послѣдней выпиской, послѣднимъ произведеніемъ истинно-волшебнымъ по своей силѣ, оригинальности и стремительности. Ихъ невозможно анализировать, какъ невозможно анализировать иной плѣнительный сонъ, повергающій человѣка въ восторженное состояніе и залегающій въ его память на долгія лѣта. Подобные сны даются разъ или два въ жизни; подобныя стихотворенія рѣдко пишутся и самыми могучими поэтами. Это не жизнь и не фантазія, не призракъ и не дѣйствительность, это восторженная грезa, навѣянная безпредѣльной любовью и безпредѣльнымъ чарованіемъ майской лунной ночи.

Фантазія.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... тусклы наши свѣчи...
И т. д.

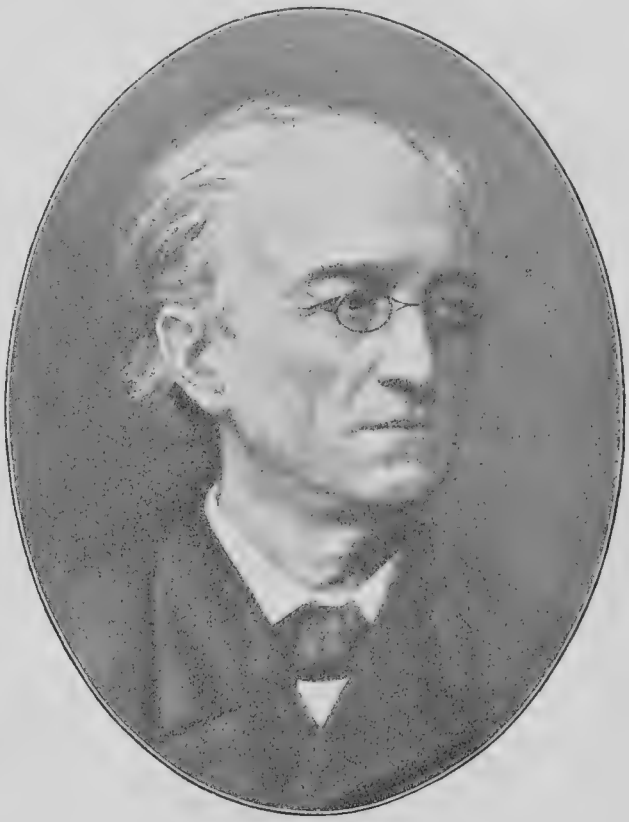
Тотъ, кто самъ, въ свою молодость и въ майскую ночь, возлѣ любимой женщины не грезилъ восторженными грезами, не видалъ фантастическихъ чудесъ и призраковъ поэтическаго міра, никогда не согласится ни съ какими похвалами, ни съ нашими замѣтками. Арабы веселятся въ день рожденья своихъ поэтовъ. Отчего и намъ не позволить себѣ самаго свѣтлаго настроенія передъ книгой, которая дѣлаетъ столько *чести русской литературѣ и русской поэзіи?*

Дружининъ.

О стихотвореніяхъ Тютчева.

«Возвращеніе къ поэзіи стало замѣтно, если не въ литературѣ, то въ журналахъ». Эти слова довольно часто слышались въ послѣднее время. Выраженное ими мнѣніе справедливо, и мы готовы согласиться съ нимъ, только съ слѣдующей оговоркой: мы не думаемъ, чтобы поэзія отсутствовала въ нашей текущей литературѣ, несмотря на всѣ

упреки въ прозаичности и пошлости, которымъ она часто подвергается; но мы понимаемъ желаніе читателей насладиться гармоніей стиха, обаяніемъ мѣрной лирической рѣчи: мы понимаемъ это желаніе, сочувствуемъ ему и раздѣляемъ его вполнѣ. Вотъ почему мы не могли душевно не порадоваться собранію воедино разбросанныхъ доселѣ стихотвореній одного изъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ,



Тютчевъ.

какъ бы завѣщаннаго намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина — Ѳ. И. Тютчева.

Мы сказали сейчасъ, что г. Тютчевъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для самолюбія современниковъ, Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ те-

перешихъ нашихъ поэтовъ; на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ принадлежитъ, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора, словомъ, хотя часть того, что въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ Тютчева не обширенъ—это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ чисто-лирическихъ; но эти элементы опредѣлительно ясны и срослись съ самою личностью автора. отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ: они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте, то-есть они не придуманы, а выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоцѣнному качеству мы узнаемъ, между прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени. Намъ скажутъ, что мы напрасно возстаемъ на сочиненіе въ поэзіи, что безъ сознательнаго участія творческой фантазіи нельзя вообразить ни одного произведенія искусства, кромѣ развѣ какихъ-нибудь первобытныхъ народныхъ пѣсенъ, что у каждаго таланта есть своя внѣшняя сторона. сторона ремесла, безъ которой ни одно художество не обходится: все это такъ, и мы нисколько этого не отвергаемъ: мы возстаемъ только противъ отдѣленія таланта отъ той почвы, которая одна можетъ дать ему и сокъ и силу — противъ отдѣленія его отъ жизни той личности, которой онъ данъ въ даръ, отъ общей жизни народа, къ которой, какъ частность, принадлежитъ сама та личность. Подобное отдѣленіе таланта можетъ имѣть свои выгоды: оно можетъ способствовать къ легчайшей его обработкѣ, къ развитію въ немъ виртуозности; но это развитіе всегда совершается на счетъ его жизненности. Изъ отрубленнаго, высохшаго куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на томъ сукѣ свѣжему листу; не раскрыться на немъ пахучему цвѣтку, какъ ни согрѣвай его весеннее солнце. Горе писателю, который захочетъ сдѣлать изъ своего живого дарованія мертвую игрушку, котораго соблазняетъ дешевый тріумфъ виртуоза, дешевая власть его надъ своимъ опошленнымъ вдохновеніемъ. Нѣтъ, произведеніе поэта не должно даваться ему легко, и онъ не долженъ ускорять его развитіе въ себѣ посторонними средствами. Давно уже и прекрасно сказано, что онъ долженъ выносить его у своего сердца, какъ мать ребенка во чревѣ, собственная его кровь должна струиться въ его произведеніи, и этой живо-

…рной струи не можетъ замѣнить ничто, внесенное извнѣ: ни умныя …суженія и такъ называемыя задушевныя убѣжденія, ни даже ве…нія мысли, если бъ таковыя имѣлись въ запасѣ... И они, и самыя …и великія мысли, если онѣ дѣйствительно велики, выходятъ не изъ …ной головы, но изъ сердца, по прекрасному выраженію Вовенарга: …s grandes pensées viennent du coeur». Человѣкъ, желающій создать …-нибудь цѣлое, долженъ употребить на это цѣлое свое существо.

Начало «сочиненія» или, говоря правильнѣе, сочинительства, ри…ки, столь сильно развитое въ нашей литературѣ лѣтъ пятнадцать …му назадъ, теперь, конечно, значительно ослабло: никому теперь …придетъ въ голову вдругъ, неизвѣстно почему, соорудить пяти…ную фантазію по поводу какого-нибудь итальянскаго живописца …той руки, оставившаго послѣ себя двѣ-три плохія картины, спря…ныя въ темныхъ углахъ третьестепенныхъ галлерей; никто теперь …воспоетъ, скоропостижно повергнувшись въ преувеличенный вос…гъ, сверхъестественныхъ кудрей какой-нибудь дѣвы, которой, мо…тъ-быть, даже никогда и на свѣтѣ не было; но, все-таки, сочини…льство не исчезло въ нашей литературѣ. Слѣды его, и довольно …ные, можно замѣтить въ произведеніяхъ многихъ нашихъ писа…лей; но въ Тютчевѣ его нѣтъ. Недостатки Тютчева другого рода: …него часто попадаются устарѣлыя выраженія, блѣдные и вялые …ки, онъ иногда какъ будто не владѣетъ языкомъ; внѣшняя сто…онъ его дарованія, та сторона, о которой мы упомянули выше, не …вольно, быть-можетъ, развита; но все это выкупается неподдѣль…стью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которое вѣетъ …ъ его страницъ; подъ напоромъ этого вдохновенія самый языкъ …ютчева часто поражаетъ читателя счастливой смѣлостью и почти …ушкинской красотой своихъ оборотовъ. Любопытно только наблю…ть, какимъ образомъ зарождались въ душѣ автора тѣ, въ сущно…и немногочисленныя стихотворенія (ихъ болѣе ста), которыми онъ …кончилъ пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его …тихотвореніе начиналось мыслью, но мыслью, которая, какъ огнен…ая точка, вспыхивала подъ вліяніемъ глубокаго чувства или силь…аго впечатлѣнія: вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, …йства происхожденія своего, мысль Тютчева никогда не является …тателю нагою или отвлеченною, но всегда сливается съ образомъ, …взятымъ изъ міра души или природы, проникается имъ и сама его …проникаетъ нераздѣльно и неразрывно. Исключительно, почти мгно…енно, лирическое настроеніе поэзіи Тютчева заставляетъ его выра…аться сжато и кратко, какъ бы окружить себя стыдливо-тѣсной и …ящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, …итыя вмѣстѣ, и онъ большею частью высказываетъ ихъ единымъ

образомъ, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что онъ не думаетъ ни щеголять своимъ ощущеніемъ передъ другими, ни играть имъ передъ самимъ собой. Въ этомъ смыслѣ поэзія его заслуживаетъ названія дѣльной, т.-е. искренней, серьезной. Самыя короткія стихотворенія Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно; но онъ, говоря языкомъ, не совсѣмъ принятымъ въ хорошемъ обществѣ, *не выѣзжаетъ* въ немъ, не принимается компанировать и раскрашивать свои фигуры. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бываютъ натянуты и холодны у Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ — плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и дается ему. Стихотворенія Тютчева, почерпнутыя имъ изъ собственнаго родника, какъ-то: «Наполеонъ» и др., намъ нравятся менѣе. Въ дарованіи Тютчева нѣтъ никакихъ драматическихъ или эпическихъ началъ, хотя умъ его, безспорно, проникъ во всѣ глубины современныхъ вопросовъ исторіи.

Со всѣмъ тѣмъ, популярности мы не предсказываемъ Тютчеву — той шумной, сомнительной популярности, которой, вѣроятно, Тютчевъ нисколько не добивается. Талантъ его, по самому свойству своему, не обращенъ къ толпѣ и не отъ нея ждетъ отзыва и одобренія; для того, чтобы вполнѣ оцѣнить Тютчева, надо самому читателю быть одареннымъ нѣкоторой тонкостью пониманія, нѣкоторою гибкостью мысли, не остававшейся слишкомъ долго праздной. Фіалка своимъ запахомъ не разитъ на двадцать шаговъ кругомъ: надо приблизиться къ ней, чтобы почувствовать ея благовоніе. Мы, повторяемъ, не предсказываемъ популярности Тютчеву; но мы предсказываемъ глубокое и теплое сочувствіе всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога русская поэзія, такія стихотворенія, каковы —

«Пошли Господь Свою отраду...»

и другія, пройдутъ изъ конца въ конецъ Россію и переживутъ многое въ современной литературѣ, что теперь кажется долговѣчнымъ и пользуется шумнымъ успѣхомъ. Тютчевъ можетъ сказать себѣ, что онъ, по выраженію одного поэта, создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть; а для истиннаго художника выше подобнаго сознанія нѣтъ награды нѣтъ.

Тургеневъ.

Поэзія Тютчева.

Говорятъ, что въ нѣдрахъ русской земли скрывается много естественныхъ богатствъ, которыя остаются безъ употребленія и даже безъ описанія. Это можетъ, конечно, объясняться огромнымъ объемомъ страны. Болѣе удивительно, что въ небольшой области русской литературы тоже существуютъ такія сокровища, которыми мы не пользуемся и которыхъ почти не знаемъ. Самымъ драгоцѣннымъ изъ этихъ кладовъ я считаю лирическую поэзію Тютчева. Этого несравненнаго поэта, которымъ гордилась бы любая литература, хорошо знаютъ у насъ только немногіе любители поэзіи, огромному же большинству даже «образованнаго» общества онъ извѣстенъ только по имени да по двумъ-тремъ (далеко не самымъ лучшимъ) стихотвореніямъ, помѣщаемымъ въ хрестоматіяхъ или положеннымъ на музыку. Я часто слышалъ восторженные отзывы о стихотвореніяхъ Тютчева отъ Льва Толстого и отъ Фета; Тургеневъ въ своей краткой рецензіи называетъ Тютчева «великимъ поэтомъ»; Ап. Григорьевъ упоминаетъ о немъ, говоря о нашихъ поэтахъ, особенно отзывчивыхъ на жизнь природы; но спеціальнаго разбора или объясненія его поэзіи до сихъ поръ не существуетъ въ нашей литературѣ, хотя прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ его смерти. Превосходное сочиненіе И. С. Аксакова есть, главнымъ образомъ, біографія и характеристика личности и славянофильскихъ взглядовъ поэта. Въ настоящемъ очеркѣ я беру поэзію Тютчева по существу, чтобы показать ея внутренній смыслъ и значеніе. Прежде всего бросается въ глаза при знакомствѣ съ нашимъ поэтомъ созвучіе его вдохновенія съ жизнью природы,—совершенное воспроизведеніе имъ физическихъ явленій, какъ состояній и дѣйствій живой души. Конечно, всѣ дѣйствительные поэты и художники чувствуютъ жизнь природы и представляютъ ее въ одушевленныхъ образахъ; но преимущество Тютчева передъ многими изъ нихъ состоитъ въ томъ, что онъ вполнѣ и сознательно *вѣрилъ* въ то, что чувствовалъ; ощущаемую имъ живую красоту принималъ и понималъ не какъ свою фантазію, а какъ *истину*. Эта вѣра и это пониманіе стали рѣдки въ новое время, — мы не находимъ ихъ даже, напримѣръ, у такого сильнаго поэта и тонкаго мыслителя, какъ Шиллеръ. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Боги Греціи» онъ предполагаетъ, что природа только *была* жива и прекрасна въ *воображеніи* древнихъ, а на самомъ дѣлѣ она лишь мертвая машина. Смерть эллинской миѳологіи была для Шиллера смертью самой природы; вмѣстѣ съ прекрасными богами Греціи исчезла и душа міра, оставивъ только свою тѣнь въ художественныхъ памятникахъ классической древности. Тютчевъ не вѣрилъ въ эту смерть природы, и ея красота

не была для него пустымъ звукомъ. Ему не приходилось *искать* душу міра и безотвѣтно привѣтствовать отсутствующую: она сама сходилась *съ* нимъ и въ блескѣ молодой весны, и въ «свѣтлости осеннихъ вечеровъ»; въ сверканьи пламенныхъ зарницъ и въ шумѣ ночного моря она сама намекала ему на свои роковыя тайны. И безъ греческой миѳологіи міръ былъ полонъ для него и величья, и красы, и красокъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Живое отношеніе къ природѣ есть существенный признакъ поэзіи вообще, отличающій ее отъ двоякой прозы: житейско-практической и отвлеченно-научной. Въ минуты настоящаго поэтическаго вдохновенія и Шиллеръ забывалъ, конечно, о часовомъ механизмѣ и о законѣ тяготѣнія—и отдавался непосредственнымъ впечатлѣніямъ природной красоты. Но у Тютчева, какъ я уже замѣтилъ, важно и дорого, что онъ не только *чувствовалъ*, а и *мыслилъ, какъ* поэтъ; что онъ былъ *убѣжденъ* въ *объективной* истинѣ поэтическаго воззрѣнія на природу.

Какъ бы прямымъ отвѣтомъ на шиллеровскій похоронный гимнъ мнимо-умершей природѣ служитъ стихотвореніе Тютчева:

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней *есть* душа, въ ней *есть* свобода,
Въ ней *есть* любовь, въ ней *есть* языкъ.

Вовсе не высшее знаніе, а только собственная слѣпота и глухота заставляетъ людей отрицать внутреннюю жизнь природы:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ впотьмахъ,
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была;
И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза...

Хаосъ, т.-е. отрицательная безпредѣльность, зіяющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, возстающіе противъ всего положительнаго и должнаго, — вотъ глубочайшая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій процессъ вводитъ эту хаотическую стихію въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ ее разумнымъ законамъ, постепенно воплощая въ ней идеальное содержаніе бытія, давая этой дикой жизни смыслъ и красоту. Но

введенный въ предѣлы всемірнаго строя хаосъ даетъ о себѣ знать мятежными движеніями и порывами. Это присутствіе хаотическаго, ирраціональнаго начала въ глубинѣ бытія сообщаетъ различнымъ явленіямъ природы ту свободу и силу, безъ которыхъ не было бы и самой жизни и красоты. Жизнь и красота въ природѣ—это борьба и торжество свѣта надъ тьмой, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобъ темная сила была уничтожена въ торжествѣ міровой гармоніи; достаточно, чтобы свѣтлое начало овладѣло ею, подчинило ее себѣ, до извѣстной степени воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство. Такъ безбрежное море въ своемъ бурномъ волненіи *прекрасно*, какъ проявленіе и образъ мятежной жизни, гигантскаго порыва стихійныхъ силъ, введенныхъ, однако, въ незыблемые предѣлы, не могущихъ расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить его строя, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ.

Какъ хорошо ты, о море ночное,—
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое
Ходитъ и дышитъ и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты.

Хаосъ, т.-е. само безобразіе, есть необходимый фонъ всякой земной красоты, и эстетическое значеніе такихъ явленій, какъ бурное море, или ночная гроза, зависитъ именно отъ того, что «подъ ними хаосъ шевелится». Въ изображеніи всѣхъ этихъ явленій природы, гдѣ яснѣе чувствуется ея темная основа, Тютчевъ не имѣетъ себѣ равныхъ.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Этотъ поразительный образъ геніально заканчивается поэтомъ в другомъ стихотвореніи:

Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ *демоны глухонѣмые*
Ведутъ бесѣду *межъ собой.*
Какъ по условленному знаку
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступятъ изъ мраку
Поля и дальніе лѣса.
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы *таинственное дѣло*
Рѣшалось тамъ на высотѣ.

Глубокое и сознательное убѣжденіе въ дѣйствительной, а не воображаемой только, одушевленности природы избавляло нашего поэта отъ того раздвоенія между мыслью и чувствомъ, которымъ съ прошлаго вѣка и до послѣдняго времени страдаетъ большинство художниковъ и поэтовъ.

Простодушно принимая механическое міровоззрѣніе за всенаучное и единственно-научное, а потому несомнѣнное, вѣря ему на слово, эти служители красоты *не вѣрятъ въ свое дѣло.* Какъ художники, они передаютъ намъ жизнь и душу природы, но при этомъ въ умѣ своемъ убѣждены, что она безжизненна и бездушна, что ихъ чувство и вдохновеніе ихъ обманываетъ, — что красота есть субъективная иллюзія. А на самомъ дѣлѣ иллюзія только въ томъ, что отраженіе ходячихъ мнѣній на поверхности ихъ сознанія принимается ими за нѣчто болѣе достовѣрное, чѣмъ та истина, которая открывается въ глубинѣ ихъ собственнаго поэтическаго чувства.

Понятно, что при такомъ невѣріи самихъ поэтовъ въ свое дѣло простые смертные пріучаются смотрѣть на поэзію (и на художественную красоту вообще), какъ на праздный вымыселъ, и про всякую идею, возвышающуюся надъ житейской плоскостью, говорить: «это только поэзія!»—разумѣя: «это вздоръ и пустяки!» И кто же, въ самомъ дѣлѣ, станетъ придавать серьезное значеніе тому божеству, въ которомъ сами жрецы видятъ только пріятный вымыселъ?

Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчитъ вдохновенію и которые думаютъ, что истина есть только одна механика, — такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли разсуждать, у нихъ выходитъ отвлеченная и мертвая дидактика, вовсе не нуждающаяся въ «языкѣ боговъ». Тютчевъ былъ избавленъ отъ такого печальнаго положенія. Его умъ былъ вполнѣ согласенъ съ вдохно-

веніемъ: поэзія его была полна сознанной мысли, а его мысли находили себѣ только поэтическое, т.-е. одушевленное и законченное выраженіе

Дѣло поэзіи, какъ искусства вообще, — не въ томъ, чтобы «украшать дѣйствительность пріятными вымыслами живого воображенія», какъ говорилось въ старинныхъ эстетикахъ, а въ томъ, чтобы воплощать въ ощутительныхъ образахъ тотъ самый высшій смыслъ жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается въ формѣ ощутительной красоты то же совершенное содержаніе бытія, которое философіей добывается, какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать, какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же; между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ онѣ противорѣчить другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ — поэтической и научной такъ же не можетъ быть, какъ и двухъ исключающихъ другъ друга «высшихъ благъ», или цѣлей существованія. Слѣдовательно, правъ былъ нашъ поэтъ, когда прекрасное онъ сознательно принималъ и утверждалъ не какъ вымыселъ, а какъ предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу міра, былъ убѣжденъ въ дѣйствительности того, что чувствовалъ.

Убѣжденіе въ истинности поэтическаго воззрѣнія на природу и вытекающая отсюда цѣльность творчества, гармонія между мыслью и чувствомъ, вдохновеніемъ и сознаніемъ, составляетъ преимущество Тютчева, даже передъ такимъ значительнымъ поэтомъ-мыслителемъ, какъ Шиллеръ; но, разумѣется, это не есть *исключительное* преимущество нашего поэта, или специфическая особенность его поэзіи. И въ новой литературѣ далеко не всѣ поэты такъ довѣрчиво, какъ Шиллеръ, приняли механическое міровоззрѣніе, такъ легко усвоили дуализмъ Картезія или субъективизмъ Канта. Многіе продолжали и продолжаютъ сознательно вѣрить въ дѣйствительность жизни и красоты, не видя въ этомъ никакого противорѣчія съ маятникомъ Галилея или закономъ тяготѣнія Ньютона. Между великими европейскими именами достаточно назвать Шелли въ Англіи и особенно Гёте въ Германіи. Гёте, который былъ не только поэтъ и мыслитель, но и великій естествоиспытатель, положившій начало двумъ интереснѣйшимъ наукамъ, — сравнительной анатоміи животныхъ и морфологіи растеній — лучше, чѣмъ кто-либо другой, могъ видѣть всю недостаточность исключительно-механическаго объясненія вселенной, и въ

цѣломъ рядѣ великолѣпныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ: Gott und Velt, онъ прославляетъ душу міра и жизнь природы.

Конечно, Тютчевъ не рисовалъ такихъ грандіозныхъ картинъ міровой жизни въ цѣломъ ходѣ ея развитія, какую мы находимъ у Гёте, напримѣръ, въ стихотвореніи: «Vertheilet euch durch alle Regionen»... Но и самъ Гёте не захватывалъ, быть-можетъ, такъ глубоко, какъ нашъ поэтъ, *темный корень* мірового бытія, не чувствовалъ такъ сильно и не сознавалъ такъ ясно ту *таинственную основу всякой жизни*, природной и человѣческой, — основу, на которой зиждется и смыслъ космическаго процесса, и судьба человѣческой души, и вся исторія человѣчества. Здѣсь Тютчевъ, дѣйствительно, является вполнѣ своеобразнымъ и если не единственнымъ, то навѣрное самымъ сильнымъ во всей поэтической литературѣ. Въ этомъ пунктѣ — ключъ ко всей его поэзіи, источникъ ея содержательности и оригинальной прелести.

«Олимпіецъ» Гёте обнималъ своимъ орлинымъ взглядомъ величіе и красоту живой вселенной. Онъ зналъ, конечно, что этотъ свѣтлый, дневной міръ не есть первоначальное, что подъ нимъ скрыто совсѣмъ другое и страшное, но онъ не хотѣлъ останавливаться на этой мысли, чтобы не смущать своего олимпійскаго спокойствія. При такомъ односторонпемъ взглядѣ *смыслъ* вселенной не можетъ быть раскрытъ во всей своей глубинѣ и полнотѣ. Нашъ поэтъ одинаково чутокъ къ обѣимъ сторонамъ дѣйствительности; онъ никогда не забываетъ, что весь этотъ свѣтлый, дневной обликъ живой природы, который онъ такъ умѣетъ чувствовать и изображать, есть пока лишь «златотканный покровъ», расцвѣченная и позолоченная вершина, а не основа мірозданія:

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ,
День — земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!
Но меркнетъ день, настала ночь, —
Пришла — и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова,
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И *бездна* намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

«День» и «Ночь», конечно, только видимые символы двухъ сторонъ вселенной, которыя могутъ быть обозначены и безъ метафоръ.

Хотя поэтъ называетъ здѣсь темную основу міровданія «бездной *безымянной*», но ему сказалось и собственное ея имя, когда онъ прислушивался къ напѣвамъ ночной бури:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки.
О, *страшныхъ* пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ *безпредѣльнымъ* жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!..

Частныя явленія суть знаки общей сущности. Поэтъ умѣетъ читать эти знаки и понимать ихъ смыслъ. «Таинственное дѣло», заговоръ «глухонѣмыхъ демоновъ» — вотъ начало и основа всей міровой исторіи. Положительное, свѣтлое начало космоса сдерживаетъ эту темную бездну и постепенно преодолѣваетъ ее. Въ послѣднемъ, высшемъ произведеніи мірового процесса — человѣкѣ — внѣшній свѣтъ природы становится внутреннимъ свѣтомъ сознанія и разума,—идеальное начало вступаетъ здѣсь въ новое, болѣе глубокое и тѣсное сочетаніе съ земной душою; но соотвѣтственно этому глубже раскрывается въ душѣ человѣка и противоположное демоническое начало хаоса.

Ту темную основу міровданія, которую онъ чувствуетъ и видитъ во внѣшней природѣ подъ «златотканнымъ покровомъ» космоса, онъ находитъ и въ своемъ собственномъ сознаніи, —

И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ
Онъ узнаетъ *наслѣдье роковое*.

Главное проявленіе душевной жизни человѣка, открывающее ея смыслъ, есть любовь, и тутъ опять нашъ поэтъ сильнѣе и яснѣе другихъ отмѣчаетъ ту самую демоническую и хаотическую основу, въ которой онъ былъ чуткъ въ явленіяхъ внѣшней природы. Этому вовсе не противорѣчитъ прозрачный одухотворенный характеръ тютчевской поэзіи. Напротивъ, чѣмъ свѣтлѣе и духовнѣе поэтическое созданіе, тѣмъ глубже и полнѣе, значитъ, было прочувствовано и пере-

жито то темное, *не*-духовное, что требуетъ просвѣтленія и одухотворенія.

Жизнь души, сосредоточенная въ любви, есть по основѣ своей *злая* жизнь, смущающая миръ прекрасной природы:

Что это, другъ? Иль злая жизнь не даромъ —
Та жизнь—увы!—что въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь съ ея мятежнымъ жаромъ
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Эта злая и горькая жизнь любви убиваетъ и губитъ:

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй.

И это не есть случайность, а роковая необходимость земной любви, ея *предопредѣленіе*.

Любовь, любовь, — гласитъ преданье, —
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ соединенье, сочетанье,
И роковое ихъ сліянье,
И поединокъ роковой!
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердецъ,
Тѣмъ непзбѣжнѣй и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изноетъ наконецъ.

«Злая жизнь», превращающая самую любовь въ роковую борьбу, должна кончиться смертью. Но въ чемъ же тогда смыслъ существованія?

Смыслъ природы былъ въ созданіи разумнаго существа — человѣка. Но разумъ въ природномъ человѣкѣ оказывается лишь формальнымъ преимуществомъ; онъ не въ силахъ овладѣть самою жизнью, сдѣлать ее разумною и безсмертною; на зло разуму и на погибель человѣка поднимается и въ немъ демоническое и хаотическое безуміе. Какъ въ міровомъ процессѣ природы темное начало хаоса преодолѣвалось внѣшнимъ образомъ, чтобы произвести свѣтлое мірозданіе, увѣнчанное явленіемъ человѣческаго разума, такъ теперь та же самая темная основа, открывшаяся на новой, высшей ступени въ жизни и сознаніи человѣка, должна быть побѣждена внутреннимъ образомъ, въ самомъ человѣчествѣ и при его собственномъ содѣйствіи. Достойная и вѣчная жизнь, которая требуется, но не дается разумомъ, должна быть добыта духовнымъ подвигомъ. Носитель мірового смысла не можетъ имѣть свой смыслъ *внѣ* себя. Если я, какъ человѣкъ, могу

понимать откровеніе абсолютнаго совершенства и сознательно стремиться къ нему, то зачѣмъ же мнѣ переставать быть человѣкомъ, чтобы достигнуть этого совершенства? Если мое сознаніе, какъ форма, можетъ вмѣстить безконечное, то зачѣмъ же мнѣ искать другой формы? Очевидно, я долженъ быть не сверхчеловѣкомъ, а только совершеннымъ человѣкомъ, т.-е. соотвѣтствующимъ въ дѣйствительности идеалу человѣчности. Смыслъ человѣка есть онъ самъ, но только не какъ рабъ и орудіе злой жизни, а какъ ея побѣдитель и владыка. Если загадка мірового сфинкса разрѣшена явленіемъ природнаго человѣка, то загадка новаго сфинкса—души и любви человѣческой разрѣшается явленіемъ духовнаго человѣка, дѣйствительнаго и вѣчнаго царя мірозданія, покорителя грѣха и смерти. И какъ первое явленіе разумнаго сознанія произошло въ природѣ и *изъ* природы, но *не отъ* природы, а отъ того разума, который изначала устроялъ самую природу для этого явленія и цѣлесообразно направлялъ естественный ходъ всемірнаго процесса, — подобнымъ образомъ и первое явленіе совершенной духовной жизни произошло въ человѣчествѣ и *изъ* человѣчества, но *не отъ* человѣчества, а отъ Того, Кто изначала вложилъ въ свой образъ и подобіе зародышъ высшаго совершенства и какъ Грядущій приготовлялъ чрезъ всю исторію необходимыя условія своего дѣйствительнаго воплощенія.

Примкнуть къ «Вождю на пути совершенства», замѣнить роковое и убійственное наслѣдіе древняго хаоса духовнымъ и животворнымъ наслѣдіемъ новаго человѣка, или Сына человѣческаго,—первенца изъ мертвыхъ, — вотъ единственный исходъ изъ «злой жизни», съ ея кореннымъ раздвоеніемъ и противорѣчіемъ, — исходъ, котораго не могла миновать вѣщая душа поэта:

О, вѣщая душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!..
Такъ, ты жилище двухъ міровъ,
Твой день — болѣзненный и страстный,
Твой сонъ — пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...
Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть...

«Роковое наслѣдіе» темныхъ силъ въ нашей душѣ не есть что-нибудь личное, оно одинаково принадлежитъ человѣчеству; таково же и духовное наслѣдіе Христово: оно явилось не для одиночнаго утѣшенія отдѣльнаго человѣка, а для спасенія всего человѣчества. Но

что такое это человѣчество, въ чемъ оно реально воплощается, гдѣ его дѣйствительное единство? На это у Тютчева былъ опредѣленный отвѣтъ, который я здѣсь только укажу, не оспаривая и не подтверждая его.

Какъ во всей природѣ нашъ поэтъ признавалъ живую душу, которою держится единство и цѣлость міра, подобнымъ же образомъ онъ признавалъ и живую душу человѣчества и видѣлъ ее въ Россіи. Какъ, по словамъ одного учителя Церкви, душа человѣческая *по природѣ* христіанка, такъ Тютчевъ считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ. Такъ какъ смыслъ исторіи въ христіанствѣ, то Россія, какъ страна по преимуществу христіанская, призвана внутренно обновить и внѣшнимъ образомъ объединить все человѣчество. Для Тютчева Россія была не столько предметомъ любви, сколько вѣры: «въ Россію можно только вѣрить». Личныя чувства его къ родинѣ были очень сложны и многоцвѣтны. Было въ нихъ даже нѣкоторое отчужденіе, съ другой стороны, благоговѣніе къ религіозному характеру народа: «всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ Царь небесный исходилъ, благословляя», бывали въ нихъ, наконецъ, минутныя увлеченія самымъ обыкновеннымъ шовинизмомъ.

Тютчевъ не любилъ Россію тою любовью, которую Лермонтовъ называетъ почему-то «странною». Къ русской природѣ онъ скорѣе чувствовалъ антипатію. «Сѣверъ роковой» былъ для него «сновидѣньемъ безобразнымъ»; родныя мѣста онъ прямо называетъ *немилыми:*

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста не милыя, хотя и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые
. . . . . .
Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ,—
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ...

Значитъ, его вѣра въ Россію не основывалась на непосредственномъ органическомъ чувствѣ, а была дѣломъ сознательно выработаннаго убѣжденія. Первое, еще неопредѣленное, но зато высоко-поэтическое выраженіе этой вѣры онъ далъ еще въ молодости — въ прекрасномъ стихотвореніи: «На взятіе Варшавы». Въ своей борьбѣ съ братскимъ народомъ Россія руководилась не звѣрскими инстинктами, а только необходимостью «державы цѣлость соблюсти», для того, чтобы

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать

И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.
И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя береть.
Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной мечтѣ.

Эта вѣра въ высокое призваніе Россіи возвышаетъ самого поэта надъ мелкими и злобными чувствами національнаго соперничества и грубаго торжества побѣдителей. Необычной у патріотическихъ пѣвцовъ гуманностью дышатъ заключительные стихи, обращенные къ Польшѣ:

Ты жъ, братскою стрѣлою пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ.
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода
Какъ фениксъ возродится въ немъ.

Позднѣе — вѣра Тютчева въ Россію высказывалась въ пророчествахъ болѣе опредѣленныхъ. Сущность ихъ въ томъ, что Россія сдѣлается всемірною христіанскою монархіей, —

. . . и не прейдетъ во вѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ.

Одно время условіемъ для этого великаго событія онъ считалъ соединеніе Восточной церкви съ Западной чрезъ соглашеніе Царя съ Папой, но потомъ отказался отъ этой мысли, находя, что папство несовмѣстимо со свободой совѣсти, т.-е. съ самою существенною принадлежностью христіанства.

Отказавшись отъ надежды мирнаго соединенія съ Западомъ, нашъ поэтъ продолжалъ предсказывать превращеніе Россіи во всемірную монархію, простирающуюся, по крайней мѣрѣ, до Нила и до Ганга съ Царьградомъ, какъ столицей. Но эта монархія не будетъ, по мысли Тютчева, подобіемъ звѣринаго царства Навуходоносорова, ея единство не будетъ держаться насиліемъ. По поводу извѣстнаго изреченія Бисмарка, Тютчевъ противопоставляетъ другъ другу *два единства:*

«Единство», возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней,
Быть можетъ спаено желѣзомъ лишь и кровью,
Но мы попробуемъ снаять его любовью,—
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

Великое призваніе Россіи предписываетъ ей держаться единства, основаннаго на духовныхъ началахъ; не гнилою тяжестью земного оружія должна она облечься, а «чистою ризою Христовою».

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ поетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?
Ты, риза чистая Христа...

Мнѣ остается только прибавить нѣсколько словъ, чтобы изъ патріотическихъ пророчествъ нашего поэта извлечь ихъ окончательный смыслъ.

Допустимъ, становясь на точку зрѣнія Тютчева, что Россія душа человѣчества. Но, какъ въ душѣ природнаго міра, и въ душѣ отдѣльнаго человѣка свѣтлое духовное начало имѣетъ противъ себя темную хаотическую основу, которая еще не побѣждена, еще не подчинилась высшимъ силамъ, которая еще борется за преобладаніе и влечетъ къ смерти и гибели, — точно такъ же, конечно, и въ этой собирательной душѣ человѣчества, т.-е. въ Россіи. Ея жизнь еще не опредѣлилась окончательно, она еще двоится, увлекаемая въ разныя стороны противоборствующими силами. Воплотился ли уже въ ней свѣтъ истины Христовой; спаяла ли она единство всѣхъ своихъ чистой любовью? Самъ поэтъ признаетъ, что она еще не покрыта ризою Христа.

Значитъ, можно сказать поэту, судьба Россіи зависитъ не отъ Царьграда и чего-нибудь подобнаго, а отъ исхода внутренней нравственной борьбы свѣтлаго и темнаго начала въ ней самой. Условіе для исполненія ея всемірнаго призванія есть внутренняя побѣда добра надъ зломъ въ ней, а Царьградъ и прочее можетъ быть только слѣдствіемъ, а никакъ не условіемъ желаннаго исхода. Пусть Россія, хотя бы безъ Царьграда, хотя бы въ настоящихъ своихъ предѣлахъ, станетъ христіанскимъ царствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова — царствомъ правды и милости, и тогда все остальное, навѣрное, приложится ей.

Вл. Соловьевъ.

Гр. Ал. Толстой.

Поэзія гр. Ал. Толстого.

Алексѣй Толстой, какъ и Тютчевъ, принадлежитъ къ числу поэтовъ-мыслителей; но въ отличіе отъ Тютчева — поэта исключительно *созерцательной* мысли, — гр. Ал. Толстой былъ поэтомъ мысли *воинствующей* — поэтомъ-борцомъ. Конечно, не въ смыслѣ внѣшней практической борьбы. Всякій истинный поэтъ невольно повинуется запрету, выраженному Пушкинымъ: «Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ». Но, оставляя въ сторонѣ житейскія и корыстныя битвы, поэтъ, «рожденный для вдохновенья», можетъ вдохновиться и на борьбу — достойную поэтическаго вдохновенія. Нашъ поэтъ боролся оружіемъ свободнаго слова за права красоты, которая есть ощутительная форма истины, и за жизненныя права человѣческой личности.

Самъ поэтъ понималъ свое призваніе, какъ борьбу:

Господь, меня готовя *къ бою*,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь...

Но именно потому, что путь, указанный поэту, былъ *правдивый*, и борьба на этомъ пути была борьбою за высшую правду, за интересы безусловнаго и вѣчнаго достоинства,—она возвышала поэта не только надъ житейскими и корыстными битвами, но и надъ тою партійной борьбой, которая можетъ быть безкорыстною, но не можетъ быть правдивою. По чувству правды Толстой не могъ отдаться всецѣло одному изъ враждующихъ становъ, не могъ быть партійнымъ борцомъ.

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь.

Для характеристики и оцѣнки поэта очень важенъ вопросъ объ отношеніи его собственной сознательной мысли къ его дѣлу: какъ онъ понималъ и за что принималъ поэзію? Съ этой точки зрѣнія всѣ поэты наши распредѣляются на три естественныя группы. Первая достаточно обозначается однимъ именемъ Пушкина. Здѣсь отношеніе мысли къ творчеству — непосредственное, органическое, въ процессѣ творчества сознаніе не отдѣляется отъ самаго дѣла, — нѣтъ никакого раздвоенія въ поэтической дѣятельности. Какъ чистый поэтъ, поэтъ-художникъ по преимуществу, Пушкинъ прямо даетъ намъ совершенные образцы красоты, не тревожась вопросомъ: что такое поэтическая красота, какъ она относится къ жизни, какое ея мѣсто и значеніе во вселенной? Несмотря на свой, правда, поверхностный, байронизмъ. Пушкинъ никогда не сомнѣвался въ правахъ красоты и поэтическаго міровоззрѣнія, а потому и не давалъ себѣ яснаго и полнаго отчета объ этихъ правахъ. Онъ и не бралъ совсѣмъ этого вопроса въ его общности и глубинѣ. Поэтическое вдохновеніе, по свидѣтельству Пушкина, есть нѣчто особенное или исключительное, не сливающееся съ повседневной жизнью. Драгоцѣнное показаніе великаго поэта о процессѣ творчества, важный фактъ психологическаго опыта имѣемъ мы въ извѣстныхъ стихахъ: «Пока не требуетъ поэта». Однако мы не можемъ сказать, чтобы и здѣсь выражалась самая сущность поэзіи. Самъ Пушкинъ не принималъ своихъ указаній въ слишкомъ строгомъ смыслѣ и не боялся имъ противорѣчить, когда, напримѣръ, въ «Памятникѣ» онъ объясняетъ общественную *пользу* своей поэзіи. Но опять-таки не въ этомъ собственный смыслъ поэзіи. Для пониманія этого смысла лучше намъ обращаться къ тому, что Пушкинъ *создалъ* въ поэзіи, чѣмъ къ тому, что онъ о ней говорилъ. Но онъ потому и есть несравненный представитель органическаго творчества среди нашихъ поэтовъ, что всѣ субъективные грѣхи его мысли оказались безсильными разложить живую цѣльность его поэзіи.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ рефлексія у поэтовъ второй группы — съ Баратынскимъ и Лермонтовымъ во главѣ. Здѣсь рефлексія проникаетъ въ самое творчество и, какъ постоянный, пребывающій и преодолѣвающій элементъ въ сознаніи поэта, разлагаетъ цѣльность его воззрѣнія и подрываетъ его художественную дѣятельность. Критическое, отрицательное отношеніе къ собственной жизни и къ окружающей средѣ — отношеніе болѣе или менѣе справедливое при данныхъ условіяхъ личныхъ и общественныхъ — обманчиво возводится здѣсь на степень безусловнаго принципа и становится господствующимъ настроеніемъ самой поэзіи. Отъ безсодержательности *своей* жизни заключая къ жизни *вообще*, эти поэты находятъ, что у нея нѣтъ смысла и цѣли; но въ такомъ случаѣ и поэзія, какъ высшій цвѣтъ жизни, есть безсмысленный обманъ, и въ концѣ всего остается только «пустая и глупая шутка».

Если бы отрицательная точка зрѣнія, на которую стали эти поэты разочарованія, была окончательнымъ выводомъ правильнаго мышленія, тогда, дѣйствительно, пришлось бы отказаться отъ поэзіи, какъ отъ обмана. На самомъ дѣлѣ и Баратынскій и Лермонтовъ, при весьма значительномъ, хотя и надорванномъ рефлексіей поэтическомъ талантѣ, были не столько мыслителями, сколько резонерами на почвѣ субъективныхъ впечатлѣній. Но заключеніе отъ собственной зубной боли къ негодности всего мірозданія не оправдывается логикой. Изъ двухъ названныхъ поэтовъ у Баратынскаго, какъ ума болѣе развитого и зрѣлаго, разочарованіе имѣетъ хотя нѣкоторую видимость объективныхъ основаній. Все разочарованіе Лермонтова происходило исключительно изъ непріятныхъ впечатлѣній отъ окружающей дѣйствительности, т.-е. отъ свѣтскаго общества въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Пятигорскѣ.

Несмотря на такую свою неосновательность, разочарованная поэзія явилась не даромъ. Субъективная неудовлетворенность имѣетъ огромное значеніе, какъ первый толчокъ къ работѣ сознанія и мышленія. Отрицательный моментъ необходимъ, ненормальна и безсмысленна только остановка на немъ, т.-е. *удовлетвореніе своей неудовлетворенностью*, — къ чему такъ склонны скептики и пессимисты. Будущность русской поэзіи зависѣла отъ того, хватитъ ли у нашихъ поэтовъ силы мысли, чтобы итти дальше субъективнаго отрицанія. Разъ мысль возбудилась, вопросы возникли, нельзя ужъ было просто вернуться къ прежней художественной непосредственности, къ органическому творчеству Пушкина. Тютчевъ сказалъ про него: «Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ». Именно такъ: нельзя забыть, но и нельзя повторить.

И жизненность русской поэзіи доказана тѣмъ, что она не остановилась на разочарованности Баратынскаго и Лермонтова, что послѣ нихъ появились поэты положительной мысли, сознательно понимавшіе значеніе красоты въ мірѣ, примирявшіе умъ съ творчествомъ, оправдывавшіе поэзію, какъ выраженіе истины. Глубокаго и своеобразнаго представителя этого третьяго рода, — который можно назвать *поэзіей гармонической мысли*, — мы находимъ въ Тютчевѣ; сюда же, несомнѣнно, принадлежитъ по основѣ своего міропониманія и Алексѣй Толстой, присоединяющій къ этой общей умственной основѣ, какъ свою отличительную особенность, элементъ *дѣятельной воли* и *борьбы*, почти отсутствующій въ поэтическихъ произведеніяхъ Тютчева. Этотъ *боевой* элементъ въ поэзіи Толстого дѣйствуетъ до нѣкоторой степени въ ущербъ силѣ и чистотѣ творчества, но зато дѣлаетъ его болѣе разнообразнымъ, яркимъ и доступнымъ.

Нашъ поэтъ называетъ себя «пѣвцомъ, *державшимъ стягъ* имя красоты». Онъ былъ не только мирнымъ ея жрецомъ, но и воинственнымъ рыцаремъ. Не ограничиваясь спокойнымъ отраженіемъ того, что являлось изъ «страны лучей», его творчество опредѣлялось еще движеніями воли и сердца, какъ реакція враждебнымъ явленіямъ:

Воспрянулъ я, и негодуя
Стихи текутъ. Такъ въ бурный день
Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
Сугубитъ блескъ своихъ огней,
И такъ рѣка, скалами сжата,
Бѣжитъ сердитѣй и звучнѣй.

Принявъ сознательной вѣрою высшій смыслъ жизни, ощутительное выраженіе котораго есть красота, поэтъ возмущался всѣмъ, что отрицало или оскорбляло этотъ смыслъ, и смѣло шелъ за него *противъ теченія*.

Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите во имя прекраснаго
Противъ теченія!
. . . . . .
Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своей гордынею,
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею,
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

Свой идеалъ поэта Толстой олицетворилъ въ историческомъ образѣ Іоанна Дамаскина, которому посвящено его первое значительное про-

изведеніе. Созданный для жизни духа, Іоаннъ не выноситъ мірской суеты, но его духовная потребность влечетъ его не къ созерцанію только, а и къ борьбѣ:

И раздавался ужъ не разъ
Его краснорѣчивый гласъ —
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой пенстовой и шумной.
Упорно съ ней боролся онъ,
И отъ Дамаска до Царьграда
Былъ, какъ боецъ за честь иконъ
И какъ художества ограда,
Давно извѣстенъ и почтенъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что Толстой впадаетъ въ анахронизмъ, приписывая Іоанну Дамаскину и его современникамъ заботы объ интересахъ художества. Но, ставши на точку зрѣнія нашего поэта, мы увидимъ, что онъ обнаружилъ здѣсь очень вѣрное и глубокое пониманіе дѣла. Вѣдь и собственный его интересъ къ искусству не былъ отвлеченно-техническимъ: и онъ видѣлъ въ немъ болѣе, чѣмъ изящную и пріятную внѣшность. Красота была для него дорога и священна, какъ сіяніе вѣчной истины и любви:

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ какъ солнце озарила,
И лишь на землю къ намъ ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.
И, порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты:
Намъ вѣстью лѣсъ о ней звучитъ отрадной
О ней потокъ гремитъ струею хладной
И говорятъ, качаясь, цвѣты.

Вопросъ о значеніи красоты сводится къ вопросу: возможно ли полное, окончательное выраженіе высшаго совершенства или реальное, ощутительное воплощеніе абсолютнаго въ опредѣленныхъ формахъ? Но это есть тотъ самый вопросъ, которымъ занимались и на который отрицательно отвѣчали иконоборцы. Они говорили, что ощутительное выраженіе абсолютнаго *невозможно*, настаивали на томъ, что *божественное неописуемо*, и на этомъ основаніи отвергали иконы. Здѣсь несомнѣнно отрицался, хотя и безсознательно, самый принципъ красоты и истинное значеніе художества. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ тѣ, которые считаютъ все эстетическое областью вымысла и праздной забавы. Такимъ образомъ, Толстой не ошибся: то, за что

онъ боролся противъ господствовавшаго въ его время теченія, было въ сущности то самое, за что Іоаннъ Дамаскинъ и его сторонники стояли противъ иконоборчества.

Истинный источникъ поэзіи, какъ и всякаго художества, — не во внѣшнихъ явленіяхъ и также не въ субъективномъ умѣ художника, а въ самобытномъ мірѣ вѣчныхъ идей или первообразовъ:

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
. . . . . .
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ,
Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
И какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ предъ тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы,
Стройныя словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значеньѣ, —
Ты жъ въ этотъ мигъ и внимай и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье.

Красота въ явленіяхъ внѣшняго міра есть только отраженіе той самобытной и вѣчной красоты:

И всѣ сокровища природы,
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И сшей тверди глубина, —
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.

Такой избранникъ можетъ и долженъ быть слѣпъ для внѣшняго міра, чтобы тѣмъ полнѣе отдаваться владѣющему имъ духу. Истинный художникъ не воленъ надъ своимъ творчествомъ. Причастный божеству, онъ одинокъ въ толпѣ и окруженъ въ безлюдьѣ и, какъ божество, даетъ всѣмъ отъ избытка внутренней жизни, не ожидая взаимности. Такова идея превосходной по содержанію и только мѣстами нѣсколько растянутой баллады «Слѣпой».

Князь съ дружиной, охотясь въ лѣсу, останавливается для полуденнаго отдыха и велитъ позвать изъ сосѣдней деревни убогаго слѣпого пѣвца. Когда тотъ приходитъ, охотники уже отдохнули и уѣхали; не замѣчая ихъ отсутствія, слѣпой вдохновляется и поетъ до ве-

чера, а когда узнаетъ, что пѣлъ одинъ, то нисколько этимъ не смущается:

Вопстину, если бъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни не могъ и тогда бъ перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило.
Пусть по слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлею князь удоволенъ;
Убогому нѣтъ не тяжелый былъ трудъ,
А пѣспя ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ.

Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей — онъ долженъ вѣщать,
Что̀ слышитъ подвластное ухо.
Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,—
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться?..

Вдохновенный художникъ, воплощая свои созерцанія въ чувственныхъ формахъ, есть связующее звено или посредникъ между міромъ вѣчныхъ идей или первообразовъ и міромъ вещественныхъ явленій. Художественное творчество, въ которомъ упраздняется противорѣчіе между идеальнымъ и чувственнымъ, между духомъ и вещью, есть земное подобіе творчества божественнаго, въ которомъ сливаются всякія противоположности, и божество проявляется какъ начало *совершеннаго* единства, — «единства себя и своего другого»:

Едино, цѣльно, недѣлимо,
Полно созданья своего,
Надъ нимъ и въ немъ, невозмутимо,
Царитъ отъ вѣка Божество.
Осуществилося въ немъ ясно,
Чего постичь не могъ никто:
Несогласимое согласно,
Съ грядущимъ прошлое слито,
Совмѣстно творчество съ покоемъ,
Съ невозмутимостью любовь,
И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
Ея созданья вновь и вновь.
Всемірнымъ полпая движеньемъ,
Она свѣтиламъ кажетъ путь,
Она нисходитъ вдохновеньемъ
Въ пѣвца восторженную грудь:

Цвѣтами рдѣя полевыми,
Звуча въ паденьѣ свѣтлыхъ водъ,
Она закопами живыми
Во всемъ, что движется, живетъ.
Всегда различна отъ вселенной,
Но вѣчно съ ней съединена,
Она для сердца песомнѣнна,
Она для разума темна.

«Разумомъ» называется здѣсь односторонне-аналитическій разсудокъ. Настоящій умозрительный разумъ не находится въ противорѣчіи съ сердцемъ.

Съ твердостью мысли, которая сдѣлала бы честь любому метафизику и богослову, нашъ поэтъ проводитъ идею всеединаго Божества между Сциллою и Харибдою—пантеизма и дуализма:

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
Нераздѣльно въ Немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струящаясь отъ Бога
Сила борется со тьмой;
Въ немъ могущества покой,
Вкругъ него временъ тревога.

Здѣсь устранена пантеистическая мысль о безразличіи всего въ Богѣ; но откуда же эта тьма и эта тревога, вызывающія силу Божію къ дѣйствію и къ борьбѣ?

Міроздапіемъ раздвинутъ,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ,
Божій образъ въ немъ дрожитъ;
И, всегда обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять.

Такая двойственность, несомнѣнно, есть основной фактъ міровой жизни; но этимъ только возбуждается новый вопросъ: какимъ образомъ дѣйствительность злого начала можетъ быть согласована съ всеединствомъ Божества? И тутъ мы находимъ у нашего поэта удовлетворительное рѣшеніе, насколько оно возможно въ предѣлахъ поэтической формы:

И усильямъ духа злого
Вседержитель волю далъ,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.

Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Міровданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество.

Торжество вѣчной жизни надъ смертью и свобода зла, какъ условіе еще большаго блага, этимъ устраняется противорѣчіе двухъ началъ и оправдывается всеединство Божіе.

Торжество вѣчной жизни — вотъ окончательный смыслъ вселенной. Содержаніе этой жизни есть внутреннее единство всего, или любовь, ея форма — красота, ея условіе — свобода.

Овладѣвъ сердцемъ поэта, любовь открылась ему, какъ сущность всего существующаго:

Меня, во мракѣ и пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо.
И съ горной выси я сошелъ
Проникнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.
И слышу я, какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
И съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,
И подъ древесною корой
Весною свѣжей и пахучей
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова.
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону.
И всюду звукъ и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало.

Но эта стихійная любовь, которою дышитъ все въ природѣ, есть только стремленіе, только тяготѣніе къ вѣчному царству любви и красоты. Дѣйствительно и окончательно пріобщиться къ этому царству можетъ только человѣческая личность, такъ какъ совершенное соединеніе можетъ быть только при сознательности и свободѣ. Для того-то и злому началу «Вседержитель волю далъ», чтобы чрезъ борьбу съ нимъ человѣкъ могъ *свободно* достигнуть совершенства. Безъ свободы и всякаго сознанія возможны многія блага для человѣчества—возможна общая сытость, безопасность, всякія матеріальныя наслажденія, — но все это блага низшаго разряда, доступныя и прочимъ животнымъ, и довольствоваться ими недостойно человѣка.

Истинно-*человѣческое* добро возможно только, когда человѣкъ приходитъ къ нему *самъ*, своею волею и сознаніемъ принимаетъ его. Сообщить человѣку извнѣ готовую истину, помимо его собственнаго мышленія и опыта, значило бы отнять внутреннее достоинство и у истины и у человѣка. Если бы можно было одарить людей какимъ высшимъ благомъ — готовымъ, извнѣ обезпеченнымъ благополучіемъ, безъ ихъ трудовъ и усилій, то этимъ бы только обнаружилось, что между счастливымъ человѣкомъ и сытымъ животнымъ нѣтъ существеннаго различія. Но на самомъ дѣлѣ оно есть. «Не влѣзешь силой въ совѣсть никому, и никого не вгонишь въ рай дубиной»,—ибо совѣсть, измѣняемая насиліемъ, перестала бы быть совѣстью, и рай по принужденію для всякаго человѣка, достойнаго этого имени, ничѣмъ не отличался бы отъ ада.

Доставить человѣку совершенство, помимо его собственнаго, свободнаго и сознательнаго участія, никому невозможно. Личная свобода или свобода самоопредѣленія, есть свойство, которое даетъ человѣку безусловное значеніе въ глазахъ Высшаго Существа.

Божество вѣчно *обладаетъ* полнотою совершенства; природа въ своихъ формахъ *отражаетъ* это совершенство и въ своей жизни *тяготѣетъ* къ нему; человѣкъ свободнымъ дѣломъ *достигаетъ* его для себя. Въ этомъ процессѣ совершенствованія, составляющемъ смыслъ человѣческой жизни, естественно различаются два полюса. Человѣкъ есть, во-первыхъ, самостоятельная особь, или индивидуальность, и, во-вторыхъ, нераздѣльная часть всемірнаго цѣлаго. Соотвѣтственно этому единичный человѣкъ можетъ не только совершенствовать самого себя (а черезъ это косвенно и окружающую среду), но и прямо содѣйствовать общему прогрессу того цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ, сознательно ставя его предметомъ своей дѣятельности. Естественное условіе для самосовершенствованія есть половая *любовь*, восполняющая человѣческую индивидуальность; реальное побужденіе къ участію въ дѣлѣ общаго прогресса есть *патріотизмъ* (въ широ-

комъ смыслѣ), т.-е. чувство солидарности съ извѣстнымъ собирательнымъ цѣлымъ, гражданскою общиной, народомъ, государствомъ, религіознымъ союзомъ, въ благѣ котораго *исторически* воплощалось для отдѣльнаго человѣка благо всемірное.

Не только половая любовь имѣетъ свои корни въ животномъ мірѣ, но то же должно сказать и про патріотизмъ (у животныхъ общественныхъ и стадныхъ). Судьба человѣка и человѣчества, наше возвышеніе надъ животностью, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ очеловѣченія и одухотворенія *этихъ* основныхъ факторовъ жизни, отъ перерожденія ихъ изъ слѣпыхъ инстинктовъ природы въ сознательные принципы достойнаго существованія. Преобладающая роль въ этомъ дѣлѣ естественно принадлежитъ духовнымъ вождямъ человѣчества — поэтамъ и мыслителямъ.

Въ поэзіи Алексѣя Толстого мотивы любви и патріотизма принадлежатъ къ самымъ характернымъ и симпатичнымъ. Только идеальная сторона любви выражается въ его стихотвореніяхъ на эту тему. Любовь есть сосредоточенное выраженіе,—въ личномъ живомъ сознаніи, — всемірной связи и высшаго смысла бытія; чтобы быть вѣрною этому своему значенію, она должна быть единою, вѣчною и неразрывною:

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить въ сіяньe правды вѣчной
Намъ врозь не суждено.

Дѣйствительныя условія земного существованія далеко не соотвѣтствуютъ этому высокому понятію любви; поэтъ не въ силахъ отмѣтить этого противорѣчія, но и не хочетъ ради него отказаться отъ своего идеализма, въ которомъ — высшая правда. Отсюда глубокая грусть, которою отмѣчены всѣ его любовныя стихотворенія, несмотря на общее преобладаніе бодрости, *мажорнаго* тона въ его поэзіи. Вполнѣ господствуетъ этотъ мажорный тонъ въ его историко-патріотическихъ стихотвореніяхъ.

Патріотизмъ—природное чувство, заставляющее насъ жить и дѣйствовать для блага того собирательнаго цѣлаго, къ которому мы принадлежимъ. Само чувство рѣшаетъ въ каждомъ случаѣ, *какое именно* изъ многихъ собирательныхъ цѣлыхъ, къ которымъ я такъ или иначе принадлежу или примыкаю, имѣетъ на меня *преимущественныя* верховныя права. Для огромнаго большинства людей нашего времени собирательное цѣлое, за которымъ ихъ собственное чувство признаетъ верховныя права, есть *отечество*, т.-е. кристаллизовавшаяся въ государственную форму народность или группа народности. *Это* цѣлое преимущественно передъ всѣми другими, есть настоящій предметъ

патріотизма (въ точномъ смыслѣ слова) и вытекающаго изъ него гражданскаго долга.

Но если нѣтъ для насъ сомнѣній въ томъ, что мы должны жить и дѣйствовать для блага своего отечества, то этимъ еще нисколько не рѣшается самый главный и важный вопросъ: въ чемъ же благо моего отечества, и что я долженъ дѣлать, чтобы служить ему? Только при крайнемъ слабоуміи и невѣжествѣ, или же при крайней недобросовѣстности, можно утверждать, что естественное стихійное чувство патріотизма само по себѣ достаточно, чтобы давать должное направленіе патріотической дѣятельности. На самомъ дѣлѣ патріотизмъ, какъ и всякое натуральное чувство, можетъ быть источникомъ и добра и зла. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что государства и народы какъ спасались патріотами, такъ отъ «патріотовъ» же и погибали. Сверхъ силы непосредственнаго чувства нужно еще патріотическое *сознаніе*, различающее истинное благо отечества отъ кажущагося и ложнаго. Это сознаніе имѣетъ различныя степени. Можно сказать, что степень сознанія у нашего поэта до сихъ поръ остается *высшею* сравнительно съ господствующими чувствами и представленіями.

Истинный патріотизмъ заставляетъ желать своему народу не только наибольшаго могущества, но, главное, наибольшаго достоинства, наибольшаго приближенія къ правдѣ и совершенству, т.-е. къ подлинному, безусловному благу. Это благо, согласно міросозерцанію нашего поэта, опредѣляется окончательно какъ единство въ свободной полнотѣ живыхъ силъ. Свободное достиженіе такого совершеннаго состоянія есть смыслъ человѣческаго существованія. Соотвѣтственно этому подвижная прогрессирующая жизнь общества и народа, основанная на свободѣ всѣхъ положительныхъ силъ, въ предѣлахъ общаго государственнаго единства, воплощающагося въ свободной нравственной личности государя, — вотъ патріотическій идеалъ нашего поэта. Прямая противоположность такому идеалу — насильственное, но всемогущее единство, подавляющее всякую частную особенность и самостоятельность.

Со всею живостью поэтическаго представленія и со всей энергіей борца за идею Толстой славилъ, въ прозѣ и въ стихахъ, свой идеалъ истинно-русской, европейской и христіанской монархіи и громилъ ненавистный ему кошмаръ азіатскаго деспотизма. Начало истиннаго національнаго строя онъ находилъ въ кіевской эпохѣ нашей исторіи; въ противоположность этому онъ съ яростной враждой относился къ московскому періоду. Самое прямое и цѣльное выраженіе своей патріотической идеи онъ далъ въ оригинальной балладѣ «Змѣй-Тугаринъ».

Совершенно независимо отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя принудили Россію перейти отъ «кіевскаго» строя къ «московскому», и вообще

независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ формъ, стоитъ вопросъ о тѣхъ нравственныхъ началахъ жизни, въ осуществленіи которыхъ окончательный смыслъ исторіи. Эти начала вошли въ Россію при ея крещеніи и спрашивается: гдѣ они сильнѣе чувствовались и вѣрнѣе понимались: въ Кіевѣ X—XII вѣковъ или въ Москвѣ XVI и XVII? Кто былъ ближе къ идеалу христіанскаго государя: Владиміръ Св. и Владиміръ Мономахъ, которыхъ совѣсть не мирилась съ казнью преступниковъ, или Иванъ IV, который такъ легко совмѣщалъ усердное благочестіе съ массовыми избіеніями и утонченными терзаніями невинныхъ людей? Тутъ дѣло вовсе не въ личной жестокости: ею вовсе не отличались такіе цари, какъ Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ, однако при нихъ не прекращались свирѣпыя казни дѣйствительныхъ и мнимыхъ преступниковъ (напр., сожженія старообрядцевъ). Ясно, что московская эпоха, какова бы ни была ея историческая необходимость въ другихъ отношеніяхъ, сопровождалась полнымъ затменіемъ нравственнаго сознанія, рѣшительнымъ искаженіемъ духовнаго образа человѣческаго, если не въ страдательной массѣ народной, то въ верхнихъ слояхъ, отдавшихся всецѣло грубому дѣланію внѣшней исторіи. Задачи истиннаго патріотизма не возвеличивать это тяжелое и мрачное прошлое, а стараться объ окончательномъ искорененіи изъ нашей жизни всѣхъ остатковъ и слѣдовъ пережитаго озвѣрѣнія:

> Неволя заставитъ пройти черезъ грязь, —
> Купаться въ ней свиньи лишь могутъ.

Какъ патріотъ-поэтъ, Толстой былъ въ правѣ избрать не историческую, а пророческую точку зрѣнія. Онъ не останавливался на матеріальныхъ необходимостяхъ и условіяхъ прошедшаго, а мѣрялъ его *сверху* нравственными потребностями настоящаго и упованіями будущаго. *И тутъ онъ не ошибался.* Для нашего настоящаго духовнаго исцѣленія и для нашихъ будущихъ задачъ нужны намъ, конечно, не монгольско-византійскія преданія московской эпохи, а развитіе тѣхъ христіанскихъ и истинно-національныхъ началъ, что какъ бы было *обѣщано и предсказано* свѣтлыми явленіями кіевской Руси.

А. Толстой былъ поэтъ-борецъ. Но это была не та борьба, которая отнимаетъ у человѣка духовную свободу, дѣлая его рабомъ какой-нибудь, хотя бы и великой, но все-таки внѣшней цѣли. Для кого высшая цѣль борьбы есть правда Божія, всеобъемлющая и надъ всѣмъ возвышающаяся, тотъ свободенъ возвыситься и надъ самой борьбою въ увѣренномъ сознаніи окончательнаго примиренія. Нашъ поэтъ не разъ въ своей жизни зналъ минуты такого высшаго успокоенія, но съ полной ясностью оно далось ему передъ концомъ

и выражено въ стихотвореніи, составляющемъ заключительный аккордъ всей его дѣятельности:

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; по подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ слышалось движенье.
Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горней дали;
Лѣсной чеберъ и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали.
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечетъ?
Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ,
То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!
Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ,
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньѣ бытія...
Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ.

Я не имѣлъ въ виду излагать и разбирать все написанное А. Толстымъ; я хотѣлъ только напомнить въ общихъ чертахъ существенное содержаніе его поэзіи. О многомъ хорошемъ и превосходномъ (напримѣръ, «Драконъ», «Алхимикъ», «Трилогія») я вовсе не упоминалъ, указывая только главное. При всемъ различіи возможныхъ эстетическихъ оцѣнокъ никто не усомнится, я увѣренъ, дать за поэта добрый

отвѣтъ на вопросъ, которымъ оканчивается одно изъ послѣднихъ его стихотвореній:

Всюду насталъ покой, прими жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты!
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По-совѣсти ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

Да! задача совершена имъ по-совѣсти, и содержаніе того, что имъ оставлено, важно и обильно. Какъ поэтъ, Толстой показалъ, что можно служить чистому искусству, не отдѣляя его отъ нравственнаго смысла жизни,—что это искусство должно быть чисто отъ всего низменнаго и ложнаго, но никакъ не отъ идейнаго содержанія и жизненнаго значенія. Какъ мыслитель, онъ далъ въ поэтической формѣ замѣчательно ясныя и стройныя выраженія старому, но вѣчно истинному платонически-христіанскому міросозерцанію. Какъ патріотъ, онъ горячо стоялъ за то именно, что всего болѣе нужно для нашей родины, и при этомъ — что еще важнѣе—онъ самъ представлялъ собою то, за что стоялъ: *живую силу свободной личности.*

У русскаго народа есть важныя добродѣтели преимущественно передъ народами Запада,—это именно тѣ, которыя общи намъ съ близкимъ намъ Востокомъ: созерцательность, покорность, терпѣніе. Этими добродѣтелями долго держалась наша духовная метрополія—Византія, однако онѣ не могли спасти ея. Значитъ, однихъ этихъ восточныхъ свойствъ и преимуществъ самихъ по себѣ — мало. Они не могутъ уберечь великую націю, если къ нимъ не присоединится тотъ другой элементъ, который, конечно, не чуждъ и Россіи, какъ странѣ европейской и христіанской, но по историческимъ условіямъ имѣлъ доселѣ у насъ (какъ и въ Византіи) лишь слабое развитіе,—я разумѣю *сознаніе безусловнаго человѣческаго достоинства, принципъ самостоятельной и самодѣятельной личности.*

Поэтъ, котораго мы теперь помянули, былъ однимъ изъ очень рѣдкихъ у насъ носителей этого истинно человѣческаго жизненнаго начала, въ развитіи котораго главное условіе будущности каждаго народа. И съ этой стороны его произведенія привлекательны и значительны своею искренностью: онъ стоялъ въ нихъ за то, что было глубоко заложено въ немъ самомъ, такъ какъ онъ самъ былъ сильною и свободною индивидуальностью, человѣкомъ внутренняго достоинства, чести и правды прежде всего. Эти качества не суть единственныя добродѣтели, но *безъ нихъ* всѣ прочія стоятъ немного; безъ нихъ отдѣльный человѣкъ есть только произведеніе одной внѣшней среды, а сама такая среда является стадомъ.

Вл. Соловьевъ.

Чеховъ.

Чеховъ любитъ изображать людей недѣлающихъ. Недѣланіе проникаетъ у него въ самые разнообразные круги общества и даже въ такую среду, демократическую и рабочую, гдѣ трудъ, казалось бы, является чѣмъ-то естественнымъ и привычнымъ. Студентъ Петя Трофимовъ зоветъ любимую дѣвушку и всѣхъ людей къ новой жизни, къ новой работѣ, къ необычайному труду, но самъ онъ никакъ не можетъ кончить университетскаго курса, самъ онъ ничего не дѣлаетъ и обидно безпомощенъ. Лишніе герои Чехова не вѣруютъ въ дѣло своей жизни и плетутся по ней съ потушенными огнями.

Но только ли словомъ укоризны должны мы бросить въ его недѣлающихъ людей? Или, быть-можетъ, ихъ бездѣйственное отношеніе къ міру въ своемъ послѣднемъ основаніи имѣетъ глубокій и глубоко-чистый источникъ?

Къ «недѣланію» призывалъ насъ еще раньше великій Толстой. Онъ не хотѣлъ, конечно, проповѣдывать лѣни, онъ не требовалъ отъ насъ, чтобы мы праздно сложили бездѣятельныя руки и предоставили міръ его собственному теченію. Но онъ говорилъ намъ, что шумная сутолока дѣла, работы, профессіи, отвлекаетъ насъ отъ мысли о великомъ и важномъ. Подхлестываемые бичомъ нужды и реальныхъ потребностей, мы бѣжимъ по землѣ, все время только строимъ жизнь, лѣпимъ изъ ея глины свои хрупкія подѣлки, но о ней не думаемъ; мы только воздвигаемъ подмостки для своей жизненной пьесы, и у насъ уже не остается досуга и силъ для того, чтобы сыграть ее самое. Намъ некогда. Въ суетѣ своего повседневнаго занятія и муравьинаго строительства мы не размышляемъ, объ его послѣдней цѣли и не предаемся безкорыстному созерцанію. И на закатѣ нашихъ торопливыхъ дней окажется, что, погруженные въ свое дѣло, мы ни разу не взглянули жизни въ ея мудрые, въ ея загадочные глаза, и мы уйдемъ изъ міра безъ міросозерцанія, уйдемъ въ тягостномъ недоумѣніи передъ его смысломъ и тайной. Зачѣмъ же дѣло безъ думы, зачѣмъ и куда мы спѣшили, во имя чего мы работали, не покладая рукъ, и, склоненные къ землѣ, никогда не смотрѣли въ небеса?

Безспорно, что подобныя мысли о великомъ недѣланіи должны были жить въ созерцательной душѣ Чехова, и потому онъ отворачивался отъ «ненужныхъ дѣлъ», изъ-за которыхъ жизнь становится «безкрылой». Устами своего художника онъ требуетъ, чтобы всѣ люди имѣли также время «подумать о душѣ, о Богѣ, могли пошире проявить свои духовныя способности». Онъ любитъ «умное, хорошее легкомысліе», онъ радъ за чудного старика о. Христофора, во всю

свою жизнь не знавшаго ни одного такого дѣла «которое, какъ удавъ, могло бы сковать его жизнь».

Кромѣ того, дѣлаютъ дѣятели, но дѣлаютъ и дѣльцы. Чеховъ дорогъ тѣмъ, что онъ не любитъ въ человѣкѣ дѣльца. Онъ презираетъ «дѣловой фанатизмъ», который заставляетъ не только дядю Егорушки, но и богатаго Варламова озабоченно «кружиться» по степи, между тѣмъ какъ эта степь исполнена такой волшебной красоты, такихъ несравненныхъ очарованій.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Да, Чеховъ какъ будто не любилъ, не понималъ дѣла. Онъ не жаловалъ дѣятеля, который себя сознаетъ и цѣнитъ, который хлопочетъ; онъ не любилъ строгой Лиды, которая бѣднымъ помогала вовсе не такъ граціозно и поэтически, какъ пушкинская Татьяна, и благодаря которой «на послѣднихъ земскихъ выборахъ прокатили Балагина». Онъ не воплотилъ гармоніи между дѣломъ и мыслью, и въ концѣ жизни знаменитаго профессора, выдающагося ученаго, оказывается, что онъ не имѣлъ общей идеи, бога живого человѣка, что духъ его какъ будто не участвовалъ въ искусной работѣ его знаній

и таланта. Дѣло рисовалось Чехову въ образѣ дѣльца, въ неприглядномъ видѣ Боркина, антипода Иванову; дѣло символизировалось для него ключами отъ хозяйства, кружовеннымъ вареньемъ, которое такъ удобно для экономическаго угощенія и которое, въ концѣ-концовъ, пропадаетъ, засахаривается, какъ у Варвары изъ «Оврага». Въ каждомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ непріятный оттѣнокъ хлопотливости и суеты, привкусъ какого-то шумнаго безпокойства, которое недостойно медлительной и величавой думы человѣка. И хозяйству, дѣлечеству онъ противополагалъ не дѣятельность, а бездѣліе. Дѣловитость весела, жизнерадостна и пошла, какъ Боркинъ, или же она глупа своей «бездарной и безжалостной честностью», какъ докторъ Львовъ или фонъ-Коренъ, а бездѣліе изящно, меланхолично, грустно, и оно поднимаетъ своихъ жрецовъ высоко надъ суетной толпой. Но Чеховъ и самъ чувствовалъ, какъ несправедливо такое распредѣленіе психологическихъ красокъ; онъ смутно сознавалъ, что не Боркиными ограничивается дѣло жизни, и что далеко не всѣ лишніе люди—люди желанные.

И все же иные его лишніе въ основномъ направленіи и настроеніи своего духа выше полезныхъ. Они погружены въ недѣланіе потому, что не спѣшатъ воспользоваться жизнью; они созерцаютъ, они думаютъ о ней, они чувствуютъ ее и тихо приближаются къ ея фактическому содержанію, — а торопливая жизнь между тѣмъ ускользаетъ, и они оказываются ненужными, обойденными; и вишневые сады, и женскія сердца переходятъ въ другія, болѣе расторопныя и цѣпкія руки. Жизнь не терпитъ раздумья, созерцанія, мысли; нѣтъ, она говоритъ человѣку: «Люби меня безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой». И непосредственныя натуры жадно приникаютъ къ ней своими немудрствующими устами. Въ этомъ, быть-можетъ, есть особая красота и мудрость, но это вырождается и въ элементарную привязанность къ текущей минутѣ, къ заботѣ и злобѣ дня; это— источникъ всяческаго мѣщанства, пошлости и рутины. И кто торопится навстрѣчу жизни, тотъ не станетъ думать о томъ, что̀ будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ, а лишніе объ этомъ грезятъ и тѣмъ безконечно возвышаются надъ жизнелюбивой толпой. Они не расчищаютъ себѣ дороги въ сутолокѣ человѣческаго торжища, они не толкаются и не «размахиваютъ руками». Они аристократы духа, и въ нихъ таится благородное наслѣдіе датскаго принца. Въ траурныхъ одеждахъ своей «тоски и думы роковой» не спѣша идутъ они среди торопливыхъ и, занятые своимъ внутреннимъ міромъ, не замѣчаютъ нестраго говора жизни. Воля, направленная на внѣшнее дѣло, дремлетъ у нихъ; зато не умолкаетъ нѣжное, тонкое чувство, и, «прижавшись къ праху въ сознаньи горькаго безсилія», они тоскуютъ по высшей красотѣ и правдѣ. Они не удовлетворены, и благо имъ за ихъ великую неудовле-

творенность! Они тяготѣютъ къ идеалу, къ своей нравственной «Москвѣ», и если, правда, они не прилагаютъ мощныхъ усилій къ тому, чтобы осуществить свои «безкрылыя желанья», если изъ-за этого они не дѣятели, то уже во всякомъ случаѣ они и не дѣльцы, не практики. На шумномъ поприщѣ людской корысти, среди крикливыхъ и суетливыхъ, среди разсчетливыхъ и умудренныхъ, они оказываются лишними людьми. Но какъ «премудрость міра — безумье предъ судомъ Творца» и не Марѳа, пекущаяся о многомъ, а Марія знаетъ единое на потребу, такъ, быть-можетъ, на высшую оцѣнку, иные изъ лишнихъ Чехова окажутся наиболѣе нужными.

Айхенвальдъ.

И не будемъ ихъ карать: вѣдь и безъ того они сами, они первые падаютъ жертвами своего безволія. Жизнь сама ихъ наказываетъ, и они гибнутъ. Простимъ ихъ бездѣятельность. 22 августа продадутъ ихъ вишневый садъ; люди предупреждаютъ ихъ объ этомъ, совѣтуютъ что-нибудь предпринять, — «думайте, думайте!» Но они ничего не предпринимаютъ. Для каждаго изъ насъ настанетъ свое 22 августа, день расплаты, день разлуки; но мы боремся противъ его грозящей тѣни и всячески его отодвигаемъ. А лишніе люди Чехова безропотно идутъ къ нему навстрѣчу. 22 августа продадутъ ихъ садъ, ихъ домъ, «стараго дѣдушку», — а вѣдь разстаться съ домомъ, это значитъ разбить свою душу, потому что «милый, наивный, старый» домъ Чеховъ всегда изображаетъ, какъ гнѣздо человѣческой души (онъ «много видалъ ихъ на своемъ вѣку, — большихъ и малыхъ, каменныхъ и деревянныхъ, старыхъ и новыхъ»): живыми глазами смотрятъ на него окна мезанина, и на вещахъ осѣдаетъ безмолвный отпечатокъ нашихъ интимныхъ настроеній.

Непрактичные и неспособные къ дѣлу, лишніе люди Чехова любятъ слова, — теплыя, высокія, хорошія слова, которыя живутъ въ каждой человѣческой груди, но стыдливо прячутся, потому что окружающая жизнь приметъ ихъ удивленно и холодно, — ей довольно словъ только будничныхъ и обыкновенныхъ. Между тѣмъ, хочется говорить.

Хочется говорить о чемъ-нибудь великомъ и важномъ, «о Шекспирѣ, о славѣ, о любви». Душа взволнована, жаждетъ слова. Изъ рамокъ временнаго и низменнаго стремится она къ высокому: это — одинъ изъ обычныхъ мотивовъ чеховской музы. И онъ находитъ себѣ осуществленіе не въ тѣхъ умныхъ разговорахъ и рѣчахъ, которые нерѣдко встрѣчаются на страницахъ у Чехова, недостаточно глубокіе и оригинальные,—нѣтъ, онъ сказывается преимущественно въ томъ чарующемъ лиризмѣ и въ тѣхъ порывахъ къ вѣчному, которые осѣняютъ его героевъ.

Но въ чеховскомъ городѣ, среди людей, «говорящихъ свою чепуху» и записывающихъ свои мысли въ жалобную книгу, книгу мудрости обывателей, — съ кѣмъ же можно говорить о Шиллерѣ, о славѣ, о любви? Въ пошломъ и мертвомъ царствѣ, которое удручало еще Гоголя, кто же отзовется на такой разговоръ? Для того, чтобы удовлетворить свою тоску по возвышенной бесѣдѣ, свое желаніе говорить и слышать великія слова, надо уйти отъ здоровыхъ и счастливыхъ, надо уйти отъ нормальныхъ въ палату № 6. Только тамъ среди безумныхъ и несчастныхъ, докторъ Андрей Ефимовичъ, которому часто снились умные люди и бесѣды, говорилъ и слышалъ то, что нужно человѣческому духу; только тамъ, въ зловѣщей палатѣ кошмара и страданія, нашелъ онъ сердце и великодушіе, которыхъ не было въ городѣ; и изъ однихъ безумныхъ, но благородныхъ устъ изливались тамъ пламенныя рѣчи о «насиліи, попирающемъ правду, о прекрасной жизни, какая со временемъ будетъ на землѣ, объ оконныхъ рѣшеткахъ, напоминающихъ каждую минуту о тупости и жестокости насильниковъ», и получалось «безпорядочное, нескладное попури изъ старыхъ, но еще недопѣтыхъ пѣсенъ».

И Чеховъ тоже звалъ жизнь, и для него она тоже была прекрасна. Въ этомъ заключается его благородное и великое своеобразіе. Писатель сумерекъ, онъ страстно любитъ солнце, и въ міръ пришелъ онъ, говоря словами поэта, чтобъ видѣть это солнце и синій кругозоръ. Онъ не брюзга и не пессимистъ. Затаенная, застѣнчивая радость жизни переливается въ его произведеніяхъ, и никто тоньше его не понималъ и не чувствовалъ всего, что есть на землѣ поэтичнаго и отраднаго. Въ лунномъ свѣтѣ меланхоліи, въ ея задумчивомъ колоритѣ изобразилъ онъ міръ, но міръ пріобрѣлъ отъ этого только новую красоту. Вѣдь «такъ хорошъ и мягокъ лунный свѣтъ», и чаруетъ даже его «колыбель» — кладбище съ бѣлыми крестами и памятниками; на кладбище «въ глубокомъ смиреніи смотрятъ съ неба звѣзды, сонныя деревья склоняютъ свои вѣтки надъ былымъ, и здѣсь нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны.

обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную». И среди могилъ, думается о прекрасномъ, о живомъ: «сколько здѣсь зарыто женщинъ и дѣвушекъ, которыя были красивы, очаровательны, которыя любили, сгорали по ночамъ страстью, отдаваясь ласкѣ, — и бѣлѣютъ уже не куски мрамора, а прекрасныя тѣла, которыя стыдливо прячутся въ тѣни деревьевъ»...

Чеховъ имѣлъ, какъ онъ выражается, продолжительныя очныя ставки съ тихими лѣтними ночами; онъ любилъ ту природу, которая боится «проспать свои лучшія мгновенья»; онъ любилъ тѣ минуты ея, когда наканунѣ праздника «собираются отдыхать и поле, и лѣсъ, и солнце, — отдыхать, быть-можетъ, молиться»; и когда онъ проѣзжалъ по унылой степи міра, ему приходили на память степныя легенды, всѣ прекрасныя грезы, которыми живетъ и дышитъ міръ, всѣ плѣнительныя сказки бытія, и тогда въ голубомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, чудилось ему «торжество красоты, молодость, расцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни, — душа давала откликъ прекрасной, суровой родинѣ и хотѣлось летѣть вмѣстѣ съ ночной птицей».

Полетъ ночной птицы надъ заснувшей землей былъ ему вообще отраденъ и дорогъ, потому что, кромѣ солнца, любилъ онъ и ночь, «благополучную ночь», когда «ангелы-хранители, застилая горизонтъ своими крыльями, располагаются на ночлегъ», и когда грезится Чехову какой-то млечный путь изъ человѣческихъ душъ. Онъ зналъ мистику ночи, и были понятны ему тютчевскіе мотивы, стихійное вѣяніе космическаго. Ночью міръ являетъ иное зрѣлище. Ночью міръ не пошлъ. Тогда спадаетъ съ него денная чешуя обыденности, и онъ становится глубже и таинственнѣе; вмѣстѣ съ звѣздами ярче и чище загораются огоньки человѣческихъ сердецъ — вѣдь «настоящая, самая интересная жизнь у каждаго человѣка проходитъ подъ покровомъ тайны, какъ подъ покровомъ ночи», и Чеховъ вообще понималъ людей глубже, чѣмъ они кажутся себѣ и другимъ.

Ночью земля принимаетъ загадочныя очертанія, и всѣ будничные предметы, всю спокойную прозу современности души претворяетъ въ идеальное. Далекіе огни въ полѣ напоминаютъ лагерь филистимлянъ; мнятся великаны и колесницы, запряженныя шестерками дикихъ, бѣшеныхъ коней; въ жизнь переходятъ рисунки изъ Священной исторіи, и встрѣчныхъ во тьмѣ спрашиваетъ Лина: «Вы святые?» — и тѣ не удивленные, отвѣчаютъ: «Нѣтъ, мы изъ Фирсанова». Глубокій, истинный міръ ночного разрушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства. Сближаются настоящее и прошлое. Одинокій огонь костра бросаетъ свой мистическій свѣтъ на далекое, на ушедшее, и въ нынѣшнюю ночь, близкую къ Пасхѣ, воскресаетъ другая, давнишн-

ныя, памятная міру ночь, въ Геѳсиманскомъ саду, — «воображаю: тихій-тихій, темный-темный садъ и въ тишинѣ едва слышатся глухія рыданія»: то рыдаетъ Петръ, трижды отрекшійся отъ Христа. А въ пасхальную ночь Чеховъ помнитъ того монаха Николая, «симпатичнаго поэтическаго человѣка», который выходитъ «по ночамъ перекликаться съ Іеронимомъ и пересыпалъ свои акаѳисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца»; онъ былъ не понятъ и одинокъ, мечтаетъ Чеховъ, у него были мягкія, кроткія и грустныя черты лица, и въ его глазахъ свѣтилась ласка и едва сдерживаемая дѣтская восторженность. Чеховъ съ невыразимой нѣжностью понимаетъ всю скорбь смиреннаго Іеронима, который потерялъ въ безвѣстномъ сочинителѣ акаѳистовъ своего друга и теперь, въ святую ночь, долженъ перевозить на поромѣ богомольцевъ, вмѣсто того, чтобы самому быть въ церкви, слушать пѣснопѣнія и жадно пить своей чуткой душой красоту святой фразы». Чеховъ понимаетъ его, потому что и самъ онъ своей чуткой душою тоскуетъ по нѣжной и сладкой красотѣ акаѳиста. И онъ тоже хотѣлъ бы воспѣть его міру, пересыпать его цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, «чтобы въ каждой строчечкѣ была мягкость и ласковость»...

И вообще въ глазахъ Чехова, въ его печальныхъ глазахъ, міръ былъ достоинъ акаѳиста. Чеховъ зналъ всю неуловимую отраду жизни, все обаяніе молодости, всю нѣгу страсти и любви, неотразимой и непобѣдимой, и прелесть утра, и наивную красоту, и умиленіе ребенка, и вѣчно свѣжій росистый садъ, и уютъ родного дома, и тонкія руки дѣвушки, просвѣчивающія сквозь кисейные рукава, и восторженную душу шестнадцатилѣтней Нади Зелениной, которая вернулась изъ театра послѣ «Евгенія Онѣгина» и вся дышитъ искрометнымъ счастьемъ, вся полна молодого смѣха. По его произведеніямъ разлита безпредѣльная нѣжность человѣческихъ отношеній, и всѣ эти сестры и братья, невѣсты и возлюбленные, дяди и племянницы говорятъ у него другъ другу такія сладкія и ласковыя слова, отъ которыхъ замираетъ очарованное сердце, — слова, за которыя полюбила Константина изъ «Степи» три года нелюбившая его красавица. И эту же нѣжность переноситъ онъ и на природу, и ему кажется, что даже «сонные тюльпаны и нрисы тянутся изъ темной травы, точно прося, чтобы и съ ними объяснились въ любви»...

Все это онъ зналъ и чувствовалъ, любилъ и благословлялъ, все это онъ опахнулъ своей лаской и озарилъ тихой улыбкой своего юмора. И въ то же время на него глядѣла и «тонкая красота человѣческаго горя», и вся его мрачная глубина; и въ то же время онъ былъ на Сахалинѣ и видѣлъ самый предѣлъ человѣческаго униженія и несчастія; и Сахалинъ былъ для него островомъ только географи-

чески, а въ нравственномъ смыслѣ вѣдь это все тотъ же материкъ нашей злополучной жизни, нашей духовной каторги.

Какой же здѣсь возможенъ синтезъ, и какъ дать міру общую оцѣнку, вынести ему опредѣленный приговоръ? Вы чувствуете, что гдѣ-то здѣсь, поблизости, въ степи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ вами, есть кладъ, есть счастье, но какъ его найти? Или счастье фантастично, и существуетъ оно гдѣ-то внѣ жизни? Быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ прикосновенія къ реальности блекнетъ всякій идеалъ, и «надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо»? Внѣжизненное, постороннее, созерцательное отношеніе къ жизни вѣдь такъ обычно для Чехова. Онъ не оставилъ цѣльнаго міровоззрѣнія, и намъ приходится самимъ выбирать между той радостью и той горестью жизни, которыя онъ одинаково изобразилъ въ своихъ книгахъ. Для ума здѣсь остается великое недоумѣніе, и спокойные цвѣта океана, природу ликующую или природу равнодушную мы не можемъ примирить съ тоскою и скорбью, съ немолчнымъ безпокойствомъ человѣка.

«Если бы знать... если бы знать»... вздыхаютъ сестры. Но мы не знаемъ. И тайна окружаетъ насъ. Порывы къ вѣчному, которое лучезарно, проникающая міръ красота, и плѣнъ у смерти и ужаса, рабство у временнаго и пошлаго, которое такъ опасно для духа: черезъ эту бездну, черезъ это роковое вліяніе можетъ перекинуть мостъ одна только вѣра.

И знаменательно то несомнѣнное, что не тѣ, кто стоитъ на берегу и видитъ чужую гибель, но сами гибнущіе, сами страдающіе все-таки славятъ у Чехова жизнь, надѣются на нее и трогательно питаютъ къ ней глубокое довѣріе. Въ тихую ночь вѣрится, что, какъ ни велико зло, «все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ природой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью».

Все на землѣ терпѣливо ждетъ сліянія съ правдой и милосердіемъ, — о, великое терпѣніе человѣчества! И дѣвушка, у которой разбили сердце, которая пережила застѣнчивую обиду и горе дурнушки, находитъ въ себѣ силы для того, чтобы утѣшать другого несчастнаго, своего дядю Ваню. Она вѣруетъ, вѣруетъ горячо, страстно. И она кладетъ свою утомленную голову на руки дядѣ и увѣряетъ его, что Богъ сжалится надъ ними, что они увидятъ жизнь свѣтлую и прекрасную, что они съ умиленіемъ и съ улыбкой оглянутся на свои теперешнія несчастья, — они отдохнутъ.

«Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ... Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... Мы отдохнемъ».

Все человѣчество, какъ бѣдный дядя Ваня, не знало въ своей жизни радостей, — оно утомлено за свои долгіе и страдальческіе вѣка. Его усталость Чеховъ изобразилъ въ краскахъ великой печали. Но онъ замѣтно мечталъ о безсмертномъ отдыхѣ человѣчества.

Вотъ уже скоро семь лѣтъ, какъ и самъ онъ отдохнулъ. Онъ отдохнулъ отъ грубости, которая его оскорбляла, отъ человѣческой скорби, которой питался его духъ, отъ смѣшного и горькаго, — онъ отдохнулъ. И мы не знаемъ, намъ Чеховъ не скажетъ, дѣйствительно ли онъ увидѣлъ все небо въ алмазахъ, дѣйствительно ли онъ услышалъ пѣніе ангеловъ: кто уходитъ изъ жизни, тотъ уноситъ съ собою великую тайну, великую разгадку тайны... Но мы знаемъ, что навѣрное дано Чехову безсмертіе у насъ въ душѣ, и она стремится къ нему, писателю идеала, въ идеальныхъ порывахъ своихъ, когда не замыкаютъ ея всяческіе ключи отъ хозяйства, когда, неудовлетворенная и неудовлетворимая, тоскуетъ она по красотѣ и вѣчности, по свѣтлой радости духа.

Онъ былъ другомъ живописца Левитана, который умеръ раньше его, и оба они встаютъ передъ нами въ какомъ-то ореолѣ скорбной задумчивости, оба, исполненные лиризма и печали, оба безвременно отнятые у жизни и Россіи. Невыразимой тоской тоскуетъ по нимъ русская земля и русская природа, полюбившая полюбившаго ее художника-еврея, — всѣ эти золотые плесы, незамѣтныя церковки, тихія обители, весь этотъ нѣжный фонъ для трехъ сестеръ и сиротливой чайки, для усталаго дяди Вани, для лишнихъ чеховскихъ людей съ одухотворенными лицами и больными сердцами. И зоветъ Чехова русская женщина, зоветъ его степь, которая давно томится и ждетъ своего пѣвца, зовутъ его юноши и дѣти. И особенно кажется, будто гдѣ-нибудь въ домѣ съ мезониномъ раскрывается окно и выглядываетъ изъ него блѣдная дѣвушка и держитъ она въ рукѣ книжку разсказовъ Чехова. И грезится ей, блѣдной дѣвушкѣ, будто въ тишинѣ лунаго вечера играетъ Чеховъ на какой-то волшебной скрипкѣ, и несутся издалека меланхолическіе звуки, и плачетъ задушевная элегія, — и сердце замираетъ въ истомѣ подъ эту плѣнительную музыку. Но самъ Чеховъ спитъ, спитъ на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря, около могилы своего отца, недалеко отъ дружественной могилы поэта Плещеева, и среди духовныхъ свѣтилъ Россіи тихими лучами юмора, печали и упованія сіяетъ надъ родной землею чистый образъ его, незакатная звѣзда его имени, — и не умолкаетъ на этой землѣ его грустная, его сладостная скрипка...

Айхенвальдъ.

„Вишневый садъ". Комедія А. П. Чехова.

«Вишневый садъ» — пьеса-элегія, нѣжная и хрупкая, и разсказывать ея содержаніе, это значитъ ее разрушать. Она прекрасна и внутренне-музыкальна не потому, чтобы въ ней была глубокая фабула или страстное движеніе, — она чаруетъ тонкостью своего психологическаго рисунка и мягкими переливами своего колорита. Подъ легкой дымкой показываетъ она мечтательность и волненіе грустящихъ человѣческихъ душъ,—и все равно, отъ чего происходитъ эта грусть: отъ того ли, что подъ ударами купеческихъ топоровъ падаютъ завѣтные вишневые сады и наглухо заколачиваются старыя дворянскія гнѣзда, отъ того ли, что вдругъ человѣку, «какъ это ни странно», оказывается уже пятьдесятъ одинъ годъ, или отъ того, что некуда дѣваться одинокому женскому сердцу и вмѣсто живого ребенка сиротливая, полубезумная женщина укачиваетъ свернутый узелъ и говоритъ ему тѣ ласковыя материнскія слова, которыхъ ей некому сказать: «Мой ребеночекъ, бай-бай, замолчи, мой хорошій, мой милый мальчикъ, мнѣ тебя такъ жалко». Всѣхъ гложетъ тоска по жизни, которая прошла или проходитъ, и даже старый Фирсъ, — старый потому, что онъ «живетъ давно», — Фирсъ испытываетъ такое ощущеніе, «словно и не жилъ». Всѣхъ жизнь обидѣла, обманула, сорвала зеленую листву молодости, подобно тому какъ неизбѣжная осень равнодушно оголила вишневыя деревья и сняла съ нихъ бѣлые цвѣты. Надорванное и усталое сердце похоже на заколоченный и опустошенный домъ: когда-то онъ былъ уютенъ и милъ, а теперь покинули его выросшія въ немъ надежды и мечты, и въ унылой пустотѣ его остались только горькое недоумѣніе, робкая и покорная неудовлетворенность. Для этого жизнь вовсе не должна была разразиться какой-нибудь изъ своихъ грозъ, послать какое-нибудь особое несчастіе; если бы даже не утонулъ въ рѣкѣ семилѣтній Гриша, сынъ Раневской, его мать все равно была бы печальна, такъ какъ въ самой жизни, въ ея медленномъ убываніи, въ ея неуклонномъ изсякновеніи, таится неизсякаемый источникъ печали. Развѣ для горя нужна особая трагическая катастрофа? Развѣ это не горе, что студентъ Петя Трофимовъ, недавно такой цвѣтущій и юный, теперь носитъ очки и смѣшонъ, и невзраченъ, и всѣ говорятъ ему: «отчего вы такъ подурнѣли? отчего постарѣли?» И какъ это грустно смотрѣть на бѣлый садъ, на длинную аллею, которая «блеститъ въ лунныя ночи», и думать о томъ, что дѣтство и чистота улетѣли навѣки, и грезить о

томъ, что «покойная мама идетъ по саду, въ бѣломъ платьѣ», — но это не мама, это «склонилось бѣлое деревцо, похожее на женщину».

«О, мое дѣтство, чистота моя! Въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастіе просыпалось вмѣстѣ со мной каждое утро, и тогда уже онъ былъ точно такимъ, ничего не измѣнилось. Весь, весь бѣлый. О садъ мой!.. Опять ты молодъ, полонъ счастія, ангелы небесные не покинули тебя. Если бы снять съ груди и плечъ моихъ тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!»

Ангелы небесные не покидаютъ вишневаго сада, и къ саду возвращается его бѣлая молодость, его чистая весна. Но безвозвратна весна человѣка, и воспоминаніе о ней, сознаніе ея утраты налагаютъ свою тѣнь на всю дальнѣйшую жизнь, и если даже эта жизнь будетъ долга, какъ жизнь Фирса, если она будетъ длинна, какъ длинная аллея, озаренная меланхолической луною, «идущая прямо, прямо, точно протянутый ремень», — все равно не забыть потерянной молодости, исчезнувшаго дѣтства, и старѣющій человѣкъ довѣрчиво прижмется къ своей сестрѣ и будетъ тихо плакать, вспоминая, какъ «по этой комнатѣ любила ходить покойная мать», какъ онъ самъ шестилѣтнимъ мальчикомъ «въ Троицынъ день сидѣлъ на этомъ окнѣ и смотрѣлъ, какъ отецъ шелъ въ церковь»...

Жизнь проходитъ,—это уже само по себѣ великая печаль, и отголосокъ ея неумолкаемо слышится во всѣхъ произведеніяхъ Чехова. Но, проходя, жизнь еще оставляетъ на груди и плечахъ у людей тяжелые камни. И давятъ сердце эти камни, и льются тихія человѣческія слезы.

Главный камень, гнетущій обитателей вишневаго сада, это — ихъ собственное безволіе. Они гибнутъ, и быть-можетъ, имъ не удалось бы спастись даже и въ томъ случаѣ, если бы натиску сломившей ихъ жизни они противопоставили энергію и рѣшимость. Но тогда они были бы, по крайней мѣрѣ, героями, борцами, — теперь же они отдаются въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія. Они только удивляются, какъ Симеоновъ-Пищикъ; они недоумѣваютъ. Вишневый садъ продадутъ за долги, тотъ самый «милый, нѣжный, прекрасный» садъ, о которомъ упоминается даже въ энциклопедическомъ словарѣ, — какъ это странно! Можно было бы избѣгнуть продажи вишневаго сада, если бы его владѣльцы что-нибудь предприняли, что-нибудь сдѣлали. Но они вообще ничего не дѣлаютъ.

Чеховъ любитъ изображать людей недѣлающихъ. Въ своей послѣдней комедіи онъ показалъ такую среду, недѣланіе которой объясняется исторически. Потому и уходятъ съ жизненной сцены прежніе хозяева вишневаго сада, что они на своемъ вѣку не работали. Но, разумѣется, нашего славнаго писателя интересуетъ гораздо больше психологическая сторона недѣланія, чѣмъ общественная. Погасающая

дворянская культура представляетъ для него только болѣе удобный и правдоподобный матеріалъ, изъ котораго могутъ быть вылѣплены образы людей, чуждыхъ дѣлу и безпомощныхъ передъ его строгими призывами. И элегія сумерекъ, элегія отлетающей жизни, конечно, лучше всего будетъ звучать въ такой средѣ, которая долго не знала отвлекающихъ заботъ и прозы рабочаго дня, которая не боролась за существованіе и могла спокойно растить изысканные цвѣты душевнаго самоуглубленія, изящной лѣни и печали, томныхъ воспоминаній и грезъ. Но у Чехова, какъ извѣстно, недѣланіе проникаетъ и въ совершенно другую сферу, — туда, гдѣ работа, казалось бы, является чѣмъ-то прирожденнымъ и естественнымъ. У Чехова не дѣлаютъ люди вполнѣ демократическаго склада, у него не дѣлаютъ студенты. Петя Трофимовъ говоритъ про себя, что онъ находится въ первыхъ рядахъ человѣчества, которое идетъ къ высшей правдѣ и къ высшему счастію; «вся Россія, — восклицаетъ онъ, — нашъ садъ», и къ новой жизни, къ новой работѣ, къ необычайному, непрерывному труду зоветъ онъ любимую дѣвушку и всѣхъ людей. Но самъ онъ никакъ не можетъ кончить университетскаго курса, самъ онъ ничего не дѣлаетъ, и весь онъ такой милый, но жалкій со своей бородой, которая ни за что не хочетъ расти, въ своихъ старыхъ калошахъ, которыя онъ разыскиваетъ съ чужою помощью и съ такимъ трагическимъ отчаяніемъ...

Что же? Только ли словомъ осужденія и укоризны должны мы бросить въ недѣлающихъ людей Чехова? Или, быть-можетъ, ихъ духовный творецъ въ самомъ этомъ недѣланіи и безвольности явилъ намъ отраженіе высшей красоты и благородства? Намъ кажется, что то мягкое освѣщеніе, которое даетъ Чеховъ своимъ безвольнымъ героямъ, что та бездѣятельность, на которую онъ ихъ обрекаетъ, въ своемъ конечномъ основаніи имѣютъ глубокій и глубоко-чистый источникъ.

Дѣлаютъ дѣятели, но дѣлаютъ и дѣльцы. Чеховъ дорогъ именно тѣмъ, что онъ не любитъ въ человѣкѣ дѣльца и не видитъ, не замѣчаетъ въ человѣкѣ по преимуществу дѣльца. Правда, и образъ дѣятеля почти отсутствуетъ въ произведеніяхъ Чехова. Нашъ писатель не воплотилъ той гармоніи между дѣломъ и мыслью, которая въ видѣ человѣческаго идеала носилась передъ умственнымъ взоромъ и душою Гёте, провозгласившаго устами Фауста: im Anfang war *die That!* Чеховъ рисуетъ такихъ людей, въ умѣ которыхъ тоскуя бродятъ спротливыя, блѣдныя идеи; онѣ не могутъ претвориться въ дѣло, облечься въ плоть и кровь, онѣ безплодно ищутъ для себя реальнаго пристанища; это — неестественное и томительное состояніе, такъ какъ элементарный психологическій законъ требуетъ, чтобы мысль обращалась въ движеніе, выходила наружу. У Чехова нѣтъ дѣятелей, — не только въ грандіозномъ смыслѣ этого слова, но

и въ обыкновенномъ. И потому у него такъ часто встрѣчаются люди, которые не вѣруютъ въ дѣло своей жизни; они не вложили въ него всей своей мысли, оно не поглотило ихъ вполнѣ, и оттого они болѣзненно воспринимаютъ жизнь, какъ скучную смѣну пустыхъ дней, и не имѣютъ Бога въ оспротѣлой душѣ. Это и создало Чехову славу пессимиста. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса, насколько она справедлива; для насъ важно только указать свѣтлую сторону этого явленія, — именно то, повторяемъ, что Чеховъ не склоненъ изображать въ человѣкѣ дѣльца. Его герои погружены въ недѣланіе потому, что они не спѣшатъ воспользоваться жизнью; они думаютъ о ней, они чувствуютъ ее и медленно приближаются къ ея фактическому содержанію, — а торопливая жизнь между тѣмъ ускользаетъ, и они оказываются лишними, ненужными, обойденными, и вишневые сады переходятъ въ другія, болѣе расторопныя и цѣпкія руки. Вѣдь жизнь не терпитъ раздумья, созерцанія, мысли, — нѣтъ, говоритъ она человѣку, «люби меня безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой». И непосредственныя натуры жадно припикаютъ къ ней своими немудрствующими устами. Въ этомъ есть особая красота и мудрость, но это нерѣдко вырождается и въ жадную привязанность къ текущей минутѣ, къ заботѣ и злобѣ дня; это — источникъ всяческаго мѣщанства, пошлости и рутины. И кто торопится навстрѣчу жизни, тотъ не станетъ думать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ, — а герои Чехова объ этомъ думаютъ и тѣмъ безконечно возвышаются надъ жизнелюбивой толпой. Они не расчищаютъ себѣ дороги въ сутолокѣ человѣческаго торжища, они не толкаются. Они — аристократы духа, и въ каждомъ изъ нихъ таится благородное наслѣдіе датскаго принца. Въ траурныхъ одеждахъ своей «тоски и думы роковой» медленно идутъ они по жизни и, занятые своимъ внутреннимъ міромъ, не замѣчаютъ ея пестраго и дѣловитаго шума. Воля, направленная на внѣшнее дѣло, тихо дремлетъ у нихъ; но зато не умолкаетъ, не засыпаетъ пытливая мысль и тонкое, нѣжное чувство. Пусть изъ-за этого они не дѣятели, но ужъ во всякомъ случаѣ они и не дѣльцы, не практики. Они воплощаютъ въ себѣ специфическое и лучшее свойство человѣчества, — способность къ теоріи, духовную жажду.

И такъ изображать человѣка — это со стороны писателя милое и трогательное довѣріе къ нему. Только Чеховъ могъ показать въ Ермолаѣ Лапахинѣ не простого кулака, какъ это показывали въ немъ другіе авторы, — только Чеховъ могъ придать ему все тѣ же облагораживающія черты раздумья и нравственной тревоги. Лапахинъ купилъ вишневый садъ, — какъ не купить того имѣнія, въ которомъ его дѣдъ и отецъ были рабами? Но онъ конфузится этого «происшествія»; ему совѣстно своего счастья, и онъ хотѣлъ бы заглушить

его музыкой; онъ съ горькой ироніей относится къ разрушительному дѣлу собственныхъ рукъ и восклицаетъ: «Приходите всѣ смотрѣть, какъ Ермолай Лопахинъ хватитъ топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья». Онъ размахиваетъ руками, и Петя Трофимовъ говоритъ ему: «Отвыкни отъ этой привычки размахивать. И тоже вотъ строить дачи, разсчитывать, что изъ дачниковъ со временемъ выйдутъ отдѣльные хозяева, разсчитывать такъ — это тоже значитъ размахивать». Но Трофимовъ не совсѣмъ справедливъ къ Лопахину, — вѣдь новый владѣлецъ вишневаго сада не только размахиваетъ. Напротивъ, это-то и характерно, что, въ чеховскомъ освѣщеніи, Лопахинъ сильно уклоняется отъ практическихъ требованій и отдаетъ много вниманія безполезному. Дѣла зовутъ его въ Харьковъ, и онъ все время собирается туда, какъ три сестры — въ Москву, но все же онъ долго не ѣдетъ въ Харьковъ и праздно разсуждаетъ о томъ, что хорошо было бы измѣнить нескладную жизнь, что Богъ «далъ намъ громадные лѣса, необъятныя поля, глубочайшіе горизонты и, живя тутъ, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами». Онъ даже «не прочь» жениться на Варѣ и все-таки не женится на ней — тоже потому, что въ немъ слишкомъ много раздумья и сомнѣній.

Если ужъ въ дѣлеческой натурѣ Лопахина Чеховъ открылъ черты совсѣмъ другого порядка, то въ людяхъ иного склада практицизмъ и вовсе отсутствуетъ. Передъ нами семья безпомощныхъ взрослыхъ дѣтей, которыя сами не могутъ пройти суровой жизненной дороги и до сѣдыхъ волосъ остаются «молоды-зелены» и нуждаются въ чужой указкѣ и попеченіи. Оттого и продали за долги вишневый садъ, хотя этого можно было избѣгнуть, оттого и должны были они проститься съ «милымъ домомъ, старымъ дѣдушкой». «Напоминаю вамъ, господа (увѣщеваетъ ихъ Лопахинъ), 22 августа будетъ продаваться вишневый садъ. Думайте объ этомъ. Думайте». Но они не думаютъ. Заботы о завтрашнемъ днѣ ихъ не безпокоятъ. Они питаются надеждами и ждутъ помощи не отъ самихъ себя: богатая тетка въ Ярославлѣ, миѳическій генералъ, съ которымъ обѣщали познакомить и который можетъ дать подъ вексель, англичане, которые найдутъ бѣлую глину въ ихъ землѣ, — вотъ что поддерживаетъ ихъ существованіе. И что всего замѣчательнѣе, спасители-генералы, англичане и бабушки иногда оказываются не миѳомъ, и благодаря имъ, напримѣръ, Пищикъ-Симеоновъ, дѣйствительно, получилъ возможность уплатить нѣкоторые изъ своихъ многочисленныхъ долговъ. Такъ живутъ они, менѣе всего похожіе на дѣльцовъ, и въ ихъ непрактичности, въ ихъ расточительности есть что-то наивно-привлекательное и чистое. Они «бросили въ колодецъ ключи отъ хозяйства» и ушли отъ суеты; они не размахиваютъ руками. И потому нельзя сердиться на Раневскую за то, что

она опять уѣзжаетъ въ дорогой Парижъ и будетъ тратить въ немъ тѣ деньги, которыя ярославская бабушка прислала совсѣмъ для другой цѣли. Среди расчетливыхъ и заботливыхъ эти люди не сѣютъ и не жнутъ; среди солидныхъ и умныхъ, среди хлопочущихъ и дѣловитыхъ они такъ мило-странны со своими танцами и фокусами, съ этой «Грѣшницей», которую декламируетъ начальникъ станціи. Они убѣждены, что какой-то философъ учитъ прыгать съ крышъ, и больше ничего. Ихъ собственная философія почти такъ же элементарна и такъ же плодотворна. Жизнь больно наказываетъ ихъ за позднее дѣтство, за незрѣлую безпечность, — и жизнь права; но жалко смотрѣть, какъ, понуривъ головы, тихо сходятъ они съ ея поколебленныхъ подмостковъ.

Непрактичные и неспособные къ дѣлу, они любятъ слова, — теплыя, высокія, хорошія слова, которыя живутъ въ каждой человѣческой груди, но цѣломудренно прячутся, потому что окружающая жизнь приметъ ихъ удивленно и холодно, — она требуетъ словъ только будничныхъ и обыкновенныхъ. Хочется говорить. Хочется говорить о чемъ-нибудь великомъ и важномъ; душа взволнована и жаждетъ слова. Изъ рамокъ временнаго и пошлаго стремится она къ высокому. Это — одинъ изъ обычныхъ мотивовъ чеховской музы, и онъ явственно звучитъ въ «Вишневомъ садѣ».

Говоритъ милый дядя, — такъ сказать, прирожденный, типичный дядя, Леонидъ. Быть-можетъ, въ немъ есть черты родства съ тургеневскимъ Рудинымъ; быть-можетъ, его тѣшитъ самый процессъ рѣчи. И это естественно, что говорить о высокомъ иногда смѣшно; и это понятно, что за отсутствіемъ другой аудиторіи Леонидъ говоритъ о декадентахъ половымъ. Онъ пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы высказаться и дать просторъ своимъ душевнымъ словамъ. Какъ хорошъ его спичъ, обращенный къ столѣтнему книжному шкапу: «Дорогой, многоуважаемый шкапъ! Привѣтствую твое существованіе, которое вотъ уже больше ста лѣтъ было направлено къ свѣтлымъ идеаламъ добра и справедливости. Твой молчаливый призывъ къ плодотворной работѣ не ослабѣвалъ въ теченіе ста лѣтъ, поддерживая въ поколѣніяхъ нашего рода бодрость, вѣру въ лучшее будущее и воспитывая въ насъ идеалы добра и общественнаго сознанія»! И когда бѣдный ораторъ навсегда покидаетъ свой старый домъ, «можетъ ли онъ умолчать, можетъ ли онъ удержаться, чтобы не высказать на прощанье тѣ чувства, которыя наполняютъ теперь все его существо»? Но смѣшно говорить высокія слова, и смущенный Леонидъ прибѣгаетъ къ своимъ бильярднымъ поговоркамъ, спускается на землю...

Всѣмъ хочется говорить, потому что у всѣхъ душа полна невысказанныхъ словъ и невыплаканныхъ слезъ. Всѣ сосредоточены на своемъ внутреннемъ мірѣ и, разговаривая между собою, заражаютъ

другъ друга своимъ настроеніемъ. Вообще, у Чехова скрытныхъ людей почти нѣтъ. Въ жаждѣ высказаться герои его комедій нерѣдко говорятъ другъ другу то, что каждому изъ нихъ извѣстно, и все-таки это не производитъ дурного впечатлѣнія. Сестра разсказываетъ сестрѣ: «Шесть лѣтъ назадъ умеръ отецъ, черезъ мѣсяцъ утонулъ въ рѣкѣ братъ Гриша, семилѣтній мальчикъ; мама не перенесла, ушла, ушла безъ оглядки»; вѣдь обѣ собесѣдницы знаютъ это одинаково хорошо, и передъ нами какъ будто неумѣлый техническій пріемъ, — словно дѣйствующія лица говорятъ спеціально для освѣдомленія театральныхъ слушателей. Но это не такъ. Они говорятъ потому, что глубоко смотрятъ себѣ въ душу и каждый, занятый самимъ собою, вспоминаетъ про себя, думаетъ вслухъ, отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ. Каждый занятъ собою, и на первый взглядъ передъ вами психическіе атомы, одинокія и страдающія монады, которыя не соединяются въ одно органическое цѣлое. Всякій говоритъ про свое и не отвѣчаетъ собесѣднику, всякій тянетъ и ткетъ нить собственной думы, и въ разговорѣ есть видимая безсвязность, что-то похожее на бормотаніе стараго Фирса. Но такое впечатлѣніе этотъ одинокій разговоръ, этотъ разговоръ-монологъ, производитъ недолго. Психологическія непослѣдовательности создаютъ музыку тонкихъ ощущеній. Вамъ стоитъ нѣсколько вслушаться въ эти задумчивыя и замедленныя рѣчи, и вы поймете, что люди, которые такъ своеобразно бесѣдуютъ между собою, на самомъ дѣлѣ очень внимательны другъ къ другу. Каждый слушаетъ чужое молчаніе. Каждый безъ словъ тонко понимаетъ другого. Безмолвно разговариваетъ душа съ душою. Между всѣми есть какое-то безпроволочное соединеніе, и во время паузъ по сценѣ точно проносятся на легкихъ крыльяхъ неслышимыя слова. Эти люди связаны между собою общимъ настроеніемъ, и оттого, напримѣръ, Фирсъ и Шарлотта, сидя на одной скамейкѣ и говоря каждый о своемъ, ведутъ тѣмъ не менѣе глубоко-задушевную и внутренне-созвучную бесѣду.

Но эти люди связаны между собою не только молчаніемъ: они говорятъ другъ другу и слова, — такія прекрасныя, сладкія, плѣнительныя слова. Отъ нихъ замираетъ очарованное сердце. По всей пьесѣ разлита безпредѣльная нѣжность человѣческихъ отношеній. Сколько любви, какая ласка!.. Она порочна, эта мать, но все-таки она — мать, но все-таки она — мама, и дочь ласкается къ ней и утѣшаетъ ее: «Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя. Я благословляю тебя. Вишневый садъ проданъ, его уже нѣтъ, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа. Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь, и радость,

тихая, глубокая радость, опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама». Она пріѣхала, милая Аня, и сестра цѣлуетъ ее и называетъ красавицей, и горничная Дуняша раздѣваетъ ее и, возбужденная, какъ и всѣ, подъ общій радостный шумъ разсказываетъ, что ее, Дуняшу, кто-то любитъ, такъ любитъ... И старый дядя тоже цѣлуетъ Аню, цѣлуетъ ея руки, и закрываетъ себѣ лицо ея рукой, и говоритъ ей: «Ты не племянница, ты мой ангелъ, ты для меня все». Анѣ хочется спать, и засыпаетъ она у раскрытаго окна, въ которое смотрятся бѣлые цвѣты вишневаго сада, и ласково освѣщенная майскимъ солнцемъ, такая юная, такая чистая, полудѣтскими устами лепечетъ она въ полуснѣ: «Я такъ устала... всѣ колокольчики... дядя милый... и мама... и дядя...» И восторженно смотритъ на нее, прелестную, сонную, некрасивый студентъ въ очкахъ, и съ такой любовью, съ такимъ волненіемъ повторяетъ онъ: «Солнышко мое... весна моя»...

Главныя лица «Вишневаго сада» соединены между собою не только настроеніемъ, не только словами, но и страданіемъ. За каждымъ изъ нихъ виднѣется въ перспективѣ внутренняя драма, и каждое изъ нихъ обвѣяно тихой грустью автора. Порочная и привлекательная Раневская, когда-то несчастная жена, несчастная мать, съ камнемъ своей порочности на шеѣ «идетъ на дно», но «она любитъ этотъ камень и жить безъ него не можетъ». Ея дочь угнетена этимъ камнемъ матери, и все-таки она страстно любитъ мать и хочетъ съ нею читать въ осенніе вечера, прочесть много книгъ, для того, чтобы открылся передъ ними «новый, чудесный міръ». А ея сестра бросила ключи къ ногамъ Лапахина и ей некуда уйти: Лапахинъ не сказалъ того слова, котораго она ждала, и вотъ она сидитъ на полу, среди разоренной комнаты, и, положивъ голову на узелъ съ платьемъ, тихо рыдаетъ. А дальше — старый слуга, тоже, какъ и всѣ, нѣжно любящій, и дряхлыми руками въ бѣлыхъ перчаткахъ подставляетъ онъ скамеечку подъ ноги своей барыни; про него забыли въ покинутомъ домѣ, — но это ничего: онъ тоже скоро уйдетъ изъ этого дома, изъ этого міра, и въ послѣдній разъ надѣлъ онъ свою старинную ливрею и высокую шляпу. А еще дальше — бездомная гувернантка, у которой «нѣтъ настоящаго паспорта»; она не знаетъ, кто она и откуда она, и зачѣмъ она; обманнымъ стукомъ стучится къ ней «господинъ мой женихъ». И на самомъ заднемъ планѣ — этотъ случайный, безъимянный прохожій съ вѣткой въ рукѣ; онъ только на мгновеніе нетвердой походкой является передъ зрителями, со стихами Надсона и Некрасова на пьяныхъ устахъ, — но въ его лицѣ промелькнула передъ вами цѣлая драма, цѣлая жизнь, загубленная, горькая, жалкая. И, наконецъ, совсѣмъ уже отдаленной, невидимой и только чув-

ствуемой фигурой стоитъ на кухнѣ старая мать цивилизованнаго лакея Яши: она пришла съ нимъ повидаться, она пришла съ нимъ проститься, — но онъ все не выходитъ къ ней; онъ занятъ, между прочимъ, горничной Дуняшей, и въ концѣ своего побѣдоноснаго романа съ ней, уѣзжая въ Парижъ, поучаетъ ее: «Ведите себя прилично, тогда не будете плакать».

Въ этой пьесѣ нѣтъ дѣйствія, почти нѣтъ дѣйствующихъ лицъ, — всѣ пассивны, всѣ только страдаютъ. Но зато въ этой пьесѣ есть высокій талантъ. Онъ сказывается едва ли не въ каждомъ словѣ, въ каждомъ эпизодѣ, въ каждомъ штрихѣ обстановки. Трогательныя ситуаціи, чуткая психологія; живыя незабываемыя лица, живыя души, одинокія и печальныя. Слышится и замираетъ отдаленный звукъ лопнувшей струны. Въ тишинѣ раздается далекій, глухой ударъ топора по дереву, и падаетъ милый вишневый садъ, символъ всего интимнаго и дорогого, и, обнявшись, сдержанно рыдаютъ братъ и сестра, — «тихо, боясь, чтобы ихъ не услышали».

Грусть неотразима. Когда радость придетъ къ вамъ, вы можете ея не принять. Но когда грусть постучится въ ваше сердце, сердце откроется для нея. И потому сердце открывается передъ «Вишневымъ садомъ», какъ и передъ другими элегіями Чехова.

Художественный театръ давно показалъ себя несравненнымъ мастеромъ въ воплощеніи этой элегической поэзіи. Вишневый садъ со своимъ майскимъ солнцемъ, съ бѣлыми хлопьями своихъ цвѣтовъ, со щебетомъ птичекъ былъ перенесенъ на сцену. И живыми лицами прошли по ней спугнутые обитатели этого сада, изгнанники этого бѣлаго рая.

Можетъ-быть, обаятельнѣе и сложнѣе рисуется образъ Раневской, чѣмъ его даетъ г-жа Книппперъ; можетъ-быть, еще милѣе и воздушнѣе рисуется образъ Ани, чѣмъ его даетъ г-жа Лилина. Но въ общемъ едва ли могутъ встрѣтиться какія-нибудь серьезныя возраженія противъ того истолкованія, какое получили себѣ герои и героини Чехова. Было бы долго разбирать игру каждаго артиста, — всѣ они дышали жизнью. Именно такими должны быть въ дѣйствительности, напримѣръ, Чаевъ, Лапахинъ, Фирсъ, Пищикъ, Шарлотта, какими играютъ ихъ гг. Станиславскій, Леонидовъ, Артемъ, Судьбининъ, г-жа Муратова. Въ тонкой игрѣ г. Качалова сказался именно Петя Трофимовъ, и другимъ онъ не можетъ быть, — въ своей полинявшей длинной тужуркѣ, въ поискахъ старыхъ калошъ. Художественно необходимую фигуру создаетъ г. Москвинъ, и его Епиходовъ съ окоченѣвшей маской глупости и трагизма на лицѣ, съ «ливольверомъ» за пазухой, съ медлительностью фатальной рѣчи, не одобряющей «нашего климата», — его Епиходовъ останется навсегда въ памяти зри-

телей. Вообще, нѣжная пьеса Чехова, задушевная игра артистовъ, поэтическая красота постановки и декорацій, — все сливается въ одно прекрасное цѣлое, и чеховскій спектакль въ Художественномъ театрѣ. это, безспорно,—художественный праздникъ.

Ю. Айхенвальдъ.

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

Мм. гг.

Первое изданіе трагедіи Шекспира «Гамлетъ» и первая часть Сервантесовскаго «Донъ-Кихота» явилась въ одинъ и тотъ же годъ, въ самомъ началѣ XVII столѣтія.

Эта случайность намъ показалась знаменательною; сближеніе двухъ названныхъ нами произведеній навело насъ на цѣлый рядъ мыслей. Мы просимъ позволенія подѣлиться съ вами этими мыслями и заранѣе разсчитываемъ на вашу снисходительность. «Кто хочетъ понять поэта, долженъ вступить въ его область», сказалъ Гёте; прозаикъ лишенъ всякихъ правъ на подобное требованіе; но онъ можетъ надѣяться, что его читатели—или слушатели—захотятъ сопутствовать ему въ его странствованіяхъ — въ его изысканіяхъ.

Нѣкоторыя изъ нашихъ воззрѣній, быть-можетъ, поразятъ васъ, мм. гг., своею необычностью; но въ томъ и состоитъ особенное преимущество великихъ поэтическихъ произведеній, которымъ геній ихъ творцовъ вдохнулъ неумирающую жизнь, что воззрѣнія на нихъ, какъ и на жизнь вообще, могутъ быть безконечно разнообразны, даже противорѣчащи — и въ то же время одинаково справедливы. Сколько комментаріевъ уже было написано на «Гамлета», и сколько ихъ еще предвидится впереди! Къ какимъ различнымъ заключеніямъ приводило изученіе этого поистинѣ неисчерпаемаго типа! — «Донъ-Кихотъ» по самому свойству своей задачи, по истинно-великолѣпной ясности разсказа, какъ бы озареннаго солнцемъ юга, подаетъ меньше повода къ толкованіямъ. Но, къ сожалѣнію, мы, русскіе, не имѣемъ хорошаго перевода «Донъ-Кихота»; бо́льшая часть изъ насъ сохранила о немъ довольно неопредѣленныя воспоминанія; подъ словомъ «Донъ-Кихотъ» мы часто подразумѣваемъ просто шута,—слово «донкихотство» у насъ равносильно съ словомъ: нелѣпость, — между тѣмъ какъ въ донкихотствѣ намъ слѣдовало бы признать высокое начало самопожертвованія, только схваченное съ комической стороны. Хорошій переводъ «Донъ-Кихота» былъ бы истинной заслугой передъ публикой, и всеобщая благодарность ждетъ того писателя, который передастъ намъ это единственное твореніе во всей его красотѣ. Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды.

Мы сказали, что одновременное появленіе «Донъ-Кихота» и «Гамлета» намъ показалось знаменательнымъ. Намъ показалось, что въ этихъ

двухъ типахъ воплощены двѣ коренныя, противоположныя особенности человѣческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится. Намъ показалось, что всѣ люди принадлежатъ, болѣе или менѣе, къ одному изъ этихъ двухъ типовъ; что почти каждый изъ насъ сбивается либо на Донъ-Кихота, либо на Гамлета. Правда, въ наше время Гамлетовъ стало гораздо болѣе, чѣмъ Донъ-Кихотовъ; но и Донъ-Кихоты не перевелись.

Объяснимся.

Всѣ люди живутъ—сознательно или безсознательно—въ силу своего принципа, своего идеала, т.-е. въ силу того, что они почитаютъ правдой, красотою, добромъ. Многіе получаютъ свой идеалъ уже совершенно готовымъ, въ опредѣленныхъ, исторически сложившихся формахъ; они живутъ, соображая жизнь свою съ этимъ идеаломъ, иногда отступая отъ него подъ вліяніемъ страстей или случайностей, но они не разсуждаютъ о немъ, не сомнѣваются въ немъ; другіе, напротивъ, подвергаютъ его анализу собственной мысли. Какъ бы то ни было, мы, кажется, не слишкомъ ошибемся, если скажемъ, что для всѣхъ людей этотъ идеалъ, эта основа и цѣль ихъ существованія находится либо внѣ ихъ, либо въ нихъ самихъ:—другими словами, для каждаго изъ насъ либо собственное *я* становится на первомъ мѣстѣ, либо нѣчто другое, признанное имъ за высшее. Намъ могутъ возразить, что дѣйствительность не допускаетъ такихъ рѣзкихъ разграниченій, что въ одномъ и томъ же живомъ существѣ оба воззрѣнія могутъ чередоваться, даже сливаться до нѣкоторой степени, но мы и не думали утверждать невозможность измѣненій и противорѣчій въ человѣческой природѣ; мы хотѣли только указать на два различныя отношенія человѣка къ своему идеалу—и мы теперь постараемся представить, какимъ образомъ, по нашему понятію, эти два различныя отношенія воплотились въ двухъ избранныхъ нами типахъ.

Начнемъ съ Донъ-Кихота.

Что выражаетъ собою Донъ-Кихотъ? Взглянемъ на него не тѣмъ торопливымъ взглядомъ, который останавливается на поверхностяхъ и мелочахъ. Не будемъ видѣть въ Донъ-Кихотѣ одного лишь рыцаря печальнаго образа, фигуру, созданную для осмѣянія старинныхъ рыцарскихъ романовъ; извѣстно, что значеніе этого лица расширилось подъ собственною рукою его безсмертнаго творца, и что Донъ-Кихотъ второй части, любезный собесѣдникъ герцоговъ и герцогинь, мудрый наставникъ оруженосца-губернатора,—уже не тотъ Донъ-Кихотъ, какимъ онъ является намъ въ первой части романа, особенно въ началѣ, не тотъ странный и смѣшной чудакъ, на котораго такъ щедро сыплются удары; а потому попытаемся проникнуть до самой сущности дѣла. Повторяемъ: что́ выражаетъ собою Донъ-Кихотъ?

Вѣру прежде всего; вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину,— однимъ словомъ, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ, но доступную постоянству служенія и силѣ жертвы. Донъ-Кихотъ проникнутъ весь преданностью къ идеалу, для котораго онъ готовъ подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ, жертвовать жизнію, самую жизнь свою онъ цѣнитъ настолько, насколько она можетъ служить средствомъ къ воплощенію идеала, къ водворенію истины, справедливости на землѣ. Намъ скажутъ, что идеалъ этотъ почерпнутъ разстроеннымъ его воображеніемъ изъ фантастическаго міра рыцарскихъ романовъ; согласны — и въ этомъ-то состоитъ комическая сторона Донъ-Кихота; но самый идеалъ остается во всей своей нетронутой чистотѣ. Жить для себя, заботиться о себѣ — Донъ-Кихотъ почелъ бы постыднымъ. Онъ весь живетъ (если такъ можно выразиться) внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ, для истребленія зла, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ—волшебникамъ, великанамъ, т.-е. притѣснителямъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма, онъ не заботится о себѣ, онъ весь самопожертвованіе—оцѣните это слово! — онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки. Оттого онъ безстрашенъ, терпѣливъ, довольствуется самой скудной пищей, самой бѣдной одеждой: ему не до того. Смиренный сердцемъ, онъ духомъ великъ и смѣлъ; умилительная его набожность не стѣсняетъ его свободы; чуждый тщеславія, онъ не сомнѣвается въ себѣ, въ своемъ призваніи, даже въ своихъ физическихъ силахъ; воля его—непреклонная воля. Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ знаетъ мало, да ему и не нужно много знать: онъ знаетъ, въ чемъ его дѣло, зачѣмъ онъ живетъ на землѣ, а это — главное знаніе. Донъ-Кихотъ можетъ показаться то совершеннымъ безумцемъ, потому что самая несомнѣнная вещественность исчезаетъ передъ его глазами, таетъ какъ воскъ отъ огня его энтузіазма (онъ дѣйствительно видитъ живыхъ мавровъ въ деревянныхъ куклахъ, рыцарей въ баранахъ), — то ограниченнымъ, потому что онъ не умѣетъ ни легко сочувствовать, ни легко наслаждаться,—но онъ, какъ долговѣчное дерево, пустилъ глубоко корни въ почву и не въ состояніи ни измѣнить своему убѣжденію, ни переноситься отъ одного предмета къ другому, крѣпость его нравственнаго состава (замѣтьте, что этотъ сумасшедшій, странствующій рыцарь — самое нравственное существо въ мірѣ) придаетъ особенную силу и величавость всѣмъ его сужденіямъ и рѣчамъ, всей его фигурѣ, несмотря на комическія и унизительныя положенія, въ которыя онъ безпрестанно впадаетъ... Донъ-Кихотъ—энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяніемъ.

Что же представляетъ собою Гамлетъ?

Анализъ прежде всего и эгоизмъ, а потому безвѣрье. Онъ весь живетъ для самого себя, онъ—эгоистъ; но вѣрить въ себя даже эгоистъ не можетъ; вѣрить можно только въ то, что внѣ насъ и надъ нами. Но это *я*, въ которое онъ не вѣритъ, дорого Гамлету. Это исходная точка, къ которой онъ возвращается безпрестанно, потому что не находитъ ничего въ цѣломъ мірѣ, къ чему бы могъ прилѣпиться душою; онъ — скептикъ и вѣчно возится и носится съ самимъ собою; онъ постоянно занятъ не своей обязанностью, а своимъ положеніемъ. Сомнѣваясь во всемъ, Гамлетъ, разумѣется, не щадитъ и самого себя; умъ его слишкомъ развитъ, чтобы удовлетвориться тѣмъ, что онъ въ себѣ находитъ; сознаетъ свою слабость, но всякое самосознаніе есть сила: — отсюда проистекаетъ его иронія, противоположность энтузіазму Донъ-Кихота. Гамлетъ съ наслажденіемъ, преувеличенно бранитъ себя, постоянно наблюдая за собою, вѣчно глядя внутрь себя, онъ знаетъ до тонкости всѣ свои недостатки, презираетъ самого себя — и въ то же время, можно сказать, живетъ, питается этимъ презрѣніемъ. Онъ не вѣритъ въ себя — и тщеславенъ; онъ не знаетъ, чего хочетъ и зачѣмъ живетъ—и привязанъ къ жизни... «О, Боже, Боже! (восклицаетъ онъ во 2-й сценѣ перваго акта), если бъ Ты, судья земли и неба, не запретилъ грѣха самоубійства!.. Какъ пошла, пуста, плоска и ничтожна кажется мнѣ жизнь!» Но онъ не пожертвуетъ этой плоской и пустой жизнью; онъ мечтаетъ о самоубійствѣ еще до появленія тѣни отца, до того грознаго порученія, которое окончательно разбиваетъ его уже надломанную волю— но онъ себя не убьетъ. Любовь къ жизни высказывается въ самыхъ этихъ мечтахъ о прекращеніи ея! Всѣмъ 18-лѣтнимъ юношамъ знакомы подобныя чувства:

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!

Но не будемъ слишкомъ строги къ Гамлету: онъ страдаетъ—и его страданія и больнѣе, и язвительнѣе страданій Донъ-Кихота. Того бьютъ грубые пастухи, освобожденные имъ преступники; Гамлетъ самъ наноситъ себѣ раны, самъ себя терзаетъ; въ его рукахъ тоже мечъ: обоюдуострый мечъ анализа.

Донъ-Кихотъ, мы должны въ этомъ сознаться, положительно смѣшонъ. Его фигура—едва ли не самая комическая фигура, когда-либо нарисованная поэтомъ. Его имя стало смѣшнымъ прозвищемъ даже въ устахъ русскихъ мужиковъ. Мы въ этомъ могли убѣдиться собственными ушами. При одномъ воспоминаніи о немъ возникаетъ въ воображеніи тощая, угловатая, горбоносая фигура, облеченная въ карикатурныя латы, вознесенная на чахлый остовъ жалкаго коня,

того бѣднаго, вѣчно голодающаго и битаго Россинанта, которому нельзя отказать въ какомъ-то полузабавномъ, полутронутомъ участіи. Донъ-Кихотъ смѣшонъ... но въ смѣхѣ есть примиряющая и искупляющая сила — и если не даромъ сказано: «чему посмѣешься, тому послужишь», то можно прибавить: что надъ кѣмъ посмѣялся, тому уже простилъ, того даже полюбить готовъ. Напротивъ, наружность Гамлета привлекательна. Его меланхолія, блѣдный, хотя и не худой видъ (мать его замѣчаетъ о немъ, что онъ толстъ, «our son is fat»), черная бархатная одежда, перо на шляпѣ, изящныя манеры, несомнѣнная поэзія его рѣчей, постоянное чувство полнаго превосходства надъ другими, рядомъ съ язвительной потѣхой самоуниженія, все въ немъ нравится, все плѣняетъ; всякому лестно прослыть Гамлетомъ, никто бы не хотѣлъ заслужить прозваніе Донъ-Кихота. «Гамлетъ Баратынскій», писалъ къ своему другу Пушкинъ; надъ Гамлетомъ никто и не думаетъ смѣяться, и именно въ этомъ его осужденіе: любить его почти невозможно; одни люди, подобные Горацію, привязываются къ Гамлету. Мы о нихъ поговоримъ впослѣдствіи. Сочувствуетъ ему всякій, и оно понятно: почти каждый находитъ въ немъ собственныя черты; но любить его, повторяемъ, нельзя, потому что онъ никого самъ не любитъ.

Будемъ продолжать наше сравненіе. Гамлетъ—сынъ короля, убитаго роднымъ братомъ, похитителемъ престола; отецъ его выходитъ изъ могилы, изъ «челюстей ада», чтобы поручить ему отмстить за себя, а онъ колеблется, хитритъ съ самимъ собою, тѣшится тѣмъ, что ругаетъ себя, и, наконецъ, убиваетъ своего вотчима случайно. Глубокая психологическая черта, за которую многіе даже умные, но близорукіе люди дерзали осуждать Шекспира! А Донъ-Кихотъ, бѣдный, почти нищій человѣкъ, безъ всякихъ средствъ и связей, старый, одинокій, беретъ на себя исправлять зло и защищать притѣсненныхъ (совершенно ему чужихъ) на всемъ земномъ шарѣ. Что нужды, что первая же его попытка освобожденія невинности отъ притѣснителя рушится двойною бѣдою на голову самой невинности... (Мы разумѣемъ ту сцену, когда Донъ-Кихотъ избавляетъ мальчика отъ побоевъ его хозяина, который тотчасъ же послѣ удаленія избавителя вдесятеро сильнѣе наказываетъ бѣдняка); что нужды, что, думая имѣть дѣло съ вредными великанами, Донъ-Кихотъ нападаетъ на полезныя вѣтряныя мельницы... Комическая оболочка этихъ образовъ не должна отводить наши глаза отъ сокрытаго въ немъ смысла. Кто, жертвуя собою, вздумалъ бы сперва разсчитывать и взвѣшивать всѣ послѣдствія, всю вѣроятность пользы своего поступка, тотъ едва ли способенъ на самопожертвованіе. Съ Гамлетомъ ничего подобнаго случиться не можетъ: ему ли, съ его проницательнымъ, тон-

кимъ, скептическимъ умомъ, ему ли впасть въ такую грубую ошибку! Нѣтъ, онъ не будетъ сражаться съ вѣтряными мельницами, онъ не вѣритъ въ великановъ... но онъ бы и не напалъ на нихъ, если бы они точно существовали. Гамлетъ не сталъ бы утверждать, какъ Донъ-Кихотъ, показывая всѣмъ и каждому цырюльничій тазъ, что это есть настоящій волшебный шлемъ Мамбрина; но мы полагаемъ, что если бы сама истина предстала воплощенною передъ его глазами, Гамлетъ не рѣшился бы поручиться, что это точно она, истина... Вѣдь кто знаетъ, можетъ-быть, и истины тоже нѣтъ, такъ же, какъ великановъ? Мы смѣемся надъ Донъ-Кихотомъ... но, мм. гг., кто изъ насъ можетъ, добросовѣстно вопросивъ себя, свои прошедшія, свои настоящія убѣжденія, кто рѣшится утверждать, что онъ всегда и во всякомъ случаѣ различитъ и различалъ цырюльничій оловянный тазъ отъ волшебнаго золотого шлема?.. Потому намъ кажется, что главное дѣло въ искренности и силѣ самого убѣжденія... а результатъ — въ рукѣ судебъ. Онѣ однѣ могутъ показать намъ, съ призраками ли мы боролись, съ дѣйствительными ли врагами, и какимъ оружіемъ покрыли мы наши головы... Наше дѣло вооружиться и бороться...

Замѣчательны отношенія толпы, такъ называемой людской массы, къ Гамлету и Донъ-Кихоту.

Полоній—представитель массы передъ Гамлетомъ; Санчо-Панса—передъ Донъ-Кихотомъ.

Полоній—дѣльный, практическій, здравомыслящій, хотя въ то же время ограниченный и болтливый старикъ. Онъ — отличный администраторъ, примѣрный отецъ: вспомните его наставленія сыну своему Лаэрту при отъѣздѣ за границу,—наставленія, которыя могутъ поспорить въ мудрости съ извѣстными распоряженіями губернатора Санчо-Пансы на островѣ Баратарія. Для Полонія Гамлетъ не столько сумасшедшій, сколько ребенокъ, и если бы онъ не былъ королевскимъ сыномъ, онъ бы презиралъ его за его коренную безполезность, за невозможность положительнаго и дѣльнаго примѣненія его мыслей. Извѣстная сцена облака, между Гамлетомъ и Полоніемъ,—сцена, въ которой Гамлетъ воображаетъ, что дурачитъ старика, имѣетъ для насъ явный смыслъ, подтверждающій наше воззрѣніе... Мы позволимъ себѣ напомнить ее вамъ:

ПОЛОНІЙ.

Королева желаетъ говорить съ вами, принцъ, и притомъ сейчасъ.

ГАМЛЕТЪ.

Видите это облако? Точно ласточка.

ПОЛОНІЙ.

Совершенная ласточка.

ГАМЛЕТЪ.

Мнѣ кажется, оно похоже на верблюда.

ПОЛОНІЙ.

Спина точь въ точь какъ у верблюда.

ГАМЛЕТЪ.

Или какъ у кита.

ПОЛОНІЙ.

Совершенный китъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо.—Такъ я иду къ матушкѣ.

Не явно ли, что въ этой сценѣ Полоній—въ одно и то же время—придворный, который угождаетъ принцу, и взрослый, который не хочетъ перечить больному, блажному мальчику? Полоній ни на волосъ не вѣритъ Гамлету, и онъ правъ; со всей свойственной ему ограниченной самонадѣянностью онъ приписываетъ блажь Гамлета его любви къ Офеліи, и въ этомъ онъ, конечно, ошибается; но онъ не ошибается въ оцѣнкѣ его характера. Гамлеты, точно, безполезны массѣ: они ей ничего не даютъ, они ее никуда вести не могутъ, потому что сами никуда не идутъ. Да и какъ вести, когда не знаешь, есть ли земля подъ ногами? Притомъ же, Гамлеты презираютъ толпу. Кто самого себя не уважаетъ — кого, что можетъ тотъ уважать? Да и стоитъ ли заниматься массой? Она такъ груба и грязна! а Гамлетъ — аристократъ, не по одному рожденію.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ Санчо-Панса. Онъ, напротивъ, смѣется надъ Донъ-Кихотомъ, знаетъ очень хорошо, что онъ сумасшедшій, но три раза покидаетъ свою родину, домъ, жену, дочь, чтобы итти за этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, слѣдуетъ за нимъ повсюду, подвергается всякаго рода непріятностямъ, преданъ ему по самую смерть, вѣритъ ему, гордится имъ и рыдаетъ колѣнопреклоненный у бѣднаго ложа, гдѣ кончается его бывшій господинъ. Надеждою на прибыль, на лучшія выгоды — эту преданность объяснить нельзя; у Санчо-Пансы слишкомъ много здраваго смысла; онъ очень хорошо знаетъ, что, кромѣ побоевъ, оруженосцу странствующаго рыцаря почти нечего ожидать. Причину его преданности слѣдуетъ искать глубже: она, если можно такъ выразиться, коренится въ едва ли не лучшемъ свойствѣ массы, въ способности счастливаго и честнаго ослѣпленія (увы! ей знакомы и другія ослѣпленія), въ способности безкорыстнаго энтузіазма, презрѣнія къ прямымъ личнымъ выгодамъ, которое для бѣднаго человѣка почти равносильно съ презрѣніемъ къ насущному хлѣбу. Великое, всемірно-историческое свойство! Масса людей всегда кончаетъ тѣмъ, что идетъ, беззавѣтно вѣруя, за тѣми личностями, надъ которыми она сама глумилась, ко-

торыхъ даже проклинала и преслѣдовала, но которыя, не боясь ни ея преслѣдованій, ни проклятій, не боясь даже ея смѣха, идутъ неуклонно впередъ, вперивъ духовный взоръ въ ими только видимую цѣль, ищутъ, падаютъ, поднимаются и, наконецъ, находятъ... и по праву; только тотъ и находитъ, кого ведетъ сердце. Les grandes pensées viennent du coeur, сказалъ Вовенаргъ. А Гамлеты ничего не находятъ, ничего не изобрѣтаютъ и не оставляютъ слѣда за собою, кромѣ слѣда собственной личности, не оставляютъ за собою дѣла. Они не любятъ и не вѣрятъ; что же они могутъ найти? Даже въ химіи (не говоря уже объ органической природѣ) для того, чтобы явилось третье вещество, надобно соединеніе двухъ; а Гамлеты все только собою заняты; они одиноки, а потому безплодны.

Но возразятъ намъ: «Офелія?—развѣ Гамлетъ ея не любитъ?» Поговоримъ о ней—и, кстати, о Дульцинеѣ.

Въ отношеніяхъ нашихъ двухъ типовъ къ женщинѣ есть также много знаменательнаго.

Донъ-Кихотъ любитъ Дульцинею, не существующую женщину, и готовъ умереть за нее (вспомните его слова, когда побѣжденный, поверженный въ прахъ, онъ говоритъ своему побѣдителю, уже занесшему на него копье: «Колите меня, рыцарь, но да не послужитъ моя слабость къ уменьшенію славы Дульцинеи; я все-таки утверждаю, что она совершеннѣйшая красавица въ мірѣ»). Онъ любитъ идеально, чисто, до того идеально, что даже не подозрѣваетъ, что предметъ его страсти вовсе не существуетъ; до того чисто, что когда Дульцинея является передъ нимъ въ образѣ грубой и грязной мужички, онъ не вѣритъ свидѣтельству глазъ своихъ и считаетъ ее превращенной злымъ волшебникомъ. Мы сами на своемъ вѣку, въ нашихъ странствованіяхъ, видали людей, умирающихъ за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нѣчто, въ которомъ они видѣли осуществленіе своего идеала, и превращеніе котораго они также приписывали вліянію злыхъ — мы чуть-было не сказали: волшебниковъ — злыхъ случайностей и личностей. Мы видѣли ихъ, и когда переведутся такіе люди, пускай закроется навсегда книга исторіи: въ ней нечего будетъ читать. Чувственности и слѣда нѣтъ у Донъ-Кихота; всѣ мечты его стыдливы и безгрѣшны, и едва ли въ тайной глубинѣ своего сердца надѣется онъ на конечное соединеніе съ Дульцинеей, едва ли не страшится онъ даже этого соединенія!

А Гамлетъ, неужели онъ любитъ? Неужели самъ иронической его творецъ, глубочайшій знатокъ человѣческаго сердца, рѣшился дать эгоисту, скептику, проникнутому всѣмъ разлагающимъ ядомъ анализа—любящее, преданное сердце? Шекспиръ не впалъ въ это про-

тиворѣчіе, и внимательному читателю не стоитъ большого труда, чтобы убѣдиться въ томъ, что Гамлетъ — человѣкъ чувственный и даже втайнѣ сластолюбивый (придворный Розенкранцъ не даромъ улыбается молча, когда Гамлетъ говоритъ при немъ, что ему женщины надоѣли), что Гамлетъ, говоримъ мы, не любитъ, но только притворяется, и то небрежно, — что любитъ. Мы имѣемъ на то свидѣтельство самого Шекспира.

Въ первой сценѣ третьяго дѣйствія Гамлетъ говоритъ Офеліи:

Я любилъ тебя когда-то!

ОФЕЛІЯ.

Принцъ, вы заставили меня этому вѣрить.

ГАМЛЕТЪ.

А не должно было вѣрить! *Я не любилъ тебя.*

И сказавши это послѣднее слово, Гамлетъ гораздо ближе къ правдѣ, чѣмъ самъ полагаетъ. Чувства его къ Офеліи, существу невинному и ясному до святости, либо циничны (вспомните его слова, его двусмысленные намеки, когда онъ, въ сценѣ представленія въ театрѣ, проситъ у нея позволенія полежать... у ея колѣнъ), либо фразисты (обратите ваше вниманіе на сцену между нимъ и Лаэртомъ, когда онъ впрыгиваетъ въ могилу Офеліи и говоритъ языкомъ, достойнымъ Брамарбаса или капитана Пистоля: «Сорокъ тысячъ братьевъ не могутъ со мной поспорить! пусть на насъ навалятъ милліонъ холмовъ!» и т. д.) Всѣ его отношенія къ Офеліи опять-таки для него не что иное, какъ занятіе самимъ собою, и въ восклицаніи его: «о, нимфа! помяни меня въ своихъ святыхъ молитвахъ», мы видимъ одно лишь глубокое сознаніе собственнаго, болѣзненнаго безсилія — безсилія полюбить, — почти суевѣрно преклоняющагося передъ «святыней чистоты».

Но довольно говорить о темныхъ сторонахъ Гамлетовскаго типа, о тѣхъ сторонахъ, которыя именно потому насъ болѣе раздражаютъ, что онѣ намъ ближе и понятнѣе. Постараемся оцѣнить то, что въ немъ законно и потому вѣчно. Въ немъ воплощено начало отрицанія, то самое начало, которое другой великій поэтъ, отдѣливъ его отъ всего чисто-человѣческаго, представилъ намъ въ образѣ Мефистофеля. Гамлетъ — тотъ же Мефистофель, но Мефистофель, заключенный въ живой кругъ человѣческой природы; оттого его отрицаніе не есть зло — оно само направлено противу зла. Отрицаніе Гамлета сомнѣвается въ добрѣ, но во злѣ оно не сомнѣвается и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой. Въ добрѣ оно сомнѣвается, то-есть оно заподозрѣваетъ его истину и искренность и нападаетъ на него, не какъ на добро, а какъ на поддѣльное добро, подъ личиной котораго опять-таки скрывается зло и ложь, его исконные враги; Гамлетъ не хохочетъ демонски-безучастнымъ хохотомъ Мефистофеля; въ

самой его горькой улыбкѣ есть унылость, которая говоритъ о его страданіяхъ и потому примиряетъ съ нимъ. Скептицизмъ Гамлета не есть также индиферентизмъ, и въ этомъ состоитъ его значеніе и достоинство; добро и зло, истина и ложь, красота и безобразіе не сливаются передъ нимъ въ одно случайное, нѣмое, тупое нѣчто. Скептицизмъ Гамлета, не вѣря въ современное, такъ сказать, осуществленіе истины, непримиримо враждуетъ съ ложью и тѣмъ самымъ становится однимъ изъ главныхъ поборниковъ той истины, въ которую не можетъ вполнѣ повѣрить. Но въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила — и какъ удержать эту силу въ границахъ, какъ указать ей, гдѣ ей именно остановиться, когда то, что она должна истребить, и то, что ей слѣдуетъ пощадить, часто слито и связно неразрывно? Вотъ гдѣ является намъ столь часто замѣченная трагическая сторона человѣческой жизни: для дѣла нужна мысль; но мысль и воля разъединились и съ каждымъ днемъ разъединяются болѣе...

And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er by the pale cast of thought...
(Прирожденный румянецъ воли
Блекнетъ и болѣетъ, покрываясь блѣдностью мысли...)

говоритъ намъ Шекспиръ устами Гамлета... И вотъ, съ одной стороны, стоятъ Гамлеты, мыслящіе, сознательные, часто всеобъемлющіе, но также часто безполезные и осужденные на неподвижность; а съ другой — полу-безумные Донъ-Кихоты, которые потому только и приносятъ пользу и подвигаютъ людей, что видятъ и знаютъ одну лишь точку, часто даже не существующую въ томъ образѣ, какою они ее видятъ. Невольно рождаются вопросы: неужели же надо быть сумасшедшимъ, чтобы вѣрить въ истину? и неужели же умъ, овладѣвшій собою, по тому самому лишается всей своей силы?

Далеко бы повело насъ даже поверхностное обсужденіе этихъ вопросовъ.

Ограничимся замѣчаніемъ, что въ этомъ разъединеніи, въ этомъ дуализмѣ, о которомъ мы упомянули, мы должны признать коренной законъ всей человѣческой жизни; вся эта жизнь есть не что иное, какъ вѣчное примиреніе и вѣчная борьба двухъ непрестанно разъединенныхъ и непрестанно сливающихся началъ. Если бы мы не боялись испугать ваши уши философскими терминами, мы бы рѣшились сказать, что Гамлеты суть выраженіе коренной центростремительной силы природы, по которой все живущее считаетъ себя центромъ творенія и на все остальное взираетъ какъ на существующее только для него (какъ комаръ, сѣвшій на лобъ Александра Македонскаго, съ спокойной увѣренностью въ своемъ правѣ питался его кровью, какъ слѣдующей ему пищей; такъ точно и Гамлетъ, хотя

и презираетъ себя, чего комаръ не дѣлаетъ, ибо онъ до этого не возвысился, такъ точно и Гамлетъ, говоримъ мы, постоянно все относитъ къ самому себѣ). Безъ этой центростремительной силы (силы эгоизма) природа существовать бы не могла, точно такъ же, какъ и безъ другой, центробѣжной силы, по закону которой все существующее существуетъ только для другого; (эту силу, этотъ принципъ преданности и жертвы, освѣщенной, какъ мы уже сказали, комическимъ свѣтомъ — чтобы гусей не раздразнить — этотъ принципъ представляютъ собою Донъ-Кихоты). Эти двѣ силы косности и движенія, консерватизма и прогресса, суть основныя силы всего существующаго. Онѣ объясняютъ намъ растеніе цвѣтка, и онѣ же даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію развитія могущественнѣйшихъ народовъ.

Спѣшимъ перейти отъ этихъ, быть-можетъ, неумѣстныхъ умозрѣній къ другимъ, болѣе привычнымъ намъ соображеніямъ.

Намъ извѣстно, что изъ всѣхъ произведеній Шекспира едва ли не самое популярное—«Гамлетъ». Эта трагедія принадлежитъ къ числу пьесъ, несомнѣнно и всякій разъ наполняющихъ театръ. При современномъ состояніи нашей публики, при ея стремленіи къ самосознанію и размышленію, при ея сомнѣніи въ самой себѣ и ея молодости— это явленіе понятно; но, не говоря о краскахъ, которыми преисполнено это, быть-можетъ, замѣчательнѣйшее произведеніе новѣйшаго духа, нельзя не удивляться генію, который, будучи самъ во многомъ сроденъ своему Гамлету, отдѣлилъ его отъ себя свободнымъ движеніемъ творческой силы — и поставилъ его образъ на вѣчное изученіе потомству. Духъ, создавшій этотъ образъ, есть духъ сѣвернаго человѣка, духъ рефлексіи и анализа, духъ тяжелый, мрачный, лишенный гармоніи и свѣтлыхъ красотъ, не закругленный въ изящныя, часто мелкія формы, но глубокій, сильный, разнообразный, самостоятельный, руководящій. Изъ самыхъ нѣдръ своихъ извлекъ онъ типъ Гамлета и тѣмъ самымъ показалъ, что и въ области поэзіи, какъ и въ другихъ областяхъ народной жизни, онъ стоитъ выше своего чада, потому что вполнѣ понимаетъ его.

Духъ южнаго человѣка опочилъ на созданіи Донъ-Кихота, духъ свѣтлый, веселый, наивный, воспріимчивый, не идущій въ глубину жизни, не обнимающій, но отражающій всѣ ея явленія. Мы не можемъ здѣсь противиться желанію — не провести параллель между Шекспиромъ и Сервантесомъ, а только указать на нѣкоторыя точки различія и сходства между ними. Шекспиръ и Сервантесъ, подумаютъ иные, — какое же тутъ можетъ быть сравненіе? Шекспиръ — этотъ гигантъ, полубогъ... Да; но не пигмеемъ является Сервантесъ передъ гигантомъ, сотворившимъ «Короля Лира», но человѣкомъ, и человѣкомъ вполнѣ; а человѣкъ имѣетъ право стоять на своихъ ногахъ

даже передъ полубогомъ. Безспорно, Шекспиръ подавляетъ Сервантеса — и не его одного — богатствомъ и мощью своей фантазіи, блескомъ высочайшей поэзіи, глубиною и обширностью громаднаго ума; но вы не найдете въ романѣ Сервантеса ни натянутыхъ остротъ, ни неестественныхъ сравненій, ни притворныхъ кончетти; вы также не встрѣтите на его страницахъ этихъ отрубленныхъ головъ, вырванныхъ глазъ, всѣхъ этихъ потоковъ крови, этой желѣзной и тупой жестокости, грознаго наслѣдія среднихъ вѣковъ, варварства, медленнѣе исчезающаго въ сѣверныхъ, упорныхъ патурахъ, а между тѣмъ Сервантесъ, какъ и Шекспиръ, былъ современникъ Варѳоломеевской ночи; и еще долго послѣ нихъ сожигались еретики, и кровь лилась; да и перестанетъ ли она когда-нибудь литься? Средніе вѣка сказались въ «Донъ-Кихотѣ» отблескомъ провансальской поэзіи, сказочной граціей тѣхъ самыхъ романовъ, надъ которыми Сервантесъ такъ добродушно посмѣялся и которымъ самъ же заплатилъ послѣднюю дань въ «Персилесѣ и Сигизмундѣ» [1]). Шекспиръ беретъ свои образы отвсюду — съ неба, съ земли — нѣтъ ему запрету; ничто не можетъ избѣгнуть его всепроникающаго взора; онъ исторгаетъ ихъ съ неотразимой силой, съ силой орла, падающаго на свою добычу. Сервантесъ ласково выводитъ передъ читателемъ свои немногочисленные образы, какъ отецъ своихъ дѣтей; онъ беретъ только то, что близко ему, но это близкое — такъ ему знакомо! Все человѣческое кажется подвластнымъ могучему генію англійскаго поэта; Сервантесъ черпаетъ свое богатство изъ одной своей души, ясной, кроткой, богатой жизненнымъ опытомъ, но не ожесточенной имъ; не даромъ въ теченіе семилѣтняго тяжкаго плѣна Сервантесъ учился, какъ онъ самъ говорилъ, наукѣ терпѣнья: кругъ, ему подвластный, тѣснѣе Шекспировскаго; но въ немъ, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ живомъ существѣ, отражается все человѣческое. Сервантесъ не озаритъ васъ молніеноснымъ словомъ; онъ не потрясетъ васъ титанической силой побѣдоноснаго вдохновенія; его поэзія — не Шекспировское, иногда мутное море, это — глубокая рѣка, спокойно текущая между разнообразными берегами; и понемногу увлеченный, охваченный со всѣхъ сторонъ ея прозрачными волнами, читатель радостно отдается истинно-эпической тишинѣ и плавности ея теченія. Воображеніе охотно вызываетъ передъ собою образы своихъ современниковъ-поэтовъ, которые и умерли въ одинъ и тотъ же день, 26 апрѣля 1616 года. Сервантесъ, вѣроятно, ничего не зналъ о Шекспирѣ; но великій трагикъ, въ тишинѣ своего Стратфордскаго дома, куда онъ удалился

---

[1]) Извѣстно, что рыцарскій романъ «Персилесъ и Сигизмунда» явился *послѣ* первой части «Донъ-Кихота».

за три года до смерти, могъ прочесть знаменитый романъ, который былъ уже тогда переведенъ на англійскій языкъ... Картина, достойная кисти живописца-мыслителя: Шекспиръ, читающій «Донъ-Кихота»! Счастливы страны, среди которыхъ возникаютъ такіе люди, учители современниковъ и потомковъ! Неувядаемый лавръ, которымъ увѣнчивается великій человѣкъ, ложится также на чело его народа.

Кончая нашъ далеко не полный этюдъ, мы просимъ позволенія сообщить вамъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Одинъ англійскій лордъ (хорошій судья въ этомъ дѣлѣ) называлъ при насъ Донъ-Кихота образцомъ настоящаго джентльмена. Дѣйствительно, если простота и спокойствіе обращенія служатъ отличительнымъ признакомъ такъ называемаго порядочнаго человѣка, Донъ-Кихотъ имѣетъ полное право на это званіе. Онъ истинный гидальго, гидальго даже тогда, когда насмѣшливыя служанки герцога намыливаютъ ему все лицо. Простота его манеръ происходитъ отъ отсутствія того, что мы бы рѣшились назвать его самолюбіемъ, а не *самомнѣніемъ;* Донъ-Кихотъ не занятъ собою и, уважая себя и другихъ, не думаетъ рисоваться; а Гамлетъ, при всей своей изящной обстановкѣ, намъ кажется, извините за французское выраженіе: ayant des airs de parvenu; онъ тревоженъ, иногда даже грубъ, позируетъ и глумится. Зато ему дана сила своеобразнаго и мѣткаго выраженія, сила, свойственная всякой размышляющей и разрабатывающей себя личности — и потому вовсе недоступная Донъ-Кихоту. Глубина и тонкость анализа въ Гамлетѣ, его многосторонняя образованность (не должно забывать, что онъ учился въ виттенбергскомъ университетѣ) развили въ немъ вкусъ почти непогрѣшительный. Онъ — превосходный критикъ; совѣты его актерамъ поразительно вѣрны и умны; чувство изящнаго почти такъ же сильно въ немъ, какъ чувство долга въ Донъ-Кихотѣ.

Донъ-Кихотъ глубоко уважаетъ всѣ существующія установленія, религію, монарховъ и герцоговъ и въ то же время свободенъ и признаетъ свободу другихъ. Гамлетъ бранитъ королей, придворныхъ — и, въ сущности, притѣснителенъ и нетерпимъ.

Донъ-Кихотъ едва знаетъ грамотѣ; Гамлетъ, вѣроятно, ведетъ дневникъ. Донъ-Кихотъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, имѣетъ опредѣленный образъ мыслей о государственныхъ дѣлахъ, объ администраціи; Гамлету некогда, да и незачѣмъ этимъ заниматься.

Много возставали противъ безконечныхъ побоевъ, которыми Сервантесъ обременяетъ Донъ-Кихота. Мы замѣтили выше, что во 2-й части романа бѣднаго рыцаря уже почти не бьютъ; но мы прибавимъ, что безъ этихъ побоевъ онъ бы меньше нравился дѣтямъ, которыя съ такой жадностью читаютъ его похожденія, — да и намъ, взрослымъ, онъ бы показался не въ своемъ истинномъ свѣтѣ, но

какъ-то холодно и надменно, что противорѣчило бы его характеру. Мы сейчасъ сказали, что во второй части уже не бьютъ его; но въ самомъ ея концѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Донъ-Кихота рыцаремъ *свѣтлаго мѣсяца*, переодѣтымъ баккалавромъ, послѣ его отреченія отъ рыцарства, незадолго до его смерти — стадо свиней топчетъ его ногами. Намъ однажды довелось услышать укоры Сервантесу—зачѣмъ онъ это написалъ, какъ бы повторяя старыя, уже брошенныя шутки; но и тутъ Сервантесомъ руководилъ инстинктъ генія — и въ самомъ этомъ безобразномъ приключеніи лежитъ глубокій смыслъ. Попираніе свиными ногами встрѣчается всегда въ жизни Донъ-Кихотовъ — именно передъ ея концомъ; эта послѣдняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманію... Это пощечина фарисея... Потомъ они могутъ умереть. Они прошли черезъ весь огонь горнила, — завоевали себѣ безсмертіе — и оно открывается передъ ними.

Гамлетъ при случаѣ коваренъ и даже жестокъ. Вспомните устроенную имъ погибель двухъ посланныхъ въ Англію отъ короля придворныхъ, вспомните его рѣчь объ убитомъ имъ Полоніи. Впрочемъ, мы въ этомъ видимъ, какъ мы уже сказали, отраженіе еще недавно минувшихъ среднихъ вѣковъ. Съ другой стороны, мы въ честномъ, правдивомъ Донъ-Кихотѣ обязаны подмѣтить склонность къ полусознательному, полуневинному обману, къ самообольщенію — склонность, почти всегда присущую фантазіи энтузіаста. Разсказъ его о томъ, что онъ видѣлъ въ пещерѣ Монтезиноса, явно имъ выдуманъ и не обманулъ хитраго простака Санчо-Пансу.

Гамлетъ отъ малѣйшей неудачи падаетъ духомъ и жалуется; а Донъ-Кихотъ, исколоченный галерными преступниками до невозможности пошевельнуться, нимало не сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія. Такъ, говорятъ, Фурье ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, ходилъ на свиданіе съ англичанкомъ, котораго онъ вызывалъ въ газетахъ для снабженія ему милліона франковъ на приведеніе въ исполненіе его плановъ и который, разумѣется, никогда не явился. Это, безспорно, очень смѣшно; но вотъ что намъ приходитъ въ голову: древніе называли своихъ боговъ завистливыми—и въ случаѣ нужды считали полезнымъ укрощать ихъ добровольными жертвами (вспомните кольцо, брошенное въ море Поликратомъ); почему и намъ не думать, что нѣкоторая доля смѣшного неминуемо должна примѣшиваться къ поступкамъ, къ самому характеру людей, призванныхъ на великое новое дѣло, какъ дань, какъ успокоительная жертва завистливымъ богамъ? А все-таки безъ этихъ смѣшныхъ чудаковъ-изобрѣтателей не подвигалось бы впередъ человѣчество — и не надъ чѣмъ было бы размышлять Гамлетамъ.

Да, повторяемъ: Донъ-Кихоты находятъ, Гамлеты разрабатываютъ. Но какъ же, спросятъ насъ, могутъ Гамлеты что-нибудь разрабатывать, когда они во всемъ сомнѣваются и ничему не вѣрятъ? На это мы возразимъ, что, по мудрому распоряженію природы, полныхъ Гамлетовъ, точно такъ же, какъ и полныхъ Донъ-Кихотовъ, нѣтъ: это только крайнія выраженія двухъ направленій, вѣхи, выставленныя поэтами на двухъ различныхъ путяхъ. Къ нимъ стремится жизнь, никогда ихъ не достигая. Не должно забывать, что какъ принципъ анализа доведенъ въ Гамлетѣ до трагизма, такъ принципъ энтузіазма въ Донъ-Кихотѣ — до комизма, а въ жизни вполнѣ комическое и вполнѣ трагическое встрѣчается рѣдко.

Гамлетъ много выигрываетъ въ нашихъ глазахъ отъ привязанности къ нему Горація. Это лицо прелестно и попадается довольно часто въ наше время, къ чести нашего времени. Въ Горація мы признаемъ типъ послѣдователя, ученика въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Съ характеромъ стоическимъ и прямымъ, съ горячимъ сердцемъ, съ нѣсколько ограниченнымъ умомъ, онъ чувствуетъ свой недостатокъ и скромепъ, что рѣдко бываетъ съ ограниченными людьми; онъ жаждетъ поученія, наставленія и потому благоговѣетъ передъ умнымъ Гамлетомъ и предается ему всей силой своей честной души, не требуя даже взаимности. Онъ подчиняется ему не какъ принцу, а какъ главѣ. Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Гамлетовъ состоитъ въ томъ, что они образуютъ и развиваютъ людей, подобныхъ Горацію, людей, которые, принявъ отъ нихъ сѣмена мысли, оплодотворяютъ ихъ въ своемъ сердцѣ и разносятъ ихъ потомъ по всему міру. Слова, которыми Гамлетъ признаетъ значеніе Горація, дѣлаютъ честь ему самому. Въ нихъ выражаются собственныя его понятія о высокомъ достоинствѣ человѣка, его благородныя стремленія, которыхъ никакой скептицизмъ ослабить не въ силахъ. «Послушай,—говоритъ онъ ему:

Съ той поры, какъ это сердце
Властителемъ своихъ избраній стало
И научилось различать людей,
Оно тебя избрало передъ всѣми.
Страдая, ты, казалось, не страдалъ,
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ— и я укрою
Его въ душѣ моей святѣйшихъ пѣдрахъ,
Какъ я тебя укрылъ [1]).

[1]) «Гамлетъ»—переводъ А. Кронеберга, Харьковъ, 1844, стр. 107.

Честный скептикъ всегда уважаетъ стоика. Когда распадался древній міръ — и въ каждую эпоху, подобную той эпохѣ — лучшіе люди спасались въ стоицизмъ, какъ въ единственное убѣжище, гдѣ еще могло сохраниться человѣческое достоинство. Скептики, если не имѣли силъ умереть — «отправиться въ ту страну, откуда ни одинъ еще путникъ не возвращался», дѣлались эпикурейцами. Явленіе понятное, печальное и слишкомъ знакомое намъ.

И Гамлетъ, и Донъ-Кихотъ умираютъ трогательно; но какъ различна кончина обоихъ! Прекрасны послѣднія слова Гамлета. Онъ смиряется, утихаетъ, приказываетъ Горацію жить, подаетъ свой предсмертный голосъ въ пользу молодого Фортинбраса, ничѣмъ не запятнаннаго представителя права наслѣдства... но взоръ Гамлета не обращается впередъ... «Остальное... молчаніе», говоритъ умирающій скептикъ и дѣйствительно умолкаетъ навѣки. Смерть Донъ-Кихота навѣваетъ на душу несказанное умиленіе. Въ это мгновеніе все великое значеніе этого лица становится доступнымъ каждому. Когда бывшій его оруженосецъ, желая его утѣшить, говоритъ ему, что они скоро снова отправятся на рыцарскія похожденія: «Нѣтъ,—отвѣчаетъ умирающій:—все это навсегда прошло, и я прошу у всѣхъ прощенія; я уже не Донъ-Кихотъ, я снова Алонзо добрый, какъ меня нѣкогда называли, — Alonso el Bueno».

Это слово удивительно; упоминаніе этого прозвища — въ первый и послѣдній разъ—потрясаетъ читателя. Да, одно это слово имѣетъ еще значеніе предъ лицомъ смерти. Все пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется прахомъ...

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ...

но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ; они долговѣчнѣе самой сіяющей красоты: «все минется, — сказалъ апостолъ: — одна любовь останется».

Намъ нечего прибавлять послѣ этихъ словъ. Мы почтемъ себя счастливыми, если указаніемъ на тѣ два коренныя направленія человѣческаго духа, о которыхъ мы говорили передъ вами, мы возбудили въ васъ нѣкоторыя мысли, быть-можетъ, даже не согласныя съ нашими, — если мы, хотя приблизительно, исполнили нашу задачу и не утомили вашего благосклоннаго вниманія.

И. Тургеневъ.

„Фаустъ". Трагедія. Соч. Гёте.

Приступая къ разбору этой великой трагедіи, мы чувствуемъ нѣкоторую невольную робость... Мы знаемъ сами, какой великій трудъ мы взяли на себя.

Разборъ вѣковыхъ твореній, подобныхъ «Фаусту», или весьма легокъ, или весьма труденъ. — Въ первомъ случаѣ стоитъ только «воскурить онміамъ», употребить восторженныя восклицанія и т. д.: благо, произведеніе великое, такъ ужъ и нечего толковать о немъ! Бо́льшею частью такъ и поступаютъ наши господа-критики. Но эти господа забываютъ, что ни одно великое твореніе не упало на землю, какъ камень съ неба; что каждое изъ нихъ вышло изъ глубины поэтической личности, которая только потому и удостоилась такого счастія, что весь смыслъ современной жизни отразился въ ней не одними переходящими отголосками, но цѣлымъ, иногда довольно мучительнымъ, развитіемъ характера и таланта; что чѣмъ выше, проще и нераздѣльнѣе произведеніе, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе условія и процессъ его *возниканія*... Съ другой стороны, вовсе не нужно дойти до сознанія этого процесса, чтобъ вполнѣ наслаждаться великимъ произведеніемъ, точно такъ же, какъ не нужно знать химическій составъ какого-нибудь прекраснаго цвѣтка, чтобъ быть въ состояніи любоваться имъ; непосредственная, несомнѣнная, общепонятная красота — необходимая принадлежность всякаго художественнаго созданія. Но если ужъ человѣческій духъ рѣшится понять и оцѣнить то, чѣмъ онъ плѣняется невольно, дознаться причинъ собственнаго наслажденія, то непростительно ему остановиться на полдорогѣ; безстрашная добросовѣстность и отчетливость до конца — вотъ главныя достоинства критики въ обширномъ смыслѣ, которая, несмотря на вопли ея противниковъ, никому еще не сдѣлала зла. — Мы не говоримъ о самолюбивой, робкой или ограниченной критикѣ людей, которымъ не хочется быть просто непосредственными натурами, и, между тѣмъ, страшно или тяжело дойти до результатовъ собственныхъ размышленій, — людей, которые цѣлый вѣкъ твердятъ дважды-два и никогда не скажутъ: четыре, или скажутъ, наконецъ, — пять, и будутъ хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло... Мы говоримъ о дѣльной критикѣ. Вслѣдствіе всего сказаннаго о духѣ нашей публики, мы надѣемся удовлетворить ея потребностямъ, представивъ ей сначала въ короткихъ словахъ родъ историческаго изысканія о томъ, когда, какъ и почему возникла и созрѣла мысль о «Фаустѣ» въ душѣ поэта, а потомъ и собственное наше воззрѣніе на «Фауста». Историческое изысканіе можетъ иногда съ успѣхомъ замѣнить чисто логическія разсужденія, потому что ничего не можетъ быть логичнѣе историческаго развитія, ясно и добросовѣстно представленнаго. Мы, безспорно, можемъ ошибиться въ нашихъ выводахъ; но уже Лафонтенъ сказалъ:

J'aurais du moins d'honneur de l'avoir entrepris.

Гёте, въ запискахъ своихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно имъ начатыхъ, оставилъ намъ довольно вѣрную и подробную картину состоянія германской литературы до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (онъ самъ родился въ 1749 году). Великими людьми этой эпохи были Клопштокъ, Виландъ и Лессингъ, въ особенности Клопштокъ. Французская классическая школа (Готшедъ), швейцарская школа (Бодмеръ и др.) — обѣ прошли быстро и безвозвратно. Клопштокъ первый заговорилъ о народности въ литературѣ, о бардахъ, объ Арминіи, о сѣверной миѳологіи, отбросилъ риѳму. Виландъ, этотъ разнообразный, насмѣшливый и граціозный талантъ, своими многочисленными произведеніями, переводами съ греческаго, англійскаго, итальянскаго и французскаго, возбуждалъ и увлекалъ своихъ соотечественниковъ; Лессингъ, по преимуществу нѣмецкій, здравый и острый умъ, основывалъ критику и драму — и, можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ Клопштокъ, имѣлъ право называться творцомъ нѣмецкой словесности; онъ былъ одаренъ чрезвычайно замѣчательнымъ полемическимъ талантомъ и здравымъ смысломъ (впрочемъ, эти два качества почти неразлучны), и побѣды, одержанныя имъ надъ людьми, подобными Клотцу и другимъ, спасли возникавшую германскую литературу отъ гибели ложныхъ направленій. Заслуги этихъ трехъ писателей чрезвычайно велики; но ни одному изъ нихъ не было суждено положительно выразить сущность своего народа и времени. У каждаго народа есть своя чисто-литературная эпоха, которая мало-по-малу пріуготовляетъ другія, болѣе обширныя развитія человѣческаго духа; такая эпоха настала для Германіи около семидесятыхъ годовъ. Между тѣмъ какъ во Франціи общество уже устарѣлое, испытанное внѣшними и внутренними борьбами, не оставлявшее ни одного вопроса безъ разрѣшенія и неудовлетворенное ни однимъ изъ этихъ разрѣшеній, — между тѣмъ какъ это общество стремительно спѣшило къ собственному разрушенію, или, говоря правильнѣе, къ собственному возрожденію, — Германія только что приходила къ сознанію собственной народности, къ сознанію самой себя — не какъ общества, но какъ народа, говорящаго однимъ языкомъ и не имѣющаго на этомъ языкѣ ни одного литературнаго памятника. До XVII столѣтія всѣ нѣмецкіе ученые писали по-латыни и по-французски, какъ Лейбницъ; поэты держались при дворѣ въ качествѣ шутовъ и писали оды на разные торжественные случаи; немногія исключенія, какъ-то: юмористы школы Ганса Сакса — Фишартъ, Грифіусъ, свидѣтельствуя о добродушно-сатирическомъ направленіи нѣмецкаго ума, не имѣли, впрочемъ, особеннаго значенія; монархи германскіе, даже лучшіе изъ нихъ (вспомните Фридриха II) пренебрегали роднымъ языкомъ; одни лишь богословы со времени Лютера говорили и писали по-нѣмецки. Но

вотъ настала первая половина прошлаго столѣтія: философъ Вольфъ отказался отъ латинскаго языка. Нѣмецкая литература, еще юная и не самобытная, устремилась по слѣдамъ французской. Быстро одинъ за другимъ начали возникать писатели, которыхъ уже нельзя было, какъ Готшеда, причислить къ сонму бездарныхъ подражателей; Рамлеръ и Глеймъ явились въ Берлинѣ; начались критическія изслѣдованія о самомъ языкѣ, правда, довольно поверхностныя, но для того времени чрезвычайно важныя. Наконецъ явились тѣ замѣчательные люди, о которыхъ мы говорили выше. Но настоящій переворотъ, — то, что Гёте назвалъ революціей германской литературы (ч. XXVI, стр. 68, изд. 1829), совершился между семидесятыми и восьмидесятыми годами прошлаго вѣка, въ эпоху, которую нѣмецкіе критики (правильнѣе Litterarhistoriker) называютъ «періодомъ бури и стремленія» (Sturm und Drang-Periode).

Жизнь каждаго народа можно сравнить съ жизнью отдѣльнаго человѣка, съ той только разницей, что народъ, какъ природа, способенъ вѣчно возрождаться. Каждый человѣкъ, въ молодости своей, пережилъ эпоху «геніальности», восторженной самонадѣянности, дружескихъ сходокъ и кружковъ. Сбросивъ иго преданій, схоластики и вообще всякаго авторитета, всего, что приходитъ къ нему извнѣ, онъ ждетъ спасенія отъ самого себя, онъ вѣритъ въ непосредственную силу своей натуры и преклоняется предъ природой, какъ передъ идеаломъ непосредственной красоты. Онъ становится центромъ окружающаго міра, онъ (самъ не сознавая своего добродушнаго эгоизма) не предается ничему: онъ все заставляетъ себѣ предаваться; онъ живетъ сердцемъ, но не однимъ, своимъ, не чужимъ сердцемъ, даже въ любви, о которой онъ такъ много мечтаетъ; онъ романтикъ,— романтизмъ есть не что иное, какъ апоѳеоза личности. Онъ готовъ толковать объ обществѣ, объ общественныхъ вопросахъ, о наукѣ; но общество, такъ же какъ и наука, существуетъ для него—не онъ для нихъ. Такая эпоха теорій, не условленныхъ дѣйствительностью, а потому и не желающихъ примѣненія, мечтательныхъ и неопредѣленныхъ порывовъ, избытка силъ, которыя собираются низвергнуть горы, а пока не хотятъ или не могутъ пошевельнуть соломинку— такая эпоха необходимо повторяется въ развитіи каждаго; но только тотъ изъ насъ дѣйствительно заслуживаетъ названіе человѣка, кто сумѣетъ выйти изъ этого волшебнаго круга и пойти далѣе, впередъ, къ своей цѣли. Подобная романтическая эпоха настала для Германіи во время юности Гёте. Появилось множество такъ называемыхъ геніальныхъ молодыхъ людей; молодость, непосредственность, природа, самобытность, — эти слова звучали въ устахъ у каждаго; никому бы въ голову не пришло тогда написать «Разбойниковъ» — потому что

всякаго занимали только собственныя радости и страданія—но многіе надѣялись попасть прямо въ Шекспиры: въ то время Виландъ и Эшенбургъ познакомили съ нимъ Германію, и ихъ переводы жадно поглощались читателями. Любовь къ Шекспиру пробудила любовь къ среднимъ вѣкамъ, къ которымъ можно чувствовать влеченіе только тогда, когда въ дѣйствительности народъ вполнѣ отъ нихъ отторгнулся, а это отторженіе совершилось въ Германіи довольно поздно. Движеніемъ умовъ во Франціи — Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты,—все, что такъ глубоко, такъ сильно потрясло потомъ весь міръ, въ то время находило весьма мало сочувствія въ Германіи, и ландграфы преспокойно продолжали продавать своихъ подданныхъ англичанамъ, воевавшимъ съ непокорными американцами. Вотъ что говоритъ самъ Гёте въ третьей части своей автобіографіи: «Когда намъ случалось раскрыть одну изъ частей энциклопедическаго словаря (извѣстное изданіе Дидро и Даламбера), намъ казалось, что мы зашли въ огромную фабрику, гдѣ со всѣхъ сторонъ скрипятъ и вертятся колеса, непостижимымъ образомъ двигаются машины, и мы, не понимая цѣли всѣхъ этихъ движеній, приходили въ полное отчаяніе... Жаркій споръ французскихъ философовъ съ духовенствомъ не возбуждалъ нашего вниманія. Запрещенныя, къ огню присужденныя книги, которыя тогда дѣлали много шума, не имѣли на насъ никакого вліянія... Природа была нашимъ божествомъ».

Эти слова Гёте относятся, правда, къ кружку страсбургскихъ его пріятелей; но онъ былъ тогда самымъ полнымъ представителемъ молодого поколѣнія; тѣ изъ его современниковъ, которые шли по другой дорогѣ, не оставили слѣда своего существованія, т.-е. заблуждались; притомъ же, первыя произведенія Гёте тотчасъ поразили и увлекли толпу читателей.

Вся Германія занялась преимущественно, если не исключительно, одними литературными вопросами. Юстусъ Мозеръ, замѣчательный для своего времени публицистъ, является намъ одинокимъ исключеніемъ. Еще земля не начинала дрожать подъ ногами людей; еще вся Европа двигалась по прежнимъ направленіямъ, жила прежними убѣжденіями и вѣрованіями; сверхъ того, философскій переворотъ долженъ былъ, по духу нѣмецкаго народа, предшествовать всякому дальнѣйшему развитію общественной жизни въ Германіи — въ самую эту эпоху «бури и стремленія», въ отдаленномъ городѣ, на сѣверѣ, профессоръ Кантъ тихо и неутомимо создавалъ критическую философію, ту самую философію, которая мало-по-малу проникла всю нашу дѣйствительность, и которая скажетъ свое послѣднее слово даже не нашему поколѣнію.

Въ то самое время, около семидесятыхъ годовъ, жилъ на берегахъ Рейна, то въ Страсбургѣ, то во Франкфуртѣ, молодой человѣкъ, которому суждено было выразить собой всю сущность своего народа

и своего времени, — Вольфгангъ Гёте. Онъ былъ поэтъ по преимуществу, поэтъ, и больше ничего. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ все его величіе и вся его слабость. Онъ былъ одаренъ всеобъемлющимъ созерцаніемъ; все земное просто, легко и вѣрно отражалось въ душѣ его. Съ способностью увлекаться страстно, безумно онъ соединялъ въ себѣ даръ постояннаго наблюденія, самопевольнаго поэтическаго созерцанія своей собственной страсти; съ безконечно-разнообразной и воспріимчивой фантазіей — здравый смыслъ, вѣрный художническій тактъ и стремленіе къ единству. Онъ самъ былъ весь цѣлый, весь — какъ говорится — изъ одного куска; жизнь и поэзія не распадались у него на два отдѣльные міра: его жизнь была его поэзіей, его поэзія была его жизнью... Первымъ и послѣднимъ словомъ, альфой и омегой всей его жизни было, какъ у всѣхъ поэтовъ, его собственное *я;* но въ этомъ *я* вы находите цѣлый міръ — и сознаніе громадности этой личности до того сильно дѣйствуетъ на васъ, что какая-нибудь небольшая пѣсенка Клерхенъ, въ которой говорится только то, что безъ любви нѣтъ счастія на землѣ (мысль, изволите видѣть, весьма не новая), поражаетъ васъ такъ, какъ будто ни вамъ самимъ, ни другому ничего подобнаго въ голову не приходило. Понятно, почему Гёте, подъ старость, могъ не шутя почитать себя Юпитеромъ Олимпійскимъ; онъ зналъ, что онъ владѣлъ природой и человѣкомъ: онъ владѣлъ искусствомъ, какъ не владѣлъ никто до него; а людямъ только того и нужно: воспѣтыя радости, воспѣтыя слезы трогаютъ ихъ болѣе, чѣмъ дѣйствительныя радости и слезы.

Но Гёте былъ нѣмецъ — нѣмецъ восемнадцатаго столѣтія, сынъ реформаціи; его величіе состояло именно въ томъ, что всѣ стремленія, всѣ желанія его народа небезплодно отражались въ немъ. Какъ великій нѣмецкій поэтъ, онъ создалъ «Фауста». Мысль воспользоваться этимъ типомъ не ему первому пришла въ голову: уже одинъ изъ предшественниковъ Шекспира, Марло (Marlowe), написалъ «Фауста» — чрезвычайно замѣчательное произведеніе, о которомъ мы когда-нибудь поговоримъ съ нашими читателями; кромѣ Гёте, Клингеръ и Ленцъ, его современники и друзья (если только у Гёте могли быть друзья), сочинили каждый «Фауста». Они оба принадлежали къ тому кружку замѣчательныхъ личностей, которыя въ то время группировались около Гёте и которыхъ онъ такъ мастерски описалъ въ своихъ «Запискахъ»... И странно: оба они умерли въ Россіи—Клингеръ въ Петербургѣ генераломъ, Ленцъ—въ Москвѣ, у какого-то сапожника, въ бѣдности и сумасшествіи. Но то, о чемъ такъ пламенно и такъ напрасно мечталъ оригинальный, фантастическій и насмѣшливый Ленцъ; то, что было недоступно здоровой и сильной, но не поэтической натурѣ Клингера, — далось одному Гёте...

Приступаемъ къ оцѣнкѣ трагедіи Гёте.

«Фаустъ» есть чисто-человѣческое, правильнѣе — чисто-эгоистическое произведеніе. Германія въ то время вся распадалась на атомы; каждый хлопоталъ о человѣкѣ вообще, т.-е., въ сущности, о своей собственной личности. Фаустъ, съ начала до конца трагедіи, заботился объ одномъ себѣ. Послѣднимъ словомъ всего земного для Гёте (такъ же, какъ и для Канта и Фихте) было человѣческое *я*... И вотъ это *я*, это начало, этотъ краеугольный камень всего существующаго, не находитъ въ себѣ успокоенія, не достигаетъ ни знанія, ни убѣжденія, ни даже счастія, простого, обыкновеннаго счастія. («И псу не жить, какъ я живу», говоритъ Фаустъ.) Куда, къ чему ему обратиться? Для Фауста не существуетъ общество, не существуетъ человѣческій родъ: онъ весь погружается въ себя; онъ отъ одного себя ждетъ спасенія. Съ этой точки зрѣнія, трагедія Гёте является намъ самымъ рѣшительнымъ, самымъ рѣзкимъ выраженіемъ романтизма, хотя это имя вошло въ моду гораздо позже. Примиренія, дѣйствительнаго примиренія, того окончательнаго аккорда, въ которомъ разрѣшались бы всѣ предшествовавшіе диссонансы, мы не находимъ въ Фаустѣ, такъ же, какъ, напримѣръ, въ Байронѣ; придуманное старцемъ Гёте аллегорическое, холодное, натянутое разрѣшеніе трагедіи не удовлетворяло и не удовлетворитъ, вѣроятно, ни одного живого человѣка; а между тѣмъ, оканчивая «Фауста», мы не ощущаемъ того горькаго и смутнаго безпокойства, которое возбуждаетъ въ насъ каждое твореніе лорда Байрона, этой надменной, глубоко симпатичной, ограниченной и геніальной натуры, потому что всѣ противорѣчія a priori примирены въ классически-спокойной душѣ Гёте, которая могла, не разрушаясь, даже не страдая, вынести въ себѣ Мефистофеля. Да, Гёте не дошелъ до положительнаго, высказаннаго примиренія; но ему оно и не нужно: сознаніе собственной силы удовлетворяетъ его... Величавое равнодушіе Фауста во второй части — вотъ настоящее, окончательное примиреніе всѣхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ и сомнѣній. Человѣку, которому природа отказала въ возможности такого апріорическаго успокоенія, Гёте не даетъ никакого отвѣта. Гёте не признавалъ ничего внѣ сферы чисто-человѣческой; а между тѣмъ, Фауста волнуютъ вопросы, которые проистекаютъ не изъ этой сферы и для которыхъ Гёте не могъ найти удовлетворительнаго разрѣшенія. Эти, говоря языкомъ Канта, трансцендентные вопросы переданы были ему цѣлымъ предшествовавшимъ развитіемъ не одного германскаго народа, но всей Европы; стремленіе всего человѣчества къ тому, что находится внѣ собственной, земной жизни, это стремленіе, это коренное начало среднихъ вѣковъ, которое выразилось во всемъ: и въ самомъ составѣ общества, и въ

исторіи, и въ поэзіи, и въ искусствѣ (вспомнимъ готическія церкви), отозвалось могущественно и неотразимо въ душѣ Фауста. Фаустъ — сынъ своего прошедшаго. Но не менѣе сильно выразилось въ немъ начало противоположное, начало новѣйшаго времени, автономіи человѣческаго разума и критики. Въ исторіи развитія человѣческаго сознанія «Фауста» можно почитать самымъ полнымъ (литературнымъ) выраженіемъ эпохи, раздѣляющей средніе вѣка отъ новаго времени. И такъ какъ всякое, даже положительное начало должно, при первомъ появленіи своемъ, носить характеръ отрицательный (иначе оно себѣ никогда не завоюетъ мѣста), то и весьма понятно, почему оно, это начало, у Гёте, современника Вольтера, приняло образъ Мефистофеля. Мефистофель — это новое время; это тотъ XVIII вѣкъ, на который съ такимъ добродушнымъ ожесточеніемъ ослѣпленные или ограниченные люди сыплютъ разнообразныя проклятія... Подъ какимъ бы именемъ ни скрывался этотъ духъ отрицанія и критики, всюду за нимъ гоняются толпы своекорыстныхъ или ограниченныхъ людей, даже и тогда, когда это отрицательное начало, получивъ, наконецъ, право гражданственности, постепенно теряетъ свою чисторазрушающую, ироническую силу, наполняется само новымъ, положительнымъ содержаніемъ и превращается въ разумный и органическій прогрессъ. Но мы готовы согласиться съ врагами критическаго начала: дѣйствительно, при вступленіи своемъ — не въ кругъ человѣческой дѣятельности, потому что оно никогда не переставало составлять одинъ изъ элементовъ этой дѣятельности — но на поприщѣ общественнаго развитія въ Европѣ — дѣйствительно, оно было односторонне, безжалостно и разрушительно; дѣйствительно, Мефистофель не представляетъ ничего отраднаго... но самъ Фаустъ, это больное дитя не слишкомъ здоровыхъ среднихъ вѣковъ, — развѣ онъ въ силахъ стоять на собственныхъ ногахъ, развѣ въ немъ мы не находимъ всѣхъ признаковъ разрушенія? Не стремился ли онъ самъ изъ своей душной кельи, къ которой пригвоздила его безплодная, самолюбивая страсть къ недосягаемымъ отвлеченностямъ, на волю, въ дѣйствительный, здравый міръ, куда онъ оттого попасть не умѣетъ, что онъ, какъ фантазеръ, только фантазируетъ о немъ и ждетъ себѣ здоровья — не отъ сообщества съ живыми людьми, а отъ... лучей луны.

O möcht'ich...

. . . . . .

Von allem Wissensqualm entladen,
In deinem Thau gesund mich baden!

Не является ли намъ Фаустъ скептикомъ съ самыхъ первыхъ словъ своихъ? И самая его попытка: «отважно обратить свой тылъ къ

прекрасному земному солнцу» не есть ли послѣдній, отчаянный и ложный порывъ къ свободѣ и гармоніи? Самъ Фаустъ — не тотъ же ли Мефистофель въ своемъ разговорѣ съ Вагнеромъ, этимъ нѣмцемъ par excellence, этимъ типомъ «филистера»? Наконецъ, онъ, Мефистофель, не есть ли онъ необходимое, естественное, неизбѣжное дополненіе Фауста?.. И не выговариваются ли въ его рѣчахъ задушевныя наклонности и убѣжденія самого Гёте? Да и самъ Мефистофель часто — не есть ли смѣло-выговоренный Фаустъ?

Гёте началъ писать свою трагедію весьма рано, прежде «Гёца фонъ-Берлихингена» и «Вертера». Онъ началъ его, какъ онъ самъ сознался, безъ всякаго опредѣленнаго плана; да и въ теперешнемъ видѣ «Фаустъ», какъ трагедія, не можетъ имѣть притязанія на округленность, на внѣшнее единство. Гёте съ раннихъ лѣтъ отличался необыкновенной наклонностью къ размышленію и систематизированію, наклонностью, почти всегда несовмѣстной съ живымъ даромъ поэтическаго воспроизведенія, которымъ такъ щедро былъ онъ надѣленъ... Впрочемъ, надобно прибавить и то, что Гёте, какъ поэтъ, вовсе не дорожилъ своими воззрѣніями и системами; онъ легко и свободно покидалъ ихъ... его, въ сущности, занимало одно: жизнь, возведенная въ идеалъ поэзіи («die Wirklichkeit zum schönen Schein erhoben», какъ говорилъ онъ), жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ добросовѣстно, съ любовію изучалъ ее... но, повторяемъ, не жизнь, какъ жизнь — занимала и увлекала его душу, но жизнь, какъ предметъ поэзіи. Гёте, наконецъ, дошелъ до того, что онъ не пугался страданій, даже не избѣгалъ ихъ: они внушали его лирѣ такіе новые, такіе прекрасные звуки... Да впрочемъ, какой же поэтъ когда-нибудь страдалъ, страдалъ дѣйствительно, безсловесно, глухо? Всѣ они готовы повторять съ Тассо:

Und mir noch über alles—
Sie (die Natur) liess im Schmerz mir Melodie und Rede
Die tiefste Fülle meiner Noth zu klagen:
Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott zu sagen, wie ich leide...

И пользуясь этимъ, у плохихъ стихотворцевъ воображаемымъ, у хорошихъ—дѣйствительнымъ преимуществомъ, авторы до того надоѣли намъ воспѣваніемъ своихъ страданій, что поневолѣ захочется сказать даже лучшему изъ нихъ:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ!

Но отъ поэзіи уйти невозможно; слова, сказанныя нами, тоже стихъ, тоже произнесены поэтомъ...

Итакъ, Гёте писалъ своего «Фауста» безъ всякаго плана. Онъ бросалъ стихи на бумагу, какъ невольныя признанія мыслящаго и

страстнаго поэта-эгоиста. Въ его время, въ то переходное, неопредѣленное время, позволительно было поэту быть только человѣкомъ; старое общество еще не разрушилось тогда въ Германіи; но въ немъ было уже душно и тѣсно; новое только что начиналось; но въ немъ не было еще довольно твердой почвы для человѣка, не любящаго жить одними мечтаніями; каждый нѣмецъ шелъ себѣ своимъ путемъ и, либо своекорыстно, либо безсмысленно, покорялся существующему порядку вещей. Посмотрите, какую жалкую роль играетъ народъ въ «Фаустѣ»! Это—народъ (вспомните сцену, когда Фаустъ гуляетъ съ Вагнеромъ, и сцену въ погребѣ Ауэрбаха), въ родѣ народа на картинахъ Теньера и Остада; Мефистофель хочетъ дать Фаусту понятіе о веселомъ житьѣ-бытьѣ толпы и показываетъ ему полдюжину довольно глупыхъ студентовъ, надъ которыми онъ вдвоемъ потѣшаются «en grands seigneurs»; народъ, въ произведеніи Гёте, проходитъ передъ нашими взорами не какъ древній хоръ въ классической трагедіи, а какъ хористы въ новѣйшей оперѣ. Толпа представлена, какъ водится, объективно, даже символически (въ сценѣ, о которой мы уже говорили, когда Фаустъ гуляетъ съ Вагнеромъ, всѣ сословія — одно за другимъ парадируютъ передъ читателемъ); она понята; ей отдано то, что ей слѣдуетъ, «mann lässt sie gelten», — чего жъ ей болѣе? Какое право имѣетъ она — эта глупая толпа — возмущать величественный покой, или одинокія радости, или, наконецъ, одинокія страданія какой-нибудь геніальной личности? А этотъ бѣдный молодой мальчикъ, этотъ ученикъ, который смиренно приходитъ попросить совѣтовъ у Фауста, — съ какой аристократической, небрежной ироніей потѣшается Гёте надъ нимъ и вообще надъ молодымъ поколѣніемъ, которое не можетъ возвыситься до геніальности—надъ ограниченной толпой! Всѣ насмѣшки, всѣ сарказмы Мефистофеля падаютъ на Фауста, какъ на отдѣльное лицо; онъ знаетъ его слабую сторону. — Фаустъ, мы уже говорили это не разъ, — эгоистъ и заботится объ одной своей особѣ. Да, наконецъ, Мефистофель далеко не «самъ великій сатана»; онъ скорѣе «мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ». Мефистофель — бѣсъ каждаго человѣка, въ которомъ родилась рефлексія; онъ — воплощеніе того отрицанія, которое появляется въ душѣ, исключительно занятой своими собственными сомнѣніями и недоумѣніями; онъ — бѣсъ людей одинокихъ и отвлеченныхъ, людей, которыхъ глубоко смущаетъ какое-нибудь маленькое противорѣчіе въ ихъ собственной жизни и которые съ философическимъ равнодушіемъ пройдутъ мимо цѣлаго семейства ремесленниковъ, умирающихъ съ голода. Онъ страшенъ не самъ по себѣ: онъ страшенъ своей ежедневностью, своимъ вліяніемъ на множество юношей, которые, по его милости, или, говоря безъ аллегоріи, по милости собственной

робкой и эгоистической рефлексіи, не выходятъ изъ тѣснаго кружка своего милаго *я*. Онъ ѣдокъ, золъ и насмѣшливъ; люди, которые, по словамъ Пушкина, встрѣчаются съ этимъ демономъ, страдаютъ; но ихъ болѣзненныя страданія не возбуждаютъ нашего глубокаго участія; притомъ, сколько такихъ страдальцевъ, попосившись съ своимъ горемъ, какъ «съ писанной торбой», внезапно превращаются въ добрыхъ и здоровыхъ пошлецовъ!.. Да и тѣ изъ нихъ, которые до конца дней своихъ вянутъ и сохнутъ, какъ надломанная вѣтка,—признаемся откровенно,—и тѣ возбуждаютъ въ насъ одно лишь преходящее сожалѣніе... Повторяемъ, Мефистофель страшенъ только потому, что до сихъ поръ его почитаютъ страшнымъ... Ужасенъ онъ для людей, которымъ собственное счастье дороже всего на свѣтѣ и которые хотятъ въ то же время понять, почему именно они счастливы... а этихъ людей всегда будетъ много, до того много, что мы, вспомнивъ объ ихъ количествѣ, готовы снова признать величіе гётевскаго чорта, съ которымъ мы обошлись было довольно безцеремонно. Но все же мы должны сознаться, что мы не разъ возмущали «другой могучій образъ», передъ которымъ блѣднѣлъ и исчезалъ Мефистофель, это воплощенное проявленіе критическаго начала въ ограниченной сферѣ отдѣльной личности.

Итакъ, мы сказали, Фаустъ—эгоистъ, эгоистъ теоретическій, самолюбивый, ученый, мечтательный эгоистъ. Не науку хотѣлъ онъ завоевать — онъ хотѣлъ черезъ науку завоевать самого себя, свой покой, свое счастіе. Упорной односторонностью его отвлеченной натуры проникнута вся трагедія, исключая величаваго появленія духа земли въ началѣ первой сцены. Въ громовыхъ его словахъ слышится намъ голосъ Гёте-пантеиста, того Гёте, который внѣ страстнаго разнообразія человѣческаго міра признавалъ одну безразличную, спокойную «субстанцію» Спинозы и уходилъ въ нее какъ въ свое «убѣжище» (in sein Asyl), когда собственная личность начинала ему надоѣдать. Эгоизмъ Фауста особенно проявляется въ отношеніяхъ его къ Гретхенъ. Наскучивъ безплодностью и безотрадностію уединенной жизни, Фаустъ хочетъ (въ переводѣ г. Вронченко):

Кипучія желанія
Въ утѣхахъ чувственныхъ глушить...

Онъ жаждетъ:

Бурь, тревогъ, горчайшихъ изъ отрадъ,
Любви враждебной, сладостныхъ досадъ.
. . . . . .
Все испытать поперемѣнно,
Что человѣчеству присуждено всему...

И вотъ, обновивъ, при помощи вѣдьмы, свое подержанное тѣло, Фаустъ встрѣчается съ Гретхенъ. О самой Гретхенъ мы не будемъ

много распространяться: она мила, какъ цвѣтокъ, прозрачна, какъ стаканъ воды, понятна, какъ дважды-два — четыре; она — безстрастная, добрая нѣмецкая дѣвушка; она дышитъ стыдливой прелестью невинности и молодости; она, впрочемъ, нѣсколько глупа. Но Фаустъ и не требуетъ особенныхъ умственныхъ способностей отъ своей возлюбленной.

Фаустъ знакомится съ ней рѣшительно и смѣло, какъ всѣ геніальные люди; Гретхенъ въ него влюбляется тотчасъ. Фаустъ является въ ея комнату, восторженно, страстно мечтаетъ о ней — и уходитъ, глубоко тронутый, не позабывъ, однакожъ, оставить ей подарокъ; потомъ сходится съ ней у Марты; но уже самъ передъ этимъ свиданьемъ задалъ себѣ вопросъ:

Когда въ минуту ощущенья,
Для новыхъ чувствъ я и для ихъ волненья,
Ищу имена, и не могу найти;
Когда потомъ все въ мірѣ пробѣгаю,
Сильнѣйшія изъ сильныхъ словъ хватаю,
И огнь, которымъ такъ горю,
Зову безмѣрнымъ, безконечнымъ,
Неутишимымъ, вѣчнымъ—
Ужели ложь я говорю?..

У Марты, Гретхенъ сознается ему въ любви (намъ нечего говорить, что всѣ эти сцены—верхъ совершенства)... и Фаустъ—счастливецъ Фаустъ—спѣшитъ, вы думаете, къ наслажденію? Нѣтъ, онъ спѣшитъ въ лѣса, предаваться новымъ мечтаніямъ и благодарить Могучаго Духа за то, что онъ далъ ему способность проникать въ грудь природы—какъ въ сердце друга... Кстати, мы должны обратить вниманіе читателя на одну весьма важную ошибку г-на переводчика. Въ своемъ «Обзорѣ обѣихъ частей Фауста» онъ говоритъ слѣдующее:

«Маргарита падаетъ... Вслѣдъ за тѣмъ, опомнившійся Фаустъ покидаетъ свою жертву, удаляется въ пустыню, предается тамъ созерцанію природы и души своей». Это предположеніе г. Вронченко о времени паденія Маргариты невѣрно, во-первыхъ, психологически, во-вторыхъ, фактически: у Гёте ясно сказано, что паденіе Маргариты совершается послѣ возвращенія Фауста; вотъ его собственныя слова въ собственномъ переводѣ г. Вронченко:

ФАУСТЪ.

Ужель мнѣ никогда съ тобою
Минутки быть нельзя спокойно одному—
Грудь съ грудью и душа съ душою?

МАРГАРИТА.

Ахъ! если бъ я одна спала!

. . . . . .

и далѣе:

Едва тебя завижу—вдругъ
Я становлюсь твоей покорна волѣ;
Я столько для тебя ужъ сдѣлала, мой другъ,
Что печего почти мнѣ болѣ...

Эти слова, непзъяснимо-трогательныя въ устахъ дѣвушки, которая дѣйствительно, по словамъ г. Вронченко, «едва ли понимаетъ, что̀ значитъ «паденіе женщины», находятся въ сценѣ, *которая слѣдуетъ за сценой* Фауста въ лѣсу. За этой сценой находится пѣсенка Гретхенъ, это дивное изліяніе страстной и стыдливой тоски, которая, несмотря почти на дѣтскую простоту содержанія, вѣроятно, никѣмъ и никогда не будетъ даже удовлетворительно передана... За разговоромъ Фауста съ Гретхенъ о религіи слѣдуетъ ея паденіе... и вотъ—все кончено... Гретхенъ сокрушается подъ бременемъ своего горя, а Фаустъ отправляется на Брокенъ, гдѣ съ нимъ разговариваютъ разныя аллегорическія лица. Проклятія его, когда онъ узнаетъ отъ Мефистофеля, что Гретхенъ находится на краю гибели,—просто отвратительны: онъ обвиняетъ другихъ, когда онъ самъ первый виноватъ или, пожалуй, не виноватъ; но тогда ему не изъ чего и горячиться. А послѣдняя сцена въ тюрьмѣ... кто ее не читалъ, кто ее не знаетъ?.. И скажите, читатель, Гретхенъ, этотъ бѣдный, глупый, обманутый ребенокъ, въ этой сценѣ не въ тысячу ли разъ выше умнаго Фауста, который съ торопливымъ смущеніемъ умоляетъ ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ, хотя онъ очень хорошо знаетъ, что комедія съ Гретхенъ разъиграна, и что вся эта любовь, говоря гётевскимъ слогомъ, относится къ его прошедшему? Да, «онъ совершилъ то, что ему слѣдовало совершить» (was er gesollt, hat er vollendet); но онъ не ожидалъ кровавой развязки; онъ испуганъ, онъ желаетъ спасти ее, хотя горе ей, если онъ дѣйствительно спасетъ ее отъ смерти!.. Но пошлость не восторжествуетъ на этотъ разъ: Гретхенъ удостоивается трагической кончины, и ея послѣднимъ, страшнымъ крикомъ заключается вся трагедія.

Многіе толковали и толкуютъ до сихъ поръ, что Гёте не безъ глубоко-обдуманнаго намѣренія—именно *такъ* кончилъ своего «Фауста»; но намъ кажется, что вся первая часть «Фауста» прямо вылилась изъ души Гёте, и что онъ началъ «обдумывать», «округлять» и художнически «оканчивать» свое твореніе, когда принялся писать вторую часть. Вся первая часть «Фауста», какъ произведеніе въ высшей степени геніальное, проникнута безсознательной истиной, непосредственнымъ единствомъ. Дѣйствительно, размышляя о «Фаустѣ», вы чувствуете, что въ немъ все необходимо, нѣтъ ничего лишняго; но ясно ли сознавалъ самъ Гёте гармонію своего произведенія?—предоставимъ другимъ разбирать психологически этотъ вопросъ.

«Фаустъ» (мы говоримъ о первой части) раздѣляется въ нашихъ глазахъ на двѣ половины: первая представляетъ зрѣлище вѣчной, внутренней борьбы личнаго духа; въ другой разыгрывается передъ нами трагикомедія любви. Въ обѣихъ видимъ человѣка, который безъ вѣры въ счастіе стремится къ нему. И что жъ? Ни собственныя убѣжденія, ни близость другого существа, ни знаніе, ни любовь, ничто не можетъ заставить его сказать мгновенію: «не улетай! ты такъ прекрасно»... Увы! люди гораздо ниже Фауста не разъ воображали найти, наконецъ, блаженство въ любви женщины гораздо выше Маргариты, — и вы сами знаете, читатель, какимъ аккордомъ разрѣшались всѣ эти варіаціи... Гретхенъ можно сравнить съ Офеліей; но Гамлетъ, разрушивъ ее, разрушается самъ, между тѣмъ какъ въ началѣ второй части трагедіи Гёте мы видимъ Фауста, спокойно отдыхающаго весной на травѣ, подъ пѣніе сильфовъ, и вполнѣ позабывшаго все свое прошедшее. Ему теперь не до бѣдной и простой дѣвушки, въ родѣ Гретхенъ... онъ мечтаетъ о Еленѣ...

«Фаустъ» — великое произведеніе. Оно является намъ самымъ полнымъ выраженіемъ эпохи, которая въ Европѣ не повторится,—той эпохи, когда общество дошло до отрицанія самого себя, когда всякій гражданинъ превратился въ человѣка, когда началась, наконецъ, борьба между старымъ и новымъ временемъ, и люди, кромѣ человѣческаго разума и природы, не признавали ничего непоколебимаго. Французы на дѣлѣ осуществили эту автономологію человѣческаго разума; нѣмцы — въ теоріи, въ философіи и поэзіи. Нѣмецъ, вообще, не столько гражданинъ, сколько человѣкъ; у него чисто-человѣческіе вопросы предшествуютъ вопросамъ общественнымъ; эпоха, о которой мы говорили выше, вполнѣ соотвѣтствовала коренному направленію германскаго народа, и вотъ явился поэтъ, котораго не даромъ упрекали въ совершенномъ отсутствіи всякихъ гражданскихъ убѣжденій и называли язычникомъ, — поэтъ, который только потому былъ нѣмецъ, что одному нѣмцу дано быть просто человѣкомъ, и который изъ глубины своей всеобъемлющей, но глубоко-эгоистической натуры извлекъ «Фауста».

Мы назвали «Фауста» эгоистическимъ произведеніемъ... но могло ли быть оно иначе? Гёте, этотъ защитникъ всего человѣческаго, земного, этотъ врагъ всего ложно-идеальнаго и сверхъестественнаго, первый заступился за права—не человѣка вообще, нѣтъ—за права отдѣльнаго, страстнаго, ограниченнаго человѣка; онъ показалъ, что въ немъ таится несокрушимая сила, что онъ можетъ жить безъ всякой внѣшней опоры, и что при всей неразрѣшимости собственныхъ сомнѣній, при всей бѣдности вѣрованій и убѣжденій человѣкъ имѣетъ право и возможность быть счастливымъ и не стыдиться своего сча-

стія. Фаустъ не погибъ же. Мы знаемъ, что человѣческое развитіе не можетъ остановиться на подобномъ результатѣ; мы знаемъ, что краеугольный камень человѣка не есть онъ самъ, какъ недѣлимая единица, но человѣчество, общество, имѣющее свои вѣчные, незыблемые законы. Первая протестація человѣка противъ сверхъестественности въ художествѣ должна была носить рѣзкій отпечатокъ исключительности и эгоизма односторонняго. «Мы не имѣли,—говоритъ Гёте въ своихъ запискахъ,—ни желанія, ни стремленія заниматься предметами богословія или философіи»...

Но люди требуютъ высказаннаго примиренія; первая часть «Фауста» не представляла намъ ничего подобнаго. Да и какимъ образомъ можетъ человѣкъ, не выходя изъ сферы лично-человѣческаго, дойти до полнаго округленія своего существованія? Этотъ вопросъ мы и теперь разрѣшить не въ силахъ: что же тогда? Но Гёте жилъ, и жилъ долго; послѣ первыхъ восьми лѣтъ буйной веймарской жизни наступила для него эпоха «успокоенія» и «пластичности»... «Фаустъ»—это страстное, неокругленное произведеніе его первой молодости—не давало ему покоя; онъ принялся оканчивать свою трагедію, онъ задумалъ вторую часть. Поэтическая способность воспріимчивости и возсозданія, которая всегда была такъ сильно развита въ душѣ Гёте, наконецъ стала ему дороже самаго содержанія, самой жизни; онъ вообразилъ себѣ, что стоитъ на высотѣ созерцанія, между тѣмъ какъ смотрѣлъ на все земное съ высоты своего холоднаго, устарѣлаго эгоизма. Онъ гордился тѣмъ, что всѣ великіе общественные перевороты, которые совершались вокругъ него, не возмутили ни на мгновеніе его душевной тишины; онъ, какъ утесъ, не давалъ уносить себя волнамъ—и остался назади своего вѣка, хотя его наблюдательный умъ старался оцѣнить и понять всѣ замѣчательныя современныя явленія,—но вѣдь однимъ умомъ не поймешь ничего живого. Онъ былъ правъ передъ самимъ собою, онъ не измѣнилъ себѣ, и сограждане его, нѣмцы—даже молодые, любовались имъ и толпились вокругъ него, подобострастно повторяя его вычурно-старческія изреченія. Вся жизнь человѣческая являлась ему аллегоріей, и вотъ онъ написалъ свою великую (правильнѣе—длинную) аллегорію: вторую часть «Фауста». Судъ надъ этой второй частью теперь произнесенъ окончательно; всѣ эти символы, эти типы, эти обдуманныя группировки, эти загадочныя рѣчи, путешествіе Фауста въ древній міръ, хитро-сплетенная связь всѣхъ этихъ аллегорическихъ лицъ и происшествій, жалкое и бѣдное разрѣшеніе трагедіи, о которомъ такъ много хлопотали,—вся эта вторая часть возбуждаетъ участіе въ однихъ старцахъ (молодыхъ или старыхъ годами) пынѣшняго поколѣнія. Но люди, повидимому, не могутъ жить безъ «примиренія жи-

зненныхъ противорѣчій», и ихъ требованія дѣйствительно были бы достойны уваженія, если бъ они не «примирились» пока... на пустякахъ. Въ этой способности удовлетворяться неудовлетворительнымъ — скрывается тайна успѣха (хотя преходящаго) второй части «Фауста». Какой добросовѣстный читатель повѣритъ, что Фаустъ оттого, что его утилитарныя затѣи удаются, дѣйствительно наслаждается «мгновеніемъ высшаго блаженства» и, въ силу условія, заключеннаго съ чортомъ, принужденъ разстаться съ жизнью? Гёте въ одномъ только отношеніи остался вѣренъ своей натурѣ: онъ не заставилъ Фауста искать блаженства внѣ человѣческой сферы... но какъ бѣдно и пошло придуманное имъ «примиреніе»! Мы, съ своей стороны, недовольны «разрѣшеніемъ трагедіи» потому, что всякое разрѣшеніе «Фауста» ложно; потому, что не романтизму, только что вышедшему изъ нѣдръ стараго общества, дано знать то, чего еще мы сами не знаемъ; потому, что всякое «примиреніе» Фауста внѣ сферы человѣческой дѣйствительности — неестественно, а о другомъ примиреніи мы пока можемъ только мечтать... Намъ скажутъ: такое заключеніе безотрадно; но, во-первыхъ, мы хлопочемъ не о пріятности, а объ истинѣ нашихъ воззрѣній; во-вторыхъ, тѣ, которые толкуютъ о томъ, что неразрѣшенныя сомнѣнія оставляютъ за собою страшную пустоту въ человѣческой душѣ, никогда искренно и страстно не предавались тайной борьбѣ съ самими собою; они бы знали, что на развалинахъ системъ и теорій остается одно неразрушимое, непстребимое — наше человѣческое *я*, которое уже потому безсмертно, что даже оно само не можетъ истребить себя... Такъ пусть же «Фаустъ» остается недоконченнымъ, фрагментарнымъ, какъ и то время, которому онъ служилъ выраженіемъ, — время, для котораго страданія и радости Фауста были высшими страданіями и радостями, а ироніа Мефистофеля — самой безжалостной ироніей! Въ недоконченности этой трагедіи заключается ея величіе. Въ жизни каждаго изъ насъ есть эпоха, когда «Фаустъ» намъ является самымъ замѣчательнымъ созданіемъ человѣческаго ума, когда онъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ требованіямъ; но приходитъ другая пора, когда, не переставая признавать «Фауста» величавымъ и прекраснымъ произведеніемъ, мы идемъ впередъ, за другими, можетъ-быть, меньшими талантами, но сильнѣйшими характерами, къ другой цѣли... Повторяемъ, какъ поэтъ, Гёте не имѣетъ себѣ равнаго; но намъ теперь нужны не одни поэты... мы (и то, къ сожалѣнію, еще не совсѣмъ) стали похожи на людей, которые, при видѣ прекрасной картины, изображающей нищаго, не могутъ любоваться «художественностью воспроизведенія», но печально тревожатся мыслью о возможности нищихъ въ наше время.

И. Тургеневъ.

Ген. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

EXEMPLAR